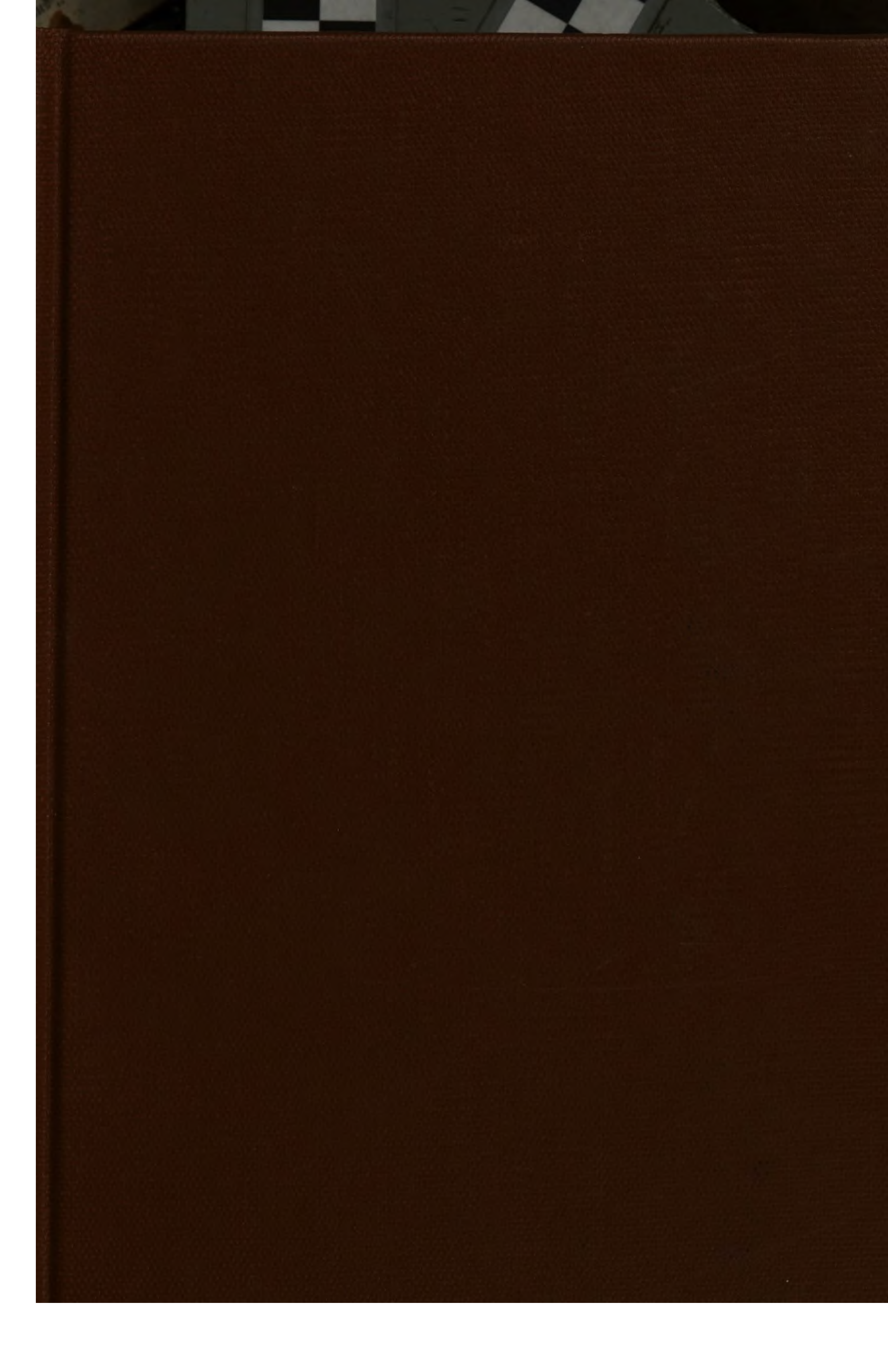

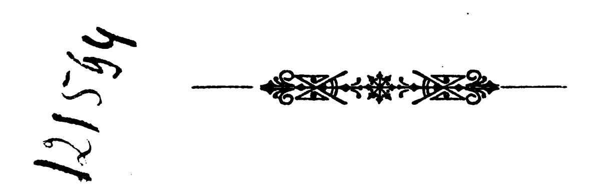
МАРТЪ. 1902.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

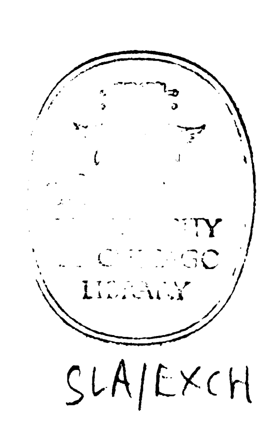
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го марта 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотъ).

1*

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

КАПИТАНЪ БАРБОСКИНЪ.

(Разсказъ).

IX.

Съ Барбоскинымъ совершилось что-то необычайное: нѣсколько дней онъ ходилъ жизнерадостный, смотрѣлъ весело, часто прищелкивалъ пальцами и загадочно улыбался, точно говорилъ: „мы кое-что знаемъ, только про себя"; но главное, что даже испугало Ефима, это воздержаніе Барбоскина отъ водки: ни одной рюмки во весь день! Видѣлъ Ефимъ, что ужасно тяжело капитану подниматься по утрамъ и откашливаться безъ водки, но капитанъ сурово отвергалъ всѣ предложенія опытнаго деньщика и, что всего удивительнѣе,— скоро и безъ водки приходилъ въ жизнерадостное настроеніе.

Къ Таргину на квартиру Барбоскинъ не ходилъ, а при встрѣчахъ съ нимъ на службѣ такъ весело и задорно подмигивалъ, какъ будто между ними была какая-то веселая, имъ однимъ извѣстная тайна, при одномъ воспоминаніи о которой у обоихъ должно сдѣлаться радостно на душѣ.

Барбоскинъ считалъ, вычислялъ, справлялся въ почтовой конторѣ и пришелъ къ заключенію, что отвѣта онъ ждать можетъ не раньше, какъ черезъ 26—28 дней. Срокъ великъ, но подъемъ духа у Барбоскина былъ тоже не маленькій: съ вѣрою въ себя, съ надеждой на будущее ждалъ онъ отвѣта, мечтая, какъ пойдетъ къ Карандашику, разскажетъ ему коечто (что собственно онъ разскажетъ, Барбоскинъ подробно еще не обдумалъ, но вѣдь 28 дней такой большой срокъ, что онъ обмозгуетъ это дѣло прекрасно), какъ они вмѣстѣ съ Карандашикомъ обсудятъ это дѣло (какое дѣло — Барбоскинъ тоже сознавалъ не совсѣмъ ясно, но зналъ, что Карандашикъ обязательно долженъ принять въ немъ дѣятельное участіе). Будущее казалось Барбоскину въ самомъ розовомъ свѣтѣ: рѣшимость подвигала его на дѣятельность. Онъ даже формулировалъ разъ, какъ-то совершенно случайно, лежа

на берегу пруда въ халатѣ, направленіе своей будущей дѣятельности: „Нѣтъ, довольно, надо, наконецъ, сдѣлаться какъ есть человѣкомъ“. Вся суть дѣла только за отвѣтомъ: отвѣтъ придетъ, и Барбоскинъ начнетъ дѣлаться „какъ есть человѣкомъ“... Только ужасно долго ждать, пока почта „обернется“.

Одинъ случай ненадолго омрачилъ розовое настроеніе Барбоскина. Однажды, возвращаясь изъ казармы, уже наканунѣ перехода въ лагери, Барбоскинъ встрѣтилъ недалеко отъ своей квартиры какого то „вольнаго“. Этотъ „вольный“, одѣтый въ довольно затасканную свѣтлую пару, отвѣсилъ Барбоскину почтительный поклонъ и пожелалъ капитану здоровья. Барбоскинъ отвѣтилъ военнымъ поклономъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на „вольнаго“, который зашагалъ съ нимъ рядомъ.

— Ну что, какъ идутъ наши картишки, капитанъ?—спросилъ этотъ незнакомецъ.

Барбоскину сдѣлалось какъ-то непріятно; даже во рту появилась горечь.

— Я пересталъ играть,—отвѣтилъ онъ.

„Вольный“ засмѣялся довольно непріятнымъ смѣхомъ и привелъ нецензурное присловье относительно попадьи, давшей обѣтъ добродѣтели. Барбоскина,—до сихъ поръ совершенно терпимо относившагося къ этого рода остроумію, къ нецензурнымъ солдатскимъ пѣснямъ и т. п., а порой даже „посыпавшаго крѣпкой солью“ свои выговоры и наставленія нижнимъ чинамъ,—теперь выраженіе „вольнаго“ больно кольнуло. Горечь во рту точно усилилась и легкій ознобъ охватилъ его.

— Да вамъ что надо, кто вы?—спросилъ онъ непривѣтливо.

— Хе-хе,—ухмыльнулся „вольный“:—не хорошо, капитанъ, забывать друзей, которые выручаютъ васъ въ тяжелую минуту... Такъ вы не помните, кто вамъ далъ сто рублей, когда вы зарвались у Гуль-Гуль?..

— Вы мнѣ сто рублей дали? — спросилъ тоскливо Барбоскинъ.

— Въ точку попали, капатанъ! Ни больше, ни меньше! Ровно сто, которые вы тутъ же и проиграли... Вижу, вижу... мнѣ подождать придется... ничего, сами бывали въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Для друга можно!.. Но можно и сыграться... Въ лагеряхъ скучно, тамъ и сыграемся.

На лицѣ Барбоскина проступило душевное страданіе.

— Скисли, капитанъ, — расхохотался „вольный“.—Ну, не надо, не надо. Только ужъ векселечекъ съ васъ надо, тамгу вашу приложите, въ обезпеченіе, такъ сказать, моихъ наслѣдниковъ. Знаете,—однимъ почеркомъ пера, и все готово...

Зайдемъ къ вамъ—чернила у васъ найдутся... Хотя, по чести говоря, не люблю я этихъ рукописаній... Чортъ съ ними... Лучше перекинулись-бы, авось вамъ и повезетъ...

— Да, да... сто рублей...—лепеталъ Барбоскинъ,—очень хорошо... Но потомъ... я еще не получилъ... Скоро раціоны...

— Не безызвѣстны на сей счетъ,—весело забасилъ „вольный",—скоро и жалованье, и раціоны; знаемъ, знаемъ... Тогда значитъ и „любишь не любишь"... А? Приходить, что-ли, сыграться?..

— Да, да, тогда и сыграемся,—отвѣчалъ Барбоскинъ и, весь въ холодномъ поту, блѣдный, влетѣлъ въ свою калитку.

— Ефимъ, водки!.. Нѣтъ, воды,—поправился онъ и, не раздѣваясь, въ кителѣ и шашкѣ, бросился на тахту...

Только къ вечеру онъ немного успокоился; ему показалось, что его сегодняшняя встрѣча только сонъ, какой-то кошмаръ, расплата за старые грѣхи, и что теперь, когда начинается „совсѣмъ не то", ничего подобнаго быть уже больше не можетъ и что онъ, Барбоскинъ, можетъ опять успокоиться и ждать „отвѣта".

Перешли въ лагери. „Батя" объявилъ, что со стрѣльбой надо торопиться, такъ какъ ѣдущій „по Высочайшему" будетъ инспектировать стрѣльбу. Будетъ это очень скоро, въ іюлѣ, а поэтому—господамъ ротнымъ на „подготовительной не засиживаться", чтобъ „отсталыхъ" не было, „учебную" стрѣльбу пройти съ повторительными, особенно въ головки и „скелеты", а „боевую" произвести уже при самомъ инспектирующемъ. Ротные разрывались. Субалтерны старались превзойти другъ друга рвеніемъ, стараніемъ, умѣніемъ и „процентами". „Процентная конкурренція" возникла даже во взводахъ, и „взводные ундеры" держали „братцамъ" и „ребятамъ" выразительныя рѣчи: „Ну, ребята, коли ежели что, такъ вы того, чтобъ, значитъ, не опрохвоститься"...

У Барбоскина только душа радовалась, когда онъ приходилъ на стрѣльбу. Она у него всегда и раньше шла очень высоко, но теперь онъ ни минуты не сомнѣвался, что „будетъ внѣ разряда" по всѣмъ стрѣльбамъ. Двое слѣпыхъ какихъ то были сданы въ деньщики, со всѣми плохими стрѣлками занимался, по собственному вызову, Таргинъ, оказавшійся самъ отличнымъ стрѣлкомъ. Онъ даже увѣрялъ Барбоскина, что плохіе стрѣлки бываютъ только потому, что ихъ не умѣютъ учить. И дѣйствительно: на глазахъ у Барбоскина—Таргинъ обращалъ „пакостниковъ" въ очень порядочныхъ стрѣлковъ; „удильщиковъ", „клевальщиковъ" и подобныхъ „подлецовъ" въ ротѣ почти не осталось и рота шла во главѣ баталіона, гордясь своей стрѣльбой, вѣря въ свое превос-

ходство и похваляясь, что она и всему „баталіону процентъ набьетъ“.

Даже неисправимый „клевальщикъ“ Панчуговъ и тотъ только самоувѣренно улыбался, когда ротный, передъ выходомъ его на линію огня, говорилъ: „клюнь“ ты у меня, подлецъ, только „клюнь“... Теперь Панчуговъ встрѣчалъ это „подбадриваніе“, не мрачно смотря въ землю, какъ раньше, а наоборотъ: весело ѣлъ капитана глазами, зная, что онъ „доведетъ“ и „пахнетъ плавно“, а глазъ если и закроетъ, то только на „одну моменту“, когда его прикладъ здорово двинетъ въ плечо при отдачѣ. Когда, оканчивая „подготовительную“, съ ея проклятыми „условіями“, Барбоскинъ переходилъ къ „учебной“, то, по обыкновенію, держалъ ротѣ маленькую рѣчь, въ отвѣтъ на которую раздавалось, между „рады стараться“, „постараемся“, такое ржанье и гоготанье, что Барбоскинъ совсѣмъ взыгралъ душою, чувствуя, что въ „ротѣ есть духъ“, значеніе котораго онъ понялъ на полѣ битвы, а не то что на смотровомъ плацу.

X.

Работа по стрѣльбѣ, отчетностямъ всякаго рода, глазомѣру, „сколачиванію роты“ и т. д. кипѣла, и дни летѣли одни за другими. Прошло уже и 28 дней, а „отвѣтъ“ не приходилъ. Барбоскинъ начиналъ волноваться и поеживаться; конечно, „была распутица, и почтовыя лошади еще не поправились послѣ зимней безкормицы“... Да и почта въ Россію ходитъ неисправно, письмо могло пропасть, но вѣдь ему, Барбоскину, отъ этого не легче, онъ долженъ знать—дошло ли его письмо или нѣтъ? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы, получивъ его письмо, ему не отвѣтили...

Прошло еще около недѣли и Барбоскинъ рѣшилъ, что письмо его пропало. Наводить по квитанціи справки онъ считалъ дѣломъ слишкомъ продолжительнымъ и потому отправилъ Райкѣ телеграмму съ оплоченнымъ отвѣтомъ: „получено ли мое письмо“... Прошло еще дня три-четыре, въ отвѣтъ получилась телеграмма: „Ваше письмо получено; посылаю теперь отвѣтъ. Райковичъ“. Барбоскинъ опять успокоился и рѣшилъ ждать еще двѣ недѣли, посвящая время усиленной службѣ.

До смотра оставалось уже меньше недѣли, и Барбоскинъ заранѣе радовался своимъ лаврамъ, когда, вернувшись разъ съ повторительной стрѣльбы „въ головки“, которая не оставляла сомнѣнія въ томъ, что трудности побѣждены, капитанъ

увидѣлъ на складномъ столикѣ своей палатки письмо и мигомъ его раскрылъ. Письмо гласило:

„Милостивый Государь, получивъ Ваше письмо, жена моя и я первоначально рѣшили не придавать ему, какъ очевидно написанному при не подходящихъ для корреспондированія условіяхъ, никакого значенія. Но Ваша настойчивость, выразившаяся въ посылкѣ телеграммы, заставляетъ меня, какъ бывшаго Вашего товарища, ничего, кромѣ хорошаго, Вамъ не желающаго, просить о прекращеніи этой переписки, которая не можетъ не повести къ недоразумѣніямъ, разборъ которыхъ Вашимъ начальствомъ не доставилъ бы удовольствія ни ему, ни Вамъ. Остаюсь въ ожиданіи исполненія этой моей покорнѣйшей просьбы. Вашъ бывшій сослуживецъ, Райко Райковичъ“.

Барбоскинъ, дочитавъ письмо до послѣдней буквы, машинально снялъ шашку и китель и, не говоря ни слова, медленно, какъ всегда, улегся на доски, замѣнявшія въ палаткѣ тахту. Его загорѣлое, мѣдно-красное лицо какъ бы посѣрѣло, а глаза задумчиво смотрѣли впередъ, не видя ни Ефима, подавшаго барину для освѣженія квасу, ни явившагося въ палатку фельдфебеля, съ отодраннымъ отъ какой-то большой книги переплетомъ въ лѣвой рукѣ, въ которомъ помѣщались различныя бумаги.

— Ваше в—іе, свѣдѣніе,—проговорилъ фельдфебель и вытащилъ изъ корокъ восьмушку бумаги съ обозначеніемъ результатовъ сегодняшней стрѣльбы; Ефимъ стоялъ наготовѣ съ перомъ и чернильницей. Барбоскинъ молчалъ.

— Ваше в—іе, свѣдѣніе,— повторилъ фельдфебель.

Барбоскинъ не пошевелился, только сталъ смотрѣть на фельдфебеля упорнымъ взглядомъ. Тотъ сконфузился и началъ мяться. Потъ уже струился по его бурому отъ солнца лицу и падалъ на „свѣдѣніе“, дрожавшее въ короткихъ, плохо сгибавшихся пальцахъ протянутой правой руки.

— Пожалуйте, ваше в—іе,—закричалъ Ефимъ и сунулъ въ руку Барбоскина обмокнутое перо.

— Ты что?—приподнялся Барбоскинъ.

— Свѣдѣніе, ваше в—іе,—обрадовался фельдфебель и, положивъ „свѣдѣніе“ на корку, поднесъ Барбоскину.

Тотъ сталъ ужасно долго раздумывать надъ листкомъ, такъ что даже Ефимъ своимъ корявымъ пальцемъ осмѣлился указать капитану то мѣсто, гдѣ надо подписать. Барбоскинъ медленно началъ выводить букву за буквой. Фельдфебель томился.

— Такъ что, ваше в—іе,—началъ онъ,—какъ прикажете на счетъ листковъ выстрѣловъ: здѣсь оставить или въ ротную канцелярію?

Барбоскинъ уставился на фельдфебеля, не докончивъ подписи.

— Такъ что, ваше в-іе, теперь, значитъ, курсъ конченъ; на повторительныя ходимъ, такъ, значитъ, ихъ бл-діе поручикъ Таргинъ закончилъ отчетность по стрѣльбѣ, окромя журнала: вашему в-ію подписать, значитъ, журналъ требуется, а листки и прочее съ глазомѣрной тоже закончены и здѣся (фельдфебель пальцами указалъ на корки), такъ какъ, значитъ, съ ими прикажете?

Барбоскинъ упорно молчалъ. Съ фельдфебеля закапало еще больше.

— Отъ ихъ бл-ія подпоручика Таргина, значитъ... сейчасъ получилъ,—уже какъ то жалобно продолжалъ фельдфебель.

— Къ Таргину, къ Таргину! — вдругъ проговорилъ Барбоскинъ, махнувъ рукой, и съ такимъ рѣшительнымъ видомъ повалился на свои доски, что Ефимъ на цыпочкахъ вышелъ изъ палатки, уводя съ собой фельдфебеля. Послѣдній, пожавъ плечами въ знакъ недоумѣнія, пошелъ къ Таргину, а Ефимъ на самомъ солнопекѣ усѣлся на корточкахъ у выхода и сталъ терпѣливо ждать, не понадобится ли онъ барину при такихъ экстренныхъ обстоятельствахъ...

Долго сидѣлъ Ефимъ у палатки, придумывая средства для поправленія „сказывшагося“ ротнаго, но ничего не могъ придумать лучше, какъ отправиться въ деньщицкую палатку, взять тамъ свою собственную бутылку скверной водки (хорошую баринову водку онъ уже давно извелъ) и явиться къ барину.

— Вотъ ваше в—іе, пожалуйте, — и Ефимъ преподнесъ огромную рюмку.

Но къ ужасу Ефима, капитанъ даже не пошевельнулся, посмотрѣлъ только на Ефима и опять отвелъ глаза. Ефимъ былъ такъ огорченъ, что даже не выпилъ налитой рюмки: сливъ ее обратно въ бутылку, онъ опять усѣлся на корточкахъ на прежней позиціи и опять сталъ ждать. Онъ началъ уже доходить до мысли объ „фершалѣ“ или даже баталіонномъ врачѣ, какъ вдругъ у палатки Барбоскина показался Таргинъ. Ефимъ обрадовался:

— Ваше благородіе,—обратился онъ къ Таргину,—ротный нашъ не ладенъ.

— Какъ не ладенъ?—спросилъ Таргинъ.

— Такъ точно, ваше бл-іе,—не ладенъ: сказывшись они.

— Какъ это, сказывшись?—не понималъ Таргинъ.

— Такъ точно, ваше благородіе,—сказывшись; со стрѣльбы такимъ пришли.

Таргинъ вошелъ къ Барбоскину.

— Капитанъ, вставайте; ѣдемъ въ городъ жалованье получать.

Барбоскинъ вскочилъ:

— Карандашикъ! Какъ я радъ... Ужасное несчастіе, Карандашикъ!

— Что, несчастіе, какое?..—Но капитанъ уже опять усѣлся на кровать.

— Нѣтъ,—спокойно сказалъ онъ,—не несчастіе, а я ошибся; просто вышло какъ слѣдуетъ, по надлежащему, по уставу... Да вышло-то по уставу тамъ, гдѣ я ждалъ чуда... Вотъ и все. Сначала меня поразило, понимаете-ли, что верблюдъ не скачетъ такъ, какъ кровная лошадь, но... я былъ глупъ; теперь я умнѣе, Карандашикъ... Теперь я не стану требовать или желать, чтобы верблюдъ скакалъ, какъ кровные кони, и... и Барбоскины жили какъ люди... не буду...

— Да, что съ вами, капитанъ; о чемъ вы толкуете?

— Ничего, Карандашикъ. Все теперь обстоитъ благополучно... Плюнь на все и береги свое здоровье,—неожиданно заключилъ Барбоскинъ неизвѣстно откуда взятой цитатой. Таргинъ молчалъ въ изумленіи.

— Вы со мной въ городъ хотѣли ѣхать, такъ ѣдемъ! Сѣдлай, Ефимъ,—приказалъ Барбоскинъ и пригласилъ Таргина сѣсть на единственную въ палаткѣ табуретку.

Скоро поданныя лошади вывели обоихъ изъ неловкаго положенія, и ротный со своимъ субалтерномъ поѣхали изъ лагеря въ городъ.

XI.

Барбоскину приходилось получить не только свое содержаніе, но и массу солдатскихъ денежныхъ писемъ. Письма онъ тутъ же въ канцеляріи съ улыбкой передалъ Таргину, а свои собственныя деньги засунулъ въ карманы своихъ затасканныхъ „чембаръ“. Выйдя изъ канцеляріи, оба вошли посидѣть въ зимнюю „читалку“, выпили чаю и собрались ѣхать обратно въ лагери, не заглянувъ даже въ тѣ сакли, гдѣ стояло ихъ имущество и гдѣ были ихъ зимнія квартиры: все равно смотрѣть было нечего. Они молча поѣхали обратно. Вдругъ Барбоскинъ какъ-то непривычно рѣзко обернулся къ Таргину:

— Ну, что, все Маргариту читаете?.. то есть, Фауста тамъ этого, что ли... Вѣдь не въ немъ дѣло, а въ Гретхенъ этой самой.

Таргинъ вопросительно посмотрѣлъ на Барбоскина. Тотъ былъ непривычно взволнованъ.

— Ну да, великолѣпная дѣвушка: эта вѣчная женствен-

ность, чистота, умѣнье окрасить для мужчины все существованіе въ прекрасный, розовый свѣтъ... такъ, что ли?

— Такъ,—улыбнулся Таргинъ.

Этотъ отвѣтъ точно взбѣсилъ Барбоскина.

— Та-а-къ, ну, конечно, такъ... А всетаки Гуль-Гуль лучше. Ваша Маргарита одному Фаусту жизнь скрасила, а моя Гуль-Гуль... кому угодно готова скрасить... Хотите?.. Ѣдемъ сейчасъ къ Гуль-Гуль!.. Что? Не нравится! А я вамъ говорю, что она ничѣмъ не хуже вашей небесной Гретхенъ... Нѣтъ-съ, она лучше... А я, болванъ, даже подарка ей не везу.. Ну завернемъ къ Лахматову, купимъ всякой хурды-мурды, и маршъ къ Гу́люшкѣ!

— Да, что вы, въ самомъ дѣлѣ, опомнитесь!—протестовалъ Таргинъ, видя, что Барбоскинъ уже повернулъ къ магазину и слѣзъ съ лошади. Но тотъ былъ непреклоненъ.

— Вы, Карандашикъ, молоды и не понимаете, что сволочь всегда сволочь, одѣнете ли вы ее въ шелковую юбку съ разными финтифлю, или въ рваный паранджи... А не понимаете, такъ и не надо... не ѣздите, я одинъ поѣду...—Барбоскинъ говорилъ такъ громко, что не только сарты, но и рѣдкіе прохожіе изъ русскихъ пріостанавливались, и Таргинъ чувствовалъ необходимость принять какія-нибудь мѣры къ успокоенію Барбоскина, пожалуй, даже ѣхать съ нимъ... Но тутъ случилось опять неожиданное обстоятельство: откуда-то вынырнулъ „вольный“, бывшій партнеръ капитана и, протянувъ Барбоскину руку, поздравилъ его съ полученіемъ. Барбоскинъ, пожавъ руку „вольному“, сначала не могъ и его вспомнить—кто это такой, но, вспомнивъ, точно обрадовался, приподнятое состояніе духа сдѣлалось еще возбужденнѣе. Онъ точно опьянѣлъ.

— А, это ты, каскыръ-адамъ *)—ласково обратился онъ къ незнакомцу и быстро заговорилъ, держа одной рукой вольнаго за руку, а другой похлопывая его по плечу:

— „Пенензовъ“ захотѣлъ, каскыръ-адамъ; ну, пойдемъ, дамъ тебѣ „пенензовъ“: идемъ къ Гуль-Гуль, я тебѣ тамъ насыплю,—болталъ Барбоскинъ, не обращая вниманія на протестъ „партнера“ противъ прозвища „каскыръ-адама“.

— Цыцъ, прохвостъ,—вдругъ крикинулъ на него Барбоскинъ, и Таргину стало ясно, что его вмѣшательство ни къ чему не поведетъ.

— Пойдемъ,—рѣзко приказалъ Барбоскинъ, сверкая глазами, съ выраженіемъ дикаго бѣшенства на лицѣ, гдѣ еще

*) «Каскыръ-адамъ» въ буквальномъ переводѣ волкъ-человѣкъ; такъ туземцы называютъ придорожныхъ грабителей.

застыла та полуискривленная улыбка, съ которой онъ похлопывалъ „каскыръ-адама" по плечу.

Составилась процессія: впереди шелъ Барбоскинъ, ведя въ поводу лошадь, за нимъ, съ выраженіемъ, дѣйствительно напоминающимъ волка, шелъ каскыръ-адамъ, а издали, точно шакалъ, почуявшій трупный запахъ, мрачно, размѣренными шагами, двигался извѣстный господинъ въ халатѣ. Остановившаяся публика глазѣла. До дома Гуль-Гуль было шаговъ сто. У самой калитки Барбоскинъ остановился и, выхвативъ изъ кармана „чембаръ" деньги, протянулъ ихъ партнеру, кивнувъ головой на магазинъ: „Поди, пива, картъ, закуски, всякой хурды-мурды... живо"! и вошелъ въ калитку...

Таргинъ рѣшилъ въ лагерь не ѣхать, а ждать у себя на квартирѣ и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Много разъ подходилъ Таргинъ къ калиткѣ Гуль-Гуль, но доносившіеся со двора восклицанія, запахъ плова и сала, дымъ костровъ, давали ему знать, что оргія разгорѣлась. Около полуночи только голоса сдѣлались лѣнивѣе и пьянѣе, крики не такъ громки, и Таргинъ рѣшился войдти. Одѣвшись по дорожному и навѣсивъ сумку съ письмами и съ полученными сегодня деньгами роты черезъ плечо, съ видомъ сейчасъ уѣзжающаго человѣка, шагнулъ онъ черезъ калитку.

Подъ деревьями, на дворѣ, при свѣтѣ фонарей и костровъ, сидѣла Гуль-Гуль и лѣниво ѣла „досторханъ", выплевывая косточки плодовъ черезъ лежавшую у нея на колѣняхъ голову Барбоскина. Каскыръ-адамъ, господинъ въ халатѣ и еще какая-то неизвѣстная личность сидѣли по восточному на коврѣ, засыпанномъ рисомъ изъ плова, косточкамн изъ плодовъ, костями баранины, картами, залитыми пивомъ и водкой. Господинъ въ халатѣ и неизвѣстный были совсѣмъ пьяны; каскыръ трезвъ. При входѣ Таргина Барбоскинъ поднялъ свое налитое кровью, пьяное лицо.

— А, Карандашикъ, вы зачѣмъ? что вамъ здѣсь надо? вы думаете, что я или „каскыръ-адамъ", или эти прохвосты (капитанъ ткнулъ на г-на въ халатѣ и неизвѣстнаго) вамъ компанію могутъ составить... Молчать!..—крикнулъ онъ на г-на въ халатѣ, выразившаго неудовольствіе на полученный эпитетъ,—или... вы пришли къ Гуль-Гуль?—даже какъ-то злобно продолжалъ Барбоскинъ.—Ну, что-жъ, она лучше вашей Гретхенъ... дай морду, Гуль-Гуль, я тебя поцѣлую... Нѣтъ, Карандашикъ, Гуль-Гуль тоже сволочь, какъ и Гретхенъ,—сказалъ Барбоскинъ, не обращая вниманія на визгливые протесты Гуль-Гуль...

— Капитанъ,—началъ Таргинъ,—завтра стрѣльба: этакъ вѣдь мы опоздаемъ!.. Вѣдь смотръ на носу... работы много... Поѣдемте, я уже совсѣмъ готовъ.

— Да-съ, вижу, готовы... Хоть сейчасъ въ походъ... даже съ сумочкой... что это вы туда положили?..

— Деньги,—сухо отвѣтилъ Таргинъ.

— Деньги? хорошо... это „на усиленное", чайныя, письма, артельныя,—пересчитывалъ Барбоскинъ.

— Казенныя,—рѣзко отвѣтилъ Таргинъ.

— Ну, хорошо, а я вотъ этому „каскыру" опять 100 рублей задолжалъ...

— 125,—торопливо поправилъ каскыръ,—ей богу, 125; вотъ онъ видѣлъ—на девятку... ей богу, на девятку... ты видѣлъ?— обратился „каскыръ" къ господину въ халатѣ.

— Ну, конечно, на девятку; еще бы не видѣть,—подтвердилъ тотъ, икая.

— Ишь, „каскыръ", еще 25 захотѣлъ... ну, прибавлю... прибавлю... молчи, — погрозилъ ему пальцемъ Барбоскинъ, видя, что тотъ, прижавъ руки къ сердцу, хотѣлъ продолжать свои увѣренія.—Дайте мнѣ эти деньги, Карандашикъ, я заплачу этому прохвосту.

— Капитанъ, у меня вашихъ денегъ нѣтъ; я вамъ съ удовольствіемъ ссужу изъ своихъ, какъ только вы зайдете ко мнѣ на квартиру, или доѣдемъ до лагеря.

— А эти?—указалъ Барбоскинъ на сумку.

Таргинъ покраснѣлъ.

— Оставимъ это дѣло,—невнятно проговорилъ онъ:—я не дамъ этихъ денегъ.

Барбоскинъ вскочилъ на ноги, какъ ужаленный; его багровое лицо сдѣлалось зеленовато-блѣднымъ, а глаза загорѣлись и зло сверкнули изъ-подъ сморщеннаго лба.

— Я вамъ приказываю дать мнѣ эти деньги, и вы мнѣ дадите ихъ для этихъ прохвостовъ, — скорѣе прошепталъ, чѣмъ сказалъ, Барбоскинъ, глядя въ упоръ на Таргина.

Тотъ въ свою очередь побѣлѣлъ, какъ мѣлъ, медленно полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда около 80 рублей своихъ, которые, какъ Барбоскинъ зналъ, онъ получилъ сегодня; открылъ сумку и, сорвавъ съ пачки кредитокъ оберточку съ надписью „артельныя", прибавилъ 45 рублей и протянулъ Барбоскину:

— Не эти,—прохрипѣлъ тотъ,—изъ сумки дайте.

— Вы не знаете, что требуете,—улыбнулся Таргинъ.— Завтра я дамъ вамъ полный отчетъ, — и Таргинъ направился къ калиткѣ.

— И изъ какого гнѣздышка сей птенецъ желторотый вывалился...—послышался было насмѣшливый голосъ „каскыра", но отвратительный звукъ удара по лицу, свалившаго его съ ногъ, прервалъ эту насмѣшку. Барбоскинъ смертельно блѣдный, хрипя и задыхаясь, стоялъ надъ поверженнымъ „каскы-

ромъ", держа пачку денегъ въ лѣвой рукѣ; правая рука, сжатая въ кулакъ, такъ и застыла въ воздухѣ... Таргинъ ускорилъ шагъ.

XII.

Тяжелый день выдался для Таргина: Барбоскинъ, конечно, на утреннюю стрѣльбу не пришелъ и ее велъ Таргинъ. Тяжелая, послѣ безсонницы, голова его плохо соображала и онъ съ трудомъ могъ сосредоточиться, тѣмъ болѣе, что его мучили мысли о вчерашнемъ происшествіи. Онъ рѣшился сдать всѣ денежныя дѣла роты сегодня же, но являлся вопросъ, кому ихъ сдать: говорить съ Барбоскинымъ ему было тяжело, а это являлось неизбѣжнымъ.

Послѣднія минуты стрѣльбы, когда поднявшееся солнце начало немилосердно жечь его больную голову и рѣзать сонные глаза, были просто нестерпимы.

Наконецъ, рота двинулась въ лагерь. По обыкновенію пѣсенники вышли впередъ и, не смотря на адскую жару, старались изо всѣхъ силъ. Таргинъ шелъ въ сторонѣ, погруженный въ свои мысли.

Вдругъ пѣсня оборвалась, и въ головѣ роты произошло какое то замѣшательство: „Фершала! санитарную арбу"!— раздались крики. Таргинъ поспѣшилъ къ головѣ колонны. Тамъ, на желтоватой, разстрескавшейся, сухой землѣ, лежалъ дюжій, широкоплечій взводный, Вавило Семенычъ Коврюгинъ. Онъ упалъ лицомъ внизъ, но солдаты успѣли перевернуть его на спину, и солнце немилосердно палило коротко остриженную, безъ шапки, голову, красное съ синею тѣнью лицо, блѣдныя, судорожно трепетавшія мелкой дрожью руки, на ладоняхъ которыхъ желтѣли и чернѣли мозоли, красные чембары и черные сапоги безсильно раскинувшагося богатыря, лучшаго стрѣлка роты.

— Что такое?—подбѣжалъ Таргинъ.

— Солнце... солнцемъ убило, ваше бл-діе, — послышались отвѣты, и четыре дюжихъ молодца съ трудомъ подняли своего взводнаго на подъѣхавшую крытую санитарную арбу, гдѣ фельдшеръ началъ подавать напрасную помощь пораженному солнечнымъ ударомъ.

Таргинъ отправилъ замолкнувшую роту съ подпрапорщикомъ, а самъ быстро зашагалъ за поѣхавшей къ лазарету арбой. Вдругъ, не много не доѣзжая до лазарета, арба остановилась. Изъ нея вылѣзъ фельдшеръ и бывшій тамъ еще до Коврюгина солдатикъ съ зеленымъ лицомъ.

— Ты что-же?—обратился Таргинъ къ фельдшеру.

— Такъ что излишне, ваше бл-діе,—отвѣчалъ тотъ съ

напускной развязностью, изъ которой Таргинъ заключилъ о смерти своего взводнаго.

— А ты зачѣмъ изъ арбы вылѣзъ? лѣзь туда, а то вонъ еле стоишь,—обратился Таргинъ къ зеленому солдатику, но не получилъ даже отвѣта: тотъ перебросилъ ружье изъ правой руки въ лѣвую, снялъ шапку, перекрестился, что-то пошепталъ, опять надѣлъ шапку, отрицательно кивнулъ головой Таргину и, взявъ ружье „вольно", слабыми шагами пошелъ за направившейся къ лазарету арбой.

Не смотря на усталость и чрезвычайно тяжелое состояніе духа, Таргинъ, послѣ стрѣльбы, долго возился съ книгами и тетрадями роты, подготовляя денежную сдачу.

Все еще было жарко. Откуда-то неслись тоскливые звуки похороннаго марша. Это молодой Балабашинъ, горнистъ роты, желая съ честью проводить своего взводнаго, покойнаго Коврюгина, и плохо еще зная печальный маршъ, изо всѣхъ силъ старался разучить его къ погребенью. Пользуясь свободнымъ временемъ, онъ старательно выводилъ тоскливые: „Ты куда, ты куда"?.

Таргинъ продолжалъ работать, и къ нему, съ душнымъ горячимъ вѣтромъ, доносилось тоскливое, сжимающее сердце: „ты куда"?

Наконецъ, работа была кончена, но Таргинъ, подведя итоги, не зналъ, что-же ему теперь дѣлать, такъ какъ Барбоскинъ все еще не пріѣхалъ изъ города. Наконецъ, онъ рѣшился: взявъ книги, сумку съ деньгами и счеты, пошелъ онъ въ палатку подпрапорщика и даже разбудилъ его.

— Иванъ Федоровичъ, примите отъ меня ротное хозяйство,— сказалъ онъ.

— По чьему приказанію?—недовольно спросилъ тотъ.

— Хотя приказанія еще не было, но, увѣряю васъ, оно непремѣнно будетъ. Теперь время спѣшное, смотровое, потомъ принимать будетъ некогда, а я уже и итоги подвелъ, и деньги всѣ приготовилъ до копѣечки. Хозяйничайте,— прибавилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,—да не давайте въ обиду нашего ротнаго.

Подпрапорщикъ неохотно сталъ принимать, но все было такъ ясно, что пріемка длилась всего минутъ десять, и въ заключеніе подпрапорщикъ получилъ полностью тѣ 162 рубля, которыя причитались въ наличность; Таргинъ и не заикнулся о томъ, что вчерашніе 125 рублей были имъ выданы изъ своихъ собственныхъ. Почти подъ самый конецъ пріемки въ палатку вбѣжалъ деньщикъ Таргина:

— Ваше бл-іе, ротный пріѣхалъ и къ имъ уже фельдфебель побѣжали докладать на счетъ Коврюгина.

Таргинъ началъ прогуливаться мимо палатки Барбоскина, ожидая выхода фельдфебеля. Наконецъ, тотъ вышелъ, и Таргинъ вошелъ. Сидѣвшій на кровати Барбоскинъ, при видѣ его, вскочилъ, точно отъ электрической искры. Въ его поблѣднѣвшемъ измятомъ лицѣ, въ его мутныхъ глазахъ, во всей его фигурѣ съ дрожащими, поднятыми къ разстегнутому воротнику рубашки руками, выразился страхъ и мольба, и надежда, и какое-то безнадежное отчаяніе.

— Карандашикъ,—сказалъ онъ и не смѣло, точно защищаясь, протянулъ къ Таргину дрожащія руки.

— Г-нъ капитанъ, я подпоручикъ Таргинъ, а не Карандашикъ.

Лицо Барбоскина какъ-то перекосилось и его козлиная бородка задрожала; точно отъ сильнаго толчка стремительно сѣлъ онъ на свои доски, и не то вой, не то какой-то дикій стонъ вырвался изъ его груди. Онъ закрылъ лицо руками.

Таргинъ тоже опрометью ринулся къ себѣ и бросился ничкомъ на свою походную кровать.

Барбоскинъ долго, закрывъ лицо руками, сидѣлъ въ той же позѣ на своихъ доскахъ, и слезы, просачиваясь черезъ грязные пальцы, текли по загорѣлымъ волосатымъ рукамъ. Ефимъ заглянулъ въ палатку.

— По Коврюгину убивается ротный,—рѣшилъ онъ и вернулся въ деньщицкую.

Едва успѣлъ Таргинъ нѣсколько подтянуть свои нервы, какъ наступило время вечернихъ занятій. Барбоскина на нихъ не было, и къ концу ихъ Таргинъ убѣдилъ подпрапорщика отправиться къ ротному и доложить о пріемкѣ „хозяйства", самъ же, подъ предлогомъ головной боли, уклонился отъ этого визита.

Подпрапорщикъ нашелъ Барбоскина прихорашивающимся: очевидно онъ куда-то собирался, судя по свѣжему бѣлью, кителю и шашкѣ. Извѣстіе о сдачѣ Барбоскинъ принялъ равнодушно.

— Приняли отъ Таргина? Ну, хорошо, послѣ смотра я самъ у васъ все приму, а тамъ недостающіе 125 рублей... Вы потерпите три-четыре дня.

— Да деньги сданы всѣ до копѣйки,—возразилъ подпрапорщикъ.

— Всѣ?—изумленно спросилъ Барбоскинъ.

— Какъ есть всѣ,—отвѣчалъ подпрапорщикъ.

— А, понимаю, понимаю,—закричалъ Барбоскинъ и, выбѣжавъ изъ палатки, къ большому изумленію подпрапорщика, направился къ бараку, гдѣ помѣщалась лѣтняя канцелярія

и гдѣ жилъ адъютантъ. Тотъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего рѣдкаго гостя.

— Ты что?—спросилъ онъ.

— А, вотъ что,—отвѣчалъ Барбоскинъ:—строчи сейчасъ приказъ: Карандашикъ... виноватъ, Таргинъ переводится въ другую роту.

Адъютантъ только улыбнулся.

— Вѣрно, вчера здорово того, — наконецъ, сказалъ онъ, щелкнувъ себя по воротнику кителя.—Сегодня уже младшій штабъ-офицеръ докладывалъ, что ты и стрѣльбу-то утромъ... сбрилъ.

— Я тебѣ говорю: объ Таргинѣ пиши.

— Да ты, въ самомъ дѣлѣ, никакъ ошалѣлъ: какой приказъ о переводѣ наканунѣ смотра, да и чего вы тамъ съ Карандашикомъ не подѣлили? Вѣдь другой ротный за нимъ, какъ за каменной стѣной, а ты чушка неблагодарный...

— Вѣрно, вѣрно, именно и прошу потому, что чушка... и... намъ вмѣстѣ нельзя...

— Не горяче ву па,—разсмѣялся адъютантъ,—вотъ послѣ смотра отдадимъ въ приказѣ: Барбоскинъ де чушка, а потому изъ роты у него Карандашика взять, а въ субалтерны назначить ему изъ 4-ой роты Камчадала,—а теперь, душечка Барбоскинъ, даже докладывать нельзя такихъ глупостей. Да ты вотъ что: выпей побольше сельтерской, такъ самъ Таргина въ свою роту попросишь.

— Я не пью сельтерской,—разсѣянно отвѣчалъ Барбоскинъ.

— А, понимаю: тебѣ водки? — съострилъ адъютантъ,— Скрябла, водки подай!

— Такъ ты не доложишь?—спросилъ Барбоскинъ.

— Вотъ чудакъ, конечно, не доложу.

— Ну, ладно, я самъ сейчасъ пойду.

— Да онъ спитъ сейчасъ,—возразилъ адъютантъ, — впрочемъ, пойди, пожалуй! Онъ тебѣ перца подсыпетъ.

Но Барбоскинъ не слушалъ. Придя въ командирскій баракъ, онъ потребовалъ отъ ординарца, чтобы тотъ немедленно разбудилъ полковника, что и было исполнено оторопѣвшимъ ефрейторомъ.

„Батя“ минутъ съ десять приводилъ себя въ порядокъ, раньше чѣмъ выдти на веранду къ Барбоскину; за то вышелъ чистенькимъ, въ свѣжемъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы кителѣ, съ Владиміромъ на шеѣ, но съ недовольнымъ видомъ не во время разбуженнаго человѣка.

— Полковникъ, я хотѣлъ васъ просить,—началъ Барбоскинъ...

— Здравствуйте, капитанъ,—перебилъ „Батя“ мягкимъ баскомъ, протягивая руку заторопившемуся Барбоскину.

— Хотѣлъ просить,—продолжалъ Барбоскинъ, машинально пожимая протянутую ему руку,—перевести Таргина изъ моей роты въ другую.

— Что?—изумился Батя. Барбоскинъ повторилъ.—Наканунѣ смотра?.. Да что вы это, Палкашинъ? Этого нельзя: вы сами къ нему привыкли, люди къ нему привыкли, онъ всѣхъ знаетъ, въ чужой ротѣ онъ смотровое бремя, у васъ же необходимѣйшій офицеръ... Нѣтъ, повторяю: нельзя и нельзя!

— Полковникъ, очень уважительныя причины заставл...

— Какія?

— Я вамъ не могу ихъ высказать, полковникъ, но повѣрьте...

— Послушайте, капитанъ, согласитесь, что только ровно ничего не понимающій въ дѣлѣ командиръ части можетъ позволить себѣ сдѣлать такое перемѣщеніе за два дня до смотра.

— Вѣрно, г. полковникъ, но... я у васъ никогда ничего не просилъ, а тутъ я васъ умоляю... Все равно, если онъ выйдетъ на смотръ въ 3-ей ротѣ, я не выйду.—Голосъ Барбоскина задрожалъ.

— Странно...—процѣдилъ полковникъ.—Ну, а вы ручаетесь за хорошій исходъ смотра безъ Таргина?

— Ручаюсь, полковникъ,—обрадовался Барбоскинъ,—хотя всякій знаетъ, что рота своей стрѣльбой обязана Таргину, а не мнѣ.

— Ну, это вы преувеличиваете; у васъ стрѣльба шла всегда отлично, вотъ ротное...

— Такъ разрѣшите сказать адъютанту, чтобы отдать приказъ?..

— Да вы лучше попросите его ко мнѣ,—проговорилъ полковникъ, все еще удивленный, протягивая Барбоскину руку.

XIII.

На слѣдующій день, въ канунъ смотра, занятій, по установившимся традиціямъ, въ баталіонѣ не производилось: надо было дать людямъ почиститься, помыться, „подрепетить“ наставленіе, а, пожалуй, и немного отдохнуть.

Таргинъ всталъ поздно, отдохнувшій, но не успокоившійся; раскаяніе за жесткую фразу, жалость къ Барбоскину, непріятность разрыва мучили его; ему казалось, что, разрывая съ Барбоскинымъ, онъ терялъ единственнаго понимавшаго его человѣка; Барбоскинъ былъ его первый начальникъ и руководитель въ военномъ дѣлѣ, въ которомъ никакая теоретическая подготовка не замѣнитъ практики... Бар-

боскинъ указывалъ все такъ тепло, такъ мило и благожелательно... Учитель и ученикъ часто мѣнялись ролями, дѣлая это безъ малѣйшаго нехорошаго чувства, и въ ихъ служебныхъ отношеніяхъ возникла какая-то интимность, заставлявшая ихъ тепло, съ искреннимъ родственнымъ участіемъ относиться другъ къ другу. Теперь Таргинъ упрекалъ себя въ жесткомъ отношеніи къ Барбоскину, въ излишней требовательности къ людямъ, въ недостаточномъ пониманіи человѣка иного склада. Раздумывая о томъ, какъ бы устроить примиреніе съ Барбоскинымъ, онъ рѣшилъ поѣхать на погребеніе Коврюгина, а оттуда, подъ предлогомъ рапорта о благополучіи наряженной на погребеніе команды, явиться къ Барбоскину, и тамъ... тамъ ужъ видно будетъ. Ужъ онъ сталъ собираться, какъ получилъ отъ адъютанта записку, увѣдомлявшую, что сегодня послѣдуетъ приказъ о перемѣщеніи его въ 4-ую роту.

Таргинъ вспыхнулъ: мысль, что Барбоскинъ не желаетъ имѣть съ нимъ никакихъ отношеній, и что теперь это уже онъ устраиваетъ такое неприлично-демонстративное, наканунѣ самаго смотра, перемѣщеніе,—промелькнула у него и измѣнило его настроеніе: теперъ онъ самъ не хочетъ видѣть Барбоскина и даже не явится къ нему, а, улучивъ его отсутствіе, положитъ ему въ палатку „служебный билетъ".

Съ этими мыслями Таргинъ пошелъ къ командиру 4-ой роты. Тотъ принялъ его съ радостью, насказалъ ему комплиментовъ относительно его занятій, но въ концѣ концовъ замѣтилъ:

— Только скажите, пожалуйста: на кой чортъ васъ перевели ко мнѣ наканунѣ смотра?.. Вѣдь вы будете у насъ пятымъ колесомъ...

Таргинъ вполнѣ былъ съ этимъ согласенъ и предложилъ „заболѣть" на время смотра.

— Заболѣть на смотръ неловко, да къ тому же вы отличный стрѣлокъ: офицерамъ процентъ поднимете; лучше вотъ что: станьте вы на вторую полуроту,—хотя мой Петровъ и моложе васъ по службѣ, но ужъ на этотъ разъ не путайтесь, а послѣ смотра разберемся по губерніямъ.

Таргинъ согласился и пошелъ къ себѣ. Деныцикъ держалъ уже его осѣдланную лошадь и объявилъ, что команда съ Коврюгинымъ ушла. Издали, дѣйствительно, слышались звуки похороннаго марша, которымъ командиръ велѣлъ проводить лихого унтеръ-офицера.

Таргинъ догналъ процессію. Солдаты шли мрачно. Шелъ разговоръ о томъ, что Коврюгину нынѣшній годъ кончался срокъ службы,—немного не дотянулъ; нѣкоторые толковали, что такой стрѣлокъ,—„и какъ есть тебѣ передъ самымъ смот-

ромъ кончился". Гадали,—„кто нонѣ на призахъ первымъ будетъ", и въ концѣ-концовъ порѣшили, что рота, „рѣшилась" лучшаго стрѣлка, а это не къ добру. Настроеніе сдѣлалось еще мрачнѣе.

Музыканты проводили процессію до крѣпостныхъ воротъ и вернулись, а печальное шествіе двигалось дальше, по голой степи, къ кладбищу, наводившему на солдатъ своею близостью съ туземнымъ „мазаромъ" непріятныя размышленія. И помереть то вѣдь хочется на русской землѣ... Команда останавилась у ограды, гробъ понесли въ ворота и рожокъ Балабашина такъ жалостно затянулъ свое „ты куда?", что даже старослужащіе какъ то закрутили головами и объявили, что „Балабашинъ постарался". Таргинъ рысью пустился въ лагерь.

Къ удивленію всей роты, Барбоскина не было на похоронахъ. Весь день онъ метался, какъ угорѣлый, изъ лагеря въ городъ и обратно, стараясь достать 125 рублей для уплаты Таргину. Ему казалось, что каждая минута замедленія въ уплатѣ этого долга все глубже и глубже роетъ пропасть между нимъ и Карандашикомъ, что тотъ имѣетъ полное право презирать Барбоскина, считать его чѣмъ-то вродѣ мошенника... Это не артельныя и ротныя деньги, на которыя Барбоскинъ привыкъ смотрѣть по своему. За тѣ, въ крайнемъ случаѣ, онъ могъ попасть подъ судъ и застрѣлиться: такимъ образомъ, всетаки онъ остался-бы „честнымъ офицеромъ". Конечно, и въ этомъ случаѣ пополнили бы ротныя деньги товарищи изъ своихъ собственныхъ средствъ,—но это дѣло другого рода: вся практика его службы инстинктивно подсказывала, что „это совсѣмъ другое дѣло"; долгъ же Таргину тяготилъ его и не давалъ покоя. Весь день рыскалъ Барбоскинъ, но достать денегъ было трудно: казначей не далъ ни гроша: въ офицерскій капиталъ Барбоскинъ былъ долженъ „полностью", т. е. не имѣлъ права взять оттуда ни одного рубля; изъ другихъ денегъ казначей тоже не давалъ: вскорѣ послѣ смотра должна быть „повѣрка". Ростовщики не давали ни подъ какой процентъ, требуя залога и „подписи казначея" на векселѣ.

Наконецъ, Барбоскинъ придумалъ: онъ помчался въ лагерь и привезъ оттуда къ старшему ростовщику индусу свои драгоцѣнности: хорасанскую шашку, подарокъ товарищей по первому его походу; портсигаръ, подарокъ товарищей по полку, и два револьвера: одинъ тоже подарокъ товарищей по баталіону, другой — когда-то случайно выбитый призъ на офицерской стрѣльбѣ. Одинъ хорасанскій клинокъ на знатока стоилъ рублей около 200, но индусъ за все вмѣстѣ давалъ лишь 80 рублей, значитъ, 45 рублей не хватало; но Барбо-

скинъ пошелъ до конца; кончивъ поздно ночью свои разсчеты съ индусомъ, онъ послалъ опять въ лагерь и потребовалъ къ себѣ подпрапорщика, у котораго и попросилъ 45 рублей изъ полученныхъ при сдачѣ Таргинымъ. Тотъ было замялся и забормоталъ что-то на счетъ смотра.

— Экій вы несуразный, — досадливо прервалъ его Барбоскинъ, — вѣдь это инспекція по стрѣльбовой части, по „Высочайшему"... Станетъ онъ совать носъ во всякую дрянь; это не его дѣло, да и не дадутъ ему.—Эти доводы показались подпрапорщику убѣдительными, и онъ принесъ Барбоскину 45 рублей.

Оставшись одинъ, Барбоскинъ не спалъ всю ночь, обдумывая, какъ онъ отдастъ эти деньги Таргину, что при этомъ сказать... можетъ, лучше послать при письмѣ?.. впрочемъ, письмо писать всего хуже. Лучше завтра, до пріѣзда инспектирующаго, передать эти деньги лично, поблагодарить, извиниться... и еще что-то... надо что-то сдѣлать еще такое, что заставило бы Таргина понять, что все происшедшее только недоразумѣніе, что Барбоскинъ очень, очень уважаетъ Таргина и любитъ его, и цѣнитъ его, и что ему, Барбоскину, очень жаль и онъ готовъ просить всячески извиненія... Только какъ это сдѣлать, какъ сказать: вѣдь это въ книжкахъ люди говорятъ долго, много и складно... А на самомъ дѣлѣ развѣ такъ говорятъ?.. И если онъ, Барбоскинъ, попробуетъ сказать въ этомъ родѣ, то, пожалуй, выйдетъ смѣшно, и Таргинъ можетъ Богъ знаетъ что подумать.

Много и мучительно думалъ Барбоскинъ, но ничего положительнаго придумать не могъ. Его ощущенія были похожи на тѣ, которыя являлись у него наканунѣ большихъ кровавыхъ дѣлъ, о которыхъ нельзя было сказать, на чью сторону склонится побѣда. Это было нѣчто вродѣ страха и тоски, но не за себя, а за что-то другое, гораздо болѣе важное, чѣмъ онъ самъ.

Не смотря на страшное физическое и нравственное утомленіе, Барбоскинъ не сомкнулъ глазъ цѣлую ночь и, едва солнышко взглянуло изъ-за горизонта, онъ вышелъ изъ палатки. „Люди" тоже начинали шевелиться; позѣвывая, выходили изъ палатокъ и, обратясь къ солнышку, крестились. Увидѣвши это, Барбоскинъ тоже перекрестился и пошелъ въ роту, положивъ въ карманъ злосчастные 125 рублей.

XIV.

Въ 5 часовъ утра баталіонъ, въ колоннѣ по отдѣленіямъ, уже двигался къ стрѣлковому полю. Солдаты чувствовали себя бодро и весело. Офицеры тоже не сомнѣвались въ хорошемъ исходѣ смотра, только въ третьей ротѣ чувствовалось что то не ладное. Прежде всего не было субалтерна, онъ „перелетѣлъ“ въ 4-ую роту, никто не зналъ, какъ и почему, и солдаты 3-ей роты были въ недоумѣніи. Новый взводный, ставшій вмѣсто Коврюгина, казался какимъ-то рѣжущимъ глазъ пятномъ, и самые увѣренные люди 1-го взвода все подумывали, что „Коврюгинъ не въ примѣръ ладнѣе“, хотя своихъ мыслей не высказывали въ слухъ. Но что больше всего поражало роту, лишая ее не только твердости, но даже и „ноги“, это какой то непревычно-сосредоточенный видъ ротнаго командира. Вопреки своему обыкновенію, Барбоскинъ ни къ кому изъ роты не подходилъ, не шутилъ, не подбадривалъ... „точно онъ не ротный“...

Въ сущности ни въ какихъ указаніяхъ и распоряженіяхъ не было особенной нужды; все это всегда дѣлалось само собою. Но люди чувствовали не только индифферентное отношеніе капитана къ предстоящему дѣлу, а просто отсутствіе всякаго отношенія. Они видѣли и понимали, что Барбоскинъ вынималъ шашку, командовалъ, шагалъ и махалъ рукой точно также, какъ командовалъ бы дергунчикъ, котораго потянули за нитку: скомандуютъ во 2-ой ротѣ, командуетъ и Барбоскинъ...

Люди видѣли эту автоматичность, и шутки ихъ замолкали, увѣренность въ себѣ пропадала. Автоматизмъ Барбоскина заражалъ роту. Подпрапорщикъ шелъ на 1-ой полуротѣ и думалъ объ горькой участи подпрапорщиковъ, обязанныхъ на смотру стрѣлять заурядъ съ нижними чинами. Погруженный въ свои размышленія, онъ тоже не видѣлъ и не чувствовалъ, что творится въ ротѣ.

Шаговъ за 1000 отъ валовъ роты перестроились въ двухъвзводныя колонны и остановились. Инспектирующій генералъ заставилъ ждать себя всего нѣсколько минутъ. Онъ быстро проѣхалъ верхомъ по фронту, посмотрѣлъ на патроны, потрогалъ пальцемъ осилку, при чемъ подмигнулъ завѣдывающему оружіемъ, точно между ними было какое-то имъ однимъ понятное общее дѣло. Потомъ инспектирующій, сопровождаемый командиромъ, съ адъютантомъ, завѣдующимъ оружіемъ и штабъ-горнистомъ, понеслись на рысяхъ къ валамъ.

Тамъ, занявъ всѣ валы, стояло 8 мишеней, изображающихъ

стрѣлковъ во весь ростъ, это были такъ называемые солдатами „шкилеты“, стрѣльба по которымъ считалась, въ виду высокой оцѣнки, очень трудной. Не вдалекѣ отъ нихъ было 8 мишеней, изображавшихъ головы стрѣлковъ, или, по прозванію солдатъ, „головки“ и 8 поясныхъ. Совсѣмъ на отлетѣ стояли большія мишени № 2, изображающія по 6 стрѣлковъ рядомъ, во весь ростъ. Инспектирующій быстро проѣзжалъ мимо мишеней, осматривая ихъ опытнымъ глазомъ. Вдругъ у одного „шкилета“ онъ остановился и потребовалъ „рулетку“. Завѣдывающій соскочилъ съ лошади и, бросивъ поводья штабъ-горнисту, опытной рукой прикинулъ къ мишени тесьму рулетки. Онъ даже зналъ, какое мѣсто мишени кажется генералу превосходящимъ установленный размѣръ.

— Совершенно вѣрно, ваше пр-ство; это отлитографировано не вѣрно, оттого такъ и кажется, — сказалъ онъ. Но генералъ ѣхалъ дальше.

Пока происходила повѣрка мишеней, баталіонъ стоялъ вольно. Таргинъ видѣлъ Барбоскина, видѣлъ, что съ нимъ творится что-то неладное, видѣлъ, что въ его родной ротѣ есть что-то неуловимое для чужихъ, но понятное своему офицеру. Страхъ за роту, за Барбоскина вдругъ охватилъ его. Онъ началъ упрекать себя, что не имѣлъ достаточно мужества, силы воли и честности, чтобы поставить интересы дѣла выше своихъ личныхъ счетовъ съ бѣднымъ, несчастнымъ Барбоскинымъ. Видъ страдающаго Барбоскина разрывалъ ему сердце, усиливалъ горечь самообвиненія и раскаянія. Но онъ понималъ, что здѣсь, на смотру, уже поздно исправлять дѣло и что ему надо стараться не смотрѣть на Барбоскина, не встрѣчать вопрошающихъ, недоумѣвающихъ взглядовъ людей его роты, а потомъ... потомъ непремѣнно нужно все это исправить...

Барбоскинъ былъ поглощенъ одной мыслью: какъ бы скорѣе вручить Карандашику 125 рублей; ни мѣсто, ни время, ни зрители его не смущали; онъ забылъ про все, и его грызла только одна мысль о деньгахъ и о томъ, что Карандашикъ броситъ ему эти деньги обратно. Наконецъ, онъ убѣдилъ себя, что Карандашикъ не имѣетъ ни права, ни, главное, основаній бросить эти деньги „обратно въ рыло“, и Барбоскинъ направился къ Таргину, стоявшему вполнѣ безучастно на правомъ флангѣ той полуроты, гдѣ онъ даже по фамиліямъ никого не зналъ изъ людей.

Едва Таргинъ увидѣлъ приближающагося колеблющейся, неувѣренной походкой Барбоскина, какъ сердце въ немъ екнуло... Внезапно онъ усмотрѣлъ на лѣвомъ флангѣ полуроты какую-то неисправность и поспѣшилъ туда. Барбоскинъ остановился... Сомнѣнія вновь нахлынули на него, и онъ

зашагалъ обратно къ своей ротѣ, сжимая въ карманѣ шароваръ злосчастные 125 рублей.

Вторыя полуроты всѣхъ ротъ были назначены на „скелеты“, т.-е. имъ досталась стрѣльба по обрѣзнымъ во весь ростъ мишенямъ на 300 шаговъ. Полуроты пошли къ линіи огня и остановились шаговъ за 25, перестроившись для стрѣльбы. Генералъ, сопровождаемый той же свитой, ѣхалъ за полуротами и, остановившись, слѣзъ съ коня. Всѣ послѣдовали его примѣру. Генералъ обратился къ штабъ-горнисту съ приказаніемъ сыграть сигналъ. Горнистъ, имѣя на своемъ попеченіи 5 лошадей, заторопился передать поводья подбѣгающимъ солдатамъ, но нетерпѣливый генералъ уже замѣтилъ въ 3-ей ротѣ Балабашина и крикнулъ:

— Ну, ты, молодецъ, сыграй намъ.

Балабашинъ суетливо приложилъ рожокъ ко рту: „Ты куда, ты куда?“—раздались неожиданно протяжные, жуткіе звуки... Даже генералъ немного опѣшилъ:

— Ты что, братецъ, ошалѣлъ, что ли?.. наступленіе играй!..

Трясущейся рукой опять поднесъ блѣдный Балабашинъ рожокъ ко рту, но не могъ выдуть ни одной ноты сквозь дрожащія губы. Подоспѣвшій штабъ-горнистъ далъ, наконецъ, „наступленіе“. Происшествіе ухудшило и безъ того нехорошее расположеніе людей 3-ей роты: „не къ добру“ — говорили одни.—„Каркайте, вороны проклятыя“! — шопотомъ возражали имъ другіе. Генералъ тоже нѣсколько волновался. „Всѣ, огонь“! коротко приказывалъ онъ горнисту... Отчего же командиръ третьей роты не выходитъ передъ смѣну?—вдругъ усмотрѣлъ генералъ оплошность Барбоскина, забывшаго стать передъ отстрѣлявшей смѣной; но Барбоскинъ очевидно даже не слыхалъ, что это относится къ нему и, только получивъ легонькій толчекъ и направленіе отъ подпрапорщика, машинально дошагалъ до своего мѣста; держа руку въ карманѣ, онъ выслушалъ „наступленіе“, повернулся куда слѣдуетъ и ушелъ, совершенно какъ автоматъ...

Легкій порывистый вѣтеръ справа дѣлалъ стрѣльбу еще труднѣе: надо было мѣнять точки прицѣливанія, но Барбоскинъ совсѣмъ не заботился объ этомъ, даже не отвѣчалъ ничего подпрапорщику на всѣ представленія его по этому поводу; подпрапорщикъ нѣсколько обидѣлся на такое равнодушіе къ дѣлу ротнаго командира и заявилъ Барбоскину, что самъ „дастъ людямъ точку“.

Барбоскинъ что то промычалъ въ отвѣтъ и тотъ храбро назначилъ: „въ самый тебѣ правый обрѣзъ“, на что его сосѣдъ, тоже подпрапорщикъ, замѣтилъ: „а у меня подъ бляху“. Такое разнообразіе не смутило ни того, ни другого, и стрѣльба продолжалась. Люди уже чувствовали, что дѣло идетъ не

важно, поднимался вопросъ уже не о томъ, сколько будетъ „сверхъ“, т.-е. выше отличнаго, а лишь бы только „добить“ до отличнаго.

На учащенной стрѣльбѣ, доставшейся 1-ой полуротѣ Барбоскина, дѣло пошло еще хуже. Здѣсь надо было каждому солдату въ 30 секундъ выпустить 8 пуль по поясной мишени. Въ этомъ случаѣ всѣ ротные командиры практиковали такую систему: по сигналу для открытія огня и вся шеренга стрѣляющихъ должна прицѣлиться, но не стрѣлять до выстрѣла какого-нибудь заправилы, чтобы дымъ отъ рано выстрѣлившихъ и пыль отъ пуль не застлали бы сразу мишеней; поэтому выпускъ первой пули происходилъ обыкновенно какъ хорошій залпъ, „точно орѣхъ раскусилъ“; 2-ая пуля выпускалась уже менѣе стройнымъ залпомъ, а потомъ начиналась, вплоть до свистка управляющаго стрѣльбой, страшная трескотня и, если вѣтру не было, то на послѣднихъ пуляхъ солдаты видѣли очень мало отъ пыли передъ мишенями и дыму по линіи огня.

У Барбоскина заправилой въ 1-мъ взводѣ былъ Коврюгинъ: къ его выстрѣлу приноравливался 1-й и 2-й залпъ, Коврюгинъ велъ это дѣло артистически. Сегодня никто и не подумалъ, кто замѣнитъ Коврюгина, и въ результатѣ 1-ая смѣна съ первой же пули такъ „посыпала горохомъ“, что даже и Барбоскинъ нѣсколько опомнился: „А Коврюгина то нѣтъ“, пробормоталъ онъ и снова погрузился въ задумчивость.

Солнце палило немилосердно и генералъ согласился съ завѣдывающимъ оружіемъ, что при такой жарѣ „осалку надо покрѣпче“. Смотръ приближался къ концу, остались только залпы въ 30 секундъ на 800 приблизительно шаговъ 1-ой полуротѣ Барбоскина и 2-ой полуротѣ 4-ой роты. Эти залпы были самой легкой и благодарной стрѣльбой: они давали громадный процентъ „сверхъ“, и ротные 1-ой и 2-ой ротъ завидывали Барбоскину, который „залпы дѣлалъ—какъ орѣхи кусалъ“. Генералъ подозвалъ къ себѣ Барбоскина и началъ дѣлать ему указанія, гдѣ остановить полуроту для открытія огня. Барбоскинъ безучастно слушалъ генерала, держа обнаженную шашку въ лѣвой рукѣ, а правую руку въ карманѣ. Генералъ очевидно хотѣлъ показать, что „это его не касается, онъ только стрѣльбу смотритъ“, но измѣнившееся лицо его при видѣ такого страннаго капитана ясно показывало, что его всего коробило; „Батя“ тоже видѣлъ это и покраснѣлъ до слезъ; наконецъ, онъ не выдержалъ:

— Да возьмите же шашку какъ слѣдуетъ,—точно простоналъ Батя. Барбоскинъ заторопился, выхватилъ правую руку изъ кармана, и вдругъ оттуда полетѣли разноцвѣтные кредитные билеты... Барбоскинъ замѣтилъ свою потерю и на-

чалъ быстро собирать деньги; сдѣлавъ это и даже не дослушавъ пожимающаго плечами генерала, онъ пошелъ къ своей полуротѣ, размышляя о несчастіи растерять эти деньги. Генералъ далъ „3-ой ротѣ“ и „наступленіе“, Барбоскинъ не двигался.

— Капитанъ, да ведите же свою роту!—закричалъ инспектирующій, и Барбоскинъ, подавъ соотвѣтствующія команды, пошелъ впередъ и, не останавливаясь, миновалъ ту линію, гдѣ генералъ указалъ ему открыть огонь.

— Капитанъ, что вы дѣлаете? Открывайте огонь!—остановите полуроту!—горячился генералъ, держа предъ собой открытые часы для счета установленныхъ 30 секундъ.

— Рота, стой!—скомандовалъ, къ общему ужасу, Барбоскинъ вмѣсто того, чтобъ раньше подать команды, указывающія цѣль, прицѣлъ и открытіе огня. Полурота остановилась въ полномъ недоумѣніи; даже два-три человѣка взяли „на изготовку“ безъ команды.

— Что такое? Да открывайте же огонь: время проходитъ, я больше 30 секундъ не дамъ,—кричалъ генералъ.

— Рота „товсь“!—бухнулъ Барбоскинъ давно отмѣненную команду. Генералъ даже завизжалъ какъ-то; рапорты, листки вылетѣли у него изъ рукъ, и онъ ринулся къ Барбоскину, размахивая раскрытыми золотыми часами.

— Нѣтъ, нѣтъ такой команды, капитанъ! Когда вы подъ турку ходили, тогда была, теперь отмѣнили, всякій рядовой знаетъ...

— Ваше превосходительство, капитанъ очевидно боленъ,— вмѣшался Батя.

— Въ больницу, въ лазаретъ, въ сумасшедшій домъ, а не передъ роту... Вѣдь это... это развратъ,—захлебывался генералъ.

Въ видѣ особаго послабленія генералъ дозволилъ произвести залпы подпрапорщику, вмѣсто уведеннаго адъютантомъ Барбоскина. Все пошло, какъ расхлябанное колесо. Подпрапорщикъ сбивался и срывался въ командахъ, въ полуротѣ замѣчался полнѣйшій упадокъ духа.

— Полу-рота...—не успѣлъ еще подпрапорщикъ скомандовать „пли“, какъ „посыпало“ изъ мѣшка горохомъ: залпъ былъ „сорванъ“ и масса рикошетовъ указывала на то, что „не довели“. Бѣдный подпрапорщикъ растерялся совсѣмъ, и второй залпъ былъ еще хуже. Сразу было видно, что „процентъ не добитъ“.

Смотръ кончился и... о стыдъ! о срамъ! рота Барбоскина „не добила залпы и учащенную“: позоръ ложился на весь баталіонъ, даже больше, чѣмъ на баталіонъ... Правда, инспектирующій тутъ же, въ полѣ, призналъ за всѣми и подго-

товку, и выдержку, и умѣнье, приписывалъ все случайности,— но отъ этого было не легче. „Батя“ былъ такъ разстроенъ, что забылъ пригласить офицеровъ на обычный послѣсмотровый пирогъ, да офицеры все равно не пошли бы; на всѣхъ точно опустилась мрачная туча и офицеры какъ-то шопотомъ спрашивали другъ друга: „что такое сдѣлалось съ Барбоскинымъ“. Таргинъ, сказавшись больнымъ,—да и дѣйствительно онъ былъ боленъ,—уѣхалъ съ поля раньше, чѣмъ кончили считать пули.

Третья рота шла какъ пришибленная: люди изрѣдка тихимъ сдавленнымъ голосомъ перебрасывались отрывочными фразами. По сочувствію къ 3-ей ротѣ, при возвращеніи со смотра, пѣсенники остальныхъ ротъ не заливались, какъ всегда, а 3-ая шла совсѣмъ безъ пѣсенниковъ, храня мрачное, сосредоточенное молчаніе.—Господа все спортили!—вдругъ раздался чей-то голосъ, и вслѣдъ затѣмъ звукъ удара куламъ послужилъ какъ бы отвѣтомъ на замѣчаніе пошатнувшагося и сбившагося съ ноги критика, который, даже не обернувшись въ сторону ударившаго его унтеръ-офицера, конфузливо улыбаясь, старался вновь попасть въ ногу своимъ молчаливо шагавшимъ товарищамъ...

XV.

— Обязательно такъ надо, г. полковникъ,—докладывалъ адъютантъ командиру,—сперва нашу коммиссію назначимъ,— нашего Воскресенскаго, депутатомъ офицера, а когда эта коммиссія донесетъ, что капитанъ Полкашинъ... умственно, такъ сказать, разстроенъ, тогда черезъ командира бригады будемъ просить о назначеніи областнымъ врачемъ коммиссіи изъ врачей для... для рѣшительнаго изслѣдованія.

„Батя“ тяжело вздохнулъ и схватился за голову.

— Ахъ какъ жалко, какъ жалко... да что-жъ нимъ собственно такое?

— Да ничего особеннаго, г. полковникъ,—сидитъ себѣ, молчитъ все время, не ѣстъ и не спитъ съ самаго смотра вотъ уже второй день. Если спрашиваютъ его о чемъ-нибудь, то проситъ уйти и оставить его въ покоѣ.

— А я, грѣшный человѣкъ, сначала готовъ былъ его живьемъ съѣсть за смотръ, за нарушенное честное слово... Знаете, я одно время думалъ, что онъ просто пьянъ какъ... какъ сапожникъ... Ну, что же дѣлать,—пишите предписаніе, Воскресенскому, да Павлу Ивановичу...

— Г. полковникъ, позвольте вамъ доложить: я думалъ бы назначить депутатомъ съ военной стороны не подполковника

а Таргина...—Полковникъ удивленно поднялъ голову.—Никакихъ указаній нѣтъ, что депутатомъ должно быть то или другое лицо, поэтому мы можемъ назначить Таргина.

— Да что вамъ такъ хочется назначить Таргина?..

— Г. полковникъ, они были очень хороши. Таргинъ только къ Полкашину и ходилъ, и тотъ, въ свою очередь, относился къ нему совсѣмъ иначе, чѣмъ къ другимъ, даже какую-то власть Таргина надъ собою признавалъ, точно побаивался его. Да вотъ и теперь, говорятъ, Полкашинъ все носится съ какими-то деньгами, имѣющими какую-то связь съ Таргинымъ... Можетъ быть, что-нибудь и выяснится... Такъ прикажете Таргина?..

— Ну, назначьте Таргина,—согласился полковникъ.

Напрасно Таргинъ умолялъ адъютанта объ отмѣнѣ этого распоряженія. Разстроенный, нервный видъ его, его горящіе глаза и поблѣднѣвшее лицо, вырвавшаяся, наконецъ, фраза, что „это жестоко посылать убійцу смотрѣть на тѣло убитаго имъ“ заставили адъютанта, подозрѣвавшаго что-то таинственно-романическое, быть еще упрямѣе и жестче. Къ полковнику Таргинъ самъ идти не рѣшился: онъ не зналъ даже, что скажетъ ему; вѣдь никто, кромѣ его самого, не пойметъ, что это онъ, Таргинъ, довелъ Барбоскина до такого состоянія.

Сегодня, впервые послѣ смотра, Барбоскинъ позволилъ Ефиму снять съ себя смотровую аммуницію, въ которой онъ цѣлую ночь прошагалъ по комнатѣ, и надѣть на себя туфли и халатъ. Присѣвъ на тахту, Барбоскинъ упорно смотрѣлъ въ одну точку, когда дверь отворилась и въ комнату вошелъ баталіонный врачъ Воскресенскій.

— Что это вы, батюшка, лихорадите, что ли?—началъ онъ и протянулъ руку Барбоскину. Барбоскинъ тоже подалъ руку, но такъ странно посмотрѣлъ на Воскресенскаго, что тотъ какъ то смущенно затоптался на мѣстѣ и обратился къ двери.

— Да входите же, Андрей Николаевичъ.

Дверь отворилась и Таргинъ, сдѣлавъ два-три шага въ сторону, не здороваясь съ хозяиномъ, какъ-то деревянно сѣлъ на табуретку. Едва Барбоскинъ увидѣлъ Таргина, какъ все лицо его просвѣтлѣло:

— Вотъ, Карандашикъ, получите всѣ 125 и... все, все на смарку...—залепеталъ онъ, усиленно отыскивая карманъ въ штанинѣ нижняго, облачавшаго его, бѣлья. Нервно отпахивалъ онъ мѣшавшую ему полу халата и очевидно старался найти разрѣзъ несуществующаго кармана. Холодный потъ выступилъ на его испуганномъ лицѣ. Зеленовато-блѣдный, растерявшійся, тоже какъ будто больной, Таргинъ сидѣлъ на табуреткѣ въ позѣ египетской статуи, впившись глазами въ Барбоскина и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Вдругъ Барбоскинъ остановился: лицо его исказилось смертельнымъ ужасомъ; каждая черта его фигуры выражала безпредѣльное отчаяніе. Испустивъ нечеловѣческій вопль, Барбоскинъ ринулся къ двери и въ одно мгновенье уже былъ во дворѣ; Таргинъ, ловившій глазами каждое движеніе Барбоскина, сорвался съ табуретки и побѣжалъ было за нимъ; но зашатался, ухватился за изумленнаго и испуганнаго Воскресенскаго, а затѣмъ тяжело рухнулъ на каменный полъ...

— Ефимъ!—крикнулъ на помощь докторъ, но Ефимъ былъ уже во дворѣ, возлѣ своего барина, который выбѣжалъ туда и, ухватившись крѣпко руками за стволъ карагача, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и что-то бормоталъ въ полномъ безпамятствѣ...

XVI.

— Какъ жаль, какъ жаль,—бормоталъ Батя, шагая по своему кабинету мимо явившагося къ нему съ докладомъ баталіоннаго врача:—хорошій, боевой офицеръ... Жаль... очень жаль... Да что за причина?

— Трудно сказать,—отвѣчалъ Воскресенскій,—очевидно, на почвѣ хроническаго алкогольнаго отравленія... Можетъ-быть, еще въ клиникѣ психіатры починятъ машину, но здѣсь, полковникъ, рѣшительно нельзя оставлять его... Сами знаете...

— Такъ вы настаиваете на отправленіи его въ Казань, въ клинику?

— Безусловно, полковникъ. Хотя, по правдѣ сказать, я и на клинику почти не имѣю надежды... Знаете, эти походы, спиртъ... климатъ здѣсь убійственный... къ тому же онъ былъ раненъ въ голову... Надежды мало... Но въ Казани психіатрическая клиника хорошая...

— Ну, а Таргинъ?

— Я-же вамъ докладывалъ, полковникъ, что еще не выяснилось: быть можетъ, малярія, а быть можетъ, и тифъ... Скоро опредѣлится... Ну, да онъ молодой...

— Такъ приготовьте бумаги для отправленія Полкашина въ клинику,—обернулся командиръ къ баталіонному адъютанту.

— Жаль, жаль...—шепталъ добродушный полковникъ, шагая по своему кабинету...

Н. Саларскій.

Теорія трудовой стоимости и нѣкоторые изъ ея критиковъ.

V.

По мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, *мѣновая* стоимость товара опредѣляется не однимъ только количествомъ рабочаго времени, которое должно удѣлить общество на его производство въ требуемомъ для этого размѣрѣ, но въ производствѣ цѣнныхъ продуктовъ, а слѣдовательно, въ созданіи *мѣновой стоимости*, какъ основы цѣны, участвуетъ какъ трудъ, такъ и капиталъ. „Въ результатѣ производства получается увеличеніе цѣны: цѣна продукта превышаетъ цѣну затраты и этотъ избытокъ есть прибыль капиталиста. Откуда является этотъ избытокъ цѣны, а слѣдовательно и цѣнности?.. избытокъ этотъ, реально, въ такой же мѣрѣ продуктъ капитала, какъ и труда... Въ дѣлѣ созданія прибыли капиталъ эквивалентенъ труду... Въ дѣйствительности трудъ производителенъ какъ разъ въ такой же мѣрѣ, какъ и капиталъ". „Въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ рѣшительно никакого принципіальнаго различія между человѣкомъ и машиной не существуетъ. Человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны". Роль машины въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ все растетъ, а роль труда все умаляется. „Повышеніе производительности труда есть не что иное, какъ другое выраженіе для обозначенія паденія роли труда въ общихъ затратахъ производства". Марксъ, по мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, повѣрилъ, что при этомъ замѣщеніи машина ничего не дѣлаетъ, и заключилъ, что если машина замѣщаетъ рабочаго, значитъ ихъ общая выработка сокращается (!?). „Трудовая теорія цѣнности въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе" (Туганъ-Барановскій, — приведено въ статьѣ г. Чернова: „О положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ капитализма". Руск. Бог. 1901, № 4, стр. 229—30).

Такимъ образомъ, г. Туганъ-Барановскій вводитъ въ человѣ-

ческое общество на одинаковыхъ правахъ съ человѣкомъ не только лошадей, какъ это дѣлаетъ г. Струве, но также силы природы... Онъ полемизируетъ съ Марксомъ противъ утвержденія послѣдняго, что вся сумма вновь произведенной стоимости производится исключительно всею суммою труда, которымъ располагаетъ общество; что продуктъ труда и только одного труда, приспособленный при помощи пользованія силами природы къ потребностямъ человѣка, попадаетъ въ руки тѣхъ, кто владѣетъ средствами для производства этихъ продуктовъ; что тѣ, у кого такихъ средствъ производства нѣтъ, принуждены покупать эти продукты на деньги, полученныя отъ продажи своей рабочей силы для производства этихъ продуктовъ. Г. Туганъ-Барановскій не видитъ также никакого принципіальнаго различія между человѣкомъ и машиною въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ. Онъ не видитъ, что машина создается трудомъ человѣка для большаго использованія силъ природы съ цѣлью производства прежнимъ количествомъ труда большаго количества продуктовъ; что при прежнемъ количествѣ затраченнаго труда, но труда, затраченнаго, съ одной стороны, на постройку машинъ, а съ другой—на производство съ ихъ помощью полезныхъ предметовъ, увеличивается количество производимыхъ предметовъ, и если количество предметовъ увеличится втрое при прежнемъ количествѣ труда, потребнаго на производство сырого матеріала, на постройку машинъ и на производство даннаго продукта, то мѣновая стоимость каждаго изъ произведенныхъ полезныхъ предметовъ понижается втрое; и уменьшается втрое именно потому, что для удовлетворенія всей общественной потребности въ данномъ продуктѣ, вслѣдствіе такого увеличенія производительности труда, требуется, при прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ, втрое меньше рабочаго времени изъ всей суммы общественнаго рабочаго времени. Г. Туганъ-Барановскій не хочетъ понять, что въ *общественно-хозяйственныхъ* отношеніяхъ силы природы не играютъ никакой роли, что овладѣваетъ ими человѣкъ для увеличенія производительности своего труда, требуемаго для изготовленія полезныхъ для него предметовъ, что только одинъ общественно полезный трудъ создаетъ мѣновую стоимость, что въ мѣновую стоимость полезнаго предмета входитъ также мѣновая стоимость машинъ, сырого и вспомогательнаго матеріала и пр., какъ разъ въ такомъ количествѣ, какое количество труда потребовалось на ихъ производство; что если машина проработаетъ, скажемъ, 15 лѣтъ, то количество труда, потребнаго на ея постройку, и количество труда, потребнаго на добываніе и обработку сырого матеріала для нея, т. е. ея стоимость распредѣлится на 15-ти лѣтній продуктъ ея дѣятельности; что въ дѣйствительности только одинъ трудъ производитъ стоимость, а машина, построенная также трудомъ, даетъ только возможность болѣе производительнаго использованія силъ природы

для изготовленія данныхъ предметовъ, и этими силами природы капиталистъ пользуется даромъ.

Объ эквивалентности роли машины и человѣка въ дѣлѣ созданія мѣновой стоимости не можетъ быть и рѣчи. Человѣкъ, при помощи построенной имъ машины, увеличиваетъ количество производимыхъ имъ продуктовъ при прежней затратѣ рабочихъ силъ, но стоимость каждой единицы продукта уменьшается настолько, насколько уменьшается количество труда, потребнаго для производства каждой такой единицы.

Г. Струве, а за нимъ г. Туганъ-Барановскій, смѣшивая общественную связь, возникающую вслѣдствіе хозяйственныхъ отношеній людей между собою, хозяйственное подчиненіе однихъ людей другимъ, съ эксплуатаціею человѣкомъ силъ природы для его производительныхъ цѣлей, подводя эксплуатацію человѣка человѣкомъ и эксплуатацію силъ природы человѣкомъ подъ одну рубрику, смотрятъ на человѣка не съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній, не какъ на существо общественное, а съ чисто механической точки зрѣнія, какъ на источникъ механической силы, какъ на животное, какъ на машину.

Такое включеніе въ общественныя отношенія между людьми силъ природы и внѣшнихъ предметовъ есть основная причина остальныхъ промаховъ г. Струве. Подводя подъ одно понятіе механическую эксплуатацію силъ природы и эксплуатацію человѣка человѣкомъ, возникающую вслѣдствіе хозяйственныхъ отношеній, г. Струве вноситъ путаницу въ изученіе *общественно*-хозяйственныхъ явленій.

Поэтому г. Струве совершенно не правъ, возражая Зомбарту, который настаиваетъ на томъ, что у Маркса понятія о стоимости, прибавочной стоимости, эксплуатаціи и т. д. имѣютъ чисто экономическій смыслъ и ихъ ни подъ какимъ видомъ нельзя считать понятіями „этическими". Эта ошибка г. Струве ведетъ къ его утвержденію, будто у Маркса „экономическія соображенія повсюду, гдѣ только они сталкиваются съ соціологическими, уступаютъ имъ мѣсто. Примѣромъ,—продолжаетъ г. Струве,—можетъ служить раздѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный, въ соціологическомъ отношеніи имѣющее глубокое значеніе, а въ экономическомъ отношеніи могущее иногда ввести въ заблужденіе".

Такимъ образомъ, подраздѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный, опредѣляющее величину той части вновь произведенной стоимости, которая идетъ рабочему классу, путемъ экономическихъ отношеній между классомъ предпринимателей и рабочимъ классомъ; то подраздѣленіе, на которомъ основывается распредѣленіе вновь производимой стоимости между разными общественными классами; подраздѣленіе, которымъ обусловливается экономическая организація капиталистическаго общества, весь поступательный ходъ *хозяйственныхъ* отношеній; подраздѣленіе,

которое составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ Маркса для экономической науки; подраздѣленіе, безъ котораго не было бы понятно большинство явленій капиталистическаго производства, по мнѣнію „марксиста“ г. Струве имѣетъ значеніе соціологическое, а въ политической экономіи ведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. И вся эта ошибка г. Струве произошла отъ того, что онъ отождествилъ экономическую эксплуатацію человѣка человѣкомъ съ механической эксплуатаціей силъ природы человѣкомъ, и не взглянулъ на первую какъ на необходимый результатъ чисто-экономическихъ отношеній, вызванныхъ отдѣленіемъ производителей отъ средствъ производства и сосредоточеніемъ послѣднихъ въ рукахъ не непосредственныхъ производителей, при вѣчной неизбѣжной необходимости поддерживать человѣческое существованіе трудомъ. А вѣдь хозяйственно-общественныя отношенія, возникающія изъ этой необходимости и составляютъ предметъ науки, которую называютъ политическою экономіею.

Затѣмъ, по мнѣнію г. Струве, содержаніе III тома „Капитала“ упраздняетъ трудовую теорію стоимости, изложенную въ I томѣ. Уже по мнѣнію г. Зомбарта, перваго по времени критика III тома, рѣшеніе задачи одинаковой нормы прибыли при разномъ строеніи капитала, которое далъ Марксъ, вызываетъ только покачиваніе головами.

Странное вообще дѣло, что лица, которыя сначала вполнѣ согласились съ экономическимъ опредѣленіемъ величины стоимости, даваемымъ въ I-мъ томѣ „Капитала“, никакъ не могутъ помириться съ тѣми ограниченіями этого опредѣленія, которыя вноситъ въ него сама хозяйственная дѣйствительность, и которыя изложены въ III томѣ „Капитала“, въ особенности въ главѣ объ „образованіи средней нормы прибыли“. Они никакъ не могутъ стать на точку зрѣнія Маркса на капиталистическое производство, какъ на общественное по назначенію его продуктовъ и частное по присвоенію прибавочной стоимости. Они не могутъ стать на эту точку зрѣнія не во всѣхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, для каждаго понятно и не вызываетъ никакого возраженія, когда говорятъ, что прибавочная стоимость, произведенная въ какой-нибудь отрасли промышленности, въ размѣрѣ, дающемъ среднюю норму прибыли, распредѣляется между отдѣльными предпріятіями этой отрасли не равномѣрно; что капиталы, затраченные въ предпріятіяхъ такимъ образомъ, что трудъ становится въ нихъ болѣе производительнымъ, получатъ на свою долю относительно больше прибавочной стоимости, чѣмъ капиталы съ менѣе производительнымъ трудомъ, такъ какъ первые могутъ продавать свои продукты выше ихъ общественной стоимости, и будутъ такъ продавать до тѣхъ поръ, пока всѣ капиталисты данной отрасли промышленности не повысятъ производительности труда своихъ рабочихъ до уровня производительности труда предпріятія, быв-

шаго до того въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи.

Изъ этого видно, что прибавочная стоимость, произведенная въ одномъ предпріятіи данной отрасли, можетъ перейти въ карманъ капиталиста, которому принадлежитъ другое предпріятіе этой отрасли промышленности, вслѣдствіе того, что продукты этихъ предпріятій имѣютъ общественное назначеніе; они должны быть проданы, для удовлетворенія потребности въ нихъ всѣхъ членовъ общества и продаются они по однообразной для всѣхъ рыночной цѣнѣ *). Все это извѣстно каждому, и не это вызываетъ возраженія. Вызываетъ возраженія возможность захвата прибавочной стоимости, произведенной въ одной отрасли промышленности, другими отраслями. Дѣйствительно, что это за механизмъ, при помощи котораго производится приведеніе нормы разныхъ отраслей промышленности къ среднему общественному уровню, при чемъ, однако, сохраняетъ силу законъ, опредѣляющій величину стоимости?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Энгельсъ въ статьѣ, напечатанной послѣ его смерти въ „Die Neue Zeit“ (B. XIV, №№ 1 и 2, а въ русскомъ переводѣ въ „Новомъ Словѣ“, сентябрь 1897). Въ ней онъ изслѣдуетъ этотъ вопросъ исторически. Попробуемъ отвѣтить на него, ставъ на почву существующаго капиталистическаго строя.

Допустимъ на минуту, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности норма прибыли, вслѣдствіе одинаковаго отношенія затратъ постояннаго и перемѣннаго капитала, вслѣдствіе одинаковыхъ условій производительности труда, одинаковой степени эксплуатаціи рабочей силы и т. д.—одинакова. Положимъ, что при этомъ все общественное производство въ совокупности занимаетъ 10.000 рабочихъ, и что производятъ они новой стоимости на 10,000.000. При нормѣ прибавочной стоимости, скажемъ, въ 100%, 5 милл. достается рабочимъ, а 5 милл. предпринимателямъ. Допустимъ, что все общественное производство распредѣляется на 100 отраслей, изъ которыхъ въ каждой занято 100 рабочихъ, производящихъ новыхъ стоимостей на 100.000, такъ что каждый рабочій при $\frac{m}{v} = 100\%$, производитъ 500v и 500m., т. е. 500 рабочей платы и 500 прибавочной стоимости. Если весь общественный капиталъ = 50,000.000, то при валовой суммѣ прибавочной стоимости въ 5 милл. онъ приноситъ 10% прибыли, предполагая, конечно, что ею не приходится дѣлиться съ кѣмъ-либо. Положимъ,

*) При этомъ, очевидно, норма прибыли не уравнивается, а наоборотъ, въ предпріятіяхъ съ трудомъ менѣе производительнымъ она понижается, что и заставляетъ предпринимателя, подъ страхомъ банкротства, ввести и у себя усовершенствованія.

что въ каждой изъ отраслей производится по 100.000 шт. товара, по 1 руб. за штуку, во всей странѣ 10,000.000 шт.

Положимъ далѣе, что въ нѣсколькихъ отрасляхъ промышленности, тѣсно между собою связанныхъ, доставляющихъ одна другой сырой матеріалъ, машины и пр., скажемъ, при производствѣ и обработкѣ волокнистыхъ веществъ, сдѣланы такія изобрѣтенія, которыя даютъ возможность сократить рабочее время въ этихъ отрасляхъ на половину, т. е. даютъ возможность уменьшить число рабочихъ наполовину, при чемъ количество производимыхъ ими продуктовъ остается прежнимъ и вполнѣ удовлетворяетъ общественной въ нихъ потребности. При уменьшеніи капитальныхъ затратъ на активные факторы производства, на рабочихъ, увеличиваются затраты капитала на пассивные факторы, т. е. на постоянный капиталъ, какъ основной, такъ и оборотный, но при прежней потребности въ продуктѣ, увеличиваются относительно меньше, чѣмъ уменьшились затраты на перемѣнный капиталъ, на заработокъ рабочимъ. Положимъ, что такихъ отраслей производства десять, такъ что теперь вмѣсто 1.000 чел., прежде въ нихъ занятыхъ, требуется всего 500 рабочихъ, которые произведутъ 1 милл. шт. товара, т. е. столько же, сколько прежде производили 1.000 человѣкъ. При этомъ, по нашему предположенію, перемѣнный капиталъ уменьшится по 500 на рабочаго, всего на 250.000; а весь затраченый капиталъ уменьшится, вслѣдствіе предполагаемаго удешевленія сырого матеріала, машинъ и проч., на нѣсколько бо̀льшую сумму; вмѣсто 5 милл. будетъ затрачено всего $4^1/_2$ милл., при чемъ освобождающіеся и капиталъ и рабочіе эмигрируютъ.

Оставляя въ сторонѣ переходный періодъ, когда устанавливаются рыночныя цѣны, т. е. когда отдѣльныя группы предпринимателей, вводящія усовершенствованія въ своихъ предпріятіяхъ, пользуются добавочной прибылью, продавая свои товары выше ихъ индивидуальной стоимости, но ниже общественной, перейдемъ прямо къ тому времени, когда предполагаемыя усовершенствованія получили общее распространеніе. Теперь вся сумма прибавочной стоимости, при прежней нормѣ ея, будетъ равняться уже не 5 милл., а 4,750.000, такъ какъ въ 10 отрасляхъ производства 500 челов. произведутъ уже только 250.000, между тѣмъ какъ прежде 1.000 человѣкъ производили 500.000.

Но какъ эта прибавочная стоимость теперь распредѣлится? Какова будетъ стоимость продукта этихъ 10 отраслей?

Прежде весь общественный капиталъ въ 50 милл. приносилъ 5 милл., т. е. давалъ 10% прибыли. Теперь часть капитала въ 500.000 освободилась, такъ что осталось 49,500.000. Валовая прибавочная стоимость, производимая рабочими всѣхъ отраслей производства, 4,750.000, даетъ на весь общественный капиталъ уже не 10%, а нѣсколько меньше, именно 9,59%. Это есть слѣдствіе измѣненія отношенія между перемѣннымъ капиталомъ,

производящимъ стоимость, и всею суммою затраченнаго капитала, вслѣдствіе относительно меньшей затраты перемѣннаго капитала.

Въ десяти отрасляхъ промышленности, въ которыхъ производились усовершенствованія, продукты стали продаваться по рыночной цѣнѣ, которая для отдѣльныхъ предпринимателей была выше индивидуальной стоимости этихъ продуктовъ. Когда эти усовершенствованія получили общее распространеніе, цѣна стала понижаться. Но гдѣ же предѣлы такого пониженія ея? Весь капиталъ этихъ отраслей прежде былъ 5,000.000, теперь сталъ $4^1/_2$ милл. Прежде онъ производилъ 1 милл. штукъ товара по рублю, при чемъ половина шла на заработную плату, а половина, 500.000, въ видѣ прибыли на капиталъ. Теперь, при меньшемъ общественномъ капиталѣ, въ этой отрасли промышленноси производятся прежнія 1 милл. шт., при чемъ на возмѣщеніе заработной платы идетъ уже не 500.000, а только 250.000. Если при введеніи усовершенствованія отдѣльные предприниматели, для вытѣсненія съ рынка конкуррентовъ, продавали товаръ вмѣсто 1 руб. по 90, 80, 70 коп. за штуку, при чемъ ихъ индивидуальная прибыль была значительно выше средней общественной, то теперь, когда изобрѣтеніе получило общее распространеніе, они не станутъ продавать одну штуку товара дешевле 68 коп., такъ какъ только при этомъ условіи они могутъ получить прибыль въ 432 тыс., или 9,6% на свой капиталъ, зная, что никто другой, при данныхъ техническихъ и общественныхъ условіяхъ и при неизмѣняющейся потребности именно въ 1 милл. штукъ даннаго товара, не станетъ затрачивать свой капиталъ въ эти отрасли производства, такъ какъ и остальныя отрасли производства даютъ не меньшую прибыль.

Но мы говоримъ обо всемъ общественномъ капиталѣ, взятомъ въ цѣломъ, что онъ даетъ теперь въ среднемъ 9,6%, вмѣсто прежнихъ 10%. Какимъ образомъ можетъ произойти, что въ остальныхъ 90 отрасляхъ промышленности, которыхъ никакія усовершенствованія не коснулись, норма прибыли понизится до 9,6%?

По нашему предположенію, каждая изъ отраслей промышленности производитъ товаровъ какъ разъ столько, сколько требуется для удовлетворенія общественной потребности въ нихъ. Всего производится 10 милл. штукъ товара, которыя прежде продавались по 1 руб. за штуку, а теперь, хотя и производится попрежнему 10 милл. штукъ, но такъ какъ рабочее время потребное на ихъ приготовленіе уменьшилось, число рабочихъ сократилось на 500 человѣкъ, то всѣ 10 милл. штукъ стоятъ уже не 10 милл. рублей, а меньше на столько, на сколько уменьшилась валовая мѣновая стоимость произведеннаго. А вновь произведенная мѣновая стоимость уменьшилась на 500.000; изъ этой суммы на уменьшеніе возмѣщенія перемѣннаго капитала приходится 250.000, и столько же на уменьшеніе прибавочной стоимости. Стало быть,

теперь 10 милл. штукъ товара стоятъ не 10 милл., а 9,5 милл. Въ 90 отрасляхъ производства индивидуальная стоимость составляетъ рубль за штуку, а въ десяти—50 коп. за штуку. Но мы видѣли, что эти десять отраслей не станутъ продавать свой товаръ по его индивидуальной стоимости, имѣя на то чисто экономическое основаніе, такъ какъ никто не станетъ затрачивать свой капиталъ на производство такихъ издѣлій, при продажѣ которыхъ не выручится кромѣ затраченнаго также и прибыль, не меньшая, чѣмъ даютъ остальныя отрасли промышленности. Но опять спрашивается: откуда же возьмется такой излишекъ, такая дополнительная стоимость, которая не производится въ этихъ десяти отрасляхъ производства съ относительно большимъ постояннымъ и меньшимъ перемѣннымъ капиталомъ?

Допустимъ, что продукты всѣхъ отраслей производства распредѣлялись между этими отраслями равномѣрно, пропорціонально произведенной въ каждой изъ нихъ суммѣ стоимости, а между предпринимателями и рабочими такъ, что на долю и тѣхъ, и другихъ приходились относительно равныя части. Кромѣ того мы уже предположили, что всѣ 10 милл. штукъ всѣхъ безъ исключенія товаровъ покрываютъ сполна потребность въ нихъ всего общества. Если бы лица, участвующія въ производствѣ не волокнистыхъ веществъ, ссылаясь на индивидуальную стоимость производства и обработки издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ, потребовали, чтобы каждая штука ихъ продавалась уже не по 1 рублю, а по 50 копѣекъ, то предприниматели отвѣтили бы имъ: мы можемъ продавать вамъ дешевле, чѣмъ прежде, уже не по рублю, а только по 68 коп.; но по 50 коп. продавать мы не можемъ; этого сдѣлать не можете также и вы, если вздумаете затрачивать свой капиталъ на обработку волокнистыхъ веществъ, такъ какъ вамъ нѣтъ разсчета затрачивать свой капиталъ въ нашей отрасли промышленности, если вы будете получать прибыль меньшую той, которую получаете теперь въ своемъ предпріятіи. Мало того. Такъ какъ мы продаемъ вамъ теперь свои издѣлія гораздо дешевле прежняго, то и мы желаемъ получать у васъ ваши издѣлія также дешевле. Не удивляйтесь нашему желанію: оно вполнѣ отвѣчаетъ экономическому положенію, въ которое поставлены вы, благодаря тѣмъ изобрѣтеніямъ, которыя сдѣланы въ нашихъ предпріятіяхъ. Мы произвели 1 милл. штукъ издѣлій; сто тысячъ остаются для нашего потребленія, а безъ 900.000 остальныхъ вы обойтись не можете; мы понизили цѣну на сколько это для насъ экономически возможно, понизьте цѣну и на ваши издѣлія. Вамъ придется понизить цѣны на ваши товары гораздо меньше, немного болѣе 2% и продавать штуку не по 1 рублю, а по 97,97 к., скажемъ, по 98 коп. Надо вамъ замѣтить, что при такомъ пониженіи цѣны вашихъ товаровъ, реально вы рѣшительно ничего не теряете. На вырученную сумму вы можете купить какъ разъ

столько же потребныхъ вамъ товаровъ, сколько вы покупали прежде. Если же вы не пожелаете этого сдѣлать, если вы требуете, чтобы мы сбавили цѣну за свой товаръ до 50 к., а сами не пожелаете сбавить двухъ копѣекъ, то въ убыткѣ будемъ не только мы, но будете и вы. Мы сократимъ производство, ваши потребности въ нашихъ издѣліяхъ не будутъ удовлетворены, мы потеряемъ на этомъ, но и вы, съ своей стороны, будете принуждены или сократить производство, такъ какъ намъ не на что будетъ купить все то количество вашихъ товаровъ, которое вы приготовляли на нашу долю; или же вамъ придется уже самимъ понизить цѣну на ваши продукты, чтобы не было перепроизводства въ вашихъ отрасляхъ промышленности. Вы говорите, что норма вашей прибыли сократится. Конечно. Но вѣдь такова уже судьба нашего способа производства. Къ тому же и сократится то она только номинально. Реально, какъ вы сами отлично понимаете, вы получите какъ разъ столько же, сколько получали прежде. Повторяемъ, если вы не согласитесь на наши условія добровольно, то вновь возникшія условія рынка принудятъ васъ къ этому. Кромѣ того, вамъ прекрасно извѣстно, что мы произвели усовершенствованія, затратили относительно больше постояннаго капитала, подъ давленіемъ тяготѣвшаго надъ всѣми нами кризиса; вѣдь вы на себѣ испытали его дѣйствіе. Мы вышли изъ затрудненія, между прочимъ, при помощи усовершенствованій, удешевившихъ стоимость производства нашихъ товаровъ, которыя хотя и дали намъ возможность продавать наши товары выше ихъ индивидуальной стоимости, но мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, реализовать прежнюю норму прибыли. Подъ вліяніемъ кризиса, только что всѣми нами пережитаго, вѣдь вы не могли выручить не только прежнюю норму прибыли, но не получали даже и той, съ которой волей неволей приходится помириться въ настоящее время всѣмъ намъ. Къ тому же надо еще прибавить (но это между нами), что мы рѣшительно ничего въ дѣйствительности не потеряемъ. Вѣдь, хотя норма прибыли и уменьшится, но размѣръ ея, по мѣрѣ удешевленія продукта и увеличенія сбыта и соотвѣтственнаго расширенія производства — возрастетъ. Въ убыткѣ, право, никто изъ насъ не будетъ. А это, между тѣмъ, дастъ возможность нашимъ идеологамъ прославить наше великодушіе, готовность поступиться нашими карманными интересами ради общаго блага, утверждать, что и машины наши создаютъ стоимость, что „между человѣкомъ и машиною (въ отношеніи созданія цѣнныхъ продуктовъ) принципіальнаго различія не существуетъ". Словомъ, мы и невинность соблюдемъ, и капиталъ пріобрѣтемъ...

Нечего и говорить, что всѣ условія, взятыя въ нашемъ гипотетическомъ примѣрѣ, въ дѣйствительности въ полномъ объемѣ никогда не могутъ быть осуществлены. Мы, напримѣръ, приняли,

что потребность въ продуктѣ каждой изъ отраслей промышленности остается прежнею; мы приняли, что 500 рабочихъ, вытѣсненныхъ машиною, эмигрировали вмѣстѣ съ освободившимся капиталомъ въ 500.000. Въ дѣйствительности, при такихъ изобрѣтеніяхъ и капиталъ, и рабочіе могутъ остаться въ странѣ для производства тѣхъ же самыхъ товаровъ, но въ большемъ количествѣ, такъ какъ вслѣдствіе удешевленія сбытъ ихъ увеличится, или для производства предметовъ, удовлетворяющихъ вновь возникшую потребность. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ установленные размѣры средней нормы прибыли будетъ зависѣть отъ размѣра капитала, затраченнаго въ новыхъ предпріятіяхъ, отъ его строенія и отъ относительной его доли во всемъ общественномъ капиталѣ.

Само собою разумѣется, что промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, въ которой по нашему предположенію увеличилась успѣшность труда, и которая захватываетъ часть прибавочной стоимости, произведенной въ остальныхъ отрасляхъ промышленности съ низкимъ строеніемъ капитала, по мѣрѣ увеличенія производительности труда въ послѣднихъ, подвергнется той же участи, т. е. она будетъ все менѣе и менѣе въ состояніи захватывать прибавочную стоимость, произведенную въ другихъ отрасляхъ производства, и должна будетъ довольствоваться своею индивидуальною прибавочною стоимостью; другими словами, норма прибыли все болѣе и болѣе будетъ понижаться.

Мы до сихъ поръ говорили объ изобрѣтеніяхъ, которыя сокращаютъ рабочее время, необходимое для производства даннаго товара. При этомъ, вслѣдствіе увеличенія относительной доли постояннаго капитала, уменьшается норма прибыли на весь общественный капиталъ. Но можетъ произойти и обратное явленіе. Возьмемъ горную промышленность. Возможно, что въ странѣ для добыванія, скажемъ, желѣзной руды требуется все большая и большая затрата на активныхъ дѣятелей производства—на рабочихъ. Возможно, что для полученія единицы вѣса руды, окажется нужнымъ, вслѣдствіе меньшаго содержанія въ ней желѣза, большее число рабочихъ. Такое увеличеніе числа рабочихъ, при прежней потребности въ желѣзѣ и издѣліяхъ изъ него и при прежнемъ или относительно меньше возросшемъ постоянномъ капиталѣ, удорожитъ производство, требуя относительно большаго количества общественнаго рабочаго времени для добыванія единицы продукта. При прежней нормѣ прибавочной стоимости, при строеніи горнопромышленнаго капитала ниже средняго общественнаго, количество прибавочной стоимости увеличится быстрѣе увеличенія всего затраченнаго на это дѣло капитала. Слѣдова тельно, увеличится и норма прибыли. Такое увеличеніе нормы прибыли привлечетъ въ эту отрасль производства новые капиталы, но при прежней потребности въ желѣзныхъ издѣліяхъ это

вызоветъ перепроизводство, а слѣдовательно, паденіе цѣнъ на нихъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и послѣ приспособленія производства къ дѣйствительнымъ потребностямъ въ желѣзныхъ издѣліяхъ, цѣны ихъ остановятся на уровнѣ, обезпечивающемъ предпринимателямъ среднюю общественную норму прибыли, причемъ прибавочная стоимость, произведенная рабочими въ этой отрасли производства и превышающая среднюю норму прибыли, пойдетъ въ карманъ капиталистовъ другихъ отраслей промышленности, такъ какъ они будутъ имѣть возможность поднять цѣны на продукты своихъ предпріятій.

Итакъ, приведеніе размѣра прибыли къ средней общественной нормѣ не только не противорѣчитъ закону, опредѣляющему величину стоимости, но этотъ законъ прямо служитъ основаніемъ для такого приведенія. При этомъ, однако, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, во-первыхъ, что капиталистическое производство есть производство товарное, т. е. производство продуктовъ для продажи, для удовлетворенія общественной въ нихъ потребности, такое, которое предполагаетъ общественное раздѣленіе труда. Часть общественныхъ рабочихъ силъ, которымъ, вслѣдствіе общественнаго раздѣленія труда, приходится изготовлять опредѣленный товаръ, удовлетворяющій опредѣленную потребность въ немъ всего общества, должны вмѣсто этого товара получить эквивалентъ, выраженный въ товарахъ, удовлетворяющихъ всѣ остальныя ихъ потребности („Капиталъ", III, 139). Во-вторыхъ, что, будучи общественнымъ, оно тѣмъ самымъ стремится урегулировать производство, взятое въ цѣломъ, распредѣляя всю сумму общественныхъ рабочихъ силъ на разныя отрасли промышленной дѣятельности въ такихъ относительныхъ размѣрахъ, какіе требуются для изготовленія каждаго рода продукта въ количествѣ необходимомъ для удовлетворенія потребности въ немъ всего общества, но потребности платящей. Такъ что на каждую изъ отраслей производства употребляется общественно-необходимое для этого рабочее время. Но, съ другой стороны, каждая изъ отраслей производства, и въ каждой отрасли производства каждое предпріятіе, будучи собственостью отдѣльнаго лица, или группы лицъ, можетъ вестись лишь при томъ условіи, если будетъ давать норму прибыли не меньшую, чѣмъ даютъ всѣ остальныя отрасли промышленности, такъ какъ непосредственная цѣль предпринимателя есть возможно большая прибыль. Въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ одной отрасли промышленности это достигается общимъ распространеніемъ наиболѣе усовершенствованныхъ въ ней способовъ производства, то есть равномѣрностью относительныхъ затратъ на постоянный и перемѣнный капиталъ. Но въ разныхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ этого сдѣлать такимъ путемъ нельзя, та же цѣль выравненія нормы прибыли достигается инымъ путемъ, при помощи соперничества капиталовъ. Произойти это можетъ лишь вслѣдствіе того, что все

производство, взятое въ цѣломъ, есть производство для удовлетворенія потребности въ его продуктахъ всего общества, и что хотя на изготовленіе продуктовъ каждой отрасли употребляется рабочее время общественно-необходимое для этого, но такъ какъ вся стоимость, вновь производимая въ каждой отрасли промышленности, распадается на стоимость, возмѣщающую стоимость затраченнаго перемѣннаго капитала, и на прибавочную стоимость, то въ силу условій капиталистическаго производства, какъ такого, которое ведется отдѣльными лицами на ихъ капиталы и вслѣдствіе конкурренціи капиталистовъ, стремящихся получить прибыль не меньшую получаемой въ остальныхъ отрасляхъ промышленности,—часть прибавочной стоимости, произведенной въ отрасляхъ производства съ низкимъ строеніемъ капитала, попадаетъ не въ руки предпринимателей именно той отрасли, въ которой она произведена, а стремится распредѣлиться между всѣми отраслями предпріятій съ относительно болѣе высокимъ строеніемъ капитала. Такъ что въ общемъ прибавочная стоимость, произведенная во всѣхъ отрасляхъ промышленности, имѣетъ стремленіе распредѣлиться между всѣми отдѣльными отраслями производства пропорціонально капитальнымъ затратамъ каждой изъ нихъ *). Слѣдовательно, вслѣдствіе общественнаго назначенія продукта капиталистическаго производства, товара, стоимость его опредѣляется количествомъ труда общественно необходимаго для его изготовленія. Это законъ. Чистое проявленіе этого закона нарушается вслѣдствіе индивидуальнаго присвоенія части его стоимости, именно прибавочной стоимости, такъ что вся сумма послѣдней, произведенная рабочими всѣхъ предпріятій, распредѣляется между капиталистами отдѣльныхъ отраслей промышленности не пропорціонально числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ, а пропорціонально капитальнымъ затратамъ въ нихъ.

VI.

Въ тѣсной, неразрывной связи съ вопросомъ о стремленіи прибыли въ капиталистическомъ хозяйствѣ къ средней общественной нормѣ, находится вопросъ о стремленіи нормы прибыли къ уменьшенію. Марксъ это послѣднее явленіе объясняетъ тѣмъ, что при поступательной силѣ развитія капитализма строеніе ка-

*) Ни одна изъ формъ производства не выражаетъ бо́льшого стремленія къ ограниченію рабочаго времени, потребнаго для изготовленія даннаго продукта количествомъ общественно для этого небходимымъ, чѣмъ капиталистическая. Но въ дѣйствительности цѣль эта достигается далеко не въ полной мѣрѣ. Вслѣдствіе того, что опредѣленіе этого количества производится не прямо, а окольнымъ путемъ, на рынкѣ, масса общественныхъ рабочихъ силъ тратится даромъ: доказательство—промышленные кризисы.

питала измѣняется: относительно увеличиваются затраты на постоянный капиталъ—основной и оборотный—и уменьшаются затраты на перемѣнный капиталъ, на рабочую силу. А такъ какъ только послѣдняя производитъ прибавочную стоимость или прибыль, то вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается также относительная величина послѣдней, предполагая, конечно, всѣ остальныя условія, т. е. степень эксплуатаціи и пр.,—неизмѣняющимися.

Г. Струве находитъ такое объясненіе самого факта воображаемымъ, кажущимся, мнимымъ и кромѣ того, по его мнѣнію, фактъ этотъ не имѣетъ никакого теоретическаго отношенія къ вопросу о распредѣленіи всего національнаго продукта („Braun's Archiv“, B. XIV, стр. 732). Въ чемъ видитъ г. Струве недостаточность объясненія Марксомъ этого вопроса—намъ неизвѣстно, но когда все предыдущее было уже написано, появилась статья г. Тугана-Барановскаго въ сборникѣ, изданномъ въ пользу евреевъ, пострадавшихъ отъ неурожая, въ которой онъ доказываетъ, что Марксъ при объясненіи факта стремленія нормы прибыли къ пониженію не принялъ во вниманіе увеличивающуюся при этомъ производительность труда, удешевленіе продукта, а слѣдовательно, увеличеніе степени эксплуатаціи рабочихъ. При этомъ, по мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, степень эксплуатаціи рабочихъ увеличивается въ прямомъ отношеніи къ увеличенію производительности труда. Такъ, въ приведенномъ имъ примѣрѣ, при увеличеніи производительности труда вдвое, степень эксплуатаціи рабочаго увеличивается также въ два раза. По его мнѣнію, степень эксплуатаціи ни въ какомъ случаѣ прежнею остаться не можетъ, такъ какъ она есть только иное выраженіе производительности труда.

Посмотримъ, насколько такое утвержденіе г. Тугана-Барановскаго соотвѣствуетъ фактамъ. Вашингтонскій департаментъ труда, подъ руководствомъ Carroll D. Wright'a, началъ съ конца 1892 года собирать данныя относительно успѣшности машиннаго труда сравнительно съ ручнымъ. Въ 1899 году онъ опубликовалъ въ двухъ томахъ обширный собранный имъ матеріалъ. Изъ массы таблицъ, которыя составляютъ главнымъ образомъ содержаніе этого изслѣдованія, нельзя точно вывести, насколько машинный трудъ производительнѣе ручного во всѣхъ отрасляхъ промышленности вмѣстѣ взятыхъ, т. е. для всей страны въ совокупности. Для этого требовалось бы сравнить успѣшность труда во всѣхъ отрасляхъ производства въ два сопоставляемые момента, при чемъ слѣдовало бы принять во вниманіе какъ *количество* производимыхъ товаровъ въ каждой изъ отраслей производства, такъ и *число* занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Этого по отношенію къ прежнему времени сдѣлать, конечно, нельзя. Изслѣдователи ограничились, поэтому, сравненіемъ фактовъ на основаніи сохранившихся документальныхъ данныхъ. Что же оказывается? Въ огромномъ большинствѣ

случаевъ успѣшность труда повысилась въ 4, 5, 6, въ 30, 40 и болѣе разъ, т. е. рабочее время, необходимое для производства единицы продукта, уменьшилось во столько же разъ.

Распредѣливъ приблизительно (точно этого сдѣлать нельзя) всѣ отрасли общественнаго производства по относительнымъ размѣромъ потребности въ ихъ продуктахъ, по числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ и вычисливъ алгебраическую среднюю величину повышенія успѣшности труда во всѣхъ отросляхъ производства, получимъ приблизительно среднее увеличеніе производительности всего общественнаго труда. Оказывается, что въ С.-А.-Штатахъ средняя успѣшность общественнаго труда за послѣднія 25—30 лѣтъ увеличилась въ семь, въ восемь разъ,—быть можетъ, нѣсколько болѣе, быть можетъ, нѣсколько менѣе—т. е. на производство опредѣленнаго количества всѣхъ потребныхъ обществу продуктовъ въ настоящее время тратится труда въ семь, въ восемь разъ меньше, чѣмъ сколько его требовалось для производства того же количества продуктовъ лѣтъ 25—30 тому назадъ. Соотвѣтственно этому, по теоріи г. Тугана-Барановскаго, степень эксплуатаціи труда должна бы увеличиться во столько же разъ. Посмотримъ-же, какое произошло измѣненіе въ этой величинѣ. Точныхъ данныхъ, относящихся ко всей странѣ и ко всѣмъ отраслямъ производства, въ американскихъ переписяхъ нѣтъ. Поэтому возьмемъ только обрабатывающую промышленность и посмотримъ, въ какую сторону направляется измѣненіе въ нормѣ прибавочной стоимости, или въ степени эксплуатаціи рабочихъ, включая въ число рабочихъ также завѣдующихъ работами, управляющихъ и пр. Такъ какъ величина погашенія основной части постояннаго капитала также неизвѣстна, то мы приняли ее въ 15%; по примѣру завѣдующаго переписью, цѣны, по которымъ покупаетъ потребитель, мы приняли на 30% выше фабричныхъ цѣнъ. Но такая равномѣрная надбавка, конечно, не измѣняетъ отношенія. Сравнивали мы данныя переписей 1880 и 1890 годовъ. Оказывается, что въ обработывающей промышленности С.-А. Штатовъ степень эксплуатаціи рабочихъ или норма прибавочной стоимости въ 1880 году выразилась въ 223%, а въ 1890 году въ 168%, т. е. что она очень замѣтно уменьшилась, относительная же доля рабочихъ во вновь произведенномъ продуктѣ повысилась; въ 1880 году рабочіе получали изъ всего вновь произведеннаго продукта около 30%, а въ 1890 году стали получать около 37%, не смотря на то, что какъ разъ за это время производительность ихъ труда повысилась особенно значительно *).

---

*) Хотя далеко не такъ значительно, какъ можно было бы заключить изъ только что приведенныхъ данныхъ, вслѣдствіе нѣкотораго различія въ способѣ регистраціи двухъ сравниваемыхъ переписей, на что, между прочимъ, указалъ года три тому назадъ американскій экономистъ H. Bliss въ рядѣ статей подъ общимъ заглавіемъ «Eccentric official Statistics». Перепись 1900 года,

Такимъ образомъ, теорія г. Тугана-Барановскаго, по которой норма прибавочной стоимости должна увеличиться вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда, опровергается фактическими данными.

Г. Туганъ-Барановскій упрекаетъ затѣмъ Маркса, что онъ при анализѣ условій, объясняющихъ, почему норма прибыли съ теченіемъ времени падаетъ, принимаетъ, что норма прибавочной стоимости, т. е. отношеніе прибавочной стоимости къ перемѣнному капиталу, затраченному на рабочую силу, остается неизмѣнной. Но уже таково основное условіе при изслѣдованіи какихъ бы то ни было явленій. Для изученія вліянія какого-нибудь одного явленія на другое, тщательно устраняется вліяніе на послѣднее всѣхъ остальныхъ явленій, кромѣ изучаемаго, и уже потомъ, по выясненію вліянія изучаемаго явленія, приступаютъ къ изученію вліянія другихъ воздѣйствующихъ явленій. Безъ этого основного условія никогда нельзя придти къ правильнымъ выводамъ.

Г. Туганъ - Барановскій съ этимъ не согласенъ. Онъ прямо упрекаетъ Маркса, что онъ „совершенно игнорируетъ въ своемъ выводѣ закона паденія нормы прибыли всѣ эти послѣдствія (т.-е. вліяніе удешевленія продуктовъ) повышенія производительности труда. Онъ (Марксъ) исходитъ изъ предположенія неизмѣнности нормы прибавочной стоимости, между тѣмъ какъ очевидно, что измѣненіе въ данныхъ условіяхъ строенія капитала не можетъ остаться безъ вліянія на эту норму“ (Туганъ-Барановскій: „О законѣ паденія нормы прибыли Маркса“, въ названномъ Сборникѣ, стр. 331).

Самъ г. Туганъ-Барановскій при анализѣ вліянія измѣненій строенія капитала на норму прибыли не впадаетъ въ то, что считаетъ ошибкою у Маркса; онъ при изученіи этого вліянія вводитъ, какъ явленіе ему органически сопутствующее, вліяніе уменьшенія при этомъ стоимости, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать это послѣднее вліяніе особо, по изслѣдованіи условій, требующихъ повышенія производительности труда. Вслѣдствіе этого выходитъ такой казузъ. Желая доказать свое положеніе, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда,—возможномъ только при относительномъ увеличеніи постоянной части капитала, и главнымъ образомъ основной, на счетъ перемѣнной,—увеличивается также норма прибавочный стоимости или относительная доля участія въ продуктѣ предпринимателя, при чемъ норма прибыли остается прежней или даже увеличивается (тамъ же стр. 333, 334),—г. Туганъ-Барановскій беретъ гипотетическій примѣръ, въ которомъ принимаетъ, что производительность труда увеличилась вдвое,

———

повидимому, покажетъ относительное уменьшеніе доли рабочаго, какъ это можно заключить по до сихъ поръ публикованнымъ даннымъ.

т.-е. что для производства прежняго количества всѣхъ производимыхъ предметовъ требуется только половина прежняго числа рабочихъ. При этомъ онъ находитъ, что при измѣнившихся условіяхъ производительности, когда продукты подешевѣли наполовину противъ своей прежней величины, ихъ придется на долю рабочаго класса, уменьшившагося въ числѣ наполовину, также наполовину меньше; такъ что при количествѣ всѣхъ произведенныхъ продуктовъ, уменьшившемся настолько, насколько уменьшилось число рабочихъ, теперь, послѣ увеличенія производительности труда, эти продукты, шедшіе прежде на долю рабочаго класса, останутся въ рукахъ предпринимателей и увеличатъ ихъ прибыль. (Что они останутся въ рукахъ предпринимателй, т.-е. не найдутъ сбыта, это такъ, но чтобы отъ этого увеличилась прибыль ихъ, это только фантазія ученаго критика). Если прежде вновь произведенный продуктъ распредѣлялся поровну между предпринимателями и рабочими, то теперь, когда половина рабочихъ исчезла и перемѣнный капиталъ обратился въ постоянный, вновь производимый продуктъ распредѣлится уже не поровну: рабочему классу достанется уже не половина, а только треть его, а двѣ трети пойдутъ въ видѣ прибыли предпринимателямъ. При такомъ предположеніи норма прибыли останется прежнею, а норма прибавочной стоимости съ 100% увеличится до 200%. „Но,—прибавляетъ г. Туганъ-Барановскій,—я сдѣлалъ въ вышеприведенномъ анализѣ (?) одно существенное допущеніе, которое, разумѣется, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: а именно, я предположилъ, что введеніе машинъ не увеличиваетъ массы общественнаго продукта. Въ дѣйствительности же общественный продуктъ при этомъ условіи значительно возростаетъ. Такимъ образомъ, увеличеніе производительности гораздо значительнѣе, чѣмъ я принималъ въ своемъ схематическомъ построеніи;... такъ какъ фактически работа на машинахъ даетъ бо̀льшую массу продукта, чѣмъ ручная работа, то норма прибыли должна вслѣдствіе роста постояннаго капитала возрасти“ (стр. 333). Стало быть, принявъ увеличеніе производительности вдвое, вслѣдствіе роста основного капитала, соотвѣтствующаго уменьшенію числа рабочихъ или перемѣнному капиталу, г. Туганъ-Барановскій сознательно допускаетъ ошибку; по его мнѣнію, надо было признать увеличеніе производительности на еще большую величину, и тогда еще болѣе увеличится доля предпринимателей въ продуктѣ, т.-е. *норма прибыли* уже не останется прежнею, а даже повысится, конечно, вслѣдствіе того, что продуктъ подешевѣетъ, а реальная плата, т.-е. количество продуктовъ, приходящихся на долю рабочихъ, останется прежнею.

Для доказательства г. Туганъ-Барановскій строитъ формулу; а что онъ въ состояніи доказать своими формулами все, что угодно, какъ, напримѣръ, возможность существованія самодо-

влѣющаго капитализма, это намъ прекрасно извѣстно. Поэтому насъ нисколько не удивила попытка его доказать построеніемъ формулы увеличеніе нормы прибыли при относительномъ увеличеніи постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ. Насколько же его „анализъ" уясняетъ дѣло, это вопросъ другой. Посмотримъ на дѣло поближе.

Считая совершенно ошибочнымъ анализъ Маркса, при изученіи вліянія относительнаго увеличенія постояннаго капитала на уменьшеніе нормы прибыли, г. Туганъ-Барановскій вноситъ въ него поправку, именно, онъ принимаетъ, что разъ производительность труда увеличилась вдвое, то вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилась наполовину не только стоимость всѣхъ продуктовъ, но также стоимость рабочей силы. Онъ говоритъ: „реальная заработная плата рабочихъ, находящихъ себѣ занятіе и послѣ введенія машинъ, равна $\frac{a}{4}$", если число рабочихъ уменьшилось на половину; если прежде они получали $\frac{a}{2}$, половину всего количества вновь произведеннаго продукта *a*, то теперь они станутъ получать $\frac{a}{4}$ т. е. четверть всего этого количества. Такимъ образомъ, вмѣсто *мѣновой* стоимости, съ которой только и можно имѣть дѣло при изученіи производства и распредѣленія всего общественнаго продукта,—такъ какъ рабочіе получаютъ не машины, построенныя ими, не химическіе продукты, не пряжу, не уголь, добытые ими, а часть мѣновой ихъ стоимости, превращенную въ деньги,—онъ подставляетъ *потребительную* и принимаетъ, что при увеличеніи производительности труда вдвое, удешевляется наполовину не только весь общественный продуктъ, но также и рабочая сила. Сдѣлавъ такое предположеніе, подмѣнивъ мѣновую стоимость потребительною, принявъ, что заработная плата уменьшается въ обратномъ отношеніи къ увеличенію производительности труда, т. е. принявъ, что доля рабочаго въ продуктѣ уменьшается въ обратномъ отношеніи къ увеличенію производительности труда,—словомъ, принявъ за данное то, что слѣдовало бы еще доказать, нашъ ученый критикъ приходитъ „къ совершенно обратному выводу сравнительно съ выводомъ Маркса" (стр. 333), именно, что „*замѣщеніе рабочихъ машинами не только не имѣетъ тенденціи понизить, а скорѣе имѣетъ тенденцію повысить норму прибыли*" (334).

При этомъ „анализъ" г. Тугана-Барановскаго приводитъ его къ крайне оригинальнымъ выводамъ: во-первыхъ, изъ него выходитъ, что норма прибыли въ капиталистически болѣе развитыхъ странахъ должна быть выше, чѣмъ въ менѣе развитыхъ. Возможно-ли это и бываетъ-ли это въ дѣйствительности, на этотъ вопросъ едва-ли кто-нибудь, кромѣ г. Тугана-Барановскаго, дерзнетъ дать положительный отвѣтъ. Во-вторыхъ,—и это особенно остроумно и оригинально,—если предположить, что по мѣрѣ увеличенія произво-

дительности труда и при соотвѣтственномъ удешевленіи предметовъ обычнаго потребленія рабочихъ, настолько же удешевляется рабочая сила и *рабочіе получатъ реально прежнее количество продуктовъ*, то въ пользу предпринимателей останется количество продуктовъ тѣмъ большее, чѣмъ больше съ повышеніемъ производительности труда увеличивается количество производимыхъ товаровъ; такъ что норма прибыли, то есть отношеніе произведенной прибавочной стоимости къ капиталу, возросшему на всю сумму увеличенныхъ затратъ на машины, фабричныя зданія, сырой и вспомогательный матеріалъ и т. д., не только не понизится, какъ думаетъ Марксъ, а останется прежнею или даже увеличится.

Да, дѣйствительно. если принять за доказанное то, что еще требуетъ доказательства, то г. Туганъ-Барановскій вполнѣ правъ.

Быть можетъ, однако, дѣйствительно, какъ это онъ утверждаетъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда и соотвѣтственнымъ пониженіемъ стоимости, а слѣдовательно, и цѣны товаровъ, входящихъ въ обычное потребленіе рабочихъ, заработная ихъ плата соотвѣтственно понижается, такъ что реальная ихъ плата, выраженная въ продуктахъ, остается безъ измѣненія.

Придется провѣрить это на фактахъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что если заработная плата уменьшается медленнѣе, чѣмъ удешевляются товары, то реальная плата увеличивается. Если денежная плата остается прежнею при удешевленіи товаровъ, то ростъ реальной платы будетъ еще значительнѣе. Если же вмѣстѣ съ удешевленіемъ товаровъ, входящихъ въ обычное потребленіе рабочихъ, денежная плата увеличится, то покупательная сила ея соотвѣтственно увеличится еще болѣе.

Посмотримъ, что говорятъ по этому поводу факты.

Цѣны всѣхъ главнѣйшихъ предметовъ потребленія рабочаго класса, взятыхъ по относительному ихъ значенію, по даннымъ финансоваго комитета С.-А. С. Штатовъ *), въ продолженіе десятилѣтія отъ 1880 до 1891 года понизились на 18%. Въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка пониженіе цѣнъ на эти предметы было еще значительнѣе. Въ иныхъ случаяхъ такое пониженіе цѣнъ,—какъ, напримѣръ, ситца и другихъ матеріаловъ для одежды,—доходило до 30% **).

Что же касается до движенія заработной платы, то огромный матеріалъ, собранный департаментомъ труда въ Вашингтонѣ ***),

---

*) Wholesale prices, wages and transportation, Washington, 1893, три тома.

**) Statistical Abstract of the United States for 1899.

***) Данныя эти собраны въ превосходныхъ отчетахъ Commissioner of Labor, именно въ 11-мъ: «Заработная плата мужчинъ, женщинъ и дѣтей» (671 стр.) и особенно въ только что вышедшемъ 15-мъ отчетѣ: «Заработная плата въ торговыхъ странахъ» (два тома въ 1642 стр.). Въ этомъ послѣд-

показываетъ, что въ значительной части торговыхъ странъ, въ особенности въ тѣхъ, гдѣ промышленность получила особенно сильное развитіе, заработная плата не только не понизилась, соотвѣтственно удешевленію предметовъ потребленія, какъ это предполагаетъ при построеніи своей схематической формулы г. Туганъ-Барановскій, она не только не осталась на прежней высотѣ, что обозначало бы увеличеніе реальной платы соотвѣтственно увеличенію предметовъ потребленія, — но она увеличилась, хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ это утверждаютъ оптимисты идеологи капитализма. Такъ, въ Англіи въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ прошлаго вѣка въ изслѣдованныхъ отрасляхъ труда она возросла немногимъ болѣе, чѣмъ на 12%; въ Парижѣ—на 20%; въ Бельгіи на 11%; въ С.-А. Штатахъ на 11%. Но все это среднія величины изъ изслѣдованныхъ отраслей труда. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ повышеніе заработной платы было очень значительно; въ нѣкоторыхъ она совершенно не повысилась; а въ нѣкоторыхъ даже нѣсколько понизилась. Для точнаго опредѣленія измѣненія величины заработной платы слѣдовало бы сравнить всю сумму заработныхъ платъ, получаемыхъ соотвѣтственнымъ числомъ рабочихъ за два сравниваемые момента, извлеченную изъ подлинныхъ фабричныхъ и заводскихъ книгъ, или же сравнить всю сумму заработныхъ платъ, получаемыхъ рабочими въ каждой отрасли промышленности въ отдѣльности. Но, къ сожалѣнію, этого сдѣлать по указаннымъ источникамъ нельзя. До нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ можно пополнить данными переписей. Это единственный матеріалъ, относящійся до всей страны и охватывающій всѣ отрасли промышленности С.-А. Штатовъ. Хотя данныя переписей, относящіяся къ промышленной статистикѣ, а слѣдовательно, и къ суммѣ заработныхъ платъ, односторонни, такъ какъ записываются по показаніямъ только предпринимателей, тѣмъ не менѣе и онѣ имѣютъ относительное значеніе. Если по этимъ переписямъ сравнить среднюю заработную плату, получавшуюся всѣми рабочими Штатовъ въ 1850 и въ 1890 годахъ, то окажется, что въ 1850 году они получали по 247 долларовъ въ годъ, а въ 1890 г.—446 долларовъ, т. е. заработная плата увеличилась на 80%. Возможно, что эти данныя преувеличены, но и они имѣютъ своего

немъ отчетѣ собраны данныя относительно 88 странъ, во многихъ случаяхъ захватывающія періодъ болѣе ста лѣтъ. Очень важный матеріалъ собранъ также департаментомъ труда относительно заработной платы С.-А. Штатовъ, Великобританіи, Франціи и Бельгіи, при чемъ, что касается до первой изъ этихъ странъ, то статистики выписывали соотвѣтственныя данныя изъ подлинныхъ фабричныхъ и заводскихъ списковъ рабочихъ платъ. Это единственный источникъ, которымъ вообще пользуется департаментъ труда для полученія свѣдѣній о заработной платѣ (Срав. Bulletin of the Department of Labor, 1898, № 18: Wages in the United States and Europe).

рода значеніе, показывая, подобно даннымъ, полученнымъ изъ подлинныхъ списковъ заработной платы, не уменьшеніе ея, а увеличеніе, хотя въ дѣйствительности, быть можетъ, и не столь значительное.

Такое увеличеніе фактически должно было произойти подъ вліяніемъ и экономическихъ, и физіологическихъ причинъ. При увеличеніи успѣшности труда происходитъ въ тоже время увеличеніе и его напряженности, т. е. увеличивается затрата кинетической энергіи живого организма. А такъ какъ рабочій организмъ можетъ тратить только то, что имѣетъ, то для возстановленія большей затраченной энергіи въ формѣ механической работы, рабочій долженъ лучше питаться и пр., иначе съ каждымъ послѣдующимъ днемъ онъ будетъ приступать къ работѣ съ меньшимъ и меньшимъ запасомъ энергіи. Для того же, чтобы рабочій могъ лучше питаться, заработная его плата должна повыситься. А такъ какъ при увеличеніи напряженности труда увеличивается и выдѣлка, то вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ давленіемъ рабочихъ организацій, увеличивается и заработная плата. Но, съ другой стороны, увеличеніе напряжености труда имѣетъ свои органическіе предѣлы, дойдя до которыхъ работо-способность организма быстро падаетъ. Вотъ почему увеличеніе напряженности труда требуетъ сокращенія продолжительности рабочаго дня.

Въ организмѣ (точно также и въ обществѣ) времена кажущагося покоя въ дѣйствительности суть періоды работы, въ продолженіе которыхъ перерабатываются и накопляются въ немъ неустойчивыя вещества для времени дѣятельности. „Совершенно подобно тому, какъ проявленіе блестящей умственной дѣятельности великаго оратора есть результатъ молчаливой работы въ продолженіе его жизни, точно также физическое проявленіе мускульной силы есть результатъ молчаливой подготовительной работы мышечныхъ клѣтокъ... Только этимъ путемъ органы въ состояніи дѣйствовать подъ вліяніемъ побудительныхъ причинъ... Это—заряженная батарея, готовая разрядиться подъ вліяніемъ самаго ничтожнаго органическаго соприкосновенія“. (Проф. C. Lloyd Morgan: Animal Behaviour. London, 1901, p. 23) *). Но для зарядженій этой органической батареи требуется опредѣленное количество опредѣленнаго качества матеріала (т. е. въ наиболѣе усвояемомъ видѣ), пищи, напр., и опредѣленное время покоя, отсутствія физической дѣятельности, для возстановленія тратъ и накопленія запаса неустойчивыхъ веществъ для послѣдующей работы. При недостаточности того и другого послѣдующая дѣятельность организма, какъ рабочаго механизма, неизбѣжно падаетъ. И наоборотъ, при питаніи вполнѣ достаточномъ для возстановле-

Срав. также *И. М. Сѣченовъ*: *Очеркъ рабочихъ движеній человѣка*. Москва 1901, стр. 133—139.

нія тратъ и при періодическомъ покоѣ, вполнѣ достаточномъ для внутренней работы организма, механическая дѣятельность послѣдняго, напряженность труда, въ опредѣленныхъ предѣлахъ повышается настолько, что человѣкъ въ меньшее количество рабочаго времени въ состояніи произвести, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, большее количество продуктовъ.

И, дѣйствительно, мы видимъ такое на первый взглядъ парадоксальное явленіе, что, чѣмъ продолжительнѣе рабочій день, тѣмъ заработная плата ниже *). Вотъ соотвѣтственныя данныя, относящіяся къ 30 ткацкимъ фабрикамъ Москвы, которыя были сгруппированы по свѣдѣніямъ, собраннымъ д-ромъ Песковымъ въ приложеніи къ его изслѣдованію „Санитарнаго положенія фабрикъ въ г. Москвѣ“ (Москва, 1882. Подробности читатель можетъ найти въ нашей замѣткѣ въ Юридич. Вѣстникѣ 1889, № 3. стр. 532—537).

Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Рабочій день, часы.	Рабочая плата: въ мѣсяцъ:	Рабочая плата: за часъ въ мѣсяцъ:	Обхватъ груди превышаетъ полуростъ въ сантиметрахъ.
			рубли.	рубли.	
17	1862	14.06	17.68	1.25	2.88
13	1561	13	19.98	1.53	3.62

У ткачей первой группы фабрикъ рабочій день длиннѣе, болѣе чѣмъ на часъ или слишкомъ на 8%, а заработная плата за мѣсячный часъ на 22% меньше, чѣмъ у ткачей второй группы. Вслѣдствіе этого и питаніе, и физическое развитіе ихъ, выражающееся въ плохомъ развитіи грудной клѣтки, гораздо хуже.

Такъ вотъ и этотъ моментъ, заставляющій повышаться рабочую плату, вслѣдствіе увеличенія напряженности труда, совершенно упущенъ г. Туганъ-Барановскимъ. Нечего и говорить, что даже при прежней рабочей платѣ и даже уменьшающейся, но при относительно быстрѣе возрастающихъ затратахъ на основной капиталъ, норма прибыли всетаки понизится.

Такимъ образомъ, „анализъ“ г. Тугана-Барановскаго, основанный на построеніи алгебраической формулы, кажущейся для него „неотразимой“ (стр. 333), не выдерживаетъ ни фактическаго, ни теоретическаго испытанія. Фактически онъ опровергается данными промышленныхъ странъ вообще и С.-Штатовъ въ

*) При меньшей жизнедѣятельности организма, меньшей работоспособности его; а, слѣдовательно, и меньшей выработкѣ, удлиненіе рабочаго дня представляется кажущеюся возможностью выработать больше, но при еще большей вслѣдствіе этого затратѣ рабочихъ силъ работоспособность понижается еще болѣе, а вмѣстѣ съ нею и выработка, а слѣдовательно, и заработная плата.

частности; теоретически онъ не вѣренъ потому, что основывается на смѣшеніи понятій мѣновой и потребительной стоимости.

Намъ прекрасно извѣстно, что С.-американская промышленная жизнь представляетъ своеобразныя особенности; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнивать данныя переписей за разное время безъ поправокъ нельзя; что выводы, полученные при изученіи американскихъ отношеній нельзя прилагать ко всѣмъ странамъ безъ разбора. Но мы этого и не намѣрены были дѣлать. Мы имѣли въ виду указать на то направленіе, по которому идетъ хозяйственная жизнь подъ вліяніемъ увеличенія успѣшности труда, при совершенно опредѣленныхъ, при томъ крайне благопріятныхъ условіяхъ. Быстрота этого движенія въ разныхъ странахъ можетъ быть разною, какъ это показываетъ данныя другихъ промышленныхъ странъ, но направленіе его подъ вліяніемъ экономическихъ и иныхъ условій болѣе или менѣе одинаково. Хотя при неблагопріятно слагающихся общественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ такое движеніе можетъ не только замедлиться, не только остановиться, но даже пойти назадъ; но это будетъ уже частнымъ случаемъ, происходящимъ при совершенно опредѣленныхъ, при томъ неблагопріятныхъ хозяйственныхъ общественнныхъ условіяхъ, а не правиломъ, не „закономъ", какъ думаетъ г. Туганъ-Барановскій.

Изъ всего этого, конечно, не слѣдуетъ, что норма прибыли, дѣйствительно, постоянно изъ года въ годъ падаетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Нѣтъ. Есть множество условій, которыя и перечисляетъ Марксъ, не только задерживающихъ ея паденіе, но по временамъ повышающихъ ея величину. Какъ разъ за послѣдніе годы особенно обострилось дѣйствіе обстоятельствъ, то задерживающихъ ея паденіе, то способствующихъ ему. И тѣ, и другія всегда въ наличности. Но при изученіи общей тенденціи и тѣ, и другія оставляются въ сторонѣ, совершенно не принимаются въ разсчетъ, а вводятся впослѣдствіи поочередно, чтобы изучить вліяніе каждаго изъ нихъ. Только г. Тугану-Барановскому могла придти въ голову мысль принять частный случай за общій „законъ" и за доказанное то, что еще требуетъ доказательства, чтобы затѣмъ съ торжествующимъ видомъ утверждать, что онъ доказалъ то, что принялъ за доказанное. Онъ не видитъ своего методологическаго промаха.

Такъ какъ изъ „неотразимаго анализа" г. Тугана-Барановскаго выходитъ, что по мѣрѣ увеличенія производительности труда денежная заработная плата на столько же падаетъ, то оказывается, что онъ строго придерживается давнымъ давно заброшеннаго ученія о „желѣзномъ законѣ", опредѣляющемъ величину заработной платы. Онъ опредѣляетъ величину стоимости рабочей силы совершенно той же мѣрой, какою опредѣляется величина стоимости аршина ситца. Онъ въ полномъ смыслѣ слова считаетъ

людей товаромъ. Онъ забываетъ, что предполагаемое имъ увеличеніе производительности всего общественнаго труда вдвое не происходитъ и не можетъ произойти сразу, что для этого требуется болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіе котораго въ промышленно-развитыхъ странахъ рабочіе не остаются, да и не могутъ оставаться пассивными зрителями предполагаемыхъ г. Туганъ-Барановскимъ всегда успѣшныхъ попытокъ предпринимателей уменьшить ихъ денежную заработную плату соотвѣтственно удешевленію предметовъ ихъ обычнаго потребленія. Воззрѣніе его на заработную плату является, такимъ образомъ, по рѣзкому выраженію Маркса, ученіемъ раба, который проповѣдуетъ рабочимъ, что потребленіе ихъ остается и должно всегда остаться на одномъ уровнѣ...

Г. Туганъ-Барановскій, являясь въ своемъ „анализѣ" приверженцемъ „желѣзнаго закона" заработной платы, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ защитникомъ ученія о прогрессивномъ обѣдненіи рабочихъ классовъ. Этотъ выводъ есть необходимое слѣдствіе его утвержденія, что по мѣрѣ увеличенія производительности труда настолько же увеличивается степень эксплуатаціи рабочихъ, то есть настолько-же уменьшается доля ихъ участія въ стоимости вновь произведенныхъ ими продуктовъ... Слѣдовательно, въ этомъ онъ рѣзко расходится съ г. Струве.

Весь этотъ рядъ выводовъ есть слѣдствіе основной его ошибки—смѣшенія мѣновой и потребительной стоимости. Мало того, на этомъ промахѣ онъ основываетъ свою критику, уничтожающую категорію прибавочной стоимости Маркса. По его мнѣнію, теорія прибавочной стоимости заключаетъ въ себѣ внутреннюю антиномію... Антиномія эта заключается въ слѣдующемъ: теорія прибавочной стоимости, исходя изъ теоріи трудовой стоимости, приходитъ къ противоположенію живого труда, какъ единственнаго фактора прибыли, мертвому труду; между тѣмъ какъ трудовая теорія мѣновой стоимости убѣждаетъ г. Тугана-Барановскаго, что движеніе нормы прибыли не имѣетъ ничего общаго съ измѣненіемъ строенія капитала. „Строеніе капитала можетъ повыситься въ любыхъ размѣрахъ—роль живого труда можетъ неограниченно падать—при полной неизмѣнности или даже при повышеніи нормы прибыли. (Конечно, если вмѣстѣ съ г. Туганъ-Барановскимъ принять, что норма эксплуатаціи рабочаго увеличивается соразмѣрно съ повышеніемъ производительности его труда). Отсюда слѣдуетъ, продолжаетъ г. Туганъ Барановскій, что противопоставленіе живого труда мертвому, по отношенію къ явленіямъ прибыли, не имѣетъ никакого экономическаго смысла"... Такъ что весь „Капиталъ", основанный на этомъ положеніи, является въ глазахъ „марксиста" г. Тугана-Барановскаго безсмыслицей. Въ этомъ г. Туганъ-Барановскій вполнѣ солидаренъ съ г. Струве, который уже раньше его открылъ, что дѣленіе ка-

питала на постоянный и перемѣнный въ экономическомъ смыслѣ вводитъ только въ заблужденіе... Въ глазахъ и того, и другого выдѣленіе *субъективнаго* фактора *общественнаго* процесса производства, того фактора, который составляетъ основное звено цѣпи *общественныхъ* экономическихъ отношеній, того единственнаго активнаго фактора, дѣятельностью котораго только и обусловливается жизнь какъ индивидуальная, такъ и общественная, т. е. всѣ экономическія и общественныя отношенія; выдѣленіе доли рабочаго класса изо всей суммы произведенныхъ продуктовъ и отношеніе этихъ долей одной къ другой, обусловленное всѣмъ складомъ, всѣмъ строемъ даннаго способа производства, все это „не имѣетъ никакого экономическаго смысла"...

Теорія прибавочной стоимости,—такъ заканчиваетъ свою ученую критику г. Туганъ-Барановскій,—сводится къ тавтологіи: понятное дѣло, что если назвать стоимостью „кристализованный въ продуктѣ трудъ", то и прибавочная стоимость будетъ „кристализованнымъ трудомъ „присвоеннымъ капиталистомъ". (Тамъ же стр. 336).

Кажется, проницательности нашего критика дальше идти некуда. Онъ смѣшиваетъ два совершенно разные вопроса. Съ одной стороны, Марксъ показываетъ, что вся сумма общественныхъ рабочихъ силъ распредѣляется на производство разнаго рода продуктовъ соотвѣтственно общественной потребности въ каждомъ изъ нихъ, при данной степени производительности общественнаго труда. Вслѣдствіе общественнаго характера капиталистическаго производства, вслѣдствіе того, что продукты каждой изъ отраслей промышленности производятся для продажи, для обмѣна при помощи денегъ на продукты другихъ отраслей промышленности, вслѣдствіе того, что предметы, находимые въ природѣ, могутъ быть приспособлены для цѣлей человѣческаго существованія, пользуясь свойствами этихъ предметовъ и силами природы, только при помощи труда,—мѣриломъ мѣновой стоимости при такихъ взаимныхъ обмѣнахъ одного рода продукта на продуктъ другого рода становится количество труда, общественно-необходимаго для ихъ производства. Въ этомъ смыслѣ мѣновая стоимость есть сгустокъ труда, кристализованный трудъ. Это основной вопросъ общественно-хозяйственной дѣятельности человѣка. Съ другой стороны, возникаетъ вопросъ: чѣмъ опредѣляется доля участія каждаго изъ общественныхъ классовъ въ продуктѣ всего общественнаго производства? Въ капиталистическомъ хозяйствѣ одинъ изъ классовъ, непосредственные производители, рабочіе, не обладаютъ средствами для производства предметовъ, необходимыхъ для ихъ существованія, такъ какъ они сосредоточены въ рукахъ капиталистовъ; поэтому то средства для своего существованія они могутъ пріобрѣсти не иначе, какъ купивъ ихъ; купить же они могутъ только что-нибудь продавъ;

продаютъ они только то, что у нихъ есть, именно свою рабочую силу капиталистамъ-предпринимателямъ. Для возмѣщенія стоимости этой силы, она должна проявиться въ какой-нибудь полезной для общества работѣ, дѣйствовать ежедневно въ продолженіе опредѣленнаго количества времени, производя какіе-нибудь полезные для общества предметы. Но капиталистъ, купивъ рабочую силу, пользуется ея потребительною стоимостью, трудомъ, источникомъ мѣновой стоимости, по величинѣ большей, чѣмъ стоимость купленной имъ рабочей силы, создаваемой при помощи принадлежащихъ ему орудій труда и сырого матеріала; онъ не довольствуется количествомъ такого труда, который производитъ полезные предметы, по своей мѣновой стоимости равные лишь эквиваленту мѣновой стоимости рабочей силы или тѣхъ предметовъ, которые, сообразно даннымъ общественнымъ привычкамъ, обычаямъ необходимы для существованія рабочихъ. Рабочіе, производя этотъ эквивалентъ въ продолженіе части рабочаго дня, должны проработать еще нѣкоторое болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіе котораго производятъ тѣ же полезные предметы, но мѣновая стоимость которыхъ представляетъ доходъ капиталиста. Одну часть рабочаго дня, въ продолженіе которой производится эквивалентъ стоимости рабочей силы, Марксъ называетъ необходимою, точно также называетъ онъ и стоимость, произведенную въ продолженіе этого времени. Другую часть рабочаго дня, равно какъ стоимость, произведенную въ продолженіе этой части, онъ называетъ прибавочною.

Такимъ образомъ въ продолженіе всего рабочаго дня производится все количество предметовъ, необходимыхъ для общества. Мѣновая стоимость этихъ предметовъ опредѣляется количествомъ труда общественно-необходимымъ для ихъ производства. Но при этомъ часть рабочаго дня употребляется на производство товаровъ, полезныхъ для общества предметовъ, по мѣновой стоимости равныхъ мѣновой стоимости средствъ существованія рабочихъ, и которую капиталистъ затратилъ въ видѣ перемѣннаго капитала, въ видѣ заработной платы рабочимъ. Остальная часть рабочаго дня употребляется на производство предметовъ, мѣновая стоимость которыхъ составляютъ доходъ капиталистовъ.

Стало быть, если доказано, что весь общественный продуктъ съ точки зрѣнія мѣновой стоимости есть кристаллизованный трудъ, то, конечно, вмѣстѣ съ этимъ также доказано, что каждая изъ частей этого продукта представляетъ точно также кристаллизованный трудъ. Но величина стоимости даннаго продукта опредѣляется количествомъ труда, общественно-необходимымъ для его производства, а прибавочная стоимость опредѣляется величиною всей стоимости за вычетомъ необходимой. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о величинѣ мѣновой стоимости всего общественнаго продукта, а во второмъ—о распредѣленіи этой величины между

различными общественными классами, и объ условіяхъ, опредѣляющихъ величину каждой изъ долей. И эти-то два совершенно разные вопроса нашъ проницательный критикъ считаетъ тождественными...

VII.

Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что Марксъ совершенно не оправдалъ ожиданій нашихъ „марксистовъ". По мнѣнію г. Струве, законъ, опредѣляющій величину стоимости, данный Марксомъ въ I томѣ „Капиталъ", не вяжется съ тѣми ограниченіями его, которыя даются въ III томѣ. Но такова, къ прискорбію, участь всѣхъ „законовъ" физическихъ и общественныхъ явленій. Они дѣйствительны въ полной силѣ только при одномъ условіи, именно, когда вліяніе всѣхъ воздѣйствующихъ на нихъ явленій устранено. Въ данномъ случаѣ воздѣйствующія вліянія пріобрѣтаютъ особенное значеніе, вслѣдствіе того, что капиталистическое производство, будучи общественнымъ по назначенію своихъ продуктовъ, есть въ тоже время частное по присвоенію прибавочной стоимости, которая вслѣдствіе этого стремится распредѣлиться соразмѣрно затратамъ капиталовъ въ каждой изъ отраслей промышленности, а не остается въ рукахъ капиталистовъ тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ она была произведена *). Идя дальше, г. Струве приходитъ къ отрицанію опредѣленія величины прибавочной стоимости продукта однимъ человѣческимъ трудомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эксплуатація человѣка человѣкомъ и эксплуатація лошади человѣкомъ объективно одна отъ другой ничѣмъ не отличаются. Онъ только забываетъ, что эксплуатація человѣка человѣкомъ есть вопросъ общественно-экономическій, вопросъ, которымъ опредѣляются общественныя отношенія между людьми, а эксплуатація лошади человѣкомъ не входитъ въ кругъ общественныхъ экономическихъ вопросовъ, такъ какъ лошадь не входитъ въ число членовъ людского общества.

Затѣмъ мы видимъ, что г. Струве, а за нимъ еще въ большей степени г. Туганъ-Барановскій считаютъ Марксово рѣшеніе „закона" уменьшенія нормы прибыли во времени чисто воображаемымъ, мнимымъ. Но при „анализѣ" этого закона г. Туганъ-Барановскій обнаруживаетъ такое смѣшеніе разнородныхъ понятій, такой недопустимый методологическій промахъ, что можно только удивляться той путаницѣ мыслей, какая обнаруживается у него, когда онъ предполагаетъ неизмѣнность и даже уменьшеніе доли рабочаго класса во вновь произведенномъ продуктѣ, по мѣрѣ

---

*) Совершенно подобно закону хотя бы тяготѣнія, когда тѣло падаетъ, если ему ничто не препятствуетъ падать. И мягкій кусокъ желѣза поднимается, притягиваемый электромагнитомъ, и падаетъ, какъ только бо̀льшая энергія, требуемая для притяженія его, перестаетъ затрачиваться.

увеличенія производительности общественнаго труда, постоянный ростъ степени эксплуатаціи рабочаго соразмѣрной съ такою возростающею производительностью и даже превосходящей ее. Хотя предположеніе это опровергается какъ фактами, такъ и теоретическими соображеніями, но тѣмъ не менѣе г. Туганъ-Барановскій весь свой „анализъ“ строитъ на немъ.

Затѣмъ, г. Туганъ-Барановскій идетъ дальше г. Струве и въ томъ смыслѣ, что включаетъ въ число членовъ человѣческаго общества уже не только животныхъ, лошадей, какъ это дѣлаетъ г. Струве, а также машины. „Человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи (въ созданіи цѣнныхъ предметовъ) вполнѣ эквивалентны“,—говоритъ онъ,—„принципіальнаго различія между человѣкомъ и машиной не существуетъ“...

Такимъ образомъ, и тотъ, и другой „марксистъ“ въ основу своей критики теоріи стоимости и прибавочной стоимости Маркса положили не тѣ общественно-хозяйственныя отношенія, которыя возникаютъ между людьми вслѣдствіе необходимости производить предметы для своего существованія, а отношенія между человѣкомъ и природою, между субъективнымъ и объективнымъ факторами производства. Общественныя экономическія отношенія подразумѣваютъ исключительно взаимныя отношенія между людьми, обусловленныя необходимостью поддерживать ихъ существованіе. Отношеніе между человѣкомъ и природою, возникающее на почвѣ хозяйственныхъ цѣлей, для ея эксплуатаціи, составляетъ предметъ особой научной дисциплины, технологіи въ обширномъ смыслѣ слова, развитіе которой, обусловленное въ свою очередь развитіемъ естествознанія, имѣетъ вліяніе на возможность болѣе широкаго удовлетворенія большаго числа потребностей человѣка. Джоуль и Робертъ Майеръ, доказавшіе эквивалентность затрачиваемой теплоты и производимой ею работы, положили основаніе для научнаго пониманія предѣловъ полезнаго дѣйствія машинъ, а слѣдовательно, и для ихъ постройки. Трудомъ этихъ ученыхъ капиталисты пользуются даромъ. Постройкою машины человѣкъ имѣетъ цѣлью использовать для производства энергію, пропадавшую для него до тѣхъ поръ даромъ. Трудъ, потраченный человѣкомъ для разведенія животныхъ или для постройки машинъ, входитъ элементомъ въ стоимость продуктовъ, произведенныхъ при ихъ помощи. Но ни животная сила, ни теплота, ни свѣтъ, ни энергія тяготѣнія, ни электрическая и ни какая иная энергія въ мѣновую стоимость товара не входитъ и входить не можетъ. Такъ какъ въ мѣновой стоимости исключительно выражается общественно-хозяйственная связь, отношеніе количества труда, требуемаго обществомъ для производства продуктовъ, то въ ней нѣтъ и не можетъ быть никакого природнаго содержанія. Открытіе возможности пользоваться силами природы является для капиталиста даровымъ продуктомъ общественнаго развитія. Для всего

общества это развитіе, конечно, даромъ не дается. А если за него приходится платить и капиталисту, то это дѣлается въ видѣ болѣе высокой заработной платы лицамъ, завѣдующимъ техническою стороною производства. Но чѣмъ общераспространеннѣе становятся научныя и техническія знанія, тѣмъ является большая возможность найти лицъ, удовлетворяющихъ предъявляемыя къ нимъ требованія технической подготовки, а слѣдовательно, является возможность меньше платить за ихъ работу.

Итакъ, технологія занимается отношеніемъ человѣка къ природѣ для хозяйственныхъ его цѣлей, для большей эксплуатаціи ея, а экономическая наука занимается исключительно отношеніями людей между собою, вызванными необходимостью приспособлять, при помощи техническихъ знаній, внѣшніе предметы къ потребностямъ человѣческаго существованія. Сосредоточеніе средствъ производства въ одномъ изъ общественныхъ классовъ, предоставляющее ему возможность большаго использованія, при помощи технически подготовленныхъ силъ, даровыхъ силъ природы, для пріобрѣтенія большаго хозяйственнаго преимущества сравнительно съ другими общественными классами, можетъ усилить общественный антагонизмъ между ними, обострить общественно хозяйственныя отношенія. Но самыя эти отношенія слагаются исключительно между людьми, подъ давленіемъ необходимости поддерживать существованіе, измѣняясь вслѣдствіе измѣненія условій, при которыхъ овеществляется трудъ, необходимый для поддержанія существованія человѣка.

Необходимость питаться, одѣваться и пр. заставляетъ заниматься земледѣліемъ, обрабатывающею и добывающею промышленностью. Общественно-хозяйственныя условія, при которыхъ удовлетворяется эта необходимость, образуетъ хозяйственную связь между людьми, которая составляетъ предметъ изученія политической экономіи.

Отъ развитія науки и ея приложеній, отъ развитія, значитъ, техническихъ знаній, зависитъ количество зерновыхъ и волокнистыхъ веществъ, получаемыхъ и перерабатываемыхъ единицею человѣческой рабочей силы въ единицу времени.

Но отношенія общественныхъ рабочихъ силъ между собою и къ владѣльцамъ средствъ производства; распредѣленіе ихъ на разныя отрасли производства въ зависимости отъ общественной потребности въ продуктахъ каждой изъ нихъ; количество труда, потраченнаго на производство каждаго рода продукта въ требуемомъ обществомъ количествѣ, при данномъ развитіи техническихъ знаній; распредѣленіе всего продукта, произведеннаго всею суммою общественныхъ рабочихъ силъ между различными общественными классами,—все это отношенія чисто общественныя, составляющія предметъ изученія политической экономіи. Объективные факторы производства разсматриваются въ политической экономіи

лишь настолько, насколько они служатъ носителями субъективныхъ факторовъ, насколько за ними скрываются общественныя отношенія между людьми. Орудія труда, силы природы, которыми человѣкъ пользуется для приспособленія предмета труда (т.-е. земли, выдѣлываемаго издѣлія и пр.), къ удовлетворенію своихъ потребностей, увеличиваютъ количество этихъ предметовъ; но распредѣленіе этого увеличеннаго количества между различными общественными классами и количество человѣческихъ рабочихъ силъ, общественно-необходимыхъ для ихъ производства, ихъ стоимость, опредѣляется исключительно общественно-хозяйственными отношеніями. Силы природы и орудія труда, уменьшая трудъ общественно-необходимый для производства продуктовъ, не создаютъ и не могутъ создать ни *мѣновой* стоимости, величина которой опредѣляется исключительно *общественно* хозяйственными условіями, т.-е. количествомъ человѣческаго труда *общественно* необходимаго для производства этихъ предметовъ, ни *прибавочной* стоимости, величина которой опредѣляется опять-таки исключительно общественно-хозяйственными отношеніями, т.-е. отношеніемъ избытка всего рабочаго времени, общественно необходимаго для производства предмета, сравнительно съ тѣмъ, какое необходимо для производства эквивалента стоимости рабочей силы.

Итакъ, въ опредѣленіе величины *мѣновой стоимости* товара, этого основного элемента капиталистической общественно-хозяйственной организаціи, не можетъ входить элементомъ ни вещественное содержаніе товара,—такъ какъ при этомъ сопоставляются два совершенно несоизмѣримыя отношенія: опредѣленное *общественное* отношеніе производства — мѣновая стоимость, съ одной стороны, и потребительная стоимость, вещь—съ другой (Капиталъ, III, 676); ни субъективная оцѣнка, предѣльная полезность, какъ это желали представить и г. Бернштейнъ, и г. Струве, сближая теорію трудовой стоимости съ теоріей предѣльной полезности Джевонса и австрійской школы.

Вопросъ о роли субъективнаго элемента въ опредѣленіи величины мѣновой стоимости живо напоминаетъ вопросъ о свободѣ воли въ психологіи.

Если все поведеніе человѣка, вся его дѣятельность опредѣляется не какою-то самопроизвольною, самодовлѣющею духовною сущностью, не признающею никакой естественной причины, не подчиняющейся никакому закону, не имѣющей никакого соотношенія къ веществу,—а есть результатъ воздѣйствія природной и общественной среды на слагающійся характеръ даннаго лица, черезъ посредство его мозга,—то тѣмъ меньше можетъ опредѣляться субъективной оцѣнкой величина *мѣновой* стоимости, которая есть результатъ воздѣйствія на индивидуальную дѣятельность гораздо болѣе сложнаго сочетанія общественно-хозяйственныхъ

отношеній, находящихся совершенно внѣ контроля отдѣльной личности. Подобно тому, какъ понятіе о свободѣ воли совершенно недопустимо вслѣдствіе того, что оно предполагаетъ, будто человѣкъ дѣйствуетъ не по закону причинности, не вслѣдствіе того, что его мозговая дѣятельность, реагируя на внѣшнія природныя и общественныя условія, вызываетъ соотвѣтственные поступки*); не вслѣдствіе того, что строеніе мозга даннаго лица, унаслѣдованное отъ многихъ поколѣній его предковъ, слагавшееся подъ вліяніемъ этихъ внѣшнихъ условій, которыя и формируютъ характеръ человѣка, опредѣляютъ его дѣятельность (вспомнимъ щедринскаго „Бѣднаго волка“); если дѣйствія человѣка опредѣляются не всѣмъ этимъ, а велѣніями духовной сущности, свободной воли, независимой отъ закона причинности, не характеромъ человѣка, реализующимъ всѣ особенности совершающихся обстоятельствъ,—то онъ перестаетъ быть отвѣтственнымъ за нихъ, не онъ ихъ совершилъ. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ внесеніе понятія свободы воли въ человѣческую дѣятельность дѣлаетъ человѣка неотвѣтственнымъ за его поступки: самопроизвольная воля, исключая законъ причинности, лишаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ психологію научнаго основанія; точно также внесеніе въ опредѣленіе величины *мѣновой* стоимости субъективнаго фактора, предѣльной полезности или природнаго содержанія, въ видѣ силъ природы или вещественныхъ ея элементовъ,—лишаетъ научнаго основанія политическую экономію, такъ какъ вноситъ въ чисто общественныя отношенія, къ каковымъ принадлежитъ *мѣновая стоимость*, элементы, или исключающіе законъ причинности, или такіе, которые, находясь внѣ области общественныхъ отношеній, совершенно несоизмѣримы съ ними.

По мѣрѣ развитія умственныхъ способностей человѣка, по мѣрѣ болѣе глубокаго пониманія связи явленій природныхъ и общественныхъ, какъ въ ихъ послѣдовательности, такъ и въ сосуществованіи, пріобрѣтаемаго житейскимъ и научнымъ опытомъ и наблюденіемъ,—формируются новыя состоянія сознанія **), вслѣдствіе чего данное лицо получаетъ возможность болѣе цѣлесообразно реагировать на вліяніе этихъ явленій; при чемъ волѣ человѣка предоставляется большая свобода, но свобода, попрежнему ограниченная природными и общественными вліяніями. По мѣрѣ увеличенія производительности труда, обусловленной точно также большимъ умственнымъ и общественнымъ развитіемъ человѣка, увеличивается количество благъ, которыми можетъ пользоваться человѣкъ для удовлетворенія своихъ потребностей, опредѣ-

---

*) Вслѣдствіе чего важнѣйшею заботою воспитателя является культивированіе привычки правильно наблюдать и правильно мыслить, обученіе тому, какъ наблюдать, какъ мыслить и сохранять въ памяти.

**) Понимая это слово, конечно, не въ метафизическомъ, а какъ видно изъ только-что сказаннаго,—въ научномъ смыслѣ.

ляемыхъ субъективно. Субъективною оцѣнкою опредѣляется потребительная стоимость, полезность вещи для потребностей человѣка. Но степень удовлетворенія этихъ потребностей въ количественномъ и качественномъ отношеніи находится въ полной зависимости отъ объективныхъ условій, отъ достигнутой степени производительности труда и отъ формы общественнаго производства. Такъ что мѣновая стоимость,—которая есть косвенное выраженіе количества труда, затраченнаго на производство опредѣленнаго продукта въ количествѣ, опредѣляемомъ потребностью въ немъ капиталистическаго общества,—находится въ полной зависимости отъ объективныхъ условій производства. При данномъ количествѣ человѣческихъ рабочихъ силъ въ данномъ обществѣ валовая мѣновая стоимость произведенныхъ продуктовъ не измѣняется, какъ бы, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, ни увеличивалась или ни уменьшалась производительность труда. Измѣненіе общественной производительности труда вызываетъ измѣненіе количества и рода производимыхъ продуктовъ, а не валовой стоимости. Такимъ образомъ, если въ предѣлахъ, даваемыхъ производительностью труда, субъективною оцѣнкою и опредѣляется полезность вещи для человѣка, то въ мѣновую стоимость, во взаимное мѣновое отношеніе произведенныхъ продуктовъ, собственная оцѣнка входить не можетъ, и опредѣляется она исключительно общественно-хозяйственными отношеніями, совершенно независимыми отъ субъективной оцѣнки. Приведемъ еще нѣкоторыя соображенія, которыя дадутъ возможность еще болѣе выяснить нашу общую точку зрѣнія.

Человѣкъ, какъ существо, съ одной стороны живое, а съ другой общественное, подчиняется соотвѣтственно двоякаго рода вліянію: необходимости существованія физическаго и необходимости существованія общественнаго. Относительное вліяніе послѣдняго вмѣстѣ съ общественнымъ развитіемъ становится все болѣе и болѣе значительнымъ. Дарвинъ, въ третьей главѣ своего труда „Происхожденіе человѣка“ *), замѣчательной по глубинѣ мысли и ясности изложенія, доказываетъ, что всѣ соціальныя чувства человѣка возникаютъ вслѣдствіе необходимости отдѣльныхъ членовъ человѣческихъ группъ—классовъ, семействъ, родовъ, общинъ—подчинять непосредственныя и болѣе острыя чувства и инстинкты общественнымъ для достиженія опредѣленныхъ выгодъ этихъ группъ въ ихъ борьбѣ за существованіе. Соціальныя чувства, навязываемыя человѣку для блага данной общественной группы ея членами,—совмѣстной работой, взаимной помощью, подражаніемъ, порицаніемъ однихъ поступковъ и одо-

---

*) Срав. C. Lloyd Morgan: *Animal Behaviour* (London 1900), главу Social Behaviour, S. Evolution of Social Behaviour, стр. 232—235; а также проф. W. Clifford: *Lectures and Essays*, Vol. II: «On the scientific Basis of Morals».

бреніемъ другихъ,—развиваются затѣмъ въ нравственное чувство, совѣсть, такъ что уже первобытный человѣкъ при своемъ умственномъ развитіи былъ въ состояніи видѣть и сравнивать результаты прежнихъ своихъ поступковъ общественнаго характера и понимать болѣе отдаленныя ихъ послѣдствія. Съ теченіемъ времени чувства эти пріобрѣтаютъ характеръ инстинкта, невыполненіе велѣній котораго вызываетъ чувство неудовлетворенности, а нарушеніе—или чувство сожалѣнія, или въ болѣе высокой степени—угрызеніе совѣсти, а слѣдовательно, и отвѣтственности. „Мы видѣли,—говоритъ Дарвинъ,—что у дикарей, да вѣроятно и у первобытнаго человѣка, поступки считались хорошими или дурными лишь по тому, насколько они имѣли очевидное вліяніе на благосостояніе племени, а не вида и не отдѣльной личности этого племени. Это заключеніе вполнѣ согласуется съ мнѣніемъ, что такъ называемое нравственное чувство произошло изъ соціальныхъ инстинктовъ, такъ какъ и первое и послѣдніе первоначально относились исключительно (exclusively) къ данной общественной группѣ (community)“ *). Болѣе постоянныя соціальныя чувства съ развитіемъ общественности, усиливаясь привычкой и унаслѣдованіемъ, становятся настолько могущественными, что получаютъ преобладаніе надъ чувствами менѣе постоянными, хотя и болѣе острыми. При этомъ Дарвинъ очень тонко замѣчаетъ, что непосредственныя желанія вообще бываютъ сильны, но очень непродолжительны, и послѣ того какъ они пройдутъ, ихъ нельзя себѣ представить, умственно воспроизвести; между тѣмъ какъ дѣйствіе общественныхъ силъ, хотя и менѣе могущественныхъ, болѣе постоянно и прочно. Человѣкъ очевидно не можетъ избѣжать вліянія послѣднихъ и какъ членъ данной общественной группы или общества не можетъ не чувствовать, что такой-то поступокъ долженъ нарушить интересы этого общества, а такой-то гармонируетъ съ ними. Но съ другой стороны и неудовлетвореніе потребностей человѣка какъ существа живого, и раздробленность общества на отдѣльные классы, зачастую съ противоположными интересами, производитъ коллизію интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, выражающуюся въ поступкахъ ихъ членовъ, нарушающихъ интересы общества какъ цѣлаго. Слѣдовательно, чѣмъ полнѣе удовлетворены потребности человѣка какъ существа живого, чѣмъ солидарнѣе интересы всѣхъ членовъ общества, тѣмъ меньше поводовъ для противообщественныхъ поступковъ его членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всего изложеннаго ясно, что по мѣрѣ развитія общественности и умственнаго кругозора развивается также и нравственность, и тѣ зачатки нравственнаго поведенія человѣка, которыми онъ удовлетворялся три, двѣ или одну тысячу лѣтъ тому назадъ,

*) «*Descent of Man*», Vol. I, p. 96—97.

уже не нетолько не удовлетворяютъ его, но иные изъ нихъ онъ считаетъ еще очень недостаточными, не отвѣчающими существующимъ условіямъ развитія общественности, а другіе въ его глазахъ являются просто безнравственными. Затѣмъ очевидно, что насажденіе нравственныхъ чувствъ безъ соотвѣтственнаго развитія общественности, есть просто nonsens...

Изъ всего этого видно, что изученіе біологическаго развитія человѣка какъ члена животнаго міра и какъ животнаго общественнаго, произведенное Дарвиномъ, и изученіе условій, при которыхъ осуществляется трудъ человѣка, которымъ обусловливается его жизнь, произведенное Марксомъ,—привело и того и другого мыслителя и ученаго къ одинаковому выводу.

По Дарвину соціальные инстинкты, возникая подъ давленіемъ тѣхъ сторонъ общественной жизни, которыя способствуютъ благу данной общественной группы, содѣйствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкому развитію общественности, а объединеніе многихъ общественныхъ группъ, вызываемое ихъ общими выгодами, еще болѣе способствуютъ развитію общественности и возникающаго на ея почвѣ нравственнаго чувства, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и общаго блага. Марксъ же, съ своей стороны, изучаетъ развитіе общественности, ведущей къ общему благу, подъ вліяніемъ развитія матеріальныхъ условій существованія человѣка, при чемъ указываетъ и на тѣ условія, которыя, обособляя различные общественные классы, тѣмъ самымъ препятствуютъ болѣе широкому развитію общественности; но указываетъ также и на тѣ способы, которыми устраняются условія, мѣшающія такому развитію общественности. Для того и для другого мыслителя развитіе общественности ведетъ къ общему благу, и, слѣдовательно, наоборотъ, всякое препятствіе развитію общественности есть въ тоже время препятствіе матеріальному, умственному и нравственному развитію и отдѣльнаго человѣка, и всего общества.

Такое замѣчательное совпаденіе результатовъ изслѣдованія общественныхъ отношеній двухъ ученыхъ и мыслителей, произведенное ими съ разныхъ точекъ зрѣнія, даетъ намъ право утверждать, что какъ бы временами ни казалась безпросвѣтною окружающая насъ тьма, какъ бы мало ни было, повидимому, надежды на дальнѣйшій поступательный ходъ общественнаго развитія, всетаки въ обществѣ, еще не совсѣмъ утратившемъ жизненныя силы и стремленія, условія его существованія неизбѣжно создадутъ такія вліянія, которыя заставять преодолѣть препятствія общественному развитію и темпъ его ускорится тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ до того замедлялся.

Времена застоя въ общественной дѣятельности не обозначаютъ непремѣнно застоя въ умственной и научной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и остановки распространенія научныхъ знаній, которыя въ наше время такъ способствуютъ матеріальному,

умственному и нравственному развитію человѣчества. Развитіе и распространеніе знаній, относящихся къ неодушевленной и одушевленной природѣ, способствуютъ возможности развитія матеріальныхъ условій существованія человѣка, а, слѣдовательно, всего народа (безъ чего невозможно достигнуть хотя бы такъ необходимаго въ наши дни національнаго могущества), а развитіе и распространеніе общественныхъ знаній способствуетъ этой возможности обратиться въ дѣйствительность для большаго и большаго числа лицъ. Все это взятое вмѣстѣ расширяетъ умственный кругозоръ и, сближая людей, развиваетъ въ нихъ чувство общественности, а, слѣдовательно, повышаетъ нравственность *).

Приводя все это, мы имѣли главнымъ образомъ въ виду показать, ссылаясь на изслѣдованія такого авторитета, какъ Дарвинъ, что явленія высшаго порядка подчиняются своимъ особымъ законамъ, вызваннымъ особыми условіями своего происхожденія,

*) «Нѣкогда, — сказалъ между прочимъ Бертело въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія собравшихся ученыхъ и почитателей по случаю 50-тилѣтія его научной дѣятельности (24 ноября 1901 г.),—нѣкогда на ученыхъ смотрѣли какъ на небольшую группу любителей и праздныхъ людей, живущихъ на счетъ рабочихъ классовъ, занятіе которыхъ есть предметъ роскоши и чистаго любопытства ради забавы и развлеченія богачей... Такой предразсудокъ окончательно исчезъ, когда развитіе науки показало, что законы природы приложимы въ практической промышленности; а это имѣло слѣдствіемъ замѣну прежнихъ рутинныхъ и эмпирическихъ пріемовъ болѣе выгодными теоретическими правилами, основанными на наблюденіи и опытѣ... Кто въ настоящее время отважится смотрѣть на науку, какъ на безполезную забаву, въ виду всеобщаго роста народнаго и частнаго богатства, какъ результата ея приложенія?.. Найдется-ли теперь хоть какой-нибудь государственный человѣкъ, который усомнился бы въ еще бо́льшихъ услугахъ, на которыя можно разсчитывать, какъ на слѣдствіе ея непрерывнаго процесса? Наука — это благодѣтельница человѣчества... Изъ болѣе глубокаго познанія вселенной, а также человѣка какъ существа физическаго и нравственнаго, возникаетъ новое понятіе о человѣческой судьбѣ, подчиняющееся основнымъ идеямъ о человѣческой солидарности между всѣми общественными классами и всѣми народами. По мѣрѣ того, какъ узы, связывающія народы, усложняются и крѣпнутъ вмѣстѣ съ развитіемъ науки, по мѣрѣ того, какъ единство ученій, выводимыхъ наукою изъ наблюдаемыхъ ею фактовъ, налагается ею безъ всякаго насилія, но неослабно на всѣ убѣжденія,—эти идеи о всеобщей солидарности пріобрѣтаютъ возрастающее и все болѣе и болѣе непреодолимое значеніе. Онѣ стремятся стать чисто человѣческими основами нравственной жизни и политики будущаго. Подъ вліяніемъ науки, современная цивилизація идетъ все болѣе и болѣе быстрыми шагами... Вслѣдствіе всего этого, роль ученыхъ, какъ отдѣльныхъ личностей и какъ общественнаго класса, постоянно возрастаетъ въ современномъ обществѣ». Горе и бѣдствія ожидаютъ тотъ народъ, среди котораго нѣтъ мѣста современной благодѣтельницѣ человѣчества—наукѣ... Причина нашихъ бѣдствій, -восклицаетъ Пастеръ, послѣ погрома Франціи въ 1870 году,—лежитъ въ пренебреженіи народнымъ образованіемъ!!.. Мы несемъ наказаніе за пятидесятилѣтнее пренебреженіе наукой... Для великой націи не могло пройти безнаказаннымъ, что она допустила пониженіе своего умственнаго уровня»... (См. «Жизнь Пастера»; René Valery-Radot).

и въ то же время воздѣйствуютъ на явленія низшаго, менѣе сложнаго порядка. Хотя нѣкоторые дарвинисты, опираясь на теорію происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе, пытаются построить *органическую* теорію общества,—въ которой самъ Дарвинъ рѣшительно не повиненъ, — но до сихъ поръ не нашелся ни одинъ изъ нихъ, который сталъ бы утверждать, что теорія Дарвина о происхожденіи общественныхъ инстинктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнаго чувства и совѣсти у человѣка, противорѣчитъ его теоріи происхожденія видовъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, такъ какъ послѣдняя подразумѣваетъ непрерывную борьбу, а первая какъ разъ указываетъ на смягченіе борьбы подъ вліяніемъ развитія чувства любви, симпатіи, общественности. То, чего не подумаютъ сдѣлать дарвинисты, какъ разъ дѣлаютъ въ аналогичномъ случаѣ „критическіе марксисты“. Для нихъ совершенно непонятно, какимъ образомъ на явленія болѣе общаго порядка могутъ оказать вліяніе явленія иного, въ данный періодъ времени болѣе продолжительнаго, а, слѣдовательно, болѣе могущественнаго порядка, и въ этомъ видятъ противорѣчія въ самой теоріи...

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что расплодившаяся за послѣднее время критика основныхъ экономическихъ положеній Маркса основывается не столько на недостаткахъ и противорѣчіяхъ этого ученія, сколько на недостаткѣ пониманія какъ самого ученія, такъ и методологическихъ и научныхъ требованій со стороны критикующихъ это ученіе „марксистовъ“.

Николай—онъ.

НА РОДИНѢ.

I.

Не видятъ зла погаснувшія очи...
  Неслышенъ стонъ
На днѣ могилъ,—и въ тьмѣ беззвѣздной ночи
  Такъ сладокъ сонъ!
Лишь тамъ пріютъ, средь тишины безсмѣнной,
  Отъ горькихъ мукъ,
Лишь тамъ замретъ плывущій надъ вселенной
  Страданій звукъ!

II.

Давно замолкъ вечерній звонъ,
Какъ тихій вздохъ сквозь грустный сонъ,
Но чей-то зовъ все слышенъ мнѣ
Въ безсонной жуткой тишинѣ.
Ужъ сѣрой мглой давно объятъ
Угрюмый рядъ понурыхъ хатъ,
Но мнится—кто-то въ нихъ родной
Еще не спитъ во тьмѣ ночной;
Еще не спитъ—меня все ждетъ
И робко въ тишинѣ зоветъ.
Какъ грустно машетъ онъ рукой,
Какъ полонъ зовъ его тоской!

К. Бархинъ.

Какъ мы боролись противъ рабства.

Историческіе очерки и личныя воспоминанія

Джемса Фримана Кларка.

Переводъ съ англійскаго С. Пасынкова.

III.

Аболиціонисты и ихъ дѣятельность; бѣглые невольники.

Въ предыдущей главѣ я исчислилъ послѣдовательныя побѣды рабовладѣльчества, одержанныя на политическомъ поприщѣ. Побѣды эти были слѣдующія. Рѣшеніе верховнаго суда по дѣлу Пригга, установившее доктрину, что свободные штаты не въ правѣ издавать какіе-либо законы относительно рабства или бѣглыхъ рабовъ; эти штаты не могли даже вмѣшиваться въ подобныя дѣла для защиты ихъ собственныхъ свободныхъ цвѣтнокожихъ гражданъ. Затѣмъ въ 1836 г. Арканзасъ былъ принятъ въ союзъ въ качествѣ невольничьяго штата, а въ 1838 вспыхнула Флоридская война, цѣлью которой было утвержденіе рабства въ Джоржіи. Въ 1844 Массачузетсъ сдѣлалъ попытку взять подъ свое покровительство собственныхъ свободныхъ цвѣтнокожихъ матросовъ въ южныхъ портахъ. Много цвѣтнокожихъ сѣверянъ поступало въ коммерческій флотъ. Нѣкоторые изъ южныхъ штатовъ издали законы, согласно которымъ каждый цвѣтнокожій, вступавшій на территорію штата, подвергался аресту и заключенію въ тюрьмѣ, при чемъ онъ же долженъ былъ оплачивать издержки своего содержанія за все время заключенія. Если у него не оказывалось на то средствъ, его продавали въ рабство для покрытія образовавшагося долга. Существовало убѣжденіе, что нѣкоторые свободные цвѣтнокожіе изъ Массачузетса, отправившіеся на югъ на массачузетскихъ судахъ, были этимъ способомъ обращены въ невольниковъ, и вотъ сдѣланы были попытки поставить вопросъ о конституціонности этихъ тираническихъ законовъ Юга *). Какъ было уже упомянуто въ предыдущей

*) Всѣ подобные вопросы рѣшаются въ Соед. Штатахъ *судомъ*. *Пер.*

главѣ, Самюэль Горъ былъ посланъ штатомъ Массачузетсъ въ Южную Каролину съ тѣмъ, чтобы добыть улики и затѣмъ вчинить соотвѣтственные иски въ судахъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ, однако, принужденъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, такъ какъ его силой выдворили изъ штата. Въ томъ же году послѣдовало присоединеніе Техаса и Мексиканская война. По общему убѣжденію, то и другое дѣлалось съ намѣреніемъ пріобрѣсти новую территорію для цѣлей рабовладѣнія. Предполагалось, что Новая Мексика и Калифорнія, пріобрѣтенныя путемъ Мексиканской войны, сдѣлаются невольническими штатами. Въ 1850 г. проведены были мѣры, извѣстныя подъ названіемъ компромиссовъ; въ то же время провалилось предложеніе Вильмота, сперва нашедшее поддержку въ „демократическомъ“ большинствѣ палаты и въ вигахъ. Сущность предложенія заключалась въ томъ, что на территоріи, пріобрѣтенной путемъ войны, рабство не дозволялось. Предложеніе это въ концѣ концовъ потерпѣло пораженіе со стороны рабовладѣльцевъ. Другою мѣрою того же рода было изданіе закона о бѣглыхъ невольникахъ. Въ силу его рабовладѣльцамъ облегчено было преслѣдованіе и возвращеніе рабовъ, бѣжавшихъ въ другіе штаты. Благодаря этому закону, нѣсколькихъ бѣглецовъ разыскали даже въ Бостонѣ, — фактъ, до тѣхъ поръ неслыханный. Въ 1853 году отмѣнено было Миссурійское соглашеніе, по которому невольничество не должно было переходить сѣвернѣе 36½ параллели. Такимъ образомъ, рабство теперь могло быть вводимо и на той территоріи, на которой до того оно было, по взаимному соглашенію, запрещено. Затѣмъ послѣдовало въ 1857 году введеніе въ Канзасѣ Лекомтонской конституціи—конституціи, дозволявшей невольничество и дѣлавшей изъ Канзаса рабовладѣльческій штатъ,—конституціи, принятой вопреки желанію большинства дѣйствительнаго мѣстнаго населенія, благодаря миссурійцамъ, которые спеціально для этой цѣли нахлынули въ Канзасъ.

Миссурійскіе рабовладѣльцы толпами перешли канзасскую границу и овладѣли выборами. Въ 1856 году Чарльзъ Сёмнеръ подвергся нападенію со стороны Престона Брукса, вслѣдствіе рѣчи о несправедливостяхъ, какимъ подверглись канзасцы. Бруксъ нанесъ ему цѣлый рядъ ударовъ тяжелой палкой въ то время, какъ Сёмнеръ сидѣлъ въ своемъ креслѣ въ сенатѣ. Нанесенныя поврежденія были таковы, что Сёмнеръ четыре года не могъ посѣщать сенатъ. Бруксъ подалъ въ отставку, зная, что иначе онъ подвергается риску быть исключеннымъ; но онъ тотчасъ же былъ избранъ въ конгрессъ и даже сталъ героемъ. Едва ли на Югѣ былъ хоть одинъ журналистъ или общественный дѣятель, который бы не заявлялъ открыто, что Бруксъ поступилъ прекрасно. 1857 годъ отмѣченъ былъ рѣшеніемъ по дѣлу Дрэдъ Скотта. Рѣшеніе это, постановленное большинствомъ членовъ верховнаго суда, въ числѣ которыхъ былъ верховный судья Танэй, и прочитанное вслухъ

послѣднимъ, узаконяло, что цвѣтнокожіе Соединенныхъ Штатовъ— не граждане, никогда не могутъ стать гражданами и что законъ не обезпечиваетъ имъ никакихъ правъ. При этомъ случаѣ судья Танэй сдѣлалъ извѣстное и часто цитируемое заявленіе, будто во времена утвержденія конституціи было принято, что „цвѣтнокожій человѣкъ не имѣетъ правъ, которыя бѣлый человѣкъ обязанъ уважать“. Утверждая это, Танэй, повидимому, совершенно позабылъ все то, что было сказано Вашингтономъ и другими о правахъ всѣхъ людей. До тѣхъ поръ притязанія Юга ограничивались утвержденіемъ, что если невольникъ убѣгалъ въ свободный штатъ, рабовладѣлецъ имѣлъ право воротить бѣглеца. Теперь было рѣшено, что если рабовладѣлецъ самъ привезетъ раба въ свободный штатъ и тотъ тамъ убѣжитъ, то его хозяинъ имѣетъ право добывать его.

Судьи Макъ-Клинъ (Mc-Clean) и Кёртисъ представили чрезвычайно умѣло составленные доводы противъ этого рѣшенія,— доводы, противъ которыхъ, въ сущности, нечего было возразить. Всѣ мы,—знавшіе судью Бенжамина Р. Кёртиса въ теченіе многихъ лѣтъ, знавшіе его огромныя способности, — всѣ мы гордились тою внушительною силою, съ которою онъ заявилъ о своемъ разногласіи съ мнѣніемъ судьи Танэя. Но всѣ его аргументы были просто вмѣнены ни во что большинствомъ.

Всѣ эти посягательства и побѣды „силы рабства“ служили масломъ, подливаемымъ въ огонь агитаціи противъ невольничества. Они доставляли сѣвернымъ агитаторамъ новые и убѣдительные доводы. Дѣянія рабовладѣльцевъ предотвращали грозившую рѣчамъ аболиціонистскихъ митинговъ опасность обратиться въ общія мѣста. Каждое такое собраніе указывало на какое-либо новое основаніе для доказательства золъ рабства и вреда, наносимаго Сѣверу „силою рабовладѣльчества“. На безчисленныхъ народныхъ сходбищахъ всѣ виды этого зла были описываемы и обличаемы; и, мнѣ кажется, когда мы въ состояніи будемъ оглянуться на тотъ періодъ, мы должны будемъ сказать, что никогда не пріобрѣталъ народъ въ столь короткое время такого полнаго представленія о предметѣ, какое получили тогда избиратели Сѣвера о несправедливости, вредѣ и опасностяхъ невольничества. Благодаря дѣятельности и рвенію аболиціонистскихъ ораторовъ и писателей, агитація шла непрерывно. Они издавали газеты и брошюры, созывали собранія для обсужденія предмета и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы держать этотъ вопросъ постоянно передъ глазами общества. Напримѣръ, перваго августа — въ годовщину освобожденія рабовъ въ Вестъ-Индіи, аболиціонисты Соединенныхъ Штатовъ устраивали съѣзды по всей странѣ. Точно также непремѣнно устраивались собранія четвертаго іюля *), при

*) Четвертаго іюля 1775 г. объявлена была конгрессомъ возставшихъ

чемъ неизмѣнно прочитывалась знаменитая вступительная фраза декларація независимости: „мы признаемъ нижеслѣдующую истину очевидною (не требующею доказательствъ), а именно — что всѣ люди созданы равными и надѣлены Создателемъ неотчуждаемыми правами, въ томъ числѣ правомъ на жизнь, свободу и пріобрѣтеніе счастья". Эмерсонъ какъ-то назвалъ краснорѣчіе Фанёль-Голла *) „яростнымъ". Объ Лютерѣ кто-то сказалъ, что слова его были наполовину битвами. То же самое можемъ мы сказать объ этихъ митингахъ: каждый изъ нихъ былъ полубитвою. Противники рабства приглашали противниковъ говорить и радовались, когда встрѣчали оппонентовъ. Если становилось извѣстнымъ присутствіе въ Бостонѣ какого-либо рабовладѣльца, то его приглашали выступить публично и изложить свои взгляды. И никогда не было недостатка въ ораторахъ для отвѣта такому защитнику рабства. Гаррисонъ и его друзья были всегда готовы, — съ полною наличностью фактовъ и доводовъ, и противникъ, котораго Господь попускалъ попасть въ ихъ руки, заслуживалъ полнаго состраданія.

Подчасъ иной чрезмѣрно наивный человѣкъ принимался уговаривать ихъ не терять спокойствія въ рѣчахъ и говорить о рабовладѣльцахъ помягче. Такому субъекту отвѣчали: „Предположите, сэръ, что *ваша* жена и *ваши* дѣти отобраны у васъ и отправлены въ Алабаму, чтобы тамъ стать невольниками любого животнаго, имѣющаго достаточно денегъ для ихъ покупки, сохранили бы *вы* при такихъ обстоятельствахъ *ваше* спокойствіе? Стали бы вы выражаться въ такомъ родѣ, что-де, по вашему мнѣнію, принятый образъ дѣйствій далекъ отъ благоразумія и не вполнѣ желателенъ? Мы же защищаемъ дѣло тысячъ отцовъ и супруговъ, у которыхъ каждую минуту могутъ отнять ихъ семьи; сохранять въ подобномъ дѣлѣ спокойствіе было бы грѣхомъ". Иной разъ какой-нибудь южанинъ выступалъ впередъ и заявлялъ, что невольники вполнѣ счастливы, что обращеніе съ ними прекрасное и они вполнѣ довольны. Тотчасъ же аболиціонисты прочитывали вслухъ многочисленныя объявленія, появлявшіяся въ южныхъ газетахъ, гдѣ предлагалась награда за возвращеніе бѣглыхъ рабовъ—живыхъ, или мертвыхъ; при этомъ въ описаніи ихъ примѣтъ значились рубцы на спинѣ и изувѣченія всякаго рода, ясно показывавшіе, какого сорта обращенію они подвергались. „Если имъ такъ хорошо живется, зачѣмъ же они убѣгаютъ?

тогдашнихъ англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ «декларація независимости». Съ тѣхъ поръ четвертое іюля считается національнымъ праздникомъ Штатовъ и празднуется повсемѣстно. *Перев.*

*) Фанёль-Голлъ—огромная зала въ Нью-Іоркѣ, гдѣ, между прочими, собирались и аболиціонистскіе митинги. Она существуетъ и до сихъ поръ. *Перев.*

Если они такъ довольны, зачѣмъ же ихъ бьютъ, пристрѣливаютъ и изувѣчиваютъ?"

„Робкая добродѣтель", можетъ быть, и держалась въ сторонѣ отъ этихъ митинговъ, но „чернь" всегда присутствовала; всегда можно было быть увѣреннымъ найти на подобномъ митингѣ толпу,—дружелюбную, или враждебную, но—толпу; и всегда было что послушать. На этихъ митингахъ часто бывалъ шумъ и безпорядокъ, но ораторы-аболиціонисты на платформѣ всегда сохраняли полное самообладаніе *). Иные изъ нихъ походили на боевого коня въ книгѣ Іова, который „чуялъ битву издали, — ея шумъ и крики". Эти люди находили особое наслажденіе въ ярости боя. Я припоминаю одно собраніе, на которомъ все казалось тихо и смирно и ораторовъ слушали съ большимъ вниманіемъ. Вдругъ Стивенъ Фостеръ всталъ и сказалъ: „Мы не исполняемъ своей обязанности. Если бы мы исполняли ее какъ слѣдуетъ, эти слушатели, вмѣсто того, чтобы такъ спокойно глазѣть на насъ, швыряли бы въ насъ кирпичами". Однажды, во время рѣчи Чарльза Бёрлэя (Burleigh) въ него брошено было испорченное яйцо, которое и попало ему въ лицо. Вѣчно готовый на остроумный отвѣтъ, онъ спокойно вытерся и сказалъ: «Я всегда утверждалъ, что у сторонниковъ рабства есть только тухлые аргументы" **). Нерѣдко отпускались грубоватыя шутки: потѣшались и надъ аболиціонистами, и надъ ихъ противниками. Но аболиціонисты умѣли посмѣяться удачной выходкѣ даже и тогда, когда она была сдѣлана на ихъ счетъ. Гаррисонъ былъ почти совершенно лысъ. У Чарльза Бёрлэя была огромная борода,—почти до пояса. Однажды, въ то время, какъ въ залѣ шло самое серьезное обсужденіе вопроса, какой-то проказникъ крикнулъ изъ толпы: „Бёрлэй! Отчего бы тебѣ не отрѣзать своей бороды и не дать ее Гаррисону на парикъ?" Конечно, это вызвало общій смѣхъ. Гаррисонъ былъ на платформѣ неизмѣнно. Его всегда сопровождалъ мой школьный товарищъ и другъ Самъ Мэй. Тамъ же былъ Стивенъ С. Фостеръ. Иногда съ ними можно было видѣть Сама Сюэля, который изъ первыхъ присталъ къ партіи. Онъ вмѣстѣ съ Гаррисономъ присутствовалъ на самомъ первомъ митингѣ и, достигнувъ глубокой и уважаемой старости, живъ до

*) Платформою называется въ Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ всякое мѣсто, съ котораго ораторъ обращается къ публикѣ. Иногда это дѣйствительная платформа въ русскомъ смыслѣ слова, т. е. возвышенный помостъ, иногда просто стулъ, столъ, боченокъ, пень; на правильно организованныхъ митингахъ подъ открытымъ небомъ роль платформы обыкновенно играетъ большая плоская телѣга, лошади которой отпряжены. *Перев.*

**) Непереводимая игра словъ. Бёрлэй назвалъ рабовладѣльческіе аргументы «unsound», что значитъ и «фальшивый», и «испорченный, тухлый». *Перев.*

сихъ поръ *). Въ первый періодъ дѣятельности на той же платформѣ появлялся Вилльямъ Уайтъ (братъ Маріи Лоуэль, жены поэта); онъ умеръ слишкомъ рано. Это былъ замѣчательно блестящій человѣкъ и рѣчи его всегда были превосходны. Кромѣ того: Паркеръ Пильсбюри, Джэмсъ Бёффёмъ, Арнольдъ Бёффёмъ, Эла́йзёръ Райтъ (Elizur Wright), Генри Райтъ, Абигэль Келлэй (Abigail Kelley), Люси Стонъ, Теодоръ Уилдъ (Weld), сестры Гримке́ изъ Южной Каролины; Джонъ Сардженть, миссисъ Чапманъ, миссисъ Лидія Чайльдъ, Фрэдъ Дугласъ, Вилльямъ Браунъ и Фрэнсисъ Джаксонъ. Послѣдній былъ строгій пуританинъ—щепетильный въ дѣлахъ совѣсти, прямой, съ ясной головой — и пользовался общимъ уваженіемъ. Эдмёндъ Квинси тоже бывалъ среди ораторовъ и всегда его рѣчь отличалась остроуміемъ и логикой. Оливеръ Джонсонъ живъ и до сихъ поръ **), онъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ общества. Наконецъ, — Теодоръ Паркеръ, Самюэль Дж. Мэй, Джонъ Пирпонтъ, Чарльзъ Стирнсъ (Stearnes), Чарльзъ Редмондъ, Джоржъ Томсонъ (Thompson)—тоже необыкновенно краснорѣчивый человѣкъ, а главное—Вендель Филипсъ.

Нѣтъ сомнѣнія, я пропустилъ нѣсколько именъ, которыя долженъ бы помнить; но и данный мною списокъ показываетъ, какого рода люди—мужчины и женщины—собирались на Гаррисоновой платформѣ для защиты святого дѣла. Всѣ они были безстрашны, обладали свѣтлымъ умомъ, всегда были готовы отвѣчать любому оппоненту и всегда въ восторгѣ, если имъ удавалось стать лицомъ къ лицу съ противникомъ на платформѣ. Ни на какихъ иныхъ митингахъ не было такого возбужденія, какъ на аболиціонистскихъ. На *этихъ* митингахъ бывало всего понемножку. Подчасъ на нихъ являлись полоумные субъекты и настойчиво тратили драгоцѣнное время; подчасъ толпа уличныхъ буяновъ нарушала спокойный ходъ собраній; но каковы бы ни были перерывы и безпорядки, каждое такое собраніе давало въ результатѣ что-нибудь поучительное и производившее впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что нѣкоторые изъ ораторовъ Гаррисоновой плеяды обладали самымъ ѣдкимъ языкомъ, какой когда-либо былъ данъ человѣку. Стивенъ Фостеръ, напримѣръ, или Генри Райтъ: имъ принадлежатъ самыя колкія изреченія, когда-либо сказанныя. По ихъ убѣжденію, несчастье было въ томъ, что люди спали; слѣдовало, во что бы ни стало, разбудить ихъ; а чтобы разбудить—надо было запускать скальпель глубоко и не щадить людей, если они отъ того кричатъ. Чѣмъ болѣе люди раздражались, тѣмъ лучше для нихъ же. Заголовки нѣкоторыхъ изъ аболиціонистскихъ брошюръ прямо указываютъ, что такова была ихъ цѣль. Пилсбюри назвалъ

---

*) Писано въ 1884 г. *Перев.*

**) Писано въ 1884 г. *Перев.*

свою брошюру: „Церковь, какъ передовой отрядъ невольничества"; Фостеръ написалъ другую подъ названіемъ: „Церковь, какъ воровское братство".

Иные держались другой тактики. Въ числѣ таковыхъ въ особенности слѣдуетъ упомянуть Самюэля Мэя, человѣка, обладавшаго одновременно и въ замѣчательной степени—полнымъ безстрашіемъ и крайнимъ добродушіемъ, Онъ былъ необыкновеннымъ примѣромъ того, какъ истина можетъ быть высказываема въ духѣ любви. Противиться такому необычайному соединенію мягкости и силы было почти невозможно. Однажды въ Пизѣ я прочелъ слѣдующія слова на большомъ органѣ: „Изъ сильнаго исходитъ сладкое"; эти слова могли быть девизомъ всей жизни С. Дж. Мэя.

Вспоминается мнѣ разсказъ мистера Мэя о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ однимъ южаниномъ у Генри Колмана, въ домѣ котораго ему привелось провести ночь. Мэй пріѣхалъ какъ разъ передъ солнечнымъ закатомъ, проведя день на аболиціонистскомъ митингѣ. Мистеръ Колманъ встрѣтилъ его у дверей и сказалъ: „Дорогой мой Мэй, я надѣюсь, вы не станете нынѣшнимъ вечеромъ говорить по вопросу о рабствѣ; у насъ въ гостяхъ одинъ джентльмэнъ съ Юга; онъ крайне раздражителенъ и легко приходитъ въ волненіе и было бы очень непріятно, если бы поднялся споръ". На это мистеръ Мэй отвѣчалъ: „я не стану поднимать вопроса; но если меня о чемъ-нибудь спросятъ, я принужденъ буду отвѣчать, какъ требуетъ истина". Его представили южанину и они сѣли рядомъ. По другую сторону южанина сидѣла дама, которая слыхала о томъ, что Мэй былъ на аболиціонистскомъ митингѣ; и вотъ, наклонившись въ сторону Мэя, впереди другого гостя, она спросила: „Что вы тамъ дѣлали, на этомъ аболиціонистскомъ митингѣ?" Мэй началъ излагать все происходившее на собраніи, при чемъ постарался въ своемъ изложеніи дать своему сосѣду отчетливое представленіе объ истинныхъ цѣляхъ аболиціонистовъ. Онъ постарался, между прочимъ, разубѣдить южанина въ томъ, будто аболиціонисты хотятъ возбудить возстаніе рабовъ. Аболиціонисты,—говорилъ онъ, обращаются къ совѣсти и разуму рабовладѣльцевъ; вещи же, въ которыхъ ихъ часто обвиняютъ, и въ голову имъ не приходятъ. Онъ замѣтилъ, что его сосѣдъ сталъ выказывать большой интересъ къ его рѣчамъ и пришелъ въ возбужденное состояніе. Наконецъ, повернувшись къ Мэю, онъ замѣтилъ: „Желалъ бы я знать, мистеръ Мэй, что вамъ до всего этого? Какое вамъ до этого дѣло, сэръ? Это исключительно наше личное дѣло. Вы, жители Сѣвера, ни которымъ бокомъ не касаетесь его". „Дорогой мой сэръ,—возразилъ мистеръ Мэй,—но не думаете же вы, что рабство справедливо?" „Нѣтъ, отвлеченно говоря, я не думаю, что оно справедливо. Но вѣдь вы ровно ничего объ немъ не знаете. Вы только вредите и причиняете безпокойство тѣмъ, что вы дѣлаете". Тогда

мистеръ Мэй сталъ возражать съ свойственною ему мягкостью и силою; послѣ получасового разговора или около того южанинъ, наконецъ, всталъ и зашагалъ по комнатѣ въ большомъ волненіи. Наконецъ, онъ повернулся къ своему собесѣднику и сказалъ: „Не думайте объ насъ слишкомъ худо. Мы вѣдь взросли не на Сѣверѣ и не имѣли возможности слышать изъ года въ годъ всѣ эти аргументы“. „О нѣтъ,—отвѣчалъ Мэй,—конечно, я не могу быть слишкомъ строгъ къ вамъ, принимая во вниманіе тѣ вліянія, подъ какими вы проводите всю вашу жизнь. Я думаю, отношеніе южанъ къ этому предмету довольно естественно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что мы, люди Сѣвера, всегда пользовавшіеся всѣми благами, истекающими изъ свободы, обязаны употребить всѣ средства и пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы положить конецъ этой пагубной системѣ. Я бы былъ очень плохого мнѣнія о самомъ себѣ, если бы я дѣйствовалъ иначе“.

Живя въ Сирэкюзъ, мистеръ Мэй, въ числѣ другихъ, завѣдывалъ „подпольной желѣзной дорогой“, назначеніе которой было—помогать рабамъ въ побѣгахъ. Помощь оказывалась только тѣмъ, которые сами стремились бѣжать,—которые были настолько недовольны своимъ положеніемъ, что готовы были подвергнуться риску, связанному съ бѣгствомъ. Вдоль всей этой дороги жили аболиціонисты,—люди, готовые укрыть бѣглеца и отослать его на слѣдующій этапъ, гдѣ опять-таки его укрывали. Не много времени понадобилось, чтобы организовать все дѣло такъ хорошо, что каждый завѣдывавшій этапомъ отлично зналъ, куда именно отослать бѣглаго невольника изъ своего собственнаго дома. Этапный путь этотъ шелъ отъ Кентукки и Виргиніи черезъ Огайо; отъ Мэрихэнда чрезъ Пенсильванію и Нью-Іоркъ до Новой Англіи и Канады.

Въ невольничьихъ штатахъ было не мало людей, даже изъ рабовладѣльцевъ, которые готовы были за хорошую плату укрывать бѣглыхъ. Я узналъ это отъ цвѣтнокожей женщины, которая пріобрѣла извѣстность тѣмъ, что сплавила съ Юга многихъ рабовъ. Она помогла освобожденію стольких сотенъ людей, что ее прозвали „Моисеемъ“ (Moses). Ей пришлось какъ-то провести вечеръ въ моемъ домѣ и она разсказала намъ о пріемахъ своей дѣятельности. Прежде всего, объясняла она, ей нужно было добыть достаточно денегъ. Затѣмъ она отправлялась въ Мэрилэндъ, гдѣ она тайно составляла партію рабовъ и приготовляла все, что слѣдуетъ для побѣга. Еще до этого она удостовѣрялась въ томъ, что кандидаты на освобожденіе обладали достаточнымъ запасомъ мужества и твердости, чтобы идти на рискъ. Затѣмъ она такъ устраивала все, чтобы побѣгъ состоялся въ субботу вечеромъ или ночью, такъ какъ въ воскресенье нельзя было напечатать о бѣглецахъ объявленій, и, стало быть, они имѣли впереди цѣлый свободный день для путешествія на сѣверъ. У нея

заранѣе были приготовлены притоны, гдѣ, она была увѣрена, бѣглецовъ укроютъ и будутъ объ нихъ заботиться, только бы были у нея деньги заплатить за это. Бывая въ сѣверныхъ штатахъ, она старалась собрать денегъ и когда у нея накоплялась извѣстная сумма, она отправлялась на югъ дли выполненія своего плана. Она всегда имѣла на жалованьи въ такіе періоды какого-нибудь цвѣтнокожаго, который слѣдовалъ по пятамъ за лицомъ, расклеивавшимъ и вывѣшивавшимъ объявленія о бѣглецахъ, и сдиралъ эти объявленія при первой возможности; такимъ образомъ, черезъ какихъ-нибудь пять минутъ послѣ того, какъ такое объявлеиіе появлялось на какомъ-нибудь заборѣ или деревѣ—его уже не существовало. Мужество этой женщины казалось безпредѣльнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она обладала не малымъ запасомъ благоразумія. Между прочимъ, она разсказала мнѣ, какъ однажды, будучи въ Балтиморѣ, она познакомилась съ кухаркой-негритянкой, которая много выстрадала; у нея отняли дѣтей и она рѣшила бѣжать. Она упрашивала „Моисея“ помочь ей. „Что-жъ“,—отвѣчала тетушка „Мозесъ“,—если желаешь слѣдовать за мной, я перевезу тебя на ту сторону рѣки, въ Дэлавэръ“. Когда онѣ явились на судно, „Моисей“ велѣла бѣглянкѣ стать въ сторонкѣ, около поставленнаго на сторожѣ матроса, а сама отправилась къ кассиру и спросила два билета. Онъ поглядѣлъ на нее и сказалъ: „Не знаю, можемъ ли мы ихъ тебѣ выдать. Придется тебѣ подождать“. Старуха возвратилась къ своей протеже въ большомъ безпокойствѣ. Она отлично знала, что если начнется дознаніе, бѣглянка легко будетъ признана за невольницу и арестована. „Мозесъ“ подошла къ ней и сѣла рядомъ. Бѣдная женщина ласково спросила ее: „Получила ты билеты?“ „Мозесъ“ молчала. „Я глядѣла прямо передъ собой, на воду,—разсказывала она намъ послѣ,—и ровно темнота глубокая нашла на меня. Вдругъ все опять освѣтилось и я увидѣла яркій свѣтъ; онъ горѣлъ по всей рѣкѣ. „Да, мы имѣемъ билеты, я вѣрно знаю это теперь,—отвѣтила я“. Нѣсколько времени спустя кассиръ подошелъ къ „Мозесъ“ и сказалъ: „Вотъ твои билеты, тетушка“. Такимъ образомъ, она счастливо перевезла бѣглянку въ Дэлавэръ и черезъ весь этотъ штатъ до Ню-Джерсэй.

Въ Бостонѣ было много домовъ, гдѣ бѣглецовъ принимали и укрывали. Каждый аболиціонистъ готовъ былъ помочь имъ, и въ числѣ этихъ людей были семьи, о которыхъ никто не зналъ, что они аболиціонисты. Мой сосѣдъ и пріятель Джоржъ С. Гиллардъ былъ чиновникомъ Соединенныхъ. Штатовъ. Въ его обязанности входило, послѣ того какъ прошелъ законъ о бѣглыхъ, посылать маршалу *) письменныя постановленія о задержаніи

*) Маршалъ—государственный чиновникъ въ Соед. Штатахъ для исполненія судебныхъ постановленій. *Перев.*

бѣглыхъ невольниковъ. Но миссисъ Гиллардъ имѣла обыкновеніе прятать бѣглецовъ въ верхней комнатѣ ихъ квартиры. Мнѣ кажется, мистеръ Гиллардъ зналъ объ этомъ, но никогда не вмѣшивался въ дѣло. Разъ какъ-то миссисъ Гиллардъ пріютила въ этой комнатѣ, по своему обыкновенію, цвѣтнокожаго. Взойдя на верхъ сама, она нашла, что ея гость тщательно спустилъ на окнахъ шторы. Она замѣтила ему, что едва ли онъ можетъ быть узнанъ съ улицы. „Очень можетъ быть, вы и правы, миссисъ,— отвѣчалъ тотъ,—но я не хочу скомпрометтировать мѣсто". Онъ зналъ, что послѣ него не мало еще будетъ людей, которымъ нужно будетъ убѣжище, и онъ не хотѣлъ, чтобы кто бы то ни было замѣтилъ лицо цвѣтнокожаго въ окнѣ, чѣмъ могло быть навлечено подозрѣніе на домъ, а это могло погубить слѣдующихъ бѣглецовъ.

Исторія Вилльяма и Элленъ Крафтсъ общеизвѣстна. Элленъ была очень свѣтлая мулатка и легко могла быть принята за чистокровно-бѣлую. Она была нянькой въ рабовладѣльческой семьѣ въ Южной Каролинѣ и не помышляла о побѣгѣ. Но разъ ея госпожа вздумала отправиться на сѣверъ и взять няню съ собой. У Элленъ былъ собственный грудной малютка и она ожидала, что ей позволено будетъ взять его съ собой. Но госпожа сказала ей: „Ты не воображаешь, конечно, что я желаю имѣть съ собой этого ребенка. И не думай". Такимъ образомъ, малютка Элленъ Крафтсъ былъ оставленъ дома и померъ въ ея отсутствіе. Возвратившись домой, она рѣшила бѣжать. Не мало времени понадобилось ей, чтобы обдумать и оборудовать свой планъ. Наконецъ, она рѣшилась переодѣться мужчиной и отправиться подъ видомъ молодого джентельмэна съ юга, при которомъ мужъ ея игралъ бы роль камердинера. Чтобы скрыть отсутствіе бороды, она притворилась страдающею зубною болью и носила повязку; а такъ какъ ее могли бы при случаѣ попросить написать что либо, то правая рука ея была на перевязи, какъ будто она ею не владѣла. Такимъ образомъ, однимъ утромъ супруги отправились. Они счастливо достигли Балтимора, хотя она замѣтила въ поѣздѣ господина, который часто видывалъ ее въ домѣ ея господъ. Въ Балтиморѣ имъ представилось затрудненіе: надо было переѣзжать изъ невольничьяго штата въ свободный и для переѣзда слуги требовался особый паспортъ. Само собою разумѣется, таковаго не было. Но она приняла на себя надменный видъ южанина и, когда ей было отказано въ билетѣ для слуги, она стала возражать: „Что же мнѣ теперь дѣлать? Вы видите мою руку; вы видите, въ какомъ положеніи мое лицо! Вы *должны* пропустить со мною слугу; кто-же иначе позаботится обо мнѣ?!" Итакъ, чисто благодаря ея настойчивости, дѣло удалось и супруги пріѣхали въ Бостонъ. Господинъ Крафтса услыхалъ, что онъ въ Бостонѣ, и сдѣлалъ оффиціальное заявленіе, требуя его ареста, согласно

закону о бѣглыхъ невольникахъ. Всѣ знали, что Крафтсу грозитъ арестъ и что онъ будетъ защищаться. Онъ заявилъ, что застрѣлитъ маршала Соединенныхъ Штатовъ, если тотъ наложитъ на него руку. Но друзья стали убѣждать Крафтса, что такой поступокъ отразится очень дурно на всей его расѣ и послужитъ только къ ухудшенію положенія негровъ. Итакъ, было рѣшено помѣстить его въ домѣ Эллиса Грэя Лоринга, въ Бруклинѣ, въ штатѣ Массачузетсъ. Самъ Лорингъ былъ въ отъѣздѣ и благородная натура Крафтса проявилась при этомъ случаѣ, какъ только онъ узналъ, что хозяинъ дома былъ въ отсутствіи. Онъ попросилъ свиданія съ миссисъ Лорингъ и сказалъ ей: „Я не могу оставаться въ вашемъ домѣ, коль скоро хозяинъ его отсутствуетъ“. „О,—замѣтила миссисъ Лорингъ,—повѣрьте, онъ самъ не пожелалъ бы ничего лучшаго, какъ имѣть васъ въ своемъ домѣ“—„Весьма возможно—отвѣтилъ Крафтсъ,—но вѣдь онъ не знаетъ о моемъ пребываніи здѣсь и, случись что-нибудь съ вами, или съ нимъ по этому поводу, это будетъ на моей душѣ“. Съ большимъ трудомъ убѣдила его миссисъ Лорингъ въ концѣ концовъ остаться.

Много, очень много было въ то время людей, которыхъ никакими доводами нельзя было убѣдить, что возвращеніе господину его бѣглаго раба могло быть оправдано при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Коль скоро, думали они, у человѣка хватило мужества, рѣшимости и любви къ свободѣ, чтобы пойти на всѣ опасности побѣга, то было бы послѣдней низостью воротить его. Даже нѣкоторые южане держались этого взгляда. Въ бытность мою въ Кентукки, я состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ нѣкіимъ Гудвиномъ, жившимъ въ Плимутѣ. У него въ услуженіи была дѣвочка, по имени Милли. Она выросла въ его домѣ, и миссисъ Гудвинъ научила ее грамотѣ, шитью и какъ вести хозяйство. Въ то время, о которомъ я говорю, ей было семнадцать или восемнадцать лѣтъ. Дѣвочка принадлежала одному англичанину, по имени Бузсъ (Booth), основавшемуся въ Кентукки много лѣтъ назадъ. Я сидѣлъ въ конторѣ Гудвина, гдѣ былъ и Бузсъ, когда Гудвинъ получилъ письмо отъ своей жены, въ которое вложено было письмо отъ Милли къ миссисъ Гудвинъ. Въ немъ дѣвушка сообщала, что она рѣшила перебраться въ свободный штатъ. Гудвинъ прочелъ письмо вслухъ. „Сердце мое разрывается,—писала Милли,—въ виду разлуки съ вами, дорогая моя госпожа. Никогда не найду я въ мірѣ другого такого друга, какимъ вы были для меня, и никого иного не буду я любить столько, какъ васъ. Но сами же вы научили меня многому и въ томъ числѣ—цѣнить свободу. То образованіе, которое вы мнѣ дали, привело меня къ мысли, что я не имѣю права оставаться рабою, коль скоро имѣю возможность быть свободной. Я принуждена оставить васъ. Я надѣюсь когда-нибудь увидѣть васъ опять, но я не увѣрена въ этомъ. Мнѣ хочется, чтобы вы

знали, какъ глубоко я вамъ благодарна за вашу доброту, и что я сохраню эту благодарность навсегда".

Пока читалось письмо, я слѣдилъ за выраженіемъ лица владѣльца его автора. Это было жестокое лицо, и я не могъ дать себѣ отчета, каковы были думы или чувства этого человѣка. Побѣгъ Милли вынималъ у него изъ кармана отъ 1½ до 2 тысячъ долларовъ *). Когда чтеніе окончилось, онъ повернулся ко мнѣ и сказалъ: „Мистеръ Кларкъ, будь вы или я на мѣстѣ дѣвушки, вѣдь мы бы сдѣлали тоже самое? Я не могу ее порицать за ея поступокъ. И не стану пытаться воротить ее". Такъ вотъ каковы были чувства порядочныхъ людей въ южныхъ штатахъ того времени.

Помню, послѣ того, какъ Бёрнсъ **) былъ арестованъ и отправленъ на югъ, случилось мнѣ встрѣтить Маршала Барнса, служившаго ранѣе маршаломъ Соединенныхъ Штатовъ,—именно, въ то время, какъ у власти были демократы. Въ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ: „Нашъ пріятель Дивенсъ (чиновникъ, разыскавшій и арестовавшій Бёрнса) далъ промахъ".—„Какъ такъ?" спросилъ я. „А такъ. Въ бытность мою маршаломъ, когда отъ меня требовали, чтобы я отыскалъ бѣглыхъ рабовъ, я обыкновенно отвѣчалъ: я не знаю, гдѣ обрѣтаются ваши негры; но я постараюсь открыть ихъ мѣстопребываніе. Затѣмъ я шелъ къ Ллойду Гаррисону въ его контору и говорилъ: Мнѣ нужно найти такого-то негра; скажите, пожалуйста, гдѣ онъ? Конечно, я зналъ, что слѣдующее за тѣмъ извѣстіе о немъ, которое дойдетъ до меня, будетъ, что разыскиаемый человѣкъ уже въ Канадѣ". Маршалъ Барнсъ былъ правъ, говоря, что судья Дивенсъ сдѣлалъ ошибку. Онъ сдѣлалъ ее вполнѣ добросовѣстно и съ добрымъ намѣреніемъ. Онъ полагалъ, что, разъ принявъ присягу, какъ маршалъ Соединенныхъ Штатовъ, ему не слѣдовало обходить обязанностей должности. Онъ затѣмъ самымъ благороднымъ образомъ искупилъ свою ошибку—если только это была ошибка. Прежде, чѣмъ вступить въ ряды арміи, когда подошла война, онъ явился къ миссисъ Лидіи-Маріи Чайльдъ и сообщилъ ей, что онъ велъ переговоры съ владѣльцемъ Бёрнса о выкупѣ послѣдняго съ тѣмъ, чтобы онъ былъ доставленъ на сѣверъ и отпущенъ на волю. Такъ какъ переговоры еще не были закончены, то онъ оставилъ въ ея рукахъ тысячу восемьсотъ долларовъ для окончанія дѣла. Миссисъ Чайльдъ и закончила покупку. Бёрнсъ, такимъ образомъ, сталъ свободнымъ человѣкомъ, а генералъ Дивенсъ уплатилъ его господину сполна сумму его стоимости.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ изъ исторіи невольничьихъ побѣговъ былъ тотъ, въ которомъ фигурировалъ

---

*) Отъ 3000 до 4000 рублей. *Перев.*

**) Дѣло Бернса изложено въ одной изъ послѣдующихъ главъ. *Перев.*

такъ называемый „Отецъ Генсонъ". Этотъ человѣкъ умеръ на девяносто шестомъ году. Онъ часто бывалъ въ Бостонѣ и пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ, кто его зналъ. Взросъ онъ въ Виргиніи, въ качествѣ раба. Онъ былъ уже молодымъ человѣкомъ, а между тѣмъ никогда еще въ жизни не слыхалъ ни одной проповѣди. Но первая проповѣдь, которую ему довелось слышать, возродила его и сдѣлала его религіознымъ. Эта проповѣдь сдѣлала для него болѣе, чѣмъ многое множество ихъ—для большинства изъ насъ. На пути съ митинга домой чувство присутствія Божія и его собственныхъ душевныхъ нуждъ охватило его съ такою силой, что онъ опустился на колѣни въ углу, образуемомъ заборомъ, и сталъ молиться. Свѣтъ и миръ снизошли на него, и онъ всталъ съ колѣнъ инымъ человѣкомъ. Его господинъ вѣрилъ ему безусловно. Этотъ рабовладѣлецъ попалъ въ денежныя затрудненія. Боясь, что шерифъ *) наложитъ арестъ на его рабовъ на плантаціи, какъ на его собственность, онъ позвалъ Генсона и сказалъ ему: „Я хочу довѣриться тебѣ въ дѣлѣ большой важности. Ты знаешь, у меня есть братъ въ Кентукки. Я намѣренъ послать къ нему съ тобою моихъ рабовъ. Возьми эти деньги и употреби ихъ на путешествіе". Генсонъ провелъ этихъ двадцать или тридцать невольниковъ черезъ всю Виргинію до рѣки Огайо. Тамъ онъ купилъ плоскій досчаникъ и поплылъ внизъ по рѣкѣ. Въ Цинцинати онъ остановился. Ему не трудно было бѣжать со всѣми своими спутниками, если бы онъ захотѣлъ; но онъ чувствовалъ, что ему оказано было довѣріе, и что онъ долженъ его оправдать. Разсказывая мнѣ это, Генсонъ замѣтилъ: „Если Господь отпуститъ мнѣ грѣхъ, что я не выпустилъ этихъ людей на волю и предоставитъ мнѣ когда-либо другой подобный случай,—я поступлю лучше, чѣмъ поступилъ тогда". Итакъ, онъ довелъ невольниковъ до Кентукки и тамъ передалъ ихъ брату своего господина, гдѣ они и оставались, пока нѣкоторые изъ нихъ не были проданы на югъ для уплаты долга Виргинскаго плантатора. Генсонъ тѣмъ временемъ сталъ чѣмъ-то вродѣ методистскаго проповѣдника. Какъ таковому, ему иногда дозволялось отлучаться для проповѣди, послѣ которой онъ обходилъ свою паству съ тарелкой. Собранныя деньги онъ копилъ съ цѣлью купить себѣ свободу. Наконецъ, онъ отправился въ Виргинію, къ своему господину, попытать не сможетъ ли онъ выкупиться. Господинъ отказалъ на отрѣзъ; но тутъ вступился сынъ плантатора. „Вспомни, отецъ", сказалъ онъ, „все, что сдѣлалъ Генсонъ; тебѣ слѣдуетъ согласиться на выкупъ". Плантаторъ въ концѣ концовъ согласился, или сдѣлалъ видъ, что соглашается. Онъ взялъ деньги и далъ Генсону освобождавшія его бумаги.

*) Выборный чиновникъ, представляющій исполнительную власть въ графствѣ; онъ исполняетъ всѣ судебныя постановленія. *Перев.*

Генсонъ отправился въ Кентукки. Плывя внизъ по рѣкѣ, онъ, наконецъ, поровнялся съ плантаціей брата своего бывшаго господина, но онъ присталъ не къ ней, а къ противоположному берегу, гдѣ была его собственная хижина, гдѣ его ждала жена. „А у меня для тебя новости", сказала она.—„Что такое"?—„Прислуга подслушала господскій разговоръ въ большомъ домѣ. Господинъ говорилъ, что ты воображаешь, будто ты выкупился, но что онъ отберетъ у тебя бумаги и будетъ ихъ держать у себя, пока ты не заплатишь еще, и порядочно".—„Ну, это ужъ хуже худого", замѣтилъ Генсонъ; „вотъ, что, жена: я получилъ бумаги и онѣ были у меня; я видѣлъ ихъ въ моемъ мѣшкѣ, когда былъ въ Цинцинати. Если ты найдешь ихъ тамъ, можешь сдѣлать съ ними, что хочешь". Жена взяла бумаги, положила ихъ между двухъ дощечекъ и зарыла въ землю. На слѣдующее утро, когда рожокъ сталъ звать слугъ на работу, Генсонъ пошелъ въ господскій домъ. Плантаторъ обратился къ нему: „А, ты воротился, Генсонъ? Ну, что-же ты сдѣлалъ? Получилъ ты отпускную?"—„Ахъ, господинъ, отпускная была у меня въ Цинцинати; я видѣлъ ее въ моемъ мѣшкѣ". „Ты потерялъ ее? Гдѣ ты высадился?"—„Я присталъ къ берегу недалеко отъ своей хижины и прошелъ лѣсомъ".—„Ну, ты по пути и потерялъ бумаги. Ступай назадъ и постарайся найти ихъ".—„Коли вы такъ думаете, господинъ,—я пойду посмотрю". И вотъ Генсонъ пошелъ и сдѣлалъ видъ, будто старательно ищетъ потерянныя бумаги. Понятно, что онъ ничего не нашелъ. Послѣ этого плантаторъ рѣшилъ отправить Генсона на югъ со своимъ сыномъ; они должны были отправиться внизъ по рѣкѣ на плоскодонномъ суднѣ, нагруженномъ хлѣбомъ и копченой свининой. Планъ состоялъ въ томъ, что когда грузъ и досчаникъ будутъ проданы, Генсонъ тоже будетъ проданъ въ Новомъ Орлеанѣ и, такимъ образомъ, оторванъ отъ своего дома, жены и дѣтей. Генсонъ узналъ объ этомъ и чуть не сошелъ съума.

Плывя внизъ по рѣкѣ, онъ былъ одинъ съ сыномъ плантатора на баркѣ. Случилось, что молодой человѣкъ заснулъ. Генсонъ сѣлъ и сталъ думать обо всѣхъ перенесенныхъ несправедливостяхъ и о томъ, сколько онъ и какъ тяжко работалъ—все затѣмъ, чтобы подвергнуться такой несправедливости. Ему стало совершенно непереносно. Онъ взялся за топоръ съ цѣлью убить молодого плантатора. Но когда онъ подошелъ къ спящему, ему почудилось, что онъ слышитъ голосъ, говорившій: „Генсонъ, неужели ты все это вмѣнишь ни во что? Неужели ты все это вмѣнишь ни во что?" и онъ понялъ такъ, что какой-то голосъ съ неба спрашивалъ его, неужели онъ хочетъ своимъ насиліемъ вмѣнить ни во что все то доброе, что онъ до тѣхъ поръ старался дѣлать?—Онъ отбросилъ топоръ и сказалъ.—„Господи! въ Твои руки предаю все дѣло; да будетъ по волѣ Твоей; въ Твои

руки предаю дѣло это“. Когда они достигли Новаго Орлеана и продали грузъ, молодой плантаторъ заболѣлъ желтой лихорадкой; и вотъ, когда онъ сталъ выздоравливать и былъ въ состояніи ѣхать домой, онъ сказалъ Генсону: „Ты поѣдешь со мною, Генсонъ; ты мнѣ необходимъ, какъ сидѣлка“. Итакъ, онъ снова попалъ въ Кентукки. Возвратившись домой, онъ сказалъ женѣ: „Вотъ что, жена; ты поступай, какъ знаешь, а я — человѣкъ, обреченный свободѣ“. Жена отвѣтила, что она пойдетъ съ нимъ. У нихъ было двое маленькихъ ребятъ, и они рѣшили соорудить мѣшокъ достаточной величины, чтобы помѣстить обоихъ. Генсонъ сдѣлалъ также двѣ пары ходуль, чтобы не оставить слѣдовъ, по которымъ собаки-ищейки могли бы выслѣдить ихъ чутьемъ. Каждую ночь онъ упражнялся въ хожденіи на ходуляхъ съ дѣтьми за спиной. Когда пришло время бѣжать, вся семья вылѣзла на крышу черезъ широкую трубу хижины и на ходуляхъ отправилась въ путь, таща малютокъ въ мѣшкѣ, пока не достигла воды. Бредя въ водѣ вдоль ручья, они достигли рѣки, сѣли въ лодочку, которую Генсонъ заранѣе приготовилъ, и въ ней переправились на противоположный берегъ. Таково было ихъ бѣгство.

Эти и подобные разсказы производили сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кому удавалось ихъ слышать. Невозможно было никого убѣдить въ томъ, что справедливо было возвращать въ рабство людей, которые до того цѣнили свободу, что шли на подобный рискъ. Все наше воспитаніе, съ ранняго дѣтства и до зрѣлаго возраста, внѣдряло въ насъ убѣжденіе, что борьба за свободу была обязанностью каждаго человѣка. „Или свобода, или смерть“. И вотъ эти люди ставили на карту свою жизнь. Они шли на голодъ; ихъ преслѣдовали по пятамъ собаками. Они бывали близки къ смерти отъ холода и недостатка пищи, прячась въ болотахъ. Если ихъ ловили, наказаніе ихъ было самое жестокое. На все это они шли. И вотъ, когда нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось убѣжать,—неужели этихъ несчастныхъ слѣдовало отправить назадъ? Совѣсть, умъ, сердце человѣческое, все говорило— „нѣтъ!“

Случилось мнѣ съ женой быть въ Коломбосѣ, что въ штатѣ Огайо, и, имѣя свободный день, мы употребили его на посѣщеніе общественныхъ учрежденій. Между прочимъ, мы осмотрѣли пенитенціарную тюрьму, гдѣ ея смотритель познакомилъ насъ съ цвѣтнокожимъ, бѣжавшимъ изъ Алабамы. Онъ употребилъ цѣлый годъ на то, чтобы изъ Алабамы пробраться въ Цинциннати. Онъ шелъ только по ночамъ, днемъ прячась въ лѣсу. У него не было иной пищи, кромѣ той, какую онъ могъ добыть въ полѣ; подчасъ онъ ловилъ цыпленка, питался незрѣлымъ хлѣбомъ на корню, иногда ему удавалось поймать поросенка. Наконецъ, онъ достигъ Цинциннати. Онъ полагалъ, что, будучи въ свободномъ городѣ, онъ былъ въ безопасности. Бродя, онъ сталъ искать работы.

Какой-то человѣкъ, имѣвшій продажную лошадь, посулилъ ему десять долларовъ за ея продажу. Лошадь была ворованная. Бѣдный негръ былъ арестованъ, какъ воръ, и посаженъ въ тюрьму. Смотритель сказалъ мнѣ, что не сомнѣвается въ правдивости разсказа этого бѣдняка и намѣренъ выхлопотать ему у губернатора прощеніе. Между тѣмъ бывшій защитникъ осужденнаго на судѣ писалъ раза два своему бывшему кліенту, побуждая его просить губернатора о помилованіи; однако, смотритель опасался, что на самомъ дѣлѣ адвокатъ имѣлъ въ виду воротить негра къ его бывшему хозяину и получить за то вознагражденіе. „Я, однако, не допущу до этого, закончилъ смотритель. Когда онъ будетъ помилованъ, онъ немедленно отправится въ Канаду“. Черезъ мѣсяпъ послѣ того мы были въ Бёффало и стояли въ отелѣ. Одинъ изъ слугъ, стоя за моимъ стуломъ, спросилъ меня, можетъ ли онъ повидать насъ въ нашей комнатѣ. Это оказался тотъ самый человѣкъ. Я спросилъ его, почему онъ не въ Канадѣ? Онъ отвѣчалъ, что онъ тамъ былъ; но средства къ существованію оказались въ Канадѣ до такой степени скудными, что онъ рѣшился отправиться въ Бёффало; но какъ только онъ скопитъ достаточно денегъ, чтобы купить ферму, онъ воротится въ Канаду.

За однимъ бѣглецомъ упрочилось названіе „Ящичнаго Брауна“ (Box Brown), потому что онъ далъ себя упаковать въ деревянный ящикъ и, такимъ образомъ, былъ перевезенъ изъ Виргиніи въ Пенсильванію.

Другой невольникъ, нѣкто Эдвардъ Дэвисъ, бѣжалъ, примостившись къ обшивкѣ корабля, шедшаго изъ Чарлстауна въ Филадельфію. Онъ провелъ въ такомъ положеніи значительную часть ночи и чуть не утонулъ. Когда, наконецъ, силы ему совершенно измѣнили, онъ подалъ голосъ матросамъ. По прибытіи въ Филадельфію, онъ былъ переданъ полиціи и возвращенъ въ рабство.

Мистеръ Мэй говоритъ въ своихъ запискахъ о тѣхъ бѣглецахъ, которые перебывали въ его домѣ, въ Сиракузахъ, въ штатѣ Нью-Іоркъ; а они бывали тамъ часто. Они являлись изо всѣхъ южныхъ штатовъ и во всякое время ночи. Нерѣдко они были страшно грязны, а войти въ домъ этого необыкновенно добраго и благодушнаго друга, котораго одинъ взглядъ былъ уже благословеніемъ, навѣрно было для нихъ все равно, что войти въ царствіе небесное. Онъ разсказываетъ, что одинъ такой бѣглый отказался переступить порогъ его дома, говоря:—Нѣтъ, масса, не гожусь я...—Ты не ладенъ сейчасъ,—отвѣтилъ ему филантропъ,—но скоро все будетъ въ порядкѣ. Затѣмъ Мэй притащилъ въ ригу кадку теплой воды, мыла, нѣсколько полотенецъ и чистую пару платья; негръ вымылся радикально, бросилъ собственное тряпье въ навозную кучу и надѣлъ данное платье. Другой молодой человѣкъ былъ въ иномъ родѣ. Онъ былъ хорошо одѣтъ

и руки его не носили знаковъ грубой работы. Въ домѣ господина онъ служилъ за столомъ и правилъ лошадьми, когда госпожа или ея дочери выѣзжали. Обращались съ нимъ хорошо и одна изъ барышень выучила его читать. Но его вздумали продать. Онъ узналъ объ этомъ и убѣжалъ. Однажды къ Мэю явилась прекрасно одѣтая лэди; цвѣтъ ея кожи былъ таковъ, что она легко могла сойти за бѣлую. Она служила горничной на пассажирскомъ пароходѣ и скопила нѣсколько денегъ, такъ какъ пассажирки дарили ей. Но ее опять-таки хотѣли продать, и вотъ она бѣжала на англійскомъ кораблѣ въ Нью-Іоркъ, откуда ее препроводили по „подпольной дорогѣ“ въ Сиракузы, а Мэй переправилъ ее въ Канаду.

Когда людей, помогавшихъ бѣглымъ, спрашивали, зачѣмъ они это дѣлаютъ,—они ссылались на исторію въ доказательство того, что покровительство бѣглецамъ всегда считалось нравственной обязанностью. Извѣстенъ разсказъ Геродота о томъ, какъ аѳиняне послали спросить Дельфійскаго оракула, слѣдуетъ ли имъ оказывать покровительство бѣжавшимъ изъ-подъ власти сильнаго царя, даже если бы это грозило Аѳинамъ войною? „Нѣтъ“, отвѣчалъ оракулъ, „отошлите ихъ назадъ“. Послы, замѣтивъ, что птицы свили себѣ въ храмѣ гнѣзда, стали разорять эти послѣднія. Жрица тогда спросила, зачѣмъ они обижаютъ эти существа, ищущія здѣсь защиты. „Не приказала ли ты намъ отослать ищущихъ защиты?“ отвѣчали послы. „Я сдѣлала это“, призналась жрица, „потому что вы меня обидѣли, и я хотѣла навлечь на васъ наказаніе боговъ, которое постигло бы васъ, если бы вы отказали въ защитѣ ищущимъ ее“. Цитировалась исторія сэра Джона Джервиза, лорда Сенъ-Винсентъ. Когда одинъ изъ его біографовъ спросилъ, какое дѣло въ своей жизни онъ считаетъ главымъ своимъ подвигомъ?—онъ отвѣчалъ: „Разъ случилось мнѣ быть на своемъ кораблѣ въ гавани Алжира. Два раба бросились съ берега и достигли корабля вплавь. Алжирскій дей потребовалъ ихъ выдачи. Я отказалъ. Онъ грозилъ приказать своимъ фортамъ открыть огонь по моему кораблю. Я отвѣтилъ, что при первомъ же выстрѣлѣ я поверну корабль противъ форта и разобью послѣдній въ дребезги. Больше я ничего не слышалъ по этому предмету“. Итакъ, великій военачальникъ цѣнилъ этотъ фактъ выше, чѣмъ ту побѣду, которой обязанъ былъ возведеніемъ въ графское достоинство.

Защитники рабства имѣли обыкновеніе говорить о свободныхъ цвѣтнокожихъ, какъ о людяхъ лѣнивыхъ, нищихъ, или преступныхъ. Но это была клевета. Рѣдко можно было встрѣтить въ городахъ сѣверныхъ штатовъ цвѣтнокожаго просящимъ милостыню; тогда какъ статистика преступности показывала, что, пропорціонально общему числу цвѣтного населенія, очень немногіе изъ его числа подвергались заключенію въ тюрьмѣ. Въ 1851 г. въ Цин-

цинпати было много цвѣтнокожихъ, владѣвшихъ значительною собственностью. Одинъ изъ лучшихъ отелей—Дюмасъ Гоузъ—принадлежалъ цвѣтнокожимъ и управлялся ими. Лучшая бакалейная лавка также принадлежала человѣку цвѣтной расы. Одинъ изъ цвѣтнокожихъ былъ лучшимъ въ городѣ фотографомъ. То же самое, по всей вѣроятности, было и въ другихъ городахъ. Что же касается Цинциннати, то я знаю, что дѣло обстояло тамъ, какъ я описываю, такъ какъ я провелъ тамъ въ 1851 г. нѣсколько дней въ изслѣдованіи положенія цвѣтнокожихъ. Помню, что, между прочимъ, я освѣдомлялся о степени ихъ трезвости и получилъ въ отвѣтъ, что одно время почти всѣ они въ Цинциннати принадлежали къ обществу трезвости; они присоединились къ этому обществу благодаря благороднымъ усиліямъ среди нихъ и преданности дѣлу Теодора Д. Уилда (Weld), студента богословія Лэнской семинаріи.

IV.

Друзья и противники аболиціонистскаго движенія въ свободныхъ штатахъ.

Въ предыдущей главѣ я упомянулъ о тѣхъ многочисленныхъ вліяніяхъ, которыя сплотились для оппозиціи аболиціонизму. Нѣкоторыя изъ нихъ были естественны и неизбѣжны. Таковъ былъ естественный консерватизмъ старости, консерватизмъ, приходящій съ годами; таковъ былъ страхъ перемѣнъ; таково было опасеніе подвергнуть опасности союзъ; наконецъ,—убѣжденіе, что мы вступили съ Югомъ въ договоръ, который мы не въ правѣ нарушить. На этихъ основаніяхъ и благодаря увѣренности, что аболиціонисты были сумасбродные фанатики, которымъ всякія средства были хороши для достиженія цѣли,—не мало было на сѣверѣ почтенныхъ, добрыхъ и совѣтливыхъ людей, которые долгое время противодѣйствовали аболиціонистскому движенію. Докторъ Чаннингъ порицалъ озлобленіе и страстность партіи Гаррисона. Когда Гаррисонъ заявлялъ, что конституція Соединенныхъ Штатовъ—„договоръ со смертью и контрактъ съ адомъ“,—когда Вендель Филипсъ произнесъ „проклятіе на конституцію“, а церковь объявлена была „воровскимъ братствомъ“,—то естественно было людямъ, глядѣвшимъ на движеніе извнѣ, считать его фанатическимъ. Но, съ другой стороны, какъ естественно было аболиціонистамъ не останавливаться ни передъ какими выраженіями и хвататься за всякое оружіе, лишь бы пробудить отъ спячки поколѣніе, относившееся равнодушно къ страшной несправедливости и опасности отвратительной системы держанія человѣка въ рабствѣ. Имъ приходилось кричать во всю и не чиниться. Они называли своихъ противниковъ и равнодушныхъ „порожденіемъ змѣинымъ“, но вѣдь и Іоаннъ Креститель дѣлалъ то же. Самъ Христосъ называлъ фарисеевъ „лицемѣрами“, „слѣпыми вождями слѣпыхъ“,

„порожденіемъ адовымъ“, „гробами повапленными, внутри же полными мертвыхъ костей“, „змѣями“ и „порожденіемъ ехидниннымъ“. Нужно знать всѣ ужасы рабства, чтобы понять суровость аболиціонистовъ, а аболиціонисты знали эти ужасы лучше, чѣмъ сами рабовладѣльцы. Помню, я въ Кентукки прочелъ впервые книгу Уилда (Th. Д. Weld)—„Американское рабство, или показанія тысячи свидѣтелей“; но и сейчасъ еще я чувствую то болѣзненное ощущеніе страданія, которсе причинило мнѣ тогдашнее чтеніе. Долго не могъ я успокоиться послѣ перваго ужаснаго впечатлѣнія. Путешествіе Фредерика Ло Олмстэда по юго-западнымъ штатамъ представляло другое подобное сочиненіе; въ немъ описывалось, каково было обращеніе съ рабами. Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть: „Законъ о бѣглыхъ и его жертвы“—брошюра, изданная обществомъ противниковъ рабства, „Новое царство террора“ и „Законы о рабствѣ“ Страуда,—сочиненіе, въ которомъ разбиралось не то невольничество, какое создали на практикѣ жестокіе и оскотинившіеся рабовладѣльцы, а то, какое предписывалось законами рабовладѣльческихъ штатовъ.

Я приведу здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этого сочиненія, достовѣрность котораго никогда никѣмъ не была заподозрѣна.

„Всякое собраніе негровъ съ цѣлью богослуженія, когда послѣднее совершается негромъ же, есть незаконное собраніе, и судья имѣетъ право письменно приказать чиновнику или иному лицу посѣтить подобное собраніе, схватить тамъ любого негра и тотъ же или иной судья имѣетъ право приказать высѣчь того негра“ (изъ виргинскаго кодекса. 1849 г.).

Согласно законамъ нѣкоторыхъ рабовладѣльческихъ штатовъ, получившіе свободу или рожденные свободными цвѣтнокожіе могли быть арестуемы, хотя бы ихъ занятія были вполнѣ законны и сами они были вполнѣ почтенными людьми, и если они не могли предъявить документовъ, доказывавшихъ ихъ право на свободу,—ихъ на законномъ основаніи сажали въ тюрьму, печатали объявленія о нихъ, какъ о бѣглыхъ рабахъ, и продавали въ рабство (законодательство штатовъ Мэриллэнда и Миссиссипи). „Любое лицо, встрѣтивъ раба за предѣлами города, гдѣ онъ живетъ, или плантаціи, гдѣ онъ употребляется на работы, если тотъ рабъ не сопровождаетъ бѣлаго человѣка и не имѣетъ письменнаго разрѣшенія на отлучку, даннаго его владѣльцемъ или тѣмъ, кто употребляетъ его на работы,—имѣетъ право арестовать его и наказать ударами плети по обнаженной спинѣ; а если бы такой рабъ напалъ на подобное лицо (бѣлой расы) и ударилъ послѣднее, то онъ можетъ быть убитъ и это будетъ дѣйствіемъ законнымъ“ (законы Южной Каролины).

А то вы могли прочесть, если желали, описаніе рабства, какъ оно практиковалось на плантаціи ея мужа, сдѣланные миссисъ Фрэнсесъ Аннъ Кембль. Или вы могли прочесть разсказы раз-

ныхъ бѣглыхъ, приводимые въ „Жизнеописаніи Исаака Т. Гоппера“. Даже и теперь, когда все это уже дѣло прошлое, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ и кровь холодѣетъ въ жилахъ, когда читаешь о тѣхъ страшныхъ жестокостяхъ, какимъ подвергались невольники во многихъ мѣстахъ Юга. Я бы не посовѣтовалъ и сейчасъ человѣку съ неособенно крѣпкими нервами читать эти разсказы. Каково же было ихъ дѣйствіе, когда они слышались изъ устъ самихъ бѣглецовъ? Каково было терпѣть, когда крики страдальцевъ слышались ежечасно? Когда рабовладѣльцы прибавляли къ прежней новыя и новыя территоріи съ тѣмъ, чтобы и ихъ запятнать кровью? При подобныхъ обстоятельствахъ едва ли можно было ожидать отъ людей, знавшихъ факты, умѣренности въ выраженіяхъ и мягкости въ оборотахъ рѣчи. Противники рабства были подобны пушечному ядру, которое летитъ прямо къ намѣченной цѣли и разрываетъ въ дребезги все по пути. Они смотрѣли на дѣло съ страшной серьезностью и, какъ у Лютера, каждое ихъ слово было „наполовину битвою“.

Я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ фанатизма противной стороны,—примѣровъ узости и ярости той оппозиціи, какую аболиціонисты встрѣчали въ сѣверныхъ штатахъ.

Возьмите, напримѣръ, дѣло миссъ Пруденсъ Крэндоллъ (Prudence Crandall), почтенной лэди бѣлой расы, принадлежавшей къ Обществу Друзей *). Въ 1832 г. она открыла дѣвичью школу въ Кэнтербѐри, въ штатѣ Коннектикутъ. Дѣвочка цвѣтной расы пожелала въ нее поступить. Пріему ея противопоставлена была неистовая оппозиція, и когда миссъ Крэндоллъ не согласилась отказать дѣвочкѣ въ пріемѣ, всѣ бѣлыя воспитанницы оставили школу. Тогда учебное заведеніе превратилось въ школу для дѣвочекъ цвѣтной расы. Вслѣдъ затѣмъ миссъ Крэндоллъ сдѣлалась предметомъ оскорбленій и преслѣдованій со стороны сосѣдей, которые добивались изгнанія ея изъ города на основаніи закона.

Это имъ не удалось. Тогда они провели черезъ законодательное собраніе постановленіе, которымъ запрещалось открывать въ штатѣ учебныя заведенія, принимающія цвѣтнокожихъ изъ другихъ штатовъ. Миссъ Крэндоллъ была арестована и посажена въ тюрьму за то, что она готова была помочь порядочнымъ цвѣтнокожимъ дѣвушкамъ пріобрѣсти образованіе. Самюэль Дж. Мэй, жившій въ сосѣднемъ городѣ, защищалъ эту почтенную одинокую женщину и не оставлялъ ее въ теченіе всей исторіи. Арсзёръ Татганъ изъ Нью-Іорка прислалъ денегъ, чтобы обезпечить ей адвоката. Ее освободили на поруки, но преслѣдованія со стороны населенія продолжались. Даже мѣстный врачъ отказался посѣтить ея домъ, когда тамъ появилась болѣзнь. Кураторы городской церкви отказались позволить ей

*) Т. е. къ квакерамъ. *Пер.*

приводить воспитанницъ въ домъ Божій. Судъ надъ нею окончился оправданіемъ; но угрозы по ея адресу продолжались съ такою яростью, что положительно терроризировали дѣвочекъ, бывшихъ на попеченіи миссъ Крэндоллъ, и, наконецъ, по совѣту друзей, она закрыла свою школу, отправивъ дѣтей по домамъ. И все это происходило не въ рабовладѣльческихъ штатахъ, а въ Новой Англіи, среди потомковъ пуританъ. Въ 1836 г. губернаторъ Массачузэтса Эдвардъ Эверэтъ — человѣкъ большой эрудиціи и отличный патріотъ, какъ онъ это доказалъ въ междоусобную войну, обратился къ законодательному собранію штата съ посланіемъ, въ которомъ предлагалъ принять какія-нибудь законодательныя мѣры для прекращенія и предупрежденія аболиціонистской агитаціи въ Массачузетсѣ, разсчитанной на возбужденіе таковой на Югѣ. Эта часть губернаторскаго посланія была отдана на разсмотрѣніе особаго комитета, и члены Общества Противниковъ Рабства просили, чтобы комитетъ выслушалъ и ихъ доводы. Они были допущены въ засѣданіе. Предсѣдателемъ въ комитетѣ былъ мистеръ Джоржъ Лёнтъ (George Lunt) изъ Нюбюрипорта. Говорили: Самюэль Дж. Мэй, Эллисъ Грэй Лорингъ, Гаррисонъ и профессоръ Чарльзъ Фолленъ. Послѣдній былъ человѣкъ ученый и вмѣстѣ съ тѣмъ приверженецъ свободы; онъ былъ изгнанъ изъ Германіи за свою преданность народной свободѣ. Въ числѣ своихъ доводовъ онъ упомянулъ, что если законодательное собраніе приметъ какой-либо законъ, повидимому, направленный противъ Общества Противниковъ Рабства, то это можетъ повести къ проявленію буйнаго насилія со стороны уличной толпы. Едва онъ сказалъ это, какъ мистеръ Лёнтъ приказалъ ему сѣсть, такъ какъ, по словамъ предсѣдателя, выраженія профессора Фоллена были оскорбительны для комитета и оратору нельзя дозволить продолжать рѣчь. Общество Противниковъ Рабства обратилось къ законодательному собранію и просило, чтобы его выслушали еще разъ, и Самюэль И. Сюоллъ, докторъ Фолленъ и Вильямъ Гуделлъ (Goodell) говорили вновь. Мистеръ Лёнтъ опять перебилъ послѣднихъ двухъ. Тогда всталъ Джоржъ Бондъ, именитый купецъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, и протестовалъ противъ пристрастія предсѣдателя, который и ему отвѣчалъ въ томъ же нагломъ тонѣ. Не такъ давно мистеръ Лёнтъ заявилъ, что описаніе его самовластнаго поведенія, какъ оно дано въ Вильсоновой исторіи рабства и въ „Воспоминаніяхъ" Самюэля Дж. Мэя, не совсѣмъ согласно съ истиной. Но ни въ полнотѣ, ни въ положительности доказательствъ, что поведеніе его было именно таково, нѣтъ недостатка. У меня, между прочимъ, есть письма отъ С. И. Сюолла и Чарльза К. Випля (Whipple); оба эти джентльмэна присутствовали на засѣданіи и свидѣтельствуютъ, что отчетъ Вильсона о немъ не имѣетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго.

При этомъ случаѣ имѣло мѣсто обстоятельство, о которомъ упоминаетъ Гарріэтъ Мартинò въ статьѣ, озаглавленной „Время мученичества въ Америкѣ“ и напечатанной въ „Вестминстерскомъ Обозрѣніи“. По ея словамъ, въ то время, какъ происходили пренія, дверь отворилась и въ ней появился докторъ (богословія) Вильямъ Э. Чаннингъ. Здоровье его въ то время было уже разбито. День былъ скверный, а онъ вообще зимой избѣгалъ выходить. Онъ нѣсколько секундъ простоялъ въ дверяхъ, закутанный въ шинель. Какъ только онъ былъ замѣченъ, нѣсколько присутствующихъ встали и предложили ему мѣсто. Но онъ не принялъ приглашенія, а обвелъ вокругъ взглядомъ, пока не нашелъ мистера Гаррисона; тогда онъ направился въ ту сторону и сѣлъ рядомъ. Поразительная сторона его поступка заключалась въ томъ, что между нимъ и мистеромъ Гаррисономъ существовало большое разногласіе по вопросу о томъ, какимъ способомъ положить конецъ рабству, и мистеръ Гаррисонъ говорилъ публично о взглядахъ доктора Чаннинга съ значительной ѣдкостью. Но въ настоящемъ случаѣ доктору Чаннингу хотѣлось показать, что онъ вполнѣ симпатизировалъ цѣлямъ Гаррисона и былъ абсолютно противъ подавленія свободы обсужденія въ штатѣ Массачузетсъ. Слѣдующее по времени замѣчательное происшествіе была уличная расправа съ Лёвджоемъ въ Ольтонѣ. Ольтонъ, расположенный какъ разъ противъ Сенъ-Луиса, былъ въ то время быстро растущимъ городомъ, а Элиджа П. Лёвджой былъ редакторомъ газеты въ Сенъ-Луисѣ. Газета была противъ рабства; но она была также противницей Гаррисона и немедленнаго освобожденія. Тѣмъ не менѣе, того факта, что Лёвджой былъ принципіальнымъ противникомъ рабства, было достаточно, чтобы его выжили изъ Сенъ-Луиса. Онъ перебрался въ Ольтонъ и сталъ издавать свою газету тамъ. Толпа разгромила его типографію. Онъ устроилъ вторую, затѣмъ третью типографію, но каждая, въ свою очередь, подверглась той же участи. Тогда онъ добылъ новый шрифтъ и машину—въ четвертый разъ—и подъ охраной сорока вооруженныхъ человѣкъ доставилъ ихъ съ парохода въ каменное зданіе типографіи. Полагали, что тамъ типографскія принадлежности были въ безопасности, и большая часть вооруженныхъ защитниковъ ушли; Лёвджой же съ нѣсколькими друзьями остался для охраны типографіи въ теченіе ночи. Огромная толпа собралась вокругъ зданія; началась стрѣльба изъ толпы въ окна; защитники типографіи отвѣчали выстрѣлами на выстрѣлы, и одинъ человѣкъ на улицѣ былъ убитъ. Мэръ города напрасно старался подавить буйство толпы. Въ концѣ концовъ къ зданію были приставлены лѣстницы и крыша дома подожжена. Лёвджой вышелъ со своими друзьями на крыльцо. Одинъ изъ осаждавшихъ, притаившись за кучей досокъ, выстрѣлилъ въ него и убилъ. Когда происшествіе это стало извѣстно въ Бостонѣ, докторъ Чаннингъ и еще нѣ-

сколько человѣкъ обратились къ завѣдывавшимъ Фанель-Голломъ, желая собрать въ этой залѣ митингъ и протестовать противъ уличной расправы. Имъ было отказано. Тогда докторъ Чаннингъ апеллировалъ къ гражданамъ Бостона. „Неужели,—спрашивалъ онъ,—бостонскіе граждане пали такъ низко, что не заслуживаютъ довѣрія, когда они хотятъ собраться, чтобы защищать свободу, за которую ихъ отцы положили свою жизнь? Нашихъ согражданъ будутъ убивать за то, что они защищаютъ свои права, а мы не должны выражать наше отвращеніе къ подобнымъ поступкамъ?" Въ отвѣтъ на это воззваніе собрался публичный митингъ—не въ Фанель-Голлѣ; Джоржъ Бондъ предсѣдательствовалъ, а Бенджаминъ Ф. Голлэтъ былъ секретаремъ. Тѣ же люди снова обратились къ завѣдывавшимъ Фанель-Голлемъ за залой и общество такъ сильно поддержало ихъ, что зала была, наконецъ, дана. Митингъ собрался въ ней восьмого декабря 1837 г. Джэмсъ Т. Остинъ (Austin), бывшій въ то время генеральнымъ атторнэемъ *) штата, сказалъ запальчивую рѣчь въ отвѣтъ на рѣчь Чаннинга. Онъ заявилъ, что отвѣтственность за смерть Лёвджоя на него же должна и пасть, и что Лёвджой „погибъ смертію безумца". Онъ сравнилъ ольтонскихъ буяновъ съ тѣми гражданами которые выбросили чай въ Бостонскую бухту, а рабовъ—со львами, тиграми и обезьянами, которыхъ слѣдуетъ держать въ звѣринцѣ прикованными. Тогда всталъ Вендель Филипсъ. Какъ онъ самъ потомъ говорилъ мнѣ, онъ не думалъ говорить; онъ пришелъ въ залу, какъ и другіе, въ качествѣ слушателя. Но тутъ онъ вступилъ на платформу и обратился къ публикѣ. Среди большой суматохи онъ отвѣчалъ Остину и отвѣчалъ съ надлежащей суровостью. Между прочимъ, Филипсъ сказалъ: „Когда Остинъ приравнялъ убійцъ Лёвджоя къ Ганкоку, Адамсу Отису и Квинси, я думалъ, что эти нарисованнныя уста откроются **), чтобы дать острастку этому вѣроотступному американцу". Эта рѣчь была началомъ карьеры Филипса, какъ оратора противъ рабства.

У меня сохраняется брошюра, написанная въ это время мистеромъ Остиномъ. Чтобы дать понятіе о ея манерѣ и тонѣ, я сдѣлаю одну только выдержку. „Что слѣдуетъ предпринять относительно рабства?—Я отвѣчаю: ровно ничего! Прекращеніе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ отнюдь не желательно". Я уже показалъ, что обѣ большія политическія партіи въ Штатахъ были противъ аболиціонизма. Теперь я долженъ сказать, что значительная часть церкви и выдающіеся богословы были тоже его противниками. Я приведу здѣсь лишь одинъ или два примѣра.

---

*) Должность, до извѣстной степени соотвѣтствующая нашему генералъ-прокурору. *Пер.*

**) Фанель-Голлъ украшенъ портретами «отцовъ американской свободы». *Пер.*

Докторъ Неемія Адамсъ изъ Бостона былъ знаменитый богословъ. Это былъ человѣкъ умный, пользовавшійся вліяніемъ и глубоко уважаемый своими друзьями за его добрыя личныя качества. Случилось ему отправиться въ Портъ Рояль, въ Южной Каролинѣ — погостить. По возвращеніи онъ имѣлъ несчастье издать книгу подъ заглавіемъ: „A South side View of Slavery" („Рабство съ Южной точки зрѣнія"). Онъ представилъ это учрежденіе въ розовомъ свѣтѣ. Невольники, увѣрялъ онъ, довольны своимъ положеніемъ и вполнѣ счастливы; они пользуются многими преимуществами и обращеніе съ ними кроткое; жестокость въ отношеніи ихъ вовсе не практиковалась; онъ самъ слышалъ, какъ рабы пѣли въ церквахъ. Такимъ образомъ, аболиціонисты жестоко ошибались, и рабство, въ концѣ концовъ, вовсе не было такъ ужъ дурно. А вотъ что казалось ему вполнѣ неперенослымъ зломъ: джентльмэнъ съ Юга могъ явиться въ одинъ изъ сѣверныхъ штатовъ съ цвѣтнокожимъ кучеромъ, этого кучера могли у него сманить; сколько же непріятностей причинило бы это джентельмэну?!

Книгу свою доктеръ Адамсъ написалъ на плантаціи „Стараго Форта" въ Портъ-Роялѣ. Тамъ есть дубовая роща, со скамейкой; на этой-то скамьѣ онъ и написалъ свою апологію рабства. Любопытно, что именно на этомъ мѣстѣ, гдѣ докторъ Адамсъ трудился надъ своей книгой, офицеръ, командовавшій войсками Соединенныхъ Штатовъ, прочелъ впослѣдствіи—1 января 1863 года—передъ большимъ собраніемъ бѣлыхъ и цвѣтнокожихъ прокламацію Авраама Линкольна, освобождавшую невольниковъ. Торжество это должно было совершиться по заранѣе условленной программѣ, выполненіе которой было, однако, прервано совершенно неожиданно. Едва прокламація была прочитана, какъ цвѣтнокожіе съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ запѣли:

„My country 'tis of thee, sweet Land of Liberty"...

(„О тебѣ, моя родина, сладостная страна свободы"...) Гдѣ они выучили этотъ гимнъ—я не знаю; но какъ бы то ни было, они его выучили и запѣли, впервые въ своей жизни, въ тотъ моментъ, когда воистину могли назвать Соединенные Штаты своею „Родиной" и „страною свободы". Въ этомъ же мѣстѣ миссъ Ботюмъ, сѣверянка, въ теченіе почти цѣлыхъ 20 лѣтъ учила дѣтей въ обширной школѣ для цвѣтнокожихъ. Подобно многимъ другимъ учителямъ—сѣверянамъ, она отправилась въ Южную Каролину, какъ только захватъ Си-Айлэндсъ послѣ битвы у Гиттонъ-Гэдъ сдѣлалъ возможнымъ обученіе цвѣтнокожихъ. На глазахъ и подъ руководствомъ миссъ Ботюмъ, миссъ Таунъ и другихъ учителей выросло и возмужало цѣлое поколѣніе цвѣтнокожихъ дѣтей на пользу обществу.

Другого ревностнаго сторонника между сѣверянами рабство имѣло въ лицѣ доктора Лорда, президента Дартмутскаго кол-

леджа. У меня хранятся двѣ его брошюры. Одна называется: „Вопросное письмо къ проповѣдникамъ Евангелія всѣхъ исповѣданій“; другая—„Второе письмо Натана Лорда“. Этотъ господинъ, будучи главою колледжа въ Новой Англіи, держался того взгляда, что рабство установлено Господомъ Богомъ и согласно съ предписаніями естественной религіи; что оно не противорѣчитъ и заповѣди Любви, выраженной въ словахъ: „поступай съ ближнимъ твоимъ, какъ желаешь, чтобы поступали съ тобою“; что противники рабства суть еретики, исповѣдующіе ложную доктрину; что рабство учрежденіе вполнѣ здравое и полезное; что ему слѣдуетъ дозволить распространяться на свободной территоріи; что христіане, вмѣсто того, чтобы противиться рабству, должны бы противиться аболиціонизму; и что такъ какъ онъ считаетъ рабство божественною заповѣдью, то онъ былъ бы очень радъ самъ, при надобности, нанимать отъ хозяевъ ихъ рабовъ или владѣть невольниками. Интересно сравнить эти заявленія съ заявленіями Генри Клэя, который, будучи самъ рабовладѣльцемъ, признавалъ невольничество зломъ и несправедливостью, и заявилъ, что ничто въ мірѣ не заставитъ его согласиться на введеніе этого учрежденія въ мѣстахъ, гдѣ его дотолѣ не было.

По воззрѣніямъ доктора Лорда зломъ оказывалось не рабство, а свобода. Не Фараонъ, а Моисей заслуживалъ порицанія, и слова пророка Исаи, учившаго: „сломите всякое ярмо и да будетъ угнетенный свободенъ“, докт. Лордъ, вѣроятно, опредѣлилъ бы, какъ „описательное заблужденіе“, а самого пророка, какъ „лицо, зараженное романтизмомъ и слишкомъ легко возбуждаемое“.

Вслѣдъ за этими брошюрами докт. Лорда и другой христіанскій священнослужитель свободныхъ штатовъ выступилъ на защиту рабства. Это былъ епископъ епископальной церкви Гопкинсъ изъ Вермонта, написавшій въ 1857 г. книгу подъ заглавіемъ „Американскій гражданинъ“. Это былъ курьезный винегретъ, содержавшій всего понемножку. Тутъ былъ и переводъ отрывка изъ Цицерона, и совѣты, какъ выбирать жену, и предостереженія противъ употребленія въ тѣстѣ двууглекислаго поташа. Излагая свои взгляды на женское образованіе, епископъ заявлялъ, что акварельная живопись вполнѣ резонно входила въ кругъ этого образованія, но что живопись масляными красками никоимъ образомъ не должна быть дозволена дѣвицамъ. Затѣмъ онъ переходилъ къ вопросу о невольничествѣ и утверждалъ, что рабы были счастливѣйшіе въ мірѣ рабочіе. Какъ и докт. Лордъ, онъ защищалъ торговлю рабами. Доказавъ, такимъ образомъ, къ собственному удовольствію, по крайней мѣрѣ, что невольничество было вполнѣ справедливое и во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельное учрежденіе, освященное христіанствомъ и даже прямо заповѣданное Богомъ, онъ вдругъ дѣлалъ неожиданный вольтъ и ставилъ вопросъ: какъ можно было его уничтожить? Епископъ

Гопкинсъ затѣмъ доказывалъ, что положить конецъ рабству не трудно: стоитъ выслать всѣхъ цвѣтнокожихъ назадъ въ Африку. Если нація согласна платить по шестьдесяти милліоновъ долларовъ въ теченіе двадцатипяти лѣтъ, то 40.000 цвѣтнокожихъ могли бы быть вывозимы ежегодно. Онъ ни словомъ не обмолвился о томъ, что эти эмигранты будутъ дѣлать по прибытіи въ Африку, или чѣмъ они тамъ будутъ существовать. Вотъ что называлось въ тѣ дни мудростью и консерватизмомъ! И это говорилось всего за шесть лѣтъ до прокламаціи освобожденія! Если подобныя книги писались и печатались наиболѣе выдающимися пастырями сѣверныхъ штатовъ,—что же удивительнаго, что аболиціонисты въ пылу борьбы называли американскую церковь „оплотомъ рабства", „убѣжищемъ притѣсненій" и „воровскимъ братствомъ". Тѣмъ не менѣе огромное большинство священнослужителей на Сѣверѣ было противъ невольничества, и изъ ихъ среды выходили аболиціонисты. Все же Виттіэръ хорошо опредѣлилъ тѣхъ слѣпыхъ, ведущихъ слѣпыхъ, которые „подвергали пыткѣ святую библію, чтобы освятить преступленіе, разбой и пролитую кровь, и клевещутъ на Бога и человѣка, лишь бы сослужить ненавистную службу угнетенію".

Сѣверянъ, противившихся аболиціонизму, можно подраздѣлить слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ — противники политическіе, опасавшіеся, что аболиціонистское движеніе разстроитъ механизмъ партіи. Терминъ „Тѣстяные" („Dough-faces") былъ изобрѣтенъ для обозначенія этихъ людей, готовыхъ пожертвовать чѣмъ угодно въ пользу Юга, лишь бы порадѣть своей партіи. Мистеръ Когунъ (Colhoun) не былъ „Тѣстянымъ"; онъ прямо утверждалъ, что рабство справедливо и необходимо. Политики Юга были мужественны и откровенны; они не скрытничали. Но нѣкоторые изъ политиковъ-сѣверянъ были изворотливы и хитры. Они домогались оффиціальнаго общественнаго положенія, можетъ быть, даже президентства; вмѣстѣ съ тѣмъ, они ясно видѣли, до какой степени Югъ чувствителенъ и единодушенъ въ вопросѣ о невольничествѣ; они видѣли, что никакой государственный постъ не доступенъ сѣверянину, если послѣдній не покажетъ полную готовность поддерживать всѣ домогательства рабовладѣльческой партіи. Итакъ, они стремились удовлетворить Югъ и обмануть Сѣверъ. Они прибѣгали ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы придать своей уступчивости благовидную внѣшность.

Самыми выдающимися изъ такихъ вожаковъ были Бюкананъ (Buchanan) и Кассъ (Cass). Пожалуй, Бюкананъ шелъ дальше Касса въ своемъ прислужничествѣ рабовладѣльцамъ, ибо демократы Кассова штата — Мичигана — были менѣе уступчивы въ истинно-демократическихъ принципахъ, чѣмъ демократы Пенсильваніи. Въ то время, какъ Бюкананъ избранъ былъ кандидатомъ въ президенты, мнѣ случилось вырѣзать изъ одной Рич-

мондской газеты статью, въ которой указывалось, что онъ въ теченіе всей своей политической карьеры всегда и неизмѣнно вотировалъ за каждую мѣру, какой требовалъ Югъ, и тутъ же давался списокъ этихъ мѣръ *).

За свое прислужничество рабовладѣльцамъ Бюкананъ былъ награжденъ избраніемъ, въ 1856 году, въ президенты. Насколько онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ этомъ званіи—не берусь сказать. Подача имъ голоса за рабовладѣльческія мѣры не смутила довѣрія къ нему Пенсильванскихъ „демократовъ". Пенсильванскіе избиратели обѣихъ партій всегда и всецѣло подчинялись управленію профессіональныхъ политиковъ. Среди аболиціонистскихъ ораторовъ ходилъ анекдотъ о томъ, какъ одинъ изъ нихъ отправился на пропаганду въ графство Боксъ, въ Виргиніи, гдѣ было много нѣмцевъ — „демократовъ". Онъ старался убѣдить своихъ слушателей, что демократія должна быть въ союзѣ съ аболиціонизмомъ. „А почему?" спросилъ ораторъ и самъ же отвѣчалъ: „Потому что — что такое демократъ? — Это человѣкъ, признающій равныя права для всѣхъ; это человѣкъ, который считаетъ свободу достояніемъ всего человѣчества!" „Ну, нѣтъ, ша-

---

*) Вотъ что говорилъ Richmond Inquirer по поводу кандидатуры мистера Бюканана въ 1856 году:

1) Въ 1836 г. мист. Бюкананъ поддерживалъ билль о запрещеніи распространять аболиціонистскія газеты черезъ почту.

2) Въ томъ же году онъ предложилъ принятіе Арканзаса въ Союзъ и вотировалъ за него.

3) Въ 1836—37 онъ высказался противъ петиціи объ уничтоженіи невольничества въ округѣ Колумбія и подалъ голосъ за отказъ петиціонерамъ.

4) Въ 1837 онъ вотировалъ за знаменитыя резолюціи, предложенныя Когуномъ (Calhoun), которыми опредѣлялись права отдѣльныхъ штатовъ и предѣлы федеральной власти, при чемъ правительству вмѣнялось въ обязанность защищать и поддерживать учрежденія Юга.

5) Въ 1838, 1839 и 1840 онъ неизмѣнно подавалъ голосъ съ сенаторами Юга противъ разсмотрѣнія петицій аболиціонистовъ.

6) Въ 1844—5 онъ отстаивалъ присоединеніе Техаса и подалъ за него голосъ.

7) Въ 1847 онъ поддерживалъ Клейтоновъ компромиссъ.

8) Въ 1850 онъ предложилъ расширить компетенцію миссурійскаго компромисса до океана и вотировалъ за эту мѣру.

9) Помирившись на компромиссѣ 1850 года, онъ воспользовался его вліяніемъ во всей полнотѣ для неукоснительнаго исполненія на практикѣ закона о бѣглыхъ невольникахъ.

10) Въ 1854 г. онъ аргументировалъ противъ мѣры, имѣвшей цѣлью мѣшать аресту и возврату бѣглыхъ рабовъ, обсуждавшейся въ Пенсильванскомъ законодательномъ собраніи.

11) Въ 1854 онъ старался о пріобрѣтеніи Кубы.

12) Теперь, въ 1856 г., онъ одобряетъ уничтоженіе миссурійскаго ограниченія и поддерживаетъ основанія Канзасско-Небрасскаго акта.

13) Никогда онъ не подавалъ голоса противъ интересовъ невольничества и никогда не произнесъ единаго слова, которое могло бы огорчить самаго щекотливаго южанина.

лишь!—закричалъ въ отвѣтъ старый нѣмецъ изъ числа слушателей,—я такого человѣка не назову демократомъ; по моему, демократъ тотъ, который подаетъ голосъ за кандидатовъ демократической партіи".

Были люди, которые отказывались стать въ ряды аболиціонистовъ, потому что, по ихъ мнѣнію, это движеніе подвергало опасности цѣлость Союза. Таковы были: Вебстеръ, Эвереттъ и Чотъ (Webster, Everett, Choate). Существовала оппозиція аболиціонизму и среди духовенства, основанная на боязни, что онъ внесетъ рознь въ церковь. Существовала оппозиція и среди торговыхъ людей, опасавшихся, что уничтоженіе рабства подорветъ торговлю. Наконецъ, нужно прибавить къ оппозиціи людей, говорившихъ: „мы заключили съ Югомъ извѣстное обязательство и должны его держаться". Въ результатѣ всего этого оппозиція рабству значительно ослабѣла ко времени образованія республиканской партіи. Въ ранній періодъ и Сѣверъ, и Югъ одинаково соглашались съ тѣмъ, что невольничество должно быть уничтожено и что рано или поздно оно исчезнетъ. Предложеніе Дэна не допускать рабства въ сѣверныхъ штатахъ поддерживалось въ конгрессѣ, какъ мы видѣли, не только сѣверянами, но и южанами. Но когда разведеніе хлопка стало прибыльнымъ, аболиціонизмъ постепенно вымеръ на Югѣ. Ему наслѣдовало мнѣніе, что территорія Штатовъ должна быть подѣлена между невольничествомъ и свободой. Этотъ взглядъ выступилъ впередъ и восторжествовалъ въ миссурійскомъ компромиссѣ. Затѣмъ явилось стремленіе увеличить область рабства присоединеніемъ Техаса. Послѣ стали утверждать, что рабство нигдѣ не должно быть запрещаемо, но вездѣ поддерживаемо; что куда бы рабовладѣльцы ни явились со своею живою собственностью, государство должно защищать ихъ привилегіи, и, наконецъ, выступилъ впередъ принципъ, что рабство должно повелѣвать, а свобода — подчиняться. Эта послѣдняя доктрина и была проводима въ Канзасѣ на практикѣ, насколько то было въ ихъ власти, президентами Пирсомъ и Бюканономъ, ставшими послушными орудіями невольничества.

Тѣмъ временемъ аболиціонистское движеніе, этотъ вѣчно поступательный потокъ, эта „радостная и изобильная рѣка" мысли и дѣла, становилось глубже и разливалось шире. Среди членовъ конгресса оно насчитывало, какъ я уже упоминалъ, такихъ защитниковъ, какъ Сёмнеръ, Чэзъ, Джонъ П. Гэль, Амосъ Тёкъ, Робертъ Рантулъ младшій, Генри Вилсонъ, Джонъ Полфрэй, Джошуа Гиддингсъ, Чарльзъ Алленъ изъ Вурстера, Стивенъ Филипсъ изъ Салема, Слэдъ изъ Вермонта, Джюліэнъ изъ Индіаны. Изъ нихъ Р. Рантулъ изъ Нюберипорта, что въ Массачузетсѣ, подавалъ особенно блестящія надежды. Но штатъ и вся нація потеряли его слишкомъ рано. Демократъ по убѣжденіямъ и по

принадлежности къ партіи, онъ, однако, отказался слѣдовать за этой партіей, какъ и Джонъ Гэль изъ Нью-Гэмпшира и Моррисъ изъ Огайо, въ ея поддержкѣ или защитѣ рабства. Его рѣчи показываютъ, что онъ обладалъ въ замѣчательной степени способностью быстро схватывать предметъ, находить безъ запинки возраженія и импровизировать аргументы. Въ послѣднемъ отношеніи я едва-ли встрѣчалъ ему равнаго. Лицо у него было южнаго типа и его орлиный взглядъ обличалъ внутренній огонь.

Сѣверяне, присоединившіеся къ аболиціонизму, воспитывались на чтеніи „Освободителя“ (The Liberator), „Нью-Іоркской Трибуны“ (New-York Tribune), „Нью-Іоркскаго Независимаго“ (New-York Independent) и „Національной Эры“ (National Era). Всѣ эти газеты мужественно стояли за права Сѣвера и за дѣло свободы. Эти аболиціонисты были стойкіе люди. Едва ли можно охарактеризовать ихъ лучше, чѣмъ это дѣлаетъ слѣдующій анекдотъ, который я слышалъ отъ Вендэля Филиппса. Ему пришлось читать лекцію въ какомъ-то городѣ Ню-Гэмпшира. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ отправился въ лекторный залъ. Еще не входя туда, онъ былъ встрѣченъ президентомъ пригласившаго его лицея. „Мистеръ Филиппсъ, о чемъ будете вы намъ читать нынче вечеромъ?“ — спросилъ президентъ. „Объ уличной жизни въ Европѣ“,—отвѣчалъ Филиппсъ. „Стало быть, не объ аболиціонизмѣ?“—„Нѣтъ, сэръ; никто не приглашалъ меня читать объ аболиціонизмѣ“.—„Тутъ какая то ошибка, мистеръ Филиппсъ“.—„Съ моей стороны никакой ошибки нѣтъ,—замѣтилъ лекторъ,—меня пригласили прочесть здѣсь нынче вечеромъ лекцію, и я явился“.—„Пожалуйте въ залъ“,—пригласилъ президентъ. Затѣмъ, взойдя на эстраду, спросилъ громко: „Здѣсь ли секретарь лицея?“ —„Здѣсь“,—отвѣчалъ голосъ изъ среднихъ рядовъ. „Г. секретарь,—снова началъ президентъ,—когда вы собирались писать мистеру Филиппсу, я предложилъ вамъ попросить его прочесть намъ нынче вечеромъ лекцію объ аболиціонизмѣ. Просили вы его объ этомъ или нѣтъ?“. „Нѣтъ“,—отвѣчалъ секретарь. „Почему же вы не сдѣлали этого, когда Комитетъ поручилъ вамъ это сдѣлать?“—„А потому, что я не желаю, чтобы мнѣ пихали въ глотку аболиціонизмъ“. На что президентъ быстро замѣтилъ: „А я желаю дать вамъ понять, г. секретарь, что мы не желаемъ чтобы намъ пихали въ глотку вашу особу“. Тотчасъ же отобраны были мнѣнія публики, которая значительнымъ большинствомъ высказалась за лекцію объ аболиціонизмѣ, и Филиппсъ читалъ объ этомъ столь знакомомъ ему предметѣ цѣлыхъ два часа.

Среди гражданъ Бостона, принимавшихъ участіе въ движеніи, направленномъ противъ рабства, много было людей, наслѣдовавшихъ историческое имя. Таковъ, напримѣръ, былъ Самюэль И. Сюолъ, вмѣстѣ съ Гаррисономъ начавшій кампанію и оставшійся вѣрнымъ до конца. Онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые

остались еще въ живыхъ отъ раннихъ дней первыхъ начинаній. Оливеръ Джонсонъ тоже былъ однимъ изъ раннихъ и до сихъ поръ крѣпокъ и дѣятеленъ; онъ въ Нью-Іоркѣ. Робертъ Волкёттъ, равнымъ образомъ, былъ однимъ изъ раннихъ и изъ самыхъ вѣрныхъ, и тоже живъ. Самюэль Мэй изъ Лестера также никогда ни на секунду не колебался въ своей приверженности дѣлу. Теодоръ Д. Уилдъ, обратившій, говорятъ, своимъ краснорѣчіемъ большинство студентовъ-богослововъ семинаріи Лэна въ Цинциннати въ аболиціонистовъ, все еще здоровъ и дѣятеленъ. Онъ же обратилъ въ аболиціониста Джэмса Бёрнэя, въ то время рабовладѣльца, и убѣдилъ его отпустить на свободу своихъ невольниковъ. Живъ и Генри Уордъ Бичеръ, оказавшій огромныя услуги дѣлу *).

Сыновья доктора Баудича, великаго математика—Вильямъ и Генри Баудичъ, оба—дѣятельные защитники человѣческихъ правъ невольниковъ, живы и до сихъ поръ. Живъ Паркеръ Пильсбери, оба Гóра, Чарльзъ Л. Римондъ и мистеръ Бёффёмъ. Но Эдмонда Квинси и Гораса Манна уже нѣтъ; не стало и Дэвида Ли-Чайльда и Лидіи Марайи Чайльдъ. Умерли: Эллисъ Грэй Лорингъ и Луиза Лорингъ, докторъ Фолленъ и Эляйза Фолленъ. Умерли: Вильямъ Гудэллъ, Фрэнсисъ Джаксонъ, Ричардъ Гильдрезсъ, Сэмюэль Гоу и Вильямъ Джэй. Еще остается въ живыхъ одинъ человѣкъ, котораго краснорѣчіе потрясало насъ въ тѣ времена: я разумѣю Фредерика Дёгласа. Вотъ поразительный примѣръ того, какая громадная сила можетъ быть вынесена изъ ужасныхъ испытаній. При томъ же Дёгласъ такъ легко владѣетъ рѣчью и обладаетъ такимъ тонкимъ артистическимъ чутьемъ, что является однимъ изъ величайшихъ прирожденныхъ ораторовъ нашего времени. Было множество другихъ благородныхъ мужчинъ и женщинъ, о которыхъ едва ли кто слышалъ, но преданность которыхъ дѣлу свободы была не менѣе тѣхъ, о которыхъ я упомянулъ. Они были равнодушны къ славѣ и извѣстности и только чистая случайность выдвигала впередъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. Таковы были двѣ миссъ Гримке, покинувшія Южную Каролину, потому что онѣ не могли далѣе выносить атмосферы рабства. Обѣ были воспитаны въ епископальной церкви, но оставили ее, когда убѣдились, что она въ союзѣ съ рабствомъ; онѣ присоединились къ квакерамъ и стали дѣятельными адвокатами человѣческихъ правъ. Таковы же были Матти Гриффизсъ и ея сестра, выселившіяся изъ Кентукки по той же причинѣ, отпустившія на волю своихъ рабовъ и такимъ образомъ оставшіяся безъ средствъ къ существованію.

Многимъ изъ этихъ людей — мужчинъ и женщинъ — обезпе-

---

*) Все это писано въ 1884 году. Съ тѣхъ поръ Бичеръ, напримѣръ умеръ, и не онъ одинъ, конечно. *Перев.*

чена вѣчная память стихотвореніями Виттіэра. [illegible] представляютъ собою словно портретную галлерею героевъ, святыхъ и мучениковъ нашего времени. Между ними найдете портретъ Гаррисона,

«Поборника всѣхъ тѣхъ, кто стонетъ
«Подъ удручающей пятой»...

Рядомъ съ нимъ стоитъ изображеніе пенсильванскаго губернатора Ритнера; когда рабовладѣльцы потребовали, чтобы аболиціонизмъ былъ подавленъ на Сѣверѣ, этотъ человѣкъ, единственный изъ губернаторовъ сѣверныхъ штатовъ, отвѣчалъ, что онъ „никогда не подчинится требованію—отказаться отъ свободнаго обсужденія какого бы то ни было предмета“. Виттіэръ по этому поводу писалъ:

«Thank God for the token—one lip is stell free,
«One spirit untrammelled, unbeuding one knee;
«Thank God that one arm from the shakle has broken;
«Thank Gód that one man as a freeman has spoken» *)

Затѣмъ идетъ описаніе капитана Джонатана Уокера изъ Массачузетса, который былъ оштрафованъ, заключенъ въ тюрьму и заклейменъ (клеймо было наложено на руку) за то, что помогалъ бѣгству рабовъ изъ Флориды:

«Welcome home again, brave seaman, with they thoughtfall brow aud gray,
«And the old heroic spirit of an carlier, better day;
«With that front of calm endurance, on whose steady nerve in vain
«Pressed the iron of the prison, smote the fiery shafts of pain» **).

Тутъ же находится и портретъ Чарлза Фоллена, этого необыкновенно милаго и въ то же время мужественнаго человѣка, изгнаннаго изъ Европы за то, что онъ любилъ свободу *тамъ* и сохранившаго свою любовь къ свободѣ *здѣсь*. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ многихъ, которые, убѣжавъ отъ тираніи, царствовавшей на ихъ родинѣ, затѣмъ стали союзниками тираніи въ пріютившей ихъ странѣ; на тѣхъ европейскихъ патріотовъ, которые ненавидѣли произволъ лишь до тѣхъ поръ, пока сами отъ него терпѣли. Такого сорта низкопробнымъ патріотомъ былъ, напримѣръ, Джонъ Митчель, выражавшій желаніе имѣть

---

*) «Благодареніе Богу за благое знаменіе: одни уста все еще свободны, одинъ духъ все еще не подавленъ, одни колѣни еще не согнулись; благодареніе Богу за то, что хоть одна рука освободилась отъ кандаловъ, — хоть одинъ человѣкъ заговорилъ, какъ человѣкъ свободный».

**) «Привѣтствую твой возвратъ въ родную сторону, храбрый посѣдѣвшій морякъ съ печатью мысли и героизма нашихъ лучшихъ, раннихъ дней на челѣ, съ выраженіемъ спокойной выносливости: ни желѣзное тюремное клеймо, ни огненныя стрѣлы страданія не могли побороть твоей стойкой силы!»

въ Алабамѣ плантацію, „населенную жирными неграми". Но не таковъ былъ Фолленъ. Онъ присталъ къ аболиціонистамъ, когда дѣло ихъ было крайне непопулярно и ради этого дѣла пожертвовалъ положеніемъ. О немъ Виттіэръ писалъ:

«Friend of my soul! as with moist eye
«I look up from this page of thine—
«Is it a dream that thou art nigh?
«Thy mild face gazing into mine?
«The calm brow through the parted hair,
«The gentle lips that knew no guile,
«Softening the blue eyes thoughtful care
«With the bland beauty of their smile?» *)

Въ той же поэтической портретной галлереѣ мы находимъ Лиджета, нью-іоркскаго журналиста, демократа, вѣрившаго въ *истинную* демократію и боровшагося за полную свободу мысли и слова. Находимъ и Сайласа Райта (Wright), одного изъ великихъ вождей демократической партіи, видѣвшаго опасность рабовладѣльчества и имѣвшаго достаточно мужества, чтобы противостоять ему. А вотъ и Чаннингъ—еще болѣе высокая личность: герой и святой вмѣстѣ. Затѣмъ идетъ портретъ рыцарственнаго Торрэя. Онъ былъ извѣстный аболиціонистъ; и вотъ когда онъ отправился на конвенцію въ Аннаполисѣ въ качествѣ репортера одной вашингтонской газеты, его посадили въ тюрьму. Освобожденный оттуда, онъ поѣхалъ въ Виргинію съ цѣлью помочь въ бѣгствѣ цѣлому семейству. Снова его арестовали и приговорили къ шести мѣсяцамъ пенитенціарнаго заключенія, отъ котораго онъ и умеръ, не вынесши тягостей и лишеній. Тѣло его было привезено въ Бостонъ, но лица, распоряжавшіяся церковью въ Паркъ-Стритъ, гдѣ братъ покойнаго былъ священникомъ, не позволили его въ ней отпѣть. Онъ былъ похороненъ въ Маунтъ-Обёрнъ и воспѣтъ Виттіэромъ на память будущимъ поколѣніямъ.

Еще одна интересная фигура—Дэніель Нэллъ, другъ невольниковъ—„изваянная по доброму, старому образцу вѣрнаго, храбраго, прямого, честнаго человѣка, спокойно работавшаго на великомъ полѣ жизни".

Есть въ этой портретной галлереѣ и изображеніе Роберта Рантула, и лучшая изъ всѣхъ, когда-либо сдѣланныхъ характеристикъ доктора Гоу (Howe), этого героя, рыцаря, баярда нашихъ дней, сражавшагося рядомъ съ Байрономъ въ Греціи, вмѣстѣ съ поляками противъ ихъ угнетателей и на парижскихъ бар-

---

*) «Другъ души моей! Когда я поднимаю свои увлажненные глаза съ этой, принадлежащей тебѣ, страницы,—неужели это лишь мечта, что я вижу тебя подлѣ себя,—что твое кроткое лицо глядитъ на меня,—что я вижу это спокойное чело подъ раздѣленными проборомъ волосами, и задумчивую заботу въ голубыхъ очахъ, смягченную ласковою улыбкой нѣжныхъ устъ, никогда не знавшихъ лукавства?»

рикадахъ вмѣстѣ съ революціонерами въ 1830 г.; этого благороднаго человѣка, помогавшаго старику Джону Брауну изъ Осаватоми *) въ 1859 г. и бывшаго всегда другомъ и благодѣтелемъ слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, страдающихъ и слабыхъ.

Чарльза Сёмнера Виттіэръ изобразилъ, какъ человѣка, соединявшаго силу Брума съ изяществомъ Каннинга. Затѣмъ онъ даетъ намъ прочувствованное изображеніе Барбора, убитаго пограничными негодяями и умирающаго въ защиту свободы. Наконецъ, передъ нами проходитъ прекрасное лицо и ясный взглядъ Старра Кинга.

Если мы зададимся вопросомъ: какая сила, какія побужденія соединяли всѣхъ этихъ противниковъ рабства и дали имъ возможность противостоять, а затѣмъ и побѣдить страшную, выдвинутую противъ нихъ силу, то мы должны будемъ признать, что побѣда была прежде всего обезпечена тѣмъ, что на ихъ сторонѣ была справедливость и правда; „а кому неизвѣстно“,—говоритъ Мильтонъ,—„что правда могущественна,—по могуществу она первая послѣ Всемогущаго“.

Но былъ и другой мотивъ дѣятельности, кромѣ чувства правды. Нерѣдко энергія и мужество людей возбуждаются трудностями и опасностями задачи. Изъ какихъ побужденій люди всходятъ на Маттергорнъ, ѣздятъ въ Индію охотиться на тигровъ, отправляются къ сѣверному полюсу, рискуя замерзнуть въ ледяной пустынѣ, путешествуютъ на Нилъ и на Конго въ поискахъ за ихъ источниками? Частью, я полагаю, именно вслѣдствіе трудностей и опасностей, связанныхъ съ этими предпріятіями. Каждаго реформатора воодушевляетъ, кромѣ всѣхъ другихъ побужденій, наслажденіе борьбы, страшный восторгъ битвы. Стремленіе бороться противъ неправды и уничтожить ее не несовмѣстимо съ добрымъ чувствомъ по отношенію къ виновному въ ней. Таково именно было настроеніе аболиціонистовъ. Ихъ рѣчь рѣзала и колола, словно мечъ, и разрубала на части софистику и ложь. Но сердца ихъ была мягки и чувства доброжелательны; лица, близко знавшія ихъ, могутъ засвидѣтельствовать, что, въ концѣ концовъ, это были добродушные люди, полные нѣжной любви.

V.

Аболиціонизмъ въ политикѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существовало въ разное время три партіи, имѣвшія своею главною цѣлью сопротивленіе, политическими средствами, наступательной дѣятельности рабовладѣльчества. Первою была „Партія Свободы“, основанная въ 1840 году

*) О Джонѣ Браунѣ будетъ разсказано подробно далѣе. *Перев.*

съѣздомъ въ Олбэни подъ предсѣдательствомъ Олвина Смита, одного изъ раннихъ аболиціонистовъ и человѣка большихъ способностей. Она выставила своимъ кандидатомъ въ президенты Штатовъ Джэмса Г. Бёрнэя и на президентскихъ выборахъ, вручившихъ власть генералу Гаррисону (Harrison), обладала всего 7000 изъ общаго числа поданныхъ голосовъ, равнаго двумъ милліонамъ. Въ 1841 г. Салмонъ П. Чэзъ присоединился къ партіи. Въ 1843 г. состоялся въ Боффало новый съѣздъ Партіи Свободы. Это было „одно изъ самыхъ серьезныхъ, патріотическихъ и просвѣщенныхъ собраній, какія когда-либо имѣли мѣсто на Американскомъ континентѣ", говоритъ о немъ Стивенъ С. Фостеръ. Въ 1844 г. Партія Свободы подала уже 60,000 голосовъ. Въ Нью-Іоркѣ отъ нея зависѣлъ исходъ выборовъ. Она, такимъ образомъ, провалила на президентскихъ выборахъ Генри Клэя, чѣмъ способствовала выбору Пòлка и присоединенію Техаса; полагаю, это была большая ошибка.

Слѣдующая затѣмъ аболиціонистская партія называлась „Партіей Свободной Земли". Она образовалась въ 1848 году съ цѣлью воспрепятствовать распространенію рабства на новыя территоріи. Собраніе ея было въ Боффало, 9 августа кандидатомъ ея въ президенты былъ Ван-Буренъ, за котораго и подано было 270,000 голосовъ. Такъ какъ большинство ихъ перешло въ Партію Свободной Земли изъ Демократической Партіи, то штатъ Нью-Іоркъ подалъ голосъ *не* за генерала Касса и тѣмъ далъ перевѣсъ генералу Тэйлору (Taylor).

Третьею, по времени, партіей, ставшей въ оппозицію къ рабству была „Республиканская партія". По словамъ Вильсона, она образовалась и получила свое названіе въ Мичиганѣ; образовалась она изъ сліянія прежнихъ приверженцевъ „Свободной земли" съ „Вигами", имѣвшими цѣлью противиться такъ называемому „Канзасъ-Небраскому биллю". Билль этотъ прошелъ въ 1854 г.; онъ уничтожилъ миссурійскій компромиссъ и тѣмъ допустилъ рабство во всѣ территоріи Соединенныхъ Штатовъ.

Шестого іюля 1854 г. состоялся тотъ съѣздъ приверженцевъ „Свободной земли" и „Виговъ", изъ котораго родилась новая „Республиканская партія". За этимъ послѣдовалъ общій подъемъ духа среди сѣверянъ. Новая партія выставила своимъ кандидатомъ въ президенты генерала Фримонта. Въ 1856 г. онъ потерпѣлъ пораженіе; выбранъ былъ Джэмсъ Бюкàнанъ. Боролись три кандидата: Бюкàнанъ (Демократической партіи), Филлиморъ (Американской партіи) и Фримонтъ (Республиканской партіи). Изъ нихъ Фримонтъ получилъ 1.340,000 голосовъ. На слѣдующихъ затѣмъ выборахъ въ 1860 г. Республиканская партія избрала президентомъ Линкольна, за котораго было подано 1.866,000 голосовъ. Изъ его противниковъ Дугласъ получилъ 1.575,000,— Брэкэнриджъ—847,000, да по бюллетеню Бэлла и Эверетта по-

дано 590,000. Итакъ, за 20 лѣтъ число голосовъ аболиціонистовъ возросло съ 7,000 почти до двухъ милліоновъ.

Пока развивалось это теченіе, старые аболиціонисты съ Гаррисономъ (Garrison), Филипсомъ и другими во главѣ рѣшили воздерживаться отъ подачи голоса и отъ всякой политической дѣятельности, основанной на существующей конституціи. „Ничего общаго съ рабовладѣльцами"—таковъ былъ ихъ девизъ. Ихъ надежды на уничтоженіе рабства покоились на стремленіи привести Сѣверъ къ тому, чтобы онъ расторгъ союзъ. Эдмондъ Квинси выразился о союзѣ, какъ о „союзѣ съ преступленіемъ" и заявилъ, что „опытъ создать великую націю съ демократическими учрежденіями окончился неудачей". Американская республика, по его словамъ, была „не образцомъ, а предостереженіемъ для другихъ націй", такъ какъ весь американскій народъ долженъ обратиться „либо въ рабовъ, либо въ рабовладѣльцевъ", и единственный путь избавленія „невольника изъ его неволи лежитъ черезъ развалины американской церкви и государства". Поэтому, говорилъ онъ, „неизмѣнная цѣль гаррисоніанцевъ заключалась въ расторженіи союза Соединенныхъ Штатовъ". Вендель Филлипсъ однажды воскликнулъ: „Благодарю Создателя,—я не гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ". Въ 1861 году онъ заявилъ, что союзъ не оправдалъ надеждъ; онъ доказывалъ, что распущеніе союза есть „наилучшее средство для уничтоженія рабства" *).

Недавно я получилъ отъ Венделя Филлипса письмо, въ которомъ онъ говоритъ: „Я слышалъ, будто вы въ вашихъ лекціяхъ утверждали, что гаррисоніанцы воздерживались отъ подачи голоса, видя въ этомъ одно изъ средствъ, или даже единственное средство для уничтоженія рабства; это не вполнѣ вѣрно характеризуетъ насъ. Такъ какъ я горжусь тѣмъ положеніемъ, которое мы заняли въ этомъ вопросѣ, и тѣми основаніями, на которыхъ мы его заняли, то позвольте мнѣ объясниться. Мы воздерживались отъ вотированія потому, что считали непозволительнымъ совершать дѣйствіе, соединенное съ присягою вѣрности конституціи Соединенныхъ Штатовъ,—конституціи, на которую мы смотрѣли, какъ на союзъ со смертью и договоръ съ адомъ,—конституціи, которая обязывала гражданъ помогать возврату въ неволю бѣглыхъ рабовъ, чего мы никогда не намѣрены были исполнять; совсѣмъ напротивъ".

Нѣтъ сомнѣнія, что, разъ мистеръ Филлипсъ держался такихъ взглядовъ, то онъ былъ совершенно правъ и почтененъ, когда отказывался отъ подачи голоса. Онъ, однако, шелъ далѣе. Онъ прямо убѣждалъ въ необходимости распустить союзъ. 15 января 1861 г. онъ, между прочимъ, сказалъ: „Что касается до меня, то

*) Смотри его рѣчь отъ 20 января 1861 г., произнесенную въ Бостонѣ, въ Музыкальной залѣ.

я стою за распущеніе союза и стремлюсь я къ этому распущенію, какъ аболиціонистъ; я добиваюсь его прежде всего, а главнымъ образомъ, ради защиты невольниковъ. Прежде всего это мѣра, направленная противъ рабства". На лицо, однако, остается тотъ фактъ, что рабство было уничтожено не путемъ распущенія союза, а именно, тѣми, кто противился его распущенію. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Гаррисонъ, Филлипсъ и ихъ друзья совершенно ошибались, предлагая уничтожить невольничество путемъ уничтоженія союза и увѣряя, будто въ этомъ заключалась настоящая тактика успѣха. Если бы Сѣверъ послѣдовалъ совѣту Филлипса, данному имъ въ январѣ 61 года, „построить золотой мостъ, черезъ который рабовладѣльческіе штаты оставили бы союзъ", то рабство, по всей вѣроятности, и до сихъ поръ существовало-бы во всѣхъ южныхъ штатахъ.

Но, хотя партія Гаррисона и ошибалась относительно усвоенной тактики, она сдѣлала очень много въ другихъ отношеніяхъ для уничтоженія рабства. Какъ агитаторы, члены ея были неутомимы въ обличеніи всѣхъ золъ невольничества. Религіозныя общины, хотя въ значительной мѣрѣ были безучастны, все же многіе изъ духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій были очень дѣятельны въ своихъ усиліяхъ на пользу движенія. Между ними въ особенности выдавались Беріа Гринъ и Генри Уордъ Бичеръ; среди унитаріанскихъ священниковъ, которые открыто принадлежали къ аболиціонистскому движенію и которыхъ я особенно отчетливо помню, такъ какъ самъ принадлежалъ къ ихъ числу, я назову доктора Ченнинга, Джона Пирпонта, Вилліама Генри Фёрнесса (Furness), Теодора Паркера, доктора Фоллена, Ноа Вурстера (Noah Worcester), доктора Вилларда, Генри Уэра младшаго, Джона Полфрея, Томаса Стона, Рёфеса Стибинса, Вилліама Генри Ченнинга, Джона Т. Сарджента, Джона Паркмана младшаго, Калеба Стетсона, О. Б. Фрозсингама, доктора Чарльза Лоуэля, доктора Френсиса, Джорджа Ф. Симонса, Джона Вейса, Джорджа В. Бриггса, Томаса В. Гиггинсона, Фреда Фрозсингама, Р. Ф. Воллкёта, С. Р. Крафта и Чарльза Т. Брукса. Были и другіе. Въ 1845 г. 170 унитаріанскихъ священниковъ подписали протестъ противъ рабства, редактированный комитетомъ, нарочно для того избраннымъ, въ числѣ членовъ котораго былъ и я. Собственно я и написалъ его, и комитетъ принялъ проектъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

Однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ противниковъ рабства среди духовныхъ лицъ былъ докторъ Джонъ Полфрей. Отецъ его умеръ въ Новомъ-Орлеанѣ, и часть наслѣдства, оставленнаго имъ дѣтямъ, заключалась въ рабахъ. Братъ доктора Полфрея написалъ ему, что, такъ какъ онъ по всей вѣроятности не желаетъ владѣть невольниками, то можно устроить соглашеніе, въ силу котораго часть доктора Полфрея будетъ выдѣлена ему въ формѣ

такого рода собственности, противъ которой его совѣсть ничего не имѣетъ. „Нѣтъ“,—отвѣтилъ этотъ почтенный человѣкъ,—„это было бы то же самое, какъ если бы я продалъ рабовъ. Я предпочитаю получить невольниковъ и предполагаю освободить ихъ“. Онъ нашелъ, однако, что не можетъ ихъ освободить безъ разрѣшенія законодательнаго собранія Луизіаны. Тогда онъ отправился туда самъ и добился разрѣшенія на ихъ эмансипацію. Затѣмъ онъ перевезъ бывшихъ невольниковъ въ Бостонъ, и при помощи кое-какихъ аболиціонистовъ эти цвѣтнокожіе были въ состояніи вскорѣ зарабатывать свой хлѣбъ. Самъ Полфрей никогда не говорилъ объ этомъ своемъ поступкѣ. Онъ постарался о томъ, чтобы дѣло было забыто какъ можно скорѣе. Другой священникъ, полный рвенія къ дѣлу свободы, былъ Теодоръ Паркеръ, который не только постоянно проповѣдывалъ по поводу всѣхъ текущихъ событій, касавшихся рабовладѣнія, но и написалъ много статей и издалъ не мало брошюръ о невольничествѣ. Помнится, онѣ стали появляться еще во времена Мексиканской войны. Помню, назначенъ былъ митингъ въ Фанёль Голлѣ для протеста противъ войны, какъ ненужной и несправедливой. Залъ былъ въ значительной мѣрѣ наполненъ людьми, записавшимися въ солдаты для войны съ Мексикой. Они пришли съ тѣмъ, чтобы не дать говорить ораторамъ. Я сидѣлъ на эстрадѣ рядомъ съ Теодоромъ Паркеромъ. Когда онъ началъ говорить, поднялись крики: „Выкиньте его вонъ!“ Онъ остановился и замѣтилъ: „Какая польза вамъ отъ того, что вы меня выкинете? Вы сами люди Массачузетса и, конечно, не сдѣлаете мнѣ зла; на этотъ счетъ я не имѣю ни малѣйшаго опасенія. Нынѣшнею ночью я пойду домой безоружнымъ и безъ провожатыхъ, и я знаю, что никто изъ васъ не тронетъ меня“. И эти люди отвѣтили ему апплодисментами.

Мнѣ извѣстны церкви, гдѣ всегда, съ начала и до конца движенія, готовы были выслушать все, что люди имѣли сказать въ пользу и противъ невольничества. Я самъ присутствовалъ на церковныхъ собраніяхъ, на которыхъ говорили Гаррисонъ, Самюэль Мэй, Горасъ Грили и другіе аболиціонисты, а имъ отвѣчали друзья Вебстера и абсолютные противники освобожденія.

Забавный случай имѣлъ мѣсто въ моей собственной церкви въ Бостонѣ. Одинъ изъ членовъ нашей паствы оставилъ ее и перешелъ въ паству Теодора Паркера. „Курьезный человѣкъ перешелъ ко мнѣ изъ вашей церкви“, — сказалъ намъ мистеръ Паркеръ,—„онъ увѣряетъ, что черезчуръ ужъ наслушался много у васъ проповѣдей насчетъ рабства и потому промѣнялъ вашу церковь на мою“. Это было довольно комично, если принять во вниманіе, что Теодоръ Паркеръ былъ самымъ постояннымъ и рѣшительнымъ между мѣстными проповѣдниками противъ рабства.

Въ сущности, дѣйствительной причиной, заставившей этого джентльмэна оставить нашу паству, была очень сильная проповѣдь, сказанная съ моей кафедры Самюэлемъ Мэемъ. Вскорѣ послѣ этого извѣстное число лицъ, оставившихъ разныя паствы, захотѣли собраться на митингъ въ Бостонѣ. Всѣ они жили внѣ города и были крайними радикалами. Они не могли достать себѣ зала для митинга и, наконецъ, обратились къ намъ за разрѣшеніемъ занять нашу церковь въ воскресенье послѣ обѣда. Разрѣшеніе было дано. Я зашелъ послушать, въ чемъ было дѣло, и въ то время, какъ я входилъ, одинъ изъ присутствующихъ, явившійся изъ деревни, сказалъ: „Духовенство всѣхъ церквей противится всякимъ реформамъ. Я не знаю, что это за церковь, въ которой мы собрались, не знаю я и священника, и все же смѣю думать, навѣрное, и церковь, и священникъ поддерживаютъ рабство“. Тутъ я всталъ и разсказалъ имъ исторію того господина, который ушелъ отъ насъ къ Паркеру съ цѣлью слышать поменьше проповѣдей противъ рабства. „Если вы сомнѣваетесь въ вѣрности моего сообщенія“,—прибавилъ я,—„то вы можете спросить у того самаго джентльмэна, такъ какъ я вижу его здѣсь, среди этого собранія“.

Въ 1850 г. установлены были такъ называемые компромиссы между Сѣверомъ и Югомъ, т. е. между свободой и рабствомъ. Хотя они и назывались компромиссами, соглашенія эти въ сущности всегда вліяли противъ свободы. Уже давно шла въ Конгрессѣ жестокая борьба между представителями Сѣвера и Юга на аренѣ вопроса о невольничествѣ. Она окончилась биллемъ, предложеннымъ Генри Клеемъ; билль этотъ поддерживали и виги, и демократы. Послѣ столкновеній, продолжавшихся цѣлыхъ четыре мѣсяца, эти такъ называемые компромиссы были приняты, наконецъ, большинствомъ, и билль подписанъ занимавшимъ должность президента Миллардомъ Филморомъ. Цѣль этой мѣры заключалась въ томъ, чтобы положить конецъ всякому дальнѣйшему обсужденію рабовладѣльческаго вопроса и подавить всякую аболиціонистскую агитацію. Обѣ партіи обязались предупреждать всякія дальнѣйшія пренія на этотъ счетъ. Билль внесенъ былъ 8-го мая 1850 г. и принятъ 9-го сентября. Главнѣйшіе его пункты заключались въ слѣдующемъ:

1) Когда настанетъ надлежащее время, четыре новыхъ рабовладѣльческихъ штата будутъ образованы изъ Техаса и приняты въ Союзъ.

2) Калифорнія будетъ принята въ качествѣ свободнаго штата.

3) Условная статья Вильмота, запрещающая невольничество въ территоріяхъ, принята не будетъ.

4) Техасъ получаетъ 10.000,000 дол. за согласіе исправить границу между нимъ и Новой Мексикой.

5) Такъ называемый Новый Законъ противъ бѣглыхъ рабовъ

долженъ быть соблюдаемъ со всей строгостью, чтобы рабовладѣльцамъ легче было возвращать своихъ невольниковъ. Согласно этому закону человѣкъ, заявляющій притязанія на другого, какъ на своего раба, могъ увести его въ рабство безъ постановленія присяжныхъ; для этого ему достаточно было обратиться къ комиссару Соед. Штатовъ и убѣдить послѣдняго въ фактѣ бѣгства и тождественности лица. Весь вопросъ рѣшался личнымъ мнѣніемъ комиссара по этимъ двумъ вопросамъ.

6) Согласно послѣднему пункту компромисса, работорговля должна быть запрещена въ округѣ Колумбія, но рабовладѣльчество въ немъ не уничтожается.

Вотъ тутъ-то Вебстеръ произнесъ свою рѣчь 7-го марта въ пользу всѣхъ этихъ мѣръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рѣчь эта произвела на Сѣверѣ тяжелое впечатлѣніе, и не только между аболиціонистами, но и между личными друзьями и сторонниками Вебстера. Это удостовѣренный фактъ, что мистеръ Томасъ Б. Стивенсонъ (Stevenson), одинъ изъ ближайшихъ друзей и сильнѣйшихъ союзниковъ мистера Вебстера, былъ до такой степени пораженъ и смущенъ дошедшей до него новостью, что на нѣсколько дней слегъ въ постель. Фактъ этотъ былъ публично заявленъ родной сестрой мистера Стивенсона.

Рѣчь Вебстера сильно взволновала законодательное собраніе Массачузетса. Созвано было нѣсколько конвенцій съ цѣлью выразить порицаніе рѣчи, и общее настроеніе въ штатѣ было угрюмое и подавленное. Впечатлѣніе было произведено на публику такое, что Вебстеръ перебѣжалъ съ прежней своей позиціи, заключилъ союзъ съ Югомъ, и что его рѣчь была ставкой на президентство. Многіе вожаки партіи виговъ, къ которой онъ принадлежалъ, сурово порицали сдѣланный имъ шагъ. Дж. Т. Бёкингамъ сказалъ въ Законодательномъ Собраніи, что онъ былъ личнымъ другомъ Даніеля Вебстера въ теченіе 30 лѣтъ; что онъ смотрѣлъ на этого человѣка, какъ на учителя и руководителя, но что „теперь мы стоимъ на противоположныхъ концахъ міра нравственности“.

Я помню впечатлѣніе, произведенное на меня, — и не на одного меня—знаменитой рѣчью Вебстера, сказанной имъ въ отвѣтъ Гейну изъ Южной Каролины, и въ особенности тѣмъ мѣстомъ рѣчи, въ которомъ онъ говоритъ о Массачузетсѣ. „Г. президентъ,—сказалъ онъ,—я не стану распространяться въ похвалахъ Массачузетсу. Массачузетсъ не нуждается въ нихъ. Вотъ онъ. Смотрите на него и судите сами. Вотъ его исторія. Міръ знаетъ ее наизусть. Прошлое, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Конкордъ и Лексингтонъ, Бостонъ и Бенкергиллъ попрежнему на своихъ мѣстахъ и останутся на нихъ вовѣки *).

*) Всѣ эти мѣста такъ или иначе прославились битвами за независимость во время американской революціи XVIII вѣка. *Перев*

Кости его сыновъ, павшихъ въ борьбѣ за независимость, покоятся въ почвѣ каждаго штата отъ Мона до Георгіи и будутъ тамъ лежать вовѣки". Слушая эти слова, я чувствовалъ, что прошелъ бы пѣшкомъ отъ Бостона до Вашингтона, чтобы прослушать эту рѣчь. И люди моего возраста, воспитанные въ чувствѣ почтенія къ Даніэлю Вебстеру и наученные имъ и другими относиться съ ужасомъ къ рабству, естественно чувствовали тѣмъ большее огорченіе и боль при видѣ поступка нашего великаго вождя, который казался намъ прямымъ отступничествомъ.

Друзья Вебстера говорятъ теперь, что такое опредѣленіе крайне несправедливо, что Вебстера побуждало желаніе спасти Союзъ и поддержать конституцію и тѣ права, которыя Югъ имѣлъ согласно конституціи; онъ хотѣлъ поддержать тотъ договоръ, говорятъ они, который заключили наши отцы, и это было единственнымъ побужденіемъ, заставившимъ его произнести рѣчь 7 марта. Онъ чувствовалъ, по ихъ словамъ, что Союзъ былъ въ большой опасности, что поэтому онъ долженъ былъ сдѣлать все возможное, лишь бы создать такой компромиссъ, на которомъ и Югъ, и Сѣверъ могли бы сойтись. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соображенія эти говорятъ много въ его пользу. Я искренно вѣрю, что таковы именно были въ значительной мѣрѣ побужденія, руководившія Вебстеромъ въ то время. Тѣмъ не менѣе въ умахъ господствовала увѣренность, что съ Вебстеромъ произошла перемѣна и перемѣна большая. Сколько разъ нападалъ онъ на невольничество и на властолюбіе рабовладѣльцевъ. Возьмите, напр., его первую рѣчь по поводу резолюціи Фута. Коснувшись резолюціи Дэна о недозволеніи невольничества въ сѣверо-западныхъ территоріяхъ, онъ говорилъ:

„Сомнѣваюсь, чтобы какой бы то ни былъ законъ любого законодателя—древняго или новаго—далъ результаты болѣе ясные, замѣтные и долговѣчные, чѣмъ регламентъ 1787 года. Законъ этотъ былъ начертанъ Натаномъ Дэномъ, въ то время, какъ и сейчасъ—гражданиномъ Массачузетса. Онъ на вѣки опредѣлилъ характеръ населенія обширной области, лежащей къ сѣверо-западу отъ Огайо, сдѣлавъ принудительный, рабскій трудъ между ними невозможнымъ. Онъ сдѣлалъ самую землю—въ то время еще дикую—неспособною нести на себѣ иныхъ людей, кромѣ свободныхъ". Вебстеръ называетъ это „обезпеченіемъ большого блага", „великою и благотворною предупредительною мѣрою". Онъ обращается къ любому разсудительному кентукійцу съ вопросомъ: не полагаетъ ли онъ, что если бы подобный законъ былъ распространенъ на территорію его штата, пока она была еще дикою, то „это значительно послужило бы въ пользу будущаго величія этой республики".

Теперь, по предложенію Вильмота, предположено было поставить подобную же законодательную преграду введенію рабства

въ только что пріобрѣтенной территоріи Новой Мексики и Калифорніи, и Вебстеръ высказался противъ этого. Двѣнадцатаго августа 1848 г. онъ сказалъ слѣдующее: „Я не соглашусь ни на какое дальнѣйшее распространеніе невольничества на этомъ материкѣ и ни на какое усиленіе рабовладѣльческаго представительства въ другой палатѣ Конгресса“. Занявъ такую позицію, затѣмъ покинуть ее на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, географическія особенности Новой Мексики не допустятъ введенія въ ней невольничества, значило значительно перемѣнить фронтъ. Онъ утверждалъ, что законы природы, законы физическаго строенія страны предустановили невозможность для рабства утвердиться въ Калифорніи и Новой Мексикѣ. Но вѣдь на этихъ территоріяхъ добывалось серебро и золото; а въ мірѣ не было еще среброносной и золотоносной страны, въ которой не привѣтствовали бы рабство. Если почва страны плодоносна, невольничество появляется въ видахъ накопленія богатствъ, производимыхъ почвой, какъ это было въ области произростанія хлопка. Если почва безплодна, невольничество вводится, чтобы изъять тяжкій трудъ изъ рукъ правоспособнаго населенія и переложить его на рабовъ. Между тѣмъ, слова мистера Вебстера были таковы: „если бы въ настоящую минуту былъ внесенъ билль для установленія территоріальнаго управленія Новой Мексики, я бы не подалъ голоса за запрещеніе въ ней невольничества“. Вотъ это-то, въ числѣ другихъ вещей, и возмутило Сѣверъ.

Единственное основаніе, приведенное Вебстеромъ въ пользу своего отказа запретить рабство въ новопріобрѣтенныхъ территоріяхъ, заключалось въ томъ, что доступъ невольничеству и безъ того былъ уже прегражденъ туда законами природы, и что онъ не станетъ безъ надобности подтверждать естественные законы и узаконять волю Господню. Но развѣ онъ не зналъ, что всѣ наши законы имѣютъ въ виду выполненіе воли Божіей,—что когда мы издаемъ законоположенія противъ воровства или убійства, мы „узаконяемъ волю Господню“?

Мистеръ Вебстеръ старался объяснить свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: „Калифорнія и Новая Мексика имѣютъ азіатское устройство поверхности и азіатскій ландшафтъ. Онѣ состоятъ изъ огромныхъ горныхъ цѣпей большой высоты“. Если „азіатская“ формація исключаетъ рабство, то нельзя не остановиться передъ фактомъ, что рабство существуетъ сейчасъ и существовало въ теченіе столѣтій во всѣхъ азіатскихъ странахъ — безъ единаго, мнѣ кажется, исключенія—кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно уничтожено положительнымъ законодательствомъ того или иного европейскаго правительства.

Другое серьозное обвиненіе противъ мистера Вебстера состояло въ томъ, что, заявивъ себя въ пользу суда съ присяжными въ дѣлахъ, возникающихъ изъ закона о бѣглыхъ, онъ, однако, подалъ

голосъ за билль Масона, согласно которому право подобнаго суда въ нихъ отрицалось. 12 августа 1848 г. онъ выразился такъ: „Это аксіома гражданскаго права, что въ спорѣ между рабствомъ и свободой свобода должна быть всегда признаваема, тогда какъ состояніе рабства должно быть доказано... Таковъ, я полагаю, общій законъ человѣчества". Между тѣмъ, по биллю Масона, рабство было всегда признаваемо, тогда какъ свободное состояніе должно было быть доказано. Цвѣтнокожій, живущій въ свободномъ штатѣ, платящій налоги, какъ свободный человѣкъ, признаваемый всѣми за свободнаго, могъ быть схваченъ, увезенъ, какъ невольникъ, не видѣвъ въ глаза ни судьи, ни присяжныхъ. И это — не смотря на заявленіе конституціи Соединенныхъ Штатовъ, что „никто не долженъ быть лишенъ жизни, свободы или имущества безъ должнаго судебнаго разбирательства".

Вильсонъ въ своей исторіи подъема и паденія силы рабовладѣльчества („Rise and Fall of the Slave-Power") еще обвиняетъ Вебстера въ ничѣмъ не вызванномъ заявленіи, что Конгрессъ долженъ былъ раздѣлить впослѣдствіи Техасъ на четыре рабовладѣльческіе штата. Мнѣ думается, однако, что это мнѣніе (которое я самъ нѣкогда поддерживалъ публично) едва ли имѣетъ основаніе, такъ какъ въ резолюціи, которою Техасъ присоединенъ къ Штатамъ, хотя и говорится о раздѣленіи его на четыре штата, но этимъ не опредѣлялось, что штаты эти непремѣнно должны быть рабовладѣльческіе.

Если бы мистеръ Вебстеръ сдѣлалъ только то, что здѣсь изложено, мы могли бы предположить, что къ тому его побуждало желаніе охранить Союзъ отъ опасностей и распаденія, и держаться постановленій конституціи. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ этимъ не ограничился. Противники рабства всегда говорили, что однимъ изъ его мотивовъ было желаніе попасть въ президенты Соединенныхъ Штатовъ, и его друзья допускали это объясненіе. Они не только соглашались съ тѣмъ, что онъ желалъ быть президентомъ, но установили фактъ, что онъ былъ огорченъ тѣмъ, что его не выставили кандидатомъ на этотъ постъ.

Но если мистеръ Вебстеръ сосредоточилъ свои желанія на занятіи этого поста, — что это значитъ? При той политической опытности, которую онъ получилъ въ Вашингтонѣ, онъ долженъ былъ отлично знать, что въ 1852 году никто не могъ быть выбранъ въ президенты иначе, какъ съ согласія рабовладѣльцевъ. Онъ зналъ, что рабовладѣльцы никогда не согласятся на избраніе человѣка, который не показалъ ясно, что онъ на ихъ сторонѣ въ дѣлѣ распространенія невольничества на всѣ территоріи и поддержанія его всѣми средствами тамъ, гдѣ оно уже существовало. Онъ не могъ надѣяться на избраніе въ кандидаты иначе, какъ показавъ имъ, что онъ пойдетъ такъ же далеко въ дѣлѣ помощи имъ въ этихъ пунктахъ, какъ и любой изъ вожаковъ

виговъ, и что онъ способенъ и готовъ защищать ихъ интересы успѣшнѣе, чѣмъ любой изъ возможныхъ кандидатовъ въ президенты. И вотъ онъ произнесъ цѣлый рядъ рѣчей въ теченіе президентской кампаніи, въ которыхъ яростно нападалъ на противниковъ рабства, бранилъ аболиціонистовъ, называлъ ихъ партіей „трескотни" и т. д. и т. д. Говоря публично въ Виргиніи, онъ заявилъ, что „высшій законъ" *)—нелѣпость. „Что это за высшій законъ"?—говорилъ онъ.—„Насколько онъ высокъ? Что, онъ выше Голубыхъ горъ? Можетъ быть выше Аллеганскихъ". Невозможно представить себѣ человѣка его ума и развитія говорящимъ подобныя вещи иначе, какъ съ цѣлью понравиться южанамъ и быть избраннымъ въ кандидаты на президентство.

При всемъ томъ мы не должны забывать его огромныхъ заслугъ. Вліяніе его на созданіе и поддержаніе чувства политическаго единства въ Союзѣ было, несомнѣнно, огромнымъ факторомъ въ позднѣйшей борьбѣ за нерасторжимость С. Штатовъ и свободу. Двѣ великія силы помогли Сѣверу одержать побѣду: то были—любовь къ Союзу и любовь къ свободѣ. Мистеръ Вебстеръ сдѣлалъ очень много для воспитанія той любви къ нерасторжимому Союзу, которая непреклонно противилась отдѣленію Юга и расторженію С. Штатовъ. Одновременно съ этимъ аболиціонистское движеніе, подъ предводительствомъ Гаррисона и его друзей и съ помощью большихъ противоневольническихъ партій — сдѣлало столько же для созданія чувства отвращенія къ рабству и его распространенію. И вотъ эти двѣ великія силы соединились, чтобы помѣшать отдѣленію Юга; отдѣленіе же направляло свой ударъ одновременно противъ Союза и противъ свободы. Расторженіе Союза повело бы къ продолженію рабства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Америкѣ никогда не было человѣка большей внутренней силы и способностей, чѣмъ Даніэль Вебстеръ. Одна изъ самыхъ трагическихъ и патетическихъ сторонъ его карьеры заключалась въ томъ, что, повидимому, у него во всю жизнь не было задачи, равной его громаднымъ способностямъ, и единственное дѣло, достаточно великое для того, чтобы вызвать къ дѣятельности всѣ его дарованія, было движеніе противъ невольничества. Если бы онъ сталъ во главѣ этого движенія, всѣ остальные умы поблѣднѣли бы въ сіяніи величія его ума. Какъ-то Брайантъ **) привелъ въ „Evening Post" Мильтоново описаніе одного изъ возставшихъ ангеловъ, примѣняя его къ Вебстеру. Вотъ оно:

«Онъ всталъ съ лицомъ серьезнымъ, и, поднявшись,
Величія столпомъ казался онъ.
Общественной заботы, крѣпкой думы

*) Т. е. законъ божественной справедливости, которому положительное законодательство можетъ и не удовлетворять. *Перев.*

**) Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ американскихъ поэтовъ старѣйшаго поколѣнія. *Перев.*

Печать лежала на его челѣ,
Какъ бы рѣзцомъ начертанная острымъ,
И царственнымъ рѣшеніемъ свѣтился
Ликъ величавый. Мудрый, онъ стоялъ,—
Плеча гигантскія, казалось,
Способны были вынесть бремя власти
Надъ величайшей монархіей міра.
Взглянулъ—и приковалъ вниманье; пала
На всѣхъ какъ будто тишина ночная,
Иль неподвижность жаркаго полудня.
И началъ онъ...»

Если бы это изображеніе было нарочно списано съ Вебстера, оно не могло бы быть точнѣе. По всей вѣроятности, Мильтонъ, бывшій въ Лондонѣ во время Долгаго Парламента, далъ въ этихъ строкахъ свои воспоминанія о рѣчахъ Пима *), а въ Беліалѣ изобразилъ Вентворта.

Время, послѣдовавшее за компромиссомъ 1850 года, было самымъ мрачнымъ въ ходѣ борьбы противъ рабства. Рѣчи мистера Вебстера имѣли громадное задерживающее вліяніе на освободительное движеніе. Вожаки общественнаго мнѣнія пришли къ тому убѣжденію, что объ этомъ вопросѣ слѣдуетъ молчать; противникамъ рабства необходимо зажать ротъ. Но тутъ вдругъ заговорила женщина, а за ней заговорилъ о рабствѣ весь міръ. „Хижина дяди Тома“ была напечатана въ журналѣ „National Era“, въ номерахъ, появившихся съ 5 іюня 1851 по первое апрѣля 1852 года. „Національная Эра“ издавалась тогда подъ редакціей Гамаліила Бэлэй. Онъ обратился къ миссисъ Стоу, спрашивая, не можетъ-ли она написать повѣсть или разсказъ такой длины, чтобы занять одинъ или два столбца въ двухъ-трехъ послѣдовательныхъ номерахъ изданія, внеся въ свою работу факты, касающіеся рабовладѣнія. Но повѣсть росла подъ ея перомъ, пока не обратилась въ самую популярную книгу нашего времени. Въ 1852 г. „Хижина дяди Тома“ вышла первымъ отдѣльнымъ изданіемъ. Въ теченіе первыхъ же восьми недѣль разошлось 100.000 экземпляровъ; въ годъ было продано 200,000. Въ 1856 г. уже 313,000 было въ обращеніи. Въ Лондонѣ книга появилась въ тридцати различныхъ изданіяхъ въ теченіе полугода. Въ Британскомъ Музеѣ **) имѣется сорокъ три изданія „Хижины“ на одномъ англійскомъ языкѣ. Въ 1852 г. число экземпляровъ, проданныхъ въ Англіи, равнялось одному милліону. Подобный же быстрый и

*) Пимъ (Джонъ), англійскій государственный человѣкъ (1584—1643), членъ оппозиціи въ палатѣ общинъ при Іаковѣ I. Хотѣлъ ѣхать съ Кромвелемъ въ Америку, но былъ остановленъ приказомъ Совѣта. Потерялъ популярность, выказавъ участіе къ королю Карлу I. *Перев.*

**) Національное учрежденіе въ Лондонѣ, заключающее въ себѣ и національную библіотеку на всѣхъ языкахъ, одну изъ богатѣйшихъ въ мірѣ. Входъ безплатный. *Перев.*

огромный успѣхъ встрѣтилъ книгу на континентѣ Европы. Романъ былъ переведенъ, между прочимъ, на языки: французскій, нѣмецкій, голландскій, итальянскій, русскій, мадьярскій, валахскій, уэльскій, датскій, шведскій, португальскій, испанскій, польскій, армянскій, арабскій, китайскій и японскій. Въ британскомъ музеѣ „Хижину дяди Тома" можно найти въ настоящее время на пятидесяти пяти различныхъ языкахъ. Успѣхъ книги былъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ въ исторіи литературы. Мнѣ случилось путешествовать по Европѣ черезъ годъ или два послѣ того, какъ романъ былъ написанъ; въ Германіи и Италіи мнѣ говорили въ книжныхъ лавкахъ, что они затруднялись издавать иныя повѣсти и романы: только „Дядя Томъ", да книги, имѣвшія какое-нибудь къ нему отношеніе, шли хорошо. Въ любой картинной галлереѣ мы натыкались на сцены изъ „Хижины дяди Тома". Разсказывали, что одинъ цвѣтнокожій пользовался большимъ успѣхомъ въ Англіи, выдавая себя за „Джоржа" „Хижины дяди Тома", пріѣхавшаго изъ Либеріи. Этотъ романъ казался чѣмъ-то чуть не боговдохновеннымъ. Онъ проявлялъ прекрасное знакомство съ Югомъ, хотя миссисъ Стоу едва-ли когда была въ какомъ-либо изъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Нарисованныя ею сцены живы и увлекательны. Романъ крайне интересенъ и лично добрымъ рабовладѣльцамъ отдана въ немъ полная справедливость. Манеры и обычаи невольниковъ изображены были живописно и сцены на плантаціяхъ описаны прекрасно. Читатель отдыхаетъ отъ трагической стороны книги на удачныхъ побѣгахъ, смѣшныхъ эпизодахъ и нерѣдкихъ проявленіяхъ спокойнаго юмора. Что можетъ быть прелестнѣе, напримѣръ, того Огайскаго сенатора, съ которымъ читатель знакомится во время его спора съ женой, которой онъ доказываетъ, что бѣглые рабы должны быть возвращаемы ихъ владѣльцамъ, что это очень дурно—не выполнять законовъ о бѣглыхъ,—какъ вдругъ отворяется дверь и входитъ несчастная бѣглая дѣвушка-невольница... Что же дѣлаетъ грозный сенаторъ? Онъ запрягаетъ коня и везетъ бѣглянку до первой станціи „подпольной желѣзной дороги". „Хижина дяди Тома" останется навѣки въ числѣ тѣхъ пяти или шести беллетристическихъ произведеній, которыя не умрутъ никогда: Донъ-Кихотъ, Путешествіе Пиллигрима (Биньяна), Робинзонъ Крузо, Путешествіе Гулливера, Вэкфильдскій Священникъ. Вліяніе этого романа на развитіе освободительнаго движенія было огромно, и даже приблизительно нельзя его исчислить. На весь рабовладѣльческій вопросъ былъ брошенъ яркій свѣтъ. Вопросъ этотъ былъ поставленъ передъ всѣмъ человѣчествомъ и подвергнутъ вліянію общественнаго мнѣнія всего міра. Все, когда-либо написанное по этому вопросу, является сравнительно ничтожнымъ рядомъ съ книгой миссисъ Стоу. Она одинаково хватаетъ за сердце чело-

вѣка, живущаго въ лачугѣ и обитающаго во дворцѣ, за полярнымъ кругомъ и въ африканскихъ пескахъ.

Въ брошюрѣ Остина Бирса „Воспоминанія о временахъ дѣйствія закона о бѣглыхъ въ Бостонѣ“, 1880 года, имѣется отчетъ о дѣятельности „Бдительнаго Комитета“ въ этомъ городѣ. Комитетъ основанъ былъ для защиты бѣглецовъ отъ возвращенія въ рабство. Въ брошюрѣ приводятся имена всѣхъ членовъ и оффиціальныхъ лицъ комитета, въ числѣ которыхъ находятся многіе изъ лучшихъ, значительнѣйшихъ людей въ городѣ. Дается также очень живое описаніе страданій и героизма бѣглецовъ и мѣръ, принимавшихся комитетомъ въ ихъ пользу. Авторъ упоминаетъ, что когда миссисъ Стоу готовилась писать свой „Ключъ къ Хижинѣ дяди Тома“, то мистеръ Р. Ф. Волкѣтигъ и мистеръ Бирсъ свели ее въ домъ Люиса Гэйдена, гдѣ она видѣла тринадцать только что бѣжавшихъ невольниковъ.

Другая интересная брошюра, изданная въ 1864 г. Джемсомъ Макъ-Кэ и бывшая отчетомъ, представленнымъ мистеру Стантону, называлась „Освобожденный рабъ лицомъ къ лицу со своимъ владѣльцемъ“. Мистеръ Макъ-Кэ былъ однимъ изъ членовъ коммиссіи, образованной государственнымъ секретаремъ Стантономъ для собранія свѣдѣній о прошломъ и настоящемъ положеніи цвѣтнокожихъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ. Разсказы о жестокостяхъ, которымъ подвергали рабовъ, слишкомъ ужасны, чтобы ихъ повторять; на нихъ можно только ссылаться. Одинъ изъ нихъ можно, однако, привести здѣсь. Герой ея — Октавъ Джонсонъ, бывшій въ 1864 г. капраломъ въ *Corps d'Afrique*. Его владѣлецъ (во времена, когда онъ былъ еще рабомъ) приказалъ его жестоко высѣчь кнутомъ за то, что онъ уснулъ за работой. Октавъ никогда до тѣхъ поръ не зналъ кнута и потому немедленно бѣжалъ въ болота. Онъ замѣчательно бѣгалъ и потому не былъ пойманъ своими преслѣдователями. Черезъ нѣсколько дней онъ наткнулся на другихъ бѣглецовъ, скрывавшихся въ глубинѣ тропическихъ лѣсовъ. Но его хозяинъ не намѣренъ былъ его терять и нанялъ спеціалиста-охотника за неграми со сворой въ двадцать собакъ, дрессированныхъ для такой охоты. Объ этомъ было, однако, заранѣе тайно дано знать бѣглецамъ. Послѣдніе натерли подошвы ногъ своихъ женщинъ кровью кроликовъ, чтобы обмануть чутье собакъ, и отослали ихъ въ болѣе безопасное мѣсто, а сами вооружились дубинами и стали ждать. Медленно отступая и все время защищаясь, они уложили восемь собакъ. Но къ солнечному закату они совершенно изнемогли какъ отъ усталости, такъ и отъ ранъ, наносимыхъ собаками, и бѣжали врассыпную. Октавъ, съ нѣсколькими товарищами, добѣжалъ до озернаго протока, который, какъ оказалось, кишѣлъ аллигаторами. Кое-какъ, однако, по корнямъ деревъ и валежнику, негры перебрались черезъ него. Собаки послѣдовали за бѣглецами, но

тутъ аллигаторы, не трогавшіе послѣднихъ, принялись за псовъ. Шесть собакъ погибло, и тогда остальныя были отозваны охотниками. Когда Октава спросили, почему аллигаторы не тронули людей, онъ отвѣчалъ: „Не могу знать, масса. Которые говорили, Господь-де имъ приказалъ; а я такъ мекаю, аллигаторамъ собачье мясо больше по вкусу, нежели мясо *человѣческихъ персонъ*“.

Октавъ жилъ въ болотахъ со своей партіей, состоявшей изъ десяти женщинъ и двадцати мужчинъ,—цѣлыхъ полтора года. Къ концу этого времени Новый Орлеанъ былъ занятъ союзными войсками и тогда пришелъ чередъ рабовладѣльцевъ удариться въ бѣгство.

Но едва-ли не самые интересные разсказы о бѣглыхъ рабахъ можно найти въ „Жизни Исаака Гоппера“. Гопперъ, принадлежавшій къ Обществу Друзей *), былъ въ теченіе многихъ лѣтъ покровителемъ бѣглыхъ рабовъ, являвшихся въ Филадельфію. Благодаря своему мужеству, самообладанію, знанію законовъ, такту и находчивости, онъ почти всегда находилъ средства разстроить планы охотниковъ за бѣглыми невольниками.

Въ глазахъ рабовладѣльца, воспитаннаго такъ, что онъ глядѣлъ на рабовъ, какъ на свою законную собственность, всѣ подобныя дѣйствія являлись поступками, которыхъ ничѣмъ нельзя было оправдать. Помочь невольнику убѣжать было для нихъ тоже самое, что запустить руку въ ихъ карманъ и вытащить столько-то денегъ. Но для большинства сѣверянъ право человѣка на свободу было аксіомой вполнѣ очевидной, не требующей доказательствъ. Когда имъ замѣчали, что конституція и государственные законы запрещали помогать рабамъ въ побѣгахъ,—они апеллировали къ „высшему закону“, признаваемому величайшими юристами господствующимъ надъ людскими дѣйствіями. Они ссылались на отвѣтъ апостоловъ еврейскимъ властямъ: „Сами судите, будетъ-ли правильно предъ лицомъ Господа—послушаться васъ“.

Какъ-то разъ, въ то время, когда умы населенія были заняты обсужденіемъ этихъ вопросовъ, я ожидалъ къ себѣ родныхъ, мужа и жену, родомъ изъ Джорджіи, рабовладѣльцевъ. Я предупредилъ всю свою семью, чтобы о невольничествѣ и не заикались. Но едва этотъ южанинъ провелъ въ домѣ полчаса, какъ самъ началъ разговоръ на эту тему, и мы провели весь вечеръ, серьезно, но дружелюбно обсуждая этотъ вопросъ. Между прочимъ, онъ спросилъ меня, какимъ образомъ я, христіанинъ, могъ помогать рабамъ въ бѣгствѣ, когда апостолъ Павелъ, въ его посланіи къ Филимону, далъ обратный примѣръ, возвративъ невольника его владѣльцу. Я попросилъ его прочесть это посла-

*) Имя, которымъ сами себя называютъ квакеры. *Перев.*

ніе вмѣстѣ со мною и обратилъ его вниманіе на то мѣсто, гдѣ Павелъ наставляетъ Филимона принять обратно этого раба уже „не какъ раба, но выше раба, брата возлюбленнаго“. Я заявилъ моему пріятелю, что съ удовольствіемъ отправилъ бы назадъ бѣглеца, если бы я могъ быть вполнѣ увѣренъ, что онъ будетъ принятъ не какъ рабъ, а какъ братъ. Мой южанинъ, будучи человѣкомъ прямымъ, согласился, что приводить посланіе къ Филимону въ подкрѣпленіе законовъ о бѣглыхъ было по меньшей мѣрѣ рисковано.

Когда горючія вещества накопляются годами, достаточно одной молніи, чтобы превратить ихъ въ пламя. Этой молніей былъ набѣгъ Джона Брауна близь Гарперсъ Ферри („Перевозъ Гарпера“). Его часто упрекали въ томъ, что онъ отправился туда съ цѣлью поднять возстаніе среди рабовъ. Совсѣмъ не таково было его намѣреніе. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы переправлять партіи бѣглыхъ рабовъ въ Пенсильванію и тамъ ихъ освобождать, сдѣлавъ, такимъ образомъ, рабовладѣніе въ пограничномъ штатѣ дѣломъ ненадежнымъ.

Я впервые видѣлъ Джона Брауна въ домѣ Чарльза Сёмнера, въ Ганкокской улицѣ, въ Бостонѣ. Я пришелъ туда узнать о здоровьи хозяина. Меня ввели въ его комнату, гдѣ я нашелъ его въ постели. Кромѣ Сёмнера, въ комнатѣ было три человѣка: капитанъ Джонъ Браунъ, одинъ изъ сыновей послѣдняго и Джемсъ Редпатъ (Redpatti). Разговоръ коснулся совершеннаго надъ Сёмнеромъ насилія и больной сказалъ: „Сюртукъ, бывшій на мнѣ въ то время, виситъ вонъ въ томъ шкафу“.—Джонъ Браунъ пошелъ къ шкафу, вынулъ сюртукъ и взглянулъ на него взглядомъ вѣрующаго, видящаго реликвію святого. Мистеръ Санборнъ говорить въ своей біографіи Джона Брауна, что это было единственное свиданіе между нимъ и Сёмнеромъ.

И вотъ настало время Джона Брауна изъ Оссаватоми. Онъ первоначально появился въ Канзасѣ, противясь набѣгамъ миссурійцевъ. Онъ былъ воспитанъ въ ненависти къ рабству. Онъ родился въ 1800 г. въ Коннектикутѣ и оттуда вывезенъ былъ своимъ отцомъ на дальній западъ. Отецъ Джона былъ противникомъ рабства, а по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ — „ветхозавѣтнымъ христіаниномъ“. Джонъ Браунъ тоже признавалъ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, какъ признавали ее ветхозавѣтные святые, и отправился въ Канзасъ съ шестью своими сыновьями просто затѣмъ, чтобы помочь канзасцамъ не допустить рабство на территорію своего штата.

Въ 1858 г. я встрѣтилъ его въ конторѣ доктора Гоу. Онъ тогда подготовлялъ свой набѣгъ на Гарперсъ Ферри. Онъ говорилъ, что намѣренъ сдѣлать нѣчто такое, что встревожитъ рабовладѣльцевъ по всей сѣверной границѣ рабовладѣльческой территоріи,—заставитъ ихъ почувствовать, что они не могутъ спокойно

владѣть своими невольниками въ этой мѣстности и, такимъ образомъ, побудить ихъ подвинуться къ югу. Браунъ надѣялся, что путемъ цѣлаго ряда набѣговъ рабство будетъ постепенно отодвигаемо все далѣе и далѣе на югъ, остальная же территорія останется свободною. Таковъ былъ его планъ. „Я предполагаю сдѣлать то же самое, что я уже сдѣлалъ въ Канзасѣ, — только на болѣе широкомъ основаніи",—говорилъ онъ.—„Когда я увидѣлъ, какъ миссурійцы ввели въ обычай нападать на нашихъ въ Канзасѣ, я убѣдился, что нужно клинъ клиномъ вышибать. Ну, я составилъ партію, сдѣлалъ набѣгъ на Миссури и увелъ что-то двадцать или тридцать невольниковъ. Я привелъ ихъ въ Канзасъ, провелъ черезъ Небраску и Айову и доставилъ въ Канаду; разъ на Канадской территоріи, они были уже свободны. Газеты публиковали о нашемъ маршрутѣ и мѣстопребываніи каждый Божій день, и все же всего одинъ разъ побезпокоили меня на моемъ пути. Это было какъ разъ при переходѣ черезъ границу Небраски. Союзный „маршалъ" вошелъ въ рубленую избу, гдѣ я присталъ со своими людьми (ихъ было всего нѣсколько человѣкъ), и потребовалъ, чтобы я отдалъ освобожденныхъ невольниковъ въ распоряженіе его и его подчиненныхъ. Я взялъ въ руки свое ружье и сказалъ ему, что даю ему двѣ минуты сроку на уходъ, но не болѣе. Знай я, что онъ былъ въ числѣ убійцъ одного изъ моихъ друзей въ Канзасѣ, я бы не далъ ему и этихъ двухъ минутъ!" На слѣдующій день маршалъ, во главѣ значительнаго отряда милиціонеровъ, ожидалъ Брауна по ту сторону рѣки, черезъ которую тотъ долженъ былъ переправляться. У Брауна было не болѣе 20 человѣкъ, которыхъ онъ, однако, построилъ въ двѣ шеренги и повелъ въ аттаку черезъ рѣку. Они не достигли еще противоположнаго берега, когда команда маршала дрогнула и побѣжала. Браунъ съ товарищами преслѣдовали непріятеля и взяли въ плѣнъ маршала. Они заставили послѣдняго сойти съ коня, посадили въ сѣдло старую негритянку съ ребенкомъ, а маршалъ долженъ былъ весь день вести лошадь въ поводу. А вотъ что разсказалъ мнѣ генералъ Каррингтонъ: „Я былъ тогда мальчикомъ и посѣщалъ школу въ Торрингтонѣ. Разъ въ нашу классную комнату пришелъ худощавый человѣкъ высокаго роста, съ просѣдью, и обратился къ намъ, мальчикамъ, съ такими словами: „Я хочу задать вамъ нѣсколько вопросовъ по географіи. Гдѣ находится Африка?" — „Само собою разумѣется—по ту сторону океана",—отвѣчалъ одинъ изъ школьниковъ. „Почему „само собою разумѣется?"—опять спросилъ посѣтитель. На это мальчикъ не сумѣлъ отвѣтить. Тогда пришедшій сталъ самъ разсказывать намъ объ Африкѣ и о неграхъ, о томъ злѣ, которое причиняетъ торговля рабами, о страданіяхъ и несправедливостяхъ, выносимыхъ невольниками, и затѣмъ спросилъ: „Кто изъ васъ, ребята, согласенъ употребить свое вліяніе, будетъ-ли оно велико или ничтожно,

когда вы выростете, противъ этого проклятія — рабовладѣнія?" Всѣ мальчики подняли руки въ знакъ согласія. Тогда нашъ собесѣдникъ выразилъ опасеніе, что нѣкоторые изъ насъ забудутъ свое рѣшеніе и прибавилъ: „Пусть тѣ изъ васъ, кто *совершенно увѣрены*, что не забудутъ, тѣ, которые обѣщаются посвятить свое время и вліяніе противодѣйствію этому страшному злу—встанутъ". Я и еще одинъ мальчикъ встали. Тогда высокій человѣкъ положилъ свои руки на наши головы и сказалъ: „Да поможетъ вамъ Отецъ Небесный, который есть также вашъ Отецъ и Отецъ африканцевъ,—и Христосъ, который есть мой Господь и Спаситель, и вашъ Господь и Спаситель, и Господь и Спаситель африканцевъ,—и Духъ Святой, подающій мнѣ утѣшеніе и силу, когда я въ нихъ нуждаюсь, который подастъ вамъ силу и утѣшеніе, когда вы будете нуждаться въ нихъ и который подаетъ ихъ африканцамъ,—да помогутъ они вамъ выполнить то рѣшеніе, къ которому вы сейчасъ пришли". Человѣкъ этотъ былъ Джонъ Браунъ".

У меня есть два собственноручныхъ письма Брауна, писанныхъ имъ въ тюрьмѣ, передъ казнью. Одно изъ нихъ было написано къ миссисъ Спрингъ, которая поѣхала въ Виргинію съ тѣмъ, чтобы предложить Брауну помощь и утѣшеніе, какія были въ ея силахъ. Въ своемъ письмѣ Браунъ горячо благодаритъ ее за ея доброту и призываетъ на нее благословенія Бога своихъ предковъ. Другое письмо было обращено къ одному знакомому священнику, котораго Джонъ Браунъ уважалъ. Браунъ заявляетъ, что онъ находится въ полномъ мирѣ съ самимъ собой; что его смерть дастъ бóльшіе результаты, чѣмъ дала бы его жизнь, и что, въ общемъ, онъ бы пожалѣлъ, если бы его освободили, потому что, продолжай онъ жить, онъ могъ бы совершить что-нибудь, что низвело бы его на болѣе низкій уровень, чѣмъ тотъ, на которомъ онъ до того держался.

Всѣмъ извѣстно, какъ Джонъ Браунъ, идя на казнь, сдѣлалъ замѣчаніе о красотѣ окружающей природы. Онъ увидѣлъ по пути цвѣтнокожую женщину съ ребенкомъ. Онъ взялъ негритенка на руку и поцѣловалъ его. Спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого я ѣхалъ въ Виргиніи лѣсомъ, а полкъ Висконсинскихъ солдатъ шелъ въ ногу рядомъ со мною и пѣлъ:

«Джонъ Браунъ лежитъ въ сырой землѣ—
Тамъ тлѣетъ трупъ его,
Но духъ его средь насъ живетъ
И насъ ведетъ впередъ».

И, дѣйствительно, духъ его шелъ впереди. Онъ шелъ все впередъ, пока весь Югъ не былъ возвращенъ Союзу и Свободѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОБОРВАННАЯ ПЕРЕПИСКА.

I.

20 ноября 19 . . года.

Видите, дорогой мой другъ, я послушался васъ: вы сказали „уѣзжайте!“, и въ тотъ-же вечеръ я сидѣлъ въ купэ Николаевской дороги и спрашивалъ себя: куда я ѣду? Я торопился, все бросилъ, ни съ кѣмъ не простился, кинулъ кое-какъ мои книги и работу въ сундукъ и едва-едва попалъ на курьерскій поѣздъ. Я торопился до лихорадки, точно меня гдѣ то ждало что то очень спѣшное и важное. И только здѣсь я понялъ, что важное, самое важное было тамъ, въ Петербургѣ, и мнѣ надо было бѣжать отъ него... Въ сущности мнѣ давно слѣдовало уѣхать, но не было силы этого сдѣлать, пока вы такъ властно не сказали мнѣ: уѣзжайте. И я на этотъ разъ послушался васъ. Вѣдь вы нерѣдко говорили мнѣ въ эти два года, что я долженъ не бывать у васъ, не видѣть васъ и успокоиться. Но вы говорили это такъ ласково, такъ добро улыбались при этомъ, что я оставался.

На этотъ разъ я не видалъ ни ласковыхъ глазъ, ни доброй улыбки и уѣхалъ, или, вѣрнѣе, бѣжалъ отъ нихъ. Останься я хоть на одинъ день—мнѣ-бы не уѣхать!

И вотъ теперь, сидя здѣсь, въ деревнѣ, одинъ, подъ унылымъ свѣтомъ лампы съ зеленымъ картоннымъ абажуромъ я чувствую—нѣтъ, мало сказать „чувствую“—ощущаю всѣмъ моимъ существомъ безграничную тоску, именно безграничную: я не вижу ей ни конца, ни предѣла. Я лишилъ себя даже возможности видѣться съ вами. А вѣдь послѣдній годъ я видѣлъ васъ каждый день и это стало для меня настоящей потребностью. Вы дали мнѣ право приходить къ вамъ каждый день и я съ благодарной радостью принялъ его. Я видалъ васъ и веселую и грустную, и нарядную и домашнюю, видалъ во всѣхъ видахъ и все больше и больше привязывался къ вамъ. Вы часто говорили, что цѣните нашу дружбу,—

вы особенно подчеркивали это слово—и я шелъ къ вамъ со всѣмъ, что было у меня на сердцѣ и въ головѣ, и, можетъ быть, иногда надоѣдалъ вамъ. Когда видѣлъ, что надоѣдаю—рѣшалъ уѣхать. И, наконецъ, уѣхалъ! Но, чувствую, что стóитъ вамъ написать мнѣ одно слово и я пріѣду.

Неужели вы не напишете мнѣ этого слова?

С. Р.

II.

Турьи Горы, 22 ноября.

Вы еще не успѣли получить мое письмо, дорогая Варвара Львовна, а когда получите—скажете: сумасшедшій! Сколько разъ и съ какими разными оттѣнками я слышалъ отъ васъ это слово! Да, я сумасшедшій! Я написалъ вамъ, просилъ отвѣчать, а не сообразилъ, что вы не знаете, гдѣ я. Дома я сказалъ, что ѣду въ Москву, но сказалъ это только потому, что ѣхалъ на московскій вокзалъ.

Я въ Турьихъ Горахъ. Вы не разъ слыхали о нихъ отъ меня. Это наше родовое гнѣздо; здѣсь я росъ, сюда ѣздилъ гимназистомъ и студентомъ, здѣсь похоронилъ всѣхъ моихъ близкихъ и, наконецъ, здѣсь-же провелъ мой медовый мѣсяцъ...

Въ послѣдній разъ я пріѣхалъ сюда съ тѣломъ покойной сестры Лели. Съ тѣхъ поръ я не заглядывалъ сюда. И сколько, сколько воспоминаній, мыслей и мучительныхъ думъ сразу хлынуло на меня. А сверху всѣхъ ихъ—вы, одна вы. О чемъ бы я ни вспоминалъ, по комъ бы ни грустилъ, рядомъ незамѣтно выростаете вы, и грусть становится еще острѣе и больнѣе. Вчера открыли большой домъ (я помѣстился во флигелѣ:—теплѣе), чтобы взять оттуда мебели для меня. Я какъ то сразу наткнулся на портретъ бабушки, висящій въ одной изъ ея комнатъ; сталъ смотрѣть на него и такъ и ушелъ изъ дому, не взглянувъ ни на что, кромѣ этого портрета. Онъ написанъ въ 1836-мъ году, какъ говоритъ подпись. И я смотрѣлъ на него и думалъ... Но думалъ не о той доброй старухѣ, у которой я выросъ на рукахъ, а о васъ... Покрой-ли платья, или блѣдный цвѣтъ лица, или прическа—но что-то мнѣ такъ напомнило васъ, что я не могъ оторваться отъ портрета, особенно отъ черныхъ волосъ, раздѣленныхъ посрединѣ тонкимъ проборомъ... Волнистыя пряди падаютъ на уши, совсѣмъ какъ у васъ. И взглядъ глубокихъ черныхъ глазъ тоже похожъ на вашъ взглядъ, хотя бабушка была, кажется, грѣшница, а вы—святая.

Напишите мнѣ, ради Создателя, поскорѣе. Что съ вами? Что вы дѣлаете? О чемъ и о комъ думаете?

Прилагаю вамъ мой адресъ и жду письма, какъ голодный хлѣба.

С. Р.

III.

Петербургъ, 25 ноября.

Сумасшедшій, но всетаки милый Сергѣй Ильичъ!

Вы такъ поразили меня вашимъ отъѣздомъ, что я чуть не расплакалась, когда получила ваше первое письмо. Хорошо, что вы забыли приложить адресъ, а то я, навѣрное, наглупила-бы. Второе письмо попало уже въ затишье, неизбѣжное послѣ волненія, и я спокойно говорю вамъ: вы хорошо сдѣлали, что уѣхали. Вамъ ли—серьезному человѣку—жить такъ, какъ жили вы послѣдній годъ? Вамъ ли тратить время на безсмысленные обѣды, на встрѣчи съ неподходящими для васъ людьми, на выслушиваніе разныхъ глупостей и пошлостей? Вы мнѣ всегда говорили, или показывали, что дѣлаете это изъ-за меня. И я чувствовала какую-то отвѣтственность. Какъ часто я вамъ говорила объ этомъ, какъ просила васъ не ѣздить на разные глупые вечера, чтобы только проводить меня оттуда. Но вы ѣздили, и я иногда заставляла васъ сидѣть до двухъ, до трехъ часовъ ночи... Теперь все это кончено и я рада за васъ. Вы должны жить своей, полной жизнью, а не ждать чего то, *что никогда не можетъ придти къ вамъ*. Простите, что я говорю такъ, но мнѣ искренно хочется, чтобы вы успокоились и сбросили съ себя этотъ самогипнозъ. Иначе я не могу назвать ваше чувство ко мнѣ. Вы, вѣдь, любите не меня, а какую то не существующую женщину съ небывалыми достоинствами; когда вы говорили мнѣ о нихъ, я пыталась открыть вамъ глаза, но, должно быть, недостаточно искренно желала этого; я скорѣе берегла ваши иллюзіи, можетъ быть поддерживала ихъ. Теперь я вижу, что мнѣ было радостно казаться лучше, чѣмъ я есть, и что у меня не хватало смѣлости предстать передъ вами во всей моей правдѣ. Какъ я жалѣю теперь объ этомъ...

Во всякомъ случаѣ я рада, что вы уѣхали. Это первый шагъ къ успокоенію и, можетъ быть, самый трудный.. Пишите мнѣ про себя все, что хотите; вы знаете,—никто не читаетъ моихъ писемъ.

О себѣ писать мнѣ нечего. Все идетъ попрежнему: дома—мужъ, дѣти, посѣтители обоего пола и по самымъ разнообразнымъ поводамъ; внѣ дома—мой запой, какъ вы называете мою школу. Я попрежнему отдаю ей почти цѣлые дни...

О мужѣ я не могу писать вамъ; вы, съ вашей искрен-

ностью, не выносите разговоровъ о немъ. Дѣти? Я постоянно помню, что говорить о своихъ дѣтяхъ интересно только для самой себя. Это можно сравнить съ домашней фотографіей: вы пріѣзжаете къ знакомымъ и вамъ начинаютъ показывать какіе-то бездарные снимки: это наша рѣчка, а это любимая скамейка, а это нашъ сосѣдъ по имѣнію... И такъ безъ конца... Надо смотрѣть и восхищаться! Такъ и съ дѣтьми. Но вы—другъ, и, казалось бы, должны были любить то, что я люблю... И къ Вовѣ вы—если не нѣжны, то хоть ласковы; вы какъ-то мнѣ объяснили это: „Онъ похожъ на васъ, не на *него*“. Про моего же бѣднаго Витю вы никогда не хотѣли говорить. А онъ такой забавный, такой милый мальчикъ. Въ восемь лѣтъ онъ пишетъ почти безъ ошибокъ и вмѣстѣ съ этимъ настоящій ребенокъ, безъ умничанья и непріятной серьезности рано развивающагося мальчика. Вчера онъ гулялъ съ Вовой и Mademoiselle Lucie въ Лѣтнемъ саду и...

Простите: забыла, что не надо говорить о дѣтяхъ, забыла, что вы не любите слушать о Витѣ.

Сегодня ровно недѣля, что вы были у меня. Только недѣля! А мнѣ, кажется, я не видала васъ уже мѣсяцъ. Вы такъ разбаловали меня вашими милыми бесѣдами, чтеніемъ вдвоемъ, ласковыми взглядами, заботливой любовью. Можно ли обвинять меня, что я берегла все это и не хотѣла разбивать своими руками? Вѣдь я постоянно окружена людьми и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ одинока! Какъ бы я хотѣла вотъ сейчасъ, сію минуту увидать васъ, услышать вашъ тихій голосъ и неожиданно - звонкій смѣхъ, поговорить съ вами обо всемъ—даже о себѣ! Но, пожалуйста, подольше не балуйте меня, подольше не пріѣзжайте въ Петербургъ. Вѣрьте: такъ будетъ лучше.

Вашъ бѣдный другъ В. Ч.

IV.

Турьи Горы, 28 ноября.

Наконецъ-то! Наконецъ, знакомый крупный почеркъ, увѣренный, какъ у мужчины, и капризный, какъ у женщины! И ни слова призыва! А я то ждалъ и почти собрался въ Петербургъ...

Вы довольны, что я уѣхалъ. Я чувствовалъ это и до вашего письма. Вы устали отъ моей ненужной вамъ любви и вамъ теперь спокойнѣе, а главное, свободнѣе. И это мнѣ больно. Я точно стѣснялъ вашу свободу, накладывая на васъ какую-то отвѣтственность, какъ вы говорите; а при вашей любви къ свободѣ это, конечно, было вамъ тяжело, Теперь

я совершенно ясно сознаю, какая страшная обуза—постоянно видѣть человѣка, желающаго отдать вамъ всю жизнь, когда вамъ не только его жизни, а даже его присутствія не надо. Вѣдь это настоящее мученіе! Вы сидите за ужиномъ, смѣетесь, разговариваете, а сами знаете, что онъ сидитъ тутъ же, за столомъ и тоскуетъ и ждетъ только минуты, когда поѣдетъ проводить васъ и скажетъ вамъ два-три искреннихъ слова... Я только теперь понялъ, какъ я долженъ былъ надоѣдать вамъ. И вы такая добрая и деликатная, не показывали мнѣ этого. Мы, мужчины, не могли бы скрыть раздраженіе. Мы — просто изъ эгоизма не можемъ такъ ломать себя, какъ женщины. Если мужчина ухаживаетъ—онъ, почти всегда, имѣетъ опредѣленную цѣль... А женщина можетъ быть одинаково любезна и мила и съ непріятнымъ ей человѣкомъ, и совершенно безцѣльно. Намъ не понять этого: у насъ какъ-то не укладывается въ головѣ, что можно тратить часы и даже дни на бесѣду съ немилыми и ненужными людьми, расточать улыбки и хорошія слова, когда это не доставляетъ удовольствія... Вѣдь это—выражаясь вульгарно—себѣ дороже! Только женщина можетъ проводить цѣлые часы съ немилымъ человѣкомъ, а главное, показывать, что это ей очень пріятно, когда въ сущности ничего пріятнаго нѣтъ,—а мы ловимся на это. Уже разъ я былъ наказанъ за мою наивность, и какъ жестоко наказанъ! Относительно васъ—дѣло другое. Я ни на что не надѣялся, ничего не ждалъ, но я точно считалъ себя въ правѣ пользоваться вашимъ вниманіемъ, брать у васъ время и занимать своей особой слишкомъ большое мѣсто въ вашей жизни. Только теперь, здѣсь, я понялъ, какъ долженъ былъ надоѣдать вамъ съ моей непрошенной любовью и неумѣньемъ скрывать ее и владѣть собой. Вы, такая сдержанная и уравновѣшенная, должны были не мало страдать отъ моей стремительности. Простите меня; я такъ прожилъ до сорока двухъ лѣтъ, такимъ, должно быть, и умру.

Вы пишете, что я не люблю, когда вы говорите о мужѣ и о дѣтяхъ. Да, каюсь, не люблю! Особенно когда вы говорите о Викторѣ Ивановичѣ! Не только не люблю, но прямо страдаю отъ того, что не могу вамъ отвѣчать такъ, какъ хотѣлъ бы. Когда онъ утонченно-вѣжливо входитъ къ вамъ въ комнату и, попросивъ извиненія за то, что прервалъ нашу бесѣду, начинаетъ докладывать вамъ, гдѣ онъ былъ, кого видѣлъ, я хочу закричать, что все это ложь и... молчу. Когда вы говорите мнѣ о какихъ-то его рыцарскихъ взглядахъ и поступкахъ, мнѣ до боли трудно удержать себя, чтобы не открыть вамъ глаза... Вотъ и теперь: развѣ хорошо, что я пишу это? Не вычеркиваю только потому, что въ нашей перепискѣ не должно быть ничего неискренняго, и еже пи-

сахъ—писахъ. Я знаю, что человѣкъ не можетъ, да и не долженъ говорить всѣмъ правду, но онъ обязанъ не говорить неправду, особенно въ перепискѣ съ такимъ близкимъ человѣкомъ, какъ вы мнѣ. Ложь здѣсь была бы просто грѣхомъ. Вы никогда не лжете. Я тоже не люблю и не умѣю лгать. Презрѣніе ко лжи—по моему—необходимое условіе человѣческаго существованія. И у васъ оно есть; можетъ быть, оттого я такъ и привязался къ вамъ. Вы не лжете и вся ваша душевная красота какъ на ладони. Я убѣжденъ, что люди гораздо лучше, чѣмъ они кажутся,—они просто привыкли казаться не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, а тѣмъ, что отъ нихъ требуютъ какія-то обстоятельства; они точно боятся показать свои личныя свойства, ломаютъ свою индивидуальность, умышленно принижаютъ себя. Особенно женщины! Онѣ еще больше лгутъ, чѣмъ мужчины, потому что въ нихъ больше рабскихъ чувствъ... Не сердитесь на меня,—это такъ. Я не говорю о такихъ прирожденныхъ лгуньяхъ, какъ, напр., ваша знакомая Тягунова, которая органически не можетъ не солгать,—это комическій персонажъ, надъ такими смѣются, съ ними не считаются. Нѣтъ, я говорю о другой лжи, той, которая уродуетъ человѣка. Представьте себѣ, что никто никогда бы не лгалъ! Сколько обнаружилось бы нравственной красоты, красоты такой, какую при существующихъ условіяхъ и представить себѣ трудно: красоты почти божественной. Вѣдь люди и сами не знаютъ, сколько въ нихъ красоты таится и въ чемъ собственно эта красота. И уродуютъ себя ложью, т. е. трусостью, матерью всѣхъ пороковъ, какъ говорила бабушка Марья Ивановна, потому что лгутъ главнымъ образомъ отъ трусости: нѣтъ смѣлости говорить правду и дѣйствовать по правдѣ.

Такъ давайте: ни одного слова лжи. А если не лгать, то мнѣ нельзя не сказать, что я очень люблю васъ, знаю, что я вамъ не нуженъ, что ваша жизнь полна безъ меня, и все-таки люблю... Вы и представить себѣ не можете, какъ вы завладѣли мной. Когда я сижу за письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами, бумагами, выписками и съ перомъ въ рукѣ—вмѣсто того, чтобы писать—бесѣдую съ вашимъ портретомъ (который вы сняли якобы для меня въ одномъ экземплярѣ, а потомъ, оказалось, дали такой же Баргулину),—я долженъ быть очень смѣшонъ!..

Больше постараюсь не говорить вамъ объ этомъ. Только, пожалуйста, пишите мнѣ и побольше о себѣ. Вы часто повторяете, что говорить много о себѣ—признакъ дурного воспитанія. Неужели и въ письмахъ? Бросьте вы, пожалуйста, вашу благовоспитанность и пишите мнѣ о себѣ какъ можно больше, и чаще, и искреннѣе. С. Р.

V.

Петербургъ, 1 декабря.

Дорогой Сергѣй Ильичъ!

Я съ радостью принимаю вашъ призывъ: ни одного слова лжи, но не знаю, справлюсь ли! По крайней мѣрѣ, буду слѣдить за собой. Конечно, что̀ можетъ быть привлекательнѣе искренности и правдивости? И я когда-то вѣрила въ силу и красоту правды. Но когда десять лѣтъ (я замужемъ десятый годъ) слышишь отъ самаго близкаго человѣка, что правдивость—синонимъ безтактности, или донкихотства, или невоспитанности—смотря по формѣ, въ какой она проявляется,—то поневолѣ теряешь вкусъ къ правдѣ и требуешь и отъ себя, и отъ людей чего-то иного: умѣнья приспособляться, умѣнья „казаться", умѣнья многое скрывать, или показывать не такъ, какъ есть на самомъ дѣлѣ.

Вы говорите, что если бы никто не лгалъ, то обнаружилась бы удивительная нравственная красота людей. И я уже не вѣрю этому; напротивъ, мнѣ кажется, что мы увидали бы страшное уродство! Это все равно, что нагота физическая. Я считаю, что изъ ста женщинъ едва ли двѣ могутъ быть не спрятаны платьемъ и всякаго рода приспособленіями, чтобы не оскорблять глазъ. Такъ и въ нравственномъ смыслѣ (если еще не хуже!).

Помнится, въ какомъ-то итальянскомъ разсказѣ является гипнотизеръ, который внушаетъ всѣмъ присутствующимъ на его сеансѣ сказать безъ утайки то, что въ данную минуту волнуетъ его. И обнаружилась совсѣмъ не красота, а злобная зависть, жадность, покупная любовь,—жены узнали, что мужья обманываютъ ихъ, мужья тоже услыхали жестокія признанія, гости увидали, какъ они въ тягость хозяину, который лгалъ, что очень радъ видѣть ихъ, вообще открылось гораздо больше низкаго и постыднаго, чѣмъ хорошаго... Мнѣ кажется, что человѣкъ долженъ непремѣнно прихорашивать и одѣвать по возможности красивѣе свои слова, мысли и чувства, чтобы не коробить, не оскорблять своихъ ближнихъ.

Вы пишете, что моя душевная красота видна оттого, что я не лгу. Мнѣ стыдно читать эти слова. Можетъ быть, вы увидали душевную красоту только потому, что я лгу, и очень искусно лгу. Я надѣваю на себя тотъ душевный нарядъ, который вамъ нравится, все равно, какъ надѣваю—когда знаю, что увижу васъ—одно изъ вашихъ любимыхъ платьевъ. И я—какъ ни больно мнѣ говорить объ этомъ—часто лгала

вамъ. Сколько разъ мнѣ хотѣлось разсказать вамъ, какъ много лжи, хитрости, всякой неправды во мнѣ и въ моей счастливой семейной жизни, какъ много мелкихъ увертокъ и сдѣлокъ съ совѣстью,—но я молчала и сознательно поддерживала ваше увлеченіе искренней и чистой женщиной, какую вы видѣли во мнѣ.

И теперь, я хочу говорить одну правду и боюсь... Въ концѣ концовъ *чего* боюсь? Боюсь потерять васъ, хотя кажется искренно просила васъ уѣхать и забыть меня. Я сознаю, что должна сойти съ вашей дороги, потому что не могу дать вамъ счастья, и, можетъ быть, вѣрный путь къ этому снять съ себя маску.

Вы просите писать о себѣ. Не умѣю я этого. Мы, женщины, почти всегда въ письмахъ „дѣлаемъ стиль". Особенно говоря о себѣ, а правда, кажется, не допускаетъ никакихъ прикрасъ и побрякушекъ Въ письмѣ же всегда хочется быть интересной. Какъ это сочетать съ правдой?

Въ вашемъ письмѣ есть не хорошія слова, Сергѣй Ильичъ, и мнѣ хочется говорить о нихъ и больно говорить... Больно...

В. Ч.

Ночь.

Вы пишете, что вамъ бывало до боли трудно не открыть мнѣ глаза... На что? На измѣну мужа? Да, измѣну! Я знаю про нее, и вамъ не зачѣмъ было намекать на это... Вѣрьте: всегда найдутся добрые люди, чтобы „открыть глаза" на горе. Уже черезъ два года послѣ нашей свадьбы мнѣ постарались доказать, что Викторъ обманывалъ меня... Я не вѣрила, не могла вѣрить... Онъ былъ такъ нѣженъ и добръ со мной, такъ ласкалъ появившагося тогда на свѣтъ Витю, что у меня не могло уложиться ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, что онъ можетъ лгать. А онъ лгалъ, и какъ виртуозно лгалъ! И я вѣрила ему. Не вѣрила ни своимъ глазамъ, ни своимъ ушамъ, а только словамъ этого близкаго и такъ далекаго мнѣ человѣка. А когда я убѣдилась, что онъ лжетъ (это было ровно черезъ три года послѣ нашего супружества) я сошла съ ума: иначе я не могу назвать мое тогдашнее состояніе. Я сдѣлала гадость, ужасную гадость, но... объ этомъ когда нибудь послѣ. Теперь я не могу еще дойти до такой правды.

Теперешняя его „исторія", на которую намекаете вы, идетъ уже пятый годъ. Я узнала о ней—опять-таки случайно—года три тому назадъ и три года живу съ этой мучительной тайной. И никто не подозрѣваетъ, что я знаю о существованіи дѣвицы Кучинской. Вы бывали у меня почти каждый день, заставали меня и грустной, и больной, и разстроенной, но никогда, кажется, я ни однимъ словомъ не выдала моей тайны. Разъ, помню, вы спросили меня:

— Вы любите мужа?

Я промолчала.

— Иногда женщины желаютъ казаться любящими женами.

На это я отвѣтила вамъ шуткой:

— Это лучшее противоядіе отъ поклонниковъ.

Вы поняли, что я не хотѣла вамъ отвѣчать серьезно, и умолкли.

А я—если бы и хотѣла отвѣчать—не знала, что сказать вамъ. И теперь не знаю. Когда Викторъ Ивановичъ, послѣ обѣда, уѣзжаетъ въ какія-то засѣданія и возвращается оттуда въ три часа ночи—я съ ума схожу отъ отчаянія, и жду его съ трепетомъ. Когда же онъ пріѣзжаетъ—я тушу у себя огонь и примолкаю, чтобы онъ не замѣтилъ моего ожиданія; я слушаю, какъ онъ тихо ходитъ у себя въ комнатѣ, кашляетъ подавленнымъ кашлемъ, чтобы не разбудить меня и не выдать своего поздняго возвращенія. Потомъ онъ засыпаетъ, а я все ворочаюсь съ боку на бокъ и мучаюсь отъ обиды и, кажется, отъ презрѣнія къ этому человѣку.

Иногда я, сама не зная зачѣмъ, спрашиваю его утромъ:

— Вчера у васъ долго продолжалось засѣданіе?

— Нѣтъ... Не очень... Я въ часъ уже былъ дома.

И я краснѣю за его ложь и боюсь, чтобы онъ не замѣтилъ моего смущенія. Я, какъ могу, помогаю ему обманывать меня, облегчаю ему его ложь и ненавижу его и себя за это.

Вотъ и разсудите вы, умный человѣкъ, люблю ли я мужа, зная, что у него есть тутъ же, въ Петербургѣ, вторая семья (у дѣвицы Кучинской—сынъ), зная, что онъ обманываетъ меня каждую минуту и лжетъ безъ конца. Вы видите, что я и сама лгу вмѣстѣ съ нимъ, скрываю отo всѣхъ мою муку, стараясь казаться счастливой женой. Я лгу дѣтямъ, говоря имъ объ ихъ отцѣ и объ его несуществующихъ достоинствахъ, я лгу себѣ, увѣряя себя, что мнѣ не нужно ни любви, ни ласки, что я счастлива дѣтьми, дѣломъ, дружбой... И все это ложь, ложь и ложь.

Въ одномъ я не лгу: въ острой боли, которую я испытываю, когда мнѣ говорятъ дурно о Викторѣ. Я совсѣмъ не могу переносить этого. И когда вы, бывало, только намекали на что-то—я была готова сказать вамъ все то, что написала сейчасъ. Но—силъ не хватало. Вы, можетъ быть, стали бы жалѣть меня, а я не хочу сожалѣнія.

Теперь, когда я не вижу вашихъ грустныхъ глазъ, жалѣющихъ меня, не слышу вашихъ рѣзкихъ словъ, осуждающихъ Виктора, мнѣ легче вамъ сказать эту ужасную для меня правду: я знаю объ измѣнѣ мужа и прошу никогда не

намекать мнѣ на нее, не жалѣть меня, не говорить больше объ этомъ... Еже писахъ—писахъ, а больше не надо. Не надо!

В. Ч.

VI.

Петербургъ, 7 декабря.

Дорогой Сергѣй Ильичъ!

Что съ вами? Почему молчите? Здоровы ли? Вчера и сегодня цѣлые дни ждала отвѣта отъ васъ и— ни слова. Что это значитъ?

В. Ч.

VII.

Турьи Горы, 10 декабря.

Я страшно виноватъ передъ вами и искренно прошу у васъ прощенія за мое послѣднее письмо, за которое уже такъ больно досталось мнѣ. Знаю, что заслужилъ, чувствую, что тамъ не все было какъ слѣдуетъ, какъ принято. Да вѣдь это все отъ того же... И вы прекрасно все это понимаете. Вы же мнѣ и объяснили какъ-то причину моихъ выходокъ.

Разъ я былъ у васъ вечеромъ и мы читали. В. И-ча, по по обыкновенію, не было дома. Кто-то позвонилъ; вы съ досадой сказали:

— Это, должно быть, Сапѣгинъ.

Вошелъ Викторъ Ивановичъ. Вы такъ обрадовались, что вскочили съ дивана, бросились къ нему и поцѣловали... Я не помню, какъ ушелъ отъ васъ. Я сознавалъ, что не долженъ былъ такъ дѣлать, но не могъ совладать съ собой. Я чувствовалъ, что былъ смѣшонъ для Виктора Ивановича и жалокъ для васъ, и это меня доводило до неистовой злобы. Когда, черезъ нѣсколько дней, я пришелъ къ вамъ, вы въ разговорѣ сказали чью-то фразу:

— La jalousie est la soeur de l'amour, comme le diable est le frère des anges.

Я понялъ, куда клонился разговоръ, и сталъ защищать ревность. Вы начали спорить и сказали:

— Въ концѣ концовъ въ ревности говоритъ оскорбленное чувство собственности и заявленіе своихъ правъ.

Мнѣ показалось, что вы повторяете слова Виктора Ивановича, и я почувствовалъ себя ужасно несчастнымъ. И я все высказалъ вамъ. Но какъ тогда, такъ и теперь во мнѣ нѣтъ и тѣни сознанія какихъ-бы то ни было правъ на васъ. О чувствѣ собственности и говорить нечего! Я знаю, что вы

принадлежите другому, знаю, какъ строго вы относитесь къ своему долгу, а главное, знаю, что вы не любите меня, а любите мужа... И всетаки я ревную и ревновалъ васъ и не только къ мужу, а ко всѣмъ и ко всему, и къ людямъ, и къ книгамъ, и къ вашему дѣлу, которому вы отдаете такъ много души, и къ дѣтямъ, и даже къ вашей несносной Бьюти, вѣчно торчащей у вашихъ ногъ. Я постоянно чувствовалъ, какъ я смѣшонъ и глупъ, и уже давно рѣшилъ все бросить и уѣхать.

И теперь, въ перепискѣ, когда для меня существуете одна вы, когда мы одни во всемъ свѣтѣ, я могу сознаться вамъ въ этомъ. Да, я ревновалъ васъ и страдалъ безъ конца. И ваше предпослѣднее письмо дало мнѣ не мало мýки. Я получилъ его 4-го декабря, въ день вашихъ именинъ; съ утра я думалъ о васъ, представлялъ васъ себѣ нарядную, веселую, окруженную цвѣтами. Всѣ приходятъ, поздравляютъ васъ, каждый имѣетъ право поцѣловать вашу руку (отвратительная мода!), а я далеко отъ васъ и не могу придти и не могу сказать, какъ вы дороги мнѣ! И вспомнилось мнѣ 4-го декабря прошлаго года, какъ я провожалъ васъ изъ театра и какъ вы слушали меня... Вы только слушали, но уже одно разрѣшеніе говорить то, что такъ мучительно-ярко горѣло во мнѣ—было для меня счастьемъ. Для сорокалѣтняго человѣка это какъ будто и смѣшно, но я былъ счастливъ. И теперь—черезъ годъ—я вспоминаю этотъ вечеръ съ благодарностью, доходящей до умиленія. Я весь день ждалъ почты, какъ ребенокъ елки. И когда я увидалъ вашъ большой конвертъ съ крупнымъ адресомъ—я весь задрожалъ отъ веселья. Но...

Другъ мой! Вы пишете, что не знаете, любите ли мужа. Конечно, любите, если „сходите съ ума отъ отчаянія“, когда его долго нѣтъ дома, если страдаете невыносимо отъ каждаго намека на его измѣну, если лжете вмѣстѣ съ нимъ и за него, лжете—вы, такая чистая и правдивая.

И любите! Вѣдь, говорятъ, счастье не въ томъ, что васъ любятъ, а въ томъ, что вы любите. Женщины еще умѣютъ находить счастье въ прощеніи, въ подставленіи лѣвой щеки, когда бьютъ въ правую, умѣютъ цѣловать руку, бьющую ихъ. А тѣмъ-то, кто не имѣетъ этихъ христіанскихъ добродѣтелей—чтó имъ, несчастнымъ, дѣлать?

С. Р.

VIII.

Турьи Горы, 11 декабря.

Вчера я послалъ вамъ, мой добрый другъ, нелѣпое письмо. Началъ за здравіе, кончилъ за упокой, разозлился и наговорилъ глупостей. Не сердитесь на меня, дорогая. Не будетъ больше ничего такого, не должно быть... Если бы вы только чувствовали, какой стыдъ гложетъ меня—вы повѣрили бы, что больше не будетъ того, что было... т. е. не будетъ ни непрошенныхъ изліяній, ни вторженія въ вашу душу... Не надо этого, не надо! Я это чувствую теперь всѣмъ существомъ моимъ и прошу у васъ простить и забыть...

Вчера, послѣ того, какъ я отправилъ вамъ мое письмо, я, весь разбушевавшійся, пошелъ бродить куда глаза глядятъ... Кругомъ все, аршина на три высотою, засыпано снѣгомъ и только двѣ—три сѣренькихъ тропинки еще говорятъ о комъ-то живомъ... Я пошелъ по одной изъ нихъ и не замѣтилъ, какъ она привела меня черезъ паркъ на кладбище, къ могиламъ моихъ родныхъ. Очевидно, моя управительница, Агафья Власьевна, часто ходитъ сюда: снѣгъ между могилами утоптанъ, скамейка обметена, и на всемъ видна заботливая рука преданнаго человѣка.

Я сѣлъ на скамью и вдругъ сообразилъ, что я въ первый разъ, и то совершенно случайно, пришелъ сюда, точно я забылъ, что здѣсь лежатъ и отецъ, и мать, и сестра Леля, и бабушка, и оба дѣда... Я былъ такъ поглощенъ моимъ ненужнымъ вамъ чувствомъ, такъ весь отдался моей тоскѣ, что и не вспомнилъ ни о комъ изъ тѣхъ, кто нашелъ покой здѣсь, подъ этими плитами, заметенными снѣгомъ... Только на двухъ изъ нихъ видны надписи; на могилѣ мамы отчетливо выдѣляются крупныя буквы:

„Марья Өедоровна Ряполовская, рожденная Лужина. Род. въ 1834 г. Сконч. въ 1888“. А внизу мелко, но также ясно высѣчено: „До свиданья“.

Это приписала бабушка. Она доживала жизнь здѣсь вдвоемъ съ мамой и, конечно, не думала, что переживетъ ее. Въ этой припискѣ было точно извиненье, точно утѣшеніе... И, дѣйствительно, она пережила дочь только на годъ и умерла совсѣмъ одинокая... Власьевна телеграфировала мнѣ въ Парижъ; я приказалъ поставить такую же плиту, какъ у мамы. Власьевна спросила меня: подписывать ли „до свиданья“? Помню, какимъ нелѣпымъ показался мнѣ этотъ вопросъ. Я

былъ тогда женихомъ и мысль о смерти была такъ чужда, такъ непонятна мнѣ.

На плитѣ бабушки, маленькой и скривившейся, я точно въ первый разъ прочелъ: „Марья Ивановна Лужина, рожд. Козловская. Род. въ 1816 г. Сконч. въ 1889“.

Моя маленькая старушка съ тысячами маленькихъ заботъ вспомнилась мнѣ: какъ она суетилась всю жизнь, какъ волновалась съ утра до вечера и не давала себѣ никогда покоя... И вдругъ въ памяти мелькнулъ ея портретъ съ черными глазами и причесанными на уши черными волосами, послышался сдержанный, короткій смѣхъ, какимъ смѣетесь вы, блеснули слезы... Вы смотрите на меня влажными глазами, и я знаю, что слезы на нихъ отъ того, что вашъ мужъ ушелъ, не простясь съ вами, ушелъ къ *той*, а вы готовы разрыдаться и стараетесь скрыть ваше горе отъ меня...

Я старался вспоминать о бабушкѣ, но вы властно заслоняли ее собою; я спрашивалъ себя, неужели этотъ покрившійся холмикъ, приплюснутый плитой, все, что осталось отъ такъ любившей меня старушки; а рядомъ вставали воспоминанія о моей тревожной любви къ вамъ и безсильной ненависти къ вашему мужу... И я уже не боролся съ этими воспоминаніями. Напротивъ: я въ первый разъ отнесся къ нимъ точно со стороны... Я смотрѣлъ на себя, какъ чужой, и съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ припоминалъ всѣ мельчайшія подробности моего униженія...

Кругомъ меня были покрившіеся кресты, прикрытые деревянными кровельками, могилы, закутанныя теплыми пушистыми покровами, бѣлизна безъ тѣней, тишина безъ малѣйшаго звука... Ни печали, ни воздыханія... Вѣчный покой. Громадное безцвѣтное небо ушло куда-то далеко, далеко... И вдругъ все то, что было внутри меня, тоже ушло, я показался себѣ такимъ маленькимъ, такимъ ничтожнымъ съ моими ничтожными волненіями, съ моей ничтожной тоской... И вы мнѣ показались маленькой, маленькой...

Я просидѣлъ на кладбищѣ часа полтора и, когда пришелъ домой, хотѣлъ сейчасъ же написать вамъ. Взялъ перо, но всѣ слова, которыя просились на бумагу, казались слишкомъ грубыми или плоскими для тѣхъ чувствъ, какими я былъ наполненъ вчера.

Сегодня меня опять потянуло на кладбище, на могилы, на покой. Ночью была мятель и все покрыла бѣлымъ ватнымъ покровомъ. Изъ всѣхъ надписей на плитахъ почему-то осталось видно только одно слово: до свиданья.

Да, до свиданья! Черезъ день, черезъ годъ, черезъ нѣсколько лѣтъ—въ сущности не все ли равно? Важно это неизбѣжное: до свиданья. С. Р.

Простите же мнѣ мое вчерашнее письмо и пишите все про себя, безъ прихорашиванія себя, безъ боязни огорчить меня, безъ одного слова неправдиваго.

IX.

Петербургъ, 15 декабря.

Дорогой Сергѣй Ильичъ!

Ваше душевное затишье радуетъ меня. Ваше „до свиданья“—огорчаетъ. Я такъ не люблю смерть, такъ боюсь о ней думать, что для меня совершенно чуждо это ваше „до свиданья“.

Вы пишете о деревенскомъ кладбищѣ, и у меня сейчасъ же въ головѣ и на языкѣ появляются чьи-то слова:

«Кровелькой красной уютно прикрытъ,
Крестъ деревяный надъ каждымъ стоитъ,
Надписей нѣтъ, о чинахъ ни полслова:
Насыпь да крестъ и гробница готова!»

Это ужасно быть до какой степени начиненной чужими словами! Они постоянно являются вмѣсто своихъ словъ и заслоняютъ свои мысли. Помню, разъ вы, полушутя, полусерьезно, сказали мнѣ:

— Вы такъ сидите въ вашихъ книжкахъ, безъ природы, безъ настоящей жизни, что у васъ скоро не будетъ ни своихъ словъ, ни своихъ мыслей. Будутъ мысли и слова Рёскина, Толстого, но не ваши—Варвары Львовны.

Тогда я разсердилась на васъ, а теперь мнѣ все чаще и чаще приходятъ въ голову ваши слова. И я не только не сержусь на васъ, но безусловно соглашаюсь съ вами. Мы всѣ живемъ не своимъ умомъ, а взятымъ на прокатъ изъ книжки или—еще чаще—изъ газеты. И я—первая!

Прежде, можетъ быть, я не призналась бы въ этомъ даже вамъ. Я помню, какъ я искренно обидѣлась, когда вы—увидя, что я получаю *Mercure*, сказали мнѣ:

— Зачѣмъ вамъ этотъ журнальчикъ? Все это франтовство новыми фасонами мысли и искусства.

— Вы не можете меня подозрѣвать въ неискренности, отвѣтила я. Вы не можете думать, что я напускаю на себя искусственныя увлеченія для того, чтобы быть dans le train.

И въ этомъ я была права. Я ничего не напускаю на себя. Я люблю и Толстого, и д'Аннунціо, и Ярошенко, и Бёрнъ-Джонса. И все это совершенно искренно. Я люблю красоту и вожусь чуть не цѣлыми днями съ моими уродливыми дѣвочками. И мнѣ кажется, я не лгу во всемъ этомъ...

Но теперь наша переписка заставляетъ меня постоянно провѣрять себя. И я съ ужасомъ вижу, до чего я пропитана

чужими словами. Мнѣ сейчасъ вспомнилось, какъ мы поѣхали разъ весной съ вами и съ дѣтьми за городъ. Вы восхищались уголкомъ сосноваго бора съ вывороченной громадной сосной. Я невольно сказала:

— Это Шишкинъ!

Вы засмѣялись надо мной.

— Природа для васъ повторяетъ картины художниковъ, а не наоборотъ...

И вы тогда разсказали про какого-то вашего пріятеля—петербуржца, пріѣхавшаго къ вамъ въ деревню: каждая старая измученная лошадь казалась ему Холстомѣромъ, прудъ при извѣстномъ освѣщеніи былъ для него типичнымъ Коро, и т. д. въ этомъ родѣ.

Мы всѣ тогда смѣялись надъ вашимъ знакомымъ, но въ сущности это не такъ смѣшно. Неужели мы всѣ такъ начинены искусственными впечатлѣніями, что живая жизнь совершенно заслонилась ими? Вы мнѣ пишете про себя, меня волнуетъ какой-то переломъ въ васъ, а изъ памяти встаютъ чужія слова, заученныя много лѣтъ назадъ и давно, казалось бы, заброшенныя въ какой-то темный уголокъ въ мозгу. Я сержусь на себя, но уже не во власти отдѣлаться отъ этихъ чужихъ словъ. Гдѣ же тутъ „я“, „мое“, то, что должно одѣться моими словами, можетъ быть, неуклюжими и темными, но моими собственными?

И развѣ я одна такъ? Всѣ или почти всѣ, кругомъ, живутъ въ чужомъ нарядѣ, съ чужими словами, и прячутъ куда-то далеко свои мысли, а часто даже не разберутся, гдѣ кончается свое и начинается чужое... Нужна постоянная работа головы, а можетъ быть, и сердца, чтобы разобраться въ этомъ.

Вотъ вы пишете: безъ одного слова неправдиваго! И меня это смущаетъ. Презрѣніе ко лжи — привилегія сильныхъ людей; намъ, слабымъ, оно не подъ силу. Я помню, вы увидѣли у меня на брелокѣ надпись: „Le mépris de l'argent, le mépris du mensonge, le mépris de la mort“; какъ горячо вы сказали тогда:

— Эти слова не на балаболкахъ носить надо, а дѣтямъ ихъ втолковывать: презирайте деньги, презирайте ложь, презирайте смерть—тогда вы будете людьми.

Развѣ этому научишь?—возразила я. А наслѣдственность? А среда? А тысячи разныхъ житейскихъ условій разной важности и значенія?

— А сами родители, лгущіе на каждомъ шагу?—прибавили вы, въ моемъ же тонѣ.

Мнѣ показалось, что вы намекаете на Виктора, и я сейчасъ же прервала разговоръ. Я знаю, что онъ лжетъ каж-

дую минуту. А зачѣмъ? Чего онъ боится? Что я уйду отъ него? Но если онъ меня не любитъ, то чего же бояться потерять меня? Не знаю. Только вижу, какъ онъ лжетъ, хитритъ, всячески изворачивается, чтобы не открылась правда. И мнѣ иногда кажется, что Витя видитъ это, и когда я уличаю его во лжи (что очень часто случается!), я жду, что онъ скажетъ мнѣ:

— А папа?! А ты сама, развѣ ты не лжешь каждую минуту?

Вчера утромъ, когда я вышла къ кофе, мужа за столомъ еще не было. Дѣти встаютъ раньше, но Витя обыкновенно присутствуетъ за моимъ кофе. У прибора Виктора лежали два письма. Витя повертѣлъ ихъ и сказалъ:

— Какъ этотъ конвертъ вкусно пахнетъ!

Я понюхала и мнѣ показалось, что я знаю эти духи. Только поэтому я спросила Виктора, когда онъ прочиталъ оба письма:

— Отъ кого это, маленькое?

— Дѣловое! Тоска!

И я увидѣла, что онъ солгалъ. Въ томъ, какъ онъ старался придать себѣ скучающій видъ, какъ дѣланно-спокойно положилъ письмо въ карманъ—видна была сплошная ложь. Я взглянула на Витю. Онъ смотрѣлъ бѣгающими глазами то на отца, то на меня. И вдругъ мнѣ захотѣлось крикнуть:

— Неправда! Это письмо не дѣловое! Отдай намъ его!

Въ это время въ столовую вбѣжалъ Вовикъ со слезами и началъ, на своемъ дѣтскомъ волапюкѣ, жаловаться на няню. Оказалось, что онъ разставилъ въ залѣ стулья „какъ будто“ деревья, а посрединѣ сдѣлалъ дорожку.

— Я говорю... я говорю,—разсказывалъ онъ сквозь слезы и захлебываясь отъ волненья,—я говорю: нянечка, пойдемъ гулять... Это какъ будто деревья, а это дорожка... А она говоритъ: не деревья!..

И бѣдный Вовикъ, громко плача, продолжалъ:

— Не деревья!.. Стулья, говоритъ!..

Я разсердилась на няню и стала увѣрять Вову, что это настоящія деревья, и пошла съ нимъ гулять между ними. И какъ я была счастлива, что у меня не вырвались тѣ ужасныя слова о письмѣ! Что бы я стала дѣлать съ правдой, которую узнала бы изъ него? Вѣдь правда жизни всегда безпощадна и жестока. И лучше не знать ее!

Какъ то я была въ психіатрической лѣчебницѣ. Среди душевно больныхъ мнѣ показали одну, и расказали, какъ ее привезъ сюда ея мужъ—провинціальный учитель гимназіи, какъ онъ плакалъ, разставаясь съ нею, цѣловалъ ея руки, обливая ихъ горькими слезами. А она блаженно улыбалась

и смотрѣла куда то вдаль, точно видѣла тамъ что то. И меня поразило счастливое выраженіе ея лица. Высокая, гибкая, блѣдная, точно мадонна Перуджино—она вся была устремлена куда-то и съ радостной улыбкой слѣдила за кѣмъ-то.

— Она воображаетъ себя средневѣковой принцессой,—сказалъ мнѣ докторъ,—и иногда рыцари даютъ въ ея честь турниръ. Обыкновенно эти турниры вызываются приходомъ посѣтителей. Очевидно, всякое новое лицо даетъ толчокъ ея больному воображенію, она видитъ передъ собою цѣлыя картины... Видите, она точно взяла что то... это вѣнокъ... Вотъ она коронуетъ рыцаря-побѣдителя...

И докторъ, обратясь къ больной, спросилъ:

— Анна Петровна! Кто-же побѣдилъ сегодня?

— Опять онъ! Все мой вѣрный валетъ бубенъ!

Нѣкоторые изъ больныхъ громко разсмѣялись; усмѣхнулся и докторъ. А она сидѣла такая счастливая и просвѣтленная, такъ безмятежно-радостно улыбалась чему то или кому то, что мнѣ невольно пришла въ голову такая мысль: вылѣчатъ ее и вернется она въ семью; и пойдетъ ея прежняя жизнь—бѣготня по лавкамъ, страданіе изъ-за каждой копѣйки, усчитыванье кухарки, ссоры съ мужемъ—учителемъ, служащимъ изъ-за хлѣба, болѣзни и крики дѣтей, ежесекундная борьба изъ-за мелочей, изъ пустяковъ... И такъ изо дня въ день, до самой смерти. Что же ей замѣнитъ тѣ неземно-счастливыя минуты, которыя она переживаетъ здѣсь? И я невольно сказала доктору:

— Зачѣмъ вы лѣчите ее?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Очевидно, принялъ мои слова за шутку.

Но я не шутила. Я видѣла предъ собою счастливую женщину (чего еще никогда не видала) и мнѣ жалко было, что прилагаются всѣ усилія для излѣченія ея отъ этого счастья...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣла на сценѣ одну изъ пьесъ д'Аннунціо. Красавица актриса играла сумасшедшую. Она была одѣта въ свѣтло-зеленое платье и ходила по сценѣ съ ясной, блуждающей улыбкой. Сначала публика ничего не понимала. Потомъ выяснилось, что эта сумасшедшая въ своемъ зеленомъ платьѣ бродитъ по лѣсу, ложится подъ деревья, сливается съ травой и слушаетъ ея тайны... Она слышитъ серебристый звонъ... Это тысячи колокольчиковъ ландышей звенятъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка и она счастлива, что слышитъ ихъ...

И когда ея близкіе говорятъ о ней, какъ о несчастной, докторъ отвѣчаетъ имъ:

„Кто знаетъ? Можетъ быть, она живетъ и болѣе глубокой

и болѣе широкой жизнью, чѣмъ наша — маленькая, ограниченная жизнь... Мы не знаемъ, какимъ законамъ подчинена ея жизнь...

И когда его спросили:

— А если она прозрѣетъ?

Докторъ отвѣтилъ:

— Можетъ быть, ей будетъ тогда невозможно существовать дальше. Можетъ быть, жизнь станетъ невыносимой для нея.

Прозрѣть! Что можетъ быть ужаснѣе этого? Видѣть постоянно передъ собой осколки своего счастья, своей вѣры... Не радоваться ни вниманію, ни участью любимаго человѣка, не вѣрить ничему тому, чему такъ мучительно хочется вѣрить... Викторъ ласкаетъ дѣтей, а я вижу, какъ онъ точно также ласкаетъ *того* ребенка, онъ заботится о моемъ здоровьи, а мнѣ кажется, что онъ ждетъ моей смерти... И чѣмъ горячѣе ласка—тѣмъ острѣе мое страданіе. Прежде каждое его участливое слово давало мнѣ радость, каждая милая шутка—веселье... Теперь во мнѣ постоянно клокочутъ слезы, злобное горе и жалость къ себѣ, къ моей разбитой вѣрѣ.

Нѣтъ, нѣтъ; жестоко открывать глаза заблуждающимся, жестоко говорить счастливому человѣку:

— Ты думаешь, что счастливъ? Такъ смотри же, какъ ты ошибаешся, какъ обманутъ; взгляни: вотъ она правда! Прозри и убѣдись и ужаснись, какъ ты несчастенъ!

Вѣдь это безчеловѣчно! Послѣ этого жизнь становится невыносимой, а правда ненавистной.

В. Ч.

Р. С. Не забывайте меня слишкомъ скоро въ вашемъ душевномъ затишьи. Вы пишете, что точно все ушло куда-то далеко... Я предсказывала, что это случится, но не думала, что такъ скоро...

X.

Турьи Горы, 18 декабря.

Мой бѣдный, мой дорогой другъ!

Вы очень несчастны. Я смутно угадывалъ это, но никогда не думалъ, что вы такъ страдаете...

Я какъ то, скорѣе шутя, чѣмъ серьезно, сказалъ:

— Ваша школа—запой вашъ... Точно вы хотите забыться и забыть что то...

Я не зналъ, какую правду сказалъ тогда. Меня просто изумляло, какъ вы работаете нервно и безъ отдыха, какъ боитесь остаться одна, какъ набиваете чисто-внѣшнимъ образомъ вашъ день, вашу жизнь тысячами впечатлѣній. Надо желать бѣжать отъ себя, чтобы жить такъ!

Мое душевное затишье, о которомъ вы говорите съ ироніей—безконечное сѣрое небо: бури не жду, но и солнца не вижу. Иногда неудержимо захочется солнца; тогда я укладываю чемоданъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ... Вначалѣ это было со мной часто, теперь является все рѣже и рѣже: вспомню тѣ рамки, въ которыя я долженъ былъ бы вдвинуть себя, свои желанія, свои слова, всю свою душу, и остаюсь. Здѣсь—рамокъ никакихъ; нѣтъ даже ни сегодня, ни завтра...

С. Р.

Отчего ни слова о своемъ здоровьи? Здоровы ли вы?

XI.

21 декабря, Петербургъ.

Я здорова, дорогой Сергѣй Ильичъ, должно быть здорова, потому что не замѣчаю моего здоровья. И попрежнему—какъ вы говорите—бѣгу отъ себя. Да, именно, бѣгу; это вы хорошо сказали. Когда не хочешь слышать чьего-нибудь голоса—стараешься шумѣть какъ можно больше... Я шумлю, хлопочу, бѣгу... Кругомъ меня суетятся маленькіе люди съ маленькими волненіями, но ихъ такъ много и они такъ шумятъ, что заглушаютъ голосъ моей совѣсти.. Я топчусь, какъ бѣлка въ колесѣ, вѣроятно, все на одномъ мѣстѣ, но мнѣ кажется, что я стремлюсь къ чему-то и иду куда-то. И мнѣ некогда скучать, некогда прислушиваться къ себѣ, некогда плакать...

Неужели вы остаетесь въ деревнѣ? Значитъ, я васъ долго не увижу? Мнѣ это больно.

Хоть пишите мнѣ часто и много.

В. Ч.

XII.

Турьи Горы, 24 декабря.

Да, я рѣшилъ остаться здѣсь, мой дорогой другъ, и съ радостью буду переписываться съ вами и часто, и много. Не знаю только, займутъ ли васъ мои письма. Моя здѣшняя жизнь такъ далека ото всего, что васъ занимаетъ и окружаетъ. Вотъ теперь—праздники, вы, навѣрное, заняты по горло: елка для Вити и Вовы, елка для пріютскихъ дѣтей, подарки... А рядомъ съ этимъ: отчетъ къ запоздавшему общему собранію, послѣдняя новая книга, засѣданія въ десяти разныхъ комитетахъ... Вздохнуть некогда!

Здѣсь—кругомъ все точно въ ватѣ, въ бѣлой пушистой ватѣ: земля, деревья, домъ, люди,—все тепло закутано ею. Тропинка

въ саду, ведущая на кладбище, идетъ между двумя бѣлыми стѣнами почти въ мой ростъ вышиною, старыя сосны стоятъ всѣ косматыя отъ своей сѣдой гривы, домъ, длинный сѣрый домъ, точно увязъ по поясъ въ снѣгу.

Вчера я вышелъ на крыльцо флигеля. Было девять часовъ утра. Солнце, еще не высокое, свѣтило ласково и весело; на нѣжно голубомъ небѣ толпились легкія облака. Пахло свѣжимъ снѣгомъ. И ни звука, ни одного звука. Точно жизнь отлетѣла куда-то.

Я рѣшилъ остаться здѣсь на долго и велѣлъ открыть большой домъ...

Вчера же я и перебрался въ него, т. е. собственно въ двѣ протопленныя комнаты. Но я обошелъ весь домъ. И вдругъ въ немъ на меня пахнуло, вмѣстѣ съ сыростью нежилыхъ комнатъ, тѣмъ особымъ запахомъ, какимъ наполнены всегда помѣщичьи дома: смѣсь лавандовой воды съ кислой капустой.

И этотъ запахъ сразу перенесъ меня за много, много лѣтъ назадъ, и я, не отдавая себя отчета, прежде всего пошелъ въ мезонинъ, гдѣ была когда-то наша съ Лелей дѣтская. Она осталась почти такой же, какой была лѣтъ тридцать, тридцать пять тому назадъ. Только тогда она мнѣ казалась очень большой и высокой, а теперь точно съежилась, сузилась и стала ниже. Мебели нѣтъ, только въ углу стоитъ громадное кресло, обитое глянцевитымъ ситцемъ. И вдругъ мнѣ вспомнилась одна моя болѣзнь (мнѣ тогда было лѣтъ восемь), когда я горѣлъ, какъ въ огнѣ, а возлѣ моей постели, въ этомъ самомъ креслѣ, по ночамъ дремала моя мать. Глянцевитый ситецъ на креслѣ былъ для меня цѣлой сказкой: темный листъ, склонившійся надъ краснымъ цвѣткомъ, казался мнѣ туркомъ въ чалмѣ, согнувшимся надъ дѣвочкой въ красной шапочкѣ. Изъ этого въ моей разгоряченной головѣ складывались цѣлыя исторіи... И теперь, черезъ столько лѣтъ—все это всплыло въ мозгу съ такой ясностью, что я могу возстановить всѣ мои тогдашнія впечатлѣнія. Я, какъ сейчасъ, вижу около себя: мать, красивую и кроткую, болѣзненнаго и добраго отца, сестру Лелю—бойкую и умную дѣвочку, и бабушку Марью Ивановну. Всѣ они собрались около моей постели, такъ какъ докторъ сказалъ, что произошелъ кризисъ и опасность миновала. Они всѣ смотрѣли на меня такими добрыми, счастливыми глазами, что я чувствовалъ, какъ они любятъ меня, и самъ любилъ себя въ эти минуты. И помню, какая неудержимая радость жизни, какое трепетное чувство любви ко всѣмъ этимъ милымъ любящимъ меня людямъ наполняли меня. Хотѣлось вскочить и перецѣловать всѣхъ. Но я едва могъ шевелиться и только смотрѣлъ

на всѣхъ и улыбался. И всѣ улыбались, глядя на меня. Жизнь казалась такой радостной, такой желанной для всѣхъ.

Сестра Леля скакала по комнатѣ и размахивала руками, изображая птицу, пока отецъ не усадилъ ее къ себѣ на колѣни и не зажалъ ея рукъ своими костлявыми, но сильными руками. Мама стояла на колѣняхъ у моей подушки и тихо плакала счастливыми слезами. Меньше всѣхъ радовалась бабушка, хотя она очень любила меня. Да вѣдь старики не умѣютъ ни очень горевать, ни очень радоваться! Но и бабушка тогда была особенно оживлена, и бѣлая наколка на ея головѣ трепетала при каждомъ поворотѣ шеи. Отецъ приставалъ къ ней съ шутками; она на этотъ разъ добродушно отвѣчала на нихъ, а Леля, сидя на колѣняхъ у отца и болтая ногами, громко хохотала, широко раскрывая ротъ. И вся комната точно смѣялась вмѣстѣ съ Лелей...

Теперь и мать, и бабушка, и отецъ, и Леля спятъ здѣсь же, рядомъ, у церкви, а я еще живой, но... не только безъ радости жизни, но и безъ всякой надежды на эту радость. Жизнь представляется мнѣ узкой тропинкой, протоптанной между двумя холодными стѣнами изъ снѣжныхъ сугробовъ и ведущей къ кладбищу. А *тамъ* что? Не знаю!

Я просидѣлъ въ мезонинѣ очень долго. Жаль было разставаться съ тѣмъ дѣтскимъ чувствомъ, которое я могъ, хоть не надолго, возстановить въ моей душѣ.

Когда я сошелъ внизъ—солнце уже заходило, и его красные лучи освѣщали комнаты неровными пятнами. Первая, большая зала съ аркой стоитъ совсѣмъ пустая. Куда дѣлась вся мебель—не знаю, не помню. Шаги гулко раздаются въ ней. Я скорѣе прошелъ въ гостиную,—въ ней все на своемъ мѣстѣ, все какъ было и двадцать, и тридцать лѣтъ тому назадъ: грузныя кресла краснаго дерева съ высокими выгнутыми спинками и твердыми сидѣньями, безъ пружинъ, обитыми зеленомъ репсомъ; длинный, узкій диванъ, овальный столъ передъ нимъ. По боковой стѣнѣ—козетка въ видѣ буквы S и замысловатый рабочій столикъ съ мѣшкомъ изъ зеленаго репса. Трельяжи безъ зелени и экранъ съ вышитымъ по канвѣ грекомъ... Все это забытое, запыленое, точно заснувшее. Я чувствовалъ, что мнѣ неловко идти громко, и пошелъ дальше, едва ступая. Столовая съ ея раздвинутымъ круглымъ столомъ, уродливымъ шкафомъ, вылѣзающимъ чуть не на полкомнаты, и съ горкой для серебра тоже точно заснула въ пыли.

Я прошелъ въ комнату матери. Темныя сторы спущены; я поднялъ ихъ; солнце только однимъ краемъ оставалось на землѣ, комната на минуту засвѣтилась золотисто-краснымъ свѣтомъ. Я оглядывалъ ее съ волненіемъ и любовью, мнѣ

хотѣлось найти хоть въ чемъ-нибудь присутствіе той души, которая столько лѣтъ жила здѣсь, любила, радовалась, плакала, страдала. Нѣтъ! Ничего нѣтъ! Большая деревянная кровать съ рѣзными спинками, ширмы, обтянутыя англійскимъ ситцемъ, туалетъ, маленькія кресла со спинками—корытомъ... Солнце сѣло, и вся комната опять потухла, стала опять холодная, безжизненная, мертвая.

Въ кабинетѣ отца—та же смерть. Его письменный столъ—бюро, за которымъ онъ сидѣлъ по утрамъ и разговаривалъ съ приказчикомъ—сдвинутъ къ стѣнѣ. Мнѣ вспомнилось, какъ нервничалъ отецъ при этихъ докладахъ, какъ раздраженно останавливалъ приказчика на полсловѣ, и перо прыгало въ его дрожащей рукѣ.

Отецъ былъ контуженъ въ голову при усмиреніи польскаго возстанія, долженъ былъ выйти въ отставку и поселился въ деревнѣ. И головныя боли, и вынужденное бездѣйствіе тяготили его, онъ былъ постоянно или грустный, или раздраженный, и это тяжкимъ гнетомъ лежало на матери. Она обожала его и вся ея жизнь была наполнена тѣмъ, чтобы успокоить, не разсердить, угодить... Намъ съ Лелей это было непріятно и безсознательно возмущало насъ, хотя мы любили отца.

Имѣніе принадлежало матери, но все управленіе имъ было въ рукахъ отца и онъ ревниво относился къ своему дѣлу, но хозяйничать не умѣлъ, увлекался, заводилъ какія-то нововведенія, ему все портили, и онъ постоянно разстраивался. Поэтому разговоры съ приказчикомъ были самыми страшными минутами въ жизни матери, и она ходила сама не своя у дверей кабинета. Иногда она говорила мнѣ:

— Сережа! Пойди къ папѣ, спроси его...

И она выдумывала какой-нибудь вопросъ. Я не понималъ, что она хотѣла перемѣнить его настроеніе моимъ приходомъ, и удивлялся ея „приставанью“ къ папѣ.

Помню, разъ она вбѣжала ко мнѣ блѣдная и особенно встревоженная, и прямо сказала:

— Сережа! Иди скорѣе въ кабинетъ.

Я не спросилъ, въ чемъ дѣло, и побѣжалъ къ отцу. Уже издали звенѣлъ его высокій, прерывающійся голосъ. Я отворилъ дверь и увидалъ бѣлую костлявую руку отца съ блеснувшимъ на ней обручальнымъ кольцомъ и услыхалъ звукъ пощечины. Сначала я ничего не понялъ. Отецъ стоялъ спиной ко мнѣ, а за нимъ, весь съежившись и виновато смотря на него, стоялъ старшій конюхъ Дормидонтъ—мой другъ по конному двору. Приказчикъ Ермолаичъ стоялъ тутъ-же...

Я никогда не забуду этого, но не забуду и слезъ отца,

не забуду, какъ онъ просилъ меня простить его... Я простилъ, а Леля не простила и много позже вспомнила про это...

Послѣ случая съ Дормидонтомъ, я самъ почти не выходилъ изъ кабинета отца по утрамъ. Онъ иногда доходилъ до крайняго раздраженія, но сдерживалъ голосъ, и только рука, сжимавшая перо, нервно стукала по столу. И до сихъ поръ на облупленной клеенкѣ стола видны чернильныя пятна. Пятна сохранились, а того, что было пережито, перечувствовано и выстрадано здѣсь—нѣтъ и слѣда.

Я пошелъ дальше. Буфетная, три проходныхъ комнаты, большая дѣвичья и людскія. Съ этой стороны домъ кончается выходомъ на крытую галлерею, ведущую въ кухню.

Съ другой стороны — отдѣленіе бабушки и комнаты для пріѣзжихъ,—въ нихъ прежде жила Леля, а потомъ я съ женой... Мнѣ было больно идти туда...

Исторію Лели вы знаете... Тотъ старинный крестъ, который вы повѣсили на раму ея портрета—такъ и остался на ней. Да! Она сама возложила на себя тяжкій крестъ, всю свою жизнь несла его и упала подъ нимъ...

Она уѣхала отсюда, изъ Турьихъ Горъ, восемнадцати лѣтъ и вернулась сюда черезъ пятнадцать — въ гробу. Я привезъ ее сюда; мнѣ хотѣлось хоть внѣшней близостью примирить мать съ Лелей. Но мнѣ не удалось это. Мать до самой смерти не простила ей.

— Сгубила себя, опозорила семью, убила отца...

Вотъ что она повторяла каждый разъ, когда ей начинали говорить о дочери. Она была убѣждена, что судьба Лели такъ повліяла на отца, что онъ слегъ. Онъ не вставалъ лѣтъ пять, мать была его сидѣлкой и ревниво оберегала его отъ малѣйшихъ волненій и непріятныхъ впечатлѣній. Поэтому имя сестры не произносилось въ домѣ...

Вчера я вспомнилъ все это. Вспомнилъ, какъ пріѣзжалъ сюда на каникулы гимназистомъ, а потомъ студентомъ; какъ жизнь здѣсь становилась все тусклѣе и тѣснѣе, пока не замкнулась въ маленькій кружокъ *своихъ* цѣлей, мыслей, интересовъ. Понятно, что, когда я окончилъ курсъ и захотѣлъ работать дальше—меня не потянуло сюда. Затѣмъ—поѣздка за границу, диссертація, каѳедра, медовые мѣсяцы успѣха и общенія съ молодежью... Три года я не былъ въ Турьихъ Горахъ. Въ это время умеръ отецъ.

Когда я пріѣхалъ опять въ деревню—я едва узналъ мать: изъ красивой стройной женщины она стала высохшей старухой и точно осѣла вся и нравственно, и физически: стала маленькая, тусклая. Всю жизнь она жила любовью къ мужу,—съ его смертью точно все умерло въ ней. Она уже не плакала больше, а какъ-то особенно больно вздыхала.

Когда я получилъ извѣстіе о смерти отца, я бросился къ мамѣ, съ тѣмъ, чтобы пожить съ ней, немного успокоить и разсѣять ее. Мнѣ издали казалось, что она такъ убита своей потерей, что у меня нѣтъ ни темъ, ни словъ для разговоровъ съ нею. Я захватилъ съ собою книги, которыя могли бы ее занять, обдумалъ то, что и какъ я буду говорить съ нею... Но, увидя ее, я увидалъ, что жизнь сама давала ей и темы, и слова... Она жила вдвоемъ съ бабушкой и онѣ казались сестрами; онѣ никогда не ладили другъ съ другомъ, матери казалось всегда, что бабушка недостаточно цѣнитъ и любитъ зятя, и онѣ часто ссорились даже при насъ, дѣтяхъ...

Теперь онѣ тоже все время спорили, но уже не ссорились... Столкновенія выходили изъ-за мелочей, эти мелочи составляли всю ихъ жизнь. Она шла тягуче и однообразно, какъ тиканье часовъ. Въ первый день мнѣ показались просто забавными ихъ пререканія на счетъ засахарившагося варенья и закованной лошади... Но очень скоро это стало невыносимо: однѣ и тѣ же темы, даже одни и тѣ же слова, сидѣнье въ одномъ и томъ же углу одной комнаты, одни и тѣ же жалобы и вздохи—доводили меня до тяжкаго унынія.

Я долго не рѣшался заговорить о послѣднихъ минутахъ отца. Мать первая стала разсказывать мнѣ, какъ онъ сознательно умиралъ, какъ сдѣлалъ распоряженіе въ какомъ сюртукѣ похоронить себя, что̀ и кому отдать послѣ его смерти изъ его вещей...

— А что онъ сказалъ о Лелѣ?—не могъ не спросить я.

— Онъ зналъ, что я не люблю говорить о ней.

— И неужели не вспомнилъ? Вѣдь она была его любимицей...

— Можетъ быть, и вспомнилъ, но ничего не сказалъ...

— А ты?!

Мать не отвѣтила, только больно вздохнула. Разговоръ на этомъ и оборвался.

Потомъ она часто говорила объ отцѣ. Но ея разсказы вертѣлись на разныхъ подробностяхъ, на томъ, что̀ отецъ любилъ ѣсть, какъ заботился объ улучшеніи имѣнія, какъ еще наканунѣ смерти позвалъ приказчика и далъ всѣ распоряженія о посѣвѣ ярового.

Вмѣсто трехъ недѣль я прожилъ въ Турьихъ Горахъ десять дней, и то съ большими усиліями; я сказалъ матери, что меня вызываютъ въ Петербургъ, она не стала удерживать меня и даже не спросила, зачѣмъ меня вызываютъ. Когда бабушка, шутя, замѣтила:

— И все ты, батюшка, врешь... Соскучился просто съ нами, старухами, здѣсь...

Мама точно испугалась, что я останусь, и сказала строго

— Какіе вы пустяки, мамаша, говорите...

Прощаясь, обѣ онѣ раплакались: бабушка всхлипывала по дѣтски—искренно, мама вытирала глаза, точно стыдясь своей печали.

— Что это я? Казалось ужъ нѣтъ больше слезъ, всѣ выплакала... А еще нашлись,—стараясь шутить, сказала она.

Но шутка не удалась. И мнѣ, и ей было ясно, что послѣдняя ниточка между нами оборвалась. Она даже не позвала меня опять въ деревню, я не сказалъ ей „до свиданья“.

Она писала мнѣ рѣдко и коротко, и все обижалась: обижалась на то, что я только „увѣдомляю о себѣ“, обижалась на мое равнодушіе къ хозяйству, такъ трудно доставшемуся покойному отцу.

Мой уходъ изъ университета былъ для нея новой обидой. Она жалѣла себя, писала, что ея лучшія чувства оскорблены, просила меня бросить идеи сестры Елены, быть вѣрнымъ слугою своего отечества и достойнымъ сыномъ Ильи Дмитріевича Ряполовскаго...

Вскорѣ я уѣхалъ за границу, носился по свѣту со своей тоской...

Больше я не видалъ мать. Она умерла черезъ три года послѣ смерти отца, умерла внезапно. Бабушка похоронила ее и написала по моему петербургскому адресу письмо, гдѣ увѣдомляла меня довольно спокойно и обстоятельно о кончннѣ матери. Письмо пропутешествовало за мной чуть не мѣсяцъ. Я разсудилъ, что ѣхать домой въ деревню не было смысла: мать была уже въ могилѣ. И я остался за границей... Вскорѣ я встрѣтился съ Анной—моей будущей женой...

Когда я былъ женихомъ, почти наканунѣ свадьбы, пришло извѣстіе о кончинѣ бабушки. Я весь былъ поглощенъ моимъ счастьемъ, моими радостными заботами, и къ новой могилѣ тамъ, далеко, на родинѣ—отнесся совершенно спокойно и холодно. Потомъ женитьба, потомъ...

Нѣтъ! Не могу объ этомъ... Могу говорить о мертвыхъ, о живомъ горѣ говорить не въ силахъ. Могила съ ея неизбѣжностью и тайной—примиряетъ и даетъ какое-то высшее успокоеніе. Смерть стираетъ все мелкое и темное и оставляетъ лишь вѣчное. А жизнь съ ея пошлостью и грязными подробностями возмущаетъ и злитъ... Лучше не думать, не помнить...

А вы что, моя дорогая? Все хлопочете, все волнуетесь, все торопитесь? Отдохните вы, успокойтесь, оглянитесь. Нельзя существовать съ девизомъ „некогда“... Нельзя не оставить ни кусочка для себя.

Хотѣлось бы написать вамъ нѣсколько словъ особенныхъ—да не смѣю! С. Р.

XIV.

27 декабря, Петербургъ.

Мнѣ некогда думать о себѣ и это нехорошо. У васъ слишкомъ много времени для думъ и это, кажется,—тоже не совсѣмъ хорошо? Вы точно боитесь этихъ думъ, не желаете тяжелыхъ минутъ. Это чисто мужская черта. Мы—женщины—любимъ переживать грусть, даже горе; любимъ плакать надъ книгой, въ театрѣ, любимъ перебирать и собственныя несчастья и оплакивать ихъ. Вы такъ оберегаете вашъ душевный комфортъ, что боитесь нарушить его, хотя бы на минуту, „ненужными“ мученіями. Только этимъ я и объясняю, что вы—бывая у меня чуть не каждый день—ни разу не захотѣли говорить со мной о вашей женитьбѣ.

Вы написали мнѣ какъ-то, что шли ко мнѣ со всѣмъ, что было у васъ на сердцѣ и въ головѣ, но почему же вы никогда не хотѣли говорить со мной о вашей женѣ? Я нѣсколько разъ пробовала заговаривать съ вами о ней—вы молчали... Почему? Если вамъ больно говорить объ этомъ—не отвѣчайте, но позвольте мнѣ написать вамъ то, что мнѣ давно хочется сказать вамъ.

Когда я увидала васъ въ первый разъ у Чуваевыхъ, мнѣ сказали:

— Вотъ Ряполовскій.

Къ стыду моему, ваше имя мнѣ не сказало ничего.

— Какъ-же? Неужели вы не помните? Его уходъ изъ университета надѣлалъ не мало шуму... Онъ только на дняхъ вернулся изъ-за границы.

— Онъ знаменитъ еще тѣмъ, что былъ женатъ ровно шесть недѣль. Точно отбылъ болѣзненный срокъ,—прибавила хозяйка дома, думая, что для меня это интереснѣе, чѣмъ оставленіе каѳедры. И я, дѣйствительно, заинтересовалась вами. Вы мнѣ показались несчастнымъ и очень молодымъ, не смотря на сѣдые волосы.

— Онъ овдовѣлъ?—спросила я.

— Нѣтъ... Его жена уѣхала отъ него какъ-то странно, обманомъ... Разсказывали, что она принуждена была бѣжать... Но въ семейныхъ дѣлахъ трудно судить, кто правъ, кто виноватъ...

Я еще разъ посмотрѣла на васъ и... не повѣрила этому разсказу. Съ такими глазами, съ такой головой—не вяжется представленіе о грубомъ обращеніи съ женщиной. Я просила представить васъ мнѣ. Я видѣла, какъ неохотно вы подошли ко мнѣ, хозяйка дома чуть не насильно подвела

васъ. Но, вспомните—уже къ ужину мы были точно старые знакомые. И я до сихъ поръ помню весь нашъ разговоръ отъ начала до конца, хотя этому уже болѣе двухъ лѣтъ.

На другой же день вы пріѣхали ко мнѣ и очень скоро мы стали почти друзьями. Мы говорили безъ конца и обо всемъ, но только не о томъ, что больше всего интересовало меня. И когда вы въ первый разъ сказали мнѣ о вашей любви, я—какъ почти всѣ женщины въ подобныхъ случаяхъ—спросила васъ:

— Въ который разъ вы это говорите?

Вы сразу не поняли.

— Сколькимъ женщинамъ вы это уже говорили?

— *Такъ* еще никому не говорилъ, потому что никого не любилъ такъ, какъ люблю васъ.

И я безтактно и жестоко спросила:

— И жену?

Вы поблѣднѣли и сказали:

— Развѣ это была любовь?

Я не поняла, что вы хотѣли сказать, но уже никогда не рѣшалась говорить съ вами о вашемъ горѣ. Да, я поняла тогда, какое страшное горе живетъ въ васъ... И неужели до сихъ поръ? Тѣмъ болѣе мнѣ грустно не знать: что же значатъ эти шесть недѣль? Въ послѣдній годъ, когда мои друзья и знакомые видѣли, какъ вы дороги мнѣ—я наслушалась всевозможныхъ варіацій на тему о вашей женитьбѣ. Но я ничему не вѣрила. Я хочу знать истину отъ васъ самого. У меня есть такое убѣжденіе: мужчина узнается по его отношенію къ женщинѣ; и я не вѣрю, не могу вѣрить, чтобы вы могли быть грубы и жестоки съ женой. Это клевета, этого не можетъ быть...

Повторяю: если вамъ больно говорить объ этомъ—не говорите.

В. Ч.

XV.

Турьи Горы, 30 декабря.

Не больно мнѣ, а стыдно говорить съ вами обо всемъ этомъ... Но я не хочу ничего таить отъ васъ. Вы пишете, что слыхали разныя варіяціи о моей злосчастной женитьбѣ. Воображаю, чего наговорили вамъ! Мнѣ передавали, что разсказываютъ, какъ я увезъ мою жену въ деревню и заперъ, буквально заперъ ее на замокъ въ холодномъ домѣ. Понятно, что она сбѣжала. Передавали мнѣ и другія нелѣпости. Но вы должны знать правду. И я разскажу ее вамъ. Долженъ предупредить васъ, что исторія довольно пошлая.

Когда мнѣ пришлось оставить университетъ, я совсѣмъ былъ выбитъ изъ колеи... Мѣста себѣ не находилъ нигдѣ. Точно похоронилъ кого-то. Поѣхалъ за-границу, шлялся повсюду безцѣльно и болѣзненно-тревожно. Мѣнялъ постоянно города, знакомился и съ мужчинами и съ женщинами, искалъ людей и бѣжалъ отъ нихъ. Совсѣмъ не зналъ, куда дѣть себя. Въ такомъ настроеніи я познакомился съ двумя пожилыми русскими дамами. Мы ѣхали изъ Флоренціи въ одномъ вагонѣ, онѣ направлялись въ Ниццу, а я самъ не зналъ куда. Мы разговорились, нашлись, конечно, общіе знакомые. Дамы разсказали мнѣ, что онѣ сестры, одна изъ нихъ—вдова, Вѣра Михайловна Крысинская, помѣщица, южанка. Сестра ея—Софья Михайловна. Обѣимъ имъ было лѣтъ подъ пятьдесятъ и онѣ путешествовали по Европѣ вдвоемъ, свободныя, спокойныя и довольныя. Видно было, что онѣ наслаждались своей свободой, здоровьемъ и любили всѣхъ и вся. Меня онѣ такъ обласкали, что я рѣшилъ не останавливаться въ Генуѣ, а тоже ѣхать въ Ниццу. Сезонъ уже окончился, окончилась и та сутолока, которая бываетъ тамъ зимою. Это плѣнило меня, и я основался въ томъ же отелѣ, гдѣ остановились и мои спутницы. Онѣ съ необыкновеннымъ радушіемъ относились ко мнѣ, окружали меня вниманіемъ и лаской. И уже черезъ недѣлю мы были точно старые, старые знакомые...

У нихъ-то я и познакомился съ Анной.

Я пришелъ къ нимъ, какъ и въ другіе вечера,—пить чай, русскій Поповскій чай. Вѣра Михайловна сказала мнѣ, шутя:

— А мы такъ много наговорили о васъ, что васъ смотрѣть придутъ сегодня.

Я еще не понялъ, въ чемъ дѣло, какъ раздался стукъ въ дверь. Чей-то молодой, ясный голосъ спросилъ:

— Можно?

И въ комнату вошла красавица-дѣвушка, высокая, гибкая, съ мягкими движеніями, съ наивными, широко-раскрытыми глазами. Я былъ пораженъ. Она въ своемъ свѣтломъ платьѣ, въ шляпѣ, засыпанной розами, точно принесла весну въ нашу сѣрую комнату.

— Нюся! Легка на поминѣ!—сказала одна изъ хозяекъ. Только что о тебѣ говорили...

И тутъ я ничего не понялъ. Да и она, казалось, не понимала, она изумленно посмотрѣла на меня, точно не ожидала меня видѣть, сконфузилась и все время была сдержанна и молчалива.

Она посидѣла не долго, сказала, что мама не любитъ, когда она отсутствуетъ больше часу, и ушла.

— Бѣдная дѣвочка!—сказала Софья Михайловна.—Должна быть сидѣлкой этой malade imaginaire.

Она разсказала мнѣ, что мать Нюси—Анна Васильевна Муравина, тоже помѣщица вдова, старая ихъ пріятельница. Она вѣчно больна, постоянно лѣчится, переѣзжаетъ изъ курорта въ курортъ въ погонѣ за хорошимъ климатомъ, а дочь должна сидѣть подлѣ нея и читать ей французскіе романы.

— Еще жалуется на Нюсю, что ее долго въ Ниццѣ держитъ. Сезонъ оконченъ, тоска, ей пора уже ѣхать въ другой курортъ, а дочь хочетъ въ Ниццѣ оставаться.

— Нюся справедливо говоритъ, что Аннѣ Васильевнѣ прежде всего нужно спокойствіе и хорошій воздухъ. Гдѣ же это лучше, чѣмъ въ Ниццѣ весной? Ей самой, бѣдной, не весело теперь здѣсь, она приноситъ жертву матери, а та не цѣнитъ...

И мнѣ стало жалко это хрупкое, нѣжное созданіе, приносящее себя въ жертву эгоисткѣ-старухѣ. Когда я увидалъ ее съ матерью на другой день на Promenade des Anglais—она была уже близка мнѣ, а мать почти ненавистна. Вечеромъ я почему-то ожидалъ ее встрѣтить у Вѣры Михайловны. Но она не пришла. На другой день я тоже напрасно прождалъ ее; это начало меня злить, утромъ я ходилъ гулять, но не встрѣчалъ ее.

Наконецъ, она пришла. Я былъ почему-то въ духѣ, мы болтали, смѣялись и разстались какъ добрые, старые знакомые. Мнѣ особенно понравилась ея манера стыдливо опускать глаза; и смѣялась она какъ-то конфузливо и сдержанно. И это мнѣ было очень пріятно.

Она стала приходить къ Вѣрѣ Михайловнѣ каждый вечеръ, но всегда не надолго,—всегда торопилась къ больной матери. Ея ранніе уходы, въ самый разгаръ бесѣды, и раздражали, и заставляли желать ея присутствія, и ждать ее на другой вечеръ. И цѣлый день я ждалъ этого вечера, самъ не отдавая себѣ отчета, что собственно влечетъ меня къ этой дѣвушкѣ.

Вѣра Михайловна и ея сестра часто оставляли насъ вдвоемъ, но Анна была всегда конфузлива, сдержанна, и, не смотря на кокетство, точно не замѣчала меня.

Разъ она пришла необыкновенно оживленная и особенно весело одѣтая: вся въ красномъ. Ея приходъ точно разбудилъ всѣхъ насъ, всѣ заговорили, зашумѣли, засмѣялись. (Неужели это только казалось мнѣ? Неужели это во мнѣ самомъ все смѣялось тогда?) Анна тоже, повидимому, веселилась съ нами. Но вдругъ посмотрѣла быстрымъ, едва замѣтнымъ взглядомъ на часы, и стала прощаться. Мы начали ее уговаривать остаться.

— Долгъ выше всего!—строго сказала она.

Я попросилъ позволенія проводить ее. Она также строго и серьезно сказала мнѣ:

— Меня никогда никто не провожаетъ.

Когда она ушла, все померкло кругомъ, не о чемъ стало разговаривать, нечему смѣяться. Я тоже сейчасъ же ушелъ отъ моихъ милыхъ старушекъ.

Былъ тихій апрѣльскій вечеръ. Ницца вся дышала душистымъ тепломъ и нѣгой. Улицы были совершенно пусты. Я пошелъ въ Cimiez, въ горы, и между живыхъ стѣнъ лиловыхъ глициній мнѣ было особенно уютно и отрадно. Давно я не чувствовалъ себя такимъ молодымъ, бодрымъ, давно уже я такъ не любилъ жизнь. Я думалъ не объ Аннѣ, а о чемъ-то очень хорошемъ, свѣтломъ, яркомъ... Но все это было переплетено съ ней, съ ея голосомъ, съ ея милымъ, сдержанннымъ смѣхомъ. И мнѣ хотѣлось смѣяться...

И вотъ, точно сейчасъ у меня передъ глазами: одноконная каретка со спущенными на половину сторами. Я невольно взглянулъ въ нее. Въ нижнюю часть окна, незакрытую сторой, были видны двѣ фигуры: онъ—весь въ сѣромъ, она—вся въ красномъ. Этотъ красный цвѣтъ заставилъ меня вздрогнуть. Карета проѣхала и скрылась изъ виду, а я все стоялъ на мѣстѣ и смотрѣлъ. О чемъ я думалъ? Не знаю. Потомъ я тысячу разъ вспоминалъ эти минуты и не могъ возстановить моихъ тогдашнихъ думъ. Я, конечно, и мысли не допускалъ, что Анна Дмитріевна могла ѣхать со спущенными сторами, когда она сидѣла подлѣ больной матери. Но мнѣ было почему-то непріятно это красное платье. Я промаялся всю ночь и надъ всѣми моими чувствами преобладало чувство оскорбленія. Я былъ оскорбленъ за чистую и скромную Нюсю. И когда она пришла, на другой день къ „нашему чаю“, я сказалъ ей:

— А знаете: здѣсь у какой-то барыни есть точно такое же красное платье, какъ у васъ.

— Ихъ десятки здѣсь,— спокойно отвѣтила она.—Теперь это самый модный цвѣтъ... Надоѣло уже!

— Такъ вы не носите больше.

Она мило и удивленно улыбнулась, и сказала:

— Если вы хотите—не буду!

Я, конечно, очень скоро забылъ и объ этомъ платьѣ— она больше не надѣвала его—и о моей встрѣчѣ въ Cimiez.

Я сталъ бывать у Муравиныхъ, сначала рѣдко, потомъ все чаще и чаще. Дома Нюся была побойчѣе и самостоятельнѣе. Съ матерью у ней были недобрыя отношенія. Онѣ точно терпѣть не могли другъ друга. Нѣсколько разъ я слышалъ, какъ Анна Васильевна говорила дочери:

— Это все милое вліяніе господина Ломачева.

Анна не отвѣчала на эти слова и только разъ, выведенная изъ себя, сказала:

— Вы знаете, что я не вижусь съ нимъ... Я даже не имѣю понятія, гдѣ онъ.

И чувствуя, что мнѣ хочется знать, о комъ идетъ рѣчь— она сказала:

— Это одинъ нашъ знакомый... Уже не молодой... Семейный... Не любитъ его мамочка!

— За что?

Нюся звонко разсмѣялась и сказала:

— Сама не знаетъ!

Я взглянулъ на Анну Васильевну. Она молчала, крѣпко сжавъ губы, точно боялась не сдержать себя.

Скоро я увидалъ и самого господина Ломачева. Онъ шелъ съ Нюсей и что-то оживленно говорилъ ей. Она слушала его съ несвойственною ей озабоченностью, и отъ этого казалась старше, чѣмъ я привыкъ видѣть ее.

Я шелъ по другой сторонѣ улицы, и они не видѣли меня. Я такъ обрадовался, что встрѣтилъ Нюсю въ необычный для меня часъ, что, ни о чемъ не думая, перебѣжалъ улицу, чтобы пожать ея руку. Мнѣ показалось, что она тоже обрадовалась мнѣ, покраснѣла, смутилась, заговорила о чемъ-то быстро и путано, но скоро овладѣла собой и спокойно сказала:

— Вы развѣ незнакомы? Леонидъ Александровичъ Ломачевъ.

Меня она не назвала. Мы посмотрѣли другъ на друга, едва прикоснувшись къ шляпамъ. Она сказала еще нѣсколько ничего незначущихъ фразъ, подозвала фіакръ и уѣхала.

Мы съ Ломачевымъ разошлись въ разныя стороны, не сказавъ другъ другу ни слова. Его красивая сѣдая голова и изящная фигура въ свѣтломъ пальто весь день не выходили у меня изъ головы. Впрочемъ, скоро я совсѣмъ забылъ о немъ. Анна становилась со мной все милѣе и ласковѣе, приходила къ намъ въ отель каждый вечеръ, соглашалась иногда ѣздить съ нами за городъ и, вообще, скоро стала совсѣмъ „своя“.

Въ одну изъ прогулокъ, я простудился, схватилъ лихорадку и слегъ. Три дня я пролежалъ въ жару, и Анна съ ея ласковыми глазами и мягкими манерами и милымъ голосомъ—не выходила у меня изъ головы.

Когда она пришла ко мнѣ,—это было вечеромъ, въ концѣ третьяго дня,—я не повѣрилъ своему счастью, что вижу ее, самое, у меня... я не могъ сказать ни одного слова. Она тоже казалась взволнованной, была блѣдная, заплаканная.

— Анна Дмитріевна! Вамъ тяжело живется? — вырвалось у меня.

Она такъ искренно заплакала, что я самъ не помню, какъ схватилъ ее за обѣ руки, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ ее.

О чемъ я думалъ тогда? Неужели я могъ предположить, что мой поцѣлуй утѣшитъ ее? Не знаю. Вѣрнѣе, что я ни о чемъ не думалъ, а просто *мнѣ* было больно видѣть ее несчастной, для *меня* было счастьемъ взять ее за руки, поцѣловать ее... Тоже чувство толкнуло меня попросить ее выйдти за меня замужъ. Она согласилась не радостно, но охотно, съ тою же сдержанностью, которая меня такъ привлекала къ ней. Она точно ждала моего предложенія. И я принялъ это, какъ должное. Я не ждалъ отъ нея особенной радости и не думалъ о ней,—*моя* радость все покрыла собой.

Анна попросила меня „пока“ молчать о нашемъ рѣшеніи. Она съ матерью должна была ѣхать въ Парижъ, и мы условились съ ней, что и я пріѣду туда вслѣдъ за ними, и тамъ мы и обвѣнчаемся. Для меня эти подробности были безразличны, и я, конечно, согласился на все. Но мнѣ было непріятно играть комедію, лгать и обманывать такихъ добрыхъ людей, какъ Вѣра Михайловна и ея сестра. Онѣ такъ искренно желали этого брака и постоянно оставляли насъ съ Анной вдвоемъ. Нюся настаивала на прежнихъ отношеніяхъ: заходила каждый день, но ненадолго, не позволяла провожать себя, запретила мнѣ цѣловать себя...

Въ Парижѣ все пошло иначе. Нюся объявила мнѣ, что Анна Васильевна, послѣ бурной сцены, согласилась, что Анна уже не малолѣтняя, и можетъ отвѣчать за свои поступки сама. До тѣхъ поръ она держала ее на привязи. Теперь Нюся приходила ко мнѣ, въ отель и оставалась со мной почти весь день; мы завтракали, ѣздили по магазинамъ, что-то закупали, заказывали и только къ обѣду возвращались къ Аннѣ Васильевнѣ. Она не выказывала ни малѣйшаго недовольства, напротивъ, была очень ласкова со мной, сочувствовала мнѣ, что не надо никакихъ особыхъ приготовленій, и торопила свадьбу.

У меня тогда умерла бабушка. Но—какъ я вамъ уже писалъ—я весь былъ полонъ собой, своимъ счастьемъ, и смерть моей старушки принялъ легко и безсердечно. Анна была возмущена этимъ и объявила, что сейчасъ же послѣ свадьбы мы поѣдемъ въ Турьи Горы на могилы моихъ родныхъ. Она любила русскую деревню, давно была лишена ея — изъ-за болѣзни матери,—и не хотѣла проводить лѣто нигдѣ, кромѣ моего—нашего имѣнья.

И это меня несказанно радовало въ ней; моя будущая, семейная жизнь рисовалась мнѣ еще полнѣе и счастливѣе.

Свадьбу мы рѣшили сдѣлать совсѣмъ скромную. У Мурановыхъ не мало знакомыхъ въ Парижѣ, но Аннѣ не хотѣлось приглашать ихъ. Я вполнѣ сочувствовалъ ей. Но необходимо было позвать достаточное количество свидѣтелей. Мы стали перебирать знакомыхъ.

— Я, кажется, встрѣтилъ вчера Ломачева... Онъ въ Парижѣ?—спросилъ я.

Анна отвѣтила совершенно спокойно:

— Очень можетъ быть... Его жена каждую весну здѣсь туалеты заказываетъ.

Анна Васильевна закашлялась, захрипѣла и вышла изъ комнаты. Въ дверяхъ она сказала:

— Нюся! Приди ко мнѣ!

Анна, не торопясь, сложила модные журналы, лежавшіе передъ ней, и пошла въ комнату матери.

О чемъ онѣ говорили тамъ—не знаю. Да я и не придалъ никакого значенія этому, зная, какъ Нюсѣ много пришлось уже вынести отъ характера матери. Я только радовался, что всему этому я скоро положу конецъ, освобожу Анну отъ мученій. Но меня испугалъ ея взволнованный видъ, когда она, выйдя отъ матери, спросила меня:

— Слышали?

Я не успѣлъ еще отвѣтить, какъ она опять спросила:

— Слышали? Вѣдь совсѣмъ съ ума сошла!

— Я ничего не слышалъ... Что случилось?

Анна нервно разсмѣялась и сказала:

— Не стоитъ повторять! Глупости... Поѣдемте лучше за моими фотографіями, сегодня онѣ готовы...

— А какъ же насчетъ шаферовъ? Мы не рѣшили...

— Успѣемъ! Не хочется дома сидѣть... Разозлила меня она!

И Анна кивнула въ сторону матери. Меня это покоробило. Анна была плохо воспитана; винить ее за это, конечно, нельзя было, но я тутъ же рѣшилъ заняться ея воспитаніемъ...

Послѣднюю недѣлю передъ свадьбой мы видѣлись мало. Анна пропадала цѣлыми днями у портнихъ и въ магазинахъ, я терпѣливо выжидалъ...

Былъ конецъ іюня, когда мы пріѣхали сюда, въ родное гнѣздо. Поля уже зазолотились рожью, сѣнокосъ шелъ весело и дружно, воздухъ былъ до опьяненія напоенъ запахомъ свѣжаго сѣна, цвѣтущей ржи, тучнаго лѣса. Деревня встрѣтила насъ въ полномъ расцвѣтѣ своей русской красоты. Я былъ счастливъ, какъ ребенокъ, когда опять увидалъ Волгу, обрывъ къ ней, нашъ садъ, наши Турьи Горы! И какъ радостно ввелъ я мою красавицу жену въ этотъ домъ—гдѣ я теперь пишу вамъ одинокій—эти грустныя строки.

Здѣсь и произошло то, что кошмаромъ давитъ меня и будетъ давить всю жизнь...

Не могъ дописать вчера, забылъ всѣ слова, всѣ подходящія выраженія. Я думалъ, что рана уже совсѣмъ зарубцевалась... Нѣтъ, все еще больно дотрагиваться...

Какъ прошли эти полтора мѣсяца послѣ свадьбы—я не ясно помню. Поцѣлуи, поѣздки, прогулки по Волгѣ, опять поцѣлуи... Жена иногда скучала; я видѣлъ это и объяснялъ тѣмъ, что все для нея ново и она еще не привыкла къ моимъ ласкамъ, и вѣрилъ, что ея тоска скоро пройдетъ. Я не придавалъ ей никакого значенія, какъ вообще не придавалъ значенія ничему, кромѣ того, что наполняло меня самого: счастье любви, радость обладанія красавицей-женщиной, утонченно-изящной и загадочной...

Разъ (я какъ сейчасъ чувствую теплый августовскій вѣтерокъ) мы сидѣли съ Анной—какъ всегда послѣ обѣда—на скамейкѣ, надъ Волгой, которая течетъ подъ самымъ садомъ. Она глядѣла, по обыкновенію, куда-то вдаль, а я говорилъ ей о моихъ замыслахъ, о будущей работѣ, декламировалъ ей Некрасова (изъ котораго она только и признавала, что Волга—„рѣка рабства и тоски"), чуть не пѣлъ отъ довольства. Я и не замѣтилъ, какъ подали „почту". Жена взяла газеты и письма и стала читать одно изъ нихъ. Я случайно взглянулъ на нее: она была необычайно блѣдна и взволнована.

— Что случилось?—спросилъ я...

Она старалась быть спокойной и отвѣтила:

— Ничего... Что это тебѣ показалось?

Но я видѣлъ ясно, какъ тонкій синій листокъ письма трепеталъ въ ея рукѣ.

— Ради Бога скажи, что случилось?

Анна вскочила и стала ходить взадъ и впередъ передо мной. Слова не шли съ ея губъ и она ходила нѣсколько минутъ молча. И я молчалъ. Я ждалъ.

— Опять она со своими исторіями,—неопредѣленно проговорила Анна.

— Кто она?

— Мать... Вызываетъ меня сейчасъ въ Москву.

— Больна?

— Н-незнаю! Пишетъ, чтобы сейчасъ выѣзжала...

И она открыла синій листокъ и на ходу прочла:

„Твое присутствіе здѣсь сейчасъ, сію минуту—необходимо для опредѣленія нашихъ дальнѣйшихъ отношеній, всей нашей жизни"...

— Что это значитъ?—недоумѣвалъ я.

Анна стала объяснять мнѣ довольно спокойно, но путано, что у нея въ Москвѣ есть тетка, которая все, что имѣетъ, оставляетъ ей, а мать хотѣла бы, чтобы она завѣщала все ей—Аннѣ Васильевнѣ съ обязательствомъ оставить все послѣ смерти ей—Аннѣ.

Исторія была такая сложная, что я никакъ не могъ разобраться въ ней, а главное, не могъ понять, зачѣмъ Аннѣ нужно было сейчасъ ѣхать за этимъ въ Москву.

— Тетка давно больна... Мать—по пріѣздѣ изъ-за границы—застала ее очень плохой... Она хочетъ видѣть меня...

— Нечего дѣлать!—сказалъ я.—Поѣдемъ въ Москву, хотя здѣсь именно теперь рай.

— Я поѣду одна,—объявила Анна.

— Какъ, одна?

— Да! Мнѣ необходимо ѣхать одной для установленія дальнѣйшихъ отношеній съ матерью... Она до сихъ поръ смотритъ на меня, какъ на ребенка... Мнѣ надоѣло это!

— Чѣмъ же я мѣшаю въ вашихъ отношеніяхъ?

— Опять я на помочахъ! Ты пойми: мама не отпускала меня ни на шагъ отъ себя... Теперь—ты... Если я пріѣду одна...

Она говорила долго и горячо и сама вѣрила въ то, что говорила. Этой вѣрой она увлекла и меня. Теперь всѣ ея доводы кажутся мнѣ такими нелѣпыми, что я даже не могу ихъ изложить хоть сколько-нибудь логично. Но тогда мнѣ казалось очень умнымъ то, что она говорила, и мнѣ въ концѣ концовъ стало пріятно сознаніе, что я долженъ помочь ей стать на свои ноги. Какъ ни тяжело мнѣ было отпускать ее—я самъ торопилъ ее, помогалъ собираться, самъ свезъ на станцію, усадилъ въ вагонъ и перекрестилъ, какъ меня крестила моя мать, когда я уѣзжалъ изъ дому. Анна была особенно мила и ласкова со мной въ этотъ вечеръ. Я никогда не забуду ея добрыхъ глазъ, когда она смотрѣла на меня изъ вагона. Что это было? Благодарность? Жалость? Притворство? Неужели можно такъ лгать?

Больше я не видалъ этихъ глазъ... Впрочемъ, надо все по порядку. Какъ ни трудно для меня это—я все разскажу вамъ спокойно и обстоятельно.

Анна поѣхала въ Москву и сказала, что остановится въ Славянскомъ Базарѣ (тоже для самостоятельности). Я вернулся со станціи, и такая тоска меня охватила, что я сейчасъ же сѣлъ писать ей. Чего только не было въ этомъ письмѣ? И вѣра, и надежда, и любовь! И все это рухнуло отъ клочка синей бумаги...

Всю ночь я не спалъ отъ какой-то смутной тревоги; безпокоился ли я за Анну, думалъ ли о будущемъ—не знаю. Только помню, что ночь была безконечно длинна и тревожна.

Я всталъ съ разсвѣтомъ и самъ поѣхалъ на станцію отвозить письмо. Помню это свѣжее утро, свѣтлое, сухое и ясное...

При мнѣ пришелъ почтовый поѣздъ изъ Москвы, остановился на пять минутъ и помчался дальше. Я дождался, пока разобрали почту, чтобы получить газеты... Синій конвертикъ на имя жены смутилъ меня, но смутилъ только тѣмъ, что мать могла написать, что поѣздка въ Москву ненужна, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Я безъ всякаго колебанія вскрылъ письмо, чтобы тутъ же со станціи телеграфировать Аннѣ его содержаніе. На тонкомъ синемъ листкѣ было мелко написано: „Не Москва, а Петербургъ. Не Славянскій Базаръ, а Европейская гостиница".

Я ничего не понялъ, а какъ-то весь почувствовалъ горе, что-то ужасное, непоправимое. Я бросился домой и... сдѣлалъ несмываемую подлость. Я взломалъ шкатулку Анны, ключъ отъ которой, единственный ея ключъ—она носила всегда на цѣпочкѣ съ часами... Я почему то былъ увѣренъ, что въ этой шкатулкѣ найду разгадку... И, дѣйствительно, тамъ среди футляровъ съ золотыми вещами, лежала связка писемъ. Всего—двѣнадцать писемъ. Всѣ онѣ написаны такимъ же мелкимъ почеркомъ, какъ и на синемъ листкѣ... Я искалъ подписи—ея не было. Я хотѣлъ только знать отъ кого они, не думая читать ихъ... Вѣдь до и послѣ этого я никогда и мысли не допускалъ, что можно прочесть чужое письмо. А тутъ я прочелъ всѣ двѣнадцать, одно за другимъ, не думая о томъ, что я дѣлаю. Они были безъ опредѣленія времени или мѣста. Въ первыхъ—была только любовь, какакая-то особенная, переплетенная мистическими бреднями и цитатами изъ французскихъ поэтовъ. Потомъ—утонченное восхваленіе красоты Анны, но съ такими подробностями, что я сгоралъ, читая ихъ. И, наконецъ (это было девятое или десятое письмо), вотъ, что я прочелъ: „Ты говоришь, что не позволяешь жениху цѣловать тебя... Отчего же отъ тебя такъ пахнетъ табакомъ, когда ты приходишь ко мнѣ отъ него? Пожалѣй же твоего бѣднаго Л., не отнимай отъ него хоть этой радости: ты знаешь, какъ я цѣню тотъ особый тонкій запахъ, которымъ пропитаны твои вещи, твои волосы, вся ты"...

Не знаю почему—эта буква Л. уже не допускала во мнѣ сомнѣнія, что письма были отъ Ломачева. Я запомнилъ, что его звали Леонидомъ. И мнѣ ясно представилось одно утро въ Парижѣ. Это было недѣли за двѣ до нашей свадьбы. Анна пришла ко мнѣ часовъ въ одиннадцать сказать, что не можетъ со мной завтракать и что не свободна до обѣда. Она была со мной ласковѣе обыкновеннаго, но держалась

далеко отъ меня и даже не позволяла цѣловать руки. Видя мое огорченіе, она сказала:

— У меня есть одна слабость: я не выношу запаха табаку... А вы такъ много курите.

— Если хотите,—я брошу курить.

— Потомъ я привыкну, но теперь попрошу васъ,—не курите, если можете.

Я, конечно, согласился съ удовольствіемъ, и былъ радъ когда это доставляло мнѣ лишеніе: я думалъ, что дѣлалъ это для нея!

Три послѣднихъ письма я уже читалъ спокойно, если только умѣстно здѣсь это слово. Вообще нѣтъ такихъ человѣческихъ словъ, которыя могли бы опредѣлить мое душевное состояніе при чтеніи этихъ писемъ. Ревность, обида, горе, негодованіе, отчаяніе—это все не то, все мало, все ограниченно. Я весь страдалъ, вотъ что я могу сказать про себя, страдалъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ...

Когда я дочиталъ послѣднюю строчку (касающуюся нашего брака), я бросился на диванъ и застоналъ какъ отъ боли. Я метался весь день и всю ночь, едва дождался ближайшаго поѣзда въ Петербургъ и поѣхалъ... У меня не было никакого плана, мнѣ необходимо было дѣйствовать... А какъ „дѣйствовать", сидя въ деревнѣ?..

Я ѣхалъ точно въ бреду, точно я видѣлъ длинный тяжелый сонъ: Анна вся въ красномъ, Ломачевъ въ сѣромъ пальто, Парижъ съ его суетой и ложью и, наконецъ, этотъ синій листокъ съ ужасными по своему смыслу словами: „Не Москва, а Петербургъ..." И все это переплетено своеобразно страстными фразами и намеками, изъ тѣхъ двѣнадцати писемъ... Минутами я былъ убѣжденъ, что все это приснилось мнѣ, и вдругъ мнѣ дѣлалась смѣшна моя поѣздка въ Петербургъ, когда жена сидитъ въ Москвѣ при больной матери, и самъ себѣ я казался смѣшонъ до того, что начиналъ смѣяться вслухъ. И я крестился, и молился, чтобы это оказался сонъ...

Но уже подъѣзжая къ Европейской гостиницѣ, я не сомнѣвался, что все это не сонъ, и безъ колебаній спросилъ швейцара:

— Ломачевъ здѣсь?

— Сейчасъ ихъ нѣтъ дома...

Я занялъ комнату и засѣлъ ждать... Къ счастью, ждать пришлось недолго. Уже черезъ день въ числѣ пріѣзжихъ, поднимающихся по лѣстницѣ,—я увидалъ Анну Дмитріевну. Она была въ свѣтломъ дорожномъ платьѣ и бодро ступала по ступенькамъ. За ней шелъ Ломачевъ и несъ ея дорожный

мѣшокъ. Очевидно, онъ встрѣтилъ ее на вокзалѣ. Они громко говорили по французски и не обращали ни на кого вниманія. И потому *какъ* они шли, *какъ* онъ несъ ея мѣшокъ, *какъ* она говорила съ нимъ, не оборачиваясь въ его сторону, было ясно, насколько они близки другъ другу. Всякій, незнавшій ихъ, сказалъ бы, что это идутъ супруги, уже привыкшіе одинъ къ другому, мужъ и жена. Все это я не сообразилъ, а увидѣлъ тутъ же, и замеръ на мѣстѣ.

Я ждалъ ихъ у перилъ лѣстницы во второмъ этажѣ, гдѣ была комната Ломачева. Я не могъ шевельнуться ни взадъ ни впередъ. Я точно умеръ сразу: ни боли, ни горя не было. Я ждалъ...

Помню, съ какимъ ужасомъ взглянула она на меня, какъ визгливо вскрикнула и, вся съежившись, бросилась мимо меня... Точно боялась нападенія. Помню великолѣпный жестъ г. Ломачева и его плоскій голосъ съ банальными словами:

— Я къ вашимъ услугамъ!

До сихъ поръ не могу я отдѣлаться отъ впечатлѣнія пошлости, которой онъ окатилъ меня. Именно пошлости... Точно облилъ меня чѣмъ-то грязнымъ и липкимъ... Послѣ всего того, что я пережилъ и перечувствовалъ, послѣ всѣхъ моихъ мукъ и слезъ—этотъ возгласъ оскорбилъ меня именно своею пошлостью...

Цѣлые сутки провелъ я у себя въ комнатѣ. Ко мнѣ стучались, лакей приносилъ мнѣ что-то,—я ничего не видѣлъ и не слышалъ... То липкое и грязное, во что я окунулся, не давало мнѣ покоя и наполняло меня только однимъ желаніемъ: бѣжать! Бѣжать сейчасъ же отъ Анны, отъ Ломачева, отъ всей этой лжи, пошлости и грязи... Я не могъ себѣ простить, какъ я допустилъ себя до того, что добровольно могъ оказаться въ такомъ положеніи. Мнѣ уже казалось, что можно перенести всякое горе, но *это* перенести нельзя, что можно все забыть, но ощущеніе этой грязи на душѣ останется на всю жизнь. Объясненіе съ женой или Ломачевымъ, дуэль... Мнѣ было невыносимо противно думать объ этомъ. Только бы отойти отъ нихъ какъ можно дальше, не слышать, не видѣть ничего...

На другой день я послалъ въ номеръ Ломачева отдѣльный видъ Аннѣ Дмитріевнѣ Ряполовской и больше никогда не видалъ ее.

Вотъ вамъ моя „исторія“. Не знаю, что вамъ говорили о ней въ петербургскихъ салонахъ. Вѣроятно, тоже, что уже не разъ передавали мнѣ: что я отказался отъ дуэли и показалъ себя трусомъ и человѣкомъ „не общества“. Я знаю, что многіе не могутъ простить мнѣ этого. Но вы знаете мой взглядъ на дуэль вообще, а въ данномъ случаѣ еще пой-

мете, какъ я былъ далекъ ото всего, что связано съ Ломачевыми, ихъ міровоззрѣніемъ и моралью... Можетъ быть, вы слышали разсказъ, какъ я бросился съ кулаками на беззащитную женщину, и только „случайное“ присутствіе Ломачева спасло ее. Эта версія усиленно распространяется матерью Анны Дмитріевны. Но мнѣ даже совѣстно опровергать ее.

Я все разсказалъ вамъ, ничего не преувеличивая, но ничего и не преуменьшая... Мнѣ уже давно хотѣлось, чтобы вы знали всю правду, и меня мучила мысль, что вы не желаете знать ее. Почему? Неужели вы вѣрили сплетнямъ, идущимъ отъ озлобленныхъ женщинъ? Неужели вамъ было все равно, *кто* любитъ васъ?

Вашъ С. Р.

XVI.

31 декабря. Вечеръ.

Сейчасъ придетъ Новый годъ. Почему-то принято поздравлять съ наступленіемъ его... И мнѣ хочется послать вамъ привѣтъ,—одной вамъ въ цѣломъ мірѣ...

Сегодня утромъ я отправилъ вамъ безконечно-длинное письмо о собственной особѣ... Теперь сижу одинъ въ громадной комнатѣ, въ громадномъ домѣ, подъ оглушительной тишиной зимней ночи, когда все кругомъ покрыто пухлымъ снѣгомъ, и все спитъ крѣпкимъ сномъ: и земля, и деревья, и все живое... Въ такой тишинѣ только слышишь себя, свое сердце, свои мысли... Вотъ почему въ такой тишинѣ всегда страшно и стыдно...

Стыдъ и страхъ... Вотъ что мучаетъ меня и теперь... Стыдъ за все то, что я написалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ: такъ это все мелко, ненужно, ничтожно... Страхъ передъ жизнью, передъ ея тайной...

Бьютъ часы... Двѣнадцать... Новый годъ смѣнилъ старый... Что-то онъ принесетъ вамъ?

С. Р.

XVII.

3 января.

Дорогой мой Сергѣй Ильичъ!

Сегодня утромъ получила два вашихъ письма, одно длинное, другое привѣтъ на Новый годъ. Какъ различно мы встрѣтили его! Вы—въ оглушительной тишинѣ со своими мыслями, я—въ оглушительномъ шумѣ съ чужими словами... Насъ за столомъ было человѣкъ сорокъ, старые и молодые, женщины и мужчины, всѣ на видъ веселые, всѣ оживленные,

шумные... И всѣ говорили чужія слова, и жили чужими мыслями... Повторяли тѣ фразы, поздравленія, пожеланія, которыя нужно говорить въ данныхъ случаяхъ, повторяли ихъ, можетъ быть, искренно, а у каждаго тамъ, за веселой маской кипѣла или тлѣла своя жизнь съ ея горемъ...

Я сама была на видъ не скучнѣе другихъ, а внутри меня все время больно ныла печаль: Викторъ не обѣдалъ дома и до одиннадцати часовъ сидѣлъ у своей „барышни", пріѣхалъ домой, надѣлъ фракъ, и мы отправились къ сестрѣ встрѣчать Новый годъ. Въ каретѣ онъ старался шутить со мной, и хохоталъ особенно громко. И этотъ смѣхъ дѣлалъ его жалкимъ...

За ужиномъ онъ нѣсколько разъ взглянулъ на меня съ безпокойствомъ и грустью, и это наполнило меня какимъ то особенно-тяжелымъ чувствомъ жалости или сожалѣнія, я не могла разобрать: кругомъ, со всѣхъ сторонъ, такъ громко влетали въ уши чужія слова, что невозможно было прислушаться ни къ своимъ мыслямъ, ни къ своему сердцу.

О вашей исторіи съ женой я въ послѣдній годъ слышала не мало некрасиваго. Мои друзья не могли простить мнѣ дружбы съ вами и старались представить васъ „въ надлежащемъ свѣтѣ". Но я ничему не вѣрила; я понимала, въ чемъ ваша главная вина: вы, живя съ волками, не захотѣли выть по волчьи, вы поступили такъ, какъ поступать „не принято", и вамъ не могутъ простить этого. Я, конечно, не виню васъ за это, а виню совсѣмъ за другое. Какъ вы, умный человѣкъ, не поняли, что вы совсѣмъ чужой этой женщинѣ и что она чужая вамъ? Вы не подумали: можетъ ли она любить васъ? за что? Почему она выходитъ за васъ? Нѣтъ ли у нея въ жизни чего-нибудь поважнѣе распрей съ матерью? Вамъ она понравилось своей молодостью, своей красотой, вамъ стало жаль ее, вы захотѣли связать себя съ нею на всю жизнь... Она согласилась, а вы повѣрили,—безъ колебанія повѣрили, что она выбрала васъ изъ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ встрѣчала на своемъ пути, выбрала затѣмъ, чтобы дать вамъ право на ея тѣло и душу... Вы приняли это какъ должное, потому что пишете, что были счастливы... И въ этомъ вашемъ счастьѣ не было мѣста для малѣйшаго вниманія къ ея душѣ, къ ея сердцу... Иначе вы не проглядѣли бы ея любви къ Ломачеву... Вы самоувѣренно рѣшаете заняться ея воспитаніемъ, хотя ей уже двадцать три года, она опредѣленная величина (отрицательная или положительная, это другой вопросъ)... и совсѣмъ не просила васъ являться ея руководителемъ...

Я обыкновенно злорадствую, когда вижу, какъ женщина мститъ мужчинѣ за его самоувѣренность и властность... Въ вашемъ случаѣ я радоваться не могу. Вы—лучшій изъ людей, какихъ я видала—вы поплатились за другихъ, и это несправедливо...

Простите мнѣ это морализированіе. Но мы рѣшили съ вами писать совершенно искренно, и я не хочу—хотя могла бы—написать вамъ иначе. Я не защищаю Анну Дмитріевну, я ненавижу ее, но не могу оправдать и васъ,—вы все время смотрѣли въ себя и на себя, какъ всѣ мужчины... И тяжело расплатились за это...

Простите, дорогой... Вамъ и безъ того больно, а я еще такъ рѣзко касаюсь этого больного мѣста.

В. Ч.

XVIII.

Т. Горы, 6 января.

Конечно, вы правы, мой дорогой другъ. И я не буду ни объяснять, ни оправдываться. Да, я думалъ только о себѣ, когда поцѣловалъ эту чужую и чуждую мнѣ дѣвушку, когда предложилъ ей быть моей женой, когда привезъ ее сюда, въ мой родной уголъ, въ мою обстановку, въ мою жизнь... Мнѣ было хорошо, и я думалъ, что и ей будетъ хорошо...

И я принимаю ваши упреки, какъ принялъ и искупленіе—съ полной покорностью. Точно также покорно счищаю я съ себя тѣ комья грязи, которые летятъ въ меня изъ вашего „общества". Я знаю, что нельзя безнаказанно жить въ немъ, знаться съ нимъ: или долженъ заговорить извѣстными словами, взять готовыя фразы и отпечатанную мораль, или уйти отъ него навсегда, но уйти съ позорнымъ клеймомъ. Я предпочелъ второе, т. е. вѣрнѣе—не могъ поступить иначе...

И теперь, сидя въ моей глуши, глядя на все это издали—я удивляюсь, какъ я могъ жить такъ, какъ я жилъ послѣдніе года? Знакомство съ вами, желаніе видѣть васъ какъ можно больше и чаще незамѣтно втянуло меня въ этотъ міръ лицемѣрія, мелочности, равнодушнаго презрѣнія ко всему, что не онъ, и жестокости къ тѣмъ, кто не хочетъ принять его символовъ вѣры. Да и символы ли это? Не общія ли правила, которыя всякій обходитъ втихомолку, чтобы не попасться? Ни смѣлости, ни оригинальности, ни ширины чувствъ или мыслей... Все мелко, эгоистично, мѣщански—прилично... Вотъ почему я много разъ говорилъ вамъ, повторяю и теперь:

— Не отдавайте вы вашего времени, вашихъ мыслей, вашего сердца этимъ празднымъ людямъ, которые ходятъ къ вамъ отъ нечего дѣлать, берутъ у васъ цѣлые часы вашей

жизни, выматываютъ вашу душу и неизбѣжно заражаютъ васъ своей тревожной суетностью, своими вкусами и требованіями. Вы называете это „съ волками жить—по волчьи выть“. Зачѣмъ? Вы только уясните себѣ разъ навсегда „зачѣмъ“ и тогда все развалится само собою, и вы сами увидите сколько ненужнаго и маленькаго въ вашей жизни.

Помните, вы разъ сказали мнѣ словами M-me де-Сталь:

— Все понять—все простить...

Я тутъ отвѣтилъ вамъ:

— Вы, должно быть, очень много нонимаете, потому что очень много прощаете.

И вы мнѣ отвѣтили въ томъ же тонѣ:

— А вы очень многаго не понимаете и оттого такъ нетерпимы...

— Я думаю, что именно надо понимать, чтобы не прощать...

Вы не хотѣли согласиться со мной. Не согласитесь и теперь... Всепрощеніе—большой грѣхъ. Надо знать, что̀ прощать, а не оправдывать „пониманіемъ“ всякія гадости, низости, гоненія, повальное холопство одновременно съ холопскимъ деспотизмомъ.

Вы любите изреченія, и я приведу вамъ одно изъ нихъ: русское общество представляетъ изъ себя восходящую лѣстницу господъ, если смотрѣть снизу, и нисходящую лѣстницу холоповъ, если смотрѣть сверху. Развѣ это не правда? И какая радость изъять себя изъ этой лѣстницы, жить особнякомъ со своими думами и безъ навязанныхъ кѣмъ-то мыслей и поступковъ.

Вы, конечно, возмутитесь! Такое существованіе—эгоистично, нужно прежде всего принести себя на пользу ближняго, а уже потомъ заботиться о своемъ душевномъ комфортѣ. Да! Вы отчасти правы. Но если то, что считаемъ нужнымъ дѣлать—дѣлать нельзя, а то, что разрѣшается—дѣлать не можешь?.. Счастливъ, кто можетъ совмѣстить это,—я не могу...

Вотъ чего я наболталъ вамъ. Можетъ быть, и не все вамъ по сердцу придется. Ну—не сердитесь. Если бы не ставилъ васъ очень высоко—не говорилъ бы такъ.

Спасибо вамъ за аттестатъ лучшаго изъ людей. Это—конечно, не вѣрно. Человѣкъ я не дурной, но гадостей въ жизни дѣлалъ много, настоящихъ гадостей, и одна изъ нихъ безъ сомнѣнія—моя женитьба.

Сегодня я не спалъ всю ночь и совершенно выбитъ изъ того равновѣсія, которое нашло на меня здѣсь. А не спалъ я ночь, во-первыхъ, оттого, что ваше письмо принесло мнѣ такъ много правды, а во-вторыхъ, потому, что вчера я узналъ про одно свое скверное дѣло... Но объ этомъ или все, или ничего...

До свиданія, дорогой мой, хорошій другъ. Пишите мнѣ почаще.

XIX.

Петербургъ, 10 января.

А помните нашъ уговоръ: писать все, что придетъ въ голову и безъ утайки. Что значитъ это „все или ничего“. Пишите *все*. Мнѣ необходимо знать—какъ вы говорите—чѣмъ ваша душа живетъ.

В. Ч.

XX.

Турьи Горы, 14 января.

Какъ мнѣ трудно писать вамъ объ этомъ, дорогая!.. Но, вы вѣрно говорите, и уговоръ—есть уговоръ. Никакой утайки. Я разскажу вамъ, что произошло въ тотъ день, послѣ котораго я не спалъ всю ночь, а уже вы сами дѣлайте выводъ.

Моимъ имѣніемъ, т. е. собственно усадьбой (вся земля въ арендѣ у крестьянъ) управляетъ старуха Агаѳья Власьевна, или Власьевна, какъ ее тутъ всѣ зовутъ. Она дочь старшей горничной бабушки, родилась въ домѣ у насъ, въ домѣ и выросла и дожила здѣсь до шестидесяти двухъ лѣтъ; на видъ ей нельзя дать больше пятидесяти, не смотря на какія-то болѣзни, отъ которыхъ она лѣчится необыкновенно-пахучей мазью.

Эта Власьевна—полная хозяйка здѣсь, она все помнитъ, все знаетъ и весь день хлопочетъ и заботится о чемъ-нибудь или о комъ-нибудь: о курахъ, о лошадяхъ, о коровахъ, о деревенскихъ ребятишкахъ, о новорожденномъ теленкѣ, обо мнѣ. Все для нея одинаково важно и достойно вниманія. Ко мнѣ она относится немного покровительственно, хотя и съ почтеніемъ. Она постоянно пытается ввести меня въ хозяйство, втянуть въ свои интересы, но до сихъ поръ это ей не удалось. Я слушаю ее терпѣливо и только и жду, когда она окончитъ свой нескончаемый докладъ... Слишкомъ долго я жилъ внѣ деревни, слишкомъ много у меня своихъ думъ и интересовъ, чтобы сразу переродиться, жить другой жизнью и волноваться иными волненіями...

Агаѳья Власьевна входитъ ко мнѣ безъ доклада и говоритъ обо всѣхъ новостяхъ нашей жизни. Теперь я уже привыкъ къ этому, а раньше меня немного раздражало это непрошенное вторженіе въ мои мысли.

На другой день послѣ моего перехода на житье въ большой домъ, утромъ, когда я занимался у себя въ кабинетѣ, вошла Власьевна. Я раньше почувствоволъ запахъ мази, а

потомъ уже увидѣлъ ее. Она вошла особенно тихо и смущенно сказала мнѣ:

— Баринъ!.. Хотѣла я вамъ сказать... У насъ тутъ мальчикъ есть, Егорка...

Мнѣ не хотѣлось отрываться отъ работы, и я, не оборачиваясь спросилъ:

— Ну что же?..

Она еще смущеннѣе отвѣтила:

— Дозвольте ему здѣсь, въ домѣ, жить со мной...

— Пожалуйста, Агаѳья Власьевна,—сказалъ я, довольный тѣмъ, что наша бесѣда такъ скоро можетъ окончиться.

— Онъ сирота... Ему некуда дѣться...—продолжала она.

Я уже принялся за работу.

— Мать умерла въ Москвѣ, въ больницѣ... Куда-жъ теперь мальчику дѣться?

Я молчалъ, потому что уже думалъ о своемъ.

— Въ чужихъ-то людяхъ не больно сладко... Привезли холоднаго, голоднаго, всего изодраннаго... Валенки всѣ провалились...

— Пожалуйста, купите ему все, что нужно, Агаѳья Власьевна... Сейчасъ же купите... Закажите все, или тамъ... готовое... Нельзя такъ оставлять ребенка... Ему сколько лѣтъ?

— Восемь!

Она проговорила это особенно серьезно, но я опять не придалъ ея словамъ никакого значенія и спокойно принялся за работу. Я не слышалъ, какъ Власьевна ушла; она, кажется, еще долго стояла за моей спиной.

Я совсѣмъ и забылъ объ этомъ разговорѣ и очень былъ удивленъ, когда черезъ нѣсколько дней услыхалъ какой-то шумъ въ большой залѣ. Я пошелъ посмотрѣть и увидалъ мальчика. Онъ бѣгалъ передъ кошкой и дразнилъ ее веревочкой, на которой былъ навязанъ клочокъ бумаги... Онъ такъ испугался, увидя меня, что и я смутился, и не сказалъ ему ни слова. Потомъ не разъ я наталкивался на него, но—чтобы не смущать его—дѣлалъ видъ, что не вижу его.

Власьевна какъ то спросила меня:

— Не мѣшаетъ вамъ, баринъ, Егорка-то?

— Нисколько... Чѣмъ же?

— Да вотъ шумитъ... Бѣгаетъ по комнатамъ...

— Напротивъ, я радъ...

Я сказалъ эта совершенно искренно: домъ громадный, я живу въ спальнѣ и кабинетѣ отца, остальныя комнаты полупустыя, заброшенныя, совсѣмъ мертвыя. Мальчикъ бѣгаетъ по нимъ и домъ оживаетъ.

Скоро Власьевна опять заговорила объ Егоркѣ. Она пришла ко мнѣ въ кабинетъ, долго шарила что-то, ходила по

комнатѣ точно искала чего-то. Я уже привыкъ къ этому, я знаю, что ей кажется, будто я скучаю въ моемъ одиночествѣ, и она старается развлечь меня.

— Баринъ!—сказала она.—Егоркѣ учиться страсть какъ хочется...

— Отлично!.. Пусть ходитъ въ школу...

— Въ какую?

— Въ нашу... Вѣдь у насъ на селѣ есть школа.

— Ну какая эта школа! Придетъ батюшка—ладно, а не придетъ—такъ и нѣтъ урока... Баловство одно...

— Такъ вы хотите отдать его куда-нибудь?

— Куда жъ его отдашь, сироту?

Я не понималъ, чего она хочетъ отъ меня.

— Вамъ, конечно, некогда, скучно... Такъ вы хоть книжечекъ какихъ-нибудь... Онъ читать знаетъ вполнѣ... Только уму-разуму его учить надо.

Я пообѣщалъ ей выписать книжки изъ Петербурга и забылъ...

Разъ она привела мальчика ко мнѣ въ кабинетъ достать изъ-подъ комода закатившуюся монету. Я дописывалъ главу, мнѣ не хотѣлось отрываться отъ работы, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда они оба уйдутъ изъ моей комнаты.

Въ тотъ день, о которомъ я писалъ вамъ, Власьевна пришла ко мнѣ въ комнату очень взволнованная и торжественная.

— У насъ Егорка боленъ...

— Что съ нимъ?

— Взгляните сами, баринъ... Горитъ какъ въ огнѣ....

Я ничего не понимаю въ медицинѣ и не считаю себя въ правѣ давать совѣты, особенно въ дѣтскихъ болѣзняхъ.

— Пошлите скорѣе за докторомъ.

— Да вы сами то посмотрите... Спитъ онъ—не спитъ, а лопочетъ что-то нескладное.

У мальчика, дѣйствительно, оказался сильный жаръ: онъ былъ безъ сознанія и бредилъ громко и страшно. Я распорядился, чтобы скорѣе привезли доктора.

И вотъ, пока мы съ Власьевной ждали этого доктора, я и узналъ то, что такъ перевернуло всего меня.

— Чей онъ?—спросилъ я, чтобы показать участіе къ печали старухи.

— Насти,—строго отвѣтила Власьевна и пытливо посмотрѣла на меня.

Мнѣ этотъ взглядъ не понравился. Вы знаете, какъ я не люблю недомолвокъ и подозрѣній. Я сразу и не сообразилъ, что́ она говоритъ.

— Какой Насти?

— А при покойницѣ-то мамашѣ вашей въ дѣвушкахъ служила... Настя! Неужто забыли?

И она опять такъ посмотрѣла на меня, что мнѣ стало тревожно.

Власьевна закашлялась и вышла изъ комнаты.

Настя? Да, — была Настя! Я едва вспомнилъ... Этому прошло лѣтъ девять... Все лѣто ко мнѣ ходила втихомолку Ариша, дочь мельника, красивая и бойкая дѣвушка... Эту я помню хорошо... Осенью она уѣхала куда-то; я остался съ больной матерью; за ней ухаживала блѣдная, худенькая дѣвушка... Я ее и не замѣчалъ все лѣто... А тутъ—длинные осенніе вечера, нескончаемый дождь, жалобы матери на жизнь, на болѣзнь, на дѣтей... Старая, постоянно въ мелкихъ хлопотахъ, бабушка... Я совсѣмъ не помню Настю среди всего этого, не помню не только счастья, но и малѣйшей радости... Просто была скука...

Впрочемъ—развѣ можно писать объ этомъ послѣ „Воскресенья"? То-же самое съ небольшими варіаціями. То-же, что можетъ быть, пережили почти всѣ мы, въ той или иной формѣ...

Когда я черезъ годъ или два пріѣхалъ въ Турьи Горы, мнѣ кто-то сказалъ, что Настя служитъ горничной въ Москвѣ... Меня это не удивило, мать была такъ раздражительна, что мѣняла горничныхъ чуть не каждый мѣсяцъ.

Едва ли я потомъ вспоминалъ о Настѣ... И теперь она не сразу пришла мнѣ на память... Но вдругъ мальчикъ повернулся ко мнѣ и странно посмотрѣлъ на меня... И мнѣ сразу ясно вспомнились черные, живые глазки и приподнятыя брови... Вспомнились почему то особенно ея грубыя, жесткія руки...

Когда Власьевна вернулась, я спросилъ ее:

— Сколько лѣтъ Егоркѣ?

— Съ Петрова дня пошелъ девятый...

Я весь вечеръ мѣста себѣ не находилъ... хотѣлось все забыть, не знать, не существовать... Когда принесли почту и я увидалъ вашъ конвертъ—я уже зналъ, что̀ въ немъ кроется для меня... И я не ошибся...

Вотъ отчего я, можетъ быть, слишкомъ рѣзко написалъ вамъ, слишкомъ грубо говорилъ о людяхъ близкихъ вамъ и читалъ непрошенныя наставленія. И какъ смѣю я морализировать, когда у меня самого въ жизни такъ много грязи? И не смыть ее ничѣмъ. С. Р.

Ек. Лѣткова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

„СОВРЕМЕННЫЙ ТИПЪ.“

Романъ *Клауса Ритланда.*

Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской.

I.

Онъ вернулся со службы очень не въ духѣ Во-первыхъ, онъ сегодня вообще нервничалъ, во-вторыхъ, этотъ олухъ—старшій совѣтникъ правленія, Кунце—сегодня положительно извелъ его. Старшій совѣтникъ правленія всегда дѣйствовалъ на него, какъ запахъ клея (одна изъ его многочисленныхъ идіосинкразій!). Всякій разъ, какъ почтенный совѣтникъ пространно и нудно начиналъ: „Мы не должны забывать, любезный коллега, что всякое дѣло можно освѣтить съ различныхъ точекъ зрѣнія“... молодымъ ассесоромъ овладѣвало чувство почти физической тошноты. Словно ржавчина начинала ѣсть его душу, когда передъ нимъ въ теченіе трехъ четвертей часа „освѣщали“ какое-нибудь самое обыкновенное дѣло, которое свободно можно было разобрать въ пять минутъ. Вотъ и сегодня—о Боже! какая безнадежная тоска! настоящее испытаніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока у совѣтника не заурчало въ животѣ; тогда только пробилъ часъ избавленія.

Медленно, привычной усталой походкой въ развалку плелся ассесоръ Ширмеръ къ Королевскимъ воротамъ. Мимо него прошла хорошенькая дѣвушка. Какая прелесть! Чисто померанскій типъ, свѣжая, розовая, настоящая дѣвичья красота!

Онъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Но уже черезъ нѣсколько секундъ чувство удовольствія смѣнилось чувствомъ живѣйшаго негодованія. Фу чортъ, какая неуклюжая походка! И желтые башмаки, осенью, въ эту сырость и холодъ! И на каждомъ шагу подолъ плохо подобранной юбки хлесталъ по желтымъ каблукамъ, оставляя на нихъ пятна грязи. И эта юбка изъ выцвѣтшаго сукна

bleu gendarme, обшитая бархатомъ не совсѣмъ въ тонъ... Весь ореолъ исчезъ.

Безвкусія Александръ Ширмеръ не могъ простить женщинѣ. Лучше ужъ гусыня, или нравственный уродъ, чѣмъ безвкусно одѣтая женщина!

Сзади послышались шаги; кто-то догонялъ его: „Пстъ! Пстъ! Александръ!“ А, это его школьный товарищъ, Павелъ Шульце, что называется, отличный малый, всегда веселый, бодрый и живой, агентъ по распространенію колоніальныхъ товаровъ, то есть, попросту говоря, странствующій приказчикъ. Фамильярно подхвативъ подъ руку ассесора, онъ звучнымъ громкимъ голосомъ съ берлинскимъ выговоромъ разсказывалъ ему о своихъ недавнихъ удачахъ—о томъ, сколько мѣшковъ сливъ онъ продалъ въ Пазевалькѣ во время своего послѣдняго „тура“ и сколько центнеровъ кофе въ Трентовѣ.

— Недурны дѣлишки, а? Ну, а у васъ какъ? Что это лѣто хорошъ былъ уловъ сельдей? Великолѣпный, а?

Ассесоръ Ширмеръ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Право, не имѣю понятія. Слишкомъ мало интересуюсь этимъ.

Коммерціи совѣтникъ Ширмеръ, папаша ассесора, безспорно, былъ шефомъ одной изъ крупнѣйшихъ фирмъ, ведущихъ торговлю сельдями—это, конечно, фактъ, и вовсе ужъ не такой непріятный, потому что селедка — золотая рыбка!—но когда васъ интервьюируютъ насчетъ этого на главной улицѣ города, и при томъ такъ орутъ, это по меньшей мѣрѣ несносно! И, разумѣется, какъ разъ въ эту минуту мимо проходили двое демминскихъ уланъ, изъ самыхъ чопорныхъ и тонныхъ; Александръ Ширмеръ познакомился съ ними на послѣднемъ балу у командира полка.

— Не зайдешь ли ты со мной въ кафе перехватить малость, а?—добродушно предложилъ Павелъ.—Пойдемъ? Не будь такой лягушкой, Александрикъ. Нѣтъ? Торопишься? Ну, Богъ съ тобой, прощай!..

Наконецъ-то убрался!

Ассесоръ перешелъ на противоположную сторону улицы, гдѣ не было домовъ,—дома тянулись только по одной, а съ другой раскинулось старое кладбище, превращенное въ бульваръ,—и подивился, какъ часто и раньше дивился, что боящееся смерти человѣчество не боится гулять на подобномъ бульварѣ. Самъ онъ нисколько не боялся смерти—ни чуточки—и все же мысль о старыхъ истлѣвшихъ костяхъ, лежавшихъ тутъ подъ землею, была ему противна. „Когда придетъ мой чередъ,—говорилъ онъ себѣ,—я, во всякомъ случаѣ, переселюсь заблаговременно въ Готу,—сгорѣть цѣликомъ, быстро, безъ запаха, это все же аппетитнѣе“...

Это пріятное теченіе мыслей было прервано появленіемъ двухъ хорошенькихъ велосипедистокъ, которыя, поравнявшись съ нимъ, остановились и соскочили съ своихъ велосипедовъ. То была его сестра, Вѣра, и ея подруга, Марія Луиза фонъ-Грутенау.

— Угадай, Саша, откуда мы?—крикнула Вѣра своимъ звонкимъ рѣзкимъ голоскомъ.—Отъ Густава, дѣлали репетицію крестильнаго обряда. Марилиза никогда еще не держала на рукахъ маленькаго ребенка и очень боялась за завтрашній день. Нѣтъ, знаешь, что я тебѣ скажу...

— Фрейлейнъ фонъ-Грутенау будетъ крестной матерью?— прервалъ Александръ, vulgo Саша, ея оживленную рѣчь.

— Ну, разумѣется; развѣ ты не зналъ? Мы безумно рады этому—не правда ли, Марилиза?

— Гмъ... да.—Марилиза была немножко скупа на слова и становилась разговорчивой только, когда рѣчь заходила о спортѣ. Лошади, собаки, охота—это волновало ея сонную дѣвичью кровь, это была ея стихія. Больше всего лошади. „Онъ скверно сидитъ на лошади“—болѣе сурового приговора мужчинѣ она произнести не могла.

Въ сущности Саша находилъ страннымъ, что она будетъ крестить первенца у его брата. Она вовсе не такъ ужъ близка съ Густавомъ и его женой. Но, разумѣется, это дѣло Вѣриныхъ рукъ. Вѣрина спеціальность—подруги аристократки. Она всегда выбирала себѣ пріятельницъ только среди знати. А Марилиза баронесса и дочь генерала. Выводъ ясенъ.

— Слушай, Саша,—продолжала тараторить его сестренка,— ты непремѣнно долженъ пойти съ нами къ Грутенау и посмотрѣть портретъ Марилизы. Это слишкомъ хорошо. Не правда ли, ты сама это находишь, моя милочка?

Пріятельница кивнула головой.—Да, Мута это умѣетъ...

— Ее пишетъ Эрдмута Ленцъ, молодая художница изъ Мюнхена, съ которой Грутенау познакомились прошлымъ лѣтомъ въ Тегернзее, ты вѣдь знаешь, Саша.

— Ахъ, да, такъ.—Саша не имѣлъ понятія, о комъ идетъ рѣчь.

— Да, вамъ, правда, надо познакомиться съ нею,—замѣтила Марилиза.—Она такая, такая милая!

— То есть — все таки большая оригиналка, — смягчила Вѣра,—и едва-ли она Сашѣ понравится. Она прямая противоположность Сашѣ.

Марилиза засмѣялась.—О, безъ сомнѣнія!

Любопытство асессора было задѣто.—Если позволите, я завтра же приду взглянуть на портретъ.

— Отлично.

— Смотри, — шепнула Вѣра пріятельницѣ: — оглянись-ка направо...—Марилиза оглянулась и хихикнула.

— Опять эта лягушка!

— Кто?—спросилъ ассесоръ.

— Тссъ!—произнесла Вѣра.

Мимо прошелъ молодой человѣкъ, франтовато, но шутовски одѣтый, тощій, съ большой головой, бросая умильные взгляды на обѣихъ дамъ.

— Новый обожатель Вѣры,—пояснила Марилиза, когда онъ прошелъ мимо.

— Мы его прозвали человѣкомъ-лягушкой,—продолжала, давясь отъ смѣха, Вѣра,—ты замѣтилъ, какой у него смѣшной огромный ротъ и выпученные глаза? Вотъ уморительная физіономія!.. Однако, не пора ли намъ двинуться дальше? Или,—она лукаво взглянула на подругу,—не разсказать ли мнѣ сначала Сашѣ, что ты говорила, когда мы..

Узенькое, рѣзко-очерченное породистое личико Марилизы покрылось густымъ румянцемъ. — Посмѣй только!.. Ѣдемъ. Прощайте, господинъ ассесоръ!

Онѣ вскочили на велосипеды и покатили. Асессоръ задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ двумъ удалявшимся изящнымъ фигуркамъ и насмѣшливая улыбка играла на его устахъ!

— Ага! такъ вотъ оно къ чему клонится... Да, это было бы очень на руку мамѣ и Вѣрѣ. Сашинъ *beau père*—его превосходительство, генералъ фонъ Грутенау!..

Что мать и Вѣра носятся съ этимъ планомъ—это онъ замѣтилъ уже давно. Но сегодня ему впервые показалось, что и другіе, Грутенау...

Почему бы и нѣтъ? Денегъ у нихъ немного, но за то есть благородныя страсти... А кровныхъ лошадей можно покупать и на мѣщанскія деньги.

Такъ нѣтъ же! Ихъ разсчетъ невѣренъ. Всѣ они забываютъ, что главный факторъ въ рѣшеніи задачи—онъ, Саша. А ему жениться? ему? Смѣшно. Плодить такихъ же усталыхъ, до времени изжившихся людей? Прямо таки непозволительно.

— Нѣтъ, Марилиза, нѣтъ, стройная баронесса, ищи себѣ другой туго набитый кошелекъ съ обязательнымъ приложеніемъ супруга. Я уклонюсь.

II.

На слѣдующее утро онъ нанесъ визитъ генеральшѣ фонъ Грутенау. Генеральша была тощая бѣлесоватая дама, очень некрасивая, но умѣвшая импонировать и съ равнодушнымъ видомъ говорить непріятнымъ ей людямъ дерзости, отъ которыхъ тѣ буквально становились въ тупикъ. Но на Сашѣ Ширмерѣ она этого таланта никогда не примѣняла. Ему она высказывала безграничное благоволеніе, даже что-то вродѣ уваженія. Хотя онъ былъ чиномъ всего только ассесоръ и не дворянскаго происхожденія, но съ нимъ никто бы не позволилъ себѣ обойтись неуважительно. Скорѣе съ его родными. Эти, въ своемъ ненасытномъ тщеславіи, способны были проглотить многое. Но если иные и качали головами, говоря объ этой семьѣ честолюбцевъ, все же она добилась своего: она принадлежала не только къ лучшему купеческому кругу, но и вообще къ лучшему обществу. Ширмеры бывали и у оберъ-президента и у командира полка; высшія должностныя лица, вновь назначаемыя въ городъ, обязательно дѣлали имъ визитъ. То обстоятельство, что супруга коммерціи совѣтника была родомъ русская, придавало ей особую экзотическую прелесть. Она была очень свѣтская, и лишь не въ мѣру чопорныя штеттинскія матроны ставили ей въ вину тотъ фактъ, что ея супругъ познакомился съ ней и влюбился въ нее на скользкой почвѣ—въ Монте-Карло, и что она развелась съ первымъ мужемъ. Вѣдь и на солнцѣ есть пятна.

А дѣти ихъ были поистинѣ превосходно воспитаны. Крошка Вѣра считалась въ Штетинѣ одной изъ первыхъ по изяществу и туалетамъ; ассесоръ же былъ такъ красивъ, держался съ такимъ тактомъ—безукоризненный, прямо-таки безукоризненный кавалеръ!

— Какъ это мило съ вашей стороны, любезный ассесоръ, что вы хотите посѣтить нашу импровизированную мастерскую,—сказала генеральша, протягивая вошедшему сухую тощую руку.—Братъ недавно разсказывалъ мнѣ, что вы баснословно тонкій знатокъ искусства.—Братъ госпожи фонъ Грутенау былъ предсѣдатель губернскаго правленія и начальникъ ассесора.

— Мой уважаемый шефъ клевещетъ на меня, ваше превосходительство,—возразилъ онъ, приложившись къ ручкѣ, какъ велитъ обычай:—я совершенный варваръ.

— Все же мнѣ любопытно знать, что вы скажете.

И она повела его въ такъ называемую мастерскую. Передъ мольбертомъ стояла высокая статная дама въ синемъ перед-

никѣ. Марилиза сидѣла въ сторонкѣ. При входѣ ассесора она быстро стащила салфетку съ близь стоящаго столика и прикрыла ею свои обнаженныя плечи.

— Милая фрейлейнъ Мута, я привела вамъ строгаго критика,—сказала генеральша, представляя гостя.

— Ой-ой, это страшно!

Художница обернулась, кивнула головой и устремила на молодого человѣка долгій, внимательный взглядъ. Въ ея широко-раскрытыхъ глазахъ свѣтился наивный интересъ, но ни тѣни женскаго кокетства.

Такъ вотъ она, эта знаменитая Мута.

Широкоплечая молодая женщина, полногрудая, не элегантная, но рослая и статная. На крѣпкой шеѣ—интересная голова, короткіе вьющіеся волосы, круглое лицо съ широкими скулами, полныя твердыя губы, тупой, довольно толстый носъ и блестящіе темносиніе глаза. Лицо нельзя сказать, чтобы красивое, но въ немъ свѣтилось то, что рѣдко можно встрѣтить у женщинъ: юморъ.

— Умна и добра,—думалъ Саша, вглядываясь въ эти выразительныя черты,—но не для меня. Вѣра права. Для такихъ цѣльныхъ натуръ я не гожусь.

Цѣльную натуру онъ угадалъ въ дѣвушкѣ съ перваго взгляда.

Онъ подошелъ къ почти оконченному портрету, испытующе всматриваясь въ него.

Въ первый моментъ онъ подумалъ: Бѣдная Марилиза, тебѣ не польстили.

А въ слѣдующій: Да, но все же портретъ хорошій. Похожъ. Она, какъ живая.

Вглядѣвшись еще внимательнѣе, онъ пришелъ къ заключенію, что оригиналъ всетаки прикрашенъ и даже очень, но это была художественная, тонкая лесть. Въ эту рожицу на портретѣ вложено было гораздо больше выраженія, чѣмъ она имѣла въ натурѣ, вложена была индивидуальность.—О, дѣточка, будь ты такъ интересна, какъ здѣсь, на полотнѣ!.. въ этомъ гордомъ, рѣшительномъ, пикантномъ личикѣ видна раса, порода. Нѣтъ, маленькая баронесса, въ дѣйствительности тебѣ далеко до этого.

— Хорошо,—сказалъ онъ, кивнувъ головой,—умно сдѣлано.

— О!—вскричала обманутая въ своихъ ожиданіяхъ Мута.— Умно! Это двусмысленная похвала.

— А вотъ здѣсь нехорошо,—онъ указалъ на шею сзади.— Красное сюда не идетъ. Оно убиваетъ все окружающее.

Мута засмѣялась, отошла на два шага и не совсѣмъ охотно согласилась:

— Вы правы. Иногда приглядишься и не замѣчаешь.. послушайте, я подозрѣваю, что вы тоже немного изъ нашей братіи...

— Да нѣтъ-же, вы знаете, что онъ ассесоръ губернскаго правленія,—вставила Марилиза.

— Жаль! она, несомнѣнно, глупа,—подумалъ Саша,—но неужели у нея дѣйствительно такая чудная шея?

И его взглядъ скользнулъ по тоненькой, гибкой шейкѣ, съ которой соскользнула спасительная салфеточка.

Модель покраснѣла, но на этотъ разъ не прикрылась опять а спросила:

— Вы не находите забавнымъ, что меня пишутъ *décolletée*? Я хотѣла непремѣнно въ амазонкѣ... Но она такъ,—такъ...

. Упряма, какъ оселъ,—докончила Мута.—Тотъ, кого я пишу, на время становится моей собственностью, и я наряжаю его по своему вкусу. И писать я могу не всякаго. Оригиналъ долженъ хоть сколько-нибудь интересовать меня, иначе моя кисть отказывается служить. Вотъ этимъ,—она указала на портретъ,—я довольна. Это настоящій типъ дѣвушки *fin-de-siècle*, изъ породы здоровыхъ, дрессированныхъ на свободѣ. Ни жиру, ни блѣдности отъ сидѣнья взаперти, ни вялости тканей: тѣло гибкое, плотное, всѣ мышцы хорошо развиты... взгляните, напримѣръ, на этотъ великолѣпный мускулъ затылка...

Она обернулась къ своей модели, похлопала по указанному мѣсту и, увлекшись, даже не сообразила сразу, почему Марилиза такъ сконфузилась и прошептала:—Но, Мута, какъ вы можете?..

— Развѣ не жаль было-бы закрыть этотъ дивный мускулъ глупымъ чернымъ сукномъ? И потомъ красный шелкъ такъ выгодно оттѣняетъ этотъ чистый, чуть желтоватый тонъ кожи... Ага! тутъ надо исправить.

Она взяла кисть и продолжала писать.

— Вы не находите, что я поступила правильно, взявъ лицо не прямо, а *à trois quarts*?—спрашивала она, не переставая работать.—Собственно говоря, лицо для этого слишкомъ узко. Но надо же было выдѣлить линію носа,— эту фамильную черту!

— Словно передъ ней не человѣкъ сидитъ, а кукла,— думалъ Саша.

Но Марилизѣ, повидимому, нравилась эта безцеремонная критика ея внѣшности. Она была болѣе обыкновеннаго оживлена.

Черезъ четверть часа, когда Саша собрался уходить, чтобъ не мѣшать художницѣ работать, та запротестовала:—Ахъ нѣтъ, оставайтесь. Вы ничуть не мѣшаете. Напротивъ. Малютка си-

дитъ уже давно, а въ такихъ случаяхъ у нея лицо принимаетъ сонное выраженіе... Разговоръ отличное подспорье...

— Разскажите мнѣ о гамбургскихъ скачкахъ, пожалуйста!—хорошо?—просила Марилиза.—Вѣдь вашъ Локи, говорятъ, чуть-чуть не взялъ перваго приза?

Онъ засмѣялся.—Чуть-чуть, да. Въ сущности, это былъ жестокій—провалъ...—И онъ подробно разсказалъ, какъ было дѣло.

Марилиза чувствовала себя, какъ рыба въ водѣ. Она знала имена и родословную всѣхъ извѣстныхъ скаковыхъ лошадей и сыпала спортсменскими терминами, словно профессіональный жокей.

— Вы могли бы, господинъ ассесоръ, приходить почаще и разсказывать ваши скаковые анекдоты,—сказала Мута, когда сеансъ былъ оконченъ.

— Развѣ вы тоже интересуетесь спортомъ?

— Я? Нѣтъ. Я даже и не слушала. Но мой портретъ... совсѣмъ иначе пишется, когда эта мордочка вся смѣется и свѣтится оживленіемъ!

Ага, значитъ, онъ нуженъ только какъ средство для достиженія цѣли. Въ неискренности Муту Ленцъ упрекнуть было трудно!

III.

Въ домѣ Ширмера *junior* происходили крестины.

— Слава Богу, первое дѣйствіе кончилось,—сказалъ Саша, присаживаясь къ нарядно изукрашенному столу, возлѣ дѣвицы фонъ-Грутенау.—Я не терплю подобныхъ церемоній, по крайней мѣрѣ, въ такихъ домахъ, какъ нашъ, гдѣ каждый зѣваетъ украдкой...

— Вовсе нѣтъ,—возмутилась молодая дѣвушка:—все было такъ торжественно—убранный цвѣтами алтарь и чудная игра на гармоніумѣ...

— И рѣчь, которой, къ счастью, на три четверти никто не разслышалъ.

— Да, это, правда, было нѣсколько утомительно. Я такъ боялась, какъ бы не расхохотаться!

Дѣло въ томъ, что священный обрядъ, выполненный пасторомъ надъ утопающимъ въ кружевахъ младенцемъ, показался этому послѣднему неслыханной дерзостью, и онъ протестовалъ энергическимъ крикомъ. Чѣмъ больше возвышалъ священникъ свой кроткій сдобный голосъ, тѣмъ громче ревѣло маленькое чудовище, словно канарейка, которая, какъ извѣстно, заливается всего усерднѣе во время оживленной бесѣды. По счастью, къ наступленію торжественной минуты,

когда крестные должны были вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, ребенокъ докричался, наконецъ, до того, что уснулъ. Но Марилиза долго еще не довѣряла маленькому спящему грѣшнику и каждую минуту ждала, что произойдетъ что-то ужасное. Вытянувшись въ струнку и не шевелясь, словно держа подносъ, уставленный стеклянной посудой, она держала опасный конвертикъ на вытянутыхъ тонкихъ рукахъ и поспѣшила, какъ только это было возможно, передать его Вѣрѣ.

Вѣра выказала больше умѣнья. Прелестная, какъ мадонна, она склонилась надъ сморщеннымъ краснымъ личикомъ и улыбалась ему такъ кротко, такъ мило, что ея кумъ, молодой Браунштедтъ—Браунштедтъ и Ко-. фабриканты химическихъ продуктовъ—въ тотъ же мигъ смертельно влюбился въ неё. Но всего примѣрнѣе держалъ себя второй крестный, совѣтникъ ремесленной управы, Бушманъ, старый холостякъ. Онъ, повидимому, спеціально ради этого случая изучилъ руководство для мамокъ, и все время, пока ребенокъ оставался у него на рукахъ, переступалъ съ ноги на ногу, тихонько укачивая младенца. Не доставало только, чтобъ онъ запѣлъ: „Баю-баю“!

Церемонія, наконецъ, кончилась; теперь можно было отдохнуть отъ неудобнаго торжества, подкрѣпляясь шампанскимъ и устрицами.

Столъ, по совѣту Вѣры, былъ убранъ сиренью, той чахоточной, искусственно доведенной до преждевременнаго расцвѣта сиренью, которая въ этотъ сезонъ обѣщала сдѣлаться моднымъ цвѣткомъ. Въ *pendant* къ этому всѣ лампы были затѣнены лиловымъ. Мягкій матовый свѣтъ смягчалъ блескъ серебра и хрусталя. Голубоватый свѣтъ нѣжно и скромно игралъ на глянцовитой лысинѣ дѣда новорожденнаго, сидѣвшаго на почетномъ мѣстѣ, возлѣ хорошенькой юной матери, почти черезчуръ нарядной въ своемъ тяжеломъ платьѣ изъ розовой парчи.

Онъ прекрасно выглядѣлъ, старый—то есть, такъ называемый старый Ширмеръ, типъ крупнаго коммерсанта, съ своими пепельными бакенбардами-котлетками, статной фигурой и свѣжимъ, немного пухлымъ лицомъ, на которомъ выраженіе полнаго достоинства добродушія уживалось рядомъ съ несомнѣннымъ лукавствомъ.

Напротивъ него, на почетномъ мѣстѣ рядомъ съ пасторомъ, сидѣла его супруга. Она была средняго роста, но еще и теперь видно было, что когда-то она была красавица, хотя теперь она ожирѣла и поблекла, сильно пудрилась и сверкала ослѣпительными вставными зубами. Лицо у нея было какое-

то натянутое и время отъ времени нервно подергивавшееся, такъ что на неё тяжело было долго смотрѣть.

Она оглядывала сидѣвшее за столомъ общество въ черепаховый лорнетъ, кивала головой то одному, то другому, улыбаясь приторно слащавой улыбкой, и про себя находила, что Густавъ и его жена не умѣютъ составить себѣ приличнаго круга знакомыхъ. Ея невѣстка, Сузхенъ—славная и хорошенькая бабеночка, но добиться успѣха въ свѣтѣ, принимать у себя—этого она совершенно не умѣетъ. Да и самъ Густавъ—онъ, правда, не чуждъ маленькаго тщеславія, но, въ сущности, и онъ всего привольнѣе чувствуетъ себя за товарищескимъ, непринужденнымъ обѣдомъ въ кругу „молодыхъ Шульце“ и „юныхъ Пичке“. Онъ дѣльный купецъ, Густавъ, но очень дюжинный человѣкъ... Онъ похожъ на свою старшую сестру, Ольгу—эту добрую Ольгу, которая, будучи дочерью милліонера, настолько не поняла своего призванія, что восемнадцати лѣтъ отъ роду влюбилась въ красиваго учителя гимназіи и вышла за него замужъ, не убоявшись скромности этой партіи.

Теперь она опустилась, вѣчно сидитъ дома и каждый годъ рожаетъ дѣтей... Съ такой далеко не уѣдешь. То-ли дѣло Саша и Вѣра. О, эти двое! „Твои хваленые любимчики“,—дразнитъ её мужъ, но въ сущности онъ самъ влюбленъ въ свою прелестную дочку. А насмѣшливому умницѣ-сынку ассесору тоже нѣтъ ни въ чемъ отказа...

Сашѣ не досталось дамы.

Онъ долженъ былъ фактически занимать Марилизу... Ея номинальный кавалеръ, совѣтникъ ремесленной управы Бушманъ, за столомъ посвящалъ себя исключительно ѣдѣ и считался въ высокой степени неопаснымъ для женскихъ сердецъ. Хитрая Вѣра нарочно посадила его рядомъ съ подругой. Она съ другого конца стола подняла бокалъ, показывая брату и Марилизѣ что пьетъ за ихъ здоровье, лукаво блеснувъ свѣтло-голубыми глазами, и сдѣлала подругѣ какой-то знакъ, отъ котораго та смутилась и захихикала.

— Глупое ребячество!—подумалъ Саша.—Но линія носа, дѣйствительно, хороша; въ ней есть стиль.

Сегодня Марилиза казалась ему красивѣе прежняго. Послѣ художественной оцѣнки Муты Ленцъ она выросла въ его глазахъ—при томъ-же онъ всетаки питалъ маленькую слабость къ голубой крови, хотя и насмѣхался надъ аристократическими стремленіями матери и Вѣры.

— Не посвятите-ли вы меня въ языкъ знаковъ, съ помощью котораго вы переговариваетесь съ моей сестрой?—спросилъ онъ, наклонившись къ своей сосѣдкѣ.

— Можетъ быть... если вы будете сегодня очень милы!

Ага, Марилиза начинаетъ кокетничать!

— Тссъ!—произнесла она. Священникъ, маленькій, кругленькій человѣчекъ—одно брюшко—поднялъ бокалъ и провозгласилъ цвѣтистый тостъ за героя дня, или, вѣрнѣе, его достоуважаемыхъ родственниковъ. Растроганнымъ голосомъ онъ перечислялъ христіанскія и гражданскія добродѣтели, живущія въ этой милой, почтенной семьѣ, и поздравлялъ младенца, которому благосклонный рокъ судилъ родиться среди такого скопища добродѣтелей.

Саша нервно барабанилъ пальцами по краю тарелки и думалъ про себя: „Старый лицемѣръ! вѣдь онъ самъ не вѣритъ ни одному слову изъ того, что говоритъ. Дѣятельная любовь къ ближнему! Ба! Онъ отлично знаетъ, что папаша ставитъ въ спискахъ пожертвованій крупныя цифры только потому, что этого требуетъ репутація фирмы,—что мамà только потому такъ усердно посѣщаетъ швейные вечера въ женскомъ обществѣ, что она встрѣчается тамъ съ женой оберъ-президента,— что Густавъ бываетъ въ церкви только разъ въ годъ,—въ день рожденія императора,—чтобы показаться въ формѣ поручика запаса,—а нашу маленькую Вѣру онъ самъ поймалъ на томъ, что она за урокомъ Катихизиса читала „*Monsieur, Madame et Bébé*“, пряча книгу подъ столъ. Наконецъ, я... положимъ, именно во мнѣ есть кое-какіе задатки религіозности, и я, пожалуй, могъ-бы сдѣлаться вѣрующимъ, если бъ—да, если бъ все вокругъ меня было совсѣмъ, совсѣмъ по другому... У меня бывали иногда метафизическія стремленія...

Но тотчасъ же онъ расхохотался самъ надъ собой. У него метафизическія стремленія! У него, съ его усталой, безплодной душей!.. Нервные аффекты, сплинъ, — потребность въ ощущеніяхъ—ничего больше; ничѣмъ инымъ и не могли быть эти овладѣвающіе имъ по временамъ приступы тоски по чемъ-то хорошемъ, святомъ, ради чего стоитъ жить...

Въ сущности, онъ совершенно изъ того же тѣста, что и всѣ эти вылощенные, упитанные, изукрашенные драгоцѣнными камнями женщины и мужчины, окружающіе его—можетъ быть, немножко утонченнѣе, чуточку вдумчивѣе, съ болѣе тонкими нервами...

— Да-да, вы совершенно правы, спуску давать нельзя; такую лошадь нужно воспитывать,—говорилъ онъ, разсѣянно улыбаясь Марилизѣ, только что описывавшей ему проказы своей молодой рыжей лошади.

— Ахъ!—вздохнула она, —я такъ желала бы избавиться отъ Гудруны! О, если бъ я могла дѣлать, что хочу...

— Ну, чего же такъ жаждетъ ваше сердечко?

Новый вздохъ.—Графъ Дона продаетъ своего Валаха; это

двухлѣтокъ, чудный, породистый—отъ Губернатора и Леилы,—этого довольно, не правда-ли?.. Вотъ было бы наслажденіе ѣздить на немъ! Но Дона проситъ за него такую цѣну... объ этомъ нечего и думать. Папаша прямо высмѣялъ меня, когда я завела рѣчь о Валахѣ. А между тѣмъ...

— Достойные друзья и милые гости!—Это поднялся тайный коммерціи совѣтникъ. Его рѣчь была красой всѣхъ застольныхъ рѣчей. Вслѣдъ затѣмъ консулъ Мейеръ предложилъ тостъ за здоровье крестныхъ, потомъ молодой Пичке—за здоровье братьевъ и сестеръ Ширмеръ; тосты слѣдовали одинъ за другимъ; всегда находился какой-нибудь милый, достойный, превосходнѣйшій человѣкъ, котораго необходимо было почествовать...

Застольное остроуміе, трогательныя рѣчи, рукопожатія, брудершафты, трескъ конфектъ съ сюрпризами, крики „*Hoch*!" въ повышающихся и понижающихся аккордахъ, одинаково фальшивыхъ — настоящее, неподдѣльное, оживленное настроеніе семейнаго торжества, подъ конецъ все болѣе и болѣе переходящее въ банальную и шумную развязность!..

— У васъ такой видъ, какъ будто все происходящее здѣсь васъ ни капельки не интересуетъ,—замѣтила Марилиза, несовсѣмъ довольная своимъ кавалеромъ,—вамъ, должно быть, смертельно скучно.

— Помилуйте; возлѣ васъ...

Марилиза пожала плечами, потомъ засмѣялась, не безъ лукавства.

— Знаете, что про васъ сказала Мута, когда вы ушли?

— Что же? Это интересно.

— Собственно говоря, это страшная нескромность...

— Нескромности приправа разговора. Итакъ...

— Она сказала: „Прекрасный трупъ!" Но что она подразумѣвала подъ этимъ, этого она не объяснила.

— И сказаннаго достаточно.

Саша задумался. Онъ ожидалъ другого — какого-нибудь лестнаго замѣчанія о его художественномъ чутьѣ, пониманіи дѣла...

Прекрасный трупъ! Значитъ-ли это...

Въ сущности, эта грубіянка Мута права.

Ему чего-то недостаетъ для того, чтобы быть настоящимъ, живымъ человѣкомъ.

Вѣдь вотъ только что онъ чувствовалъ себя—какъ слишкомъ часто чувствовалъ себя въ веселой компаніи — совершенно несчастнымъ; все ему казалось пошлымъ, противнымъ, всѣ лица каррикатурными. И это зовется удовольствіемъ, радостью жизни!—а въ немъ этой радости нѣтъ ни капли, ни единой капли! Скорѣй бы ужъ это кончилось! Больше

онъ ничего не желалъ, — но при всемъ томъ онъ казался себѣ существомъ высшей породы, исключительнымъ человѣкомъ...

Эти курьезныя слова странно волновали его. Что мѣшаетъ ему быть веселымъ съ веселыми? Быть можетъ, просто утонченность вкуса, умственное превосходство надъ окружающими? Или же нравственное безсиліе, слабость, душевная пустота?..

— *Prosit*, Саша!—подошла Вѣра съ полнымъ бокаломъ и чокнулась съ нимъ, но при этомъ глядя не на него, а прямо передъ собой. Саша не могъ понять, кого она ищетъ глазами и что въ нихъ за странный, переливающійся блескъ... Тамъ возлѣ окна сидятъ одни только пожилые люди. Вѣдь не на толстаго же консула Мейера она смотритъ съ такимъ выраженіемъ. Пфуй, какая гадость—конечно, нѣтъ! Это вульгарное мѣдно-красное лицо. И при томъ, онъ уже совсѣмъ готовъ.—Чортъ побери, что же вы зѣваете по сторонамъ!—только что крикнулъ онъ лакею, пролившему на полъ шампанское. То былъ Францъ, конюхъ коммерціи совѣтника, котораго сегодня облекли въ ливрею и отправили къ Густаву, въ помощь тамошнимъ слугамъ... Какъ можно такъ кричать на чужого лакея!

— Ну что, Сашурка, тебѣ весело? — спрашивала Вѣра, насмѣшливо заглядывая въ лицо брату.

Какіе у нея странные глаза! „Глаза мадонны“—говорили люди, въ первый разъ видѣвшіе Вѣру Ширмеръ.

Но нѣтъ, то не были глаза мадонны. Въ нихъ свѣтилось что-то извращенное, что-то нечистое. И вся ея элегантная фигурка съ выгнутой линіей стана, съ плоской маленькой грудью, выдвинутой впередъ, благодаря искусному покрою платья, съ пикантнымъ личикомъ, обрамленнымъ пепельно-бѣлокурыми вьющимися волосами, напоминала женскіе типы изъ *Vie parisienne*. „Плѣнительное созданіе! — но я предпочелъ бы, чтобы она не была моей сестрой“, — думалъ Саша.

— За здоровье твоего человѣка-лягушки!—сказала Марилиза, чокаясь съ подругой.

— Ахъ да, милый человѣкъ-лягушка!—засмѣялась Вѣра.— Сегодня онъ опять чуть не цѣлый часъ парадировалъ подъ нашими окнами. Такая любовь не можетъ не тронуть. Мое сердце начинаетъ пламенѣть къ нему. Ахъ, Марилиза!—Она вздохнула съ комической аффектаціей.—Но какая ты сегодня прелесть, мое сокровище! — И она съ демонстративной нѣжностью поцѣловала пріятельницу прямо въ губы.

Саша испытывалъ такое чувство, какъ будто ему слѣдовало защитить Марилизу отъ этихъ ласкъ. Маленькая спортсменка рядомъ съ Вѣрой смотрѣла такой простенькой и чистой.

Это, по крайней мѣрѣ, настоящій дѣвичій взглядъ. Исцѣлиться душой, окунувшись въ эту чистоту...

Можетъ быть...

Ахъ, вздоръ какой! въ сущности, Марилиза не что иное, какъ маленькая овечка.

Онъ положительно начинаетъ впадать въ сантиментальность.

Это вліяніе шампанскаго. Пройдетъ...

IV.

Было около полуночи.

Саша Ширмеръ удалился въ свои покои. Вытянувшись во всю длину, онъ лежалъ на покойнѣйшемъ диванѣ и курилъ наргиле, вывезенное имъ изъ Константинополя. Обвитый золотой спиралью рукавъ блестящей змѣйкой вился по краю дивана. Саша любилъ курить кальянъ. Онъ находилъ, что медлительное втягиваніе дыма успокаиваетъ нервы.

Мать была очень не прочь удержать его послѣ крестинъ на часокъ у себя и посмѣяться вмѣстѣ съ нимъ надъ мелкими промахами невѣстки, надъ слишкомъ молодымъ туалетомъ коммерціи совѣтницы Гесфельдъ и глупымъ тостомъ консула Мейера; съ Сашей она любила посмѣяться надъ другими—онъ былъ такъ наблюдателенъ, ея мальчикъ, и она всегда гордилась, когда онъ раздѣлялъ ея мнѣніе. Но сегодня онъ не доставилъ ей этого маленькаго удовольствія, отговорившись усталостью, полнымъ изнеможеніемъ.

Взоры его мечтательно блуждали по комнатѣ, отдѣланной съ утонченной роскошью. Совсѣмъ особенная комната. Преобладающій стиль — японскій. Богатыя шелковыя вышивки на стѣнахъ, хорóшенькая черная мебель съ инкрустаціей, расписныя вазы, старая японская бронза и рѣзная слоновая кость, и тутъ же множество произведеній современнаго искусства. На мольбертѣ стояла великолѣпная копія Беклиновскаго *Лѣсного Безмолвія*; надъ письменнымъ столомъ висѣла въ рамкѣ изъ темныхъ драпировокъ чудная, масляными красками писанная картина: воздушная, вся пронизанная лучами заката женская фигура Бенара—гордость Саши, заплатившаго за нее цѣлое маленькое состояніе! На полкахъ вдоль стѣнъ красовались переливавшіеся всѣми цвѣтами радуги бокалы Галле и пестрыя майолики; въ одномъ углу стоялъ желтоватый мраморный бюстъ — изящная головка Клео де-Меродъ; съ потолка спускалась дивной красоты лампада желтой мѣди, древне-арабской работы. Плоская оконная ниша была весьма цѣлесообразно превращена въ

библіотеку; мягкій бархатный персидскій коверъ раскинулъ передъ диваномъ свой изящный узоръ.

Теперь все здѣсь было окутано мягкимъ сумракомъ; только на диванъ падалъ розовый свѣтъ электрической лампочки подъ колпачкомъ изъ розоваго стекла.

— И къ чему было все это таскать сюда?—думалъ Саша, останавливая взглядъ на *Лѣсномъ Безмолвіи*, почти неузнаваемомъ въ этомъ полусвѣтѣ,—вѣдь это же нелѣпость. Потому только, что вещь намъ когда-то и гдѣ-то понравилась, мы хотимъ пригвоздить испытанное наслажденіе, какъ будто обладаніе нравящимся предметомъ гарантируетъ намъ вѣчное наслажденіе! А между тѣмъ, именно привычка убиваетъ чувство удовольствія; воспріимчивость въ данномъ направленіи притупляется; вещь перестаетъ дѣйствовать; настроенія не удержать. А когда нѣтъ надлежащей воспріимчивости, *Лѣсное Безмолвіе* кажется намъ совершенно такимъ же безсмысленнымъ, какъ какая-нибудь глупѣйшая модная картинка.—Какъ его когда-то захватила эта картина! Теперь онъ напрасно старался вызвать въ себѣ прежній благоговѣйный трепетъ; это ему рѣшительно не удавалось.

Какъ давно ужъ онъ не испытывалъ подобнаго трепета, не ликовалъ, не благоговѣлъ!.. О, еще бы хоть разъ забыться, потопить свое *я* въ могучемъ захватывающемъ чувствѣ!..

Лучше этого вѣдь ничего нѣтъ на свѣтѣ.. Почему у него цѣлый вечеръ не выходитъ изъ головы этотъ глупый отзывъ художницы? „Прекрасный трупъ!..“ Онъ всталъ, зажегъ свѣчи на туалетномъ столикѣ въ прилегающей къ кабинету спальнѣ и сталъ разглядывать въ зеркало благородную узкую голову съ рѣдѣющими уже на темени бѣлокурыми волосами, съ обведенными тѣнью глазами, блѣднымъ лицомъ и остроконечной бородкой *Henri-quatre*... Аристократическое лицо. Кто-то увѣрялъ, что онъ напоминаетъ знаменитый портретъ Ванъ-Дейка... И выраженія въ этихъ чертахъ, право, достаточно! — Прекрасный трупъ! — Пошлое опредѣленіе! А между тѣмъ, оно задѣвало Сашу. Какъ будто эта дѣвушка съ лучистыми глазами заглянула въ его душу и съ перваго взгляда замѣтила тамъ страшную усталость и пустоту — отсутствіе душевной бодрости и охоты, нерѣдко вызывавшее въ немъ самомъ отвращеніе къ себѣ...

Онъ былъ сегодня въ раздумчивомъ настроеніи.

Онъ много пилъ, но этотъ хрупкій нервный человѣкъ могъ поглощать неимовѣрныя количества вина — этому онъ выучился въ Гейдельбергѣ. Вино только возбуждало въ немъ мозговую дѣятельность, по крайней мѣрѣ, первыя три бутылки.. Онъ вернулся въ кабинетъ и вынулъ изъ рамки фотографію—свою собственную, въ пятнадцать лѣтъ.

Съ какой-то нѣжностью смотрѣлъ онъ на это тонко-очерченное, грустное дѣтское лицо. Это былъ эскизъ его собственной личности, многобѣщавшій эскизъ,—картина не сдержала этихъ обѣщаній.

Тогда жизнь была для него еще закрытой волшебной книгой, и онъ стоялъ передъ ней, пылкій, требовательный, полный любопытства и страстной тоски.

Теперь онъ раскрылъ книгу и вмѣсто волшебныхъ формулъ, полныхъ глубокаго смысла, нашелъ въ ней лишь банальныя азбучныя истины...

А вѣдь судьба не была ему мачихой, напротивъ: она дала ему очень многое и дала бы еще больше, еслибы онъ только захотѣлъ.

Юношей онъ мечталъ о карьерѣ художника: его необычайный талантъ къ рисованію бросился ему въ голову,—но отецъ скоро выбилъ у него изъ головы эту дурь, преподнеся ему въ видѣ вознагражденія блестящую завидную молодость въ своемъ собственномъ вкусѣ.

Сначала годы студенчества съ безконечной смѣной впечатлѣній, потомъ веселое время службы въ гусарахъ, потомъ... потомъ нервныя боли, эти безобразные припадки, которые такъ часто пугали его... Докторъ предписалъ полный отдыхъ, и Саша въ теченіе двухъ лѣтъ путешествовалъ, побывалъ въ Италіи, Испаніи, Египтѣ, Индіи, объѣздилъ половину земного шара.

Потомъ онъ поступилъ на службу. И всюду ему сглаживали дорогу, всюду у него находились хорошія связи, складывались пріятныя отношенія...

Да, если смотрѣть на вещи объективно, жизнь собственно все время не переставала баловать его, все время усыпала розами его путь, а между тѣмъ ему теперь казалось иногда, что подъ розами скрывались острые когти. Потихоньку, прикрываясь сладкими льстивыми словами, эта лицемѣрка-жизнь украла у него его лучшія сокровища: наивную жизнерадостность, вѣру въ людей, довольство самимъ собой.

Быть можетъ, онъ слишкомъ расходовалъ себя, слишкомъ интенсивно жилъ, слишкомъ часто заглядывалъ въ потайные уголки и щели, и зрѣніе у него было слишкомъ острое...

— Сплинъ и ничего больше. Мнѣ не слѣдовало пить стараго шабли. Послѣ него на меня всегда нападаетъ хандра.

Онъ распахнулъ окно и высунулся въ него.

Его комнаты выходили на заднюю сторону дома, въ превосходно содержащійся миніатюрный паркъ. Вздрагивая отъ холода, онъ вглядывался въ волшебную картину ночного пейзажа.

Деревья бросали длинныя, рѣзко очерченныя тѣни на гравій залитыхъ луннымъ свѣтомъ дорожекъ.

Ни звука вокругъ.

Мертвая тишина, словно садъ этотъ былъ забытъ цѣлымъ свѣтомъ, словно вѣтеръ никогда не шелестилъ листами этихъ деревьевъ, никогда птица не пѣла на этихъ вѣтвяхъ...

Этотъ тихій садъ навѣвалъ тоску, наполнялъ душу какимъ-то томленьемъ, печальнымъ, какъ смерть.

Саша закрылъ окно.

Сегодня онъ не могъ выносить этой тишины, этого луннаго свѣта. Онъ хотѣлъ, чтобы его настроеніе вылилось въ опредѣленную форму. Для этого ему нужны были нѣкоторыя внѣшнія приспособленія. Онъ бросился на диванъ, уткнулся головой въ большую подушку, обтянутую шелковой прохладной хрустящей тафтой, взялъ маленькую рѣзную деревянную табакерку—сирійскаго происхожденія,—разливавшую вокругъ совсѣмъ особенный, сладкій, ядовито удушливый запахъ, и раскрылъ свою любимую книгу—стихотворенія Боделэра, демоническаго родоначальника нынѣшняго декадентства.

Онъ читалъ *Madrigal triste*... Мягкій ритмъ этихъ стиховъ, въ соединеніи съ восточнымъ ароматомъ и прикосновеніемъ хрустящаго шелка, вызывалъ въ его воображеніи всегда одинъ и тотъ же образъ — образъ женщины, которую онъ когда-то любилъ—болѣзненной красавицы русской, съ блѣдной, какъ воскъ, кожей и грустными зелеными глазами. Это было нѣчто вродѣ вызыванія духовъ естественнымъ путемъ, но сегодня и это не удавалось — блѣдная Татьяна не хотѣла явиться... Что-то мѣшало этому; съ ковра подымался какой-то рѣзкій назойливый запахъ, непріятный, но бодрящій и благодѣтельно дѣйствовавшій на Сашу—совсѣмъ иначе, чѣмъ запахъ сирійскаго букса. Чѣмъ же это пахнетъ?.. чѣмъ? А—теперь онъ знаетъ—скипидаромъ. Горничная сегодня натирала паркетъ... Теперь онъ зналъ и то, почему этотъ запахъ навѣвалъ на него такое пріятное чувство свѣжести. Точно также пахло вчера у Грутенау, когда Эрдмута Ленцъ работала надъ портретомъ. И вдругъ она встала передъ нимъ, какъ живая — крупная, сильная, широкоплечая, съ роскошнымъ бюстомъ и грубоватымъ, полнымъ юмора лицомъ, насмѣшливо улыбающаяся, глядя на него. Крупныя выразительныя губы усмѣхнулись, прошептавъ: „Прекрасный трупъ!“ И, не смотря на насмѣшку, улыбка была добрая, и отъ всей этой крупной фигуры вѣяло такимъ отраднымъ тепломъ... Саша почувствовалъ себя утомленнымъ; онъ всталъ, погасилъ электричество и пошелъ спать. Засыпая, онъ зналъ, что ему будутъ сниться хорошіе сны.

V.

Прошла недѣля. На верфи Вулкана царило еще большее оживленіе, чѣмъ обыкновенно — какая-то особенно веселая праздничная работа, торжественное ожиданіе.

Сегодня долженъ былъ совершиться спускъ новаго броненосца, и принцъ Карлъ Іоахимъ милостиво выразилъ согласіе самолично окрестить новое судно.

Огромный и массивный высился гигантъ корабль, въ послѣдній разъ показывая дневному свѣту все свое тѣло, прежде чѣмъ наполовину окунуться въ стихію, которой онъ отнынѣ долженъ былъ принадлежать.

На площадкѣ, отведенной для зрителей, направо тѣснилась огромная толпа народа, съ любопытствомъ ожидая прибытія своего повелителя. Посрединѣ, въ самой гущинѣ стояли Саша Ширмеръ и Эрдмута Ленцъ. Саша терпѣть не могъ толкаться въ толпѣ, да еще ради того, чтобы присутствовать при крещеніи судна. Это была жертва, принесенная имъ молодой художницѣ. Ей такъ хотѣлось увидѣть спускъ броненосца. А такъ какъ изъ Грутенау никто не могъ поѣхать, онъ предложилъ въ проводники себя.

Онъ и Мута были уже не чужіе другъ другу.

Уже на другой день послѣ семейнаго торжества онъ воспользовался ея приглашеніемъ приходить почаще и забавлять ея модель анекдотами изъ области спорта, и съ тѣхъ поръ не разъ возобновлялъ свои посѣщенія.

Результатъ каждый разъ получался отличный. Какъ только онъ входилъ въ комнату, въ породистомъ личикѣ появлялись жизнь и движеніе.—Она влюблена въ него. Это благопріятное обстоятельство,—думала Мута.

Собственно Марилиза была влюблена въ долговязаго Притвица, пазевалькскаго кирасира. Это было естественно. Такъ ужъ изстари ведется, чтобы нормальныя дворянскія дѣвицы влюблялись въ поручиковъ. Въ иной формѣ убогая фантазія Марилизы до сихъ поръ не рисовала себѣ любви.

Но у Притвица было немного, а у Марилизы и вовсе ничего.

А потому этой страсти суждено было остаться безнадежной. Безнадежныя же страсти хороши въ романахъ — даже иной разъ страшно трогательны,—но въ жизни съ теченіемъ времени надоѣдаютъ. И потому сердечко дѣвицы фонъ-Грутенау съ недавняго времени перемѣнило курсъ и билось уже въ другомъ направленіи. Марилиза неожиданно пришла къ убѣжденію, что можно любить и штатскаго... когда онъ сынъ милліонера, превосходно сидитъ на лошади,носитъ сюртуки

только отъ Шлихтера въ Гамбургѣ и всѣми понимающими людьми признанъ безукоризненнымъ кавалеромъ.

Съ каждой встрѣчей перспектива принести себя въ жертву, сдѣлавшись женой чиновника мѣщанскаго происхожденія, казалась Марилизѣ все менѣе и менѣе тягостной.

Да и происхожденіе Саши Ширмера было не такое ужъ низкое. Мать его изъ русскихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, а одинъ ея дядюшка, съ фамиліей на *„кой"* или на *„овъ"*, былъ даже чѣмъ-то вродѣ князя.

Нѣтъ, Марилиза твердо рѣшила принять его предложеніе. Что дѣло зависитъ только отъ нея, это было ясно, какъ день. Иначе чего бы ради ему такъ часто приходить въ мастерскую?

Ей даже не приходило въ голову, что Сашу могъ притягивать другой магнитъ.

Правда, въ большинствѣ случаевъ онъ очень скоро переходилъ съ разговоровъ о спортѣ на другія темы и подолгу бесѣдовалъ съ художницей объ искусствѣ, литературѣ, взглядахъ на жизнь, и въ этихъ бесѣдахъ модель не всегда оказывалась „на высотѣ". Ну такъ что-жъ? Конечно, Мута очень милая и интересная. Не удивительно, что умница Саша охотно болтаетъ съ ней. Но влюбиться въ нее? О нѣтъ! Мута не создана для любви — такая самостоятельная, талантливая работница.

И до извѣстной степени Марилиза была права.

Нѣтъ, Саша не былъ влюбленъ въ эту высокую смуглую дѣвушку.

Но ему было съ ней хорошо.

Она дѣйствовала на него, какъ углекислая ванна. А Саша обожалъ углекислыя ванны.

Когда они ссорились, а они ссорились часто—его душа словно просыпалась отъ долгой зимней спячки; жизнь казалась ему чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ,—почти казалось, что стоитъ жить.

Ему хотѣлось бы всегда имѣть ее возлѣ себя.

Это онъ навелъ генеральшу на мысль заказать Мутѣ портретъ и старшей дочери, госпожи фонъ-Штейнъ изъ Пазевалька, пріѣхавшей къ нимъ погостить съ своимъ маленькимъ сыномъ. Возможно, что ее попросятъ написать и малютку.

Такимъ образомъ, пребываніе художницы въ Штетинѣ обезпечено на нѣсколько недѣль.

Вначалѣ она возражала, говоря, что ей неудобно такъ надолго отлучаться изъ Мюнхена, что заживаться такъ долго въ чужомъ домѣ,—это уже граничитъ съ прихлебательствомъ. Но тѣмъ не менѣе, ей жилось у Грутенау хорошо и привольно, и вся семья, начиная отъ добраго, стараго черноборо-

даго генерала и кончая маленькимъ Гансомъ, была безъ ума отъ милой дѣвушки.

Сегодня она была довольна, какъ ребенокъ. Эта огромная верфь со складами угля и лѣсопильными машинами, съ кузнечными горнами, плотничьими мастерскими, доками, гдѣ строили, и доками, откуда спускали суда, весь этотъ огромный муравейникъ, съ кипучей, многообразной и разнообразной работой, былъ для нея новымъ міромъ. До сихъ поръ промышленность была ей чужда.

Сегодня она впервые постигла величіе совмѣстной работы массъ для общей практической цѣли, впервые почувствовала поэзію труда.

Взоръ ея съ удивленіемъ скользилъ по высокой стѣнѣ корабля, и она внимательно слушала объясненіе молодого человѣка, случайно очутившагося возлѣ нея въ толпѣ и охотно отвѣчавшаго на всѣ ея вопросы по поводу судостроительства, которыми она напрасно осыпала Сашу. Это, очевидно, былъ техникъ и знающій дѣло. Сашу нѣсколько шокировала непринужденность, съ которой она вела разговоръ съ этимъ совершенно незнакомымъ ей—ужъ совсѣмъ не салоннаго типа—юношей, и онъ старался отвлечь ея вниманіе, направивъ его на публику.

Но въ данный моментъ корабль интересовалъ ее больше.

— Только бы онъ, подлецъ, съѣхалъ, какъ слѣдуетъ!— говорилъ техникъ.—Вѣдь бываетъ и такъ, что корабль не идетъ да и только. Я самъ видѣлъ. Всѣ ждутъ, канаты перерѣзали, а онъ, мерзавецъ, стоитъ и стоитъ, словно приросъ къ элингу. Этакая пакость! Должно быть, деревянные рельсы не натерли, какъ слѣдуетъ, мыломъ.

— Начинается, фрейленъ Мута, — шепнулъ Саша пріятельницѣ.

На трибунѣ, противъ форштевена показался принцъ, высокій пожилой господинъ въ флотскомъ мундирѣ; за нимъ слѣдовала его свита, директора правленія Вулкана, и пара штеттинскихъ „шавокъ“.

Напротивъ этой трибуны, передъ самымъ корпусомъ судна тѣмъ временемъ тоже собралось много народу: чиновники Вулкана, инженеры, техники и толпа рабочихъ.

Сердце Муты забилось быстрѣй, когда она сравнила между собой эти двѣ группы. Тамъ декорація, фирма, здѣсь—трудъ. Дѣвушку больше тянуло къ послѣдней группѣ. Она сама была изъ простого званія и демократическихъ взглядовъ. Но больше всего приковывали ея вниманіе, какъ художницы, отдѣльныя личности,—крупныя плечистыя фигуры, загорѣлыя лица; этотъ сѣверно-нѣмецкій типъ былъ въ ея вкусѣ.

Торжество началось.

Принцъ говорилъ долго и хорошо.

Рѣзкимъ, пронзительнымъ, настоящимъ командирскимъ голосомъ говорилъ онъ о значенiи флота для прогресса родины, о необходимости имѣть большiя силы на морѣ, о постоянномъ отрадномъ ростѣ нѣмецкаго флота, и почтенной дѣятельности этой по заслугамъ процвѣтающей верфи. Потомъ онъ перешелъ къ значенiю сегодняшняго торжества и сказалъ, что кораблю будетъ дано имя, сыгравшее крупную роль въ исторiи Гогенцоллерновъ, имя человѣка, заложившаго фундаментъ зданiю прусской монархiи.

При этихъ словахъ, онъ возвысилъ голосъ, и обернулся къ кораблю.—Что это онъ кричитъ, словно унтеръ-офицеръ на своихъ рекрутовъ!—шепнула непочтительная Мута своему другу, который, вмѣсто отвѣта, наморщилъ лобъ и сдѣлалъ: Тссъ! Тссъ!

— Ступай же въ твою волнующуюся стихiю, гордый корабль, и неси славу и честь нѣмецкаго имени въ далекiя чужiя моря. Въ память великаго предка нашего царствующаго дома, я даю тебѣ имя *Бургграфа Фридриха!*

Принцъ поднялъ руку,—бутылка шампанскаго разбилась о форштевенъ броненосца; въ то же мгновенiе спецiальный приборъ, вродѣ гильотины, опустившись, перерубилъ послѣднiе канаты, удерживавшiе на мѣстѣ колосса, и „Бургграфъ Фридрихъ“ вначалѣ медленно, величественно, потомъ все быстрѣй и быстрѣй съѣхалъ внизъ по крутому спуску и, наконецъ, стремительно, словно смѣлый водолазъ, ринулся въ зеленыя волны.

Моментъ, когда это гигантское сооруженiе тронулось съ мѣста, былъ захватывающiй—моментъ напряженнаго трепетнаго вниманiя, тайнаго страха,—что если оно вдругъ накренится на бокъ, что если оно упадетъ! вѣдь оно размозжитъ все вокругъ! И въ тотъ же моментъ иное, благороднѣйшее волненiе проникло въ сердца, заставивъ ихъ биться быстрѣе—радость свершеннаго дѣла.

Мута не могла удержаться, чтобъ не высказать своихъ мыслей.

— Когда видишь такiя вещи, гордишься тѣмъ, что ты человѣкъ. Выдумать этакую махину, пригнать вмѣстѣ всѣ составныя части такъ искусно, такъ цѣлесообразно,—какой это колоссальный физическiй и умственный трудъ! Удивительное животное человѣкъ: все-то онъ подчинилъ себѣ, все заставилъ себѣ служить, перехитрилъ стихiи, извлекаетъ выгоды изъ силъ природы...

Саша пожалъ плечами.

— И при всемъ томъ, онъ не что иное, какъ жалкiй червь.

Стоитъ поселиться въ его органахъ двумъ тремъ крошечнымъ, невидимымъ простому глазу низшимъ организмамъ, и они понемножку разрушатъ этотъ вѣнецъ творенія; какой-нибудь глупый, безобразный, жестокій недугъ, — и погибъ творческій геній, и погибла сила; все дивное зданіе распадается на отвратительныя составныя части.

— Отдѣльная личность, да,—задумчиво возразила Мута,— но развѣ дѣло въ отдѣльной личности? Забавно,—продолжала она,—когда эта громада соскользнула въ воду, она вамъ не казалась одушевленнымъ существомъ? Это тоже въ своемъ родѣ начало жизненной карьеры.

Ея глаза сіяли, какъ два солнца. И въ сердце равнодушнаго ассесора закралась зависть. Есть же на свѣтѣ такіе люди, способные приходить въ восторгъ отъ спуска корабля. Прямо трогательно. Невзыскательная душенка!.. Но нѣтъ, нѣтъ, это не скромность. Это только художественный взглядъ. Художники, какъ лошади, все видятъ въ преувеличенномъ масштабѣ. И какъ кошки—у нихъ глаза свѣтятся и въ темнотѣ.

Саша нашелъ это сравненіе очень удачнымъ и только что хотѣлъ преподнести его Мутѣ, какъ замѣтилъ, что толпа оттѣснила ее, и она осталась позади.

Въ то же мгновеніе его окликнулъ сослуживецъ, „красавецъ Фрейтагъ“:

— Послушайте, Ширмеръ, кто эта дама, съ которой вы такъ долго бесѣдовали?

— Артистка, изъ...

— Ага, я такъ и думалъ. Новая героиня изъ городского театра, а? Тяжеловѣсная особа!

— Ахъ, да нѣтъ же...—И Саша вкратцѣ объяснилъ коллегѣ, кто такая Мута. А Мута ужъ стояла передъ ними.

Его сердило, что Фрейтагъ принялъ ее за актрису. Почему? онъ врядъ ли сумѣлъ бы объяснить. Быть можетъ, потому, что подъ этимъ крылось невысказанное осужденіе, что въ Мутѣ было что-то вызывающее, бросающееся въ глаза...

Пока „красавецъ Фрейтагъ“ представлялся ей, онъ разглядывалъ ее со стороны.

Безспорно, зеленое суконное платье, съ вышитымъ золотомъ краснымъ болеро, и огромная мягкая красная войлочная шляпа были не совсѣмъ по шаблону, но все же очень приличны.

И красавцу Фрейтагу, повидимому, приглянулась эта незаурядная дѣвушка, потому что онъ поспѣшилъ сѣсть въ одинъ вагонъ конки съ Сашей и Мутой. Саша разсердился на себя, зачѣмъ онъ послушался Муты и избралъ этотъ плебейскій способъ сообщенія.

Въ манерѣ Фрейтага, когда онъ подсѣлъ къ молодой художницѣ, было что-то наглое, полу-насмѣшливое. Онъ, повидимому, смотрѣлъ на нее, какъ на какой-то курьезъ. Да и Мута слишкомъ внимательно разглядывала его.

— Нравится онъ вамъ?—спросилъ Саша, когда тотъ, наконецъ, вышелъ.

— Нѣтъ. Сначала я думала, что онъ красивъ. Но когда онъ снялъ шляпу, красоты какъ не бывало. Неблагородная форма черепа и слишкомъ большія глазныя впадины.

— Штеттинскія дамы находятъ его неотразимымъ.

— Что онѣ смыслятъ въ красотѣ!—презрительно замѣтила художница.

И вдругъ громко расхохоталась.

— О чемъ вы подумали?—спросилъ Саша.

— О томъ, какое у васъ было кислосладкое лицо, когда вамъ пришлось представить мнѣ этого долговязаго франта. Я васъ въ эту минуту очень стѣсняла.

— Фрейленъ Мута, что за идея!

— Да вѣдь мы не очень-то подходимъ другъ къ другу. Знаете, чѣмъ я себѣ иногда кажусь, когда мы бываемъ вмѣстѣ?

— Ну?

— Чѣмъ-то вродѣ человѣка, который въ альпійскихъ сапогахъ, подбитыхъ гвоздями, скользитъ по паркету. Вы такъ адски изящны...

— Что вы потѣшаетесь надо мной.

— Бываетъ. Но все же это мило съ вашей стороны, что вы взяли меня съ собой на Вулканъ... И вообще въ васъ масса хорошаго, только все оно немного подпорчено...

— Чѣмъ же?..

— Чѣмъ? Ну,—скажемъ, духовнымъ малокровіемъ. Не смотрите на меня такими страшными глазами. Все же вы мнѣ нравитесь. Прощайте.

Она протянула ему руку, не глядя, и спрыгнула на полномъ ходу.

VI.

— Ты ѣдешь кататься? — спрашивалъ Саша сестру, въ припрыжку пробѣжавшую мимо него въ узкой черной амазонкѣ, въ которой ея фигурка казалась совсѣмъ дѣтской, высокомъ воротничкѣ, мужскомъ галстухѣ и замшевыхъ перчаткахъ. Волосы ея, заплетенные въ нѣсколько косичекъ,— по англійской модѣ—были плотно прикрѣплены на затылкѣ; все довершалось неизбѣжнымъ цилиндромъ. — У тебя есть провожатый? Или мнѣ поѣхать съ тобой?

— О нѣтъ, благодарствуй. Это совершенно не нужно. Я беру съ собой Франца и заѣду за Марилизой. Францъ для насъ совершенно достаточная защита. *Adieu*!—И она убѣжала.

Саша задумчиво смотрѣлъ ей вслѣдъ изъ окна. Она ѣхала шагомъ по улицѣ, а позади нея—Францъ, англизированный конюхъ, съ красивымъ корректнымъ лицомъ модной картинки. Идеалъ лакейской красоты!

— Надѣюсь, что Марилиза тоже поѣдетъ, — замѣтилъ ассесоръ, обращаясь къ вошедшей въ комнату матери:—я нахожу неприличнымъ, что Вѣра въ послѣднее время такъ часто ѣздитъ одна съ Францомъ.

— Но, милый! Францъ—женатый человѣкъ! И такой надежный. Съ нимъ она такъ же безопасна, какъ подъ охраной родовитѣйшаго кавалера. Послушай: конюхъ! Какъ можетъ тутъ, вообще, быть рѣчь о неприличіи?

Саша молчалъ.

Ему самому было удобнѣе сегодня не сопровождать Вѣры. Такимъ образомъ, онъ могъ ѣхать съ Мутой Ленцъ кататься на велосипедахъ.

Они теперь ѣздили почти каждый день вмѣстѣ.

Иногда ихъ, правда, немножко поддразнивали этой дружбой, но добродушно и безъ всякаго издѣвательства, а Мута сама такъ привыкла быть въ товарищескихъ отношеніяхъ съ молодыми людьми...

Она и сегодня тотчасъ же согласилась ѣхать.

Придя къ Грутенау, Саша подивился, что Марилиза еще дома.

— Я думалъ, что моя сестра увезла васъ кататься.

— Нѣтъ, Вѣра не заѣзжала. Я потомъ поѣду съ папой.

— Такъ, такъ.

Это заставило ассесора призадуматься. Онъ не могъ отогнать отъ себя непріятныхъ мыслей, даже и тогда, когда они съ Мутой выѣхали за городъ и покатили по гладкому Крековскому шоссе.

Свѣжій осенній вѣтеръ дулъ имъ въ лицо; золотой лучъ солнца игралъ на ручкѣ велосипеда, но ассесоръ былъ разсѣянъ и неразговорчивъ.

Мало-по-малу притихла и Мута. Она не требовала, чтобы ее постоянно занимали разговоромъ, и слишкомъ хорошо понимала, что человѣку иногда бываютъ интереснѣе его собственныя мысли, чѣмъ его собесѣдникъ. Она сама въ этомъ отношеніи не любила стѣснять себя.

— Что вы думаете о моей сестрѣ, Вѣрѣ? — неожиданно спросилъ ассесоръ.

— О Вѣрѣ?—Мута медлила отвѣтомъ. — Писать ее я бы не могла.

— Я хочу сказать: что вы думаете о ея характерѣ?

— Что же мнѣ...—Мута не умѣла лгать и не хотѣла обидѣть друга.—Она по натурѣ немножко мотылекъ. Но она такъ еще молода...

— Можетъ быть, старше васъ... душою. Но я подразумѣваю не то. Могли-ли бы вы довѣрять ей? Скажите по совѣсти.

Мута засмѣялась.

— Я по натурѣ не недовѣрчива. Меня легко провести. Но почему же мнѣ и не довѣрять милой маленькой Вѣрѣ?.. Давайте свернемъ теперь вправо, по лѣтней тропинкѣ. Я не выношу сплошь шоссе. Мнѣ хочется опять на этотъ песчаный откосъ въ лѣсу—помните?

— Вы всегда выбираете самыя неудобныя дороги,—жаловался Саша.

— А вы старый ворчунъ и лѣнивецъ.

Дѣйствительно, трудно было выбрать болѣе неподходящій грунтъ для ѣзды на велосипедѣ, чѣмъ эта песчаная, кочковатая, идущая въ гору тропинка со множествомъ древесныхъ корней и другихъ неровностей почвы. Вскорѣ оба соскочили на землю и пошли, везя за собою свои велосипеды.

— Даже въ жаръ бросило,—замѣтилъ Саша.

— А я это люблю. Когда васъ бросаетъ въ жаръ отъ сдѣланнаго усилія, это весело. Чего я иной разъ не дѣлаю, чтобы устать физически. Моя хозяйка имѣетъ во мнѣ даровую поденщицу. Я иногда мою для нея полы во всѣхъ комнатахъ, ради того только, чтобы почувствовать потомъ пріятную ломоту во всѣхъ костяхъ,—разсказывала Мута.

— Милое занятіе для художницы. Этого вы могли бы достигнуть и простой бѣготней.

— О, это далеко не одно и то же. Попробуйте-ка когда-нибудь вымыть полъ въ своей комнатѣ.

Онъ засмѣялся.

— Когда вы выйдете замужъ, вы, я думаю, будете требовать отъ своего покорнаго супруга всевозможныхъ проявленій физической силы.

— Хорошо, что этотъ несчастный никогда не будетъ существовать... Ага, вотъ мы и у цѣли.

Они дошли до любимаго уголка Муты. Сосновый лѣсъ обрывался здѣсь крутымъ песчанымъ откосомъ. Отсюда открывался далекій видъ на зеленые лѣса и луга—чисто нѣмецкій ландшафтъ безъ яркихъ контрастовъ, безъ дикаго романтизма или бьющей въ глаза живописности, но въ то же время прелестный своимъ мягкимъ колоритомъ.

— Ахъ, эта ширь, эта прозрачная даль! — воскликнула Мута, кидаясь на темный мохъ и снимая матросскую ша-

почку, чтобы вѣтеръ могъ свободно играть ея темнорусыми локонами.

Саша сѣлъ рядомъ съ ней.

И Мута смотрѣла на него, не сводя глазъ, съ какимъ-то страннымъ просвѣтленнымъ выраженіемъ.

— Знаете, какъ вы на меня смотрите?—вызывающе замѣтилъ Саша.—Какъ будто бы я вамъ очень нравлюсь.

— Вы мнѣ и нравитесь,—спокойно подтвердила Мута,— теперь, когда ваша голова *такъ* освѣщена — прямо великолѣпно! Какая досада, что я не могу васъ написать сейчасъ! Удержать это, перенести на бумагу этотъ дивный золотой свѣтъ!

Ему было очень пріятно позволять себя разсматривать вотъ такъ, съ художественной точки зрѣнія—какъ носителя свѣта...

— Почему вы сказали давеча, что вашъ супругъ никогда не будетъ существовать? — вернулся онъ къ прерванному разговору,

— Потому что онъ былъ бы несчастнымъ человѣкомъ. Я не гожусь для этого.

— Вы? Съ вашимъ живымъ темпераментомъ? Да и по натурѣ вы не изъ Мессалинъ... Вы созданы для счастливой семейной жизни.

— О, нѣтъ. Будь у меня мужъ, ему, бѣднягѣ, жилось бы очень плохо. Кого я не терплю, съ тѣмъ я обхожусь ужасно. А его я ужъ, конечно, возненавидѣла бы, изъ-за одного принужденія. Любить человѣка по обязанности! Пфуй! Погладить чужую руку, когда мнѣ этого не особенно хочется—и то мнѣ было бы до глубины души противно.

Онъ улыбнулся.—Да, тогда вамъ ужъ лучше остаться навсегда фрейлейнъ Ленцъ.

— До сихъ поръ мнѣ, впрочемъ, никто и не предлагалъ перемѣнить мою фамилію,—честно призналась она.

— Вѣдь навѣрное же у васъ было много друзей въ Мюнхенѣ среди молодыхъ художниковъ?

Она кивнула головой.

— Само собой. Въ особенности, двое: эти пойдутъ для меня въ огонь и воду, и я для нихъ тоже. Во-первыхъ, Алоисъ Биркхуберъ, во-вторыхъ, Фрицъ Шодель, прозванный кровожаднымъ Фрицикомъ. О немъ вы, можетъ быть, уже слышали? Нѣтъ? Его картина: „Ампутированный“ произвела сенсацію на послѣдней выставкѣ. Фрицъ историческій художникъ и жанристъ, и его спеціальность ужасное— казни, пытки, анатомическій театръ. Онъ утопаетъ въ крови и всякаго рода ужасахъ. Но при этомъ милѣйшій малый, безобидный, весельчакъ, съ добрымъ сердцемъ, великодуш-

ный до глупости. Немножко слишкомъ поглощенъ своей спеціальностью. За то другой, Биркхуберъ, чудесный малый. Совсѣмъ еще неизвѣстенъ, абсолютно не умѣетъ подлаживаться къ другимъ, говоритъ грубости вліятельнымъ людямъ и плевать хотѣлъ на вкусы толпы. Но при этомъ пишетъ ландшафты—удивительно! Точно солнечный лучъ бьетъ изъ-подъ его кисти!.. Бѣдняга, онъ уже много пережилъ на своемъ вѣку. Три года сидѣлъ...

— Что-о? Въ тюрьмѣ?

— Ну да, въ тюръмѣ.—Отвѣтъ звучалъ такъ, какъ будто это вполнѣ естественно выбирать себѣ друзей изъ среды отбывшихъ срокъ тюремнаго заключенія.—За нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій съ смертельнымъ исходомъ.

— Гмъ,—у васъ непріятные друзья, фрейлейнъ Мута. Одинъ рисуетъ сцены ужаса, другой продѣлываетъ ихъ *in natura*. Кого же это вашъ пейзажистъ препроводилъ на тотъ свѣтъ?

— Собаку журналиста, редактора одного шантажнаго листка, съ которымъ онъ поругался, и который въ отместку напечаталъ про него гнуснѣйшій пасквиль, гдѣ была облита грязью вся его семейная жизнь. Бирхуберъ былъ тогда женатъ на прехорошенькой, премилой бабеночкѣ. Правда, она раньше была моделью, но это не мѣшало ей быть честной дѣвушкой; никто про нее не могъ сказать худого слова; ей даже не пришлось фигурировать на судѣ. Ну, понятно, Бирхуберъ помчался въ редакцію и исколотилъ его,—наши баварцы шутить не любятъ. А такъ какъ у Бирхубера руки немножко черезчуръ велики, то редакторъ упалъ на полъ, да ужъ больше и не всталъ.

Саша засмѣялся.

— Самая простая вещь. Итакъ, вашъ Бирхуберъ сдѣлался теперь нѣсколько сомнительной личностью, и вы поставили себѣ задачей утѣшать его въ тоскѣ по разбитой жизни?

— Ахъ, въ томъ, что онъ отсидѣлъ въ тюрьмѣ срокъ наказанія, его нѣтъ надобности утѣшать: на него никто не посмѣетъ посмотрѣть косо. Но вотъ бѣда—его жена умерла незадолго до того, какъ его выпустили. Это его страшно подкосило. Онъ впалъ въ меланхолію, все задумывался... Но теперь онъ снова ожилъ... Жаль, что вы составили себѣ о немъ такое ложное понятіе. Вамъ надо познакомиться съ нимъ: онъ чудесный человѣкъ.

„Лучше не надо—если этого можно избѣжать“,—подумалъ Саша.

Они около часу сидѣли рядомъ на ложѣ изъ бураго мха, то оживленно бесѣдуя, то погружаясь въ созерцаніе мирнаго ландшафта.

Наконецъ, Мута замѣтила, что солнце уже близко къ закату, и напомнила, что пора возвращаться.

На этотъ разъ Саша нашелъ, что они въ общемъ катались очень мало, и предложилъ ѣхать домой въ объѣздъ.

Мута согласилась, и они ѣхали все дальше и дальше, за Крековъ, не чувствуя усталости, не думая о возвращеніи.

Вдали показалась маленькая кавалькада: генералъ Грутенау и Марилиза. Саша хотѣлъ взять въ сторону. Но Мута покачала головой.

— Нѣтъ, у Марилизы глаза такъ зорки, что она навѣрное давно уже насъ замѣтила. Не надо обижать ее.—И они скоро встрѣтились.

Саша соскочилъ на земь и подошелъ къ лошади Марилизы, между тѣмъ, генералъ разговаривалъ съ Мутой.

Марилиза была нѣсколько задѣта тѣмъ, что ассесоръ въ послѣднее время такъ рѣдко ѣздилъ кататься съ ней и ея отцомъ.

— Прежде вы увѣряли, что ѣзда на велосипедѣ — спортъ для конторщиковъ, а теперь вашъ красавецъ Локи застоялся въ конюшнѣ, потому что вы каждый день... что съ тобой, Гудруна?

Лошадь не стояла на мѣстѣ, откидывала голову назадъ, пыталась стать на дыбы; ноздри ея раздувались и вздрагивали.

— Ага, тамъ поѣздъ идетъ. Это слабая струнка Гудруны.

Они стояли невдалекѣ отъ перехода черезъ рельсы. Шлагбаумъ былъ уже закрытъ, и поѣздъ, дѣловито погромыхивая, приближался.

— Поверните ее въ другую сторону,—посовѣтовалъ Саша.

Но Марилиза не хотѣла. — Пусть привыкаетъ. Смирно, Гудруна, смирно!

Она натянула поводья и успокоительно похлопывала лошадь по тонкой темно-коричневой шеѣ.—Смирно, Гудруна. Да образумься-же!

И Гудруна, повидимому, не прочь была образумиться.

Но вдругъ локомотивъ запыхтѣлъ совсѣмъ близко, и лошадь такъ быстро и неожиданно взвилась на дыбы, что Марилиза чуть не вылетѣла изъ сѣдла, хоть и была опытной наѣздницей.

Саша подскочилъ и схватилъ лошадь за узду. Прибѣжалъ и генералъ, и между двумя мужчинами и взбѣсившейся лошадью произошла не долгая, но ожесточенная борьба.

Марилиза поблѣднѣла, но крѣпко держалась въ сѣдлѣ. Вдругъ она испуганно вскрикнула:

— О Боже, господинъ ассесоръ!

Саша упалъ. Гудруна, бившая ногами направо и налѣво, ударила его копытомъ въ грудь.

Онъ тотчасъ же вскочилъ на ноги, но отъ острой боли въ боку у него захватило дыханіе.

Лошадь тѣмъ временемъ успокоилась.

— Вамъ не очень досталось? — спрашивала Марилиза своего храбраго кавалера.

Онъ съ улыбкой покачалъ головой.

Но тутъ ему стало такъ худо, что онъ зашатался. Мута замѣтила это и подбѣжала во время, чтобы поддержать его. Черезъ нѣсколько минутъ онъ оправился, но при первой же попыткѣ сѣсть на велосипедъ убѣдился, что такимъ маneромъ ему не доѣхать до дому.

— Въ такомъ случаѣ вамъ ничего другого не остается, какъ запастись терпѣніемъ и ждать здѣсь,— сказалъ генералъ.—А мы поскачемъ въ городъ и пришлемъ экипажъ.— Ѣдемъ, Марилиза, въ галопъ!

Марилиза гораздо охотнѣе осталась-бы съ раненымъ. Обернувшись на всемъ скаку, она бросила на него долгій печальный взглядъ и позавидовала Мутѣ, присѣвшей возлѣ него на стволъ упавшаго дерева. Какое романическое положеніе! Можно ли придумать лучшую декорацію для объясненія въ любви!

Если бы маленькая спортсменка могла заглянуть въ душу своего спасителя, она убѣдилась бы, что мысль о любви была отъ него въ эту минуту очень далека.

Ассесоръ былъ очень не въ духѣ.

Боль въ груди съ каждой минутой становилась острѣе, а на всякую физическую боль Саша реагировалъ очень сильно. Съ его утонченной нервной воспріимчивостью, каждый пустякъ причинялъ ему настоящее страданіе.

И потомъ его положеніе представлялось ему такимъ глупымъ. Сидѣть у дороги въ этотъ холодный вечеръ и ждать экипажа, подъ тревожно-озабоченными взглядами этой доброй Муты...

У него не было абсолютно никакого желанія разговаривать съ Мутой. Съ нимъ часто случалось, что вдругъ, ни съ того, ни съ сего человѣкъ становился ему непріятнымъ. Еще недавно все, что она говорила, казалось ему такимъ новымъ, симпатичнымъ, привлекательнымъ. Теперь онъ называлъ ее въ душѣ неуклюжимъ нѣмецкимъ Михелемъ въ юбкѣ.

Ноги ея, виднѣвшіяся изъ-подъ короткаго костюма велосипедистки, были такія широкія, мужицкія; румянецъ на лицѣ, разгорѣвшемся отъ воздуха и солнца, былъ слишкомъ густъ.

А ея постоянные вопросы о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ, были прямо-таки надоѣдливы.

Онъ каждый разъ отвѣчалъ: „превосходно!", а потомъ сцѣплялъ зубы и злился на самого себя, зачѣмъ онъ такъ страдаетъ. „Вонъ *той*, съ ея крѣпкими нервами, хоть пару реберъ отпили, ей и въ половину не будетъ такъ больно, какъ мнѣ!"—думалъ онъ, непріязненно вглядываясь въ крупную и плотную фигуру своей сосѣдки.

Настроеніе молодой художницы было болѣе благосклонное.

— Вы смотрите такимъ изнѣженнымъ,—прервала она, наконецъ, долгое молчаніе,—а между тѣмъ, у васъ много личнаго мужества.

— Для того, чтобы схватить подъ уздцы взбѣсившуюся лошадь, не нужно быть героемъ.

Она кивнула головой.—Гмъ, да... въ такихъ случаяхъ все происходитъ слишкомъ быстро. Когда имѣешь время подумать... но вѣдь вы, навѣрное, изъ тѣхъ, кто, въ случаѣ надобности, хладнокровно подставитъ свой лобъ подъ дуло пистолета?

Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ не сразу. Ему не хотѣлось разрушать ея вѣру въ его геройскую натуру, но честность побѣдила, — или, вѣрнѣе, презрѣніе ко всякой моральной позѣ,—и онъ возразилъ:

— Напротивъ, во мнѣ сидитъ даже весьма изрядная доза природной трусости, страхъ физической боли, способность предвкушенія всякихъ ужасовъ, воображеніе, рисующее мнѣ всякую непріятную возможность самыми яркими красками... нѣтъ, героическія натуры не таковы! За то для такихъ натуръ, какъ моя, воспитаніе въ корпусѣ самое лучше. Тамъ, конечно, не научишься храбрости, но научишься держать себя такъ, какъ будто ты храбръ, научишься представляться героемъ.—И онъ описалъ ей свои страхи и мученія передъ первой мензурой, отвратительныя ощущенія при видѣ клинка противника, мучительную боль, когда докторъ зашивалъ рану, постоянную борьбу съ обморочнымъ состояніемъ и громкій крикъ боли во время процедуры, которую сотни другихъ выносили шутя.—Разумѣется, никто не подозрѣвалъ, что я готовъ былъ выть отъ боли. Я даже считался довольно сноснымъ бойцомъ.—Онъ засмѣялся.

Потомъ онъ разсказалъ пріятельницѣ о серьезной дуэли на пистолетахъ, происходившей два года тому назадъ, и описалъ ей свою душевную тоску въ ночь передъ поединкомъ, сѣрое холодное утро, гнетущій страхъ смерти, отвратительные приступы нервной слабости...

— А дуэль какъ прошла? — спросила слушавшая его съ горячимъ участіемъ Мута.

— Великолѣпно. Мой противникъ былъ раненъ. Въ рѣшительный моментъ, не смотря на все, моя рука не дрогнула... Ну, вотъ видите, фрейлейнъ Мута, вотъ вы и бѣднѣе одной иллюзіей. Вмѣсто хладнокровнаго героя, вы видите передъ собой пучекъ болѣзненно раздраженныхъ, чрезмѣрно воспріимчивыхъ нервовъ. Прямо глупо съ моей стороны, что я добровольно такъ уронилъ себя въ вашихъ глазахъ!

Она схватила его руку и горячо пожала ее.

— Вотъ ужъ нѣтъ! для того, чтобы побѣдить себя, нужно больше героизма, чѣмъ для того, чтобы грубо идти напроломъ. Вы... ахъ, да я и раньше это знала.

— Что?

Она не отвѣтила, но подарила его долгимъ задушевнымъ взглядомъ.

„Ахъ, Господи, только бы она не растрогалась!“ — думалъ Саша, вяло отвѣчая на ея пожатіе и сонно глядя въ сторону. Ея горячность была ему въ данный моментъ непріятна. Она сейчасъ же это почувствовала.

— Пойти пройтись немножко, — сказала она, подымаясь на ноги, и вернулась къ Сашѣ только тогда, когда вдали ужъ показался экипажъ.

Когда Саша вернулся домой, вся семья уже сидѣла за ужиномъ.

Ему снова вспомнились его непріятныя догадки относительно Вѣры.

— Что же, хорошо ты покаталась съ фрейлейнъ фонъ-Грутенау?—спросилъ онъ сестру.

Та насторожилась и посмотрѣла на него. Ага, онъ встрѣтился съ Марилизой.

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣтила она спокойно, — къ счастью, я вó-время вспомнила, что я обѣщала фрау фонъ-Штраухъ придти къ ней сегодня послѣ обѣда играть въ четыре руки. Такъ ужъ не стоило и заѣзжать за Грутенау. Но что съ тобой, Саша? У тебя такой видъ, какъ будто...

Въ ея хитрой маленькой головкѣ мелькнула очень непріятная мысль, но черезъ минуту она уже вздохнула свободнѣе. Саша разсказывалъ о своемъ приключеніи.

Такъ, такъ... она боялась другого.

Мама страшно взволновалась. Саша увѣрялъ ее, что это пустяки, но тѣмъ не менѣе сейчасъ же послѣ ужина ушелъ въ свою комнату и послалъ за докторомъ.

VII.

Вѣра сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ и разбиралась въ одномъ изъ ящиковъ.

Въ дверь постучали.

Вѣра поспѣшно заперла ящикъ. Она не любила, чтобъ ее прерывали въ то время, когда она хозяйничала въ своемъ письменномъ столѣ. Всѣ маленькіе ящички и шкатулочки она тщательно запирала. Тамъ было много такого, чего не слѣдуетъ видѣть чужимъ глазамъ.

Эта страсть хранить и пересматривать свои „воспоминанія“ показывала, что въ изящной, утонченно-свѣтской дѣвушкѣ еще сохранились замашки подростка. Хорошенькій письменный столикъ во вкусѣ рококо былъ полонъ „воспоминаній“. И всѣ эти записочки, стихи, картинки, букетики были камнями, заложенными въ фундаментъ блестящаго алтаря тщеславія, который Вѣра воздвигла въ своемъ сердцѣ самой себѣ и передъ которымъ она такъ охотно молилась. Влюблять въ себя, возбуждать желанія, упиваться поклоненіемъ было для Вѣры еще въ школѣ высшимъ наслажденіемъ. И она умѣла достигать этого, отлично умѣла! Четырнадцати лѣтъ она уже заставляла краснѣть своими влюбленными взглядами красавца законоучителя. Въ пятнадцать она уже обмѣнивалась нѣжными записочками съ молоденькимъ первымъ любовникомъ изъ городского театра. А въ Брюсселѣ, въ аристократическомъ пансіонѣ, полномъ маленькихъ маркизъ и графинь, — сколько она тамъ продѣлывала всякихъ безумствъ! Изъ Брюсселя она вернулась домой совершенной свѣтской дамой. Тамъ она научилась многому, очень многому: отлично говорить по французски, рисовать по атласу и кожѣ цвѣты съ длинными стебельками, пѣть: „*Si tu savais, comme je t'aime*“, стоять въ граціозной позѣ даже тогда, когда въ рукахъ ничего нѣтъ, и кланяться, какъ придворная дама. Кромѣ того, она привезла съ собой въ скромный городокъ на Одерѣ очень современныя воззрѣнія, — напримѣръ, что смѣшно и не шикарно любить своего собственнаго мужа, что счастье жизни женщины главнымъ образомъ зависитъ отъ ловкости ея портнихи и т. д.

Теперь Вѣра выѣзжала уже двѣ зимы, и за эти двѣ зимы потайные ящички ея письменнаго стола переполнились черезъ край.

Впрочемъ, сегодня она напрасно испугалась непріятнаго вторженія. Вошла только Марилиза. А Марилизѣ была из-

вѣстна большая часть маленькихъ тайнъ пріятельницы... большая часть, но не всѣ.

Лицо маленькой спортсменки выражало сегодня необычное возбужденіе.

— Слушай-ка, Вѣра, вотъ новость-то! Невѣроятно забавно! Вотъ ты удивишься!

— О Боже!.. неужто ты помолвлена съ долговязымъ Притвицемъ?

— Съ Притвицемъ? Ба! Онъ теперь для меня вотъ что!— И она щелкнула пальцами. — Нѣтъ, эта новость касается больше тебя, чѣмъ меня. Знаешь, кто такой человѣкъ-лягушка?

— Неужто преслѣдуемый полиціею кассиръ, бѣжавшій изъ Франкфурта, изъ...

— Графъ Удо Шлиппенбергъ изъ Лаугарда, нашъ милый родственникъ. Да, да, правда! Кстати сказать, одинъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ прусскаго королевства... Что ты на это скажешь?

Марилиза уперлась длинными худенькими руками въ бока, что было не особенно изящно, и наслаждалась растерянностью подруги.

Вѣра вся покраснѣла, что съ ней случалось очень рѣдко.

Человѣкъ-лягушка, это жалкое существо, этотъ кретинъ, надъ которымъ она потѣшалась вотъ уже три недѣли, насчетъ котораго обѣ онѣ отпускали глупѣйшія шуточки и остроты, человѣкъ-лягушка — графъ, потомокъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ?

— У него здѣсь въ Штеттинѣ дѣло въ судѣ, поэтому онъ часто пріѣзжаетъ,—продолжала Марилиза,—но намъ онъ нанесъ визитъ только сегодня, должно быть, по приказу своей мамаши. Мамаша живетъ съ нимъ вмѣстѣ въ Лаугардѣ и, говорятъ, ужасно строгая, держитъ его подъ башмакомъ. Мы его раньше никогда не видали. До чего онъ растерялся, когда узналъ меня! Нѣтъ, я тебѣ скажу, вотъ была потѣха, когда онъ вошелъ въ гостиную—голова огромная, на тоненькихъ ножкахъ, а глаза глупые, глупые! Ха-ха-ха!

Вѣра послѣ этого разговора стала очень задумчива.

Неужели это *онъ*, тотъ, кого она ждала уже нѣсколько лѣтъ, ради кого она съ милой улыбкой отказывала столькимъ развязнымъ молоденькимъ купчикамъ и влѣзшимъ въ долги поручикамъ, — онъ, конечная цѣль ея стремленій и грезъ, онъ, кто представитъ ее ко двору и дастъ ей право носить на платкахъ корону съ девятью зубцами? онъ—человѣкъ-лягушка?

Она живо припомнила всѣ обидныя вещи, которыя онѣ съ Марилизой говорили на его счетъ, припомнила и многое другое... Въ сущности, она была немного слишкомъ откровенна съ Марилизой. Счастье еще, что она не посвятила пріятельницу въ послѣднюю свою маленькую интригу, которая такъ увлекала и забавляла ее, но которая, собственно говоря... Ахъ, не все-ли равно! Марилиза такая овечка. И такая добрая, податливая, не смотря на свою энергію въ области спорта. Эта ничего не испортитъ, да и не станетъ мѣшать. А Вѣра у нея послѣ вывѣдаетъ все подробно о человѣкѣ-лягушкѣ.

— Ты, можетъ быть, еще сегодня будешь имѣть счастье познакомиться съ нимъ, — заключила свой разсказъ Марилиза.—Онъ, можетъ быть, придетъ играть съ нами въ теннисъ. А знаешь, Мута вѣдь тоже здѣсь. Она тамъ внизу въ гостиной, съ твоей мамà; когда мы пріѣхали, братъ твой прислалъ спросить, не пожелаемъ-ли мы утѣшить его въ его одиночествѣ.

— Хорошо, пойдемъ.

Саша пролежалъ въ постели нѣсколько дней. Врачъ констатировалъ переломъ двухъ реберъ—вещь довольно болѣзненная, хотя и не опасная. И больному предписанъ былъ полный покой.

Когда вошла сестра съ двумя подругами, онъ лежалъ на кушеткѣ въ удобномъ домашнемъ платьѣ изъ коричневаго бархата. Ноги его были покрыты итальянскимъ одѣяломъ; блѣдное лицо при видѣ гостей покрылось легкимъ румянцемъ.

— Какъ хорошо, что вы пришли!

Въ эти долгіе скучные дни онъ такъ тосковалъ по Мутѣ, такъ жаждалъ увидѣть ее! Не потому, чтобы онъ ощущалъ недостатокъ въ обществѣ. Его сослуживцы, Крозигъ и Браухичъ, оба ежедневно приходили посидѣть съ нимъ часокъ. Навѣщалъ его и красавецъ Фрейтагъ, и Оттерштедтъ изъ королевскаго полка, но по уходѣ этихъ участливыхъ друзей Саша всякій разъ вздыхалъ свободнѣе.

Карьеристъ Браухичъ передавалъ всегда съ такимъ забавно-важнымъ видомъ служебныя новости и глубокомысленныя изреченія предсѣдателя. Крозигъ говорилъ только о лошадяхъ и женщинахъ, красавецъ Фрейтагъ приносилъ свѣтскія сплетни, а Оттерштедтъ пережевывалъ въ сотый разъ старые заплеснѣвшіе анекдоты. У каждаго былъ свой конекъ, на которомъ онъ скакалъ, не глядя ни вправо, ни влѣво. И при томъ всѣ эти господа были такъ нестерпимо довольны собой. Даже когда они бранили жизнь, въ ихъ рѣчахъ такъ ясно сквозило довольство своей милой особой

и важность, которую они придавали каждой мелкой зыби, взволновавшей поверхность стоячаго болота ихъ жизни.

Въ сущности, Саша ни рѣчами, ни поступками своими не выдѣлялся изъ среды своихъ пріятелей и не казался выше ихъ. Онъ шелъ по той же торной дорожкѣ, но только съ отвращеніемъ—въ этомъ была вся разница.

Когда онъ думалъ о Мутѣ, ему казалось, что на него вѣетъ свѣжимъ морскимъ вѣтеркомъ. Она была такая особенная, такой цѣльный человѣкъ; съ женщинами, о которыхъ болтали Крозигъ и Фрейтагъ, она не имѣла ничего общаго,—да и вообще ни съ одной женщиной изъ тѣхъ многихъ, которыхъ зналъ Саша. Она такъ сердечно поздоровалась съ нимъ, войдя и пожавъ его руку.

— Ну что, голубчикъ? Все еще болитъ?—Она указала ему на грудь.—Бѣдный вы мальчикъ!

— О нѣтъ, все уже прошло. Вы немножко жалѣли меня? Даже очень? Это стоитъ пары сломанныхъ реберъ. Что же вы, *mesdames*, не хотите присѣсть?

Мута присѣла у изголовья дивана, облокотившись на спинку. Марилиза сидѣла поодаль и бросала на больного нѣжно-застѣнчивые взгляды.

— Я была прямо неутѣшна,—разсказывала она.—А гадкая Гудруна не слыхала отъ меня съ тѣхъ поръ ни одного ласковаго слова, не получила ни единаго кусочка сахару.

— Какъ это несправедливо! Развѣ она виновата, что у нея такой нравъ?

— Ну, я всетаки надѣюсь современемъ понемногу отучить ее отъ этихъ капризовъ. А впрочемъ, вы уже знаете, что я въ понедѣльникъ принимаю участіе въ охотѣ въ Пазевалькѣ. Мой *beau frère* Штейнъ уговорилъ таки маму. Она сначала ни за что не хотѣла.

И Саша съ Марилизой долго распространялись на тему о радостяхъ охоты.

Мута тѣмъ временемъ съ любопытствомъ и восторгомъ разсматривала убранство этой комнаты холостяка. На ея вкусъ, она была слишкомъ заставлена—но какими чудными вещами!

Взглядъ ея упалъ на женскую фигуру Бенара, пронизанную лучами заката; она тотчасъ узнала руку мастера.

— Что это тамъ у васъ?—воскликнула она, вскочивъ на ноги и подходя къ картинѣ:—что-то хорошее. Дайте взглянуть. Даже удивительно хорошее...

Тщеславію Саши, какъ владѣльца картины, очень польстила эта похвала. Съ какимъ восторгомъ молодая художница углубилась въ созерцаніе этой облитой свѣтомъ фигуры!

— Да,—вздохнула она,—французы это умѣютъ: отъ нихъ

многому можно научиться. Иной разъ кажешься себѣ такой массивной, неуклюжей, какъ школьница. Зависть беретъ, когда видишь такія вещи! А у меня вотъ человѣческое тѣло точно изъ тѣста. Надо мнѣ въ Парижъ. И поскорѣй. Прежде чѣмъ я окончательно усвою себѣ какую-нибудь манеру. Надо.

— Возьмите меня съ собой, фрейлейнъ Мута,—пошутилъ ассесоръ.—Парижъ въ вашемъ обществѣ—это должно быть недурно.

— Что-жъ, поѣдемъ,—сказала она просто.

— Въ самомъ дѣлѣ, Мута, ты, пожалуй, способна была бы это сдѣлать,—чопорно замѣтила Марилиза и, чтобы перемѣнить разговоръ, стала разспрашивать Сашу о выдѣлкѣ стакановъ Галле, показанныхъ ей Вѣрой, какъ нѣчто особенно цѣнное и достойное вниманія, но объясненіе выслушала разсѣянно.

— Такъ, да. А все же это въ тысячу разъ красивѣе вашихъ толстыхъ пестрыхъ стакановъ,—сказала она, указывая на стройную расписанную золотомъ вазу тончайшаго хрусталя, но очень шаблонной работы.

— Вы позволите мнѣ положить ее къ вашимъ ножкамъ?

Она покраснѣла отъ радости.

— Знаешь, что, Сашокъ,—подольстилась Вѣра,—разъ ужъ на тебя напала сегодня такая щедрость, подари ужъ и мнѣ вонъ ту восхитительную болгарскую вышивку. Изъ нея выйдетъ чудеснѣйшая вставка на платье. Подаришь?

Саша былъ такъ хорошо настроенъ, что не могъ отказать ей.

Но теперь надо было выбрать подарокъ и для Муты.

Она стояла, наклонившись надъ папкой съ рисунками и держа въ рукахъ маленькій листокъ съ очень удачной иллюстраціей къ „Мальчику на болотѣ“ Аннеты Дросте-Гюльсгофъ—моментъ, когда испуганный ребенокъ видитъ сказочную пряху, которая вертитъ свое колесо въ камышахъ.

Мута была чрезвычайно заинтересована этимъ рисункомъ. Полный настроенія мрачный ландшафтъ съ тяжело нависшими облаками и пригнутымъ къ землѣ бурей кустарникомъ.

— Чудесный рисунокъ. Немногими штрихами такъ много сказано. Чье это?

И она протянула Сашѣ листокъ.

Улыбка скользнула по лицу ассесора.

— Понятія не имѣю. Неизвѣстнаго художника.

— Въ такомъ случаѣ... не будетъ нескромно, если я попрошу васъ дать мнѣ этотъ листокъ?

Онъ съ видимымъ удовольствіемъ кивнулъ головой.

— Что вы такъ смѣшно улыбаетесь, какъ будто мнѣ носъ натянули?

Онъ не отвѣтилъ.

— Вѣра, ты бы отворила буфетъ,—попросилъ онъ сестру,— можетъ быть, дамы пожелаютъ освѣжиться.

Вѣра отворила „буфетъ“, небольшой поставецъ *fantaisie* изъ нѣсколькихъ сортовъ дерева, съ богатой рѣзьбой, не отвѣчающій никакому стилю, но въ то же время своеобразно красивый, словно похищенный изъ сказочнаго дворца... Саша купилъ его въ сумасшедшемъ домѣ, у потерявшаго разсудокъ художника-столяра. Въ „буфетѣ“ оказалось бутылка хересу, полдюжины разныхъ сортовъ ликеровъ, жестянка съ соленымъ печеньемъ и коробка глазированнаго винограда— единственное лакомство, которое Саша любилъ и выписывалъ всегда прямо изъ Тріеста.

Всѣ три гостьи съ удовольствіемъ отдали честь угощенію и снова занялись комнатой. Марилиза исподтишка бросала любопытные взоры на столъ и стѣны, ища женскихъ портретовъ.

Муту интересовала библіотека. Она прочла на корешкахъ много незнакомыхъ ей названій: „Цвѣты зла“ Боделэра, его же „Искусственный рай“, „*Journal intime*“ Аміэля, романы Стриндберга, Гарборга и Бурже, исторія жизни госпожи де-Гюйонъ, творенія разныхъ философовъ, отъ современнѣйшаго и моднѣйшаго Ничше до Якова Бёме, сапожника-мистика. Исторія была представлена довольно слабо; естественныя науки вовсе отсутствовали, не считая нѣсколькихъ сочиненій по психіатріи и *Физіологіи Обонянія.* Это была библіотека человѣка, который любитъ мечтать, анализировать, спускаться въ темныя глубины, склоненъ къ безплодному копанью въ собственной душѣ...

Мута брала то ту, то другую книжку и спрашивала Сашу о содержаніи. Потомъ онъ показалъ ей свой искусно устроенный, передвижной пюпитръ для книгъ и разныя другія изысканно удобныя приспособленія, совершенно незнакомыя дѣвушкѣ, выросшей въ самой простой обстановкѣ. Мута даже не подозрѣвала существованія такихъ приборовъ.

Все здѣсь дышало роскошью, обостреннымъ, утонченнымъ наслажденіемъ жизнью. И Мута то и дѣло качала головой, говоря:

— У васъ здѣсь слишкомъ красиво. Какъ можетъ человѣкъ залѣзть въ такой богатый и роскошный футляръ? И на что вся эта ерунда? неужели это можетъ быть кому-нибудь нужно?

Но въ сущности это изящество и роскошь всетаки импонировали ей. Простая, здоровая дѣвушка чувствовала себя какъ-то странно. Прежде она всегда презирала избалованныхъ мужчинъ. Сама она спала на походной кровати, жила

въ одной единственной комнатѣ—она же и мастерская—съ дымящей печкой и дешевой сборной мебелью, ѣла вмѣсто обѣда сосиски съ капустой въ старомодномъ трактирѣ, а на ужинъ сама себѣ покупала хлѣба и четверть фунта колбасы—отчасти потому, что вынуждена была экономить, такъ какъ ея художественная репутація была еще очень юна и заработокъ невеликъ, отчасти же потому, что ей, дѣйствительно, немного было надо, чтобы быть сытой, веселой и здоровой.

Роскошь была ей чужда, непонятна. А между тѣмъ... роскошь шла этому блѣдному человѣку съ красивымъ усталымъ лицомъ и нервными руками; она прямо не могла себѣ вообразить его безъ всей этой „ерунды". И мысли ея витали вокругъ этого усталаго представителя *fin de siècle*, и при мысли о немъ она ощущала пріятное щекочущее любопытство. Все привлекало ее въ немъ, все занимало ее. Онъ представлялся ей экзотическимъ растеніемъ, условія жизни котораго еще неизвѣстны, страннымъ растеніемъ, о которомъ еще не знаешь, найдешь ли его прекраснымъ или гадкимъ, но которое хочется все снова и снова разглядывать, изучать...

— Однако, дѣти мои, если мы сегодня хотимъ играть въ теннисъ, намъ давно пора идти,—замѣтила Вѣра, взглянувъ на свои крошечные часики, висѣвшіе на длинной тонкой цѣпочкѣ. Она сгорала нетерпѣніемъ въ виду предстоящаго оффиціальнаго знакомства съ графомъ Шлиппенбергомъ.

— Да, дѣйствительно, пора,—согласилась Марилиза и поднялась съ мѣста. Она сегодня нѣсколько обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Въ первый разъ вниманіе Саши къ художницѣ показалось ей подозрительнымъ. Мута неохотно послѣдовала за другими. Она не играла въ теннисъ. Почему бы ей не остаться одной у Саши?

— Какая жалость!—сказалъ онъ на прощанье, удерживая ея руку въ своей.—Только по губамъ помазали!

Она только что хотѣла предложить посидѣть у него еще немного, но почувствовала на себѣ острый испытующій взглядъ Марилизы и вдругъ до того сконфузилась, что даже слезы выступили у нея на глазахъ. Почему? Это было загадкой для нея самой.

Она круто повернулась и вышла вслѣдъ за другими.

VIII.

— Ну-съ, *chère maman*, какъ ваша головная боль? Можетъ быть, вы дадите мнѣ чашку чаю?

„Chère maman" лежала на диванѣ въ полутемномъ отъ спущенныхъ штор будуарѣ, зарывшись головой въ огромной

шелковой пуховой подушкѣ, съ томикомъ Жипа въ рукѣ. Рядомъ, на чайномъ столикѣ очень сложнаго устройства въ видѣ этажерки, обтянутой плетеньемъ, со множествомъ уступовъ и отдѣленій, стояли чашки, печенье и вазочка съ имбирнымъ вареньемъ; на другомъ столикѣ неизбѣжный самоваръ.

— Ахъ, Саша, какъ это мило съ твоей стороны!—Сынъ рѣдко навѣщалъ ее въ этотъ часъ.— Мою головную боль какъ рукой сняло. Меня такъ взволновалъ одинъ разговоръ... Удивительная вещь! отъ такой головной боли волненія лучшее средство. У меня была баронесса Грутенау.

— И, конечно, злословила?

— Что ты, Саша, она такая милая, добрая!.. Нѣтъ, она, бѣдняжка, поставлена въ крайне непріятное положеніе. Представь себѣ только: на балу въ казино она разговорилась съ женой недавно переведеннаго сюда изъ Карльсруэ полковника объ Эрдмутѣ Ленцъ, и та разсказала ей ужасныя вещи, прямо ужасныя! Нѣтъ, кто бы могъ это подумать! Эта Мута съ виду такая приличная... Положимъ, съ этими художницами вообще рискованно знаться. Теперь, послѣ того, что они узнали о ней, Грутенау никоимъ образомъ не могутъ держать ее у себя. Она...

Саша засмѣялся, хотя разговоръ былъ, видимо, ему непріятенъ.

— Ну, не убила же она, надѣюсь, кого-нибудь?

— Нѣтъ, но... не уберегла себя. Говорятъ, у нея былъ ребенокъ.

— Такъ, такъ...Гмъ!..—Саша тщательно закручивалъ кверху кончики усовъ.

— Пять лѣтъ тому назадъ... Мута давала тогда уроки живописи въ Карльсруэ. Ей было тогда двадцать лѣтъ. Теперешняя полковница тоже была ея ученицей. Всѣ ученицы боготворили ее, покамѣстъ въ одинъ прекрасный день она, уѣхавъ надолго, не вернулась съ ребенкомъ. Она говорила, что это ребенокъ ея подруги, но, разумѣется, кто же этому повѣритъ? Говорятъ, она прямо молилась на этого ребенка... Ну, и само собой, ученицы одна за другой ушли. Въ концѣ концовъ Мутѣ ничего не осталось болѣе, какъ уѣхать изъ Карльсруэ. Что ты на это скажешь? И такая особа проводитъ цѣлые дни вмѣстѣ съ Марилизой, этой воплощенной невинностью, и съ нашей милой маленькой Вѣрой!..

— Ну, въ концѣ концовъ... вѣдь это не заразительно,— рискнулъ замѣтить сынъ.

— Фи, Саша. Ты все подымаешь на смѣхъ.

— А ты, *chère maman*, вовсе ужъ не такая пуристка и строгая блюстительница нравовъ. Когда я вспомню, какъ ты пре-

дупредительна съ госпожею Гельдернъ, хотя нисколько не сомнѣваешься, что она въ связи съ этимъ... какъ бишь его?.. красивый такой... спеціалистъ по болѣзнямъ уха, носа и горла...

Мать смущенно засмѣялась.—Но, дитя, вѣдь это совсѣмъ другое. Пока фонъ-Гельдернъ не хочетъ ничего видѣть, пока скандалъ не разыгрался...

— Такъ, такъ. Вся суть въ этомъ. Конечно, ты права, какъ всегда. Ну-съ, чѣмъ же кончилось дѣло? Эрдмуту „выставили“?

— Бѣдная баронесса сама не знаетъ, какъ быть. Надо, чтобъ она сначала окончила портретъ баронессы Штейнъ. Разумѣется, маленькаго Ганса она уже не будетъ писать...

— Само собой разумѣется. Нравственная грязь такъ прилипчива...

— Мнѣ, право, жаль бѣдную баронессу,—вздохнула госпожа Ширмеръ.—Такая непріятность!..

— Она, дѣйствительно, достойна сожалѣнія. Ну-съ, *chère maman*, я намѣренъ еще немножко прогуляться...

— Уже? Попробуй сперва эти *gingernuts*, мой дружокъ. Они превосходны.

— Нѣтъ, благодарю. У тебя здѣсь слишкомъ душно.

Большими торопливыми шагами Саша почти бѣжалъ по улицамъ къ старому крѣпостному валу, тянувшемуся отъ Грабовскаго кладбища по направленію къ замку, параллельно теченію Одера. Обыкновенно здѣсь было много гуляющихъ, но теперь, незадолго до наступленія сумерекъ, подъ красивыми старыми деревьями попадались лишь отдѣльные запоздалые пѣшеходы. Въ природѣ уже царила осень съ ея предвѣщающей смерть обманчивой роскошью красокъ, съ рѣзкимъ прянымъ запахомъ гнили и шуршащимъ подъ ногами ковромъ изъ листьевъ.

Надъ плоскими берегами Одера клубился холодный бѣлый туманъ, свиваясь въ плотную массу. Что-то тяжелое, гнетущее, какое-то безотрадное свинцовое уныніе нависло надъ ландшафтомъ. Въ душѣ Саши росли гнѣвъ, досада и жгучая жалость къ самому себѣ. Онъ готовъ былъ заплакать. Словно у него безжалостно вырвали самое его дорогое сокровище. Только теперь онъ пришелъ къ сознанію, чѣмъ стала для него за эти нѣсколько недѣль Мута Ленцъ. Она внесла въ его жизнь новый интересъ, новую прелесть; свѣжій вѣтеръ подулъ въ его душѣ, веселый, бодрящій, сметающій пыль, плодотворный. Словно эта высокая смуглая дѣвушка съ глубокими глазами и заразительнымъ смѣхомъ влила ему въ кровь желѣзо и разбудила все, что спало въ его груди: молодость, энергію, жажду жизни и серьезное отношеніе къ

ней. Да, жизнь, такая пустая, казалась ему теперь полной глубокаго смысла и содержанія—какъ въ былое время, давнымъ давно, когда міръ былъ еще юнъ и свѣжъ, какъ майское утро...

И вотъ у него хотятъ отнять милую дѣвушку, врачевавшую его душу, столкнуть ее съ его дороги, затоптать ее ногами, забросать грязью, воздвигнуть желѣзную стѣну фарисейской гордости между своимъ и ея міромъ. О, эти мелкія душонки, изолгавшіяся, несправедливыя! Будь это еще какая-нибудь честная, буржуазная семья добраго стараго закала,—но эти пустые легкомысленные люди, для которыхъ слово „нравственность“ звучитъ почти комично! Мама, которая любитъ и романы, и пьесы только пикантныя, съ сильнымъ привкусомъ скабрезности; отецъ... Саша готовъ былъ побожиться, что во время своихъ дѣловыхъ поѣздокъ въ Лондонъ и Петербургъ отецъ пользуется жизнью во всю и срываетъ всѣ цвѣты удовольствія, какіе попадаются ему подъ руку; у него даже есть доказательства... А эта генеральша, такъ безцеремонно проповѣдывающая, что молодые люди должны „наслаждаться жизнью“? А Вѣра... Вѣра съ ея цинической улыбкой, Вѣра, которую онъ еще ребенкомъ ловилъ на тайныхъ рандеву?.. Нѣтъ, не этимъ людямъ бросать первый камень! Условность, лицемѣріе, нелѣпое тщеславіе!.. Но кто это тамъ идетъ по широкой дорожкѣ черезъ садъ, такой легкой походкой, заложивъ руки въ карманы жакета, словно юноша, которому все ни по чемъ? Мута была еще далеко, но Саша узналъ ее по походкѣ, быстро повернулъ и пошелъ ей навстрѣчу.

— Добрый вечеръ, фрейлейнъ Ленцъ. Вы такъ поздно гуляете?

— Да, мнѣ нужно было немножко провѣтриться. Я сегодня страшно много работала. Это хорошо. По крайней мѣрѣ, завтра портретъ фрау Штейнъ будетъ конченъ. Слышали вы последнюю новость? Завтра я уѣзжаю.

— Ого! Такъ значитъ это правда!—Онъ былъ удивленъ ея веселымъ спокойнымъ тономъ. Вѣдь они, навѣрное, уже преподнесли ей горькую пилюлю.

— Но почему же такъ внезапно? — спросилъ онъ, помолчавъ.

Она остановилась и испытующе полядѣла ему въ лицо.

— Ахъ, будьте же искренни! Вѣдь вы знаете: генеральша ѣздила къ вашей мамашѣ. Да...—Она помедлила и усмѣхнулась, потомъ продолжала.—Я это знала. Какъ только мнѣ сегодня утромъ назвали фамилію полковницы Кохъ, я уже знала, что эта старая грязь снова всплыветъ наружу. Ну, и, конечно, объясненіе не замедлило.—Милая Мута, мнѣ очень, очень тяжело касаться вещей, которыя... но вы понимаете... какъ мать

взрослой дочери... и т. д. и т. д.—Снова пауза.—Могу сказать, объясненіе было не изъ пріятныхъ. Бѣдный Ганзи! тебѣ и въ гробу суждено быть камнемъ преткновенія на моемъ пути! Много тревогъ и горечи внесло въ мою жизнь это маленькое созданьице—и все же, если бъ я могла этимъ вернуть его къ жизни, я бы еще много и много вынесла ради него. Родная мать не можетъ любить свое дитя больше, чѣмъ я любила Ганзи.

Саша удивленно поднялъ на нее глаза.

— Такъ значитъ, это клевета? Ребенокъ вовсе не...

— Не мой? Нѣтъ. А вы этому тоже повѣрили?

Саша молчалъ.

— Да...... А, впрочемъ, почему бы вамъ и не повѣрить?—Она засмѣялась.—Это съ моей стороны тоже было фарисейство. Нѣтъ, Ганзи сынъ моей лучшей подруги, уроженки Голштиніи. Она была такая кроткая, но въ то же время страстная, слабая, безпомощная... Мы вмѣстѣ учились въ рисовальной школѣ въ Карльсруэ. Потомъ я долго о ней ничего не слыхала и думала, что она давно замужемъ и блаженствуетъ. И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, получается письмо отъ нея—сплошная горькая жалоба. Съ ней случилось то, что бываетъ со многими. Самая обыденная исторія, и очень, очень печальная. Человѣкъ, котораго она любила, уходилъ въ море, надолго, въ дальнее путешествіе. И въ часъ разлуки... ахъ, Господи, въ такую горькую минуту долго-ли дѣвушкѣ забыть и себя, и все на свѣтѣ! Тутъ судьба и начала бить бѣдняжку. Родные знать ее не хотѣли; больная, одинокая, брошенная, она мучилась у чужихъ, противныхъ людей и, наконецъ, позвала меня, потому что не могла больше выносить этой жизни безъ участья и ласки. Я увезла ее отъ этихъ гадкихъ людей въ деревню, въ маленькую голштинскую деревушку. Тамъ я ходила за ней, тамъ родился Ганзи, тамъ бѣдная Дора снова нашла въ себѣ мужество жить. Она поняла, что нельзя быть совсѣмъ несчастной, когда у тебя есть ребенокъ... Но только недолго ей пришлось радоваться на него. Черезъ два мѣсяца она умерла. А я, разумѣется, взяла Ганзи.

Онъ усмѣхнулся и на ходу поймалъ ея руку.

— Разумѣется?.. Да, для васъ, конечно. Ну, а затѣмъ...

Она вздохнула.

— А затѣмъ я, конечно, вскорѣ замѣтила, что другіе люди смотрятъ на вещи нѣсколько иначе, чѣмъ я. Меня стали избѣгать. Ученицы уходили отъ меня одна за другой. Это бы еще ничего — я была такъ счастлива съ этимъ крошечнымъ милымъ созданьицемъ,—но нужда!.. Надо было чѣмъ-нибудь жить. А для этого нужны были люди. Я за-

брала Ганзи и уѣхала съ нимъ въ чужой городъ, гдѣ никто не косился на насъ и гдѣ можно было продолжать борьбу за существованіе безъ ежедневныхъ униженій. И счастье мое, что я это сдѣлала. Въ Мюнхенѣ я встрѣтила своего учителя и только тамъ я стала художницей. До тѣхъ поръ я работала, какъ ремесленница, робко, ощупью шла впередъ. Тамъ я научилась творить. Къ сожалѣнію,— ея голосъ зазвучалъ мягче и глуше,—очень скоро мое маленькое счастье, купленное такою дорогою цѣной, было у меня отнято. Ганзи умеръ. Жизненныхъ силъ въ немъ вообще было немного, но онъ былъ такой прелестный: нѣжный, бѣленькій съ золотыми волосиками... Вы не повѣрите, какъ можно привязаться къ такому маленькому ребенку... и какъ разрывается сердце, когда видишь его холоднымъ и безжизненнымъ...

Она смолкла; ее душили слезы. Саша видѣлъ это и самъ себѣ дивился, что это проявленіе чувства не непріятно ему, что въ эту минуту дѣвушка стала еще ему милѣе, чѣмъ прежде,— обыкновенно онъ ненавидѣлъ чувствительныя сцены.

— Ну, а когда вы разсказали эту исторію ея превосходительству—надѣюсь, вы же сдѣлали это?—какъ она отнеслась?

Мута пожала плечами.—Какъ она отнеслась? Ахъ, Боже мой!.. наговорила красивыхъ фразъ о безкорыстіи, самоотверженности, трогательной дружбѣ, но въ концѣ концовъ фактъ остается фактомъ: она съ грустью должна была признать, что я высказала себя въ очень странномъ свѣтѣ, что люди злы, но въ сущности нельзя особенно сердиться на нихъ за такія подозрѣнія, что молодая дѣвушка должна соблюдать приличія... Короче говоря, мнѣ стало ясно, что, будь я невинна, какъ агнецъ, всетаки я теперь буду въ тягость ея превосходительству.

Онъ кивнулъ головой.—Совершенно справедливо. Васъ подозрѣваютъ—это рѣшаетъ все. Добрая слава важнѣе добрыхъ дѣлъ.

Они довольно долго шли, не говоря ни слова, и уже подходили къ Королевскимъ воротамъ, какъ вдругъ Саша остановился.

— Вы въ городъ?

— Ахъ, нѣтъ!

— Такъ вернемся назадъ, пройдемся еще разъ по валу. Или вамъ это непріятно? Вы бы хотѣли...

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Почему это можетъ быть мнѣ непріятно? Напротивъ. Я рада, что встрѣтила васъ. Идти къ вамъ въ домъ прощаться съ вами, послѣ того какъ генеральша изливала тамъ свою душу, мнѣ было неловко, а разойтись такъ, молча,—

для этого мы съ вами были слишкомъ добрыми друзьями, правда?

Онъ схватилъ ея руку.

И такъ они долго шли рядомъ, держась за руки, какъ умныя дѣти.

Съ озера дулъ холодный, сырой вѣтеръ. Туманы свивались густыми клубами, все болѣе и болѣе плотными; мрачный и грозный, какъ тюрьма, высился на берегу старый замокъ померанскихъ герцоговъ, храбрыхъ Барнима и Богислава; въ городѣ зажигались первые огоньки.

— Когда же мы увидимся?—спросилъ Саша.

У него какъ-то странно щемило сердце. Онъ былъ настроенъ почти сантиментально.

— Должно быть, никогда,—отвѣчала она —Обыкновенно думаешь, что встрѣтишься и не встрѣчаешься; или и встрѣтишься, да выходитъ не то... и самъ человѣкъ уже не тотъ..

Онъ сталъ спорить, заговорилъ о томъ, какъ дорого ему стало всякое общеніе съ нею и какъ ему будетъ грустно и тяжело безъ нея.

Онъ весь разгорячился при этомъ; онъ находилъ такія красивыя слова для выраженія своихъ чувствъ и самъ упивался этими словами, упивался грустной прелестью своего положенія.

Вдругъ онъ запнулся.

Мута остановилась и вопросительно смотрѣла ему въ лицо. Ея большіе глаза свѣтились сквозь туманъ; на грубыя, но выразительныя черты легло точно сіяніе, точно предчувствіе неописуемаго счастья... дѣтская вѣра была въ ея взглядѣ и благоговѣйная, святая серьезность...

Онъ испугался.

Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ, такъ серьезно она не должна принимать его словъ... этого онъ не хотѣлъ...

Что она не дюжинная барышня, дрессированная для брака и жаждущая предложенія—въ этомъ онъ нисколько не сомнѣвался.

Нѣтъ, практическими соображеніями она, безспорно, не руководствуется.

Но тутъ есть другое. Она думаетъ найти въ немъ полное, цѣльное чувство, считаетъ его такимъ же простымъ и честнымъ, какъ она сама... И это стѣсняло его.

Кромѣ того, онъ только въ эту минуту замѣтилъ, что на ея красивыхъ, но не маленькихъ рукахъ надѣты самыя мѣщанскія нитяныя перчатки.

И прикосновеніе бумажной ткани стало ему вдругъ до такой степени непріятно, что онъ выпустилъ ея руку.

Дѣвушка почувствовала, что отъ него повѣяло холодкомъ, и сказала:

— Ну, мнѣ надо спѣшить.

— Если я вамъ напишу, фрейлейнъ Мута, вы мнѣ отвѣтите?—спросилъ онъ на прощанье.

— Сейчасъ ничего не могу сказать. Если у меня явится потребность написать... можетъ быть. Но я пишу рѣдко. Когда я не вижу человѣка, мнѣ какъ-то нечего сказать ему. Его точно заволакиваетъ туманомъ. Да, въ сущности, и лучше, если...

Она не докончила и быстро отвернулась.

— Господи, неужели она плачетъ,—подумалъ Саша.— Нѣтъ, она слишкомъ разсудительна для того, чтобы поставить его въ такое тягостное положеніе. Въ сумеркахъ ему были неясно видны ея черты, когда она еще разъ крѣпко пожала ему руку, но голосъ ея звучалъ очень спокойно, и тонъ былъ бодрый, товарищескій.—Ну, мнѣ пора, Господь съ вами!

И онъ остался одинъ.

IX.

Зима въ этотъ годъ особенно благопріятствовала всякаго рода спорту на открытомъ воздухѣ. Коньки, правда, ржавѣли въ кладовыхъ, но за то тропинки для верховой и велосипедной ѣзды до конца декабря оставались сухими и не замерзали. Особенно усердно пользовалась этимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ—совершенно противъ своего обыкновенія—маленькая Вѣра. Прежде она всегда боялась ѣздить верхомъ и видѣла въ этомъ благородномъ спортѣ лишь предлогъ покрасоваться въ элегантной амазонкѣ и цилиндрѣ, который ей былъ такъ къ лицу. Теперь она соперничала въ этой благородной страсти съ своей пріятельницей Марилизой. Не довольствуясь обычными прогулками съ Сашей и Грутенау, она теперь часто ѣздила кататься рано утромъ одна, въ сопровожденіи только вѣрнаго Франца.

И каждый разъ, какъ это доходило до свѣдѣнія Саши, онъ бывалъ не въ духѣ.

Это было незадолго до Рождества. Лошадь Саши хромала, и онъ съ горя взялся за велосипедъ, со времени отъѣзда Муты совершенно заброшенный.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ, онъ вдругъ вспомнилъ, что дома лежитъ цѣлая куча приглашеній на обѣдъ, что среди нихъ можетъ оказаться приглашеніе и на сегодняшній день, и счелъ за лучшее вернуться и пересмотрѣть ихъ.

Войдя въ свою комнату и пересматривая визитныя и пригласительныя карточки въ бронзовой вазѣ, онъ услыхалъ подъ окномъ въ саду голосъ Вѣры.

Онъ подошелъ къ открытому окну и выглянулъ. Вотъ плутовка! Только что, когда онъ предлагалъ ей ѣхать вмѣстѣ на велосипедахъ, она отказалась подъ предлогомъ смертельной усталости. А теперь ея темногнѣдой Валахъ стоитъ осѣдланный, и сама она тутъ же, въ новомъ темнозеленномъ костюмѣ для верховой ѣзды и рыжихъ перчаткахъ съ раструбами, изъ которыхъ одной она еще не успѣла даже натянуть на руку. Костюмъ сидитъ дивно и чрезвычайно элегантенъ. Правда, она заказывала его по модели, взятой у первой наѣздницы цирка Буша.

Она граціозно кивнула конюху.

— Пора садиться, Францъ.

Онъ подставилъ ей сложенныя вмѣстѣ ладони. Она поставила на нихъ ножку, напрягла мускулы и легкая, какъ перышко, вскочила въ сѣдло.

— Безукоризненно! — сказалъ себѣ наблюдатель, стоявшій у окна.

Но теперь, что-же *это* значитъ? Саша высунулся въ окно, чтобы лучше слѣдить за сестрой.

Это по меньшей мѣрѣ странно!

Этотъ кокетливый взглядъ, брошенный владѣлицей красивому конюху съ глупымъ надменнымъ лицомъ лорда...

Такъ не смотрятъ на слугъ...

— Ну, какъ? Хорошо лежатъ складки? — спрашивала Вѣра, съ удовольствіемъ поглаживая рукой безукоризненно сидящую суконную юбку.

— Не совсѣмъ... вотъ здѣсь будетъ отдуваться при ѣздѣ.

— Такъ поправьте.

Францъ сталъ оправлять юбку, подтянулъ ее такъ, чтобъ она закрыла кончикъ изящнаго сапожка и затѣмъ... что это?.. онъ, конечно, разглаживаетъ складку?—Но тамъ нѣтъ никакой складки... Вѣра смотритъ въ сторону, но съ какой странной улыбкой... А этотъ мерзавецъ Францъ—Сашѣ теперь ясно видно было его лицо...

Кровь бросилась ему въ голову.

Что собственно такъ непріятно задѣло его, онъ не сумѣлъ бы выразить словами. Но имъ овладѣлъ гнѣвъ... отвращеніе...

— Вѣра!—крикнулъ онъ сверху.

Она подняла глаза и увидала взволнованное, покраснѣвшее лицо брата.

— Ну... въ чемъ дѣло? Ты тоже ѣдешь? спросила она

принужденно равнодушнымъ тономъ, похлопывая по шеѣ свою лошадь.

— Само собой. Подожди меня.

— Но твой Локи хромаетъ.

— Пусть Францъ осѣдлаетъ Уитбоя.

Черезъ пять минутъ братъ уже стоялъ передъ ней въ костюмѣ для верховой ѣзды.

Вѣра была очень блѣдна и принужденно улыбалась. Но онъ не улыбался ей въ отвѣтъ.

Они шагомъ ѣхали по улицамъ. Вѣра сначала пыталась завести дружественный разговоръ, но братъ почти не отвѣчалъ ей. Онъ сидѣлъ угрюмый и мрачный.

— Ну, знаешь-ли, если ты намѣренъ быть такимъ гадкимъ, ты могъ-бы и избавить меня отъ своего общества,—крикнула, наконецъ, Вѣра, когда они выѣхали за-городъ.

Онъ откашлялся, и—тутъ началась братская отповѣдь, которой она давно уже ждала съ непріятнымъ замираніемъ сердца.

— Не совѣтую тебѣ говорить со мной подобнымъ тономъ, Вѣра. Я считалъ тебя способной на многія глупости, но то, что я видѣлъ сегодня, переходитъ всякія границы! Довести безстыдство до того, чтобы начать шашни съ лакеемъ...

Вѣра накинулась на него, какъ дикая кошка.

— Шашни! Шашни! Это прямо возмутительно! Какъ ты смѣешь оскорблять меня такимъ образомъ? Если я иногда позволяла себѣ немножко пошутить съ этимъ глупенькимъ Францомъ...

— Такая низость, такое отсутствіе достоинства!—продолжалъ онъ, не слушая ея,—о Боже! я прямо не рѣшаюсь вникнуть въ это...

— Скажи же мнѣ, по крайней мѣрѣ, что я сдѣлала... что... я... сдѣлала,—слышишь ты? я желаю это знать!

Онъ, не отвѣчая на вопросъ, продолжалъ:

— Гнусно, отвратительно,—но я давно это подозрѣвалъ... Я много разъ предостерегалъ мама̀, чтобъ она не пускала тебя такъ часто одну съ этимъ мерзавцемъ...

Слезы ярости брызнули изъ глазъ Вѣра.

— Да, ты!.. конечно, ты имѣешь право предостерегать... Вы, молодые люди, еще бы!..—И изъ хорошенькаго ротика молодой дѣвушки хлынулъ потокъ злыхъ, ненавистническихъ рѣчей.—Еще бы! онъ живетъ въ свое удовольствіе,—ему все позволено. А ей онъ отказываетъ въ самомъ невинномъ маленькомъ развлеченіи. Если Францъ такъ ей преданъ, что готовъ дать за нее изрубить себя въ куски; если онъ иногда нѣсколько забавно выражаетъ свое обожаніе и преданность,—такъ вѣдь это же еще не преступленіе. Отсутствіе собствен-

наго достоинства! Ей... ей, образцовой, выдержанной, какъ истая лэди, сдѣлать такой упрекъ! Разумѣется, она не мѣщаночка, которая цѣлые дни сидитъ у окошка съ шитьемъ и, краснѣя, отворачивается, какъ только вдали покажется молодой человѣкъ! Она свѣтская дама. Она сама отлично знаетъ, какія обязанности налагаетъ на нее ея положеніе...

И такъ далѣе, и такъ далѣе, всю дорогу.

Саша не прерывалъ ее. Онъ уже сердился, что потратилъ даромъ такъ много словъ.

Развѣ съ такой, какъ Вѣра, помогутъ слова? Тутъ нужно дѣйствовать.

Братъ съ сестрой вернулись съ прогулки оба разстроенные и угрюмые.

На слѣдующій день красавецъ конюхъ былъ уволенъ.

Вѣра узнала эту новость за обѣдомъ. Были приглашены и Густавъ съ женой.

— А я думала, вы имъ такъ довольны!—съ удивленіемъ замѣтила молодая женщина.

— Да, но его тянетъ назадъ, въ Англію. Ему представилось выгодное мѣсто, и я, по добротѣ, уговорилъ папашу не препятствовать его счастью.

— Какъ это мило съ твоей стороны!

Вѣра въ эту минуту ненавидѣла брата. Лишить ее такого наслажденія! И въ чемъ она, въ сущности, провинилась? Вѣдь тутъ же не было ничего дурного. Что ее, уже имѣющую небольшой свѣтскій опытъ, забавляло наблюдать, какъ ведетъ себя мужчина низкаго званія, когда онъ по уши влюбленъ,—Боже мой, что же тутъ дурного? Вѣдь это же была только игра, и очень занятная. Такъ раздуть подобные пустяки!.. Она отомститъ Сашѣ. Это она твердо рѣшила. Но какъ? Расшатать гвоздь, на которомъ виситъ его любимый Бенаръ? Картина упадетъ на острый бортъ письменнаго стола... Или бросить въ каминъ его палку съ автографами? Саша въ послѣднее время собиралъ автографы. Ахъ нѣтъ, все это такъ грубо... и недостаточно зло... Лучше уязвить его въ его чувствахъ... Но вѣдь у него нѣтъ никакихъ чувствъ...

Она раньше другихъ вышла изъ-за стола, такъ какъ ей доложили о приходѣ учителя музыки.

Проходя черезъ переднюю, она увидала почтальона, опускавшаго въ ящикъ для писемъ вечернюю почту.

Вѣра отперла ящикъ.

Ей попалось на глаза письмо, адресованное „Господину ассесору Ширмеру“: сжатый твердый почеркъ, почти военный, но съ какими-то фантастическими росчерками. Баварская марка. Мюнхенъ?.. Ага!..

Ну, конечно. Теперь Вѣра узнала и почеркъ. Толстое письмо, должно быть интересное...

Не это ли наилучшій способъ отомстить?

Вѣра осторожно сунула письмо въ карманъ и поспѣшила въ гостиную, гдѣ ее уже дожидался геніальный профессоръ Эркснеръ, осужденный за десять марокъ въ часъ, два раза въ недѣлю выслушивать жестоко-изуродованный похоронный маршъ Шопена, въ исполненіи дочки милліонера.

Недѣли двѣ или три послѣ того, Саша часто спрашивалъ, всѣ ли его письма добросовѣстно доставляются въ его комнату. Онъ нервничалъ и часто бывалъ не въ духѣ. Всякій разъ, когда онъ проходилъ мимо почтоваго ящика, взоръ его съ жаднымъ любопытствомъ чего-то искалъ за стекломъ...

И когда это замѣчала его милая маленькая сестренка Вѣра, на ея губахъ мелькала злорадная улыбка.

X.

Въ началѣ января состоялся большой балъ у оберъ-президента, главное событіе штеттинскаго сезона.

Широко растворилъ свои гостепріимныя двери старый зàмокъ, гдѣ было отведено помѣщеніе начальнику округа,— даже слишкомъ широко. Многочисленные, но по большей части довольно тѣсные покои едва вмѣщали толпу гостей. Тамъ были штеттинскіе чиновники и офицерство, сливки купечества, много молодыхъ офицеровъ изъ стоящихъ по сосѣдству кавалерійскихъ полковъ, изъ Пазевалька, Шведта, Деммина, и, прежде всего, померанское дворянство. Съ самыхъ дальнихъ концовъ Помераніи съѣхались на балъ захудалые помѣщики съ своими красивыми женами и бѣлокурыми, краснощекими, надменными дочерьми.

Когда ассесоръ Ширмеръ вошелъ въ огромную главную залу, въ ней уже царила тропическая жара, и шелестъ шелковыхъ платьевъ, звонъ сабель и блескъ орденовъ производили прямо удручающее впечатлѣніе.

Здѣсь пока было ядро толпы.

Подъ люстрой посрединѣ стоялъ оберъ-президентъ съ женой,—красивая чета стариковъ; у входа встрѣчали гостей ихъ сыновья и ловкій молодой совѣтникъ правленія, церемоніймейстеръ всѣхъ празднествъ въ зàмкѣ, успѣвшій нажить себѣ этимъ много льстецовъ и много враговъ.

Саша Ширмеръ медленно подвигался впередъ, время отъ времени здороваясь то съ той, то съ другой дамой, но не давая „пришить“ себя слишкомъ рано.

Изъ одного угла на этого завиднаго кавалера направленъ

былъ цѣлый залпъ тоскующихъ взглядовъ. Тамъ собрался бѣло-розово-небесный букетъ чиновничьихъ дочерей, вооруженныхъ карточками для записыванія кавалеровъ. Юныя сердечки подъ воздушными лифами бились тревожно, такъ какъ обязательный референдарій былъ сегодня представленъ очень слабо.

Въ двухъ шагахъ далѣе стояла группа сельскихъ померанцевъ. Сашѣ она была отчасти знакома еще съ прошлаго года. Ага, вотъ три барышни Краницъ съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами—какъ онѣ ужасно танцуютъ! И толстуха Мергентинъ съ заячьей губой прикатила сюда, убѣдивъ папашу покинуть родные пески.

Она бросила ассесору ободряющій взглядъ, но тотъ лишь церемонно поклонился.

Дальше стояла еще женская группа, окруженная цѣлымъ роемъ мужчинъ; центромъ ея была Вѣра Ширмеръ и двѣ молоденькихъ военныхъ дамочки, недавно вышедшихъ замужъ. У Вѣры никогда не было недостатка въ кавалерахъ. Она и теперь, благосклонно улыбаясь, позволяла заполнять свою карточку; но, увидѣвъ брата, она повернулась спиной къ своимъ обожателямъ.

— Проводи меня въ другія залы, Саша,—попросила она.

— Ага!—въ кавалерійскую, не правда-ли?

Большая главная зала служила для танцевъ, такъ сказать, второстепеннымъ гостямъ. Здѣсь царила штеттинская артиллерія и пѣхота.

Кавалеристы и юныя феодалки предпочитали заниматься флиртомъ въ другой залѣ, меньшихъ размѣровъ. И танцовать въ маленькой залѣ считалось у штеттинскихъ барышень особымъ отличіемъ.

— Чортъ побери, какъ ты нынче шикарна!—замѣтилъ Саша сестрѣ,—но только твой туалетъ не совсѣмъ-то дѣвическій, скорѣе для молодой дамы.

На ней было тяжелое свѣтло-голубое шелковое платье, отдѣланное узенькой полоской бобра; туалетъ довершали два букета фіалокъ въ волосахъ и на груди и дорогой старинный черепаховый вѣеръ, подаренный ей Сашей и, какъ говорятъ, принадлежавшій нѣкогда Жозефинѣ Богарнэ.

— Что дѣлать, я уже не такъ юна,—сказала она кокетливо.—Бывали минуты, когда она кокетничала съ своимъ собственнымъ братомъ.—Знаешь, мнѣ надоѣло отдавать свою карту въ распоряженіе штеттинскихъ поручиковъ. Курносый Мюллеръ 2-й покушался даже два раза начертать въ ней свое прелестное имя, но я воспротивилась. На дворцовый балъ пріѣзжаешь не для того, чтобы танцовать съ Мюллеромъ 2-мъ.

Они стояли у дверей маленькой залы. Знакомыхъ виднѣлось немного. Вотъ хорошенькая дочка предсѣдателя окружного суда... двѣ дочери командира полка и... ахъ, вотъ и Марилиза, рядомъ съ лихимъ драгуномъ изъ Шведта.

Замѣтивъ брата съ сестрой, она поспѣшила покинуть драгуна и полетѣла на встрѣчу любимой подругѣ.

— Наконецъ-то, Вѣра. Кузенъ Удо давно ужъ мучается— ищетъ тебя. Вонъ онъ стоитъ рядомъ со своею мамашей.

Взоръ Вѣры приковался къ высокой старой дамѣ, сидѣвшей на угловомъ диванчикѣ; возлѣ, почтительно наклонившись къ ней, стоялъ графъ Удо Шлиппенбергъ въ позѣ благонравнаго школьника. Графиня была очень величественна: орлинный носъ, двойной подбородокъ, фамильные сѣро-стальные глаза съ красными прожилками на вѣкахъ и необыкновенно пристальнымъ взглядомъ—глаза императрицы. Лицо ея напоминало портреты Екатерины II-ой въ старости.

Она бросила испытующій взглядъ на подругу своей племянницы и о чемъ-то оживленно заговорила съ сыномъ.

— Тетя Шлиппенбергъ критикуетъ тебя,—хихикнула Марилиза.—Она до смерти боится за своего сыночка. Любопытно знать, рѣшится-ли онъ вести тебя къ столу.

— Онъ все равно уже опоздалъ.

— Да? съ кѣмъ-же ты идешь?

Вѣра показала ей свою карту.

— Капитанъ фонъ Бэръ? Этотъ старый болтунъ!.. Гмъ... я еще не приглашена.

И барышня при этомъ бросила такой краснорѣчивый, полный ожиданія взглядъ на Сашу, что надо было быть чудовищемъ, чтобы не пробормотать: „Въ такомъ случаѣ, можетъ быть вы позволите мнѣ?..“ Да, въ сущности, и не все ли равно, возлѣ какой дамы просидѣть полтора часа за ужиномъ.

Ни одна не привлекала его, ни одна, включая и Марилизу. Но ея глаза засвѣтились такой благодарностью... И, положительно, изъ всѣхъ барышень у нея была самая аристократическая внѣшность. Своими тонкими стройными членами она напоминала годовалаго кровнаго жеребенка, худого, но благородно сложеннаго, еще нѣсколько неуклюжаго въ движеніяхъ. А воздушное бѣлое платьице придавало ей что то аристократически-нѣжное, почти трогательное.

Удо Шлиппенбергъ отдѣлался, наконецъ, отъ своей мамаши и, скользя по паркету, направился къ нимъ. У него вообще была немного скользящая походка, но здѣсь, на гладкомъ, какъ зеркало, паркетѣ эта особенность какъ-то странно бросалась въ глаза.

— Добрый вечеръ, уважаемая фрейлейнъ!—Онъ говорилъ

очень громко, пришепетывая и медленно.—Вы мнѣ позволите...—онъ протянулъ руку за картой Вѣры—т. е... гмъ... къ сожалѣнію... гмъ... я уже на многіе танцы ангажированъ.—Онъ съ печальнымъ лицомъ сравнивалъ обѣ карты.

Мамаша Шлиппенбергъ все предвидѣла. Она навязала своему несчастному сыну всѣхъ барышень Краницъ—и Ухеровскихъ, и Стёбберовскихъ; все это были здоровыя бѣлокурыя великанши, все благородныя дѣвицы стараго закала. Младшую изъ Ухеровской линіи графиня предназначала себѣ въ невѣстки; остальныя были совершенно не опасны. Только на первый вальсъ, чтобы сынъ не дѣлалъ ужъ очень кислой физіономіи, она позволила ему пригласить уже старѣющую полковницу, завзятую танцорку.

Такимъ образомъ, для опасной маленькой Ширмеръ оставалось только одно лансье.

Подошелъ долговязый Притвицъ и одинъ уланъ изъ Деммина, и скоро Вѣра была окружена кавалеристами.

Но въ ея болтовнѣ замѣчалась разсѣянность. Ея мысли были заняты другимъ, болѣе важнымъ.

При первомъ же случаѣ она попросила подругу:—Марилиза, не представишь-ли ты меня своей теткѣ?

— Ну, разумѣется! только постарайся быть какъ можно милѣе. Тетя, ты позволишь...

Вѣра сдѣлала придворный реверансъ, скромно потупила глазки и покраснѣла.

— Марилиза уже разсказывала мнѣ о васъ, фрейлейнъ Ширмеръ,—начала графиня.—Вы, если не ошибаюсь, товарки по клубу игроковъ въ теннисъ?

— Ага, она хочетъ сразу указать мнѣ мое мѣсто,—подумала Вѣра и отвѣчала:

— Да, графиня... Но клубъ игръ въ теннисъ существуетъ всего только полгода. Наша дружба старше этого. Мы познакомились и сблизились еще въ воскресной школѣ.

Строгія черты графини смягчились.

— А, въ воскресной школѣ? Прекрасное учрежденіе, полезное, какъ для учащихся, такъ и для учащихъ. Я всегда удивляюсь, что такъ мало молодыхъ дамъ посвящаютъ себя этой прекрасной задачѣ.

— Ахъ, да!—вздохнула Вѣра.

На самомъ дѣлѣ она только разъ посѣтила это благочестивое учрежденіе и при этомъ до смерти скучала.

Но это звучитъ такъ красиво: „Въ воскресной школѣ".

— У васъ здѣсь въ Штеттинѣ, кажется, очень оживленный зимній сезонъ?—продолжала графиня, уже замѣтно благосклоннѣе.

— Да... къ сожалѣнію, немного слишкомъ оживленный.

— Развѣ вы не любите танцовать?

— О да, очень люблю, но эта непрерывная цѣпь развлеченій не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ. Я часто жажду тишины, возможности побыть спокойно дома, сосредоточиться...

Подошелъ красавецъ Фрейтагъ и пригласилъ Вѣру на полонезъ.

— Ну, милая тетя, какъ тебѣ нравится моя подруга?— спросила Марилиза.

— Гмъ... ничего. Немного робка...

— Вѣра робка? Что ты?—Марилиза даже ротъ раскрыла отъ удивленія.

— Да, т. е. я не ставлю этого ей въ упрекъ. Напротивъ. Въ молодыхъ дѣвицахъ изъ *Haute Commerce* часто бываетъ что-то самоувѣречное, нескромное...

Графиня не выносила самоувѣренности въ своихъ собесѣдникахъ. Она привыкла запугивать, и ей это нравилось.

Наморщивъ лобъ, она слѣдила за своимъ первенцомъ, который, глуповато улыбаясь, танцовалъ польку съ младшей Краницъ.

— О чемъ мнѣ говорить съ ней?—заранѣе спросилъ онъ мамашу.

— Ну... хоть о вчерашнемъ концертѣ Сандерсонъ.

— Ахъ, объ этомъ я уже все время говорилъ съ двумя старшими барышнями Краницъ!

— Ну такъ о туалетѣ. Это всегда интересуетъ молоденькихъ барышень. О томъ, красивъ ли модный голубовато-лиловый цвѣтъ...

Теперь онъ уже давно стоялъ рядомъ съ тяжеловѣсной блондинкой съ голубыми, какъ незабудки, глазами, лишенными всякаго выраженія, и такъ какъ тема о погодѣ была очень скоро исчерпана, они оба уныло молчали.

Пора было завести рѣчь о модномъ цвѣтѣ.

— Какъ вамъ нравится модный цвѣтъ, голубовато-сиреневый?—пролепеталъ Удо.—Не правда-ли, онъ очень красивъ?

— Ахъ, нѣтъ, по моему, онъ слишкомъ ярокъ.

— Да, слишкомъ ярокъ, это правда.

Молчаніе.

— А вотъ небесно-голубой очень красивый цвѣтъ.

— Да, очень.

— А нравится вамъ зеленовато-голубой, оттѣнка морской воды?

— Ахъ, да.

Удо вздохнулъ. Теперь ужъ ему абсолютно не нравился ни одинъ изъ оттѣнковъ голубого цвѣта.

Онъ съ тоской смотрѣлъ въ сосѣдній уголъ, гдѣ стояла

его возлюбленная Вѣра съ маленькимъ фонъ-Бюловомъ. Какъ они весело болтаютъ между собой! Какой перекрестный огонь словъ и взглядовъ! Ахъ, скорѣй бы лансье!..

Саша Ширмеръ стоялъ за спиной сестры, прислонившись къ косяку двери, и не танцовалъ.

Нѣтъ, онъ уже вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда *это* можетъ доставлять удовольствіе.

Онъ равнодушными глазами слѣдилъ за танцующими и все, что онъ видѣлъ и слышалъ, находилъ нестерпимо пошлымъ.

Онъ уже съ полчаса былъ не въ духѣ. Въ большой залѣ мимо него промелькнула, почти задѣвъ его, дама, очевидно, пріѣзжая изъ деревни, при видѣ которой онъ до странности взволновался. Своимъ грубоватымъ характернымъ профилемъ она такъ живо напомнила ему Муту Ленцъ. Правда, какъ только она обернулась, иллюзія исчезла. Самое обыкновенное, дюжинное лицо! Но воспоминаніе засѣло крѣпко и отогнать его было не такъ то легко.

Мута Ленцъ! Рядомъ съ ея образомъ всѣ эти нарядныя женщины вокругъ казались ему искусно выдрессированными обезьянками...

Собственно говоря, ему теперь непріятно было думать о Мутѣ. Она такъ нехорошо поступила съ нимъ. Двѣ недѣли спустя послѣ ея отъѣзда онъ писалъ ей: хотѣлъ написать милое товарищеское письмо въ легкомъ шутливомъ тонѣ, а вышла въ концѣ концовъ длинная исповѣдь... такія письма пишутъ только тѣмъ, кого глубоко уважаютъ, или... любятъ. И на это-то многознаменательное письмо онъ не получилъ отвѣта. Ни полслова! Она тогда сказала: „Напишу, если у меня явится потребность писать“. Значитъ, до сихъ поръ этой потребности не являлось. Онъ просто напросто сдѣлался для нея неинтересенъ. А дружеская деликатность ей незнакома. Вы сокомѣріе независимой артистической души—женщины, привыкшей полагаться только на себя!.. Собственно говоря, характеръ не изъ удобныхъ. Если все хорошенько взвѣсить, имѣть подругой жизни подобную независимую женщину—прескверное дѣло...

Нѣтъ, надо отогнать отъ себя призракъ Муты Ленцъ и покончить съ этимъ разъ навсегда.

Весело звучали игривые звуки польки. Мимо ассесора пронеслась Вѣра съ маленькимъ Бюловомъ. Саша разсердился, зачѣмъ уланъ такъ крѣпко прижимаетъ къ своей груди хрупкій станъ его сестры. И какъ она умильно смотритъ на него! Такъ томно! Вотъ нахалъ! Въ эту минуту возлѣ Саши остановилась Марилиза со своимъ кавалеромъ.

— Почему вы не танцуете?—спросила она, окинувъ его

дружески-озабоченнымъ взглядомъ.—Вы не совсѣмъ... У васъ что-нибудь...

Вмѣсто отвѣта онъ пригласилъ ее на *extra*-туръ и съ какимъ-то особеннымъ спокойнымъ удовольствіемъ обнялъ рукой ея длинную, стройную талію.

— Вотъ это настоящая женщина,—говорилъ онъ себѣ.— На такой можно жениться, если ужъ это необходимо... Красива, знатна, добра, немножко глупа, но не очень, покладистая, уступчивая, не смотря на нѣкоторую рѣзкость манеръ... Почему бы и нѣтъ? Холостая жизнь утратила для него всякую привлекательность; правда, и домашній очагъ не особенно привлекалъ, но... все же иногда приходила мысль, что дѣти могутъ освѣжить душу; съ ними ужъ непремѣнно является извѣстный интересъ къ жизни, надежда...

Между тѣмъ, въ сосѣднихъ залахъ уже начали ужинать. За недостаткомъ мѣста, ужинали въ двѣ смѣны. Теперь была очередь почетныхъ гостей.

Въ концѣ длинной и узкой главной столовой, за однимъ и тѣмъ-же столомъ сидѣли коммерціи совѣтница Ширмеръ и генеральша Грутенау. Фрау Ширмеръ сіяла. Ея сосѣдомъ былъ адмиралъ фонъ-Д., учтивый и галантный кавалеръ, съ глубокимъ вниманіемъ выслушавшій разсказы своей дамы о заговорѣ въ русскихъ придворныхъ сферахъ, гдѣ былъ замѣшанъ какой-то родственникъ коммерціи совѣтницы. Эту исторію она всегда разсказывала, когда ей хотѣлось импонировать кому-либо изъ новыхъ знакомыхъ.

Ея супругъ, ужинавшій въ сосѣдней залѣ, былъ не такъ счастливъ. Ему досталась костлявая, страшная, какъ привидѣніе, жена одного изъ совѣтниковъ, умѣвшая говорить только о своихъ нервныхъ головныхъ боляхъ.

Генеральша Грутенау тоже была не очень весело настроена и такъ задумчива, что даже забыла осадить молоденькую купчиху, сидѣвшую за однимъ съ ней столомъ. А она имѣла привычку всегда „осаживать“ молодыхъ дамъ изъ купечества, въ особенности, когда онѣ носили брилліантовыя пряжки и платья отъ Герсона.

Бѣдную генеральшу грызла забота. Сегодня утромъ нежданно-негаданно пріѣхала изъ Пазевалька ея старшая дочь, не для того, чтобы повеселиться на балу—напротивъ, въ большомъ огорченіи. Куртъ опять проигрался, и теперь въ страшныхъ тискахъ. Онъ прямо погибъ, если папа̀ и мама̀ не помогутъ. Только одинъ еще разъ, въ послѣдній! Произошла ужасная сцена. Грутенау помочь не могли. Откуда взять, если не красть?—Одно остается... попросить у брата,—рѣшила за ужиномъ заботливая мать,—онъ, какъ выпьетъ, податливѣе становится.

Президентъ самъ жилъ только жалованьемъ, не Богъвѣсть какимъ большимъ, и въ послѣднее время не разъ выручалъ сестру, но... ахъ Господи, четыре-то тысячи марокъ ужъ можно какъ-нибудь наскрести.

Ужинъ длился возмутительно долго. Наконецъ-то, задвигали стульями, зашуршали шлейфы, и кавалеры стали уводить своихъ дамъ изъ столовой.

Генеральша какъ только добралась до брата, такъ и повисла у него на рукѣ. Слава Богу, онъ выпилъ достаточно: лицо у него красное и довольное. Она изложила ему свою просьбу.

Но его хорошее настроеніе мгновенно улетучилось.

— Нѣтъ, нѣтъ! ни за что! Это все равно, что лить воду на раскаленный камень... Сколько уже ухлопано денегъ на эту легкомысленную парочку! Этакъ и все прахомъ пойдетъ. Нѣтъ, нѣтъ, это несправедливо по отношенію къ вашей младшей...

Марилиза всегда была его любимицей.

Генеральша улыбнулась.

— Ну, я надѣюсь, что Марилизѣ мы не понадобимся; ей представляется такая партія...

— Ахъ, такъ.

Президентъ уже слышалъ о томъ, какая партія представляется Марилизѣ, и мысль о томъ, что въ будущемъ его скромный кошелекъ не одинъ будетъ служить резервомъ для ненасытнаго семейства Грутенау, была ему очень пріятна.

— Если бъ только изъ этого что-нибудь вышло.

Послѣ получасовой бесѣды генеральша достигла своей цѣли.

Теперь къ столу пошла молодежь.

— Послушайте-ка, коллега Ширмеръ. — И президентъ благосклонно потрепалъ по плечу молодого ассесора, когда тотъ проходилъ мимо него, подъ руку съ веселой и сіяющей Марилизой, — вы не давайте этой дурочкѣ слишкомъ много шампанскаго. Ха, ха, ха!

И въ его взглядѣ было что-то отеческое, благословляющее, такъ что Сашѣ даже жутко сдѣлалось.

И ты, Брутъ? Такъ и почтенный шефъ его вступилъ въ число заговорщиковъ, поставившихъ себѣ задачей повѣнчать его съ Марилизой. Забавно, что въ глазахъ другихъ ихъ сближеніе такъ быстро идетъ впередъ, тогда какъ онъ, Саша, въ сущности, палецъ о палецъ не ударилъ, чтобы подвинуть его. Правда, въ послѣдніе мѣсяцы онъ немножко ухаживалъ за малюткой, по своему, пассивно, равнодушно, но—Боже мой!—вѣдь и нельзя было иначе. Онъ вездѣ сталкивался съ нею и всѣ старались устроить такъ, чтобъ онъ оказался ея

кавалеромъ.—„Лучшій способъ добиться того, чтобы дѣвушка вамъ опротивѣла“, какъ выразился недавно коллега Крозикъ. Но въ Сашѣ не сидѣло духа противорѣчія, и онъ не препятствовалъ... Въ сущности, стройная Марилиза даже нравилась ему. Съ ней было такъ удобно!..

— Какой у насъ милый столикъ!—говорила она, довѣрчиво прижимаясь къ его плечу.—Вѣра съ капитаномъ фонъ Бэръ, Анна Мергентинъ съ маленькимъ Бюловомъ, Крозикъ, Фрейтагъ и еще два-три человѣка, все милые люди.

Усѣлись. Мужчины угощали дамъ и сами угощались разными вкусными вещами изъ буфета; хлопали пробки; настроеніе повышалось.

Главной темой разговоровъ за „милымъ“ столомъ было предстоящее въ циркѣ благотворительное представленіе, устраиваемое супругой оберъ-президента, въ пользу жертвъ недавняго наводненія. Въ программу входили турниръ, кадриль въ старинныхъ испанскихъ костюмахъ, наѣздники, клоуны—и всѣ номера должны были быть исполнены представителями лучшаго общества. Въ кадрили участвовала и Марилиза...

— Вы, конечно, тоже будете въ нашей кадрили?—спросила она Сашу.

— Я? Нѣтъ, я уже отказался. Я въ началѣ марта беру отпускъ на двѣ недѣли, хочу съѣздить съ однимъ пріятелемъ въ Ниццу и Санъ-Ремо.

— О!—Марилиза даже поблѣднѣла отъ горькаго разочарованія.—Ѣхать такъ далеко на такой короткой срокъ!..

— Да, да, Ницца ранней весной, говорятъ, страшно опасна—кто знаетъ, какой магнитъ притягиваетъ тебя туда!—поддразнилъ Крозикъ.

Саша засмѣялся. — Со свойственной тебѣ проницательностью ты угадалъ.

На самомъ дѣлѣ его рѣшеніе предпринять это путешествіе было вовсе не такъ ужъ непреложно. На мигъ у него мелькнула мысль заѣхать въ Мюнхенъ. Но, въ сущности, чего ему искать въ Мюнхенѣ? А Ниццу онъ зналъ вдоль и поперекъ, и она успѣла надоѣсть ему... По всей вѣроятности, его пріятелю придется ѣхать одному.

Но его забавляло немного помучить Марилизу. Она едва сумѣла скрыть свое огорченіе. Какъ разъ этотъ праздникъ сулилъ ей столько радостей!..

Царицей „милаго“ столика была Вѣра. Она флиртовала съ Фрейтагомъ и Крозигомъ, обмѣнивалась томными взглядами съ маленькимъ Бюловомъ и, кромѣ того, постепенно все крѣпче и крѣпче опутывала своими волшебными сѣтями еще одного человѣка, сидѣвшаго вдали, но все время въ три

четверти оборота къ ней и тревожно выпученными глазами страстно слѣдившаго за миніатюрной, кокетливой фигуркой въ голубомъ платьѣ съ мѣховой оторочкой. — Бѣдный Удо Шлиппенбергъ! Ему не удалось добыть мѣстечко за „милымъ“ столомъ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ неизбѣжной дѣвицей Краницъ одной изъ Стёбберовскихъ, тридцатилѣтней Лилли, и упорно молчалъ. Онъ еще ни слова не сказалъ своей дамѣ, но она не обижалась и тѣмъ усерднѣе поглощала салатъ изъ омаровъ: салатъ изъ омаровъ былъ ея страстью.

Ужинъ кончился, и танцы возобновились съ новымъ оживленіемъ. Послѣдній вальсъ Саша протанцовалъ съ Марилизой.

— Можетъ быть, я и не поѣду въ Ниццу,—сказалъ онъ вдругъ.

Ея личико просіяло.

— Вотъ это хорошо! Вы увидите, какъ... ахъ, если-бъ вы только...

Она во время вспомнила дѣвичій стыдъ и проглотила конецъ пожеланія.

Въ эту минуту она была восхитительна.

— Какая вы сегодня красивая!—началъ Саша и сказалъ бы еще больше, но въ это время замѣтилъ направленный на него пытливый взглядъ генеральши Грутенау и длинный лорнетъ его матери.

Нѣтъ, пока онъ еще не доставитъ имъ этого удовольствія.

И опять Марилиза вдругъ утратила для него всякую привлекательность.

Онъ началъ искать сестру.

— Гдѣ-же Вѣра? Въ кавалерійской залѣ ея нѣтъ и вообще нѣтъ между танцующими.

Она сидѣла въ укромномъ кабинетикѣ съ Удо Шлиппенбергомъ.

Сегодня она довольно повеселилась. Пора перейти къ серьезной сторонѣ жизни. Теперь—прямо къ цѣли!

Удо сидѣлъ возлѣ и блаженствовалъ. Какъ она восхитительно умѣетъ болтать, даже съ нимъ! Въ разговорѣ съ ней онъ положительно казался самъ себѣ умнымъ. Какъ увлекательно она хохотала надъ старой, какъ свѣтъ, библейской шуткой о „первомъ кучерѣ“, которую онъ, запинаясь и откашливаясь, успѣлъ таки разсказать ей. Это была его единственная острота!.. А теперь она сама заговорила о чашкахъ. Чашки, въ особенности кофейныя, были главнымъ интересомъ въ жизни графа Шлиппенберга. Онъ былъ обладателемъ огромной коллекціи всевозможныхъ чашекъ и чашечекъ—китайскихъ, севрскихъ, vieux saxe, уэджвудъ—тутъ было все, были чашки

и въ современномъ вкусѣ. Удо изучалъ всѣ иллюстрированные каталоги большихъ фарфоровыхъ заводовъ, отыскивая новые образцы чашекъ и выписывалъ всѣ новинки; у него было уже 2415 чашекъ какъ онъ—уже не въ первый разъ!—сообщилъ сегодня своему предмету. Въ его замкѣ цѣлая зала была занята витринами съ этими его излюбленными игрушками, и Удо собственноручно вытиралъ съ нихъ пыль: слугамъ запрещено было дотрогиваться до нихъ.

— Ахъ, еслибъ мнѣ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на эту коллекцію!—вздохнула Вѣра.

— Вы ее увидите... гмъ... вы должны... да... гмъ...

— Какъ-же это можетъ случиться?

— Вы пріѣдете кь намъ.

Она улыбнулась

— Что вы говорите? Вашей матушкѣ и въ голову не придетъ пригласить меня. Нѣтъ, ахъ нѣтъ, я никогда въ жизни не увижу вашихъ прелестныхъ чашекъ!..

Его узкая худенькая грудь сильно вздымалась, глаза выпучивались еще больше обыкновеннаго. Онъ страстно схватилъ маленькую ручку въ длинной верблюжьяго цвѣта перчаткѣ. Въ это время мимо нихъ проплыла черной тѣнью высокая женская фигура.

— Пора ѣхать, милый Удо. Ты, конечно, проводишь меня до кареты.

Послушный сынъ со злобой въ душѣ повиновался, но въ тотъ же вечеръ въ Hôtel de Prusse, гдѣ они остановились, объявилъ мамашѣ:

— Я... я... долженъ тебѣ сказать одну вещь, мамаша. Гмъ, я... я люблю Вѣру Ширмеръ и... и хочу жениться на ней.

Она долго, цѣлую минуту молчала, какъ сфинксъ, загадочная, страшная, потомъ сострадательно улыбнулась сыну.

— Я тебѣ всегда говорила, милый Удо, что шампанское тебѣ вредно. Ложись-ка спать...

Когда послѣ этого графъ Удо заявлялъ, что ему нужно ѣхать по дѣламъ въ Штеттинъ, или выказывалъ желаніе побывать въ городскомъ театрѣ, мамаша неотступно слѣдовала за нимъ; они стали неразлучны, какъ сіамскіе близнецы.

Тѣмъ ограничились результаты его перваго „мужественнаго рѣшенія“.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Писатель-гражданинъ *).

(Письма Н. В. Гоголя. Редакція *В. И. Шенрока*. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1901. 4 т.).

(*Продолженіе*).

III.

Пламенная мечта Гоголя осуществилась, онъ въ самомъ концѣ 1828 г. пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ съ небольшими перерывами остается до 1836 г., когда надолго уѣзжаетъ за границу.

Эти немногіе годы захватываютъ почти всю творческую дѣятельность Гоголя: частью вышло въ свѣтъ, частью начато все то, съ чѣмъ связана великая слава его. Въ 1831 г. появились „Вечера на хуторѣ близь Диканьки"; въ 1835 г. вышли 2 части „Миргорода", гдѣ впервые напечатаны „Старосвѣтскіе помѣщики", „Тарасъ Бульба", „Невскій проспектъ", „Записки сумасшедшаго" и перепечатана изъ „Новоселья" „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ"; въ журналахъ 1835 и 1836 г. напечатаны „Носъ" и „Коляска"; къ 1833—36 гг. относятся „Утро дѣлового человѣка", „Женитьба" и „Ревизоръ"; въ 1834 задумана „Шинель", въ 1835 г. начаты „Мертвыя души", первыя главы которыхъ успѣлъ еще прослушать Пушкинъ.

Передъ нами, слѣдовательно, весь Гоголь. Если главная часть „Мертвыхъ Душъ" и писана во время заграничнаго пребыванія 1837—39 гг., то всетаки въ томъ-же тонѣ и направленіи, которые создались въ творческомъ настроеніи Гоголя въ эпоху его петербургской жизни.

Такимъ образомъ, эти годы имѣютъ вполнѣ рѣшающее значеніе для изученія Гоголя. Въ предѣлахъ намѣченной нами задачи, ознакомиться съ умственнымъ строемъ Гоголя петербургскаго періода, значитъ имѣть ключъ къ уразумѣнію всей его

*) «Русское Богатство». Февраль.

дѣятельности. Въ добавокъ, въ эти-же годы Гоголь выступилъ не только какъ художникъ, но и какъ ученый, занявъ въ качествѣ адъюнктъ-профессора каѳедру всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Помѣстилъ онъ затѣмъ также нѣсколько критическихъ статей въ только что тогда основанномъ (1836) Пушкинскомъ „Современникѣ“ и въ своихъ „Арабескахъ“.

Какъ историческія занятія Гоголя, такъ и его попытки въ области критики должны имѣть особенное значеніе при рѣшеніи вопроса о безсознательности творчества великаго писателя. Едва ли кто станетъ спорить противъ того, что знаменателенъ уже самый фактъ, что Гоголь около $1^1/_2$ лѣтъ состоялъ въ числѣ профессоровъ петербургскаго университета. Столь-же поучителенъ, конечно, и фактъ появленія значительной критической статьи Гоголя (О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.) въ журналѣ такого тонкаго литературнаго цѣнителя, какъ Пушкинъ. Пушкинъ не сталъ-бы поощрять съ величайшимъ благоговѣніемъ прислушившагося къ его совѣтамъ Гоголя взяться за критику, если бы въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ не подмѣтилъ тонкаго вкуса и умѣнія разбираться въ литературныхъ вопросахъ, и опять-таки, значитъ, уже одинъ фактъ появленія Гоголя въ роли критика, и критика, какъ мы дальше увидимъ, съ безусловно-серьезнымъ чутьемъ и серьезнѣйшими представленіями о роли литературы и журналистики, тоже чрезвычайно знаменателенъ. И какъ-бы самъ собою возникаетъ вопросъ: какъ-же такъ Гоголь, въ качествѣ литературнаго судьи показавшій, что онъ превосходно понималъ творчество другихъ писателей, могъ оказаться глухимъ и слѣпымъ къ особенностямъ собственнаго творчества?

Однако, изъ этихъ двухъ важнѣйшихъ фактовъ духовной біографіи Гоголя его критическая дѣятельность обыкновенно совершенно игнорируется, а вопросъ о профессорствѣ Гоголя до сихъ поръ освѣщенъ у насъ весьма односторонне.

О послѣднемъ эпизодѣ біографіи Гоголя говорятъ только осудительно, только со стороны того, что Гоголь не былъ подготовленъ для ученой дѣятельности, обладалъ весьма ограниченнымъ количествомъ знаній и т. д.

Нельзя, конечно, отрицать, что въ значительной степени все это совершенно справедливо. Оставляя даже въ сторонѣ свидѣтельство современниковъ, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользуется разсказъ Тургенева въ его воспоминаніяхъ, можно и въ перепискѣ Гоголя найдти подтвержденіе того, что профессорство Гоголя потерпѣло рѣшительное фіаско. Сообщая въ декабрѣ 1835 г. Погодину, что „эти полтора года—годы моего безславія“, Гоголь съ горечью констатируетъ: „общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся“.

И тѣмъ не менѣе можно привести цѣлый рядъ фактовъ, совсѣмъ иначе освѣщающихъ профессорство Гоголя и показываю-

щихъ, что если оно и принесло ему „безславіе“, то главнымъ образомъ потому, что отъ него, съ такимъ блескомъ выступившаго на литературномъ поприщѣ, ожидали такого-же блеска и на поприщѣ научномъ. Попробуйте-ка сравнить Гоголя съ среднимъ профессоромъ первой половины тридцатыхъ годовъ, и онъ окажется не только не ниже, но значительно выше очень многихъ изъ нихъ. Уже одно то, что Гоголь—худо-ли, хорошо-ли, это другой вопросъ,—составлялъ *собственныя* лекціи, было явленіемъ не обычнымъ. Въ то блаженное время, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и не слыхать было, чтобы профессоръ преподавалъ что-нибудь самостоятельное. *Читали* тогда въ буквальномъ смыслѣ слова *по* тому или другому переводному руководству. Такъ, напр., читали не словесность вообще, а „словесность по Бургію“, „право по Гейнекцію“ и т. д. Ужъ на что былъ ученымъ человѣкомъ Каченовскій, но и онъ читалъ не всеобщую исторію, а „всеобщую исторію *по Пелицу*“.

Что касается знаній профессоровъ того времени, то достаточно вспомнить Записки Пирогова или „Былое и думы“ Герцена, чтобы опять-таки убѣдиться, что Гоголь и въ этомъ отношеніи всего менѣе представлялъ собою отрицательное явленіе. Нельзяже его, въ самомъ дѣлѣ, поставить на одну доску, напримѣръ, съ наставникомъ Пирогова—московскимъ профессоромъ В. М. Котельницкимъ, занимавшимъ важную каѳедру фармакологіи въ важнѣйшемъ русскомъ университетѣ и не умѣвшимъ какъ слѣдуетъ усвоить даже содержаніе того учебника, по которому „читалъ“. Преподаваніе его заключалось въ томъ, что онъ всходилъ на каѳедру, раскрывалъ книгу и „начинаетъ читать слово въ слово и при томъ съ описками... Василій Михайловичъ съ помощью очковъ читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Іовскаго: „Клещевинное масло, oleum ricini,—китайцы придаютъ ему горькій вкусъ“. Затѣмъ кладетъ книгу, нюхаетъ съ всхрапываніемъ табакъ и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: „вотъ, видишь-ли, *китайцы* придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ“. Мы, между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той-же книгѣ: вмѣсто китайцевъ—*кожицы* придаютъ ему горькій вкусъ“

Этотъ разсказъ Пирогова относится къ концу 20-хъ гг. Въ томъ-же стилѣ разсказы Герцена, относящіеся уже къ 1831—34 гг., значитъ прямо къ эпохѣ профессорства Гоголя. Профессоръ Герцена Чумаковъ „*подгонялъ*“ формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и *X* за извѣстное“. Рейсъ „никогда не читалъ химіи далѣе водорода. Онъ попалъ въ профессора химіи потому, что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екате-

рины старика пригласили въ Россію; ему не хотѣлось—онъ отправилъ вмѣсто себя племянника“ и т. д.

Всѣ эти разсказы, замѣтимъ, относятся къ профессорамъ такихъ факультетовъ, гдѣ преподаваніе безъ положительныхъ знаній какъ будто и представить себѣ нельзя. Нечего уже говорить, какъ были плохи профессора по наукамъ нравственнымъ, политическимъ и историческимъ, съ ихъ неопредѣленными очертаніями. Престижъ профессорскій былъ такъ малъ даже въ то малоученое время, что въ 1831 г. Пушкинъ писалъ Погодину: „жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды московскому университету“.

Таковъ былъ общій обликъ московскаго университета, старѣйшаго и лучшаго изъ русскихъ университетовъ, гдѣ всетаки были и отдѣльныя, отрадныя исключенія и въ которомъ уже показывались первые признаки замѣчательнаго подъема научнаго уровня, начинающагося со средины 30-хъ гг. Петербургскій-же университетъ стоялъ значительно ниже, и воспитанники его въ своихъ позднѣйшихъ разсказахъ объ университетскихъ годахъ не находили въ своей памяти почти ни одного профессорскаго имени, о которомъ могли-бы говорить съ признательностью. Таковы воспоминанія учившагося въ петербургскомъ университетѣ въ 1835—37 гг. Тургенева, который такъ мало вынесъ изъ петербургскаго ученія, что, отправившись за границу „усовершенствоваться“, долженъ былъ по многимъ предметамъ засѣсть за азбуку. Сверстникъ его по петербургскому университету, Грановскій, послушавъ берлинскихъ профессоровъ, впалъ въ совершенное отчаяніе отъ своего невѣжества и, узнавъ, что такое есть настоящая профессорская ученость, хотѣлъ отказаться отъ всякихъ притязаній на профессорскую дѣятельность, для подготовленія къ которой его послали.

Вотъ тѣ факты, съ точки зрѣнія которыхъ надо разсуждать о томъ, былъ-ли подготовленъ Гоголь занять каѳедру. До введенія устава 1834 года, до заведенныхъ тогда-же командировокъ кандидатовъ въ профессора за границу, общій уровень профессорскаго персонала былъ поразительно-низкій. Вотъ почему обычное отношеніе къ профессорству Гоголя, какъ къ чему-то близкограничащему съ нахальствомъ и даже, по выраженію Ореста Миллера, „позорному“, страдаетъ полнымъ отсутствіемъ исторической перспективы. Несостоятельность этого отношенія особенно ярко выясняется перепиской Гоголя, изъ которой мы сейчасъ извлечемъ рядъ доказательствъ, что *мысль о профессорствѣ возникла не въ немъ самомъ, а внушена ему другими*, и при томъ людьми съ установившеюся ученою репутаціею. Гоголь сталъ петербургскимъ адъюнктъ-профессоромъ въ 1834 г., но до того ему

трижды предстояло быть адъюнктъ-профессоромъ: сначала въ московскомъ университетѣ, затѣмъ въ кіевскомъ, затѣмъ опять въ московскомъ, и всякій разъ не по его инціативѣ, всякій изъ этихъ трехъ разовъ Гоголю дѣлались предложенія, но онъ ихъ не принималъ. Отъ кого исходило первое предложеніе, неизвѣстно. Имѣется только глухое заявленіе Гоголя въ его письмѣ къ Пушкину отъ 23 декабря 1833 г.: „назадъ тому три года (я) могъ-бы занять мѣсто въ московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали“ (I, 270). Второе предложеніе относится къ концу 1833 г. и началу 1834, когда набирали профессоровъ для только что учрежденнаго тогда кіевскаго университета. Въ числѣ ихъ былъ землякъ и большой пріятель Гоголя, извѣстный М. А. Максимовичъ. Онъ и сталъ звать въ Кіевъ Гоголя, который съ радостью принималъ это предложеніе. Въ тѣхъ восторженныхъ выраженіяхъ (нѣкоторыя изъ нихъ, сказать кстати, весьма должны радовать „щирыхъ украинцевъ“), которыми Гоголь отвѣтилъ Максимовичу, слышится истинное воодушевленіе спеціалиста. Гоголь тогда страстно увлекался малороссійскою исторіею и стариною, и ему рисовалось широкое поле дѣятельности: „Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ—не правда-ли? тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей. Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; на меня находитъ страхъ: можетъ быть я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра“ (I, 268). Кіевское профессорство одно время совсѣмъ налаживалось: „Министръ“,—сообщаетъ Гоголь Максимовичу 29 марта 1834 г.—„мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобы я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ“ (I, 287). Затѣмъ, однако, вышла заминка со стороны кіевскаго попечителя Брадке, у котораго былъ другой кандидатъ на каѳедру всеобщей исторіи, привлекавшую Гоголя — харьковскій профессоръ Цыхъ. Брадке ни мало не былъ противъ назначенія вообще Гоголя кіевскимъ профессоромъ; онъ только предлагалъ ему другую каѳедру. Въ чрезвычайно характерномъ для выясненія вопроса о профессорствѣ Гоголя письмѣ его къ Максимовичу отъ 28 мая 1834 г., читаемъ:

«Мои обстоятельства очень странны. Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, однако-жъ, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня—не знаю для чего—здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру русской исторіи, что сіе-де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ, а теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго при-

несло какъ нарочно. Право, странно: они воображаютъ, что различія предметовъ это такая маловажность и что, кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію» (I, 298).

Какъ мало соотвѣтствуетъ это письмо обычнымъ представленіямъ о несуразности претензій Гоголя на каѳедру! Такъ какъ, при согласіи министра, все дѣло назначенія Гоголя зависѣло исключительно отъ Брадке, то Гоголю стоило только написать послѣднему, что онъ беретъ предлагаемую каѳедру и его тотчасъ же назначили бы экстраординарнымъ профессоромъ. Но для Гоголя профессорство—въ мечтахъ, по крайней мѣрѣ,—было всего менѣе карьерой или выходомъ изъ труднаго денежнаго положенія, въ которомъ онъ тогда находился. Онъ, вѣрно или невѣрно—это уже другой вопросъ,—считалъ себя призваннымъ для каѳедры всеобщей исторіи и только одну ее соглашается брать. Не забудемъ еще и того, что съ чисто-технической точки зрѣнія каѳедру русской исторіи было гораздо легче занимать, чѣмъ каѳедру всеобщей исторіи, для которой—въ идеалѣ, по крайней мѣрѣ,—требовалось хорошее знаніе классическихъ и иностранныхъ языковъ.

Такъ-то кончились не Гоголемъ начатыя, но исключительно имъ однимъ разстроенныя хлопоты о кіевской профессурѣ. Не лишне будетъ отмѣтить для характеристики тѣхъ требованій, которыя тогда предъявлялись къ кандидатамъ въ профессора, что хлопотавшій за Гоголя Максимовичъ занялъ въ кіевскомъ университетѣ каѳедру словесности, а до того онъ въ московскомъ университетѣ читалъ *ботанику*!

Гоголь же чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отвергъ и третье предложеніе профессуры, хотя предлагали ему теперь не въ провинцію, а въ Москву, предлагалъ не административный дѣятель и не спеціалистъ по ботаникѣ, а такая крупная научная величина, какъ Погодинъ. Погодинъ въ то время читалъ всеобщую исторію, но переходилъ на русскую исторію и Гоголя хотѣлъ устроить въ качествѣ адъюнктъ - профессора. Гоголь въ отвѣтномъ письмѣ (I, 305) хотя и восторженно говоритъ о томъ, что „профессорство, если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе", но по причинамъ чисто-практическимъ находилъ для себя неудобнымъ перемѣщеніе въ Москву.

Предложеніе Погодина въ высшей степени важно для опроверженія ходячихъ взглядовъ на профессорскія притязанія Гоголя. Погодинъ познакомился съ Гоголемъ въ 1832 г. и сразу записалъ въ своемъ дневникѣ: „Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. *Большая надежда, если возстановится его здоровье*" *). Дальше идетъ все рѣчь объ историческихъ занятіяхъ

*) *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, т. IV, 114.

Гоголя, значитъ „большая надежда“ относится къ Гоголю-историку. Съ тѣхъ поръ Погодинъ вступилъ въ тѣснѣйшую дружбу съ Гоголемъ, велъ съ нимъ оживленнѣйшую переписку, лично много говорилъ съ нимъ, наконецъ, что, пожалуй, всего важнѣе въ данномъ случаѣ, внимательно читалъ нѣсколько статей Гоголя по всеобщей исторіи. Онъ, значитъ, имѣлъ ясное и опредѣленное представленіе о силахъ Гоголя, и если тѣмъ не менѣе первый предложилъ Гоголю адъюнктство, то не смѣшны-ли всѣ разговоры о самонадѣянности Гоголя, да еще въ виду того, что самонадѣянный-то человѣкъ три предложенія профессорства не принялъ. Ко всему этому можно еще прибавить, что статьи Гоголя по всеобщей исторіи печатались въ ученомъ „Журналѣ министер. народ. просв.“, что этими статьями *до назначенія Гоголя профессоромъ въ Петербургѣ* интересовался ученый министръ народ. просв. Уваровъ, что Уваровъ иной разъ прямо заказывалъ Гоголю научныя статьи для „Журнала министер. народ. просв.“ (I, 301), что ученый издатель „Телескопа“, извѣстный профессоръ и критикъ Надеждинъ, очень гнался за историческими статьями Гоголя (I, 285), что о назначеніи Гоголя профессоромъ въ Петербургѣ хлопоталъ, кромѣ Пушкина и Жуковскаго, также Никитенко *). По истинѣ печальное впечатлѣніе производитъ въ виду всѣхъ этихъ фактовъ глумящееся отношеніе нѣкоторыхъ юбилейныхъ статей текущаго года къ неудачному по совсѣмъ другимъ причинамъ профессорству Гоголя. Апогея это отношеніе достигло въ статьѣ психіатра Н. Н. Баженова „Болѣзнь и смерть Гоголя“ („Рус. мысль“ 1902, I). Какъ очень многіе спеціалисты, г. Баженовъ вообще весьма скоръ на всякіе рѣшительные выводы и обобщенія; ему достаточно прочесть въ письмѣ Гоголя жалобы на боль головы, чтобы тотчасъ же усмотрѣть тутъ типическую „неврастеническую каску“. Но по отношенію къ профессорству Гоголя г. Баженовъ дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ: онъ причисляетъ весь этотъ эпизодъ къ „*странностямъ почти патологическимъ*“ (стр. 143).

Такъ-то, катясь подобно лавинѣ, растетъ и принимаетъ безобразные размѣры всякое невѣрное или одностороннее мнѣніе. Впервые пренебрежительно заговорилъ въ печати о профессорствѣ Гоголя извѣстный оріенталистъ Григорьевъ въ своей нѣкогда (1856—57) столь нашумѣвшей и всѣхъ возмутившей статьѣ о Грановскомъ. Но у того были совсѣмъ особыя цѣли: обаяніе Грановскаго, обладавшаго довольно ограниченными спеціальными знаніями, поселяло самое недружелюбное отношеніе къ нему въ сердцахъ разныхъ завистливыхъ спеціалистовъ à la Григорьевъ, богатыхъ знаніями, но бѣдныхъ нравственными силами. Григорьевъ всячески старался подчеркнуть незначительность научныхъ силъ Грановскаго и тутъ-то, для характеристики уровня той научной

*) «Рус. Мысль» 1902, I.

среды, изъ которой вышелъ Грановскій, и понадобился Гоголь въ роли профессора всеобщей исторіи. И вотъ, проходя разные промежуточные фазисы, отрицательное отношеніе къ Гоголю-профессору, постоянно упускало изъ виду историческую точку зрѣнія, постоянно имѣло предъ собою какъ единицу сравненія позднѣйшихъ крупныхъ историковъ нашихъ и становилось все рѣзче и рѣзче, пока, наконецъ, пришелъ психіатръ и не усмотрѣлъ тутъ симптомъ будущей форменной душевной болѣзни Гоголя! Уже если признать стремленіе Гоголя занять каѳедру „почти патологическою странностью", то дадимъ только пощаду хлопотавшимъ за него Пушкину и Жуковскому, какъ неспеціалистамъ, а затѣмъ, чтобы быть послѣдовательными, причислимъ къ полупомѣшаннымъ и Максимовича, и Никитенко, и Брадке, и Уварова, и особенно Погодина. Въ себѣ-то еще всякій человѣкъ ошибается, а они чего посходили съ ума, да сажали на каѳедру человѣка, совершенно ея недостойнаго.

Читатель пойметъ, почему мы такъ долго останавливаемся на профессорствѣ Гоголя. Для насъ, помимо того, что хочется положить начало болѣе правильному отношенію къ одному изъ любопытныхъ эпизодовъ біографіи великаго писателя, есть тутъ другая, весьма важная сторона. Для насъ, въ нашихъ стараніяхъ показать, что Гоголь былъ не только человѣкъ безсознательнаго творчества, но и писатель, вполнѣ сознательно намѣчавшій цѣли своихъ произведеній, въ высшей степени важно выяснить, что Гоголь принадлежалъ къ высшей интеллигенціи своего времени. Это не прасолъ Кольцовъ, сильный единственно природнымъ геніемъ. Пусть Гоголь и весьма малознающій ученый съ позднѣйшей точки зрѣнія, пусть насъ поражаетъ то, что человѣкъ, плоховато кончившій гимназію, черезъ два года получаетъ предложеніе занять каѳедру въ московскомъ университетѣ, а черезъ шесть, безъ всякихъ экзаменовъ и диссертацій, въ самомъ дѣлѣ становится профессоромъ. Намъ только важно показать, что въ свое-то время въ этомъ не было рѣшительно ничего экстраординарнаго и что Гоголь былъ вполнѣ нормальнымъ кандидатомъ въ профессора. Пусть только читатель изъ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ удержитъ въ памяти то, что Максимовичъ, тоже безъ всякихъ экзаменовъ и диссертацій, прямо съ каѳедры ботаники былъ перемѣщенъ на каѳедру словесности, и никто насъ не упрекнетъ въ парадоксальности, если мы покамѣстъ (дальше мы потребуемъ бо̀льшаго) поставимъ такой тезисъ: Гоголь, отвергшій три предложенія занять каѳедру, добивался затѣмъ самъ профессуры въ Петербургѣ съ научнымъ багажемъ, достаточнымъ для обычныхъ академическихъ требованій начала 30-хъ годовъ.

Въ своей защитѣ *притязаній* Гоголя на профессорство мы, однако, не намѣрены защищать самое профессорствованіе Гоголя, длившееся больше года. Оно, несомнѣнно, было неудачно,

судя по отзывамъ современниковъ. Но причины тутъ были совсѣмъ другія и при разсмотрѣніи ихъ мы убѣждаемся, что одного приравниванія Гоголя къ типу *средняго* профессора начала 30-хъ годовъ мало, что Гоголь по тѣмъ задачамъ, которыя себѣ ставилъ, стоялъ несомнѣнно выше очень многихъ изъ своихъ университетскихъ товарищей.

Если бы, въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые такъ сурово отнеслись къ Гоголю-профессору, имѣли бы предъ глазами 6-й томъ Тихонравовскаго изданія Гоголя (появился въ 1896 г.), гдѣ помѣщены выдержки изъ гоголевскихъ записныхъ книгъ, они-бы поняли, что причина неудачнаго профессорствованія Гоголя, главнымъ образомъ, лежала въ широтѣ замысловъ его. Въ подготовительныхъ работахъ Гоголя къ будущимъ лекціямъ мы находимъ какъ программу всего курса, такъ и наброски отдѣльныхъ лекцій. А такъ какъ Гоголь вообще былъ крайне неаккуратенъ и множество лекцій пропускалъ, то можно прямо сказать, что всѣ свои лекціи Гоголь читалъ, предварительно составивъ себѣ подробнѣйшій остовъ. Это свидѣтельствуетъ не только о выдающейся добросовѣстности Гоголя, но и о желаніи блестяще поставить свой курсъ и внести въ него что-нибудь новое. И это-то стремленіе и подкосило Гоголя, который къ тому же былъ страшно занятъ какъ разъ тогда же окончательной отдѣлкой „Ревизора". Извѣстно, что въ столь неблестяще сложившейся профессорской карьерѣ Гоголя было, однако, два блестящихъ момента. Одинъ изъ нихъ—вступительная лекція, появившаяся затѣмъ въ печати въ „Журн. Мин. нар. просв." и „Арабескахъ" („О среднихъ вѣкахъ"), другой—лекція,характеризующая эпоху арабскаго калифа Аль-Мамуна, тоже вскорѣ напечатанная (въ „Арабескахъ"). Послѣднюю лекцію Гоголь тщательно обработалъ, ожидая, что къ нему заглянутъ въ аудиторію Жуковскій и Пушкинъ. Они, дѣйствительно, пріѣхали, Гоголь превосходно прочиталъ свою эффектную характеристику и очаровалъ какъ своихъ высокихъ покровителей, такъ и слушателей. Такимъ образомъ, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ устанавливается, что Гоголь *могъ-бы* быть прямо выдающимся профессоромъ. Но понятно, это требовало огромной работы. Читать еженедѣльно двѣ „блестящія" лекціи такого типа, какія Гоголь прочиталъ въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго, было страшно трудной задачей. Трудно не потому, однако, что тутъ требовалось особенно много спеціальныхъ знаній—Гоголь, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣлъ для этого достаточно источниковъ подъ руками—а по причинамъ чисто литературнаго свойства. Всякій, кто заглянетъ въ мало-читаемые гоголевскіе „Арабески" и ознакомится съ характеристикою Аль-Мамуна, тотчасъ увидитъ, что это почти беллетристика, рядъ картинъ и силуэтовъ чисто-художественнаго пошиба. Гоголь писалъ ее съ тѣмъ же художественнымъ обдумываніемъ и увлеченіемъ, съ

какимъ писалъ почти одновременно характеристику казачества въ „Тарасѣ Бульбѣ“, т. е. составляя самую тщательную мозаику изъ наиболѣе яркихъ чертъ и набрасывая одну широкую картину. Но гдѣ же было справиться съ такого рода обработкой въ короткій промежутокъ между двумя лекціями, да еще при той крайней медленности, которая характеризуетъ творчество Гоголя. У него годами созрѣвали даже самыя мелкія по объему произведенія. Лекціи нельзя было высиживать годами и оттого-то Гоголь такъ быстро и осѣкся. Банально онъ не хотѣлъ читать, а читать блестяще не хватало времени.

Такъ вотъ гдѣ истинная причина того, что университетская дѣятельность страшно занятаго въ то время своими художественными замыслами Гоголя потерпѣла неудачу. А спеціальныхъ знаній, какъ мы уже сказали, у Гоголя было достаточно, чтобы прочитать курсъ, вполнѣ удовлетворяющій скромнымъ требованіямъ того времени. Въ примѣчаніяхъ къ 6-му тому Тихонравовскаго изданія (стр. 689) напечатанъ списокъ книгъ историческаго содержанія, которыя впослѣдствіи Гоголь подарилъ другу своему А. С. Данилевскому и которыми своевременно несомнѣно пользовался, готовясь къ лекціямъ. Это списокъ весьма приличный. Кромѣ книгъ общаго значенія („Cours de literature française“ Вильмена, его же „Melanges philosophiques, historiques et littéraires“) мы находимъ тутъ „Introductions à l'histoire universelle“ Мишлэ, французскій переводъ Гердеровскихъ „Идей о философіи исторіи человѣчества“, „Исторію паденія римской имперіи“ Гиббона во франц. переводѣ Гизо, „Всемірную исторію“ Іоганна Миллера во франц. переводѣ, „Dix ans d'études historiques“ Огюстена Тверри, его же „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands“ и др. Но это, однако, далеко не всѣ пособія, бывшія у Гоголя подъ рукою. Помимо книгъ на русскомъ языкѣ, напр., трудовъ Беттихера и Герена, о которыхъ Гоголь даже переписывался съ Погодинымъ, тутъ нѣтъ той прекрасной книги по исторіи среднихъ вѣковъ—Галламовской „History of Middle Age“, французскимъ переводомъ которой, какъ это показалъ Тихонравовъ, Гоголь особенно много пользовался. Слѣды знакомства съ поименованными выше книгами и другими пособіями не трудно прослѣдить какъ по напечатаннымъ историческимъ статьямъ Гоголя, гдѣ мы находимъ, напр., спеціальную характеристику историософическихъ взглядовъ Шлецера, Іоганна Миллера и Гердера, цитаты изъ лекцій Шлегеля и др., такъ и по ненапечатаннымъ подготовительнымъ работамъ къ университетскому курсу. Такъ, въ весьма обстоятельно составленной „Библіографіи среднихъ вѣковъ“ (т. 6, стр. 273—277 и 684—86), часть пособій названа, несомнѣнно, только по указаніямъ другихъ библіографій, но при нѣкоторыхъ сочиненіяхъ сдѣланы краткія характеристики, показывающія, что Гоголь съ ними хорошо знакомъ. Это именно:

„Исторія упадка римской имперіи“ Гиббона, „Исторія европейской цивилизаціи“ Гизо, „Европа въ средніе вѣка“ Галлама, первые томы средней исторіи Демишеля. Слѣды пристальнаго знакомства Гоголя съ иностранными пособіями, которыя были доступны ему только на французскомъ языкѣ, весьма своеобразно и наглядно сказалась въ томъ, что множество историческихъ именъ второстепеннаго значенія, для которыхъ еще не установилась русская транскрипція, у Гоголя встрѣчается во французскомъ произношеніи. И уже одна эта мелочь удивительно ярка и характерна. Она наглядно доказываетъ, что Гоголь несомнѣнно вносилъ въ свое преподаваніе нѣчто свое, нѣчто такое, чего его предшественники не касались.

А теперь, когда мы бросили взглядъ въ самую лабораторію гоголевскаго профессорствованія, спросимъ себя еще разъ: такъ ли ничтожны были знанія Гоголя для *начинающаго*, двадцати пяти-лѣтняго лектора даже и не той эпохи? Въ первый же годъ чтенія готовить для каждой лекціи подробный конспектъ по ряду превосходныхъ пособій — это по тому времени было явленіемъ прямо изъ ряду вонъ выходящимъ.

Закончимъ нашъ экскурсъ нѣсколькими замѣчаніями о статьѣ Гоголя „О преподаваніи всеобщей исторіи“. Изъ нея, въ связи съ перепискою, мы можемъ извлечь нѣсколько чертъ, весьма цѣнныхъ для нашего утвержденія, что въ эпоху высшаго напряженія художественнаго творчества Гоголя онъ напряженно размышлялъ и надъ вопросами теоретическаго характера.

При современной спеціализаціи знанія, когда человѣкъ, проработавши цѣлую жизнь, не дерзаетъ дѣлать обобщеній далѣе одного, двухъ столѣтій, трудно удержаться отъ улыбки, когда читаешь такое опредѣленіе задачи всеобщей исторіи:

> «Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество—какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препятствіями—вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму».

Хотѣли-бы мы видѣть того наиученнѣйшаго историка, который взялся-бы составить и преподавать курсъ по такой прграммѣ. Но, конечно, никто не поставитъ Гоголю въ минусъ мечты о такомъ трудѣ. Во времена Гоголя доживалъ свои послѣдніе дни, но не отжилъ, однако, совсѣмъ взглядъ на исторію какъ на „историческое искусство“, при которомъ отъ историка требовалось не столько основательность разработки, сколько широта

обобщеній и художественная изобразительность. Еще не отошло въ область преданій профессорствованіе поэта и медика по спеціальному образованію Шиллера, которому ученѣйшій іенскій университетъ предложилъ каѳедру всеобщей исторіи за „Исторію отпаденія Нидерландовъ“, съ строго-научной точки почти не имѣющую никакой цѣны и интересную только по блестящему литературному изложенію. Еще вполнѣ свѣжо было колоссальное впечатлѣніе, произведенное исторіею Карамзина, успѣхъ которой покоился не на эрудиціи, а на художественной изобразительности и нравственно-политическомъ морализированіи. Почти десять лѣтъ спустя послѣ появленія „Плана“ Гоголя, Бѣлинскій, самъ хотя и не спеціалистъ, но всегда отражавшій кругъ представленій наиболѣе научно-образованныхъ круговъ своего времени, ставитъ историку такія-же задачи (см. начало его статьи о „Россіи до Петра Великаго“).

Но если еще можно что-нибудь сказать съ чисто-научной точки зрѣнія противъ стремленія превратить всемірную исторію въ „поэму“, то именно въ этой „ненаучности“ нельзя не видѣть чрезвычайно благопріятнаго обстоятельства для расширенія творческаго горизонта Гоголя въ одну изъ самыхъ напряженныхъ эпохъ его духовной жизни,—въ моментъ окончательной обработки „Ревизора“. Тотчасъ по оставленіи университета, 6 декабря 1835 г., Гоголь писалъ Погодину:

«Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять безаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти годы—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня!.. Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія: когда вы исторгнитесь съ бо́льшею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая черпь, всегда соглашающаяся публика» и проч. и проч... (I, 357).

Невозможно, конечно, съ полною опредѣленностью сказать, къ какой сферѣ относятся тѣ „исполненныя ужасающаго величія“ мысли, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ первостепенной важности отрывкѣ изъ лѣтописи творчества Гоголя. Они, несомнѣнно, охватываютъ всю совокупность его душевной жизни въ эпоху профессорствованія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть эпоха упорной работы надъ окончательной отдѣлкой „Ревизора“. Отчасти, конечно, слова Гоголя относятся къ спеціальному кругу взглядовъ его на историческую жизнь. Но несомнѣнно, что тутъ и пророческое предвидѣніе того значенія, которое предстояло получить окончательно „исторгнувшемуся“ теперь изъ творческихъ нѣдръ „Ревизору“. „Божественныя минуты“, видимо, съ одной стороны

относятся къ уясненію для Гоголя судебъ человѣчества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ ярко и проникновенно сказалась память о тѣхъ волшебныхъ посѣщеніяхъ генія, когда умственному взору Гоголя представилось во всей его силѣ значеніе великой комедіи. А „новое пробужденіе", можетъ быть, относится къ дальнѣйшему развитію зачатыхъ уже тогда „Мертвыхъ душъ".

Но опредѣленность въ данномъ случаѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Совсѣмъ не важны точныя очертанія тѣхъ мыслей, думъ и чувствъ, которыя волнуютъ писателя, важно только, чтобы онъ горѣлъ и волновался и чтобы это волненіе направляло его душевную жизнь въ одну опредѣленную сторону. Душа писателя-творца есть горнило, въ которомъ въ моменты рожденія великихъ произведеній плавится благородный металлъ таланта и горитъ святой огонь вдохновенія. Только наличность и порода плавящагося металла и имѣетъ значеніе, а уже ту или другую вполнѣ опредѣленную форму драгоцѣнная масса непремѣнно приметъ. И сейчасъ приведенный разсказъ Гоголя о томъ, что происходило въ его душѣ въ годы созданія „Ревизора", прежде всего важенъ тѣмъ, что отъ него пышетъ страшнымъ внутреннимъ огнемъ, что насъ обдаетъ тѣмъ жаромъ, въ пылу котораго выкована великая комедія. А затѣмъ мы ясно видимъ, что раздувало и поддерживало въ душѣ Гоголя творческій огонь. Не беззаботный смѣхъ, не зубоскальство, не желаніе забавить, а мысли „ужасающаго величія" создали „веселую" комедію. То единственно-честное лицо среди плутовъ и пошляковъ „Ревизора", которое Гоголь впослѣдствіи вводилъ въ объясненіе своей комедіи—авторское отношеніе—не фраза, значитъ, потомъ придуманная. Предъ нами реальный фактъ, „волненіе" самаго высокаго свойства наполняло душу автора въ теченіе всѣхъ двухъ лѣтъ, которыхъ потребовало созданіе „Ревизора".

И вотъ, съ полною опредѣленностью вырисовывается картина духовной жизни Гоголя въ знаменательный періодъ соединенія въ одно неразрывное цѣлое его научной и художественной дѣятельности. Схема получается такая: въ эпоху во всякомъ случаѣ усиленныхъ историческихъ занятій, въ эпоху мечтаній создать „поэму" всеобщей исторіи, въ годы, когда Гоголю, какъ онъ писалъ Погодину, казалось, что ему суждено „сдѣлать кое-что необщее во всеобщей исторіи" (I, 275), онъ столь-же усиленно работаетъ надъ произведеніемъ, которое открываетъ собою гражданскій періодъ русской литературы. Есть-ли физическая возможность, чтобы не установилось взаимодѣйствіе, когда голова и душа работали одновременно и надъ исторіей и надъ комедіей, когда утромъ или вечеромъ писалась или обдумывалась лекція, а вечеромъ или утромъ писалась или обдумывалась сцена изъ „Ревизора". Разсказывая Погодину въ началѣ 1833 года о тѣхъ крайне-знаменательныхъ (мы еще дальше къ нимъ вернемся) при-

чинахъ, въ силу которыхъ у него не двигалась такъ и оставшаяся неоконченною злѣйшая по замыслу комедія „Владиміръ 3-ьей степени“, Гоголь пишетъ:

„Итакъ, за комедію не могу приняться, а примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумитъ апплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту“ (I, 245).

Если такъ тѣсно было соприкосновеніе въ 1833 году, при сочиненіи *не* оконченной комедіи и *не* обязательныхъ историческихъ занятій, то что же говорить о 1835 годѣ, съ его интенсивнѣйшей работой надъ оканчиваемой комедіей и обязательными занятіями исторіей для подготовленія къ лекціямъ?

Рука объ руку шли теперь и историческія и художественныя думы Гоголя. Напряженно размышлялъ Гоголь о судьбахъ народовъ, размышлялъ всегда въ обобщающихъ и анализирующихъ очертаніяхъ, потому что собственно самое изложеніе историческихъ событій его никогда не занимало. Размышлялъ онъ также о гражданскомъ бытѣ и устройствѣ, которому вообще посвящалъ много вниманія въ своихъ историческихъ статьяхъ и подготовительныхъ набоскахъ. И въ это же самое время онъ весь горѣлъ творческимъ напряженіемъ, чтобы ярче изобразить порядки и атмосферу того города, судьбами котораго заправлялъ Сквозникъ-Дмухановскій. Мысли „ужасающаго величія“ возникали у него, когда онъ думалъ о явленіяхъ исторической жизни западно-европейскихъ и восточныхъ народовъ. Неужели же они его оставляли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ переходилъ къ явленіямъ русской жизни? Не забудемъ же того, что „Ревизоръ“ не есть непосредственная фотографія съ живой дѣйствительности, а одно изъ самыхъ сконцентрированныхъ синтетическихъ произведеній, гдѣ все есть обобщеніе, все есть результатъ суммированія отдѣльныхъ чертъ. Предъ нами, такимъ образомъ, моментъ общаго напряженія именно рефлектирующей стороны Гоголевскаго духа, періодъ не непосредственнаго, а глубоко-размышляющаго творчества. Это-то, конечно, и сообщило веселому анекдоту, который Пушкинъ разсказалъ Гоголю, такія грандіозныя очертанія и превратило его въ потрясающую картину всего нашего общественно-государственнаго уклада.

IV.

Если Гоголь-историкъ цѣнится у насъ, обыкновенно, незаслуженно-мало, то Гоголь-критикъ просто мало кому извѣстенъ. Въ обширной литературѣ о Гоголѣ эта сторона его дѣятельности почти никѣмъ не разсматривается. А между тѣмъ, она достаточно поучительна и уже вполнѣ безспорно обрисовываетъ Гоголя не

только какъ безсознательнаго художника-творца, но и какъ литературнаго судью съ вполнѣ опредѣленными взглядами на задачи литературной дѣятельности.

Первымъ критическимъ опытомъ Гоголя является „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“, въ „Арабескахъ“. Небольшая статья теперь, конечно, никого не можетъ удивить новизною или оригинальностью мыслей. Но для своего времени и въ тотъ моментъ, когда она была написана (1833), статья была выраженіемъ серьезнаго и вдумчиваго литературнаго міросозерцанія. Въ началѣ 30-хъ годовъ слава Пушкина стала меркнуть. Публика, пораженная трескомъ и блескомъ Марлинскаго, отнеслась холодно къ той пластичной простотѣ, которая характеризуетъ творчество Пушкина во вторую, лучшую и наиболѣе зрѣлую пору его дѣятельности. Въ этотъ-то моментъ было несомнѣнно проявленіемъ мало-обычной здравости вкуса, когда Гоголь напоминалъ, что „чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше надо быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина“. Съ этой точки зрѣнія онъ скорбѣлъ о томъ, что „недостаточно оцѣнены послѣднія произведенія Пушкина. Опредѣлилъ ли кто „Бориса Годунова“, это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа“.

Наибольшій интересъ изъ критическихъ опытовъ Гоголя представляетъ появившаяся анонимно въ 1-й книгѣ Пушкинскаго „Современника“ статья „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ“. Свидѣтельствомъ современнаго значенія ея можетъ служить отзывъ Бѣлинскаго, который, разбирая въ „Молвѣ“ первый № „Современника“ и не зная, кому принадлежитъ статья, принялъ ее за profession de foi новой редакціи и по ней судилъ о „духѣ и направленіи“ журнала. Передавая содержаніе статьи, Бѣлинскій считаетъ „за долгъ сказать, что всѣ эти сужденія не только изложены рѣзко, остро и ловко, но даже безпристрастно, и благородно“. Послѣдніе эпитеты Бѣлинскій счелъ нужнымъ прибавить въ виду того, что „авторъ статьи не исключаетъ изъ своей опалы ни одного журнала“, т. е. и „Телескопа“ съ „Молвой“. „И хотя“,—прибавляетъ Бѣлинскій,—„его сужденіе и о нашемъ изданіи совсѣмъ не лестно для насъ, но мы не видимъ въ немъ ни злонамѣренности, ни зависти, ни даже несправедливости“ (Бѣлинскій, Соч., по нашему изд. т. III, 4). Больше всего Бѣлинскаго привелъ въ восторгъ взглядъ статьи на назначеніе журналистики, характеристика безпринципнаго паясничества Брамбеусовской „Библіотеки для чтенія“ и продажности „Сѣв. Пчелы“. И это дѣйствительно лучшая часть статьи. Правда, тутъ не все могло казаться новымъ. Такъ, напр., Бѣлинскій совершенно справедливо говорилъ: „О Библіотекѣ для чтенія“ высказаны истины

рѣзкія и горькія для нея, но уже извѣстныя и многими еще прежде сказанныя". Многими, положимъ, не многими, но самимъ Бѣлинскимъ дѣйствительно еще въ концѣ 1834 г. въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" была сдѣлана Брамбеусу страстная отповѣдь, въ которую молодой критикъ вложилъ всю силу присущей ему способности возмущаться пошлостью и безпринципностью. Если мы, тѣмъ не менѣе, ставимъ Гоголю въ особую заслугу протестъ противъ имѣвшей огромнѣйшій успѣхъ „Библіотеки", то потому, что въ частной перепискѣ Гоголь давнымъ давно возсталъ противъ „брамбеусины", какъ онъ выразился въ письмѣ къ Погодину (I, 273). Въ печати, и при томъ въ очень смягченной формѣ, Гоголь выразилъ свое негодованіе только въ 1836 году въ разбираемой теперь статьѣ. Но въ письмѣ къ Погодину отъ 11 января 1834 г. все это было высказано тотчасъ послѣ выхода первой же, столь поразившей публику, книжки „Библіотеки для чтенія":

«... подъ ногами у тебя валяется толстый дуракъ, т. е. первый № Смирдинской «Библіотеки». Кстати о «Библіотекѣ». Это довольно смѣшная исторія. Сенковскій очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однако-жъ, ворвался и бьетъ, очертя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: «С... сынъ, какъ хорошо пишетъ». Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства» (I, 273).

По этой удивительно-мѣткой характеристикѣ успѣха Брамбеуса-Сенковскаго можно подумать, что Гоголь хотя и очень быстро и чутко, но всетаки отразилъ мнѣніе кружковъ „стоящихъ выше Брамбеусины". Но въ дѣйствительности, однако, Гоголю безусловно принадлежитъ честь перваго опредѣленія литературной цѣны этого столь важнаго литературнаго явленія тридцатыхъ годовъ. Уже 20 февраля 1833 г., за годъ до выхода „Библіотеки", когда Брамбеусъ и имени еще никакого не имѣлъ, Гоголь писалъ Погодину:

«Читалъ-ли ты Смирдинское «Новоселье»? Для меня оно замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ и подлости, и вони, к всего» (I, 246).

Въ этой прозорливости нельзя не усмотрѣть весьма тонкаго пониманія особенностей своего собственнаго творчества. Дѣло въ томъ, что Брамбеусъ до извѣстной степени писалъ въ томъ же стилѣ, какъ и самъ Гоголь. На грубый вкусъ у нихъ было много общаго. Та же „забавность", то же остроуміе, которое къ тому же, какъ ни относиться строго къ Брамбеусу, было у

него не заурядное, тѣ же, наконецъ, экскурсы въ сферы, для представителей литературной чопорности казавшіяся „грязью“. Благодаря этой внѣшней близости, получалась возможность для людей, неспособныхъ отличать золото отъ мишуры, смѣшивать обоихъ „забавныхъ“ писателей. И ихъ смѣшивали не разъ даже люди, безконечно преклонявшіеся предъ Гоголемъ. Почтенная Марья Ивановна Гоголь, безграничное благоговѣніе которой предъ талантами сына доходило до величайшихъ курьезовъ, прямо въ ярость приводила его, приписывая ему нѣкоторыя повѣсти Брамбеуса (I, 293), казавшіяся ей, какъ и всей провинціи, вершиною ядовитаго остроумія. Но Гоголь-то съ перваго момента появленія Брамбеуса понялъ всю глубину бездны, ихъ отдѣляющей, все безграничное несходство внутреннихъ побужденій. Онъ, „копавшійся въ грязи“, чтобы показать, какіе перлы таятся на днѣ ея, и чтобы сквозь эту грязь провести людей къ свѣту, онъ, „забавляя“ своихъ читателей, ни на одну минуту не разстававшійся съ тоскою по совершенству, не могъ не отнестись съ истиннымъ омерзеніемъ къ чисто-клоунскому барахтанію въ грязи Брамбеуса, сознательно спекулировавшаго на возбужденіе низменныхъ инстинктовъ. Оттого-то онъ и встрепенулся такъ, и нельзя объяснять его отношенія къ Брамбеусу однимъ чувствомъ досады. Тутъ замѣчательна искренность и сила презрѣнія. Извѣстно изъ жизни самыхъ великихъ писателей, что подъ вліяніемъ очень шумнаго успѣха въ нихъ зарождалось желаніе подражать вещамъ, безусловно ниже стоящимъ собственныхъ произведеній. Кому, напр., придетъ въ умъ сопоставлять геніальныя въ своей правдивой простотѣ повѣсти Пушкина съ фейерверочнымъ романтизмомъ повѣстей Марлинскаго. Однако, Пушкинъ далеко не сознавалъ этого превосходства и съ извѣстнымъ чувствомъ не личной, а именно творческой зависти приглядывался къ огромному впечатлѣнію, которое производила эфектная напыщенность Марлинскаго, и кое въ чемъ подражалъ ему. И вотъ почему мы въ глубочайшемъ и искреннѣйшемъ презрѣніи, именно презрѣніи и ни мало не зависти Гоголя къ модному Брамбеусу, не можемъ не усмотрѣть доказательства полнаго и яснаго разумѣнія свойствъ своего собственнаго творчества.

Отношеніе Гоголя къ модному Брамбеусу, убійственная характеристика сильной своимъ вліяніемъ на среднюю публику „Сѣв. Пчелы“ и мѣткое приравниваніе дававшаго всѣмъ свое имя Греча къ „почтеннымъ пожилымъ людямъ“, которыхъ „приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы“, были выраженіемъ тонкаго вкуса Гоголя и умѣнія его понимать литературныя индивидуальности. Но въ этой же статьѣ Гоголь проявилъ и высокія общія представленія о литературной дѣятельности. Главный упрекъ, съ которымъ онъ обращался къ „Библіотекѣ

для чтенія", было отсутствіе у брамбеусовскаго журнала „цѣли". Разсказовъ, какъ блестяще была поставлена Смирдинымъ въ журналѣ издательская часть, какъ много даетъ журналъ своимъ подписчикамъ литературнаго матеріала, какъ много было привлечено хорошихъ писателей, критикъ считаетъ, однако, все это недостаточнымъ:

«Никто не позаботился,—говоритъ онъ,—о весьма важномъ вопросѣ: долженъ-ли журналъ имѣть одинъ какой-нибудь опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или онъ долженъ быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній, всѣхъ толковъ, составить какую то разнохарактерную ярмонку, гдѣ каждый хлопочетъ о своемъ» (Х-ое изд., VI, 329).

«Какая цѣль была редактора этого журнала?—спрашиваетъ опять Гоголь черезъ нѣсколько страницъ.—Какой начерталъ себѣ путь журналъ, что такое избралъ онъ девизомъ, какая свѣтлая мысль, какое доброе, радушное, увлекающее слово скажетъ онъ на воспитаніе всеобщее молодого и великаго нашего отечества?» (стр. 331).

А еще черезъ нѣсколько строкъ у Гоголя вырывается удивительно характерная для него тирада:

«Прочитавши всѣ статьи, помѣщенныя въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ (Сенковскимъ), невольно остановишься въ изумленіи: что́ это такое? что заставляло писать этого человѣка, когда его не мучило ни одно желаніе сказать еще несказанное свѣту?» (стр. 332).

Въ этихъ словахъ весь Гоголь съ его литературнымъ страданіемъ, съ его страстнымъ стремленіемъ выразить всю полноту своей души, которое подъ конецъ жизни только приняло трагическіе размѣры, но глубоко сидѣло въ немъ съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ. А во всѣхъ приведенныхъ выдержкахъ, вмѣстѣ взятыхъ, мы уже видимъ ясныя очертанія того пророчески-высокаго взгляда на задачи писателя, который иной разъ приводилъ къ недостаточно объективно комментируемому у насъ „высокомѣрію" Гоголя, но которое на самомъ дѣлѣ было только естественнымъ отраженіемъ и великаго его генія и огромнаго значенія, пріобрѣтеннаго русскою литературою.

Требованіе „увлекающаго" и „несказаннаго свѣту" слова „на воспитаніе молодого и великаго нашего отечества" до такой степени составляло святую святыхъ Гоголя, что онъ, видимо, не захотѣлъ даже до поры до времени выступать съ нимъ передъ публикою. Онъ какъ будто еще стѣснялся провозглашать лозунгъ, который невольно наводилъ на мысль, что самъ то авторъ говоритъ слово и „увлекающее" къ добру и еще „несказанное свѣту". Въ печать эти лирическія мѣста его статьи не попали. Мы цитировали не по тексту, который явился въ „Современникѣ" и потомъ перепечатывался въ собраніяхъ сочиненій Гоголя, а по черновымъ наброскамъ, впервые напечатаннымъ въ VI томѣ Тихонравовскаго (Х-го) изданія. Для печати самъ Гоголь, который всегда былъ возвышенъ въ первыхъ своихъ по-

рывахъ, далеко не всегда оставался на высотѣ своихъ порывовъ въ дальнѣйшихъ стадіяхъ, многое сгладилъ, смягчилъ и обезличилъ. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ выдержкахъ предъ нами отрывки изъ задушевнаго дневника, возгласы, вытекшіе изъ того же самого настроенія, которое сказалось въ одномъ изъ первыхъ же петербургскихъ писемъ Гоголя къ матери, гдѣ онъ мечталъ „разсѣевать благо и работать на пользу міру“ (I, 124).

Экскурсіи Гоголя въ область критики не ограничиваются статьями о Пушкинѣ и движеніи журнальной литературы. Онъ позднѣе не разъ высказывался по литературнымъ вопросамъ. Но мы этого теперь не станемъ касаться, потому что насъ покамѣстъ интересуетъ интелектуальный міръ Гоголя въ эпоху созданія перваго великаго гражданскаго произведенія его—„Ревизора“.

Какъ самое появленіе статьи Гоголя въ казовой книжкѣ пушкинскаго „Современника“, такъ и самое содержаніе бойкаго, остроумнаго и благороднаго отпора литературной пошлости и безпринципности, произвели, несомнѣнно, большое впечатлѣніе на лучшую часть публики. Дѣлая къ ней кое-какія дополненія, одинъ изъ читателей „Современника“—А. Б. (Безсоновъ) въ „Письмѣ къ издателю“, напечатанному въ 3-ей книжкѣ журнала, между прочимъ говоритъ: „Статья о движеніи журнальной литературы по справедливости обратила на себя общее вниманіе“. Если къ этому присоединить восторги Бѣлинскаго, то едва-ли будетъ надобность дальше останавливаться на доказательствахъ того, что статья выдвигаетъ Гоголя въ первые ряды мыслящихъ людей своего времени. Предъ нами уже совершенно безспорно не только безсознательно творящій художникъ, но и тонкій представитель рефлексіи. Прибавимъ только еще одинъ чрезвычайно-знаменательный фактъ. Въ своемъ дневникѣ Пушкинъ 7 апрѣля 1834 г. сдѣлалъ такую запись:

«Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики» (Соч., изд., Литературнаго Фонда, т. V, 205).

Изъ этой затѣи ничего не вышло. Пока Гоголь не попалъ на настоящій путь, пока огромное впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“, не укрѣпило его окончательно въ сознаніи своихъ великихъ силъ, онъ кидался въ разныя стороны и былъ занятъ планами самыхъ разнообразныхъ не художественныхъ предпріятій: то затѣвалъ исторію Малороссіи и печаталъ въ газетахъ просьбы о присылкѣ ему матеріаловъ, то собирался „дернуть“ исторію среднихъ вѣковъ въ восьми томахъ и т. д. Послѣ „Ревизора“ всѣ эти затѣи разсѣялись какъ дымъ и Гоголь даже не вспоминалъ о своихъ многочисленныхъ проектахъ. Не вернулся онъ и къ исторіи русской критики. Но отъ этого самый фактъ пушкинскаго предложенія не теряетъ своей знаменатель-

ности. Какого высокаго мнѣнія о Гоголѣ, какъ мыслящемъ человѣкѣ, долженъ былъ быть Пушкинъ, съ его тончайшимъ вкусомъ и разностороннею образованностью, чтобы предложить молодому писателю такую сложную и отвѣтственную литературно-критическую задачу?

V.

Переходя отъ Гоголя-историка и Гоголя-критика къ Гоголю—творцу „Ревизора“ и вопросу о степени сознательности этого великаго литературно-гражданскаго подвига, считаемъ очень поучительнымъ вспомнить тутъ исторію происхожденія другого великаго литературно-гражданскаго подвига—тургеневскихъ „Записокъ Охотника“.

Мы, съ одной стороны, знаемъ изъ собственныхъ показаній творца ихъ, что „Записки Охотника“ были исполненіемъ „Аниваловской клятвы“ бороться съ крѣпостнымъ правомъ, которую авторъ далъ себѣ подъ совокупнымъ вліяніемъ знакомства съ европейскою жизнью, просвѣтительныхъ идей кружка Бѣлинскаго и ужасныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ родительскаго дома. Но, съ другой стороны, знаемъ мы и вотъ что. Въ концѣ 1846 года, когда „Современникъ“ переходилъ въ руки новаго литературнаго поколѣнія, Панаевъ обратился къ Тургеневу съ просьбой дать что-нибудь для первой книжки преобразованнаго журнала. У Тургенева ничего „серьезнаго“ въ портфелѣ не оказалось. Но валялся у него маленькій „пустячекъ“, который онъ и предложилъ Панаеву. Панаевъ радъ былъ и пустячку; однако, соотвѣтственно безхитростному типу очерка, помѣстилъ его не въ отдѣлѣ заправской беллетристики, а засунулъ въ отдѣлъ „Смѣси“. А чтобы окончательно обезоружить какія бы то ни было строгія требованія, Панаевъ къ скромному и безъ того заглавію очерка „Хорь и Калинычъ“ прибавилъ еще подзаглавіе: (Изъ записокъ охотника). Этимъ всякія требованія уже окончательно устранялись: чего-же и ждать отъ мимолетныхъ впечатлѣній охотника!

Публика оказалась проницательнѣе и автора, и редактора. Ударивъ въ нервъ времени, отвѣтивъ потребности лучшихъ сердецъ ласково отнестись къ закрѣпощенному народу, „Хорь и Калинычъ“ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Успѣхъ окрылилъ начинавшаго охладѣвать къ своей литературной дѣятельности Тургенева, онъ въ томъ-же тонѣ одинъ за другимъ пишетъ рядъ такихъ-же очерковъ, которые вмѣстѣ взятые и были блистательнымъ исполненіемъ клятвы. Однако, какъ ни ясны были свойства успѣха очерковъ, значеніе „Записокъ Охотника“ не сразу выяснилось въ полной мѣрѣ. Великій литературный прозорливецъ Бѣлинскій видѣлъ въ Тургеневѣ не больше какъ писателя Далевскаго стиля и въ то время какъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже

стоящій „Антонъ Горемыка“ Григоровича произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе, появившіеся при его жизни превосходные первые очерки „Записокъ Охотника“ сравнительно, тронули его мало. Окончательно значеніе „Записокъ Охотника“ установилось позже.

Разсказанный эпизодъ въ высшей степени характеренъ и вводитъ вопросъ о сознательности творчества въ надлежащія границы. Если бы мы не знали, что „Записки Охотника“ представляютъ собою исполненіе клятвы, мы бы имѣли тутъ яркое подтвержденіе извѣстнаго уже намъ мнѣнія Бѣлинскаго, что творчество геніевъ вообще и Гоголя въ частности идетъ путемъ безсознательнымъ. Но такъ какъ мы знаемъ совершенно точно, что „Записки Охотника“—это единственно *геніальное* произведеніе въ ряду просто первоклассныхъ произведеній Тургенева—имѣли своимъ источникомъ совершенно опредѣленное намѣреніе, то выводъ получается иной. Мы убѣждаемся, что въ тѣхъ случаяхъ, когда данная мысль и данное настроеніе насквозь, органически проникаютъ писателя, когда эта мысль и это настроеніе сложились въ душѣ писателя совершенно ясно и отчетливо, то нѣтъ того „пустячка“, въ которомъ все это не сказалось бы въ полной силѣ. И достаточно самаго внѣшняго повода, какимъ по отношенію къ Тургеневу былъ успѣхъ перваго очерка, чтобы вдохновеніе забило ключемъ и вывело-бы на свѣтъ Божій все скопившееся на днѣ творческой души настроеніе.

И вотъ такое-то *органическое* проникновеніе можно вполнѣ прослѣдить въ „Ревизорѣ“. Если Гоголь даже и не предвидѣлъ всѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ его комедіи—какъ не предвидѣлъ и Тургеневъ широкихъ выводовъ изъ скромнаго „Хоря и Калиныча“—то, всетаки, несомнѣнно можно установить, что ни одна деталь въ „Ревизорѣ“ не выскочила случайно. Всѣ части картины находятся въ тѣснѣйшей связи съ тѣми вполнѣ опредѣленными взглядами на отдѣльныя стороны и явленія русской жизни, которые сложились у Гоголя въ эпоху созданія комедіи. Переписка намъ даетъ совершенно опредѣленное указаніе, что злая и безпощадная картина зародилась въ моментъ, когда Гоголь, по собственному знаменательному опредѣленію, чувствовалъ въ себѣ особенный приливъ „правды и злости“.

„Правда и злость“ была заложена въ самый фундаментъ всего нравственнаго существа Гоголя и съ дѣтскихъ лѣтъ составляла самую яркую особенность великаго меланхолика.

Уже въ 18 лѣтъ вспоминая „прошлое“, онъ пишетъ своему другу Высоцкому: „Съ *первоначальнаго* нашего здѣсь (Нѣжинѣ) пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ *мы осмѣивали ихъ*“ (I, 55). Съ годами, по мѣрѣ того какъ расширялся умственный горизонтъ Гоголя, росла въ немъ и опредѣленность отрицательнаго отношенія къ окру-

жающей обстановкѣ и къ эпохѣ созданія „Ревизора" Гоголь былъ „консерваторомъ" самаго страннаго сорта. Безусловный теоретическій поклонникъ существующаго уклада общественно-государственной жизни, разсматриваемаго какъ цѣлое, онъ къ каждой ея детали относился съ полною отрицательностью. Достаточно для этого прослѣдить его отношеніе къ отдѣльнымъ сословіямъ. Не стоитъ, конечно, сколько-нибудь подробно останавливаться на томъ, какъ относился Гоголь къ чиновничеству: слишкомъ уже связано въ умѣ каждаго читателя имя великаго сатирика съ бичеваніемъ чиновническихъ злоупотребленій и бездушія. Но интересно будетъ отмѣтить ту глубину презрѣнія, которую питаетъ Гоголь къ чиновничеству и которая рѣзко отдѣляетъ его отъ другихъ писателей, до него бичевавшихъ взяточничество, напр. Капниста. Для Гоголя чиновникъ не злодѣй, а пошлякъ и ничтожество по преимуществу. Чтобы хронологически не отходить отъ „Ревизора", вспомнимъ написанное въ 1833 году „Утро дѣлового человѣка". Тутъ нѣтъ „бичеванія", а все насквозь пропитано какимъ-то безграничнымъ презрѣніемъ, желаніемъ выяснить полное ничтожество человѣка, занимающаго очень видный постъ, хотя всѣ его таланты заключаются въ умѣніи слѣдить за калиграфіей идущихъ къ министру бумагъ. И это общая черта почти всѣхъ чиновниковъ Гоголя: въ нихъ нѣтъ даже простой дѣловитости, они только и умѣютъ что чваниться, кричать на подчиненныхъ, да самымъ грубымъ и элементарнымъ образомъ брать взятки. За исключеніемъ „весьма, по своему, не глупаго" городничаго, въ огромной галлереѣ гоголевскихъ чиновниковъ и администраторовъ нѣтъ ни одного, которому можно было-бы сдѣлать такой сомнительный комплиментъ, что онъ тонкій мошенникъ или хоть и „бестія" и „шельма", но „умная".

Тѣмъ-же безграничнымъ пренебреженіемъ проникнуто отношеніе Гоголя къ сословію, которое въ огромномъ большинствѣ его современниковъ почти не возбуждало къ себѣ критическаго отношенія. Мы говоримъ о военныхъ. Для декабриста Марлинскаго, для Лермонтова съ его „горечью и злостью", съ понятіемъ офицеръ почти всегда связано представленіе о чемъ-то во всякомъ случаѣ молодомъ, свѣжемъ, а сплошь да рядомъ блестящемъ и увлекательномъ. Для Гоголя-же офицеръ всегда какой то синонимъ глупости и пошлости а часто кое-чего и похуже. Самый типичный изъ военныхъ, фигурирующихъ въ произведеніяхъ Гоголя эпохи „Ревизора"—поручикъ Пироговъ не обладаетъ даже самою элементарною добродѣтелью своего сословія—онъ не храбръ и въ дѣлахъ „чести" весьма покладистъ. Если „перекидываніе карточками" принимаетъ трагическій характеръ, то уже тутъ непремѣнно на сценѣ военный и даже не малаго чина. Хлестакова на станціи „срѣзалъ" на штосѣ пѣхотный капитанъ, а „господинъ маіоръ" въ первоначальномъ наброскѣ „Коляски"—*въ печати это исчезло*—

прямо и рекомендованъ авторомъ какъ „страшный шулеръ“ (X-ое изд. подъ ред. Тихонравова, т. VI, 374). Не удивительно при такомъ отношеніи, что сообщеніе Максимовичу о томъ, что на открытіе Александровской колонны съѣхалось много военныхъ у него вылилось въ такой нѣжной формѣ: „*Офицерья* и солдатства страшное множество. Говядина и водка вздорожали страшно“ (I, 321).

Отношеніе Гоголя къ высшимъ сословіямъ, хотя и не могло сказаться въ печати въ полной мѣрѣ, все же таки, достаточно опредѣленно. Косвенно оно сказалось тѣмъ, что въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя нѣтъ и тѣни того инстинктивнаго преклоненія предъ высшимъ свѣтомъ, которое такъ ярко чувствуется даже у Пушкина и Лермонтова, не смотря на громы негодованія противъ великосвѣтской пустоты, ничтожества и бездушія. Негодуютъ противъ чего-то сильнаго. А для Гоголя свѣтскость всегда была синонимомъ жеманничанія и ломанія, и вышутивъ великосвѣтскость второго разбора въ лицѣ губернской аристократіи „Мертвыхъ душъ“, онъ нигдѣ не противопоставилъ ей „настоящую“ великосвѣтскость, какъ это дѣлаетъ и Лермонтовъ, и Марлинскій, и Сологубъ. Для Гоголя даже не существовала „поэзія бала“, такъ обаятельно дѣйствовавшая на всѣхъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ: вспомнимъ опять „Мертвыя души“, гдѣ балъ у губернатора описывается съ тѣмъ же подсмѣиваніемъ и хихиканіемъ, какъ вечеринка у сослуживцевъ Акакія Акакіевича. Но всѣ эти косвенныя указанія, однако, совершенно блѣднѣютъ предъ категоричностью той общей формулировки, которую Гоголь даетъ въ письмѣ къ Погодину отъ 1 февраля 1833 года. Рѣчь идетъ о будущей драмѣ Погодина „Борисъ Годуновъ“:

„Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется: ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіономіи. Это необходимо. Такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. *Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе. Это вѣчная истина. А доказательство въ наше время*“ (I, 236).

Отношеніе Гоголя къ буржуазіи того времени—купечеству, въ которомъ и тогда уже находили множество „истинно-русскихъ“ добродѣтелей, превосходитъ всякую мѣру презрѣнія. Гоголевскіе купцы это уже исключительно мошенники, лишенные образа человѣческаго, съ богатѣйшими изъ которыхъ никто иначе не разговариваетъ, какъ на *ты* и при этомъ прямо въ лицо называя ворами.

Отношеніе Гоголя къ народу составляетъ одинъ изъ великихъ грѣховъ его. На крѣпостного мужика онъ смотритъ, какъ на неопрятнаго, глупаго скота, которому не слѣдуетъ давать ни малѣйшей потачки, и „отлыниваніе“ мужика отъ работы барину Гоголь самымъ искреннимъ образомъ считалъ преступленіемъ

со стороны мужика и проявленіемъ заслуживающей всякаго порицанія „нехозяйственности“ со стороны барина. Но мы теперь этой стороны общественныхъ идеаловъ Гоголя не станемъ касаться и подойдемъ къ нему не какъ къ теоретику, а какъ къ *наблюдателю*. И тогда выясняется слѣдующее. Всю жизнь Гоголь дѣйствительно оставался человѣкомъ, который ни разу не усомнился въ необходимости и нормальности крѣпостного права. Это безспорно. Но по основнымъ качествамъ своего дарованія не способный отступать отъ жизненной правды, Гоголь въ эпоху расцвѣта своего таланта никогда не идеализировалъ крѣпостной дѣйствительности. Никогда онъ, подобно другимъ теоретикамъ крѣпостного права, не рисовалъ идилліи народно-крѣпостного быта, и крестьянскаго довольства вы у него не найдете. Кромѣ имѣнія Коробочки, почти всѣ остальные мужики „Мертвыхъ душъ“ въ самомъ жалкомъ положеніи. Пусть все это приводится въ тѣснѣйшую связь съ помѣщичьей безпечностью, и пусть на покосившуюся крестьянскую избу Гоголь смотритъ съ тѣмъ же укоромъ нерадивому помѣщику, съ какимъ мы смотримъ на скверный хлѣвъ, уменьшающій выгоды молочнаго хозяйства. Самый фактъ, однако, остается во всей своей неприкосновенности, и въ той мозаичной картинѣ, въ которую кусочками мы вставляемъ отношеніе Гоголя къ отдѣльнымъ сторонамъ русской жизни, благоденствіе крѣпостного мужика никоимъ образомъ не входитъ. Но не слѣдуетъ, однако, при этомъ думать, что сознаніе народной бѣдности безсознательно жило въ творческой душѣ Гоголя просто какъ картина, которую онъ затѣмъ и воплощалъ въ художественныхъ произведеніяхъ своихъ. Въ изданныхъ только въ 1896 году гоголевскихъ отрывкахъ и наброскахъ мы наткнулись на чрезвычайно любопытную рецензію, предназначенную для пушкинскаго „Современника“ 1836 г., но въ печать не попавшую. Можетъ быть потому, что онъ служилъ когда-то въ департаментѣ удѣловъ, Гоголь взялся написать рецензію о книгѣ „Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 гг.“ и здѣсь разсуждаетъ о причинахъ „младенческаго состоянія“ русскаго земледѣлія. Виноватъ, главнымъ образомъ, мужикъ:

«Что же такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдаленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ,—и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живого, быстраго сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. *Возьмите жизнь земледѣльца—скверна и вредна.* У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи,—одни и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много-ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой

первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не можетъ подать идеи». (Х-ое изд., т. VI, 364).

Какъ ни отнестись по существу къ нападкамъ на мужика за то, что „у него нѣтъ никакой потребности наслажденія“, знаменательно тутъ ясное и отчетливое представленіе, что жизнь мужика „скверна и вредна“. Въ печати эта яркая формула, нѣтъ сомнѣнія, совершенно бы обезцвѣтилась, но теперь она во всей неприкосновенности выразила представленія автора о житьѣ-бытьѣ крѣпостной массы.

Итакъ, вотъ та общая картина, которая слагается изъ отдѣльныхъ представленій „консервативнаго“ автора „Ревизора“ объ отдѣльныхъ элементахъ современнаго ему общественно-государственнаго уклада: жизнь народа „скверна и вредна“, купцы сплошные воры, чиновники и судьи продажны и ничтожны, военное сословіе пошло и лишено нравственныхъ основъ, высшіе классы „смѣшны и глупы“. Къ этому остается прибавить выходки противъ „глупой цензуры“ (I, 338) и сѣтованія на людей „недальняго ума“, которыхъ „у насъ не мало на первыхъ мѣстахъ“ (I, 270—271).

Мы предвидимъ возраженіе, что подобранныя нами изъ разныхъ мѣстъ отдѣльныя отрицательныя воззрѣнія Гоголя на отдѣльныя явленія русской жизни составляютъ все же не больше, какъ мозаику. Можетъ быть отдѣльные куски этой мозаики, хотя и однородные, только механически приложены и нѣтъ въ нихъ широкаго, органически-цѣльнаго розмаха одной и той же кисти? Можетъ быть, приступая къ комедіи, Гоголь просто выводилъ одно лицо за другимъ, а общій мрачный колоритъ создался самъ собою отъ постояннаго мельканія передъ глазами отдѣльныхъ темныхъ фигуръ?

Тутъ всего проще было-бы отвѣтить собственнымъ заявленіемъ Гоголя въ „Авторской исповѣди“ (1848):

„Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ (раннихъ) я смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. *Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше требуется отъ человѣка справедливости,* и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣми.“

Если-бы Бѣлинскому было извѣстно это категорическое заявленіе, онъ, надо думать, не сталъ бы такъ категорически утверждать, что Гоголь творилъ безсознательно. Но и намъ, однако, не слѣдуетъ придавать чрезмѣрное значеніе категоричности гоголевскаго заявленія. Черезъ долгій промежутокъ многое кажется намъ гораздо болѣе цѣльнымъ и стройнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Несравненно цѣннѣе поэтому вполнѣ точныя *современныя* данныя о настроеніи, изъ котораго вышелъ

„Ревизоръ“. Эти данныя связаны съ исторіей неоконченной комедіи Гоголя „Владиміръ 3-ей степени“.

„Владиміръ 3-ей степени“ мало кому извѣстенъ подъ своимъ первоначальнымъ именемъ. Но всякій, конечно, знаетъ поразительное по своей ядовитости „Утро дѣлового человѣка“, которое вмѣстѣ съ „Лакейскою“, „Тяжбою“ и „Отрывкомъ“ составляютъ уцѣлѣвшіе обломки комедіи, либо сожженной Гоголемъ, либо вовсе имъ неоконченной. Гоголь страшно былъ занятъ своею комедіею весь конецъ 1832 и большую часть 1833 года. Послушаемъ его собственный разсказъ о томъ, что творилось тогда въ его душѣ. 20 февраля 1833 г. онъ объясняетъ Погодину, почему не двигается начатое имъ историко-географическое сочиненіе „Земля и люди“:

«Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого спокойнѣйшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ *жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу.* И я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не писалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради «Владиміръ 3-ей степени», и *сколько злости, смѣха и соли!..* Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ *такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ.* А что̀ изъ того, когда піеса не будетъ играться: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой-же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе?— мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. *Но что комедія безъ правды и злости».* (I, 205)

Послѣдняя фраза, столь замѣчательная по силѣ сказавшагося въ нихъ сконцентрированнаго творческаго настроенія, имѣетъ, конечно, первостепенное значеніе не только для исторіи „Владиміра 3-ей степени“. Какъ великолѣпна формула: „что̀ комедія безъ правды и злости!“ Наравнѣ съ „незримыми слезами сквозь видимый міру смѣхъ“ она даетъ ключъ для уразумѣнія всей сущности Гоголевскаго творчества, и совершенно непонятно почему до сихъ поръ это удивительно мѣткое сомоопредѣленіе не стало крылатымъ. Въ частности по отношенію къ „Ревизору“, Гоголевская формула имѣетъ не только критическое, но и непосредственное, генетическое значеніе, потому что, не закончивъ „Владиміра 3-ей степени“, Гоголь *немедленно* принимается за „Ревизора“. „Ревизоръ“ въ 1836 году только появился на сценѣ, но, какъ всѣ Гоголевскія произведенія, задуманъ задолго до того. Въ срединѣ 1834 года уже почти была готова вся первоначальная редакція „Ревизора“. А такъ какъ эта редакція, уступая позднѣшей въ отдѣлкѣ чисто-художественной, гораздо рѣзче въ своихъ обличительныхъ стремленіяхъ *), то совершенно ясно,

*) Это сравненіе еще не сдѣлано въ критической литературѣ о Гоголѣ

что въ замыслѣ „Ревизора" сказалось все настроеніе „Владиміра 3-ей степени", весь приливъ „правды и злости", охватившей тогда Гоголя. Потерявъ надежду выразить его въ одной комедіи, онъ ухватывается за анекдотъ, разсказанный ему Пушкинымъ въ концѣ 1833 года, не остывъ еще отъ „Владиміра", тотчасъ берется за „Ревизора", и одно и тоже настроеніе отливается только въ новую форму, оставаясь по существу тѣмъ-же самымъ.

Таковъ моментъ зарожденія „Ревизора". Предъ нами опредѣленное, цѣльное, ясное настроеніе и теперь исторія происхожденія великой комедіи, извѣстная намъ изъ „Авторской исповѣди", можетъ считаться вполнѣ вѣрнымъ историческимъ свидѣтельствомъ. Гоголь, такимъ образомъ, создавая „Ревизора", не только опредѣленно и обдуманно относился къ каждой детали, не только сознательно собиралъ здѣсь „все дурное въ Россіи", не только весь горѣлъ „правдою и злостью", но даже опредѣленно зналъ, что его „правда" нецензурна, жаловался всѣмъ друзьямъ на безвыходность своего положенія, такъ что Пушкинъ справляется о „Владимірѣ 3-ей степени" въ такой формѣ: „Кланяюсь Гоголю; что его комедія, въ ней-же *закорючка*".

Дальше уже, конечно, никакая сознательность идти не можетъ и потому высокое гражданское значеніе „Ревизора" дѣлаетъ и автора его писателемъ-гражданиномъ по преимуществу.

С. Венгеровъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

и чтобы не быть бездоказательными, приведемъ наудачу нѣсколько образчиковъ.

Въ первой сценѣ городничій читаетъ письмо Чмыхова: «такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, вòдятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» *(остановясь)*, ну здѣсь свои»...

Въ первоначальной редакціи это мѣсто гораздо рѣзче и послѣ словъ «плыветъ въ руки» читаемъ: «то я совѣтую тебѣ взять предосторожность и *удержаться на время отъ прибыточной стрижки, какъ называешь взносы со стороны просителей и непросителей*».

Во второй сценѣ второй редакціи городничій въ разговорѣ съ почтмейстеромъ какъ-бы лично придумываетъ остроумный способъ письма «этакъ немножко распечатать и прочитать, не содержится-ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки. Если-же нѣтъ, то можно опять запечатать». А изъ первой редакціи мы узнаемъ, что не одинъ городничій додумался до этого средства; послѣ словъ «опять запечатать» первый набросокъ прибавляетъ: «*для этого есть разныя глиняныя формы*».

Въ этомъ родѣ всѣ отличія первой редакціи отъ второй, менѣе вызывающей и рѣзкой.

КУПРІЯНЪ.

(Разсказъ).

I.

Купріянъ усталъ и обмокъ.

Если бы кто заглянулъ въ самую глубь души его, то увидѣлъ бы только, что ему очень скверно и тяжело.

Ноги его безсильно расползались по скользкимъ, мокрымъ кочкамъ; сапоги намокли, облипли грязью съ сухими листьями и стали пудовыми. Купріянъ съ трудомъ вытаскивалъ ихъ изъ липкой жирной грязи.

Купріянъ былъ голоденъ и не спалъ прошлую ночь; въ головѣ у него шумѣло, надъ глазами висѣла какая то неприятная тяжесть. Къ этимъ ощущеніямъ присоединялось еще и постоянное смутное сознаніе опасности, стоящей за плечами.

Купріяну было скверно, какъ бываетъ скверно отощалому волку, котораго начинаютъ травить со всѣхъ сторонъ.

Небо обложило еще со вчерашняго дня, и все время шелъ дождь. Въ лѣсу было темно и сыро, какъ въ погребѣ. Еле-еле можно было различать тонкіе бѣлые стволы березокъ, сквозь жидкую осеннюю листву которыхъ, тихо шурша, непрестанно пробирался мелкій назойливый дождикъ. Вверху было темно, пусто и холодно, внизу мокро и тоже холодно. Отъ мокрыхъ деревьевъ, мокрой земли и моросившаго въ воздухѣ дождя получалось одно общее впечатлѣніе мокраго холода.

Купріянъ почти что ощупью пробирался впередъ, то и дѣло скользя съ пригорковъ и бухая по колѣно въ глубокія рытвины, наполненныя холодной водой. Купріянъ шелъ молча и усиленно сопѣлъ носомъ, думая, машинально и тяжело какъ больной, только о томъ, чтобы поскорѣе добраться въ село Дерновое, лежавшее версты за четыре отъ мѣста, гдѣ онъ шелъ. Купріянъ не зналъ этого и думалъ, что онъ гораздо ближе къ селу.

Мысли у него были спутанны и неясны: то мелькала

въ нихъ краюха хлѣба, котораго хотѣлось Купріяну, то выростала смутная тревога, туда ли онъ идетъ? Потомъ все смѣшивалось и оставалось одно тупое ощущеніе усталости.

Вдругъ впереди послышались какіе-то звуки, едва слышно пробивающіеся сквозь шумъ дождя. Казалось, что кто-то осторожно постукиваетъ палкой по стволамъ березъ.

Купріянъ насторожился.

Звуки приближались и становились яснѣе. Скоро Купріянъ разобралъ осторожный стукъ колесъ по корнямъ и тихое пофыркиваніе лошади.

Въ этомъ мѣстѣ деревья быстро рѣдѣли и жалкими группами и одиночками тонкихъ чахоточныхъ березокъ и осинокъ разбѣгались по широкой просѣкѣ, конецъ которой тонулъ за дождемъ и темнотой.

Снизу просѣка была сплошь покрыта молодой и сильной зарослью дубовъ, елочекъ и свѣжихъ бѣленькихъ березокъ. Оттюда было видно небо, съ котораго неустанно моросилъ невидимый дождикъ. Здѣсь было гораздо свѣтлѣе; стволы березокъ явственно бѣлѣли и казались тоненькими живыми существами. Купріянъ могъ различить расплывающуюся въ темнотѣ фигуру лошади, шагомъ бредущей въ сторонѣ отъ дороги прямо по зарослямъ и кустамъ. За лошадью неопредѣленно мерещилась телѣга и тощая длинная фигура мужика, неподвижно сидящаго на телѣгѣ, свѣсивши ноги. Телѣга сворачивала все дальше и дальше отъ дороги, къ лѣсу, прямо по тому мѣсту, гдѣ, притаившись за елкой, стоялъ Купріянъ.

— Эхъ!—неопредѣленно крякнулъ онъ, присмотрѣвшись, и, сразу шагнувъ изъ-за елки, схватилъ лошадь за челку.

Та нисколько не удивилась, мотнула головой и стала, ласково принюхиваясь къ Купріяну.

— Ну, ну... Чаво ты?—пробормоталъ мужикъ, сидѣвшій въ телегѣ.

— Чего шляешься ночью то?—въ свой очередь спросилъ довольно дружелюбно Купріянъ.

— Я, ваше скородіе, самъ по себѣ,—заговорилъ мужикъ необыкновенно хриплымъ и дрожащимъ фальцетомъ,—а ежели насчетъ лѣсу, то есть, такъ... какъ передъ Богомъ, потому я, значитъ... по своему дѣлу, а не то что...

— Эхъ, ты... „ежели на счетъ лѣсу“,—передразнилъ его Купріянъ.—На ворѣ шапка горитъ! Чорта мнѣ въ твоемъ лѣсѣ, руби хоть весь... Жертвую!..

Купріянъ засмѣялся.

Мужикъ недоумѣло молчалъ, неподвижно сидя на телѣгѣ.

— Изъ села?—спросилъ Купріянъ.—Ишь ночку выбралъ. Али съ вечера въ кустахъ хоронился? Ахъ, ты...

— Ну, ну... Чаво ты!—заговорилъ мужикъ и тронулъ возжи.—Но!

— Тпру,—осклабясь, тпрукнулъ Купріянъ.

— Но!

— Тпру!..

Лошаденка сбилась и безтолково замоталась на одномъ мѣстѣ, перебирая ногами по грязи.

Мужикъ помолчалъ.

— Ну, ты... Пусти, что-ль!—озлился онъ вдругъ.

— А то что?—весело спросилъ Купріянъ, очень довольный, что онъ не одинъ въ лѣсу.

— А то того, ежели... видишь—топоръ? Ну!..

— Ишь ты, какой страшный! Дурья ты голова, Игнатъ, своего не призналъ...

Мужикъ встрепнулся.

— Ты?

— А то нѣтъ...

— Неужли Купря?..

— Онъ самый и есть!—осклабился Купріянъ и, бросивъ лошадь, начавшую щипать какіе-то листики, подошелъ къ телѣгѣ.

Мужиченко ужасно обрадовался.

— Купря и есть! Я смотрю: кой чортъ балуетъ? А оно—Купря, Купріянъ, чортъ!..

— Такъ топоръ, говоришь? — спросилъ Купріянъ, ухмыляясь такъ, что въ темнотѣ сверкнули его зубы.

— Ну тебя къ лѣшему!.. Топоръ... запужалъ вовсе. Я думалъ—што? А оно—Купря... Куда несетъ?

— На село.

— А для ча?

— Старшину давно не видалъ, соскучился...

— Вре,—недовѣрчиво протянулъ мужикъ и, вдругъ сообразивъ, ударилъ себя обѣими руками объ полы и захохоталъ.

— Ну тя къ лѣшему! Балагуръ...

— Ну, ну... Хохочи у меня!—оглянувшись, прикрикнулъ Купріянъ.—Вотъ услышитъ Вавилычъ, онъ те дастъ.. Лошаденка то, чай, одна...

— И, что ты!—испугался мужикъ и замолкъ.

Опять стало слышно, какъ дождь шуршитъ по листьямъ, точно по всей просѣкѣ кто-то осторожно пробирается сквозь кусты.

— То-то... Потише, говорю. Долго ли...

Мужикъ инстинктивно подобралъ возжи и тронулъ лошадь мимо Купріяна.

— Стой, чортъ! Стой, говорю...

— Чаво?

— На деревнѣ тихо?—спросилъ Купріянъ.

— Урядникъ наѣзжалъ,—почесываясь, сказалъ мужикъ.— Опосля становой... Поспрошалъ кой-кого. Меня спрашивалъ...

— Ты что-жъ?

— Что я... ничаво. Мое дѣло сторона. Увели точно у господина земскаго начальника лошадей, про то слыхалъ, но одначе не знаю... Однова ткнулъ въ это мѣсто. Пошелъ, говоритъ, самъ воръ—вора и покрываетъ.

Купріянъ помолчалъ.

— А Ваську видѣлъ?

— Третьяго дня на огородѣ у Ѳедора Кривого водку пилъ, а какъ услышалъ, что становой, сейчасъ шигнулъ въ лѣсъ... Только его и видѣли...

Оба замолчали. Купріянъ задумался, поводя широкими плечами.

— Ну, прощай, Купря!—сказалъ мужикъ.

— Прощай,—разсѣянно отвѣтилъ Купріянъ.

Мужикъ, котораго звали Мозявымъ и который былъ самымъ захудалымъ мужикомъ въ селѣ, и не думалъ, однако, трогаться съ мѣста. Лошаденка понуро щипала молодые побѣги; Купріянъ задумчиво поглядывалъ на небо, соображая, что если наѣзжали урядникъ и становой, то не сегодня-завтра надо ждать обыска и облавы. Мозявый тупо смотрѣлъ на Купріяна, моргая подслѣповатыми глазками. Дождь все шуршалъ и шуршалъ тоскливо. По временамъ по лѣсу пробѣгалъ вѣтеръ, и тогда таинственный протяжный гулъ заглушалъ шуршаніе дождя, но потомъ опять начинался его тягучій шопотъ.

— Ты что?—спросилъ, очнувшись, Купріянъ.

Мозявый вдругъ оживился.

— А ты вотъ что, Купря,—быстро заговорилъ онъ:—ежели насчетъ бабы, такъ я тебѣ говорю—брось!..

— Что?—неласково переспросилъ Купріянъ.

— Егоръ домой пришелъ,—выпалилъ Мозявый.

Купріянъ невольно выпустилъ изъ рукъ возжу, которую захватилъ было опять, безъ всякой видимой причины снялъ шапку, опять надѣлъ ее и пробормоталъ спавшимъ голосомъ:

— Вре...

— Правильно говорю,—съ чувствомъ возразилъ Мозявый.—Зачѣмъ врать. Я тебѣ, Купріянъ, безтолковый человѣкъ, правильно говорю: пришелъ седни и бабу билъ... Матрену!

— Билъ?—машинально переспросилъ Купріянъ.

— Смертнымъ боемъ!—съ форсомъ отвѣтилъ Мозявый.

Купріяна передернуло, точно ему сразу стало холодно.

Мозявый захлебывался отъ возбужденія.

— На̀ смерть билъ! Чей парнишка? спрашиваетъ... это Федька-то! Какой, говоритъ, парнишка? Какая причина парнишкѣ быть... Федькѣ, то есть? Ежели твой законный мужъ, то есть, пять лѣтъ въ отсутствіи? Билъ бабу оченно.

Мозявый покачалъ головой.

— Ну?—хрипло протянулъ Купріянъ.

— Ну, Матрена и повинилась: такъ и такъ, молъ... Потому, то есть, парнишка, а парнишкѣ безъ причину никакъ быть невозможно. Ежели онъ точно пять лѣтъ...

Купріянъ сосредоточенно молчалъ, поводя плечами.

— Такъ ты бабу-то теперича брось. Плевое дѣло! Егоръ вчера подъ винной похвалялся: я его!.. Это тебя, то есть. Да! Бутылку самъ выпилъ... Питерскій! Я его, говоритъ... Говорю, брось бабу и на село ни Боже мой! Ушибетъ Егоръ. Сердечный человѣкъ... кулачищи—во!

Мозявый въ темнотѣ развелъ руками.

Купріянъ вдругъ озлился.

— Ну, ну, проѣзжай! Чего сталъ... Кулачищи! Ты смотри у меня: живымъ манеромъ лошаденку-то...

Мозявый испуганно взглянулъ на него и дернулъ лошадь. Колеса застучали по корнямъ.

Купріянъ мгновенно успокоился.

— Эхъ, ма!—присвиснулъ онъ вслѣдъ Мозявому:—Фью! Тоже, мужикъ называется!—презрительно сплюнувъ, добавилъ онъ, машинально прислушиваясь къ слабому стуку колесъ, осторожно попрыгивающихъ по корнямъ и кочкамъ въ глубину лѣса.

Силуэтъ мужика, лошади и телѣги постепенно стушевывался въ темнотѣ, стукъ становился слабѣй и слабѣй, смѣшался и исчезъ въ шумѣ дождя. Купріянъ вздохнулъ, снялъ шапку, почесалъ затылокъ и задумался.

— Ишь, ты... Вернулся, солдатскій чортъ... не сдохъ!—пробормоталъ онъ. —А баяли, дюже былъ боленъ... Не то померъ, не то помретъ... Вернулся! Матрена-то теперь, чай...

Чувство ревности и мучительнаго недоумѣнія охватило Купріяна. Онъ опять съ трудомъ зашагалъ по дорогѣ.

— Жаль бабу,—думалъ онъ, шлепая по лужамъ и путаясь въ мокрой травѣ:—забьетъ ее Егоръ... Звѣрь, вѣдь чистый звѣрь!... Да и то, ежели по правдѣ, ему тоже не очень то... Другая, ежели-бы на ея мѣстѣ, отпоръ дала, а эта нѣтъ, не такая баба... смирная...

Лѣсъ опять сталъ рѣдѣть.

II.

Между деревьями замелькалъ свѣтъ, блѣдный и расплывчатый. Дорога выходила въ поле.

Купріянъ постоялъ на опушкѣ, глядя на село, лежавшее, какъ куча навозу, посреди голаго чернаго поля, задернутаго жидкой завѣсой обложного дождя.

— Идти, что-ль?—думалъ Купріянъ.—Васька, чай, если не утекъ съ перепугу, такъ, навѣрное, у Ѳедора въ ригѣ ночуетъ.

Онъ сталъ медленно подвигаться по размокшей черной дорогѣ и уже не думалъ больше о томъ, гдѣ укрыться и что его могутъ схватить. Мысли его всецѣло перешли на пріѣздъ мужа его любовницы, солдата Егора Шибаева. Ему было очень тяжело отъ сознанія неотвратимости бѣды, и это нравственное чувство усиливалось отъ физической усталости.

Онъ былъ весь мокрый отъ поту и дождя.

Въ лѣсу у него не было такого гнетущаго чувства, какъ въ полѣ. Посреди этого чернаго простора, надъ которымъ низко и тяжело стояло сѣрое мутное небо, Купріянъ самъ себѣ казался маленькимъ, беззащитнымъ и одинокимъ. Его стала забирать тоска.

Мимо него потянулись низенькіе полуразвалившіеся плетни, отъ которыхъ мѣстами торчали только мокрые колья.

Купріянъ перешагнулъ черезъ плетень, прошелъ по мокрымъ, рыхлымъ и липкимъ грядкамъ, спотыкаясь о сухіе кочки прошлогодней капусты, невидныя въ темнотѣ; потомъ перескочилъ канаву, чуть не упалъ и пошелъ огородомъ къ одинокому, полуразвалившемуся сараю, который чернымъ пятномъ вырисовывался на блѣдномъ фонѣ ночи. За сараемъ виднѣлись угрюмо-шатающіяся метелки сухого камыша. Тамъ начиналось болото, а за нимъ опять поле. Возлѣ сарая торчала чахлая березка, лишенная листьевъ, плаксивая и жалкая.

Купріянъ подошелъ и прислушался. Внутри было тихо, но ему сейчасъ-же показалось, что въ этой тишинѣ есть кто то живой, пристально слѣдящій за нимъ изъ темноты.

— Васька!—тихо позвалъ Купріянъ.

Никто не отвѣтилъ, только березка скрипнула.

— Васька, я... Не призналъ?—повторилъ онъ.

— И то... Иди,—отвѣтилъ сдавленный голосъ такъ близко отъ него, что Купріянъ вздрогнулъ.

— Ишь ты... притаился!—усмѣхнулся онъ и полѣзъ въ сарай.

Здѣсь было совсѣмъ темно, пахло сухимъ сѣномъ и лежалой пылью. Шумъ дождя, барабанившаго по соломенной крышѣ, былъ сильнѣе и рѣзче.

— Гдѣ ты тамъ?—спросилъ Купріянъ.

Кто-то зашевелился въ глубинѣ.

— Сюда... Да на оглоблю не напорись,—отозвался Васька.

Купріянъ полѣзъ на голосъ прямо по сѣну и наткнулся на человѣка.

— Тише ты, чортъ!—огрызнулся Васька и затѣмъ весело спросилъ:—откелева? Дѣло сдѣлалъ?

— Продалъ. Твоихъ шестнадцать...

— Ловко!—радостно прищелкнулъ пальцами Васька.

Купріянъ возился въ сѣнѣ, устраиваясь поудобнѣе.

— Не ворошись,—замѣтилъ Васька.

— Обмокъ.

— Дѣло привычное,—беззаботно отозвался Васька.

— Мокрень,—жаловался Купріянъ, начиная дрожать отъ мокраго армяка, казавшагося теперь, въ теплѣ клуни, холоднѣе и противнѣе.

— Обсушимся... во!..

Васька съ торжествомъ что-то показалъ въ темнотѣ.

— Что?—спросилъ Купріянъ, постукивая зубами.

— Водка, — коротко пояснилъ Васька, — она самая. Мы, братъ, объ этомъ положеніи отлично извѣстны... Случалось... Хлебни, —глотку обожгешь и чудесно! Во!..

Послышалось бульканье.

Купріянъ сплюнулъ.

— Иродъ!

Васька засмѣялся.

— Важно! Такъ по суставамъ и прошло. Другъ сердечный, хлебни малость... уважь! — лѣзъ онъ въ темнотѣ на Купріяна.

— Отчего не уважить!—усмѣхнулся Купріянъ.

Онъ съ жаднастью пилъ водку, чувствуя, что дрожь утихаетъ съ каждымъ глоткомъ.

— Важно!—приговаривалъ Васька:—добре... эхъ! Ты, братъ, этакъ всю водку выхлещешь! Ну-у... что...

Васька безпокойно зашевелился.

— На.

Васька ловко перехватилъ посудину и опять забулькалъ водкой.

Купріяну стало лучше; дрожь почти улеглась и въ груди точно помѣстилось что-то теплое. Купріянъ сталъ осматриваться; глаза его попривыкли къ темнотѣ, и въ клунѣ уже не казалось ему такъ темно. Въ широкія щели проходилъ блѣдный бѣлесый свѣтъ и видны были очертанія какихъ-то

поломанныхъ колесъ, ободовъ, бочекъ и жердей. Смутно обрисовывался силуэтъ Васьки, по горло зарывшагося въ сѣно.

Дождь шумѣлъ все такъ-же однообразно. По временамъ налеталъ вѣтеръ и что-то, не то березка, не то стропило, жалобно скрипѣло.

Купріянъ опять вспомнилъ Матрену и вздохнулъ.

— Чего ты?—спросилъ Васька, котораго разобрало отъ выпитой водки, и ему хотѣлось поговорить.

— Скверность, братъ...

— Чего?—глупо переспросилъ Васька.

— Скверно, говорю!—повторилъ Купріянъ.

Васька равнодушно сплюнулъ.

— А по мнѣ—наплевать! Ну...

Онъ помолчалъ.

— Словятъ ежели... эка, подумаешь, невидаль—острогъ-то. Прежде оно точно, а теперя...

Васька махнулъ рукой и повернулся къ Купріяну.

— Я, братъ,—жидкимъ безшабашнымъ голосомъ заговорилъ онъ:—восемь фабрикъ спиной вытеръ, такъ меня острогомъ не удивишь! Однова работали мы на цинковомъ заводѣ... эхъ, Купря! Видалъ пекло? Тамъ оно самое и есть! Ни тебѣ дыхнуть, ни тебѣ смотрѣть! И глаза, и нутро ѣстъ... Суставы ломитъ... Ложись прямо и помирай! Ну, на ткацкой, папиросной опять-же, тамъ, точно, легче... а всетаки супротивъ фабрики, я тебѣ скажу, ни одному острогу не выстоять.

— Не въ острогѣ дѣло, дурья голова!—угрюмо сказалъ Купріянъ.

— А въ чемъ?

— А такъ...

— Ну?

Купріянъ помолчалъ, потому что не могъ точно оформить свое душевное состояніе.

— Я, собственно... Ты, братъ, безъ году недѣля такъ-то, а я съ измальства мыкаюсь. Ну... двѣнадцати годовъ съ батькой первую лошадь свели...

— Ишь ты... ловко!—похвалилъ Васька.

— У насъ всѣ такъ... Еще дѣдъ промышлялъ. Потому нѣтъ никакой возможности: земли мало, да и ту хоть брось! На фабрику которые идутъ... Не охота! А тутъ голодное брюхо подводитъ. Ну, съ дѣда и начали...

— Это бываетъ,—равнодушно отозвался Васька.

— Батьку убили на этомъ дѣлѣ... Брата тоже убили, а меня не тронули—малъ очень былъ. Одначе, выпороли здорово!

— Такъ...

— Ну, послѣ и ихъ не мало въ Сибирь ушло...

— Бываетъ, дѣло такое,—опять отозвался Васька.

Купріянъ задумчиво посмотрѣлъ въ щели на небо.

— Оно, конечно, все одно...—заговорилъ онъ опять,—а плохо, что живешь какъ волкъ, безъ дому... Свисти за вѣтромъ и все тутъ... Хуже собаки! Иной разъ, на пашню по веснѣ глядя, на мужиковъ завидно...

Васька поднялъ голову и вяло, но убѣжденно сказалъ:

— Вре... болтаешь зря, а какъ дали-бы соху—каменья да глину драть—такъ первый сбѣжалъ-бы!..

— Не,—коротко отвѣтилъ Купріянъ.

Оба замочали и опять стало слышно, какъ шумитъ дождь и скрипитъ березка.

— Егоръ пришелъ?—спросилъ вдругъ Купріянъ.

Васька сразу поднялся и сѣлъ.

— Пришелъ,—сказалъ онъ.

— Ты видѣлъ?

— Собственными глазами удостоился. Здоровый чортъ и съ медалями. Усы, какъ у солдата слѣдоваетъ быть...

— Давно пришелъ?—сквозь зубы спросилъ Купріянъ.

Ему стало особенно непріятно, когда онъ узналъ, что Егоръ имѣетъ и медали. Но онъ не зналъ, что это ревность, и даже самъ удивился своему чувству.

— Вчера, кажись...

— Ну, и что?

— Да что... Разсказывали: пріѣхалъ, да на станціи и встрѣть писаря. Ну, выпили первомъ дѣломъ, а, выпимши, писарь ему все и выложилъ... ребеночекъ, молъ, и все прочее. Ну, тотъ, по первоначалу, говорятъ, какъ бы въ безчувствіе впалъ, а потомъ и загулялъ. Пришелъ въ село не то пьяный, не то ошалѣлый и сейчасъ этто бабу бить. Боялись, чтобы не убилъ...

— Мнѣ Мозявый сказывалъ,—хрипло проговорилъ Купріянъ.—Я его въ лѣсу сейчасъ встрѣтилъ.

— Мозявый?..

— А скверное ея дѣло выходитъ!

— Это точно! Я Егора знаю... бѣшеный человѣкъ. Убить, можетъ, не убьетъ, а что много муки баба приметъ, такъ это вѣрно... Да что... знала, на что шла!

— Не говори.

— Чего такъ?

— Ты говоришь—„сама шла“! Я, братъ, коней красть тоже, чай, самъ шелъ, никто въ шею не толкалъ, а всетаки... Жаль бабу.

Васька усмѣхнулся.

— Нашелъ чего жалѣть! Ну, изуродуетъ онъ ее малость,

да и то нѣтъ, потому самому баба нужна, а опосля она ему еще шестерыхъ ребятъ принесетъ! Дѣло обнаковенное...

— Хилая она... не сдержитъ бою.

Васька махнулъ рукой и вытащилъ изъ сѣна бутылку.

— А не сдержитъ—помретъ. Это ужъ безпремѣнно,—философски заключилъ онъ и забулькалъ водкой.

Но Купріянъ продолжалъ:

— Жаль бабу и мальченка жаль. Несмыслящій вѣдь еще!

Васька на секунду задумался.

— Это ты вѣрно,—тряхнулъ онъ головой,—его житье плохо,—въ гробъ вгонитъ. Бабу изуродуетъ, нѣтъ ли, а парнишкѣ—каютъ! Фью!.. Онъ ему, какъ бѣльмо на глазу, да и бабѣ срамъ одинъ... Да туда и дорога.

— А за что?—глухо спросилъ Купріянъ, глядя сквозь щель на качавшуюся отъ вѣтра тѣнь березки.

— Что собственно? Ты о чемъ?—не понялъ Васька.

— Парнишку за что, говорю? Онъ чѣмъ виноватъ?

— Фью! Этихъ дѣловъ, братецъ ты мой, не разбираютъ. Виноватъ? Тоже сказалъ! Не ко двору, приблудный, ну и ступай, откедова пришелъ. Вѣрно.

— А жаль,—повторилъ про себя Купріянъ.

Васькѣ надоѣлъ этотъ разговоръ. Его душа, измыкавшаяся по фабрикамъ и заводамъ, гдѣ человѣкъ составляетъ только часть огромной машины, совершенно не воспринимала чувства сострадания. А ребенка онъ даже и за человѣка не считалъ. Посмотрѣвъ въ пыльную, затхлую и темную пустоту подъ крышей, гдѣ на жерди возилась какая-то птица, Васька медлительно, съ чувствомъ сплюнулъ, а потомъ заснулъ.

Купріянъ же долго ворочался на сѣнѣ. Ему было и неловко отъ мокраго, липнущаго къ плечамъ платья, и нехорошо отъ думъ, въ которыхъ первое мѣсто занимало все подавляющее чувство внезапнаго одиночества и тяжелое тупое недоумѣніе отъ тщетнаго желанія уяснить себѣ будущее.

Потомъ армякъ согрѣлся въ сухомъ сѣнѣ, и изморенный Купріянъ задремалъ.

Сѣрое утро пробралось въ широкія щели и освѣтило пыльнымъ молочнымъ свѣтомъ двѣ спящія фигуры самыхъ грозныхъ конокрадовъ округи.

Купріянъ спалъ, вытянувшись на спинѣ, и его чернобородое, скуластое, крѣпкое лицо было по мужицки серьезно и неподвижно; дышалъ онъ тяжело и ровно, широко работая грудью. Васька спалъ, свернувшись калачикомъ, поджавъ длинныя худыя ноги въ прорванныхъ порткахъ и положивъ руку подъ голову. Его безбородое и безусое худое лицо было мертвенно неподвижно и при слабомъ свѣтѣ утра казалось землянымъ; дышалъ онъ неровно, со свистомъ и прихлипы-

ваніемъ; тонкая шея его вытягивалась и вѣки слегка вздрагивали, какъ у человѣка, готоваго всякую минуту вскочить и бѣжать.

На деревнѣ пѣли пѣтухи сиплыми простуженными голосами; а за ригой, за мокрымъ, покрытымъ сухимъ обломаннымъ камышемъ, болотомъ тянулись безотрадныя, сѣрыя, мокрыя поля. Надъ ними плыли сѣрыя тяжелыя тучи и моросилась жидкая завѣса дождя.

III.

Васька сказалъ Купріяну неправду: Егоръ Шибаевъ ничего не зналъ до самаго возвращенія домой.

За пять лѣтъ солдатчины Егоръ Шибаевъ совершенно отвыкъ отъ жены, но тѣмъ не менѣе хорошо помнилъ, что въ деревнѣ у него осталась жена, и, хотя самъ, какъ всякій солдатъ, жилъ съ другими женщинами, кухарками и проститутками, онъ твердо вѣрилъ въ несокрушимость своихъ правъ надъ женой. Мысль о томъ, что жена можетъ „забаловать", очень рѣдко приходила ему въ голову. Чѣмъ больше онъ натирался городскимъ лоскомъ, соединеннымъ съ нашивками и медалями, тѣмъ больше проникался уваженіемъ къ себѣ, и ему казалось невозможнымъ, чтобы жена промѣняла его на простого мужика.

Вспоминать о женѣ всегда было ему пріятно, не потому, чтобы онъ ее любилъ, а потому, что онъ чувствовалъ себя солиднѣе, имѣя жену и домъ. Съ посторонними о женѣ говорилъ всегда полупрезрительно:—Баба, извѣстно! Но иногда, въ особенности когда получилъ унтера, сталъ называть ее:—наша супруга. Любилъ писать ей письма и писалъ каждый мѣсяцъ самъ. Письма наполнялъ поклонами всей деревнѣ и въ концѣ подписывался: „Унтеръ-офицеръ такого то полка, такого то батальона и роты Егоръ Ивановъ Шибаевъ".

Когда онъ ѣхалъ домой, то нарочно не писалъ женѣ, чтобы больше поразить и ее, и всю деревню неожиданнымъ великолѣпіемъ своего унтерскаго вида.

Въ городѣ и солдатчинѣ онъ совершенно забылъ деревню и его не тянуло туда, но когда поѣздъ двинулся и понесся по чернѣющимъ распаханнымъ полямъ, съ кучами гнилого навоза и черными грачами, разгуливающими по межѣ, хорошее, радостное и оживленное чувство пробудилось у него въ душѣ, и онъ уже по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ окно вагона на безконечныя сѣрыя равнины, затянутыя сѣрой завѣсой дождя и сливающіяся на горизонтѣ съ такимъ же сѣрымъ небомъ.

Все то грязное, скверное и безтолковое, что насадила ему въ душу безсмысленная, непонятная его мужицкому уму и сердцу, солдатская жизнь, разомъ исчезло, уступивъ мѣсто сначала безотчетно радостному настроенію человѣка, приближающагося послѣ долгаго отсутствія къ роднымъ мѣстамъ, а потомъ и дѣловымъ соображеніямъ хозяина-мужика, проснувшагося въ немъ, не смотря на колоссальную величину той мерзости, разврата и лѣни, которая насѣла на него въ казармахъ.

Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ родинѣ, тѣмъ пріятнѣе становилось ему при мысли, что онъ ѣдетъ не на голое мѣсто, а въ домъ, гдѣ есть всякое хозяйственное обзаведеніе и жена тоже. Послѣднюю онъ вовсе не отдѣлялъ отъ перваго и ему не приходило въ голову, какъ встрѣтитъ его жена?

Съ возвращеніемъ домой у него было связано представленіе объ удивленіи односельчанъ, объ ихъ любопытныхъ разспросахъ, своихъ хвастливыхъ разсказахъ и еще о водкѣ.

Больше всего его тѣшило и занимало, что писарь, старшина и прочія сельскія власти, пять лѣтъ тому назадъ сдавшіе его, какъ барана, отупѣвшаго отъ страха и непониманія окружающаго, въ рекруты, теперь встрѣтятъ его какъ равнаго, потому что онъ унтеръ, заслуженный человѣкъ.

Выйдя изъ вагона на станціи, лежавшей въ десяти верстахъ отъ села Дернового, Егоръ Шибаевъ почувствовалъ себя совершенно дома и тутъ же подтянулся, принявъ солидный и молодцоватый видъ.

И его радовало, что это удается ему хорошо и что среди мужиковъ, оборванныхъ, сѣрыхъ и грязныхъ, онъ имѣетъ видъ начальства.

Между мужиками оказались и его знакомые, въ томъ числѣ волостной писарь и старшина.

Писарь Исаевъ былъ тотъ же курчавый, красивый, но заплывшій жиромъ человѣкъ, съ маленькими постоянно бѣгающими глазами и одышкой, одѣтый въ картузъ, пальто и блестящія резиновыя калоши.

Старшина Головченко, пожилой, высокій и очень сутуловатый мужикъ съ низкимъ лбомъ, на которомъ скобкой были подрѣзаны волосы, былъ таковъ же, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, и такъ же тупился и сопѣлъ носомъ.

Съ ними былъ еще и третій дерновскій мужикъ съ бляхой сотскаго на груди, съ длинной палкой и суровымъ, угрюмымъ лицомъ. Егоръ Шибаевъ зналъ его. Это былъ сильный и пьющій запоемъ мужикъ, по имени Шпрунь.

Односельчане сейчасъ же узнали Егора Шибаева. Писарь воззрился на него и, отдуваясь и улыбаясь, поздоровался съ нимъ, какъ образованный человѣкъ, за руку.

Старшина снялъ картузъ и поцѣловался съ нимъ три раза. Сотскій Шпрунь поднялъ шапку, но подойти не посмѣлъ. Егоръ Шибаевъ, хотя мальчикомъ и парнемъ часто былъ битъ пьянымъ Шпрунемъ, не подошелъ къ нему, думая, что недостойно его званія здороваться съ простымъ мужикомъ.

— Какими судьбами?—спросилъ Шибаевъ писаря.

— По дѣламъ больше. А вы окончательно въ наши палестины?

— Да.

— Ну, что же съ? Послѣ Питера вамъ, конечно, все оченно плохо покажется?

Егоръ принялъ значительный видъ.

— Да, оно, конечно... то столица, а это, конечно, деревня,—снисходительно отвѣтилъ онъ.

— Что ужъ тутъ?—тяжело, точно сокрушаясь, замѣтилъ старшина и вздохнулъ.

— Рады, чай, всетаки, что домой прибыли?—съ любопытствомъ и бѣгая глазами по сторонамъ, спросилъ писарь.

— Какъ водится. Всетаки солдатъ, хоть тамъ и унтеръ офицеръ тоже, человѣкъ военный—ни кола ни двора, какъ говорится, не имѣетъ. А тутъ все это въ порядкѣ... домъ, хозяйство.

— Супруга ваша здравствуетъ,—сообщилъ писарь.

Ему очень хотѣлось сообщить Егору Шибаеву объ измѣнѣ жены, но онъ не рѣшался.

— Благодаримъ васъ... Опять же вотъ жена,—продолжалъ Егоръ солидно и внушительно: — солдатомъ, конечно, баловаться приходилось... по разнымъ тамъ... а тутъ всетаки, какая ни на есть, законная жена.

— Оно, конечно!—согласился писарь, бѣгая глазами по сторонамъ и не рѣшаясь сказать то, что ему хотѣлось.

Старшина вздохнулъ и потупился.

— Одно слово—въ гостяхъ хорошо, а дома все лучше!—сострилъ писарь и самъ коротко и съ одышкой засмѣялся.

Егоръ Шибаевъ радостно улыбнулся.

— Что и говорить!

— Вы, собственно, давно изъ Дерновой?—спросилъ онъ.

— Со вчерашняго дня.

— Что такъ?

— Да такое дѣло вышло... конокрадишки у насъ завелись... У господина начальника станціи лошадь свели... хорошую лошадь. Ну, и подозрѣніе есть такое, что изъ нашихъ же дерновскихъ.

— Ну?—спросилъ Егоръ Шибаевъ, очень довольный, что писарь посвящаетъ его въ такія дѣла, о которыхъ съ простымъ мужикомъ и говоритъ бы не сталъ.

— Да-съ,—вздохнулъ писарь,—можетъ, помните Купріяна Тесова... вотъ, что еще при васъ въ острогъ свезли?

— Помню, какъ же...

Писарь подумалъ и, окончательно рѣшивъ ничего не говорить Егору о его женѣ, продолжалъ съ отдышкой:

— Бѣжалъ, изволите видѣть, и такъ полагаютъ—его рукъ дѣло.

— Такой родъ у нихъ,—вставилъ старшина и тяжело вздохнулъ, потому что боялся за свою тройку.

— Скажите... тэкъ-съ. А какимъ бы родомъ мнѣ до Дернового добраться?

Писарь сообразилъ, пошевеливъ толстыми пальцами.

— Мужичокъ тутъ есть нашъ. Можетъ, тоже помните: Мозявымъ прозывается? Такъ онъ, надо быть, въ скорости домой. Онъ муку привезъ начальнику, господину Твердохлѣбову, начальнику станціи...

Егоръ Шибаевъ кивнулъ головой, хотя совершенно не зналъ этого начальника станціи. Но ему казалось почему то, что не знать начальника станціи неприлично для его унтерскаго и столичнаго достоинства.

— Ну, такъ вотъ имъ муку-съ... А теперь, надо полагать, и въ обратный. Вы поспросите его. Онъ мужикъ ничего, хорошій мужичокъ...

— А гдѣ бы мнѣ его?

— А вотъ сейчасъ... Шпрунь, а Шпрунь!—крикнулъ писарь сотскому, который съ начала разговора изъ уваженія къ начальству отошелъ.

— Тутъ я,—отозвался онъ густымъ и хриплымъ съ недавняго перепою голосомъ.

— Ты... найди тамъ Мозяваго и спроси—не подвезетъ ли вотъ ихъ?... Это вашъ сундучокъ?

— Мой.

— Вотъ ихъ съ сундучкомъ. Скажи: я спрашиваю.

Сотскій мрачно повернулся и пошелъ, топая пудовыми сапогами и стуча палкой.

Писарь посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

— Тоже, вотъ... обстоятельный мужикъ, а только зашибаетъ.

— Бываетъ,—сказалъ Егоръ Шибаевъ.

Ему было очень лестно, что писарь отзывается при немъ о другихъ мужикахъ, какъ бы не причисляя его, Шибаева, къ нимъ.

А потому онъ счелъ нужнымъ поддержать свое достоинство и, разгладивъ усы, сказалъ:

— Вотъ у насъ, въ третьей ротѣ, тоже одинъ солдатикъ, изъ цыганъ онъ, Бѣлокопытинъ по фамиліи, такъ тоже, ежели тверезый—куда хочешь его ткни, а напьется и—дрянь

человѣкъ. Ужъ его и такъ и этакъ... А тоже обстоятельный, какъ слѣдоваетъ быть, во всей формѣ солдатъ...

— Это случается,—согласился теперь писарь.

Въ это время старшина кашлянулъ и раскрылъ ротъ.

На платформѣ показался сотскій Шпрунь, со своей палкой и бляхой, а за нимъ, въ оборванномъ азямѣ, въ стоптанныхъ лаптишкахъ,—Мозявый.

— Вотъ,—сказалъ сотскій, икнулъ и изъ уваженія къ начальству отошелъ.

Мозявый поспѣшно сдернулъ шапченку и остановился въ трехъ шагахъ отъ нихъ, вывернувъ носки и вытянувъ тонкую черную шею. Слезящимися глазками онъ глядѣлъ на начальство съ видомъ забитаго животнаго, потому что Шпрунь не заблагоразсудилъ пояснить ему, зачѣмъ онъ понадобился начальству, а самъ по себѣ, по опыту и вкоренившейся привычкѣ, онъ отъ начальства добра не ждалъ.

Писарь сразу преобразился во властное начальство.

— Эй ты, вотъ отвезешь ихъ въ Дерновое. Ты сейчасъ?

— Сею минутою,—поспѣшно и хрипло, точно слова съ усиліемъ выходили у него изъ горла, отвѣтилъ Мозявый.

— Сундучокъ тамъ у нихъ... вотъ этотъ самый.

Мозявый посмотрѣлъ на сундучокъ и заморгалъ глазами: сундучокъ былъ довольно великъ, а лошадь у него была плохая и некормленная цѣлый день. Мозявому было жаль своей лошади, но ослушаться писаря онъ не посмѣлъ, и даже съ видомъ готовности засуетился, засунулъ шапку за поясъ и обхватилъ обѣими тонкими и корявыми руками сундукъ; но съ трудомъ только приподнялъ его. Онъ засуетился еще больше, переложилъ шапку подъ мышку и опять ухватился за сундукъ.

Шпрунь смотрѣлъ на него съ явнымъ презрѣніемъ.

— Пущай.

Онъ оттолкнулъ Мозяваго, взялъ безъ всякаго усилія сундукъ и понесъ. Мозявый, почесывая спину движеніями костлявыхъ лопатокъ и производя носомъ хлипающій звукъ, пошелъ за нимъ.

— Тэкъ-съ,—сказалъ писарь,—вотъ онъ васъ и доставитъ.

— А теперь до свиданья-съ,—сказалъ Егоръ Шибаевъ,— премного вамъ благодаренъ.

— Не за что-съ,—возразилъ—писарь,—я всегда съ моимъ удовольствіемъ приличному человѣку всякое одолженіе... До свиданья-съ. Изволите кланяться вашей супругѣ.

— Очченно вамъ благодаренъ. До свиданья-съ.

— До свиданья-съ.

Старшина опять ничего не сказалъ, вздохнулъ и неловко,

не сгибая своихъ заскорузлыхъ пальцевъ, тряхнулъ руку Шибаева.

IV.

Мозявый ждалъ, стоя около своей телѣги, на которой уже громоздился сундукъ.

Они усѣлись, и лошаденка, пузатая и шаршавая, поплелась вялой рысцей, съ трудомъ натягивая веревочные гужи.

Сначала мимо тянулись желѣзнодорожные пути, груды гнилыхъ шпалъ, ржавыхъ рельсъ и безконечно длинные ряды товарныхъ вагоновъ, между которыми, шипя, двигался взадъ и впередъ рабочій паровозъ и рѣзко бряцалъ буферами. Потомъ пути стали рѣже и пустыннѣе и скоро слились въ одну ровную гладкую ленту, убѣгавшую вдаль къ горизонту; а по сторонамъ пошли опять голыя, то черныя, то рыжія поля, съ тѣми же грачами, гуляющими по пахотѣ, и сухимъ чернобыльникомъ, уныло мотавшимся по межѣ.

Мозявый сидѣлъ понуро, далеко выдвинувъ сухія лопатки, и изрѣдка тоненько причмокивалъ, подергивая голову лошади веревочными возжами. Лошаденка помахивала рѣдкимъ хвостомъ и трясла ушами.

И опять душу Егора Шибаева охватило радостное чувство простора.

Тучи на небѣ стали разрываться мѣстами; по равнинѣ пробѣгалъ тусклый и мимолетный солнечный лучъ и, скользя по облѣзлой спинѣ пузатой лошаденки и рваному армяку Мозяваго, ярко золотилъ ихъ.

Мозявый чуть-чуть подымалъ ему на встрѣчу свои подслѣповатые слезящіеся глазки и поводилъ худыми лопатками. Егору же становилось еще лучше и радостнѣе и хотѣлось говорить.

— Чай, меня не узнаешь, дядя?—спросилъ онъ.

Мозявый быстро взглянулъ на него и поспѣшно отвѣтилъ:

— Призналъ... какъ же...

Потомъ помолчалъ и вдругъ прибавилъ такимъ тономъ, что видно было, какъ всецѣло завладѣла имъ эта мысль.

— А меня драть будутъ.

Егоръ Шибаевъ поразился и отъ неожиданности заявленія, и отъ сомнѣнія, что такого стараго и худого мужика можно драть.

— За что?—спросилъ онъ.

— Лѣску, значитъ... казеннаго, который...

Шибаевъ подумалъ, что ему, какъ начальству, слѣдуетъ внушить и, принявъ строгій видъ, сказалъ:

— Какъ же ты, братъ, это?..

Мозявый быстро повернулся къ нему и вдругъ озлобленно заговорилъ, не однимъ языкомъ, а какъ-то всѣмъ тѣломъ, жестикулируя руками, плечами, головой и тонкой шеей.

— А потому, милый человѣкъ, невозможно... Землицы нѣтъ, а которая есть, та вся — одна глина... А у меня ихъ шестеро ртовъ, не сумлѣвайся... Вотъ какъ!.. А таперича драть? Да рази я по дурости? Ежели шесть ртовъ... Вотъ ты и понимай... Изба — одна смѣхота: ты ее не подопри седни,—завтра она тебя и задавитъ, вотъ какъ. А за это тоже не хвалятъ нашего брата...

— И выдерутъ, чай?

Мозявый опять весь пришелъ въ движеніе.

— За милую душу... вотъ какъ! Отдерутъ, это ужъ вѣрно. Писарь не сказывалъ?

— Нѣтъ.

— Отдерутъ, — убѣжденно и какъ-будто грустно подтвердилъ Мозявый.

И вдругъ хвастливо прибавилъ:

— А мнѣ—наплевать.

Егоръ Шибаевъ съ достоинствомъ сказалъ:

— А развѣ не стыдно?.. Старый ты мужикъ.

Мозявый забѣгалъ глазками по сторонамъ и зашевелился безпокойно и пуще прежняго.

— А мнѣ что? Я рази на такое дѣло ихъ подбивалъ, что ли? Пущай дерутъ за милую душу... драли ужъ...

— Драли?

— Извѣстно,—подернулъ лопатками Мозявый,—исхлестали за милую душу. До сей поры спина то полосатая... Здорово...

— И не стыдно?—съ любопытствомъ спросилъ Егоръ Шибаевъ, отвыкшій въ большомъ городѣ отъ такихъ, грубыхъ и скверныхъ дѣлъ.

Мозявый сгорбился, помолчалъ, причмокнулъ на лошадь и нехотя отвѣтилъ:

— Не... спервоначалу, какъ рубаху стали заворачивать, дюже стыдно было, а опосля ничего... Я лежу, а они этто... Чего тамъ стыдно?

Мозявый съ неудовольствіемъ подернулъ лопатками и замолчалъ.

Егоръ Шибаевъ посмотрѣлъ ему въ спину и недоумѣвающе ухмыльнулся. Ему было странно и то, что Мозявый какъ будто находилъ болѣе стыднымъ дѣло поровшихъ его, а уже потомъ ставилъ свой стыдъ; и то, что въ городѣ онъ видѣлъ много очень дурныхъ людей, дѣлавшихъ мерзкія и ужасныя преступленія,—ихъ за это ссылали въ тюрьмы и на каторгу, но не пороли, какъ этого сѣдого и хлипкаго мужика, вовсе не преступнаго.

Впрочемъ, мысли Шибаева долго не могли сосредоточиться на одномъ.

За косогоромъ выглянули какія-то жерди, за ними сейчасъ же вытянулись крылья мельницы, а потомъ и сама почернѣвшая, съ крышей, проросшей зеленымъ мхомъ, выглянула мельница. За ней другая, третья, десятая; нѣкоторыя стояли неподвижно, нѣкоторыя съ легкимъ скрипомъ, доносившимся до Егора Шибаева, вертѣли крыльями.

— Дерновое,—сказалъ Мозявый.

Но Шибаевъ и самъ узналъ знакомое съ дѣтства мѣсто, и счастливое чувство давнуло у него въ груди такъ, что слезы выступили на глазахъ. Петербургъ, съ его шумомъ, скучной и потому тяжелой казарменной жизнью, нелѣпыми парадами и ученьями, сразу точно растаялъ въ туманѣ, а на мѣстѣ его и на самомъ дѣлѣ выдвинулось село Дерновое, съ его бѣлой церковью, развалившимися тынами, ощипанными вербами на черныхъ огородахъ, съ избами, похожими издали на кучи прѣлаго навоза и покрытыми издерганными сѣрыми крышами.

Тутъ Егоръ Шибаевъ вдругъ вспомнилъ о женѣ и совсѣмъ не такъ, какъ вспоминалъ раньше. Ему захотѣлось поздороваться съ ней и произвести на нее хорошее впечатлѣніе. Егоръ Шибаевъ пріободрился; и у него даже сердце застучало и стали дрожать ноги.

Мимо потянулись плетни и избы со своими мутными окошками. Стали встрѣчаться бабы и мужики. Они останавливались и смотрѣли на Егора, долго провожая его глазами, а потомъ шли по своему дѣлу. Куры съ кудахтаньемъ разлетались съ дороги; какая то мохнатая собаченка, какъ шарикъ, понеслась за телѣгой, но увидѣла свинью и бросилась за ней.

Егоръ Шибаевъ смотрѣлъ на все радостными глазами и все выглядывалъ, поверхъ головы Мозяваго и дуги, не увидитъ-ли гдѣ жены.

Солнце выглянуло на мигъ и облило яркимъ блескомъ село, золотя грязную солому и мокрыя крыши.

V.

Онъ еще издали узналъ свою избу, и она показалась ему совсѣмъ особенной, не похожей на другія избы. И ея пыльныя, давно не бѣленныя стѣны, старый плетень, растрепанная крыша, покрытая зелеными лишаями, все вплоть до вороны, сидѣвшей на заборѣ, показалось ему точь-въ-точь такимъ же, какимъ было пять лѣтъ тому назадъ, хотя тогда ему и въ голову не приходило разсматривать это все.

И сейчасъ же онъ почувствовалъ такое нетерпѣніе скорѣе увидѣть жену, что ему стало казаться, будто онъ только ее и хотѣлъ видѣть и всегда о ней думалъ.

Проѣзжая мимо избы, онъ радостно и немного даже конфузливо заглянулъ въ ея крошечныя пыльныя окна, но ничего, кромѣ какой-то зеленой бутылки, заткнутой тряпкой, не увидѣлъ.

— Тпрру...—сказалъ Мозявый тоненькимъ голосомъ и потянулъ возжи, какъ дѣлаютъ это кучера, лихо подкатывая на горячихъ коняхъ.

Взъерошенная лошаденка очень покорно остановилась и, разставивъ ноги, тяжело вздохнула, высоко поднимая свои втянутыя ребра и раздутый животъ.

— Ишь, дохлая... — пробормоталъ Мозявый, потому что ему было жаль заморенной лошади, и вздохнулъ такимъ же тяжелымъ, покорнымъ и долгимъ вздохомъ, какъ и его лошаденка.

Егоръ Шибаевъ молодецки выскочилъ изъ телѣги, разминая сильно затекшія ноги, взялъ безъ всякаго усилія свой сундукъ и шагнулъ къ калиткѣ.

— Спасибо, дядя,—буркнулъ онъ Мозявому.

Мозявый посмотрѣлъ ему вслѣдъ, вздохнулъ опять и тронулъ лошадь уже шагомъ.

Лошаденка бойко, помахивая головой, пошла къ дому и даже попыталась закрутить ощипаннымъ и грязнымъ хвостомъ.

— Ишь, дохлая...—повторилъ Мозявый и пріободрился.

Помахивая кнутомъ, онъ мечталъ о томъ, что соберется съ деньгами и по осени купитъ новую лошадь, хотя прекрасно зналъ, что собираться ему не изъ чего и что новой лошади онъ ни въ какомъ случаѣ не купитъ.

Но онъ мечталъ объ этомъ всю жизнь.

Егоръ Шибаевъ отворилъ калитку, повернувшуюся на ржавыхъ петляхъ съ тѣмъ же самымъ унылымъ и протяжнымъ визгомъ, какимъ она проводила его въ рекрутчину.

Егора Шибаева сразу обдало знакомой обстановкой.

Дворъ показался ему уютнымъ и какъ будто теплымъ. Тѣ же сараи шли вокругъ заросшаго пыльной травой двора. По травѣ бѣжали протоптанныя неровныя сѣрыя дорожки, а у сараевъ прѣли кучи навоза, въ которомъ рылись двѣ курицы и хрипливый пѣтухъ. Было и то же старое, низкое— въ одну ступеньку, крытое крыльцо, и подъ навѣсомъ его болтались пучки сухихъ капустныхъ листьевъ и торчали сломанныя вилы.

Когда Егоръ Шибаевъ проходилъ отъ калитки къ крыльцу, въ окнѣ мелькнуло чье то лицо и сейчасъ же спряталось.

Потомъ выглянуло и другое, показавшееся Егору лицомъ его жены, и тоже спряталось. Но навстрѣчу ему никто не вышелъ, и дверь въ сѣни оставалась запертой.

Егоръ Шибаевъ взошелъ на крыльцо, опустилъ къ сторонкѣ свой сундукъ, потому что хотѣлъ войти въ избу честь честью, и только что взялся за дверь, какъ она отворлись изнутри и какая-то босоногая дѣвченка въ красномъ платкѣ съ визгомъ шмыгнула мимо него, шлепнула разъ-другой босыми пятками и мигомъ исчезла за калиткой.

Егоръ Шибаевъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, отворивъ дверь, нагибаясь, вошелъ въ избу.

Тамъ было чисто прибрано и пахло хлѣбомъ, щами и мокрой мочалой. На палатяхъ лежала ситцевая розовая подушка и первая бросилась ему въ глаза.

Потомъ онъ увидѣлъ и жену.

Матрена, худая и высокая баба, лѣтъ двадцати пяти, но казавшаяся старше отъ своей худобы, одѣтая по городски, какъ одѣваются мѣщанки и торговки нелѣпо и некрасиво, сидѣла у стола, положивъ одну руку на столъ, другую на колѣни.

Егоръ Шибаевъ улыбнулся радостно и смущенно во весь ротъ. Жена ему сразу понравилась, хотя онъ ее и воображалъ совсѣмъ иной. Пріятно поразилъ его и ея городской нарядъ, потому что ему, какъ унтеру, не подходила, по его мнѣнію, жена, одѣтая по просту.

Его очень удивило, что жена не встаетъ ему на встрѣчу.

Когда Егоръ вошелъ, она вскинула на него глазами и сейчасъ же потупилась и поблѣднѣла.

— Здравствуйте-съ,—уже нерѣшительно сказалъ Егоръ Шибаевъ.

Матрена молча встала и поклонилась ему въ поясъ.

И изъ этого нѣмого поклона, и изъ того, что жена не смотрѣла на него, Егоръ Шибаевъ сразу увидѣлъ, что то, о чемъ онъ никогда серьезно не думалъ, но о возможности чего зналъ, случилось съ нимъ.

Онъ растерялся.

— Здравствуйте,—пробормоталъ онъ опять.

Матрена пошевелила тонкими безкровными губами и опять молча поклонилась въ поясъ, на этотъ разъ касаясь рукой полу.

И отъ этого вторичнаго поклона въ груди Шибаева точно что-то оборвалось и кинулось ему въ лицо, отчего онъ вдругъ густо покраснѣлъ.

— Вотъ какъ-съ,—хрипло проговорилъ онъ.

Матрена, не поднимая головы, пошевелилась и изподлобья вскинула на него глаза.

Егоръ Шибаевъ нерѣшительно, но съ недоумѣніемъ сдѣлалъ три шага и сѣлъ на лавку.

Въ головѣ у него все такъ смѣшалось отъ неожиданности, что онъ ошалѣлъ и какъ будто не могъ чего-то сообразить.

— Такъ-съ...—повторилъ онъ и положилъ на столъ шапку.

И тутъ увидѣлъ то, чего раньше не замѣтилъ: за спиной Матрены стоялъ, ухватясь за ея юбку, ребенокъ лѣтъ трехъ, въ грязной синей рубашонкѣ, босикомъ, съ измазаннымъ грязнымъ личикомъ, бѣловолосый и бѣлоглазый.

Засунувъ палецъ въ ротъ и отдувая обѣ щеки, онъ прехладнокровно смотрѣлъ на Егора и на его шапку.

Съ минуту и Егоръ смотрѣлъ на него, раскрывъ ротъ и выпучивъ глаза. Потомъ у него потемнѣло въ глазахъ и захолонуло внутри. Съ бѣшенствомъ ударивъ кулакомъ по столу, такъ что шапка полетѣла на полъ, онъ перегнулся къ самому лицу Матрены и прохрипѣлъ:

— А, такъ ты вотъ что... Поскуда!

Матрена подняла на него прямо въ лицо свои, отъ ужаса ставшіе круглыми, глаза и молчала.

Егоръ Шибаевъ на минуту задохнулся, а потомъ заоралъ на всю избу:

— Ахъ, ты с.....а! Говори—кто?

Матрена продолжала смотрѣть ему въ лицо, обезумѣвъ отъ страха, и молчала.

Но за то ребенокъ визгливо и испуганно завизжалъ, закрывъ глаза и растопыривъ пальцы.

Шибаевъ даже зубами скрипнулъ и рванулся къ нему, но Матрена машинально и чуть-чуть подвинулась между ними. На секунду Егоръ Шибаевъ застылъ, все болѣе и болѣе наливаясь кровью, и вдругъ съ размаху ударилъ жену кулакомъ по головѣ.

Она чуть не упала и схватилась за столъ; платокъ слетѣлъ у нея съ головы на шею, и космы волосъ повисли поперекъ лица.

Отъ перваго удара Егоръ почувствовалъ такой приливъ злобы, что чуть не задохнулся. И невольно давая выходъ этому чувству, не помня себя и крѣпко стиснувъ зубы, онъ схватилъ жену изо всей силы сначала за руку, а потомъ за волосы и выдернулъ на середину комнаты. Она съ размаху сѣла на полъ и закрылась локтемъ. Егоръ ударилъ ее колѣномъ въ спину и потащилъ за волосы по полу, приподнялъ и опять бросилъ.

Нѣсколько секундъ онъ стоялъ неподвижно, широко разставивъ ноги и тяжело дыша, весь красный и потный, съ ополоумѣвшими глазами и трясущимися руками.

Матрена сидѣла на полу и закрывалась отъ него рукой.

Но когда она опустила руку, онъ опять началъ ее бить и билъ долго, руками и колѣнями, бормоча сквозь зубы ругательства и таская ее за волосы по избѣ. Юбка съ нея слетѣла, и, когда онъ тащилъ ее за волосы, она покорно переступала босыми ногами, прикрытыми одной толстой рубахой.

Нѣсколько горшковъ слетѣло съ лавки; какая-то палка упала Егору подъ ноги, и онъ сталъ бить этой палкой жену по спинѣ и плечамъ.

Матрена закричала тонкимъ пронзительнымъ голосомъ и хотѣла бѣжать, но Егоръ такъ толкнулъ ее въ спину, что она ударилась всѣмъ тѣломъ въ печку и свалилась на полъ.

Егоръ бросилъ палку, тяжело опустился на лавку и весь осѣлъ, туго дыша, красный, съ волосами, прилипшими къ потному лицу.

Тутъ онъ вспомнилъ, что на вѣки опозоренъ передъ всей деревней, и подумалъ, что всѣ мечты его о почетѣ рушились, что ему уже нельзя будетъ показывать свою столичность, и что все это, благодаря его женѣ.

Онъ опустилъ голову на локоть и зарыдалъ, чувствуя, что испорчено навсегда, и еще что-то хорошее, чего онъ и самъ не сознавалъ. Слезы градомъ катились по его толстому красному лицу.

Матрена неслышно поднялась и, шатаясь, задвигалась по избѣ, пугливо поглядывая на мужа. Одинъ глазъ у нея совсѣмъ запухъ, отчего лицо ея было жалкое, страшное и нечеловѣческое. Она спрятала волосы подъ платокъ, надѣла юбку и вышла въ сѣни. Тамъ она намочила водой тряпку и стала мочить синякъ.

На глаза попался ей маленькій Федька, сидѣвшій за помойнымъ ведромъ и беззвучно ревѣвшій отъ ужаса. Матрена вывела его на крыльцо.

— Бѣги, родной, на улицу...

А Егоръ сидѣлъ въ избѣ и все плакалъ, думая о томъ, что жена испортила ему всю жизнь, тогда какъ могло быть очень хорошо. Ненависть къ ней опять стала закипать въ его сердцѣ.

Онъ пересталъ плакать, озвѣрѣлъ опять, вышелъ въ сѣни и молча сталъ бить жену и таскать по полу за волосы, чувствуя жгучее желаніе сдѣлать ей какъ можно больнѣе и хуже.

Матрена не плакала и не кричала даже тогда, когда Егоръ нашелъ старую мокрую веревку и началъ этой веревкой хлестать ее по чему попало.

Она думала, что такъ и должно быть, и только, задыхаясь

отъ ужаса и боли, боялась, что не выдержитъ, пока мужъ отведетъ надъ ней душу, и онъ ее забьетъ до смерти.

А еще больше она боялась, чтобы Егоръ не вывелъ ее на улицу голую, привязанную къ телѣгѣ, и не сѣкъ ее кнутомъ при народѣ, какъ это было въ обычаѣ дѣлать съ измѣнившими женами.

VI.

Вечеромъ, когда Егоръ Шибаевъ, еще разъ, уже слабѣе побивъ жену, немного успокоился и уже сталъ подумывать о томъ, что все это еще дѣло поправимое да и обычное,—онъ ушелъ изъ избы къ винной лавкѣ.

Матрена завязала глазъ платкомъ и вышла во дворъ.

Былъ хорошій, ясный и теплый вечеръ. Небо было совсѣмъ прозрачное и въ немъ чуть чуть уже мерцали звѣздочки. Внутренность двора, огородъ и садъ потемнѣли, отъ нихъ тянуло сырой прохладой и пахло мокрой землей и мокрымъ навозомъ.

Матрена стояла на крыльцѣ и однимъ глазомъ смотрѣла черезъ заборъ на улицу, гдѣ слышались звонкіе голоса, скрипъ воротъ и мычаніе коровъ.

Калитка осторожно скрипнула и во дворъ заглянула та самая дѣвчонка, что давеча попалась подъ ноги Егору. На рукахъ она съ усиліемъ тащила Федьку, прижавъ его поперекъ живота, чѣмъ онъ нисколько не смущался.

Дѣвочка остановилась у калитки и боязливо смотрѣла на Матрену. Федька тянулся къ матери и пускалъ пузыри.

— Поди сюда, Анютка,—позвала Матрена.

Дѣвчонка нерѣшительно зашлепала босыми ногами. Федька замахалъ руками и издалъ хлипающій звукъ.

Матрена взяла его на руки.

— Ушелъ?—тихо спросила Анютка.

Матрена махнула рукой.

— Би-илъ?—тихо протянула дѣвчонка.

Матрена вздохнула.

— Ишь ты,—съ удивленіемъ сказала Анютка и сейчасъ же затараторила скороговоркой:—къ винной пошелъ, сердитый такой! А у него на шинели мидаля баальщущая!.. Дядинькѣ Купріяну сказать?

Матрена опять вздохнула и промолчала.

— Я скажу... сказать?—Матрена кивнула головой.—Чтобы пришелъ, скажу... А куда-жъ ему придтить?—съ дѣловымъ видомъ спросила Анютка.

Матрена подумала и потупилась.

— Чтобы на огородъ... Задами пусть придетъ... завтра ввечеру... скажешь?

— Я скажу, скажу я... А теперь, тетка Матрена, я пойду: я боюсь...

— Ну, иди...

— Пойду... Такъ сказать?

— Скажи.

— Ужо скажу.

Анютка шлепнула пятками, выскочила за ворота и зашлепала по улицѣ, изъ всѣхъ силъ топоча ногами.

Матрена осталась одна, смотрѣла однимъ глазомъ на улицу и тревожно прислушивалась, думая, что мужъ придетъ пьяный и опять будетъ бить ее.

Тѣло у нея болѣло и ныло и въ груди чувствовалась какая-то тяжесть. Она плюнула и долго не могла выплюнуть сбившейся мокроты.

Федька заснулъ, свѣсивъ голову съ ея рукъ.

Матрена тихо прошла въ комору, нагромоздила на лавку тряпья и уложила спящаго Федьку, загородивъ его, чтобы не упалъ, двумя полѣнами.

Потомъ она опять вышла на крыльцо, сѣла на ступеньки и тогда уже тихо и горько заплакала, опустивъ голову на рукавъ. Она чувствовала себя несчастной не оттого, что тѣло у нея все было избито въ сплошной синякъ, не оттого, что ждала новыхъ побоевъ, а оттого, что не могла представить себѣ будущей жизни, представлявшейся ей какой-то темной и страшной дырой.

О мужѣ она вовсе не думала, потому что онъ былъ мужъ и казался ей неизбѣжнымъ и неотвратимымъ, а его побои должными и заслуженными.

Больше всего ей было жаль Купріяна. При воспоминаніи о немъ она плакала сильнѣе и съ тоской. По временамъ ей хотѣлось прямо побѣжать къ нему, только побѣжать, потому что защитникомъ отъ мужа, по ея мнѣнію, онъ быть не могъ. Матрена думала, что теперь нельзя уже будетъ его любить, и горько всхлипывала.

Но изъ всего того, что должно случиться, судьба маленькаго Федьки одна была ей совершенно ясна и понятна:— забьетъ онъ его...

И ей это тоже казалось неизбѣжнымъ и какъ бы законнымъ.

VII.

Купріянъ проснулся отъ скрипа воротъ и струи холоднаго воздуха, хлынувшаго ему въ лицо, разгоряченное отъ сна и выпитой ночью водки.

На дворѣ было уже свѣтло, хотя солнце еще не всходило. Ворота изъ темной риги представлялись ослѣпительно бѣлымъ четырехугольникомъ и на ихъ свѣтломъ пятнѣ вырисовывалась черная фигура мужика, высокаго, сѣдого и широкоплечаго, въ длинной рубахѣ и полосатыхъ штанахъ, босого.

— Тута, что ли?—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

Васька тоже поднялъ голову съ сѣномъ въ волосахъ.

— Тутъ,—отвѣчалъ Купріянъ.

Мужикъ шагнулъ въ ворота, видимо, со свѣта ничего не разбирая. Ощупью онъ нашелъ старый улей и медленно опустился на него, почесывая грудь и зѣвая.

— Пронесло дождь то,—сказалъ онъ.

Голосъ у него былъ густой, какъ изъ бочки, и усы мѣшали ему говорить.

Васька опять опустилъ голову.

Мужикъ подождалъ молча, пока глаза не освоились съ темнотой, и потомъ повернулъ бороду къ Купріяну.

— Егоръ пришелъ,—сказалъ онъ.

— Знаю ужъ,—пробормоталъ Купріянъ.

Мужикъ помолчалъ.

— Что-жъ думаешь?—спросилъ онъ, серьезно глядя на него изъ-подъ мохнатыхъ бровей.

— Тамъ видно будетъ,—смущенно выговорилъ Купріянъ.

— Такъ,—неопредѣленно буркнулъ мужикъ.

Васька быстро поднялъ голову.

— Чего-жъ тутъ думать?—насмѣшливо спросилъ онъ.—Плюнуть, да и все тутъ!

Мужикъ недружелюбно поглядѣлъ на него, вздохнулъ и промолчалъ. Купріянъ потупился.

— Анютка у нихъ на дворѣ была вечоръ,—заговорилъ мужикъ опять, поворачиваясь къ Купріяну.

— Ну?

— Сказывала, чтобы тебѣ придти сегодня... попозднѣй на огородъ. Матрена наказывала...

Купріянъ помолчалъ.

— Ладно, приду,—буркнулъ онъ.

— Такъ,—сказалъ мужикъ и всталъ.—Хлѣбъ-то есть? —спросилъ онъ.

— Хлѣбъ есть,—отвѣтилъ Васька,—а вотъ водку всю вылокали... Пошли посудинку-то...

— Давай бутылку. Какъ откроютъ винную, пошлю.

Мужикъ вышелъ,—затворивъ за собой ворота.

— Слышь, Купря,—заговорилъ Васька:—намъ, должно, удирать... Махнемъ въ Тарасовку къ Пузатову.

Купріянъ отвѣтилъ не сразу, точно не рѣшался высказать что-то.

— Ну...—сказалъ онъ,—до завтрева тута побудемъ...

Васька удивился.

— Какого чорта? Гунявый говоритъ — облава будетъ, исправникъ пріѣдетъ ввечеру.

Купріянъ опять помолчалъ.

— А чортъ съ нимъ!—съ досадой махнулъ онъ рукой и легъ.

— А словятъ?..

— Поглядимъ,—упрямо возразилъ Купріянъ.

— Да ты чего тутъ не видалъ...

И Васька вдругъ проворно сѣлъ.

— Неужели изъ-за бабы остаешься...

— А хоть бы и такъ,—глядя въ сторону, отвѣтилъ Купріянъ.

Васька улыбнулся во весь ротъ и поправилъ картузъ.

— Что тебѣ ее жаль, что ли?—спросилъ онъ.

— Жаль,—буркнулъ Купріянъ, стараясь не смотрѣть на Ваську.

Васька поглядѣлъ на него, потомъ присвистнулъ и разсердился.

— Жаль, жаль... Ишь какой жалостливый! Дуракъ. Чего жалѣть? Что ей ребра пересчитали, такъ это дѣло житейское... не помретъ. А помретъ, похоронимъ, пироги поѣдимъ, честь-честью!.. Да и чего жаль-то? Я и самъ ее въ такомъ разѣ потрепалъ бы...

Купріянъ покраснѣлъ и нахмурился.

— Звѣрье вы всѣ, одно слово!—хрипло выговорилъ онъ.

— А ты—баба!—издѣвался Васька.—Ишь разжалобился... Баба самая непутевая, спуталась на сторонѣ. Ну, мужу, конечно, не лестно... Онъ и поучитъ! Ты не билъ бы, небось?

Купріянъ тяжело сопѣлъ носомъ.

— Нѣтъ, ты скажи,—приставалъ Васька.

— Можетъ, и поучилъ бы, а можетъ и нѣтъ... А Матрену точно, что жалко. Баба оченно тихая!

— Пойди утѣшь!

— Пойду.

— Пойди, пойди,—издѣвался Васька:—тамъ те Егоръ научитъ, какъ чужихъ бабъ утѣшать! А къ исправнику такъ прямо въ карманъ...

— Плевать мнѣ твоему исправнику въ рыло, грубо буркнулъ Купріянъ.—Захочу, такъ я ихъ всѣхъ... А ты не лѣзь...

Васька хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ, увидя, что Купріянъ разсердился.

Онъ плюнулъ, махнулъ рукой и завалился на сѣно.

— Иди куда хошь, шалый,—пробормоталъ онъ,—хоть къ чорту въ зубы...

— - - -

И запѣлъ довольно пріятнымъ разбитымъ голосомъ:

— Эхъ, у попова тына-а
Повстрѣчалася дивчина-а...
Повстрѣчалася—разсталася...
Другую встрѣчу-у,
И ту привѣчу-у!..
Эхъ, повстрѣчалася—разсталася...

Купріянъ ухмыльнулся и мотнулъ головой.

Васька подмигнулъ ему и еще удалѣй запѣлъ:

Повстрѣчалася—разсталася-а!..

— Вотъ какъ, братъ!—ухнулъ онъ.

Купріянъ опять насупился.

— Эхъ, гармоники нѣтъ!—щелкнулъ пальцами Васька,—нашему брату-фабричному безъ гармоники смерть! Я-бъ, кажись, и помиралъ—на гармоникѣ вѣчную память игралъ!

Васька засмѣялся своей остротѣ.

— Складно,—одобрилъ Купріянъ.

За стѣной послышались тяжелые шаги. Вошелъ старикъ Гунявый. Какъ и прежде, онъ сначала подождалъ, пока глаза освоятся съ темнотой.

— Водку принесъ?—спросилъ Васька.

— Не,—сумрачно отвѣтилъ Гунявый и почесалъ волосатую грудь.

— Что такъ?

Гунявый помолчалъ.

— Вы вотъ что,—заговорилъ онъ,—валите пока что къ лѣсу... Сейчасъ писарь проѣхалъ. Сказываютъ, урядникъ нонче пріѣдетъ, а завтра становой съ исправникомъ. Облава на васъ будетъ...

— Вотъ такъ фунтъ!—поблѣднѣлъ Васька.

Купріянъ нахмурился и всталъ.

— Тэкъ-съ,—сказалъ онъ,—слушай, дѣдъ, мы, значитъ, сейчасъ къ лѣсу черезъ село. Ежели кто увидитъ, скажемъ, что отъ облавы идемъ... Писарь, чай, увидитъ. Ну, облаву утромъ въ лѣсъ, а мы вечеркомъ изъ лѣсу сюда... пусть ищутъ.

— Ладно,—усмѣхнулся себѣ въ усы Гунявый.

Васька посмотрѣлъ на Купріяна, почесалъ затылокъ и замялся.

— Ты что?—спросилъ Купріянъ.

— Да я ничего,—смущенно возразилъ Васька.

— Ну...

— Я лучше задами пройду,—пробормоталъ онъ.

Купріянъ подумалъ.

— Ну и чортъ съ тобой! Оно и лучше...

Гунявый презрительно крякнулъ.

Купріянъ порылся подъ стрѣхой и вытащилъ одностволку съ длиннымъ порыжѣвшимъ дуломъ.

— Заряжена?—спросилъ онъ Гуняваго.

— Не,—отвѣтилъ старикъ.

Купріянъ порылся еще, досталъ рожокъ съ порохомъ и сталъ заряжать ружье тщательно и медленно. Гунявый и Васька молча смотрѣли на его работу.

Кончивъ, Купріянъ всталъ, вскинулъ ружье на плечо и тряхнулъ волосами.

— Такъ-то лучше,—сказалъ онъ.

— Идти, что-ль?—спросилъ Васька.

— Валяй. Около болота встрѣтимся.

Они вышли.

Былъ уже день, но сѣрый и блѣдный. Дождь пересталъ, но тучи шли низко и тяжело.

Васька пошелъ вдоль огорода, оглядываясь по сторонамъ. Купріянъ съ Гунявымъ прошли черезъ дворъ и Купріянъ вышелъ на улицу.

— Ты того...—сказалъ старикъ, стоя въ калиткѣ.

— Что?

— Егора опасайся... Ему ужъ доложено...

— Кто?—хмуро спросилъ Купріянъ.

— Палашка, чай, солдатка... ея дѣло. Такъ ты, говорю, опасайся...

Купріянъ почесалъ затылокъ.

— А ну его къ чертямъ въ болото! Не дюже испугался,—сказалъ онъ и пошелъ вдоль улицы.

Гунявый долго смотрѣлъ ему вслѣдъ своими маленькими острыми глазками изъ подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей. Потомъ вздохнулъ, почесалъ грудь и пошелъ къ сараю, гдѣ сбивалъ бочку.

Купріянъ шелъ, посвистывая, и думалъ, что надо сдѣлать такъ, чтобы его замѣтили въ волостномъ правленіи. Когда онъ вышелъ на площадь и пошелъ мимо волости, на встрѣчу ему попался столяръ Семенъ, слегка выпившій, молодой мужикъ.

— А, Купріянъ Васильевичъ, наше вамъ!—сказалъ онъ, весело скаля зубы.

— Здорово,—отвѣтилъ Купріянъ и остановился.

— За чьими лошадкми пожаловали?—спросилъ Семенъ.

— Твоей не возьму,—насмѣшливо возразилъ Купріянъ.

У Семена, пьяницы и пустого лѣниваго мужика, была самая плохая и старая на селѣ лошадь.

Семенъ засмѣялся.

— Ну, и то ладно!—сказалъ онъ.—Ты-бы у старшины посмотрѣлъ: ха-арошую тройку купилъ!

— Поглядимъ, — хладнокровно проговорилъ Купріянъ и пошелъ дальше, замѣтивъ движеніе въ окнахъ волостного правленія.

Попадавшіеся ему на встрѣчу мужики угрюмо отворачивались и что-то бурчали. Купріянъ поглядывалъ на нихъ съ усмѣшкой и скоро вышелъ въ поле.

VIII.

Тройка земскихъ круглыхъ и сытыхъ лошадокъ выѣхала изъ лѣсу отъ станціи и, всползши на гору, бойко покатила къ Дерновому.

На козлахъ сидѣлъ ямщикъ, парень лѣтъ девятнадцати, съ совершенно круглой рожей, веселый, курносый съ большими толстыми губами. Въ бричкѣ помѣстились старшина Головченко и урядникъ, коренастый пожилой человѣкъ, съ большой бородой и въ порыжѣвшей полицейской формѣ, съ шашкой черезъ плечо.

Старшина изрядно выпилъ на станціи, а потому былъ веселъ и умильно поглядывалъ вокругъ; носъ у него покраснѣлъ и глаза замаслились; онъ былъ въ разговорчивомъ настроеніи, какъ всегда, когда былъ пьянъ. Урядникъ тоже былъ подъ хмѣлькомъ, но держался съ достоинствомъ.

Таратайка подпрыгивала по ухабамъ, лошади помахивали подвязанными хвостами. Ямщикъ посвистывалъ, помахивалъ локтями и поглядывалъ по сторонамъ.

— Вотъ, изволите видѣть, Максимъ Ивановичъ,—говорилъ урядникъ, когда тройка выѣхала на гору,—какія требованія предъявляетъ намъ начальство. Взять и словить конокрадовъ!.. А какъ ихъ словить, когда я на пятьдесятъ верстъ одинъ чинъ полиціи...

— Словимъ,—увѣренно возразилъ старшина.

— Да, какъ-же, дожидайтесь!

— Отчего не словить? Словить можно...

— Чорта мы словимъ, когда я не знаю, какъ и за дѣло взяться-то,—сумрачно отозвался урядникъ,—я вѣдь, собственно, больше по торговой части имѣю способности, а не конокрадовъ ловить. Какъ ихъ ловить? На всю округу первые разбойники... Кого будемъ разспрашивать, ежели...

— Кого? А прохожихъ!

Старшина сказалъ это совершенно случайно, просто потому, что впереди на дорогѣ, мимо Дерновскихъ мельницъ, уныло торчавшихъ на косогорѣ, шелъ человѣкъ съ ружьемъ.

— А, это Иванъ Семеновичъ идетъ,—замѣтилъ урядникъ.

Старшина сталъ всматриваться.

— Учитель, дяденька,—звонко подтвердилъ ямщикъ.

Дерновскій учитель Иванъ Семеновичъ, страстный охотникъ, одѣвался по русски.

— Онъ самый,—согласился старшина.

Тройка, позвякивая бубенчиками, катила дальше, догоняя прохожаго, а урядникъ возвратился къ интересующему его вопросу:

— Опять-же, какъ его словить? Облаву нужно, а какая облава, ежели всѣ мужики, коли Купріяну не пріятели, такъ боятся его хуже чорта.

— Да, ужъ это такъ,—подтвердилъ старшина,—кому охота съ нимъ связываться: ему, бродягѣ, ничего, а коли ежели онъ краснаго пѣтуха...

— Ну, вотъ,—съ досадой крякнулъ урядникъ,—лови его, ежели самъ старшина отъ него на утекъ—первый...

Старшина обидѣлся.

— Ну, это дѣло очепно темное: кто изъ насъ на утекъ, значитъ.

Урядникъ спохватился, что обидѣлъ старшину.

— Нѣтъ, я не то, чтобы... а конечно... Вотъ эти олухи, чай, всѣ прыснутъ во всѣ стороны!—ткнулъ онъ пальцемъ въ спину ямщика.

Тотъ обернулъ къ уряднику свое курносое круглое лицо и, скаля зубы, сказалъ:

— Чаво? Не...

— Убѣжишь, ежели Купріянъ, примѣрно, встрѣтится?— пошутилъ старшина.

Ямщикъ еще больше осклабился и тряхнулъ волосами.

— Я нѣтъ... чаво?

— А ежели онъ изъ ружья?

— Ну, что-жъ... это—ничаво!

Въ это время старшина снялъ шапку и замахалъ ею по воздуху, крича:

— Иванъ Семеновичъ, наше вамъ!..

Урядникъ тоже приложился къ козырьку.

Прохожій, не поворачиваясь, приподнялъ шапку.

— Вы откелева?—спросилъ старшина.

Прохожій неопредѣленно махнулъ рукой.

— Въ лѣсъ, чай, ходили? Охотиться изволите все?—спросилъ въ свою очередь урядникъ.

Ямщикъ весело осклабился, почесалъ затылокъ и повернулся къ старшинѣ:

— Дяденька, этта Купріянъ.

— Чего?—спросилъ, не разслышавъ, старшина.

— Купріянъ этта,—весело повторилъ ямщикъ.

Тройка уже обогнала прохожаго.

— Что ты врешь..—началъ было старшина.

Урядникъ поблѣднѣлъ.

— Револь... вертъ... тутъ...—заплетающимся языкомъ забормоталъ онъ, шаря рукой подъ сидѣньемъ.

Старшина сразу протрезвѣлъ.

— Гони ты,—толкнулъ онъ ямщика.

Ямщикъ удивился и, придержавъ лошадей, весело спросилъ:

— А ловить не будете?

Урядникъ спохватился.

— Позвольте, Максимъ Ивановичъ... это ежели... того... Купріянъ, то... Можетъ, не онъ?

— Енъ самый,—увѣренно возразилъ ямщикъ и, поворачиваясь назадъ, крикнулъ:

— Купріянъ, а, Купря!..

— Чего тебѣ?—спросилъ Купріянъ.

Онъ давно уже замѣтилъ ѣдущихъ старшину и урядника и сначала хотѣлъ было спрятаться, но потомъ что-то нашло на него, и ему захотѣлось покуражиться. Онъ только повернулъ и пошелъ опять къ селу.

Ямщикъ осклабился во весь ротъ.

— А мы тебя ищемъ!—сообщилъ онъ, совсѣмъ останавливая лошадей.

— А я васъ!—сказалъ Купріянъ, тоже останавливаясь и протягивая руку за ружьемъ.

— Поди сюда!—крикнулъ ямщикъ.

Купріянъ тихо снялъ ружье, приложился и выстрѣлилъ.

— Н-на!—весело и злобно крикнулъ онъ.

Выстрѣлъ гулко раскатился по косогору, дробясь между мельницъ и вспугнувъ стаю галокъ, маршировавшихъ по дорогѣ. Лошади испуганно дернули, и ямщикъ вверхъ ногами слетѣлъ въ бричку.

— Караулъ, ратуйте!—завопилъ старшина.

Урядникъ дрожащими руками схватилъ возжи и, замахиваясь на лошадей ножнами шашки, погналъ ихъ подъ гору.

Бричка запрыгала, затрещала по всѣмъ швамъ и со звономъ понеслась внизъ.

А Купріянъ повернулъ прочь и побѣжалъ отъ дороги къ лѣсу, глубоко увязая въ размокшей землѣ и шлепая ногами по лужамъ.

Тройка съ трескомъ и звономъ влетѣла въ околицу, пронеслась по селу и остановилась, храпя и шатаясь, противъ волостного правленія. Старшина и урядникъ тяжело вывалились изъ брички. Старшина былъ безъ шапки.

— Вотъ такъ исторія!—хлопая себя по колѣнамъ, сказалъ онъ, еле переводя духъ.

— Упустили Купріяна!—почесалъ затылокъ ямщикъ, невозмутимо взбираясь на козлы.

— Ну, ты... молчи у меня!—замахнулся на него урядникъ.

Ямщикъ испугался.

— Я што? Я ничаво... А только какъ онъ стрѣльнулъ!—съ восторгомъ вспомнилъ парень и даже зажмурился отъ удовольствія.

— Стрѣльнулъ! А если бы тебѣ въ башку?—укоризненно замѣтилъ старшина.

— Ну что-жъ!—равнодушно отвѣтилъ ямщикъ.

— А вы что-же, Иванъ Филипповичъ, не стрѣляли?—спросилъ старшина.

Урядникъ сконфузился.

— Да чортъ его знаетъ... Револьверта никакъ найти не могъ, а тутъ лошади... ну и того...

Изъ волости выбѣжали писарь Жаевъ и писарчуки.

— Кто стрѣлялъ?—спросилъ писарь съ любопытствомъ.

— Купріянъ,—отвѣтилъ съ козелъ ямщикъ,—ловко стрѣльнулъ: трошки по головѣ не задѣло!—осклабился онъ.

— Врешь!

— Да, точно,—подтвердилъ урядникъ,—пойдемте я вамъ разскажу, а то тутъ не того...

Власти ушли въ волостное правленіе.

— Я такъ и думалъ, что онъ,—сказалъ писарь, когда урядникъ разсказалъ происшествіе.—Онъ тутъ мимо волостного съ ружьемъ прошелъ... только что...

— Что-жъ вы не держали?—спросилъ урядникъ.

Толстый писарь присвиснулъ.

— А вы отчего не держали?—не безъ ехидства спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да... знаете...

— То-то и знаете, Иванъ Филипповичъ... А я такъ полагаю, что господину исправнику о семъ случаѣ докладывать не слѣдуетъ...

— Ну, конечно... зачѣмъ же?—согласился урядникъ.

— Да ямщику накажите, чтобы не болталъ очень...

Ямщика позвали и приказали ему держать языкъ за зубами.

Ямщикъ вышелъ, взмостился на сидѣніе брички и, тихо позвякивая бубенчиками, тронулъ тройку на почтовый дворъ.

— Эхъ!—встряхивалъ онъ по временамъ головой.

Купріянъ тѣмъ временемъ по оврагу добрался до болота, гдѣ уже сидѣлъ Васька.

Купріянъ запыхался и усталъ, но былъ очень доволенъ, что напугалъ начальство.

— Ты стрѣлялъ?—спросилъ Васька.

— Я... старшину чуть не подстрѣлилъ...

— Врешь!

— Ей Богу!—И Купріянъ разсказалъ какъ было дѣло.

— Вотъ такъ ловко!—восхитился Васька.—Знай нашихъ!

— Ладно,—насупился Купріянъ, вспомнивъ утреннюю трусость Васьки.

Васька умолкъ.

— Жрать нечего?—спросилъ Купріянъ.

— Хлѣбъ есть,—отвѣтилъ Васька.

Они поѣли и легли на кучѣ мокрыхъ вялыхъ листьевъ.

Опять пошелъ дождь. Небо спустилось еще ниже и вѣтеръ сталъ задувать, качая вокругъ черныя рогатыя вѣтки.

Уже вечеромъ Купріянъ и Васька прошли задами въ Дерновое. Васька пошелъ къ Гунявому, а Купріянъ пробрался по огородамъ къ избѣ Егора Шибаева.

М. Арцыбашевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Еще такъ много струнъ въ душѣ моей молчитъ,
Но чувствую—по нимъ прошелъ ужъ первый трепетъ,
И скоро, заглушивъ безпечныхъ пѣсенъ лепетъ,
Аккордъ печальный прозвучитъ.

Не голоса весны нарушатъ струнъ покой.
Призывомъ радости, любви и ликованья,
Но повторятъ онѣ твой стонъ, твое страданье,
Мой милый край, мой бѣдный край родной!..

Г. Галина.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Море глухо шумитъ. Скачутъ волны-гиганты сѣдые...
Небо въ тучахъ. Вдали—сѣроватая мгла...
Далеко,—и не зная куда,—вы плывете, родные,
Отъ родной стороны васъ нужда погнала.
    Не кормила земля,—голодали вы дома не мало,
Тяжелѣе жилось, чтò ни годъ...
Вы страдали покорно, но силы ужъ, видно, не стало
Выносить эту тяжесть безсмѣнныхъ невзгодъ.
    И вы бросили ниву свою и деревню родную—
И пошли... А куда?—За моря, далеко...
За моря, далеко, услыхавши про землю иную,
Гдѣ синѣютъ поля широко.
    Дѣти плачутъ... А волны бушуютъ сѣдыя,
Небо въ тучахъ. Вдали—сѣроватая мгла.
Далеко,—и не зная куда,—вы плывете, родные...
Но за вами не гонятся-ль призраки зла?!..

Н. Шрейтеръ.

Образовательный цензъ уѣздныхъ властей въ земскихъ губерніяхъ.

(Статистическая замѣтка).

Помѣстивъ въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Богатства" за прошлый годъ замѣтку объ образовательномъ цензѣ земскихъ начальниковъ, мы, пользуясь тѣмъ же источникомъ *), предлагаемъ теперь вниманію читателей нѣкоторыя свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ уѣздныхъ властей, подразумѣвая подъ послѣдними уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ и исправниковъ. Думаемъ, что полученныя нами данныя не безъинтересны для характеристики современной образованности русскаго общества въ лицѣ наиболѣе дѣятельныхъ по служебному положенію руководителей административной и общественной жизни нашей провинціи. Въ цѣляхъ бóльшей однородности данныхъ мы ограничились только однѣми земскими губерніями.

Земскія учрежденія имѣются у насъ въ настоящее время въ 359 уѣздахъ слѣдующихъ 34 губерній: Бессарабской (7), Владимірской (13), Вологодской (10), Воронежской (12), Вятской (11), Екатеринославской (8), Казанской (12), Калужской (11), Костромской (12), Курской (15), Московской (13), Нижегородской (11), Новгородской (11), Олонецкой (7), Орловской (12), Пензенской (10), Пермской (12), Полтавской (15), Псковской (8), Рязанской (12), Самарской (7), С.-Петербургской (8), Саратовской (10), Симбирской (8), Смоленской (12), Таврической (8), Тамбовской (12), Тверской (12), Тульской (12), Уфимской (6), Харьковской (11), Херсонской (6), Черниговской (15), Ярославской (10). (Въ скобкахъ показано количество уѣздовъ каждой губерніи).

Дворянскихъ сословныхъ учрежденій нѣтъ въ губерніяхъ:

---

*) Списокъ лицъ, служащихъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ въ губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ на 1901 годъ, исправленный по 20 апрѣля. Часть II. Спб. 1901.

Вятской, Пермской, Олонецкой и въ семи уѣздахъ Вологодской. Кромѣ того, четыре уѣзда Казанской губерніи и одинъ уѣздъ Уфимской не имѣютъ отдѣльныхъ предводителей дворянства, а соединены въ отношеніи предводительства съ другими сосѣдними уѣздами. Такимъ образомъ, общее число уѣздныхъ предводителей дворянства въ земскихъ губерніяхъ равно 317. Ко времени составленія списка въ восьми уѣздахъ предводительскія мѣста были вакантны и одинъ предводитель (по Курской губерніи) въ спискѣ пропущенъ. Изъ наличнаго числа 308 предводителей получили образованіе:

домашнее	16	
въ частныхъ пансіонахъ и училищахъ	5	
выдержалъ экзаменъ на 1-й чинъ	1	
на вольноопредѣляющагося 3 разряда	1	
въ уѣздныхъ училищахъ	10	
въ школѣ межевыхъ топографовъ	1	
въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ гимназіяхъ	25	(одинъ курса не кончилъ).
въ реальныхъ училищахъ	3	
въ гимназіяхъ	31	(19 курса не кончило).
въ пажескомъ корпусѣ	16	
въ юнкерскихъ училищахъ	44	
въ военныхъ училищахъ	18	
въ академіи художествъ	1	
въ университетахъ	81	(5 курса не кончило).
въ училищѣ правовѣденія	10	
въ александровскомъ лицеѣ	16	(2 курса не кончило).
въ лицеѣ Николая	3	
въ институтѣ путей сообщенія	3	(одинъ курса не кончилъ).
въ технологическомъ институтѣ	1	
въ рижскомъ политехникумѣ	1	
въ горномъ институтѣ	2	
въ лѣсномъ »	1	
въ военно-медицинской академіи	3	
въ демидовскомъ лицеѣ	3	
въ лицеѣ Безбородко	2	
въ лазаревскомъ институтѣ	1	
въ бывшей петровской академіи	2	
въ академіи генеральнаго штаба	2	
въ военно-юридической академіи	1	
неизвѣстно	4	

Группируя эти цифры по разрядамъ учебныхъ заведеній на низшія, среднія и высшія, и приравнивая неоконченное среднее образованіе низшему, а неоконченное высшее среднему, мы получаемъ такой выводъ: домашнее и низшее образованіе получено 54 предводителями (17,76%), среднее —126 (41,44%), высшее—124 (40,79). Спеціально военное образованіе получено 91 лицомъ (26,64%).

Изъ 359 мѣстъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ

19 мѣстъ по списку были вакантны. Кромѣ того, вѣроятно, по недосмотру, въ списокъ совсѣмъ не включены 8 предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ С.-Петербургской губерніи. Объ остальныхъ 332 имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

съ домашнимъ образованіемъ . .	19	
въ частныхъ пансіонахъ и училищахъ	6	
выдержалъ экзаменъ на 1 чинъ .	1	
на вольноопредѣляющагося 3 разряда	2	
въ уѣздныхъ училищахъ	19	
въ школѣ межевыхъ топографовъ.	2	
въ духовныхъ училищахъ	1	
въ низшихъ земледѣльческихъ . .	4	
въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ гимназіяхъ	17	(одинъ курса не кончилъ).
въ реальныхъ училищахъ	14	(2 курса не кончило).
въ гимназіяхъ	59	(27 курса не кончило).
въ среднихъ техническихъ . . .	2	
въ духовныхъ семинаріяхъ . . .	10	(3 курса но кончило).
въ коммерческомъ училищѣ . . .	2	(одинъ курса не кончилъ).
въ военно-аудиторской школѣ . .	1	
въ пажескомъ корпусѣ	3	
въ юнкерскихъ училищахъ . . .	31	
въ военныхъ училищахъ	23	(одинъ курса не кончилъ).
въ межевомъ институтѣ	1	
со степенью провизора	1	
въ учительскомъ институтѣ . . .	1	
въ университетахъ	71	(6 курса не кончило).
въ училищѣ правовѣденія	2	
въ александровскомъ лицеѣ . . .	2	
въ лицеѣ Николая	1	
въ институтѣ путей сообщенія. .	2	
въ технологическомъ	3	(2 курса не кончило).
въ московскомъ техническомъ училищѣ	3	
въ рижскомъ политехникумѣ . .	1	
въ горномъ институтѣ	1	
въ лѣсномъ »	1	
въ ветеринарныхъ институтахъ .	3	
въ военно-медицинской академіи .	3	
въ демидовскомъ лицеѣ	3	
въ лицеѣ Безбородко	2	
въ лазаревскомъ институтѣ . . .	1	(курса не кончилъ).
въ бывшей петровской академіи .	3	
въ академіи генеральнаго штаба .	1	
въ военно-юридической академіи .	1	
неизвѣстно	9	

Группируя полученныя цифры, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, получаемъ: среди предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ получило домашнее и низшее образованіе 89 человѣкъ (27,52%), среднее—139 (43,03%) и высшее—95 (29,41%); спеціально военное образованіе у 75 человѣкъ (23,22%).

1*

Изъ 359 мѣстъ исправниковъ по списку значатся только двѣ вакансіи, 357 наличныхъ исправниковъ получило образованіе:

домашнее	31	
въ частныхъ пансіонахъ	9	
выдержало на 1 чинъ	5	
на вольноопредѣляющагося 3 разряда	1	
въ уѣздныхъ училищахъ	103	
въ низшихъ лѣсныхъ	2	
въ низшей военной школѣ	1	
въ школѣ гвардейскихъ берейторовъ	2	
въ школахъ межевыхъ топографовъ	7	
въ духовныхъ училищахъ	21	(2 курса не кончили).
въ низшихъ земледѣльческихъ	1	
въ кадетскихъ корпусахъ и гимназіяхъ	19	(4 курса не кончили).
въ реальныхъ училищахъ	1	(курса не кончилъ).
въ гимназіяхъ	51	(38 курса не кончило).
въ духовныхъ семинаріяхъ	22	(13 курса не кончило).
въ военно-фельдшерскихъ школахъ	2	
въ юнкерскихъ училищахъ	48	
въ военныхъ училищахъ	19	(3 курса не кончили).
въ межевомъ институтѣ	1	
выдержалъ экзаменъ на званіе народнаго учителя	1	
въ университетахъ	3	(одинъ курса не кончилъ).
въ лицеѣ Николая	2	(одинъ курса не кончилъ).
въ горномъ институтѣ	1	
въ ветеринарномъ	1	
въ демидовскомъ лицеѣ	1	
въ лицеѣ Безбородко	1	
неизвѣстно	1	

Высчитывая, какъ и прежде, мы узнаемъ, что 242 исправника (67,98%) получило домашнее и низшее образованіе,—105 среднее (29,49%) и 7 высшее (1,96%), спеціально военное у 91 (25,66%).

Для бо́льшей наглядности полученныхъ результатовъ мы соединяемъ вычисленныя процентныя отношенія въ слѣдующей таблицѣ:

	высшее	среднее	низшее	военное
предводители	40,79	41,44	17,76	26,64
предсѣдатели	29,41	43,03	27,52	23,22
исправники	1,96	29,49	67,93	25,66

У насъ нѣтъ данныхъ для сравненія полученныхъ результатовъ ни съ положеніемъ этого дѣла въ государствахъ западной Европы, ни съ положеніемъ его въ прошлыя времена въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, глядя на эти цифры, можно и теперь сказать, что „мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь, да какъ-нибудь“, какъ понемногу, чему-нибудь, да какъ-нибудь учились наши

предки во времена Онѣгина. Первенствующее въ государствѣ сословіе не въ состояніи выставить изъ среды своей достаточнаго количества лицъ, хотя бы съ однимъ законченнымъ среднимъ образованіемъ для той „помѣстной“ службы, о наслѣдственной яко бы принадлежности которой дворянству не устаютъ твердить наши реакціонные органы. (У земскихъ начальниковъ по предыдущей статьѣ образовательный цензъ 30,80% высш., 52,73—сред. и 11,87—низш.). Нужно быть очень большимъ поклонникомъ наслѣдственности, чтобы признавать способность „помѣстной“ службы прирожденнымъ качествомъ дворянина. Если и говорятъ, что caesaribus virtus venit ante diem, то есть и другая пословица, которая утверждаетъ, что и caesar non supra grammaticos...

Если таковы условія нашей образованности для дворянства, которому сильно облегчены всѣ пути для „всеобщаго обученія“, то нѣтъ ничего удивительнаго, что среди предсѣдателей земскихъ управъ,—хотя по нынѣшнему земскому положенію и преимущественно, но не исключительно состоящихъ изъ дворянъ, — и исправниковъ образовательный цензъ стоитъ еще ниже. Во всякомъ случаѣ намъ, повидимому, еще не особенно грозитъ призракъ перепроизводства образованныхъ людей, — призракъ, который временами такъ сильно безпокоитъ черезчуръ осторожныхъ людей изъ лагеря консерваторовъ.

Наши цифры не даютъ отвѣта на вопросъ, отчего же такъ невысокъ, въ общемъ, образовательный цензъ представителей сословной, общественной и административной власти въ провинціи. Причинъ этому много, но на одну изъ нихъ можно, кажется, указать, пользуясь и нашимъ матеріаломъ.

Нельзя не обратить вниманія на большія цифры не окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ. Въ нашихъ случаяхъ процентъ неокончившихъ достигаетъ почти 60. Ни одно учебное заведеніе не даетъ такого высокаго процента. Въ дѣйствительности процентъ этотъ, пожалуй, и еще выше: 60% это только тѣхъ, которые, оставивъ гимназію, не продолжали дальнѣйшаго образованія, но вѣдь многіе изъ оставившихъ могли поступать, да и поступали, вѣроятно, въ другія учебныя заведенія (напр., въ юнкерскія училища, не окончить которыя, если судить по списку, кажется, такъ же трудно, какъ легко „вылетѣть“ изъ гимназіи). Составляя наиболѣе распространенный типъ средней школы, дающей доступъ къ высшему образованію, гимназіи въ теченіе тридцатилѣтняго толстовскаго лжеклассическаго режима не столько, кажется, служили цѣлямъ образованія, сколько препятствовали ему, изгоняя своихъ воспитанниковъ и загораживая имъ дорогу въ высшія учебныя заведенія. Не будь у насъ такихъ гимназій, легко могло случиться, что мы имѣли бы теперь другіе, болѣе высокіе цензы нашей образованности.

М. К.

Новыя книги.

А. Яблоновскій. Очерки и разсказы. Харьковъ 1902 г.

Нѣкоторый просвѣтъ, образовавшійся въ недавнее время въ вопросахъ, связанныхъ съ организаціей средней школы, привелъ въ движеніе довольно сильную литературную струю. Въ ней излилось копившееся многіе годы безъ исхода раздраженіе противъ господствующей школьной системы. Можно сказать, что тема о школѣ стала очередною въ печати, и столбцы общей и спеціальной прессы были посвящены минувшей зимою шлифованію различныхъ деталей школьнаго вопроса. Естественно, что и художественная литература не могла не отразить на себѣ измѣнившихся нѣсколько общихъ условій въ сферѣ вопросовъ средней школы, и въ органахъ періодической прессы стали появляться беллетристическія произведенія, или всецѣло посвященныя обличенію школьныхъ недостатковъ, или съ построенною на этихъ недостаткахъ фабулой. Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ и главный изъ помѣщенныхъ въ разбираемой книжкѣ очерковъ—„Изъ гимназической жизни".

Г. Яблоновскій описываетъ гимназію большого южнаго города. Это не медвѣжій уголъ съ ограниченнымъ кругомъ людей, съ ограниченными интересами. И низы, и верха въ этомъ городѣ открыты для воздѣйствія общихъ теченій, и маленькій міръ гимназическихъ отношеній заключаетъ въ себѣ ту плоскость, въ которой соприкасаются живыя движенія низовъ съ укротительными тенденціями верхняго слоя. Въ гимназіи г. Яблоновскаго нѣтъ той замороженной рутины, которую и въ былое время неоднократно выводили въ литературѣ. Просвѣщеніе коснулось обѣихъ сторонъ: ведется борьба, съ одной стороны, за огражденіе святынь юности, а съ другой—за разрушеніе этихъ святынь и за внѣдреніе уваженія къ уставу благочинія. Въ очеркѣ г. Яблоновскаго не обойдена, пожалуй, ни одна изъ аномалій гимназіи, какъ воспитательнаго заведенія, на которыя указывалось въ печати за послѣдній годъ. Быть можетъ, даже слишкомъ сгущена, сдѣлана слишкомъ безпросвѣтною мертвенность гимназическаго режима,—но такова и была задача автора. У него всѣ тѣни на одной сторонѣ, весь свѣтъ—на другой, и тѣмъ не менѣе художественная правда разсказа отъ этого не страдаетъ. Его герои гимназисты ведутъ непрерывную борьбу съ стремящимся изуродовать ихъ режимомъ и выходятъ побѣдителями, только покидая гимназію. И вотъ какая это „побѣда":

«...Въ воротахъ показалась фигура Харченки, торопившагося къ раздачѣ аттестатовъ. Появленіе стариннаго, многолѣтняго врага точно шиломъ укололо гимназистовъ: они какъ-то въ одинъ мигъ подтянулись, сжались и приняли оборонительную позу.

— Господа, не кланяться!

— Чтобы ни одинъ подлецъ не снялъ шапки!—зашептали бывшіе ученики и, развалившись на бревнахъ въ самыхъ независимыхъ позахъ, исподлобья, тяжелымъ взглядомъ ненавидящихъ людей смотрѣли на того самаго человѣка, котораго судьба на цѣлыхъ восемь лѣтъ дала имъ въ учителя и наставники и который сумѣлъ отравить ихъ молодыя души непримиримой ненавистью и зажечь въ ихъ молодомъ сердцѣ одну только злобу и презрѣніе.

А Харченко, сразу почуявъ демонстрацію, едва замѣтно усмѣхнулся своей кривой улыбкой и пристально поглядѣлъ на бывшихъ учениковъ своими острыми стальными глазами. Повидимому, онъ разсчитывалъ, что гимназисты не устоятъ передъ его взглядомъ и что хоть одинъ да встанетъ и сниметъ шляпу. Но ни одна рука не потянулась къ фуражкѣ и гимназисты сидѣли, какъ пришитые.

А когда аттестаты были розданы и гимназисты вышли на улицу, одинъ изъ нихъ крикнулъ:

— Господа! мы въ послѣдній разъ переступаемъ порогъ этого заведенія! Отряхнемъ же прахъ отъ ногъ своихъ. Тряси, ребята, лѣвую!...

Взрывъ дружнаго, единодушнаго хохота встрѣтилъ это оригинальное предложеніе и тридцать ногъ, точно по командѣ, поднялось и замелькало въ воздухѣ.

— Пра-вую!—командовалъ дальше Савицкій.

Проходившая публика съ изумленіемъ останавливалась вокругъ странныхъ молодыхъ людей, старательно отряхивавшихъ свои ноги, и долго не могла понять, въ чемъ дѣло...

Прочтя очеркъ г. Яблоновскаго, можно, пожалуй, удивиться: какъ эти юноши могли сохранить душевную чистоту, проведя по восьми лѣтъ въ смрадной атмосферѣ гимназіи. Авторъ и здѣсь не грѣшитъ, однако, противъ художественной правды: у его гимназистовъ есть свой міръ товарищескихъ отношеній, развивающій въ нихъ лучшія качества и укрѣпляющій ихъ въ борьбѣ противъ того врага, который давилъ ихъ въ гимназіи и будетъ давить послѣ нея. И условія большого города взяты авторомъ въ соотвѣтствіи съ общей задачей: внѣшнія вліянія на его героевъ многообразнѣе, въ темный мірокъ гимназіи проникаетъ больше свѣта извнѣ, сильнѣе контрастъ между этимъ мірком и наружнымъ просторомъ. Гимназисты чувствуютъ и сознаютъ эту огромную разницу и не поддаются растлѣвающему вліянію своей школы; за то они вырабатываютъ въ себѣ такія свойства, которыя абсолютно принято считать дурными, но которыя одни только и спасаютъ ихъ отъ порчи. Самые добродѣтельные изъ героевъ г. Яблоновскаго—прекрасные юноши, цѣльныя натуры—являются первѣйшими лгунами передъ своимъ гимназическимъ начальствомъ. Авторъ вывелъ, впрочемъ, одного юношу, который даже

въ гимназіи не можетъ лгать, но это самая мертвая фигура въ разсказѣ.

Въ задачу автора не входило, впрочемъ, описывать какихъ-нибудь исключительныхъ людей, разсказывать о торжествующемъ порокѣ и угнетенной добродѣтели. Если его гимназисты—цѣльные, хорошіе юноши, вызывающіе живое сочувствіе читателя, то это просто потому, что они молоды и жизнерадостны, а жизнерадостная молодость всегда привлекаетъ къ себѣ симпатію. И въ другомъ лагерѣ у г. Яблоновскаго нѣтъ черныхъ злодѣевъ, отъ исключительныхъ пороковъ которыхъ зависѣла бы неприглядная школьная обстановка. Авторъ умѣло обошелъ и то и другое: распредѣленіе свѣта и тѣни у него не является частнымъ случаемъ, источники ихъ лежатъ далеко внѣ рамокъ нарисованной картины...

Другіе разсказы этой книжки, помѣщавшіеся въ различное время въ періодическихъ изданіяхъ, написаны не менѣе талантливо и сильно, чѣмъ первый очеркъ. Въ большинствѣ изъ нихъ—какъ, напр., „Нухимъ“, „Удружилъ“, „Завѣтная мечта“—такъ-же просвѣчиваетъ полоса, раздѣляющая два противоположныхъ лагеря. Безъ утрировки, но достаточно сильными тонами, авторъ иллюстрируетъ треніе между общественными слоями, происходящее отъ поступательнаго культурнаго движенія.

К. Лавриченко. Вѣра въ жизнь. Шестидесятые годы. Ром. въ двухъ частяхъ. Письмо къ автору М. Салтыкова. Изъ письма къ автору И. Аксакова. Юбилей нашего вѣщаго слова. Обѣщаніе К. Кавелина. Обѣщаніе А. Суворина. Спб. 1902.

На обложкѣ этой книги есть еще надпись: „Юбилейное изданіе (1875—1900) пересмотрѣнное“. Очевидно, предъ нами какая-то интересная загадка, и чтобы вскрыть ея рѣшеніе, развертываемъ книгу на „Юбилеѣ нашего вѣщаго слова“. „Не въ бранныхъ доспѣхахъ,—пишетъ авторъ,—не при боевомъ оружіи, но и не съ вѣткою оливы въ рукахъ собираемся мы нынѣ постоять за себя...“ „Романомъ „Вѣра въ жизнь“ мы предстали предъ критикою и читателемъ отъ своего лица, не заимствуясь со стороны ни предварительнымъ одобреніемъ, ни предстательствомъ, не помѣстивши романа, какъ это обыкновенно дѣлается, въ одномъ изъ періодическихъ изданій и не публикуя отзывовъ М. Салтыкова-Щедрина и И. Аксакова...“ „Критики ждали мы тщетно...“ „Насъ замолчали“.

Переворачиваемъ двѣ страницы назадъ. Въ письмѣ къ автору М. Е. Салтыкова, послѣдній заявляетъ, что, не имѣя въ рукахъ полнаго романа, не считаетъ возможнымъ печатать присланную главу, которая „сама по себѣ имѣетъ несомнѣнныя литературныя достоинства“. Далѣе, въ *выдержкѣ* изъ письма И. С. Аксакова

значится, что „Воробьиная ночь“ „обличаетъ въ авторѣ сильный талантъ“.

Обращаемся опять къ статьѣ „Юбилей нашего вѣщаго слова“: „Романъ „Вѣра въ жизнь“—сама сердечная честность: не низводится въ немъ до уровня смѣшныхъ существъ старшее поколѣніе; не вводится въ почетную ложу молодежь; не увѣнчивается незаслуженнымъ пока еще вѣнцомъ прекрасная половина рода человѣческаго. Sui cuique!..“ „Какъ ни осязательна истинность вдохновенія въ написанномъ, авторъ съ суетною гордостью приподнялся изъ своей скромной оболочки (?), получивши отъ И. С. Аксакова утвержденіе въ званіи „сильнаго таланта“. Передъ всѣми прочими мы стали отмѣченный человѣкъ! Еще болѣе высокій авторитетъ, М. Салтыковъ (Щедринъ), казалось, окончательно поставилъ положеніе наше на твердую точку... Но... Отверстая яма, незасыпанная могила взяла наше дѣтище въ свою темную безвѣстность.—Насъ замолчали...“

„И вотъ,—говорится далѣе,—въ настоящее время мы опять выходимъ на людской рынокъ съ своимъ литературнымъ дѣломъ, празднуя самъ-другъ никѣмъ и ничѣмъ не увѣнчиваемый четвертьвѣковый юбилей нашего „вѣщаго слова...“ „Вѣрьте въ жизнь!—выкликаетъ далѣе г. Лавриченко, — она велика, всеобъемлюща, всеразрѣшающа. Она и вѣщая. Пророческимъ видѣніемъ взошла она къ намъ и выговорила черезъ насъ свои прозрѣнія. Черезъ насъ она сказала: „вотъ люди, которые идутъ заказными путями Одни „вопрошающіе“ и съ ними и при нихъ „Иванъ Юродивый“; другіе всеумаляющіе, издѣвательствомъ ближняго погоняющіе, мнящіе себя старше всѣхъ, выше самой святыни,—и при нихъ и съ ними „Алена Полуумная“. И еще вотъ — филинъ... Таковы эти люди и таковы ихъ дѣла, которыя нынѣ видимъ исполнившимися, лежащими въ готовности, какъ раскрытая книга... Вотъ что мы сказали болѣе двадцати пяти лѣтъ, открыто, въ печати, и вотъ чего не хотѣли ни оцѣнить, ни понять наши книжники! Рабыничи!“

Кажется, этихъ выписокъ вполнѣ достаточно, чтобы просвѣтить читателя насчетъ причинъ появленія этого „юбилейнаго изданія“; достаточно разъясняютъ онѣ и загадку, заданную обложкою книги. Мы дѣлаемъ все зависящее отъ насъ, чтобы еще черезъ 25 лѣтъ, празднуя полувѣковой юбилей своего „вѣщаго слова“, г. Лавриченко не имѣлъ повода обвинять насъ въ замалчиваніи его произведенія. Что же касается самой книги, то мы затрудняемся оцѣнить ее по достоинству, предоставляя сдѣлать соотвѣтствующую оцѣнку критикамъ въ 1927 году.

Если бы еще авторъ не дѣлалъ своего страшнаго предисловія, то мы разсказали бы, что описывается въ книгѣ рядъ людей, жившихъ въ шестидесятыхъ годахъ въ одной изъ малороссійскихъ губерній и страдавшихъ поголовно душевнымъ разстройствомъ. Мы привели бы и доказательства:

Чакова отъ нечего дѣлать жгла спички.
— Черноморъ!
Явился Карла.
— Убери!
Карла наклонился подбирать спички.
— Еще одна!—указывала она концомъ ботинка на догоравшую спичку.
Карла протянулъ къ ней свою ручонку.
Чакова придавила эту ручонку такъ сильно, что у того появились слезы.
— Больно?
Карла молчалъ.
— Отвѣчай!
Карла молчалъ.
— Отвѣчай же!—Александра Павловна топнула.
— Больно, сударыня.
— Для миру, нарисуй усы!

Или вотъ еще:

Каругинъ ворочался, не спалъ; спать ему не давали разныя игривости; наконецъ, и онъ заснулъ, но сномъ тяжелымъ, какъ подъ грозу... Было что-то неумолимое и лютое у изголовья его кровати, у его ногъ и во всей его комнаткѣ. Распростертый навзничь, весь въ поту, онъ лежалъ безъ одѣяла и безъ простыни, какъ бы уже вполнѣ отдаваясь расходившейся надъ нимъ жестокой игрѣ... Каругинъ всталъ и сѣлъ на краю кровати. Онъ думаетъ, что спитъ и сонъ видитъ. Но сонные не ходятъ, а онъ всталъ и пошелъ взглянуть на спящіе глаза матери.

Глазъ матери онъ не находилъ, хотя найти и взглянуть ихъ дѣло меньше минуты. Свѣчка трещитъ и чуть не гаснетъ; онъ даетъ ей стечь и опять ищетъ глазъ матери и опять кромѣ пересѣкающихся морщинъ ничего не находитъ. Свѣча затрещала сильнѣе прежняго, вспыхнула и погнала отъ себя горящія точки; одна изъ нихъ попала на лицо матери. И лицо это вдругъ засвѣтлѣло широко открывшимся одинокимъ глазомъ; отъ сильнаго свѣта или съ перепугу на немъ забѣгали зеленые огоньки; глазъ, казалось, не смотрѣлъ, а качался на мягкой подставкѣ... Полчаса нѣмого изумленія, испуга и ужаса. И это съ обѣихъ сторонъ...

Но г. Лавриченко, очевидно, иначе, чѣмъ мы, смотритъ на дѣйствующихъ лицъ своего романа: намъ они кажутся помѣшанными, а ему—идеальными героями.

Владиміръ Абровъ. Овчининъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ изъ средне-азіатской жизни. Спб. 1902 г.

Не знаемъ, первое-ли это произведеніе г. Аброва, или же онъ дебютировалъ въ литературѣ раньше. Имя его (или псевдонимъ) во всякомъ случаѣ незнакомо намъ, и тѣмъ съ большимъ любопытствомъ мы приступили къ чтенію этого объемистаго романа, появленіе котораго представляется довольно исключительнымъ въ наше время „пробъ пера“ на мелкихъ литературныхъ бездѣлушкахъ. Фонъ романа—средне-азіатская жизнь—уже самъ по себѣ представляетъ значительный интересъ: литература мало пользовалась до сихъ поръ обстановкою русской колоніи, гдѣ инстинкты обывателя встрѣчаютъ иныя условія для своего проя-

вленія, чѣмъ въ коренной Россіи, гдѣ соціальныя отношенія складываются нѣсколько иначе, а индивидуальныя качества получаютъ больше простора.

Г. Абровъ въ своемъ романѣ не поставилъ, однако, какой нибудь одной опредѣленной задачи. Онъ, очевидно, знакомъ съ окраинною жизнью, какъ и его герой Овчининъ, по кратковременной службѣ тамъ, увидѣлъ кое-какихъ людей, набрался кое-какихъ впечатлѣній отъ тамошней природы, а потомъ придумалъ нехитрую фабулу и сѣлъ писать романъ. Кромѣ того, у г. Аброва бродили въ головѣ еще раньше мысли о судьбахъ родины, о путяхъ ея дальнѣйшаго историческаго развитія—онъ и это кстати вмѣстилъ въ рамки своего романа. Овчининъ вовсе не олицетворяетъ собою желательнаго, съ точки зрѣнія автора, отношенія русскаго человѣка къ вопросу о колоніальномъ расширеніи въ глубь Азіи или чего нибудь подобнаго. Просто пріѣхалъ человѣкъ въ городъ N. послужить, повертѣлся тамъ среди культурныхъ дикарей, испыталъ любовное приключеніе, натолкнулся на непріятности—и поѣхалъ прочь. Оттого все въ этой книжкѣ какъ-то случайно, не связано общимъ намѣреніемъ; это какіе-то путевые очерки съ примѣсью философіи, психологіи и политики, а не романъ.

Для изложенія своихъ мыслей въ области „внутренней политики“ авторъ включилъ въ персонажъ ссыльнаго офицера, обозленнаго, но не укротившагося и не утратившаго вѣры въ правильность того пути развитія, ради котораго попалъ на окраину. Этотъ офицеръ даетъ много поводовъ герою романа Овчинину изливать свое profession de foi и оказываетъ этимъ большую услугу автору.

«Еще въ пору петербургскихъ пререканій съ Глуховымъ Овчинину почему-то казалось, что въ дѣлѣ этой партіи заключалось что-то неладное, что-то прикрытое, что-то вовсе ужъ не такое святое, какъ выставляли ея приверженцы, но что именно—онъ тогда не могъ себѣ уяснить... Но съ тѣхъ поръ порядочно воды утекло и цѣною долгихъ думъ и соображеній онъ пришелъ къ ясному и окончательному выводу: онъ утверждаетъ, что все наше подпольное движеніе, особенно въ семидесятыхъ годахъ, въ существѣ своемъ было нечто иное, какъ походъ плебейства за властью, походъ разночинцевъ-аргонавтовъ за золотымъ руномъ. Своекорыстный походъ—и ничего больше».

Всѣ эти мысли герой романа могъ излагать не только въ средней Азіи, но и въ любомъ иномъ уголкѣ имперіи. Бесѣды на ту же тему могли бы вестись и въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, независимо отъ мѣста, по которому ѣдетъ поѣздъ. А между тѣмъ онѣ составляютъ, по числу страницъ, довольно существенную часть книги. Въ самомъ Глуховѣ, идейномъ противникѣ героя романа, сосредоточивается психическая борьба, которая опять таки никакого отношенія къ географіи не имѣетъ. Нѣсколько

болѣе характерными для окраины являются романическія приключенія, центромъ которыхъ служитъ мѣстная львица Калюжина; но если поискать, то и такихъ дамъ, и такихъ приключеній сыщется немало повсюду. Соціальная среда, въ которой происходитъ дѣйствіе романа, обрисована вскользь: поставлены кой-какія фигуры, пожалуй, и типичныя для тѣхъ мѣстъ, но не связанныя никакимъ общимъ фономъ, который показалъ бы, что эти типы не случайное собраніе курьезовъ, а нѣкоторое соціальное явленіе, имѣющее свои корни въ общихъ условіяхъ не одной только колоніальной жизни.

Пусть герои романа живутъ хоть на лунѣ—въ этомъ можетъ быть свой смыслъ, если автору необходимо изолировать ихъ, поставить внѣ условій обыденнаго существованія, чтобы тѣмъ ярче выразить опредѣленную идею. Но безъ всякой надобности закидывать ихъ хотя бы и въ Азію не годится. Если же автора просто тяготилъ имѣвшійся въ головѣ и въ дневникахъ матеріалъ и ему стало необходимымъ разрѣшиться отъ этого бремени—ужъ пусть бы онъ лучше и описывалъ путевыя впечатлѣнія или же далъ бы нѣсколько недлинныхъ очерковъ, не связанныхъ никакой общею фабулой. А романа этого писать, право, не стоило

Вас. Брусянинъ. Разсказы. М. 1902.

Странное впечатлѣніе производитъ эта книжка; въ каждомъ почти разсказѣ г. Брусянина заключается много драматическихъ элементовъ, а между тѣмъ, самой драмы нѣтъ, и читатель не проникается тѣмъ настроеніемъ, которое хотѣлъ сообщить ему авторъ. Разсказы эти коротенькіе: на двухстахъ съ небольшимъ страницахъ ихъ девять. Естественно, что разъ выбрана такая форма, то въ каждомъ разсказѣ долженъ быть одинъ центральный моментъ и въ немъ сосредоточена идея. Беретъ ли авторъ контрастъ между сытымъ мѣщанствомъ и тоскливой нуждою—достаточно, для короткаго расказа, выбрать одинъ конфликтъ и воспользоваться всѣми красками палитры для его изображенія. Между тѣмъ, г. Брусянинъ оставляетъ главныя части разсказа невыписанными, неопредѣленными, и вводитъ совершенно одноначущія съ главнымъ моментомъ детали, которыя оттушевываетъ слишкомъ тщательно; вслѣдствіе этого въ разсказѣ получается отсутствіе логической перспективы, и идея, вмѣсто того, чтобы проникнуть отточеннымъ остріемъ въ душу читателя, стукаетъ его слегка тупою поверхностью. Вотъ, напримѣръ, разсказъ „Проводы Лидочки“. Молодая дѣвушка изъ унылой провинціальной семьи уѣзжаетъ въ столицу на курсы, оставляя дома старика-отца въ обществѣ меланхолической старшей дочери и идіота сына. Для нея все въ будущемъ, и въ жертву этому будущему она приноситъ то тепло и тотъ свѣтъ, которые вносила своимъ

присутствіемъ въ тоскливую домашнюю обстановку. И разсудочное сочувствіе къ покидаемому отцу не въ силахъ побороть ея жизнерадостнаго молодого веселья. Тема трогательная, содержательная и рисующая обычную драму житейскихъ отношеній. Но все впечатлѣніе отъ этого разсказа расплывается въ слишкомъ детальныхъ описаніяхъ отдѣльныхъ лицъ, въ попыткѣ изобразить міропониманіе дурачка сына и въ массѣ ненужныхъ растянутыхъ деталей. Въ другомъ разсказѣ „Послѣ обѣда" темою служитъ недоступность сытаго мѣщанскаго довольства чужому горю. Здѣсь опять безъ мѣры растянутое описаніе того, какъ помѣщикъ Хвостовъ наслаждался въ обществѣ становаго пристава и судебнаго слѣдователя благами жизни, проявляя крайнюю черствость къ бѣднякамъ крестьянамъ, съ которыми у него выходили столкновенія. Лишніе персонажи, лишніе эпизоды и въ этомъ разсказѣ совершенно притупляютъ впечатлѣніе.

Лучше другихъ послѣдній разсказъ „Капустные головы". Не смотря на то, что идея этого разсказа гораздо болѣе груба, чѣмъ въ „Проводахъ Лидочки", благодаря простому отсутствію нѣкоторыхъ изъ указанныхъ недостатковъ изложенія, онъ производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе. Вообще намъ кажется, что г. Брусянинъ освободится со временемъ отъ чрезмѣрной расплывчатости въ изображеніи интересующихъ его моментовъ; что же касается литературнаго вкуса, чутья и наблюдательности, то они несомнѣнно имѣются у автора.

О. Всеволодская. Разсказы. Въ пользу нижегородскаго народнаго дома. Н.-Новгородъ, 1902.

Эта небольшая книжечка наполнена очерками, разсказами, картинками съ натуры и фантазіями, удивительно напоминающими дамскую „домашнюю" живопись на фарфорѣ или на шелку. Также все наивно, шаблонно и условно, съ аляповатыми фигурками и штрихами, также сантиментально и скучно, какъ какая-нибудь вышитая кривоногими амурами подушка или разрисованный мотыльками и розанами бюваръ. Нѣсколько любовныхъ qui pro quo, какія можно найти въ любомъ водевилѣ, нѣсколько душевныхъ терзаній изъ французской мелодрамы, да еще немножко людского горя, разсматриваемаго сквозь стекла золотой лорнетки сердобольной дамы—и готовъ сборникъ разсказовъ въ пользу народнаго театра.

„Подъ знаменемъ науки". Юбилейный сборникъ въ честь Н. И. Стороженка. Изданный его учениками и почитателями. Москва, 1902.

Было бы вѣрнѣе: *Подъ знаменемъ гуманности.* Знамя чистой науки—высокое знамя, но оно привлекаетъ не толпы, а единицы. Какъ ни безспорны и значительны научныя заслуги уважаемаго

юбиляра, онѣ не собрали бы вокругъ его имени такой дружной и многочисленной группы почитателей, если бы жизненнымъ нервомъ его дѣятельности была одна наука.

Сборникъ удался вполнѣ. Онъ превосходно отражаетъ тѣ научные интересы и тѣ гуманитарныя настроенія, которыя возбуждалъ въ своихъ ученикахъ Н. И. Стороженко. Широта и многообразіе были ихъ отличительнымъ признакомъ, и потому въ содержательномъ сборникѣ всякій читатель, профанъ, равно какъ спеціалистъ, найдетъ что-нибудь интересное. Здѣсь есть и лирика, и библіографія, отдѣльныя литературныя справки и цѣлыя небольшія монографіи, воспоминанія и изслѣдованія; есть даже немножко философіи и физіологіи (статья И. М. Сѣченова); такъ или иначе затронуты чуть не всѣ европейскія литературы. Отечественной словесности отведено, разумѣется, наиболѣе видное мѣсто, и характерно, что въ ней большинство статей посвящено дѣятелямъ русскаго общественнаго освобожденія—Огареву (*Некрасова*, отрывокъ изъ біографіи, *Мендельсонъ*—воспоминанія бывшаго крѣпостного объ Огаревѣ), Радищеву (*В. Е. Якушкинъ*—начало цѣльной біографіи), Тургеневу (воспоминанія г-жи *Хинъ*), Бѣлинскому (*Кирпичниковъ*—объ отношеніяхъ съ Гоголемъ въ связи съ знаменитымъ зальцбургскимъ письмомъ, *Линниченко*—о положеніи Бѣлинскаго въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками). Затронуто кой-что изъ древней русской литературы (Даніилъ Заточникъ проф. *Будде*, повѣсть о воеводѣ Евстратіи г. *Сакулинымъ*) и изъ новой (проф. *Архангельскій*—о Баратынскомъ, *Н. А. Котляревскій* объ А. Толстомъ, *В. Н. Шенрокъ*—о Плетневѣ). Въ работахъ изъ исторіи европейскихъ литературъ цѣльныя характеристики посвящены Рескину и Смоллету, Бомарше и Сенъ-Симону, Мицкевичу и Словацкому, второстепеннымъ французскимъ лирикамъ Герену и Жильберу. Среди матеріаловъ, занимающихъ нѣкоторое мѣсто въ сборникѣ, любопытно письмо Загоскина (1852 г.) о злоключеніяхъ, постигшихъ его въ цензурѣ. „Послѣдняя моя комедія въ стихахъ была пропущена безъ всякихъ помарокъ въ цензурѣ собственной канцеляріи Государя Императора, а какъ поступила съ нею Петербургская цензура Министерства Народнаго Просвѣщенія!—Она сдѣлала въ моей несчастной комедіи болѣе пятидесяти помарокъ и поправокъ—и какихъ поправокъ!—вмѣсто: прямой армейщина — прямой *кикимора*, корнетъ названъ *верхолетомъ*, вмѣсто *зѣвающихъ мужей*, напечатано *счастливѣйшихъ мужей*. Подлинно, благочестивая цензура не позволяетъ мужьямъ зѣвать даже тогда, когда имъ скучно". Изъ отдѣльныхъ стиховъ въ комедіи вычеркнуты, напр., такіе: „Всѣ дѣти нынче стары" или: „И если у кого насущнаго нѣтъ хлѣба"... Свѣжо преданіе — и даже слишкомъ свѣжо: полувѣка какъ не бывало. Не лишена интереса попытка г. Шулятикова охарактеризовать отношенія Добролюбова къ

индивидуализму, съ стремленіемъ показать, что въ міровоззрѣніи Добролюбова заключались основныя посылки „двухъ доктринъ, въ которыя вылилась прогрессивная русская общественная мысль шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ — „народничества“ и „субъективной соціологіи“. Свою схему эволюціи русскаго романа представилъ П. Д. Боборыкинъ въ переведенной авторомъ статьѣ изъ „Humanité Nouvelle“. Онъ настойчиво подчеркиваетъ заимствованные мотивы въ русскомъ романѣ, чтобы тѣмъ сильнѣе указать на самостоятельность ихъ обработки; „въ художественномъ творчествѣ самое большое значеніе имѣетъ не то, *что* воспроизводится, а то, *какъ* воспроизводится, и русское *какъ* и есть самое драгоцѣнное наше достояніе, — мы можемъ сказать это безъ всякаго хвастовства“. Здѣсь мы имѣемъ, очевидно, програму будущаго второго тома „Европейскаго романа XIX в.“, посвященнаго исторіи русскаго романа. „Недоразумѣніе“ между русскимъ обществомъ и Гоголемъ, о которомъ „напоминаетъ“ г. Боборыкинъ, кажется, основано на недоразумѣніи. „Литературная критика и масса читателей принимали его долго за борца либеральныхъ идей,—говоритъ г. Боборыкинъ,—навязывали его писательскому дѣлу значеніе діаметрально противоположное его *credo* консерватора-піэтиста“. Кажется, и русскіе критики и русскіе читатели,—своевременно читавшіе „Избранныя мѣста ихъ переписки“—были совсѣмъ не такъ нелѣпы, какъ думается П. Д. Боборыкину. Значеніе — общественное значеніе — „писательскаго дѣла“ Гоголя было, разумѣется, діаметрально противоположно его консервативно-піэтистскому *credo*; за борца либеральныхъ идей—не всегда сознательнаго, но сильнаго художественнымъ значеніемъ своихъ образовъ—съ полнымъ правомъ принимали автора „Ревизора“.

Мы едва затронули часть интереснаго содержанія сборника, не коснувшись любопытныхъ статей по исторіи сюжетовъ (особенно покойнаго Варшера о „Чѣмъ люди живы“), ни художественныхъ переводовъ, ни статей объ отдѣльныхъ произведеніяхъ—Брандеса о „Фаустѣ“, Смирнова о „Донъ-Жуанѣ“, Лютера о „Димитріѣ“ Шиллера. Авторъ послѣдней статьи съ полнымъ правомъ указываетъ на недостовѣрность красиваго Меевскаго перевода; но напрасно онъ повторяетъ одну курьезную ошибку Мея: *Lodoiska*—не фамилія, а имя и потому Lodoiska's Bruder—не Лодойскій, а братъ Лодоиски.

Обширный и основательный очеркъ литературно-научной и общественной дѣятельности заслуженнаго ученаго, которому посвященъ сборникъ, даетъ полную картину его многолѣтней и плодотворной работы. Кромѣ ея общихъ чертъ, возможныхъ и въ другихъ условіяхъ, въ ней есть оттѣнокъ, связанный съ тѣмъ почетнымъ положеніемъ, въ которомъ она производилась: въ ней есть отголосокъ славной традиціи той каѳедры, съ которой училъ

Грановскій. Эта традиція умираетъ—и съ тѣмъ большимъ одушевленіемъ чествуемъ мы тѣхъ, въ комъ она жива хоть въ малой долѣ.

Фагэ. Девятнадцатый вѣкъ. Литературные этюды. Москва. 1901.

Фагэ. Иллюстрированная французская литература. XIX вѣкъ. Спб. 1901.

Поскольку это возможно при одномъ авторѣ и сходныхъ предметахъ, эти двѣ книги поразительно мало похожи другъ на друга. Первая—это вполнѣ самостоятельный по обработкѣ и оригинальный по методу трудъ спеціалиста, желающаго и умѣющаго быть общедоступнымъ въ изложеніи. Какъ всегда, осторожный въ выводахъ, увѣренный въ пріемахъ, точный въ формулировкѣ, лучшій изъ представителей „профессорской" группы, выдвинутой молодою французскою критикою, Фагэ даетъ здѣсь десять литературныхъ изслѣдованій, посвященныхъ десяти выдающимся французскимъ писателямъ прошлаго вѣка. Мы намѣренно назвали статьи, собранныя въ книгѣ Фагэ, изслѣдованіями, а не „литературными характеристиками", какъ это теперь принято, или даже портретами: для этого работы Фагэ слишкомъ положительны, слишкомъ богаты серьезными выводами, которые такъ легко замѣняются въ „портретахъ" импрессіонистскими симпатическими переживаніями и иными матеріалами, не характеризующими никого, кромѣ самого критика. По первому взгляду разнообразіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ Фагэ обсуждаетъ литературную индивидуальность, можетъ показаться незначительнымъ: характеръ и складъ ума, общія и литературныя идеи, пріемы творчества въ цѣлой композиціи и въ деталяхъ разработки—вотъ чуть не всѣ элементы, привлекаемые имъ къ изслѣдованію. Но достаточно углубиться въ любую изъ его работъ, чтобы видѣть, какое богатство оттѣнковъ кроется за этими немногочисленными формальными категоріями. Умѣніе индивидуализировать писателя и каждую особенность его литературнаго достоянія свойственно ему въ высокой степени—и это тѣмъ интереснѣе, что онъ очень мало пользуется для объясненія писателя тѣми данными, которыя представляются ему такъ называемой средой. Въ этомъ ограниченіи біографическаго матеріала подобающею ему ролью Фагэ кажется намъ поворотомъ отъ Тэна обратно къ Сентъ-Беву; къ внѣшнимъ фактамъ біографіи онъ настолько равнодушенъ, что иногда помѣщаетъ ихъ въ краткой сноскѣ въ началѣ очерка; онъ знаетъ цѣну біографическому объясненію, но—какъ и должно—склоненъ больше считаться съ произведеніями писателя, чѣмъ съ его происхожденіемъ и его приключеніями. Онъ не ищетъ исчерпывающей идеи, къ которой сводились бы, какъ къ источнику, всѣ проявленія писательской личности; но разнообразіе его сужденій остав-

ляетъ иногда общее сужденіе, болѣе сложное, чѣмъ категорическая формула господствующей идеи, но достаточно опредѣленное.

Одинъ недостатокъ въ дарованіи интереснаго критика лишаетъ его новѣйшій трудъ тѣхъ достоинствъ, которыя вообще присущи его работамъ: онъ достаточно историкъ для тѣхъ ограниченныхъ во времени монографій, какія представляютъ собою его этюды. Но въ цѣльной исторіи литературы онъ оказался въ самомъ дѣлѣ „только эссейистомъ", — какъ нѣкогда преждевременно скорбѣлъ о себѣ знаменитый англійскій историкъ. Нѣмецкая критическая литература упрекала его даже въ недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ, особенно въ первыхъ эпохахъ развитія французской литературы; этотъ упрекъ мы оставимъ на отвѣтственности основательныхъ нѣмецкихъ критиковъ. Но несомнѣнно, что исторія Фагэ представляетъ собою вереницу этюдовъ, неизмѣримо менѣе значительныхъ, чѣмъ входящіе въ его критическіе сборники, и слабо скрѣпленныхъ руководящеей идеей. Общія широкія линіи развитія остаются едва намѣченными, а желаніе автора быть общедоступнымъ не углубило его книгу. Для первоначальнаго знакомства съ исторіей французской литературы читателю лучше обратиться къ недавно вышедшей книгѣ Даудена. Она не иллюстрирована случайными изображеніями, какъ исторія Фагэ (на шесть портретовъ—Ростанъ!), но по англійски осмотрительна и популярна. Мы еще будемъ говорить о ней.

Джонъ Рескинъ. Прогулка по Флоренціи. Пер. А. Герцыкъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1902.

Для того, чтобы получить полное представленіе о тѣхъ предметахъ, которымъ посвящена эта книжка, она не достаточна; она можетъ быть полезна тому, кто знакомится непосредственно съ интересными явленіями ранняго флорентинскаго искусства; осмыслить и поддержать это знакомство, но не замѣнить его—таково ея назначеніе. Но читателю, далекому отъ намѣренія углубиться въ прелести наивнаго и робкаго творчества старыхъ итальянскихъ мастеровъ, доступныя лишь любителямъ-спеціалистамъ, эта небольшая книжка можетъ, пожалуй, дать нѣчто болѣе цѣнное: знакомство съ ея авторомъ—одной изъ любопытнѣйшихъ фигуръ прошлаго вѣка. Онъ, конечно, не весь отразился въ своихъ отрывочныхъ „замѣткахъ о христіанскомъ искусствѣ"; но, быть можетъ, онѣ характернѣе для него, чѣмъ его большія книги, и нѣкоторыя черты его запечатлѣлись здѣсь съ особенной выпуклостью, иногда производя трогательное впечатлѣніе, иногда вызывая даже усмѣшку въ читателѣ, условіями жизни отдѣленномъ пропастью отъ міровоззрѣнія автора.

Онъ иногда позабавитъ читателя своей „несвоевременностью", которая доставляетъ ему удовольствіе: „будучи, къ моему вели-

кому горю, старикомъ и, къ моей большой гордости, устарѣвшимъ человѣкомъ, я не нахожу, чтобъ моя способность пониманія или острота моей памяти увеличилась хоть сколько нибудь вслѣдствіе изобрѣтеній Стефенсона или Уэтстона, и, хотя теперь переѣздъ сюда изъ Лукки, дѣйствительно, отнимаетъ у меня только три часа, вмѣсто цѣлаго дня, какъ это было раньше, я все же не считаю себя въ правѣ по этой причинѣ употреблять меньше времени, чѣмъ прежде, на изученіе какой-либо картины во Флоренціи или спѣшить съ какимъ нибудь изслѣдованіемъ". И онъ сознается, что употребилъ пять недѣль на изученіе одной четверти произведенія Симона Мемми. Онъ относится къ искусству съ энтузіазмомъ, просто смѣшнымъ для того, кто мало знаетъ этого чудака, которому удалось въ самомъ дѣлѣ слить воедино любовь къ искусству съ любовью къ людямъ. Это не эрудитъ, не археологъ, не эстетикъ, не то, чему мы привыкли давать полупрезрительное названіе любителя; это человѣкъ, видящій въ искусствѣ мышленіе о жизни, исправляющее ея теченіе. И, быть можетъ, съ этой точки зрѣнія покажется не только забавнымъ такое отношеніе къ произведенію искусства, о которомъ собирается бесѣдовать Рескинъ:

„Сегодня, какъ можно раньше, и во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ дѣлать что либо другое, пойдемъ въ приходскую церковь Джіотто—Santa Maria Novella. Если, выйдя изъ дворца Строцци, вы повернете направо, по Via delle belle Donne, то скоро увидите ее. Но главное, *не останавливайтесь по дорогѣ и не разговаривайте* ни съ вашимъ знакомымъ, ни съ церковнымъ сторожемъ, ни съ какимъ нибудь встрѣчнымъ. Пройдите прямо черезъ церковь подъ ея апсидъ (*пока вы идете, глаза ваши могутъ покоиться на яркихъ оконныхъ стеклахъ*,—но только не споткнитесь о ступеньку на полъ-дорогѣ), поднимите занавѣсъ и зайдите за большой мраморный алтарь, попросивъ тѣхъ, кто слѣдуетъ за вами, замолчать или уйти прочь".

Это было бы смѣшно, если бы не было трогательно, и было бы вредно, если бы не было плодотворно. Рескинъ погружался въ искусство до самозабвенія не для эстетическихъ наслажденій: онъ выносилъ изъ него поученія нравственныя и научныя. Подобно тѣмъ примитивнымъ художникамъ, творчество которыхъ онъ сумѣлъ оцѣнить такъ высоко, онъ удивляетъ простотой средствъ и наивностью пріемовъ при богатствѣ результатовъ. По его доводамъ никогда нельзя судить о томъ, какіе выводы онъ имѣетъ въ виду. Онъ говоритъ о техническихъ пріемахъ художника для того, чтобы характеризовать его міровоззрѣніе; мельчайшая деталь художественнаго произведенія вдругъ ведетъ его къ возвышеннымъ размышленіямъ нравственнаго порядка. Онъ показываетъ, что тѣ, кого привыкли считать только искусниками формы, были прежде всего людьми глубокой и самостоятельной

мысли; всѣмъ своимъ существомъ этотъ эстетикъ, восхищающійся формами, отрицаетъ самодовлѣющую роль искусства.

Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902.

Это не разрозненные очерки, какъ можно было предположить, судя по заглавію, но цѣльный курсъ, читанный въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ казанскомъ университетѣ покойнымъ профессоромъ Буличемъ, который занималъ тамъ каѳедру исторіи русской литературы въ теченіе тридцати пяти лѣтъ. Первая часть его лекцій, лежащая предъ нами, не выходитъ за предѣлы первой четверти девятнадцатаго вѣка и въ сущности не представляетъ собою исторіи литературы въ современномъ смыслѣ. Теперь трудно даже повѣрить, что у историка *литературы* могутъ прорваться такія слова: „мнѣ нечего говорить о внѣшней заслугѣ Карамзина въ литературѣ: о томъ, что онъ сдѣлалъ для русскаго языка, для слога, для литературной формы—извѣстно всѣмъ"; теперь историкъ литературы занялся бы детальнымъ изученіемъ и этихъ—далеко еще не выясненныхъ—сторонъ литературнаго вклада Карамзина, не предполагая извѣстнымъ того, что лишь поверхностно намѣчено, и предоставляя историку идей выяснять политическіе идеалы и исторіографическія заслуги Карамзина. Этотъ недостатокъ отчетливости съ точки зрѣнія спеціалиста, однако, дѣлаетъ книгу Булича лишь интереснѣе для большого круга читателей. Если это не исторія литературы, то это—исторія общественности, по основной задачѣ и по направленію приближающаяся къ извѣстному труду А. Н. Пыпина. Менѣе систематическая и сжатая, менѣе богатая руководящими идеями, она богаче фактами. Авторъ былъ очень хорошо знакомъ съ концомъ XVIII и началомъ XIX вѣка въ нашей литературѣ—къ этому же періоду относились его спеціальныя монографіи—и сумѣлъ извлечь изъ этой сокровищницы много свѣдѣній, въ общемъ не новыхъ для спеціалиста, но способныхъ очень заинтересовать читателя.

Историческіе дѣятели, ничѣмъ не заявившіе себя въ литературѣ, но имѣвшіе вліяніе на развитіе идей или служащіе его показателемъ, привлекаютъ вниманіе автора наравнѣ съ писателями. Изъ нихъ на первый планъ выступаетъ фигура опредѣляющаго эпоху императора Александра, характеристика котораго вызываетъ даже цѣлую главу о Лагарпѣ. Мы имѣемъ здѣсь широкую картину духовнаго склада цѣлаго общества въ связи съ исторіей просвѣтительныхъ вліяній правительства. Цѣлый рядъ главъ посвященъ университетамъ, ихъ учащимъ и учащимся, ихъ строю и вліянію на окружающее общество, цензурѣ, журналистикѣ, общественному мнѣнію. „Дней Александровскихъ пре-

красное начало“ получаетъ наилучшее выраженіе въ нормахъ университетской жизни. Университетскіе уставы 1804 года дышатъ тѣмъ довѣріемъ къ свободному развитію просвѣтительныхъ элементовъ, которое не могло не противорѣчить инымъ особенностямъ строя, отразившимся на тѣхъ же уставахъ. „Тогдашній университетъ—это писано при дѣйствіи устава 1804 года—имѣлъ, повидимому, больше правъ: совѣтъ былъ высшею инстанціею по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ, касательно подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ; на его рѣшенія можно было жаловаться только въ сенатъ. Уставъ... предполагалъ въ лицахъ, призываемыхъ къ преподаванію высшихъ наукъ, полное безпристрастіе и большія нравственныя достоинства. Этому совѣту университета предоставлено было право цензуры надъ всѣми выходящими въ его округѣ сочиненіями; въ членахъ его предполагалось и достаточно знаній, и достаточно уваженія къ мысли, чтобы быть цензорами въ томъ смыслѣ, какъ послѣдніе тогда понимались. Главною цѣлью уставовъ, по отношенію къ профессорамъ, было вызвать къ жизни науку, поселить къ ней уваженіе. Имъ предоставлена была полная свобода преподаванія“. Студенты составляли корпорацію, зависимую только отъ университета: „отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла и отношенія, напр. городской полиціи, ревниво оберегало ихъ свое начальство“. Цензурный уставъ того же 1804 года, изданный съ цѣлью создать, посредствомъ свободы мысли, общественное мнѣніе, вызываетъ появленіе періодической печати. Интересны свѣдѣнія о проектѣ московскаго адъюнкта Баккаревича создать „правительственный журналъ“, куда „должна была войти въ полной гласности вся внѣшняя и внутренняя жизнь государства“. Казенный журналъ не осуществился—но время сдѣлало свое, и журналистика народилась. Важно здѣсь, конечно, не то, что былъ созданъ подобострастный и вліятельный Карамзинскій „Вѣстникъ Европы“: окрѣпъ журналъ Пнина, этого любопытнаго и мало изученнаго наслѣдника идей Радищева; казенный „С.-Петербургскій журналъ“ усердно популяризовалъ Бентама, а „Сѣверный Вѣстникъ“ Мартынова расточалъ панегирики англійской конституціи. Карамзинскій сентиментализмъ вызвалъ и мало пристойный „Журналъ для милыхъ“ Макарова и „Дамскій журналъ“ кн. Шаликова, программа котораго гласила: „Въ журналѣ помѣщены будутъ піэсы разныхъ родовъ въ стихахъ и прозѣ. Главнымъ предметомъ будетъ: нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью. Иногда помѣщаемы будутъ статьи о модахъ, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ. Критика и политика исключаются. Издатель поставитъ себѣ за особливую честь, если будетъ удостоенъ отъ почтенныхъ россійскихъ поэтовъ присылкою ихъ произведеній“. И удивительно—насколько ничтожны были послѣдователи Карамзина тамъ, гдѣ онъ самъ отсталъ, настолько они были свѣжи, сильны и само-

стоятельны въ отстаиваніи того, что было въ его трудахъ дѣйствительно жизнеспособно и ново—въ полемикѣ съ знаменитымъ Шишковымъ. Фигура послѣдняго обрисована въ лекціяхъ Булича съ широтой и ясностью, придающей имъ цѣну даже послѣ труда Стоюнина о консервативномъ адмиралѣ-филологѣ, столь рѣшительно и чистосердечно смѣшивавшемъ введеніе иностранныхъ словъ съ измѣной отечеству. „Какое намѣреніе,—спрашивалъ онъ,—полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобы языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей?" Современные пуристы—не только русскіе—какъ извѣстно, не далеко отъ него ушли. А умный и образованный Дашковъ еще въ 1811 году указывалъ пылкому старцу, сколь неблаговидно „къ сужденіямъ о языкѣ примѣшивать нравственность и вѣру, въ неукротимой запальчивости укорять противниковъ въ мнимомъ намѣреніи ослабить благотворную власть вѣры, забывать права общественныя и должное уваженіе къ лицу каждаго гражданина". Этого уваженія, этого вниманія къ „правамъ общественности" не могли воспитать въ обществѣ событія. Общественное мнѣніе рождалось въ мукахъ, и не могло быть устойчиво тамъ, гдѣ вслѣдъ за освобожденіемъ печати ея главный начальникъ, министръ народнаго просвѣщенія былъ убѣжденъ, что сочинители не могутъ близко видѣть „матерій политическихъ" и, „увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ". Поворотъ александровской политики, записка Карамзина и толки вокругъ нея, „патріотическая литература" Растопчина и Глинки, переходъ свободнаго и дѣятельнаго масонства въ безсодержательный піетизмъ—все это занимаетъ центральное положеніе въ лекціяхъ Булича, отстраняя вопросы собственно литературной исторіи, составляя какъ бы введеніе къ ней. Такъ ли это, покажутъ дальнѣйшія части труда Булича. Но и теперь уже можно предсказать ему такое распространеніе, какого не имѣли спеціальныя работы покойнаго казанскаго профессора.

Эдуардъ Бернштейнъ. Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма. Перев. С. С. Штейнберга. Спб. 1902.

Литературная и общественная дѣятельность Эдуарда Бернштейна, выступившаго смѣлымъ новаторомъ марксизма, стоитъ теперь въ центрѣ европейскаго вниманія, и можно только радоваться тому, что вслѣдъ за переводомъ (даже въ двухъ различныхъ изданіяхъ) его надѣлавшей столько шуму книги, нынѣ появляется и переводъ вышедшаго въ 1901 г. сборника статей этого многолѣтняго и энергическаго сотрудника марксистскихъ органовъ. Цѣлью изданія этихъ статей, заявляетъ въ предисловіи авторъ, было — „показать неосновательность мнѣнія тѣхъ, кто

утверждалъ, что въ моихъ взглядахъ произошла рѣзкая перемѣна. Я не могу и не хочу отрицать того, что теперь я думаю иначе, чѣмъ 10 или 15 лѣтъ назадъ. Но я протестую противъ того мнѣнія, по которому эта перемѣна взглядовъ проистекаетъ изъ простого измѣненія настроенія, вызваннаго перемѣной внѣшнихъ условій, а не изъ убѣжденія, явившагося плодомъ долгаго развитія". Соотвѣтственно такой цѣли изданія оно раздѣлено на три части. Въ первую часть (стр. 5—153) отнесены старыя статьи, написанныя „въ защиту ортодоксальнаго пониманія марксистскаго ученія" и охватывающія собою періодъ времени 1890—6 гг. Вторая часть (157—254) удѣлена „проблемамъ соціализма"; это рядъ статей, написанныхъ въ періодъ 1896—98 гг., проникнутыхъ все возраставшимъ критическимъ настроеніемъ и подготовившихъ появленіе упомянутой выше книги. Наконецъ, третья часть (279—398) носитъ подзаголовокъ „въ защиту свободы науки" и составлена изъ статей, написанныхъ Бернштейномъ въ самое послѣднее время, когда, по выходѣ книги, пришлось защищать выраженныя тамъ мысли и воззрѣнія, а попутно и свободу научнаго изслѣдованія вообще, отъ нападокъ сторонниковъ догмы.

Разумѣется, не всѣ статьи представляютъ одинаковый интересъ для настоящаго времени и для русскаго читателя. Изъ статей первой части имѣется одна статья философско-соціологическаго характера: „Объ отношеніи естественныхъ наукъ къ обществовѣденію", три статьи на политическія темы: „Задачи соціалъ-демократіи въ парламентѣ", „Граница дѣятельности международныхъ конгрессовъ" и „Борьба классовъ и компромиссъ", и, наконецъ, одна крупная работа теоретическаго характера „Къ вопросу о желѣзномъ законѣ заработной платы" (стр. 21—102). Чтеніе этой послѣдней статьи способно навести на любопытныя размышленія, приходящіяся въ унисонъ съ настроеніемъ, которымъ проникнута книга вообще. Трудно въ настоящее время повѣрить, что отошедшій въ область научныхъ преданій „желѣзный законъ" заработной платы казался въ свое время необходимымъ элементомъ программы и необходимою частью системы. Законъ палъ, но не исчезла программа, опирающаяся на реальныя нужды и интересы исторической жизни, сохранилась система, эволюціонировавшая соотвѣтственно потребностямъ времени и прогрессу научной мысли. Не то ли повторится и съ другими элементами системы, играющими роль яблока раздора современности?.. Въ рамкахъ данной статьи Бернштейнъ излагаетъ и критикуетъ теорію народонаселенія и перенаселенія и теорію фонда заработной платы и, наконецъ, въ интересномъ дополненіи къ статьѣ излагаетъ „нѣкоторые недостатки пониманія марксистами проблемы заработной платы". Бернштейнъ полагаетъ, что „исправленная Марксомъ старая теорія заработной платы болѣе не соотвѣтствуетъ современнымъ отношеніямъ... Мы должны избавиться

отъ неправильнаго представленія о рабочемъ въ современной промышленности, какъ объ олицетворенной части перемѣннаго капитала... Проблема заработной платы есть соціологическая проблема, которую никто не сумѣетъ объяснить чисто-экономически“ (88, 91, 93). Въ этихъ словахъ звучитъ весьма важная мысль, которая можетъ лечь въ основу новаго пониманія этого наименѣе разработаннаго въ экономической теоріи вопроса. Къ сожалѣнію, однако, чтеніе настоящей статьи Бернштейна затрудняется нѣкоторою ея нестройностью: написанная сравнительно давно, она теперь вызвала мѣстами поправки автора, и нѣкоторая путаница воззрѣній, вообще свойственная Бернштейну, чувствуется здѣсь весьма сильно.—Изъ статей второй части наиболѣе принципіальною является статья „Теорія переворота и колоніальная политика“. Здѣсь въ зародышевой формѣ заключается почти все содержаніе „бернштейніанизма“. Бернштейнъ начинаетъ здѣсь съ возраженія противъ пресловутой Zusammenbruchstheorie, съ точки зрѣнія которой, на извѣстной степени экономическаго и общественнаго развитія, „неизбѣжный сильный промышленный кризисъ превратится во всеохватывающій соціальный кризисъ, въ результатѣ котораго явится политическое господство пролетаріата, какъ единственнаго сознательнаго революціоннаго класса, и подъ господствомъ этого класса,—полное преобразованіе общества въ духѣ соціализма“ (209). Бернштейнъ обрушивается на весь „ходъ мысли, лежащій въ основаніи такого воззрѣнія“. Цѣлымъ рядомъ общихъ соображеній и цифровыхъ данныхъ онъ старается доказать неосновательность надеждъ, возлагаемыхъ въ этомъ отношеніи и на концентрацію промышленности—городской и особенно аграрной,—и на тенденцію капиталистическаго хозяйства къ расширяющимся и обостряющимся кризисамъ и на исключительное значеніе классовыхъ противорѣчій,—словомъ на все то, что характеризуетъ собою содержаніе ортодоксальнаго марксизма. Взамѣнъ подобной системы воззрѣній Бернштейнъ рисуетъ иной идеалъ соціальнаго движенія. „Я твердо убѣжденъ, что уже живущее поколѣніе увидитъ осуществившимися многія изъ соціалистическихъ требованій, если не подъ этимъ названіемъ, то *фактически.* Постоянное расширеніе круга общественныхъ обязанностей, расширеніе права надзора, организованнаго въ націю или государство общества, за хозяйственною жизнью, развитіе демократическаго самоуправленія въ общинахъ, округахъ и провинціяхъ и расширеніе круга задачъ этихъ учрежденій,—все это, на мой взглядъ, является *развитіемъ въ сторону соціализма,* если угодно *частичное осуществленіе соціализма*“ (курс. всюду автора). Для всего этого „нужно прежде всего *время.* Подобныхъ вещей нельзя создать экспромптомъ“. Вотъ почему для Бернштейна „цѣль (конечная цѣль соціализма)—ничто, движеніе же—все“ (стр. 220). Заключеніе, поднявшее въ свое время цѣлую бурю въ

рядахъ германской соціалъ-демократіи. Разработкѣ изложенныхъ мыслей, вѣрнѣе защитѣ ихъ отъ возраженій Каутскаго и вообще отъ утвержденій ортодоксальнаго марксизма посвящены всѣ статьи третьей части, носящія полемическій характеръ. О чемъ бы Бернштейнъ ни писалъ здѣсь,—объ исторической необходимости или діалектическомъ развитіи, о теоріи цѣнности или классовой борьбѣ, его въ концѣ концовъ интересуютъ эти конечные вопросы болѣе практическаго, нежели теоретическаго содержанія.

Разбираемую книгу можно только рекомендовать вниманію русскаго читателя. Непосредственное знакомство съ авторомъ всегда предпочтительнѣе не всегда вѣрныхъ популяризацій и чужихъ толкованій. Нужно только знать, чего можно и чего нельзя требовать отъ данной книги. Читатель въ ней не найдетъ ни готовыхъ рѣшеній жгучихъ практическихъ вопросовъ, ни даже вполнѣ опредѣленныхъ теоретическихъ построеній. Бернштейнъ только критикуетъ, и если даже и критика его порою страдаетъ не только недостаткомъ глубины, но и отсутствіемъ достаточной опредѣленности, — то вѣдь одна *постановка* новыхъ вопросовъ въ извѣстные моменты можетъ составить солидную заслугу писателя и общественнаго дѣятеля. При томъ же въ переходное время,—а такой моментъ переживаетъ современный марксизмъ—менѣе всего можно ожидать категорической ясности и, такъ сказать, пластичности изложенія. Не забудемъ, наконецъ, и слѣдующихъ словъ изъ предисловія Бернштейна къ настоящей книгѣ: „Вопросъ о томъ, насколько писатель *долженъ умалчивать* (курс. нашъ) о своихъ разногласіяхъ съ партійными воззрѣніями, еще не рѣшенъ. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ несомнѣнно всякій, говорящій ex cathedra factionis и пользующійся выгодами такого оффиціальнаго положенія, долженъ будетъ сдерживать свои личныя мнѣнія“ (?). Откровенное признаніе, способное навести на глубокія размышленія. Если это и необходимо, то несомнѣнно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ одной изъ *печальныхъ* необходимостей, оказывающей нынѣ, быть можетъ, свою долю вліянія на характеръ столь важныхъ споровъ и разногласій...

Переводъ книги исполненъ хорошо. Жаль только, что въ интересахъ незначительной экономіи мѣста въ русскомъ переводѣ опущены многія „дополненія“ къ статьямъ, представляющія не одну только библіографическую цѣнность.

Огюстенъ Тьерри. Городскія коммуны во Франціи въ среднія вѣка. Переводъ Г. А. Лучинскаго. Съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1901.

Огюстенъ Тьерри извѣстенъ нашей читающей публикѣ съ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, когда его имя стало довольно часто приводиться въ связи съ именемъ

Маколея: этихъ двухъ ученыхъ и у насъ (какъ и въ зап. Европѣ) считали и не безъ основанія продолжаютъ считать замѣчательными историками-художниками. Не такъ давно въ русскомъ переводѣ появился другой трудъ Тьерри, какъ нельзя болѣе оправдывающій мнѣніе о немъ, какъ о представителѣ художественной (по формѣ) исторіографіи: „Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія“ оказалась одною изъ тѣхъ старыхъ книгъ, которыя старѣютъ весьма медленно.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о лежащей предъ нами книжкѣ. Вопросъ о происхожденіи коммунальнаго движенія, въ сущности, разрабатывается Тьерри въ формѣ полемики противъ историковъ, которые полагали, что освобожденіе городовъ зависѣло исключительно или почти исключительно отъ воли и желанія королей. Тьерри, писавшій свое изслѣдованіе въ эпоху энергичнаго и воинствующаго развитія самосознанія третьяго сословія, подчеркиваетъ, что „во всѣхъ великихъ движеніяхъ, изъ которыхъ выходили коммуны или республики среднихъ вѣковъ, мысль и исполненіе ея были всецѣло дѣломъ купцовъ и ремесленниковъ, составлявшихъ населеніе городовъ“. Разработки вопроса о тѣхъ коренныхъ соціально-хозяйственныхъ нуждахъ городовъ, которыя составляли постоянную почву для коммунальнаго движенія,—мы у Тьерри не находимъ; указанная полемическая цѣль, повидимому, составляетъ главный предметъ его работы. Исторіографія послѣ Маурера, Люшера, новѣйшихъ трудовъ Белова, Зома, Флака—освѣтила вопросъ о городскихъ поселеніяхъ, ихъ происхожденіи, развитіи—такъ, какъ и приблизительно не догадывался Тьерри, а нѣкоторые изъ перечисленныхъ лицъ (напр., Люшеръ) работали уже непосредственно надъ тѣмъ же сюжетомъ, какъ Тьерри, т. е. надъ французскимъ коммунальнымъ движеніемъ и, конечно, выводы Тьерри отнюдь не послужили имъ основаніемъ для дальнѣйшей работы. Впрочемъ, этому, наиболѣе съ соціологической точки зрѣнія важному, вопросу о происхожденіи городского движенія, Тьерри посвящаетъ очень мало мѣста вообще: всего лишь одну вводную главу (18 стр.). Остальное мѣсто занято разсказомъ о ходѣ коммунальной революціи въ Мансѣ, Камбрэ, Нуапонѣ, Бовэ, Сенъ-Кантэнѣ, Ланѣ, Реймсѣ и т. д. Разсказъ изобилуетъ фактическими подробностями, часто совершенно внѣшняго характера, и ни къ какимъ хотя бы частичнымъ выводамъ о сходствѣ и различіяхъ этихъ движеній, о вліяніи мѣстныхъ нуждъ—читатель придти не можетъ. Мало того: этотъ разсказъ,—что такъ рѣдко случается у Тьерри,—не живописенъ и монотоненъ, такъ что и интереса художественной занимательности не представляетъ. XII—XIV вв.,—время развитія коммунальнаго движенія,—не выступаютъ въ этой работѣ въ такомъ характерномъ освѣщеніи, которое чаруетъ читателя въ другихъ произведеніяхъ Тьерри. Зачѣмъ понадобилось переводить

эту книжечку,—мы не знаемъ, но переводъ исполненъ весьма точно и литературно.

Отсутствіе ясныхъ и аргументированныхъ заключеній, устарѣлость самой постановки работы—лишаютъ эту книжку значенія для современныхъ читателей. Но кое-гдѣ останавливаютъ вниманіе слѣды настроенія умнаго и чуткаго автора и всей его эпохи. На стр. 16 читаемъ: „вообще же самыми свободными коммунами были тѣ, которыхъ основаніе стоило горожанамъ много бѣдъ и жертвъ; наоборотъ, мало свободы было въ тѣхъ коммунахъ, гдѣ на пріобрѣтеніе ея не было потрачено усилій, гдѣ она была милостиво пожалована и мирно принята".

А. Безчинскій. Путеводитель по Крыму. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Москва 1901.

Цѣлый рядъ условій, указанныхъ составителемъ, дѣлаетъ появленіе этой справочной книжки въ высшей степени своевременнымъ. Интересъ, представляемый Крымомъ, увеличивается съ каждымъ годомъ: „растетъ курортное значеніе крымскаго побережья и южнаго предгорія, растетъ изученіе богатаго историческаго прошлаго края и его археологическихъ памятниковъ и въ особенности растетъ количество пріѣзжихъ, больныхъ и туристовъ". Въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ происходитъ также перемѣна въ составѣ пріѣзжихъ: какъ было неоднократно указано въ повременной печати, Крымъ „демократизируется", и это обстоятельство налагаетъ особенныя обязательства на составителя справочной книги, потому что на путешественникѣ изъ нынѣшняго контингента пріѣзжихъ малѣйшая неточность или промахъ путеводителя могутъ отразиться слишкомъ тягостно. Въ этомъ отношеніи новый путеводитель удовлетворяетъ серьезнымъ требованіямъ; составленный твердой рукой знатока мѣстныхъ условій при содѣйствіи ряда компетентныхъ спеціалистовъ, онъ—и въ этомъ его главное достоинство—не смотря на сводный характеръ, не отдаетъ компиляціей, сдѣланной въ далекомъ петербургскомъ кабинетѣ. Въ немъ нѣтъ робости, его указанія, при всей широтѣ индивидуальной оцѣнки, которая должна считаться съ разнообразіемъ жителей, все же ясны, конкретны и опредѣленны. Возможны, конечно, несогласія относительно отношенія матеріаловъ, подлежащихъ включенію; намъ кажется, напримѣръ, что естественно-историческій отдѣлъ слишкомъ разросся въ ущербъ историческому; есть неточности, въ общемъ не серьезныя. Все это можетъ быть исправлено въ новомъ изданіи, которое, конечно, всегда желательно, потому что ничто такъ не старѣетъ, какъ путеводитель. Было бы хорошо, если бы успѣхъ далъ ему возможность отказаться отъ объявленій, увеличивающихъ книжку, которую вѣдь придется но-

сить въ карманѣ. Замѣтка г. Елпатьевскаго о нуждающихся больныхъ, которыхъ страхъ смерти пригоняетъ толпами въ Крымъ *умирать* ужъ не столько отъ болѣзни, сколько отъ бѣдности, горячо призываетъ къ посильному содѣйствію небольшому ялтинскому кружку доброжелательныхъ людей, поставившему своей задачей—и изнемогающему въ усиліяхъ—помогать больной бѣдности, ищущей спасенія въ южномъ теплѣ и свѣтѣ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Избранныя сочиненія ***Н. В. Гоголя*** **для** юношества. Изданіе редакціи «Образованія». Съ портретомъ Гоголя и біографическимъ очеркомъ П. О. Морозова. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Юбилейный сборникъ сочиненій ***Н. В. Гоголя.*** Съ портретомъ, рисунками В. В. Коновалова и Н. Д. Россова, снимкомъ съ картины И. Е. Рѣпина и критико-біографическимъ очеркомъ В. С. Голубева. Изданіе саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ. 1902. Ц. 40 к.

Л. Яффе. Грядущее. Стихотворенія. Гродно. 1902.

Стихотворенія ***А. Ф. Мейснера.*** 2-е изданіе. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Меланиппа-философъ. Трагедія ***Иннокентія Анненскаго.*** Спб. 1901. Ц. 75 к.

Эсхилъ. Скованный Прометей. Съ греч. Переводъ Д. С. Мережковскаго въ стихахъ. Съ портретомъ Эсхила. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Ц. 30 к.

Софоклъ. Съ греч. Переводъ Д. С. Мережковскаго въ стихахъ. Съ портретами Софокла. Изданія т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Эдипъ въ Колоннѣ. Ц. 40 к.—Антигона. Ц. 40 к.—Эдипъ-царь. Ц. 40 к.

Эврипидъ. Съ греч. Переводъ Д. С. Мережковскаго въ стихахъ. Изданія т-ва «Знаніе». Съ портретами Эврипида. Спб. 1902. Ипполитъ. Ц. 40 к.—Медея. Ц. 40 к.

А. П. Воротниковъ. Анна Ярославна, королева Франціи. Изданіе книжнаго склада Д. П. Ефимова. М. 1901. Ц. 1 р.

Всеволодъ Чешихинъ. Русь. Прологъ въ стихахъ въ память 50-лѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя. Рига. 1902. Ц. 20 к.

М. А. Цейнеръ. Семья Цыгановыхъ. Картинки заводской жизни въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Томскъ. 1902. Ц. 65 к.

І. П. Якобсенъ. Новеллы. Переводъ съ датскаго. Въ приложеніи очеркъ М. Э. Гуковскаго «І. П. Якобсенъ». Одесса. 1902. Ц. 50 к.

Крестьянинъ. Романъ ***В. фонъ-Поленца.*** Переводъ съ нѣм. В. Величкиной. Съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. Изданіе «Посредника». М. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

Станиславъ Пшибышевскій. Homo Sapiens на распутьи. Повѣсть. Переводъ съ польскаго Эрве. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Полуживотное. Романъ ***Елены Белау.*** Перев. Н. Додоновой. Изданіе подъ редакціей А. Вербицкой. М. 1902. Ц. 80 к.

К. Н. Воиновъ. Прелюдіи. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ разсказовъ. Одесса. 1902.

Вяч. Елизаровъ. Арабскіе дни и ночи. Разсказы, очерки, наброски. Изданіе А. П. Осипова. Спб. 1901 Ц. 1 р.

И. С. Чехъ. Разсказы изъ старокавказской жизни. 3 тома. Спб. Ц. 1 р. 25 к. за томъ.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. II. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1902. Ц. 1 р.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Изданіе

кн. магазина С. Курнина и К°. М. 1902. Ц. 1 р.

Смертная казнь. Разсказъ ***А. И. Свирскаго.*** Изданіе В. И. Раппъ и и В. И. Потапова. Харьковъ. 1902. Ц. 5 к.

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Т. I. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Ц. 1 р.

Сборникъ стихотвореній и разсказовъ ***А. Я. С.*** Самара. 1901. Ц. 1 р.

Н. Шебуевъ. Безъ предварительной цензуры. Юмористическіе разсказы. М. 1901. Ц. 1 р.

Театръ. Лекціи ***Карла Боринскаго.*** Переводъ съ нѣм. съ тремя дополнительными статьями и примѣчаніями Б. В. Варнеке. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть III. Собралъ В. Зелинскій. Изданіе 2-е. М. 1902. Ц. 1 р.

Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ проф. ***К. Вёрмана.*** Переводъ съ нѣм. А. И. Сомова. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Т. I. Вып. I. Спб. 1902. Ц. 50 к.

«Чтеніе положенія 19 февраля 1861 года». Историческая картина Г. Г. Мясоѣдова. ***А. С. Шкляревскаго.*** Кіевъ. 1902.

Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ. Часть II. Спб. 1902. Ц. 1 р. 35 к.

Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

Альбертъ Родэ. Гауптманъ и Нитцше. Къ объясненію «Потонувшаго колокола». Переводъ съ нѣм. Вс. Мейерхольда и А. Ремизова. М. 1902.

Д. Михайловъ. Лирика К. Р. въ связи съ исторіей русской поэзіи во вторую половину XIX в. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Н. В. Гоголь, его жизнь и произведенія. Составилъ ***П. Первовъ.*** Изданіе А. Д. Ступина. М. 1902. Ц. 10 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. XIV. Ц. 40 к.

Опытъ характеристики Макса Нордау. Составилъ ***Б. И. Топоровскій.*** Екатеринославъ. 1902. Ц. 10 к.

Какъ учить на скрипкѣ. Практическое пособіе для учителей и учащихся. Составилъ ***В. Г. Вальтеръ.*** Изданіе 2-е. Спб. 1902. Ц. 50 к.

В. Г. Вальтеръ. Музыкальное образованіе любителя. Опытъ общедоступнаго изложенія музыкальной теоріи и эстетики. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія подъ редакціей ***С. Н. Южакова.*** Изданіе Библіографическаго Института (Мейеръ и т-во «Просвѣщеніе»). Т. VIII. Вып. 1—10. Спб. 1902. Ц. 50 к. за вып.

Проф. ***В. Іерузалемъ.*** Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. П. Ѳ. Некрасова. Съ приложеніемъ «Краткаго словаря важнѣйшихъ философскихъ терминовъ» и «Литературнаго указателя». Спб. 1902. Ц. 1 р.

Генри Джорджъ. Запутавшійся философъ. Разборъ мнѣній Г. Спенсера по земельному вопросу въ связи съ его синтетической философіей. Переводъ съ англ. С. Д. Николаева. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ исторіи русской педагогіи. К. Д. Ушинскій, его жизнь, общественная дѣятельность и педагогическія задачи. Составилъ ***С. Старосивильскій.*** Варшава. 1902. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Лондонскія школы и начальное образованіе въ Англіи. ***П. Мижуева.*** Изданіе редакціи «Образованіе». Спб. 1902. Ц. 40 к.

Г. К. Штембергъ. Коммерческое образованіе въ Швейцаріи. Спб. 1901.

Иванъ Абрамовъ. Край Тараса Бульбы. (Исторія одной школьной экскурсіи). Спб, 1902. Ц. 25 к.

Богданъ Степанецъ. Семинаристы изъ народа. М. 1902.

Н. П. Карабчевскій. Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебные очерки. Спб. 1802. Ц. 2 р.

Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Составлена извѣстнѣйшими профессорами-спеціалистами подъ общей редакціей ***Г. Гельмольта.*** Полный переводъ съ значительными дополненіями для Россіи избранныхъ русскихъ ученыхъ. Съ 220 отдѣльными приложеніями, изъ нихъ 50 хромолитографій. 40 картъ въ краскахъ и 130 черныхъ картинъ. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Т. I. Переводъ М. Е. Ліона подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Вып. 2—10. Т. IV. Переводъ А. И. Браудо. Вып. I. Спб. 1901—1902. Ц. 50 к. за вып.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Изданіе акц. о-ва «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1902. ***Н. И. Карѣевъ.*** Политическая исторія Франціи въ XIX в. Ц. 1 р.—***П. Н. Ардашевъ.*** Абсолютная монархія на Западѣ. Ц. 1 р.

И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Книга IX. Ц. 4 р.

Донской атаманъ Платовъ. Его жизнь и подвиги. Съ портретами и иллюстраціями въ текстѣ. Составилъ ***Е. И. Тарасовъ.*** Изданіе «Вѣстника Казачьихъ Войскъ». Спб. 1902.

Мих. В. Хелтулишвили. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Изданіе Ал. Арабидзе. Кутаисъ. 1901. Ц. 40 к.

Жизнь животныхъ ***Брэма.*** Полный переводъ со 2-го нѣм. изд., вновь обработаннаго ***Рихардомъ Шмидтлейномъ*** для школы и домашняго чтенія, подъ ред. П. Ф. Лесгафта и проф. А. С. Догеля. Съ рис. 60 вып. (3 тома). Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 2—60. Спб. 1900—1901. Ц. 35 к. выпускъ.

Народовѣдѣніе проф. д-ра ***Фридр. Ратцеля.*** Перев. съ нѣмецкаго съ оригинальными дополненіями и библіографическимъ указателемъ Д. А. Коропчевскаго. Съ рис. 36 вып. (2 тома). Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 2—36. Спб. 1900 — 1901. Ц. 35 к. за выпускъ.

Для начинающихъ пособіе къ опредѣленію цвѣтковыхъ растеній. Составилъ ***С. И. Ростовцевъ.*** М. 1902. Ц. 5 к.

Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи. Общедоступные очерки съ 94 рис. ***К. Д. Покровскаго.*** Изданіе редакціи «Образованіе». Спб. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

Современное положеніе вопроса о борьбѣ съ вредными насѣкомыми и грибными болѣзнями плодовыхъ деревьевъ и виноградной лозы въ Крыму. ***С. А. Мокржецкаго.*** Симферополь. 1901.

С. А. Мокржецкій. Вредныя животныя и растенія въ Таврической губ. по наблюденіямъ 1900 г. Съ указаніемъ мѣръ борьбы. Съ фототипическою таблицею. Симферополь. 1901. Ц. 60 к.

А. Вагнеръ. Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Переводъ съ нѣм. съ примѣчаніями и дополненіями И. И. Пузыревскаго. Изданіе журнала «Школьное хозяйство». Спб. 1901.

Общественная борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народною болѣзнью въ Западной Европѣ и Америкѣ. ***Ф. М. Блюменталя.*** Часть I. М. 1901.

Врачъ ***В. М. Крутовскій.*** Очерки современнаго положенія сельской врачебной помощи въ Енисейской губ. Томскъ. 1902.

Д-ръ мед. ***М. Ю. Лахтинъ.*** Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Изданіе «Медицинскаго журнала» д-ра Окса. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Д-ръ ***П. И. Кедровъ.*** Условія труда и жизни лицъ низшаго медицинскаго персонала въ Россіи. Изданіе «Медицинскаго журнала» д-ра Окса. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Д-ръ ***Е. М. Брусиловскій.*** Историческій очеркъ развитія бальнеологіи и гидрологіи въ связи съ общимъ прогрессомъ медицины. Одесса. 1901.

За и противъ «Записокъ врача» Вересаева. (Для непрофессіональной публики). Спб. 1902. Ц. 20 к.

Промышленность и техника. Энциклопедія промышленныхъ знаній, 10 т. по 10 в. каждый. Съ рис. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900—1902. Ц. каждаго вып. 50 к. или 5 р. за томъ. Т. I. Исторія и современная техника строительнаго искусства проф. ***Г. Эбе, П. Ровальди, І. Фаульвассера, Т. Шварце*** и ***Г. Шурца.*** Полный перев. съ значительными дополненіями по русскому зодчеству съ 9-го нѣм. изд. проф. В. В. Эвальда. Вып. 2—10.

Томъ II. Силы природы и ихъ примѣненія въ промышленности и технникѣ. Проф. ***Грунмахъ*** и ***Розенбоомъ.*** Полный перев. (съ нѣкоторыми измѣненіями) съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. Вып. 2—4.

Томъ III. Электричество, его добываніе и примѣненіе въ промышленности и техникѣ. Проф. ***А. Вилке.*** Полный перев. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. и съ дополненіями проф. В. В. Скобельцына. Вып. 1—10.

Томъ V. Горное дѣло и металлургія проф. ***В. Борхерса, Ф. Вюста*** и ***Е. Трептова.*** Переработанный и дополненный для Россіи перев. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. проф. И. В. Мушкетова и В. И. Баумана. Вып. 2 — 10.

Томъ VI. Технологія металловъ. Проф. ***Г. Гедике, Ю. Гоха, Е. Дальгофа, Д. Кастнера, Ф. Лютмера*** и ***Ф. Рело.*** Полный перев. съ 9-го нѣм. изд. съ значительными дополненіями и подъ ред. проф. А. Н. Митинскаго Вып. 1.

Э. Ю. Петри. Учебный географическій атласъ. 48 главныхъ картъ, 137 дополнительныхъ картъ и чертежей на 47 табл. 3-е изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 2 р.

Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Краткій историко-ста-

тистическій очеркъ культурной дѣятельности вятскаго земства въ связи съ дѣятельностью всѣхъ русскихъ земствъ. ***П. А. Голубевъ***. Изданіе вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1901. Ц. 50 к.

Крестьянская аренда въ Орловской губ. (по даннымъ земской статистики). ***С. Масловъ***. Казань. 1902.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Проектъ земскаго управленія въ 13 неземскихъ губерніяхъ. Спб. 1902. Ц. 40 к.

С. И. Коробовъ. О праздничномъ отдыхѣ. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1902. Ц. 15 к.

Памятная книжка Олонецкой губ. на 1902 г. Составилъ ***А. Благовѣщенскій***. Изданіе Олонецкаго Губ. Стат. Комитета. Петрозаводскъ. 1902. Ц. 1 р.

Иллюстрированный настольный календарь т-ва «Просвѣщеніе» на 1902 г. Спб. 1901. На доскѣ ц. 1 р. 20 к., отрывной ц. 80 к.

Южный Календарь-Альманахъ на 1902 г. Подъ редакціей Мих. Мукалова. Кіевъ. 1901. Ц. 50 к.

Отчетъ драматическаго кружка народнаго театра въ г. Пензѣ съ 1 марта по 1 сентября 1901 г. Пенза. 1902.

Отчетъ Томской городской публичной библіотеки за первые 14 мѣсяцевъ ея существованія. Томскъ. 1901.

Отчетъ по естественно-историческому музею Таврическаго губернскаго земства за 1901 г. Симферополь. 1901.

Литература и жизнь.

Матеріалы для біографіи Г. И. Успенскаго.—Памяти А. А. Давыдовой.—О томъ, какъ г. А. Острогорскій превратилъ разсказъ Костомарова въ разсказъ Л. Н. Толстого.

Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ 1891 года я „по понятнымъ причинамъ“ почти обошелъ Гл. Ив. Успенскаго и лишь мимоходомъ упомянулъ о своемъ съ нимъ знакомствѣ. А между тѣмъ, это самое дорогое, самое милое, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ самыхъ трагическихъ моихъ воспоминаній. Писатели, съ которыми меня сводила судьба въ началѣ моей литературной дѣятельности, были въ большинствѣ случаевъ значительно старше меня. При всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ Некрасову, Салтыкову, Елисееву и при всемъ ихъ добромъ расположеніи ко мнѣ, между мною и ими не могло быть тѣхъ истинно дружескихъ отношеній, какія установились у меня съ Успенскимъ. Съ нимъ мы—ровесники и какъ-то сразу, съ перваго же свиданія въ 1868 г., пришлись другъ другу по душѣ, и потомъ много было въ продолженіе многихъ лѣтъ вмѣстѣ передумано, пережито веселаго и мрачнаго... Я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ его добрыхъ ко мнѣ чувствахъ и платилъ ему горячею любовью, осложненною, съ одной стороны, чувствомъ жалости, а съ другой—почтеніемъ къ его блестящему таланту и высокимъ нравственнымъ качествамъ. Людямъ прямолинейнымъ или мало наблюдавшимъ жизнь можетъ показаться неестественнымъ, невозможнымъ такое сочетаніе жалости, предполагающей отно-

шеніе сильнаго къ слабому, здороваго къ больному, старшаго къ младшему, вообще отношеніе сверху внизъ, съ почтеніемъ, предполагающимъ, наоборотъ, отношеніе снизу вверхъ. Но жизнь многосложнѣе тѣхъ рамокъ, въ которыя ее поневолѣ втискиваетъ наша бѣдная терминологія, и я увѣренъ, что сочетаніе жалости и почтенія знакомо всѣмъ, кто имѣлъ счастіе сколько-нибудь близко знать Успенскаго. Это было счастіе, какъ всякое общеніе съ богатою натурою, и при томъ, рѣдкое счастіе, потому что всякая оригинальность—рѣдкость, а въ Успенскомъ каждый вершокъ оригиналенъ, какъ въ королѣ Лирѣ каждый вершокъ — король. Оригиналенъ ходъ его мысли, оригиналенъ языкъ, письменный и словесный, оригинальна форма его писаній, оригинальны его отношенія къ людямъ и весь складъ его жизни. Но людей, которымъ выпало рѣдкое счастіе близко знать Успенскаго, становится все меньше и меньше, современники одинъ за другимъ удаляются туда, откуда никто не приходитъ, и мнѣ хотѣлось бы какъ-нибудь закрѣпить для послѣдующихъ поколѣній этотъ блѣднѣющій образъ. Было бы слишкомъ обидно, если бы онъ померкъ, не оставивъ слѣда. Къ сожалѣнію, невозможно дать портретъ, передающій всѣ яркія краски этого удивительнаго лица. И не потому, что оригиналъ еще живъ. „Свѣтъ погасъ", какъ выразилась, не помню какая, газета, сообщая о психической болѣзни Успенскаго. Теперь это выяснилось окончательно и безповоротно, и онъ не прочтетъ этихъ строкъ...

Авторъ только что вышедшей книги „Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ", г. Волжскій, говоритъ въ предисловіи: „Обращаясь къ изученію Успенскаго, прежде всего поражаешься количественною скудостью литературы о немъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ его біографіи". Не имѣемъ и долго еще не будемъ имѣть,—прибавлю я. Меня всегда удивляла смѣлость покойнаго Павленкова, обѣщавшаго дать въ составѣ своей „біографической библіотеки", между прочимъ, и біографію Успенскаго. Съ внѣшней, грубо фактической стороны его біографія не представляетъ интереса: родился тамъ-то, учился тамъ-то, женился тогда-то, жилъ тамъ-то и тамъ-то, заболѣлъ тогда-то, въ походахъ не бывалъ, орденовъ и другихъ знаковъ отличія не имѣлъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ. Интересъ не въ этомъ, а въ томъ, какъ эта нѣжная и чуткая душа, эти „обнаженные нервы" откликались страданіемъ и радостью на такія явленія своей и чужой жизни, на которыя никакъ не реагируютъ заурядные люди. Въ этомъ интересъ, но тутъ же и затрудненіе. Эта бѣдная выдающимися событіями жизнь была сплошнымъ душевнымъ трепетомъ, во всѣ мотивы котораго неудобно входить ни сейчасъ, ни въ ближайшемъ будущемъ.

Однако, теперь, когда „свѣтъ погасъ",—можно дать хоть нѣкоторые матеріалы для его біографіи. Я предложу ихъ читателю

въ видѣ отрывковъ изъ его писемъ, сопровождая ихъ кое-гдѣ своими воспоминаніями. Въ моемъ распоряженіи имѣются, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ, три довольно большія собранія ихъ: къ редактору-издателю „Русскихъ Вѣдомостей“ В. М. Соболевскому, къ одной дамѣ, высоко цѣнимой Успенскимъ, и ко мнѣ.

Прежде всего бросается въ глаза, если можно такъ выразиться, географическая пестрота этихъ коллекцій. Письма писаны изъ Петербурга, Кисловодска, Парижа, Калуги, Чудова, Софіи, Новороссійска, Перми, Козлова, Константинополя, Рязани, Ростова, Одессы, Москвы, Ялты, Казани, Воронежа, Нижняго-Новгорода. И только случайно имѣющіяся у меня въ рукахъ письма ограничиваются этими мѣстами: могли быть еще изъ Самары и Лондона, изъ Томска и Бѣлграда. (Я не нашелъ въ своемъ собраніи нѣсколькихъ писемъ, содержаніе и даже нѣкоторыя характерныя выраженія которыхъ хорошо помню). Мы сейчасъ увидимъ причины и значеніе этой пестроты. Надо замѣтить, что большинство писемъ не помѣчено ни мѣстомъ, ни временемъ отправленія, но о мѣстѣ можно узнать изъ содержанія письма, а о времени часто приходится только догадываться по разнымъ стороннимъ соображеніямъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ не легко оріентироваться въ письмахъ. Затрудненіе это было бы еще сильнѣе, если бы я думалъ писать біографію Успенскаго. Но я не берусь за эту задачу и даже, по обстоятельствамъ, и изъ писемъ-то не разсчитываю извлечь все важное для такой біографіи.

Описавъ въ своихъ воспоминаніяхъ 1891 года оригинально убогую квартиру Успенскаго, въ которой я съ нимъ познакомился, я прибавилъ, что „это не мѣшало хозяину блистать заразительнымъ весельемъ и неподражаемымъ мастерствомъ разсказовъ“. Да, такъ было тогда, въ 1868 г... Успенскому было лѣтъ 25, и какъ живой стоитъ онъ передо мной, осіянный не то что молодымъ, а почти дѣтскихъ весельемъ, лучи котораго освѣщали и окружающихъ. Но недолго длилось это настроеніе, и въ имѣющихся у меня письмахъ, которыя всѣ относятся къ позднѣйшему времени, его нѣтъ почти и слѣда. Временами воскресалъ, правда, въ немъ этотъ веселый, жизнерадостный ребенокъ. Вотъ, напримѣръ, цѣликомъ одно изъ его писемъ В. М. Соболевскому, относящееся къ 1886 г.:

„Милый мой В. М. Въ 4 часа ночи, по дорогѣ въ Одессу, остановился пароходъ въ Ялтѣ. Есть у меня тутъ два дня хорошихъ воспоминаній, и я поѣхалъ на берегъ. Пробѣгалъ часа два въ сумасшедшемъ весельи, одинъ. Погода богатѣйшая, и все славно и хорошо. Купилъ цвѣтовъ, посылаю ихъ вамъ лоскутики (?); плохо я чувствовалъ себя на Кавказѣ, — теперь какъ будто лучше. Давно не имѣю писемъ и съ нетерпѣніемъ жду Одессы. Ахъ, дорогой, милый! Теперь ничего не пишу, кромѣ

того, что я радъ. Пошлите цвѣточковъ Михайловскому... Вашъ Г. У.".

Въ этой запискѣ характерны и эта способность къ „сумасшедшему веселью" наединѣ съ природой, и это желаніе сдѣлать и другихъ участниками своей радости. Однажды я тоже получилъ отъ него въ конвертѣ нѣсколько „цвѣточковъ"—съ Кавказа, причемъ изливались восторги отъ долины Ріона и рекомендовалось такому-то отдать одинъ изъ „цвѣточковъ", а такому-то дать только „понюхать". Но это жизнерадостное настроеніе посѣщало его всѣ рѣже и рѣже, и даже въ минуты веселья звенѣла въ немъ мрачная струна заботы и тревоги. Но неподражаемымъ мастеромъ разсказовъ и вообще обаятельнымъ собесѣдникомъ онъ оставался всегда. Трудно выразить словами, что именно обаятельнаго было въ его бесѣдѣ. Назвать его человѣкомъ краснорѣчивымъ отнюдь нельзя, искрящагося остроумія у него тоже не было. Случалось, что, увлекаясь какой-нибудь мыслью, далеко за предѣлы логической возможности, онъ говорилъ вещи, съ которыми никоимъ образомъ нельзя было согласиться. И тѣмъ не менѣе слушать его было настоящимъ художественнымъ наслажденіемъ, не говоря о поучительности его бесѣды, благодаря его всегда оригинальной точкѣ зрѣнія.

Боюсь, что, говоря о мастерствѣ его разсказовъ, я навожу читателей на параллель съ покойнымъ Горбуновымъ. Ничего подобнаго. И мало того: есть и не профессіональные разсказчики, славящіеся разговорнымъ мастерствомъ, способные десятки разъ буква въ букву, интонація въ интонацію повторить одинъ и тотъ же разсказъ, сказать одну и ту же рѣчь, выразить одну и ту же мысль; Успенскій былъ на это рѣшительно неспособенъ, онъ просто не могъ повторяться. Разница еще въ томъ, что подобные мастера устной бесѣды любятъ красоваться своимъ искусствомъ и говорить въ большомъ обществѣ, Успенскій же развертывался только самъ-другъ или въ средѣ своихъ, близкихъ людей, а въ большомъ и незнакомомъ обществѣ обыкновенно увядалъ. Для него было истиннымъ мученіемъ обращать на себя вниманіе, даже выходить на эстраду на литературныхъ вечерахъ. Я помню уморительную сцену на литературномъ вечерѣ въ Москвѣ, въ домѣ В. А. Морозовой. Залъ вмѣщалъ всего какихъ-нибудь 200—300 человѣкъ, и все это были горячіе поклонники Глѣба Ивановича (вечеръ имѣлъ частный характеръ). Его встрѣтили градомъ аплодисментовъ, а онъ, претерпѣвъ ихъ, раскрылъ книгу, постоялъ нѣсколько секундъ молча, потомъ закрылъ книгу и, молча же, сошелъ съ эстрады. Или, напримѣръ, вотъ какъ онъ описывалъ мнѣ въ письмѣ изъ Парижа одинъ литературный вечеръ, въ которомъ онъ долженъ былъ, по первоначальному плану, принимать участіе:

„Тутъ былъ литературно-музыкальный вечеръ въ „салонахъ"

m-me Вьярдо. Кроткій Николай Степановичъ (Курочкинъ) вдругъ превратился въ льва, когда читалъ свои стихотворенія. Вотъ человѣкъ, который менѣе всего можетъ изобразить на лицѣ своемъ гнѣвъ. А надо было изобразить. Я взглянулъ на него изъ-за двери, когда онъ читалъ,—и ужаснулся. Н. С. ощетинился на общество и кричалъ что-то очень сердито. Тургеневъ прочелъ мой разсказъ „Ходокъ" и прочелъ превосходно. Я не присутствовалъ на чтеніи, но присутствовалъ на приготовленіи къ чтенію: Тургеневъ прорепетировалъ этотъ разсказъ разъ 7—8, изучилъ, гдѣ какимъ голосомъ, какъ и что сказать до мельчайшихъ подробностей. Я изъ силъ выбился слушать его, но за то вышло отлично. Охъ, и фокусники же эти сороковые годы! У m-me Вьярдо голосу нѣтъ, но умѣнье пѣть, дѣйствительно, поражаетъ. Публика была блестящая, и посланникъ Орловъ улыбался Николаю Степановичу благосклонно, когда тотъ проклиналъ въ своихъ стихотвореніяхъ человѣчество.

„— Гдѣ вы были?—въ *необыкновенной* тревогѣ (все это совершалось съ ужасно озабоченнымъ видомъ и съ дѣйствительной тревогой) обратился ко мнѣ Иванъ Сергѣевичъ, — вы имѣли успѣхъ! васъ зоветъ публика! Гдѣ вы пропали? Я васъ хотѣлъ вывести! Вѣдь васъ звала публика! и т. д.

„— Вычеркните это! А то княгиня Т. будетъ недовольна".— А мерена можно оставить?—О, это оставьте.—Вообще оставляли всякое свинство, а вычеркивали „непріятное".

Надо замѣтить, что большое общество, толпу, Глѣбъ Ивановичъ любилъ, но подъ условіемъ быть самому въ ней незамѣтнымъ, не обращать на себя вниманія. Г-жѣ N. онъ писалъ изъ Перми въ 1884 г., между прочимъ: „До чего трудно жить на свѣтѣ, имѣя „извѣстность",—просто ужасно: слова не добьешься человѣческаго, всѣ говорятъ какъ съ литераторомъ. Чаю нельзя напиться какъ хочется, сѣсть, положивши ноги на столъ, сказать вздоръ — невозможно. Все надо умное, отчего и выходитъ одна глупость". А съ дороги въ Пермь онъ писалъ той же дамѣ: „Не можете-ли вы прислать мнѣ въ Пермь до востребованія телеграмму такого содержанія: „Съ П. можете видѣться" — если это возможно... Между Екатеринбургомъ и Тюменью есть одно село въ 7 верстъ, и если мимо этого села идетъ строющаяся желѣзная дорога, то я у П. попросилъ бы только записку къ кому-нибудь изъ служащихъ самаго низшаго разряда, чтобы мнѣ пожить въ этомъ селѣ день, два, три. А то всѣ будутъ пялить глаза".

Глѣбъ Ивановичъ ошибался, думая, что на него „пялятъ глаза" и ищутъ съ нимъ общенія только потому, что онъ писатель. Было и это, конечно, особенно въ виду его популярности,— мимоходомъ сказать, онъ и этой популярностью временами тяготился, вслѣдствіе чего подписывался одно время подъ своими очерками „Г. Ивановъ". Онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и

людей, не знавшихъ—кто онъ. Какъ то мы ѣхали съ нимъ изъ Москвы,—онъ до своего Чудова, я до Петербурга. Въ томъ же вагонѣ сидѣлъ какой-то пожилой офицеръ. Онъ долго прислушивался къ нашему раговору, пересаживался все ближе и ближе, улыбался и, наконецъ, не выдержалъ: рѣшительно пересѣлъ рядомъ, вмѣшавшись въ разговоръ какимъ-то замѣчаніемъ. Мы уже подъѣзжали къ Чудову, и незнакомецъ, узнавъ, что Успенскій сойдетъ на этой станціи, спросилъ, гдѣ же онъ тутъ живетъ. Успенскій указалъ въ окно на чуть видную церковь деревни Сябринцы, гдѣ онъ жилъ, а изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что семья его теперь въ Петербургѣ, и онъ будетъ жить нѣкоторое время одинъ. Это поразило незнакомца, онъ задумался, и когда мы, простившись съ Глѣбомъ Ивановичемъ, поѣхали дальше, въ Петербургъ, сказалъ мнѣ: „я все думаю: какъ этакій человѣкъ живетъ одинъ... все представляю себѣ занесенный снѣгомъ домишка, и въ немъ этакій человѣкъ!“ Остальную дорогу мы вяло перекидывались незначительными фразами, и только прощаясь со мной въ петербургскомъ вокзалѣ, незнакомецъ спросилъ, кто былъ такъ поразившій его случайный сосѣдъ по вагону. При этомъ оказалось, что имя Успенскаго ему незнакомо... И не одинъ такой случай знаю я, конечно, не всегда съ такимъ концомъ. Случалось, что дорожные спутники (а онъ постоянно былъ въ разъѣздахъ), какъ нибудь узнавъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, тѣмъ восторженнѣе и любовнѣе относились къ нему...

„Онъ постоянно былъ въ разъѣздахъ...“ Это центральный пунктъ его біографіи, и именно потому, что къ этому центру можно подойти съ разныхъ сторонъ, я затрудняюсь — съ чего начать объясненіе этой непосѣдливости, этого вѣчнаго стремленія куда-то все въ новыя и новыя мѣста. Попробую установить самый фактъ Агасферова житія Успенскаго.

Онъ писалъ мнѣ изъ Парижа: „Господи, что за ахинея идетъ въ моей жизни, что за чепуха! Я пять лѣтъ стремился поѣздить по Дону и пробраться въ Соловецкій, а мнѣ надо сидѣть въ Парижѣ! Нечего сказать, по моимъ вкусамъ устроилось все!“ Письмо изъ котораго я беру эти строки, относится еще къ серединѣ 70-хъ годовъ, а чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе его тянуло съ мѣста на мѣсто. Но почему „надо“ жить въ Парижѣ, когда хочется поѣздить по Дону и побывать въ Соловецкомъ?

В. М. Соболевскому онъ писалъ откуда-то изъ-подъ Одессы: „Какъ бы хорошо тутъ около Одессы,—словомъ, въ этихъ мѣстахъ пожить мѣсяцъ! Сколько ужасно интереснаго: мениониты, колонисты нѣмцы, штундисты, казаки! Все это до чрезвычайности ново, любопытно. Я чуть-чуть видѣлъ и говорилъ, а повѣрите-ли, не разстался бы съ здѣшними мѣстами: такъ много въ каждомъ уголкѣ своего—вѣръ, порядковъ, взглядовъ, общественныхъ отношеній, типовъ и т. д. Но надо ѣхать въ Ростовъ, потомъ въ

Владикавказъ и тамъ утвердиться на 1 мѣсяцъ, а затѣмъ домой... Я не печалюсь, хорошо себя чувствую, покойно, и много для меня чрезвычайно новаго. Ахъ, сколько новаго на Руси! Не тужите, не скучайте, не думайте о себѣ печально, — интереснѣй думать о томъ, какъ живутъ люди. Я всегда исцѣляюсь этимъ".

Опять *надо* ѣхать въ Ростовъ, когда хочется пожить около Одессы. Почему *надо*?

Вотъ двѣ его записки ко мнѣ: „Можете представить—пріѣхалъ въ Петербургъ въ 10 часовъ ночи, переночевалъ, а на другой день въ 2 часа уѣхалъ опять домой, никого и ничего не видя! Вотъ въ какомъ я убійственномъ душевномъ состояніи. Не знаю, что и дѣлать, ей Богу". (Безъ даты). „Былъ на нѣсколько часовъ въ Петербургѣ, и тамъ меня осѣнила такая ужасная тоска вдругъ, какъ обухомъ пришибла, что я не рѣшился зайти къ вамъ, просто боялся омрачить васъ и тотчасъ опять уѣхалъ въ Чудово за работу. Страшновато что-то мнѣ по временамъ". (Помѣчено 31 августа 1888).

Вотъ отрывки изъ писемъ къ В. М. Соболевскому: 1) „Ѣхать мнѣ оказывается опять дѣломъ невозможнымъ — нѣтъ денегъ. Хотѣлъ я опять сѣсть за работу и написать послѣдній большой очеркъ „Концовъ", но положительно заѣло меня глубокое горе. Всѣ дѣла только что кончились въ Петербургѣ, только что я выбрался изъ этого кипучаго котла со свадьбами и шахами, и смрадомъ, и оказывается, что мнѣ нѣтъ возможности никуда поѣхать. Писать я положительно не въ состояніи. Вѣдь нынѣшній годъ истиранилъ меня, и истиранилъ на много лѣтъ. Уѣхать надобно... Да надо и работать. Сидѣть въ этомъ смертельно надоѣвшемъ Чудовѣ или въ литературныхъ петербургскихъ кружкахъ... — положительно мнѣ не въ моготу. Мнѣ надобно вновь внимательно видѣть жизнь... Мих., на-дняхъ, будетъ въ Москвѣ, Кр. уѣхалъ въ Сибирь, Яр. въ Парижѣ, — я только обреченъ изсыхать въ обстановкѣ, которая только меня пугаетъ, и самъ долженъ производить на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе... Если бы можно было числа до 10 (и то ужасно долго) получить 300 р., я бы немедленно уѣхалъ въ Череповецъ, гдѣ меня ждутъ, чтобы разсказать всю исторію закрытія земства... Если бы это можно было сдѣлать... я прямо изъ Петербурга, не заѣзжая въ Чудово, прямо сѣлъ бы на шлиссельбургскій пароходъ". (Безъ даты).— 2) „Не знаю, куда мнѣ ѣхать: за границу или въ Сибирь къ переселенцамъ и съ переселенцами? А такъ „отдыхать" зря—не могу, тоска смертная. Въ Сибирь любопытно, но мрачно, чортова яма, холодъ, и вообще я поусталъ отъ мужика, его бороды, лаптей и вообще всего этого голоднаго и холоднаго. Больно смотрѣть и голова отказывается мучиться объ этомъ, просто утомилась. А за границу то же не знаю, будетъ-ли толкъ". (Помѣчено 17 мая 1888 г.).—3) „Главное, что я необыкновенно утомленъ духомъ

моимъ. Видите, какъ плетусь? Только въ Казани, но это потому, что усталъ ужасно; въ Нижнемъ два дня не могъ встать съ постели. Можетъ быть и хорошо это. Теперь въ Казани я уже могъ сѣсть за работу, а завтра, 9-го, ѣду въ Пермь. Меня пока беретъ раздумье—ѣхать-ли туда? Соблазнительнѣйшія вещи прочиталъ я сегодня въ газетахъ о Семеновскомъ уѣздѣ, и меня туда тянетъ неумолимо. Эта поѣздка была бы мнѣ по душѣ болѣе, чѣмъ въ чортову Сибирь. До чего нибудь рѣшительнаго я долженъ непремѣнно додуматься въ самомъ скоромъ времени и завтра долженъ рѣшить: куда я ѣду?". (Безъ даты).

А вотъ отрывокъ изъ письма къ г-жѣ N, объясняющій, какъ и чѣмъ кончилась, можетъ быть, эта самая поѣздка (годъ на письмѣ не показанъ): „*Чудово.* 10 іюля. Дорогая N! Вотъ гдѣ я очутился вмѣсто Сибири-то! И вышло это такъ: въ Перми я занимался моими книгами и чувствовалъ нѣкоторую скуку, но одинъ эпизодъ заставилъ меня призадуматься, какъ говорится, крѣпко. Какъ-то утромъ слышу я какой-то отдаленный звукъ, будто бубенчики звенятъ или, какъ въ Ленкорани, караванъ идетъ съ колокольчиками, далеко-далеко. Дальше, больше. Выглянулъ въ окно (окно у меня было въ 1-мъ этажѣ), гляжу,—изъ подъ горы идетъ сѣрая, безконечная масса арестантовъ. Скоро всѣ они поравнялись съ моимъ окномъ, и я полчаса стоялъ и смотрѣлъ на эту закованную толпу: все знакомыя лица, и мужики, и господа, и воры, и политическіе, и бабы, и все, все наше, изъ нутра русской земли,—человѣкъ не менѣе 1500, все это валило въ Сибирь изъ этой Россіи. И меня такъ потянуло въ слѣдъ за ними, какъ никогда въ жизни не тянуло ни въ Парижъ, ни на Кавказъ, ни въ какія-бы то ни было мѣста, гдѣ виды хороши, а нравы еще того превосходнѣй. Вѣдь эти люди—отборный продуктъ тѣхъ русскихъ условій жизни, той путаницы, тоски, мертвечины, трусости или отчаянной смѣлости, среди которыхъ живемъ мы, не сосланные, томимся, скучаемъ, мучаемся, пьемъ чай съ вареньемъ отъ скуки, времъ и лжемъ и опять мучаемся: всѣ *эти*, отъ воровъ до политическихъ, *не выдержали* этой жизни и ихъ тащутъ въ новыя мѣста. И мнѣ *охотой*, а не на цѣпи захотѣлось необузданно идти на новыя мѣста, мнѣ также не подходитъ „жить" (а не бороться) съ людьми, съ которыми (и которымъ) приходится много лгать, безплодно, безцѣльно и изживать русскій теперешній вѣкъ—безцвѣтно, неинтересно, безвкусно и неумно... Въ Екатеринбургѣ меня еще больше одолѣла жажда ѣхать дальше на новыя мѣста. Отчего переселяются только мужики, а интеллигенцію тащатъ на цѣпи? И намъ надо бросать добровольно запутанныя, тяжкія, ненужныя отношенія, хотя бы они и были старыя, привычныя, и искать и мѣстъ, и людей, съ которыми можно чувствовать себя искреннѣй и сильнѣй. И тутъ то вотъ я и остановился: такъ много на меня пахнуло новаго и свѣтлаго, что я совершенно

сталъ забывать мою работу, которую думалъ дѣлать въ дорогѣ, она мнѣ стала казаться ненужной, а между тѣмъ, не работать было нельзя,—надо устраивать сына въ гимназіи, платить плотникамъ (они перестроили мнѣ домъ отлично) и т. д. А писать мое *старое* тамъ тоже нельзя; и вотъ я рѣшилъ воротиться тотчасъ домой, устроить семью на всю зиму, покончить съ писаніемъ, изданіемъ и т. д. и въ августѣ, послѣ 15, а можетъ и раньше, уѣхать въ Сибирь до весны".

Какъ оріентироваться въ этой путаницѣ большихъ и малыхъ, не приводимыхъ въ исполненіе плановъ, перебиваемыхъ другими планами, изъ которыхъ опять-таки далеко не всѣ приводятся въ исполненіе? Дѣло въ томъ, что трудно найти человѣка, столь же безпомощнаго и безпорядочнаго въ практическомъ отношеніи, какъ Успенскій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ большой искусникъ въ теоретическомъ построеніи плановъ,—всегда у него было все обдумано до мельчайшихъ подробностей. Онъ и другимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, случалось, давалъ истинно превосходные совѣты, какъ устроить свои дѣла въ томъ или другомъ отношеніи, но его собственныя дѣла были всегда и во всѣхъ отношеніяхъ плохи, и превосходно обдуманные планы разбивались при самомъ приступѣ къ ихъ выполненію. *Надо* сдѣлать то-то и такъ-то, а выходитъ „ахинея" и „чепуха". Редакціи журналовъ и газетъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, всегда высоко цѣнили его сотрудничество, а между тѣмъ онъ постоянно нуждался, хотя и постоянно работалъ. Его письма къ редактору-издателю „Русскихъ Вѣдомостей" переполнены тонко и точно разработанными планами погашенія авансовъ (за эту тонкость и точность Салтыковъ называлъ его „министромъ финансовъ"), но изъ тѣхъ же писемъ видно, что едва ли хоть одинъ изъ нихъ былъ приведенъ въ исполненіе и не отмѣнялся черезъ короткое время другимъ, столь же обстоятельнымъ. Съ деньгами онъ вообще совершенно не умѣлъ обращаться. И это ставило его подчасъ въ истинно трагическія положенія, хотя въ то же время его блестящіе финансовые планы не могли не производить комическаго эффекта... Тѣмъ болѣе, что его безпорядочность проявлялась не только въ денежныхъ дѣлахъ. Такъ, въ своихъ непрестанныхъ разъѣздахъ онъ то и дѣло терялъ или забывалъ нужныя ему вещи, которыя, впрочемъ, оказывались, пожалуй что, и совсѣмъ не нужными. Проживъ однажды съ мѣсяцъ вмѣстѣ съ нимъ на Кавказѣ, я получилъ отъ него потомъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, было слѣдующее: „Одѣяло осталось мое,—прошу М. П. взять его къ себѣ и когда поѣдетъ, то пусть возьметъ или просто подаритъ старику (дворнику). А вотъ папиросникъ я забылъ, кажется, въ жестяной коробкѣ. Его вы ужъ возьмите, пожалуйста, и пусть онъ будетъ у васъ". Забывъ въ квартирѣ В. М. Соболевскаго бумажникъ, онъ пишетъ: „Бумажникъ мой не бросайте на столѣ,

тамъ есть разные секретцы,—не хорошо, если кто прочитаетъ". Въ Нижнемъ Новгородѣ съ его багажомъ приключилась разъ какая-то очень сложная исторія, изъ которой онъ выпутывался въ письмѣ къ В. Г. Короленку такъ: „Сегодня послалъ я вамъ довѣренность на полученіе моего хоботья, но, кажется, перевралъ адресъ. Написалъ: Больничная, д. *Пенской*, а надобно, кажется, Папковой. Посылаю это письмо на удачу, безъ всякаго адреса, а просто въ Нижній вамъ. Хламье мое пусть лежитъ у васъ столько, сколько оно захочетъ"...

Психологическая подкладка его постоянныхъ разъѣздовъ, я думаю, уже нѣсколько выяснилась изъ приведенныхъ писемъ. Мы видѣли: „не тужите, не скучайте, не думайте о себѣ печально,—интереснѣй думать о томъ, какъ живутъ люди; *я всегда исцѣляюсь этимъ*". И вотъ почему его манитъ на Донъ, въ Соловецкій, къ новороссійскимъ менонитамъ, колонистамъ и проч., въ Череповецъ, гдѣ онъ разсчитываетъ лично узнать обстоятельства, при которыхъ произошло закрытіе земства, въ Семеновскій уѣздъ, о которомъ онъ по дорогѣ узналъ „соблазнительнѣйшія вещи", къ переселенцамъ, вообще на „новыя мѣста",—и въ Парижъ, и въ Сибирь, и въ Болгарію, и въ Лондонъ, и въ Сербію. И вотъ почему, онъ часто, уже двинувшись изъ своего Чудова, не зналъ—куда ѣхать? Глаза разбѣгались...

Но въ этомъ безбрежномъ житейскомъ морѣ была маленькая горсточка людей, которая требовала особеннаго его вниманія, передъ которою онъ до болѣзненности чувствовалъ свою отвѣтственность: семья. Его категорическій императивъ—„*надо*", такъ часто, къ его великому горю, разрѣшавшійся „ахинеей" и „чепухой", но никогда въ немъ не замолкавшій, въ значительной степени обусловливался его отношеніемъ къ женѣ и дѣтямъ. Случаи, когда категорическій императивъ, вытекая изъ другихъ источниковъ, враждебно сталкивался съ тѣмъ, что *надо* ради семьи, доставляли ему величайшія мученія. Необыкновенно трогательны его письма изъ Парижа о сынѣ—первенцѣ. „Я думаю,—писалъ онъ мнѣ,—написать разсказъ „Царь въ дому"—ребенокъ. Это народное выраженіе о первомъ ребенкѣ, и дѣйствительно, только эту власть я и согласенъ признавать за законную". Его письма этого времени переполнены подробностями о томъ, какъ Саша начинаетъ ходить, говорить и т. п. И никогда не забуду той дѣтски-счастливой улыбки, съ которой онъ, по возвращеніи изъ Парижа, показывая мнѣ фотографическую карточку мальчика, самъ любовался на нее. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ онъ просилъ меня: „Пожалуйста, заѣзжайте на святой недѣлѣ въ Чудово. Пріѣзжайте туда со всѣми вашими гостями, не покидайте ихъ, и ребятъ привозите. Нельзя же ихъ покидать. Я буду знать, что у насъ дома все-таки праздникъ, и мнѣ будетъ легче на душѣ"...

Но, по другимъ соображеніямъ или мотивамъ, всетаки, *надо*

ѣхать, ѣхать и опять ѣхать, иной разъ даже не зная куда. Надо „исцѣляться“ интересомъ къ тому, „какъ живутъ люди“. Отъ чего „исцѣляться“?

Здѣсь я долженъ коснуться одного непріятнаго и щекотливаго пункта. Мнѣ не разъ случалось слышать мнѣніе, что психическая болѣзнь Глѣба Ивановича была результатомъ злоупотребленія алкоголемъ. Я никогда не могъ съ этимъ согласиться. Отнюдь не говорю, что Успенскій былъ въ этомъ отношеніи безгрѣшенъ. Но, не говоря о моральной сторонѣ дѣла,—ибо не знаю, много ли найдется въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался, людей, имѣющихъ право суда въ этомъ отношеніи,—я думаю, во-первыхъ, что слухи о его грѣхѣ сильно преувеличены (въ покаянномъ настроеніи онъ самъ способствовалъ этому преувеличенію), а во-вторыхъ, грѣхъ этотъ былъ во всякомъ случаѣ не столько причиною, сколько слѣдствіемъ того нервнаго разстройства, которое окончилось психическою болѣзнью. Вотъ что писалъ однажды Успенскій г-жѣ N: „Не могу забыть, какъ я безобразно велъ себя у васъ,—напился! Могло ли это быть прежде, чтобы именно *у васъ*, *у васъ-то* я бы позволилъ себѣ это?.. а теперь вотъ позволилъ, стало быть, что-то во мнѣ пропало и, стало быть, я сталъ пропадать“. Выраженія „безобразно велъ себя“ и „напился“—несомнѣнно сильно преувеличены, но здѣсь интересно указаніе на то, что Успенскій „позволилъ себѣ“ быть въ „безобразномъ“ видѣ у глубоко почитаемой имъ женщины, когда въ немъ уже „что-то пропало“. Я склоненъ придавать этому эпизоду символическое значеніе. Мнѣ кажется, что Глѣбъ Ивановичъ былъ отъ рожденія богатою и блестящею, но неуравновѣшенною натурой, которую могли спасти отъ печальнаго конца только исключительно благопріятныя условія жизни, какія вообще рѣдки и какихъ не выпало на его долю. Болѣзнь подкралась къ нему съ чрезвычайною постепенностью. Можно, конечно, съ точностью указать время, когда его пришлось помѣстить въ больницу, но едва-ли можно даже съ приблизительно такою же точностью сказать, когда болѣзнь началась. Быть можетъ, она вила давно уже себѣ въ немъ гнѣздо, когда мы, близкіе къ нему люди, видѣли въ немъ только очень нервнаго чудака-оригинала.

Вотъ его письмо ко мнѣ отъ 18 февраля 1891 года: „Съ великимъ бы удовольствіемъ поѣлъ я блиновъ. если бы не одно чрезвычайно важное обстоятельство: вчера ко мнѣ пріѣхалъ въ 1 часъ дня д-ръ Шершевскій (кажется, по желанію Манасеина узнать мою болѣзнь), выстукалъ, выслушалъ меня и, словомъ, докопался до самой сути болѣзни (мозгъ!) и началъ правильное лѣченіе. До слѣдующаго воскресенья никакихъ блиновъ не полагается, а въ слѣдующее воскресенье онъ опять пріѣдетъ и обслѣдуетъ меня... (не разборчиво)... но буду повиноваться, потому что дѣло мое стало совсѣмъ скверное. Прочитайте прилагаемое письмо и

порадуйтесь. Я радъ, что читатель поступилъ со мной строго, и это на меня подѣйствовало благодѣтельно. Остаюсь лишенный блиновъ, печальный Г. У.“ (Въ письмѣ, о которомъ здѣсь пишетъ Успенскій, какой-то читатель упрекаетъ его за то, что онъ напечаталъ свой разсказъ въ „Недѣлѣ“, гдѣ въ то время „осмѣивалъ лучшіе идеалы лучшихъ людей“ и т. д. нѣкто, подписавшійся „Единица“). Какъ видите, письмо самое обыкновенное, а между тѣмъ врачъ уже опредѣлилъ болѣзнь мозга. Неуравновѣшенность свою онъ получилъ, вѣроятно, по наслѣдству, а тяжелыя условія жизни создали почву для ея расцвѣта... Въ этой неуравновѣшенности и заключалось то, ему самому неясное, нѣчто, отъ чего онъ искалъ „исцѣленія“ въ интересѣ къ тому, „какъ люди живутъ“ и въ постоянныхъ разъѣздахъ. Онъ очень дорожилъ этимъ цѣлительнымъ средствомъ и очень боялся, чтобы оно не утратило для него своихъ цѣлебныхъ свойствъ. „Я, кажется, уже при усиліи теперь не могу возстановить въ себѣ потребности быть внимательнымъ къ людямъ, а это была потребность“,—писалъ онъ мнѣ однажды. Но это были напрасныя опасенія. „Потребность быть внимательнымъ къ людямъ“ никогда въ немъ не угасала, и въ томъ же письмѣ есть слѣдующія характерныя строки: „Очень, очень плохо у меня на душѣ съ самаго перваго дня выѣзда изъ Чудова, и вотъ отчего мнѣ нечего вамъ написать. С—у, впрочемъ, я пишу, что мнѣ хорошо, но это единственно, чтобы ободрить его, что есть кому-то хорошо на свѣтѣ, такъ какъ ему-то уже что-то очень тошно и скучно. И А. В. я пишу иногда въ томъ же родѣ“.

Характерны здѣсь эти высшія степени вниманія къ людямъ—бережное къ нимъ отношеніе, желаніе устранить поводы для горькихъ мыслей. Чужое горе, чужую бѣду Глѣбъ Ивановичъ всегда принималъ близко къ сердцу.

Вскорѣ послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“ онъ гнѣвно и вмѣстѣ трогательно писалъ мнѣ по поводу одного литературнаго эпизода, которому я вовсе и не думалъ придавать значеніе: „Я прочиталъ фельетонъ... Начинается нѣчто глубоко подлое. Если принять къ сердцу, то надо бить... по щекѣ. Но избави Господи, если вы примете къ сердцу эти хитрые замыслы вовлечь васъ въ бѣду; какая-то шайка образовалась разбойничья. Совершенно прекратить съ ней всякіе разговоры,—самое лучшее и единственное. Я не хотѣлъ васъ огорчать и не писалъ вамъ объ этомъ фельетонѣ, но если вы его не прочитаете и будете отвѣчать хотя бы... какъ всетаки человѣку... то будетъ просто Богъ знаетъ что, и васъ разстроитъ до невозможности. Необходимо просто уйти, плюнувъ имъ всѣмъ въ рыло особой статьей въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и разъ навсегда... Это вольные казаки, разбойники, шайка—однимъ словомъ. Никакой тутъ литературы нѣтъ. Такъ именно и надо сказать, что это не писатели. Прочитать надо,

но не надо огорчаться: начинается чортово, омутовое дѣло, шабашъ вѣдьмъ,—не ходите туда; надо дунуть и плюнуть и пусть они безобразничаютъ какъ угодно. Не огорчайтесь-же, дорогой Н. К.“

Въ октябрѣ 1886 г., когда я, участвуя въ редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“, ждалъ отъ него изъ Чудова обѣщанной рукописи, я получилъ вмѣсто нея письмо изъ Рязани: „Нежданно-негаданно пришлось бросить работу и уѣхать по одному дѣлу. Ужъ стало-быть что-нибудь есть, больше я не знаю что сказать, и до моего возращенія ни о моемъ отъѣздѣ не говорите никому и *никого* (буквально) не спрашивайте. Я глубоко огорченъ, что надулъ „Сѣв. Вѣстникъ“, но я искуплю въ ноябрѣ и декабрѣ. Не было возможности даже зайти къ вамъ. Пишу въ вокзалѣ въ Москвѣ, черезъ часъ ѣду дальше. Итакъ, знайте, пожалуйста, что если бы не серьезное дѣло, я бы не бросилъ работы и всѣхъ своихъ дѣлъ.“ Потомъ я узналъ секретъ этой неожиданной поѣздки: Глѣбъ Ивановичъ ѣздилъ за тысячу верстъ для улаженія недоразумѣній, возникшихъ въ семьѣ одного нынѣ уже умершаго, горячо любимаго имъ пріятеля.

Около этого же времени, нѣсколько раньше, онъ писалъ мнѣ изъ Новороссійска:

„Я хочу сказать о N. Бываетъ-ли она... И допустите-ли вы, чтобы она познакомилась съ... Я бы не допустилъ этого и, пожалуйста, не допустите этого. Я вамъ пришлю кой-какія письма Z, и вы увидите, что это самая канальская и пустопорожняя душа. NN я не знаю, но думаю, что и въ ней кой-что есть такое, что имѣетъ не безпорочное зачатіе. Такъ вотъ, какъ эта капелла прицѣпится къ N., да втянетъ ее въ свой бабій танецъ, то это будетъ худо. Я право не знаю, но какъ только... такъ мнѣ стало страшно за N. Я писалъ ей, чтобы она боялась ласковыхъ словъ... Работать работай и не покидай насъ, но что касаемое ежели барыни задумаютъ впутать ее въ лянтрикъ (l'intrigue), такъ чтобы лупила ихъ на отмашь“.

И, дѣйствительно, онъ писалъ по этому поводу г-жѣ N.: „Боюсь я этихъ проклятыхъ бабъ: очень онѣ ехидны, плутоваты, очень бабы и безконечно опытны только въ одномъ ехидствѣ, плутоватости, подвохахъ, пронырствахъ и всякихъ ядовитыхъ каракуляхъ, вращающихся около амура, и только амура, въ которомъ къ тому же никто изъ нихъ ничего не смыслитъ и внѣ котораго, однако, для нихъ нѣтъ ровно ничего святого и даже любопытнаго. Чортъ ихъ знаетъ, что это за порода! Когда я былъ у васъ и прорицалъ въ пьяномъ видѣ о литературѣ и о дамахъ, которыхъ надо удержать въ предѣлахъ серьезнаго интереса,—я не могъ *думать*, чтобы онѣ были такія ехидныя... И вотъ я прошу васъ: будьте мудры, яко змія! Пожалуйста! Вы, пожалуйста, работайте, пишите, но какъ только которая-нибудь изъ этихъ кривулекъ пикнетъ что

нибудь насчетъ некасающаго или насчетъ того, что сулитъ въ будущемъ очертанія интриги,—прямо бейте ихъ по рылу, такъ, чтобы юбки зазвенѣли и засверкали въ небесахъ...“

Милый Глѣбъ Ивановичъ! Какъ хорошо звучали въ его устахъ подобныя не вполнѣ свѣтскія выраженія, даже когда онъ обращался съ ними къ дамамъ. Правда, онъ хорошо зналъ, кому можно и кому нельзя такъ писать, кто способенъ и кто не способенъ оцѣнить искренность чувства, облеченнаго въ такую оригинальную форму. Какъ ни странно можетъ это показаться, но подобныя выраженія были, по своему значенію, драгоцѣннымъ бисеромъ, который онъ сыпалъ только передъ особенно близкими и дорогими ему людьми...

Надо замѣтить, что если я вовсе не придалъ значенія тому литературному эпизоду, по поводу котораго Успенскій такъ взволновано убѣждалъ меня не огорчаться, то и дамы, отъ которыхъ онъ предостерегалъ г-жу N, отнюдь не были для нея опасны. Но преувеличеніе опасностей было одною изъ особенностей Глѣба Ивановича, и если стереть въ только-что приведенныхъ письмахъ слѣды этой его личной особенности, то что же удивительнаго въ томъ, что человѣкъ волнуется изъ-за другихъ людей? Это элементарно. Да, но Успенскому были близки не только семья и пріятели. Ему поистинѣ ничто человѣческое не было чуждо.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ изъ письма его ко мнѣ: „Какое ужасное положеніе!.. Я прошу Павленкова оставить вамъ мои 250 рублей. Не знаю, кто и когда будетъ въ Петербургѣ, но кто бы ни былъ эти дни,—изъ этихъ моихъ денегъ навѣрно устроится сколько-нибудь.“

Или вотъ рядъ его писемъ къ В. М. Соболевскому:

„В. М.! Очень мелкимъ шрифтомъ печатаете о переселенцахъ и пожертвованіяхъ. Надобно привлекать къ этому дѣлу публику. Посмотрите-ка, какъ поступаютъ К. и С. Поповы, чтобы публика видѣла слово **чай**, а когда дойдетъ до переселенцевъ, то печатается такими бактеріями-буквами, что совсѣмъ не увидишь (получено 1 р. А. З., отъ К. Б. 50 коп.). Поповъ такими буквами не напечатаетъ своего объявленія, а то и онъ пойдетъ въ переселенцы. Ужъ на что несчастны кухарки и „человѣкъ ищетъ мѣста“, а и то публика можетъ сказать, взглянувъ на объявленія: „Эко кухарокъ то!“ А переселенцы и незамѣтны совсѣмъ. Я вотъ знаю тысячу докторовъ отъ сифилиса, а мнѣ вовсе ихъ знать не надо. Знаю Кнопа, Бутенопа, Эрдмансдорфера, мыло тридасъ, Брокаръ, знаю, что скончалась Мазуркина, Болванкина и Лоханкина,—а переселенцы? поступило въ Р. В. 1 р. 50 коп.“

„Удивляюсь, что о такихъ вещахъ, какимъ посвящена передовая статья 20 октября, такъ мало удѣляется мѣста! Просто поразительно! Сдѣлайте милость для общества всего русскаго,— поручите кому-нибудь составить компиляцію для фельетона о

послѣднихъ англійскихъ выборахъ... Если ужъ объ этакихъ явленіяхъ можно говорить разъ въ годъ въ 20 строкахъ, тогда что же есть интереснаго на бѣломъ свѣтѣ? Если вы не сдѣлаете этого и не составите подробной компиляціи фельетона на 3, то Богъ съ вами! Не буду я васъ тогда любить!“

„Что это вы не сдѣлаете извлеченія изъ письма Карла Маркса, напечатаннаго въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ въ октябрѣ. Это письмо къ Михайловскому *). Марксъ выражаетъ обиду, что Михайловскій *позволилъ* себѣ (курсивъ, какъ и ниже, Успенскаго) заподозрить его въ томъ, что онъ, Марксъ, считаетъ „желѣзные законы развитія капитализма“ неизбѣжными для націй, не имѣющихъ ничего похожаго въ исторіи съ европейскими. Вотъ что онъ пишетъ про себя: „*Чтобы судить со знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи современной Россіи, я выучился по-русски* и затѣмъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету. *Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 г., то она лишится самаго прекраснаго случая, какой когда-либо предоставляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя*“. Вѣдь это смертный приговоръ! Положительно необходимо вамъ перепечатать это въ сокращеніи. Вотъ тутъ-то и *было* наше *дѣло* — да сплыло. Теперь одни — *самохвалы* изъ статистическихъ данныхъ извлекаютъ одни прелести жизни народной, великое будущее, выбрасывая всю мерзость запустѣнія, а другіе—Марксы *карлики*, выбрасываютъ изъ этихъ же данныхъ все, что еще живо оригинальностью, конечно, случайно, — и повелѣваютъ покориться всѣмъ „перипетіямъ“. А такихъ словъ, великихъ и простыхъ, какія говоритъ Марксъ и какія требуютъ огромнаго дѣла, мы не говоримъ и поэтому дѣла не дѣлаемъ никакого. Какъ это письмо меня тронуло!“

Задумывая, очевидно, въ это же время новый рядъ очерковъ, Успенскій сообщаетъ В. М. Соболевскому, что ихъ будетъ три. Первый займется вопросомъ „что будетъ?“ („не „что дѣлать?“ не „какъ жить на свѣтѣ?“—этому ужъ не время“,—прибавляетъ Успенскій въ скобкахъ). „Второй будетъ называться „что будетъ съ фабрикой?“ Третій—„что будетъ съ бабой?“ Во второмъ „будутъ собраны всѣ обѣщанія „марксистовъ“ о тѣхъ *превосходнѣйшихъ временахъ*, до которыхъ *должна* дожить фабрика“. Въ третьемъ будутъ представлены доказательства, что баба есть человѣкъ, который „никоимъ образомъ не пропадетъ безъ мужика и все сдѣлаетъ и просуществуетъ на бѣломъ свѣтѣ одна и

*) Письмо это, часто называемое у насъ письмомъ къ Михайловскому, адресовано совсѣмъ не ко мнѣ, это видно уже изъ того, что Марксъ говоритъ въ немъ обо мнѣ въ третьемъ лицѣ. Вѣроятно, онъ предполагалъ напечатать его въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ видѣ письма въ редакцію.

съ дѣтьми. Какъ и почему капитализмъ долженъ ее (*пока*!) въ порошокъ растерѣть?"

„Я право усталъ. *Но не въ этой устали дѣло* (курсивъ вездѣ Успенскаго): дѣло въ томъ, что *я теперь* поглощенъ хорошею мыслью, которая во мнѣ хорошо сложилась, *подобрала и вобрала въ себя* множество явленій, которыя *сразу* выяснились, улеглись въ порядкѣ. Подобно *Власти земли*, то есть условій трудовой народной жизни, ея зла и благообразія, мнѣ теперь хочется до страсти писать рядъ очерковъ *„Власть капитала"*. Два фельетона, которые вы напечатали, это только образчикъ того, что меня теперь занимаетъ. Такъ вотъ мнѣ и не хочется теперь мучить свою голову, отрываясь отъ этой *любимой мысли* для нелюбимыхъ, для работы изъ-за нужды... Если *„Власть капитала"*—названіе неподходящее, то я назову *Очерки вліяній капитала.* Вліянія эти опредѣленны, неотразимы, ощущаются въ жизни неминуемыми явленіями. Теперь эти явленія изображаютъ цифрами,—у меня же будутъ цифры и дроби превращены въ людей... Увѣренъ, что ужасность ихъ (этихъ явленій) будетъ понята читателями, когда статистическія дроби придутъ къ нимъ въ видѣ людей,—изуродованныхъ и искалѣченныхъ".

Планъ этотъ остался невыполненнымъ, Успенскій только приступилъ къ нему („Живыя цифры"). Это съ нимъ не разъ случалось, не только въ послѣднее время, когда усталость все больше и больше одолѣвала его, а и гораздо раньше, въ молодую пору пробужденія, а затѣмъ и расцвѣта его таланта. Въ предисловіяхъ къ первому и второму томамъ его сочиненій перваго изданія и къ первому тому Павленковскаго изданія онъ самъ отчасти разсказалъ, какъ и почему это случалось. Всегда, такъ или иначе, дѣло было въ разладѣ между категорическимъ императивомъ *надо* и либо его собственною неуравновѣшенностью, либо разными внѣшними обстоятельствами, обрывавшимися „ахинеей" и „чепухой". Между прочимъ, его въ половинѣ семидесятыхъ годовъ очень занимала мысль о романѣ или повѣсти, которую онъ уже принялся было писать, которой и заглавіе было придумано („Удалой добрый молодецъ"), но которой онъ такъ и не написалъ...

То „исцѣленіе", котораго онъ всю свою жизнь искалъ, состояло не просто въ томъ, чтобы „думать о томъ, какъ люди живутъ". Въ этихъ думахъ и въ наблюденіяхъ, ради которыхъ онъ колесилъ по сѣверу и югу, востоку и западу, онъ слишкомъ часто находилъ не исцѣленіе, а вящшую боль и скорбь. Онъ искалъ того равновѣсія, той гармоніи отношеній и пропорцій, гармоніи цѣлей и средствъ, мысли и дѣла, разума и совѣсти, которой не находилъ въ себѣ и въ непосредственно окружающей его жизни. Онъ находилъ ее въ подлинной мужицкой жизни („Власть земли"), въ художественныхъ произведеніяхъ — въ Венерѣ Милосской, въ картинѣ Ярошенка „Курсистка" („По поводу

одной картинки"), наконецъ, въ живыхъ людяхъ, вродѣ дѣвушки „строгаго, почти монашескаго типа" („Выпрямила"), передъ которою онъ почти молитвенно преклонялся. Въ нѣкоторыхъ своихъ очеркахъ онъ самъ разсказалъ, какъ „выпрямляли", счастливили его такія явленія жизни. Къ числу ихъ принадлежалъ и оригиналъ героя романа или повѣсти „Удалой добрый молодецъ". Онъ писалъ мнѣ:

„Повѣсть, которую пишу — автобіографія, не моя личная, а нѣчто вродѣ Л. Чего только онъ не видалъ на своемъ вѣку. Его метало изъ губернаторскихъ чиновниковъ въ острогъ на Кавказъ, съ Кавказа въ Италію, прямо къ битвѣ подъ Ментаной, къ Герцену, потомъ въ Сибирь на три года, потомъ на Ангару, по которой онъ плылъ тысячу верстъ, потомъ въ Шенкурскъ, въ Лондонъ, въ Цюрихъ, въ Парижъ. Онъ видѣлъ все и вся. Это цѣлая поэма. Онъ знаетъ въ совершенствѣ три языка, умѣетъ говорить съ членомъ парламента, съ частнымъ приставомъ, съ мужикомъ, умѣетъ самъ притвориться и частнымъ приставомъ, и мужикомъ, и неучемъ, и въ то же время можетъ войти сейчасъ на каѳедру и начать о чемъ угодно вполнѣ интересную лекцію. Это изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголокъ я постараюсь взять въ свою власть"...

Но мутныя волны повседневной жизни скоро смывали подобныя „выпрямляющія", живительныя впечатлѣнія, которыхъ такъ жаждала душа Успенскаго. А, кромѣ того, случалось ему, конечно, и ошибаться, ожидая найти чистое золото тамъ, гдѣ на дѣлѣ оказывалась грязь. Вотъ, напримѣръ, что онъ писалъ В. М. Соболевскому послѣ поѣздки въ Болгарію:

„Только нѣсколько дней, когда я чувствую себя немного почеловѣчески. Болгарская поѣздка измучила меня нравственно до ужасной степени. Никогда въ жизни не былъ я въ такомъ глубокомъ отчаяніи, положительно не зналъ,—что тутъ дѣлать, т. е. что думать! Всякая русская грязь, подлость... вся ложь полуславянофильства, такая, какъ теперь въ модѣ,—все это здѣсь возстало передо мною въ подлинномъ видѣ, ошеломило меня, все мнѣ припомнило, всю жизнь, всѣ жертвы, все лганье, которое постепенно вкрадывалось въ душу страха ради іудейскаго, всѣ уступки совѣсти, вплоть до послѣдняго слова непротивленія злу. Словомъ, положительно я задохнулся и изнемогъ *отъ этого всего*, что здѣсь на меня нахлынуло вдругъ сразу. Не знаю и не увѣренъ, чтобы вы нашли возможнымъ печатать такія письма, какъ прилагаемое. Но изъ него вы можете имѣть понятіе о красотѣ и пріятности здѣшнихъ впечатлѣній. Писать дипломатическія письма, изъ которыхъ ничего неизвѣстно, я не могу... Много, много, въ насъ, русскихъ, лжи въѣлось и вообще *ничего радующаго*! Нехорошо, нескладно, непріятно творится здѣсь дѣло *невѣдомое буквально* и ничего не обѣщающее въ будущемъ. Хорошія

слова—свобода, равенство нечѣмъ наполнить ни намъ, ни имъ. Все это здѣсь мыльные пузыри, которые, когда лопаются, то пахнутъ гадко. Я стараюсь быть елико возможно безпристрастнымъ, о Болгаріи будетъ на основаніи болгарской прессы радикальнаго лагеря, и вы увидите, какъ много уже въ ней шарлатанства. Все это не второй, а сто второй сортъ. Другое дѣло—народъ. Онъ то, его житье-бытье и обличитель всей этой скверности. Словомъ, не знаю, не знаю. Я буду писать, но кромѣ глубочайшей скорби ничего на душѣ нѣтъ отъ этой работы"...

Измученный подобными впечатлѣніями и всякаго рода житейской „ахинеей" и „чепухой", Глѣбъ Ивановичъ подумывалъ иногда усѣсться на мѣстѣ, поступить на службу—на желѣзную дорогу, въ земство и т. п. и, имѣя постоянный заработокъ, работать въ литературѣ спокойно, не разрывая свои произведенія на клочки. Но это или совсѣмъ не удавалось ему, или удавалось очень не надолго. Дольше всего, кажется, онъ *служилъ* завѣдующимъ сельской ссудо-сберегательной кассой въ Самарской губерніи. Повидимому, онъ этой службой былъ доволенъ, — по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія собраннаго имъ тамъ матеріала для литературной обработки. Иначе вышло съ другой его пробой служебной дѣятельности. 11 сентября (все равно какого года) онъ даже съ нѣкоторымъ торжествомъ извѣщалъ меня: „Сижу *въ должности*", а письмо отъ 1 февраля слѣдующаго года начинается словами: „Мѣста у меня больше нѣтъ". И вотъ мотивы, изложенные въ письмѣ отъ 14 марта: „Мѣсто... я долженъ былъ бросить и какъ ни скверно это въ матеріальномъ отношеніи, но рѣшительно не раскаиваюсь: подлые концессіонеры глотаютъ милліоны во имя разныхъ шарлатанскихъ проектовъ,—а во сколько же разъ подлѣе интеллигенція, которая не за милліоны, а за два двугривенныхъ осуществляетъ эти разбойничьи проекты на дѣлѣ, тамъ, въ глубинѣ страны? Громадныя челюсти концессіонеровъ ничего бы не сдѣлали, ничего бы не проглотили, если бы имъ не помогали эти острые двухъ-двугривенные зубы, которые тамъ, въ глубинѣ-то Россіи, въ глуши, пережевываютъ неповиннаго ни въ чемъ обывателя. Я не могу быть въ числѣ этихъ зубовъ; если бы мнѣ было хоть мало-мальски покойно, я бы, можетъ быть, и не такъ былъ чувствителенъ ко всему этому и, понимая, считалъ бы себя скотиной, но жалованье получалъ бы аккуратно. Но при томъ раздраженіи, которое временами (какъ въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ) достигаетъ по истинѣ глубочайшей невыносимости, я не могу не принимать этихъ скверныхъ впечатлѣній съ особенною чувствительностью. Мѣсто надо было бросать: всѣ, тамъ служащіе, знаютъ, что они дѣлаютъ разбойничье дѣло (будьте въ этомъ увѣрены), но всѣ знаютъ, чѣмъ оправдать свое положеніе... а вотъ зачѣмъ литераторъ-то (каждый думаетъ изъ нихъ) тоже мокаетъ свое рыло въ эти лужи награбленныхъ

денегъ—это ужъ не хорошо. „Пишетъ одно, а дѣлаетъ другое". Вотъ почему нужно было бросить ихъ въ ту самую минуту, какъ только стала понятна вся подлецкая механика ихъ дѣла"...

Къ сожалѣнію, на этомъ я долженъ кончить выдержки изъ писемъ Успенскаго. Однако, и то, что я счелъ возможнымъ и удобнымъ взять изъ нихъ, надѣюсь, хоть нѣсколько дополняетъ и поясняетъ фигуру этого оригинальнѣйшаго и симпатичнѣйшаго человѣка, какую мы знаемъ по его писаніямъ. Но знаемъ ли мы и писанія-то его, какъ они того заслуживаютъ? Г. Волжскій въ упомянутой въ началѣ настоящихъ замѣтокъ книгѣ „Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ" говоритъ: „Идейное наслѣдство Успенскаго не только не исчерпано, но и не оцѣнено еще. Правда, его крупное дарованіе пользуется въ нашей литературѣ всеобщимъ уваженіемъ, оно общепризнано, но при всемъ этомъ Успенскаго поразительно мало читаютъ и еще менѣе серьезно изучаютъ. Прямо можно сказать, что его гораздо больше уважаютъ, чѣмъ читаютъ и изучаютъ". Неблагодарная, легкомысленная, какъ трость колеблемая вѣтромъ, русская читающая публика и не подозрѣваетъ, какого высокаго наслажденія лишаетъ она себя, обходя сокровищницу сочиненій Глѣба Успенскаго. Я приводилъ уже однажды и приведу здѣсь еще разъ надпись старика Елисеева на сочиненіяхъ Успенскаго, подаренныхъ имъ одной родственницѣ при отъѣздѣ ея изъ Петербурга: „Не падай духомъ въ постигшемъ тебя несчастіи, будь покойна и не переставай трудиться надъ своимъ самообразованіемъ для будущей дѣятельности, но такой дѣятельности, которая бы основывалась не на мечтахъ и иллюзіяхъ, а которая была бы приспособлена и пригодна для русской дѣйствительности. Для этого совѣтую тебѣ какъ можно чаще читать и даже изучать сочиненія Г. И. Успенскаго, единственнаго у насъ писателя, мысль котораго въ отношеніи Россіи отличается всегда искренностью, свѣжестью, правдивостью, богатствомъ содержанія и глубиною. Да, даже и глубиною, при всей видимой легкости его писаній. Но глубина можетъ даваться только тому, кто будетъ читать его не бѣгло, а пристально вдумываться въ читаемое, усердно ворочая при этомъ своими собственными мозгами".

Этотъ не предназначавшійся для печати отзывъ тѣмъ любопытнѣе, что трудно найти людей, менѣе сходныхъ по основнымъ свойствамъ ума и характера, чѣмъ спокойный Елисеевъ и вѣчно мятущійся Успенскій...

---

25 февраля скончалась издательница „Міра Божія" Александра Аркадьевна Давыдова. Это большая потеря для журнала, въ которомъ ея роль далеко не ограничивалась простымъ издатель-

ствомъ. Женщина рѣдкаго ума и энергіи, она создала этотъ журналъ съ его своеобразной программой, была его душой, и успѣхомъ своимъ „Міръ Божій“ въ очень и очень значительной степени обязанъ ей, хотя она ничего не писала. На журнальное поприще ее толкнула простая случайность. Въ 1885 г. она познакомилась съ г-жей Евреиновой, затѣявшей тогда „Сѣверный Вѣстникъ“. Самое это знакомство завязалось, если не ошибаюсь, совершенно случайно, — онѣ жили на одной лѣстницѣ. Г-жа Евреинова предложила Александрѣ Аркадьевнѣ мѣсто секретаря редакціи, и та приняла его, какъ я думаю, безъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Вначалѣ это было чисто дилетантское занятіе умной свѣтской дамы, у которой было много свободнаго времени и которой надоѣли пріемы, выѣзды, визиты. Я помню ее въ это время блистающею красотой, остроуміемъ, весельемъ... Но постепенно она такъ втянулась въ дѣло, что уже положительно не могла безъ него существовать, основала „Міръ Божій“ и вся ушла въ него. Повторяю, она ничего не писала, но въ редакціонномъ дѣлѣ—въ чтеніи рукописей, выборѣ статей, въ сношеніяхъ съ сотрудниками—принимала живѣйшее и, если можно такъ выразиться, центральное участіе, не отказываясь и отъ черной работы въ родѣ чтенія корректуръ. Во всемъ этомъ ей помогала старшая дочь, Лидія Карловна, по мужу Туганъ-Барановская, которую она цѣнила необычайно высоко и въ которой видѣла свою преемницу по журналу. Журналъ шелъ все лучше и лучше, и Александра Аркадьевна могла смѣло смотрѣть на будущее. Но въ прошломъ году Лидія Карловна умерла, и эта преждевременная смерть страстно любимой дочери сразу подкосила издательницу „Міра Божія“. Съ небольшимъ черезъ годъ она послѣдовала за дочерью. На похоронахъ одинъ нашъ общій знакомый замѣтилъ: „вотъ когда можно безъ преувеличенія сказать: умерла отъ горя“. Я не знаю хорошенько, какая болѣзнь прикончила Александру Аркадьевну,—это было что-то очень сложное, но несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что горе расшатало ея сильный организмъ и подготовило почву для воспріятія болѣзни. Первое время послѣ смерти „Лидушечки“, какъ она называла дочь, она просто мѣста себѣ не находила и говорила мнѣ даже, что хочетъ продать журналъ. Но острое горе постепенно расплывалось въ томительную, щемящую хроническую тоску, съ которой боролась природная энергія. Вотъ чрезвычайно характерное для ея тогдашняго состоянія письмо, полученное мною 6 декабря прошлаго года изъ Царскаго Села, гдѣ она временно поселилась, изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ:

„...Не хочется мнѣ, родной, видѣть народъ теперь, не хочется слышать разговоры, смѣхъ, хочется именнно того, что въ данную минуту имѣю: тишину, одиночество. Мнѣ, въ моей „меблированной комнатѣ“, гораздо лучше живется, чѣмъ я думала, пере-

ѣзжая въ нее. Я бѣжала изъ Петербурга потому, что мнѣ становилось невыносимо жить моею обычною жизнью. Какъ будетъ, когда я уѣду, буду одна, главное *буду одна*—я рѣшительно не знала. Знала только, что хуже на душѣ не будетъ, потому что мнѣ казалось, что хуже быть не можетъ... а кругомъ всѣ говорили, что черезъ три дня я сбѣгу изъ своей меблированной комнаты. И вотъ скоро мѣсяцъ, что я здѣсь, и вчера заявила своей хозяйкѣ, что оставляю комнату за собой до весны. Вернуться и зажить прежней жизнью—не могу, а тутъ жить могу. И хорошо у меня, голубчикъ. Есть время и на дѣло, *и для себя!* На дѣло—гораздо больше времени. День такой большой, и если кто зайдетъ, такъ *рада*, и опять сдѣлалась привѣтливой, не то что въ петербургскомъ омутѣ—когда кто придетъ не вó время, такъ въ душѣ досаду чувствуешь! А что „не вó время" чуть ли не всегда! Миленькое существованіе! А главное, дорогой, есть возможность немножко подумать вообще... Есть возможность почитать. Есть возможность не въ удрученномъ состояніи подумать о Лидушечкѣ. И знаете—я не чувствую даже, что одна, мнѣ кажется, что *здѣсь, когда я одна*—она точно со мной! Ахъ, какъ я хорошо сдѣлала, что уѣхала! Вы не повѣрите, до чего мнѣ лучше именно *одной* жить. *Какой* хочу быть—такой *и могу*! Никому собой глаза не мозолю. Плачу—и никто на меня съ сожалѣніемъ не смотритъ, никому не отравляю собой жизнь... Встаю въ 7 часовъ. Пью кофе и читаю, для себя, для души. Въ 10 часовъ иду гулять— одна, конечно. Паркъ зимой—это красота. Вы вѣдь небось не бывали зимой въ лѣсу? Не знаете, что это за красота, за поэзія? Я никогда не была въ природѣ зимой, и не знаю, когда она прекраснѣе, величественнѣе, таинственнѣе, когда въ полномъ цвѣту, или теперь, вся покрытая снѣгомъ. Не знаю, не могу рѣшить. Въ паркѣ теперь такъ чу̀дно, такъ удивительно красиво! Сажусь на скамеечку, и—наслаждаюсь. Кругомъ тишина—но не мертвая тишина, нѣтъ... Это такія хорошія минуты, что, кажется, будь во мнѣ то, что называется талантомъ, то, что вотъ въ васъ, напримѣръ, есть—такъ, Боже, что бы кажется не написала. Ду̀маю иногда—сидите вы въ Спасской и пишете о религіи... посиди вы вотъ тутъ часокъ, другой, такъ и о религіи не то бы написали! Право! Нѣтъ, я отсюда не уѣду. Въ Петербургѣ жить не стану. Хоть послѣдніе-то годы жизни душу свою транжирить не стану! А сколько плановъ то у меня здѣсь рождается! Вы думаете, что я только красотой наслаждаюсь, да о Лидушечкѣ думаю? О Лидушечкѣ думаю, постоянно думаю, съ нею живу, она со мною, всегда, постоянно. Но—думаю и о многомъ другомъ! И о хорошемъ думаю, и, если все будетъ какъ теперь, такъ устрою чудную вещь! Небывалую у насъ! Да!.. Почитала то, другое, а потомъ и сама выдумала! И если удастся—такъ вотъ и еще дѣло, да какое дѣло-то, всю душу возьметъ. И *никто* не знаетъ что, и

не скажу никому, пока не наладится, пока не буду увѣрена, что могу это устроить. И живя не въ Петербургѣ, на все время хватитъ! Читаю я тутъ—Библію, Джаншіева, „Народное образованіе въ Англіи и Америкѣ", иностранные журналы, рукописи, корректуры; вышиваю коверъ, вырѣзаю картинки... Дѣла много! И—есть на все время. Въ январѣ вы разочекъ пріѣзжайте ко мнѣ. Теперь—я и не зову. Этотъ мѣсяцъ хочется побыть одной".

Здѣсь вся Александра Аркадьевна послѣдняго времени—съ ея неутолимою тоскою по умершей дочери и съ ея энергіей, побуждающей къ созданію новыхъ и новыхъ плановъ. Со смерти дочери эти двѣ враждебныя силы боролись въ ней, но на подмогу къ тоскѣ пришла болѣзнь физическая...

Пожелаемъ „Міру Божію" въ лицѣ наслѣдниковъ Александры Аркадьевны и редактора журнала, В. П. Острогорскаго, возможно счастливо пережить тяжкую потерю...

В. П. Острогорскаго не слѣдуетъ смѣшивать съ редакторомъ журнала „Образованіе", А. Я. Острогорскимъ, о которомъ мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ.

Въ началѣ нынѣшняго или даже въ концѣ прошлаго года появилось въ газетахъ объявленіе, что въ февральской книжкѣ „Образованія" будетъ напечатанъ разсказъ или повѣсть Л. Н. Толстого „Сорокъ лѣтъ", и, дѣйствительно, февральская книжка „Образованія" вышла съ разсказомъ Л. Н. Толстого, въ сопровожденіи примѣчанія отъ редакціи, о которомъ сейчасъ скажу. По этому поводу г. Ясинскій напечаталъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", слѣдующую замѣтку:

Лѣтомъ 1877 года въ Москвѣ, гдѣ въ то время я помогалъ, послѣ отъѣзда П. А. Кулиша, редактировать А. И. Гатцуку его «Газету», познакомился я съ Н. И. Костомаровымъ, жившимъ въ Лоскутной гостиницѣ, и вмѣстѣ съ художникомъ Л. Л. Бѣлянкинымъ часто бывалъ у историка по вечерамъ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Н. И. Костомаровъ предложилъ для «Газеты» повѣсть «Сорокъ лѣтъ», которая была, разумѣется, охотно принята и съ согласія издателя оплачена, если не ошибаюсь, по расчету 125 р. съ листа. Вскорѣ затѣмъ она была напечатана.

Левъ Толстой-отецъ приписалъ къ напечатанной повѣсти главу, кое-что измѣнивъ въ повѣсти, и въ такомъ видѣ передѣлка великаго писателя, или, вѣрнѣе, придѣлка,—появилась въ пензенскомъ сборникѣ «Памяти В. Г. Бѣлинскаго» въ 1899 году, т. е. три года тому назадъ.

Сводя вмѣстѣ повѣсть Костомарова (хорошо памятную мнѣ), появившуюся 25 лѣтъ тому назадъ, съ этой приписанной къ ней главой Льва Толстого-отца, появившуюся три года назадъ, почтенная редакція «Образованія», тихимъ манеромъ, ни слова не говоря о Костомаровѣ и о томъ, что приписанная къ повѣсти историка глава уже далеко тоже не новинка, стала объявлять о появленіи въ февральской книжкѣ новаго разсказа Льва Толстого-отца и этимъ, разумѣется, ввела многихъ въ заблужденіе, въ томъ числѣ и нашу газету, такъ какъ, повѣривъ почтенной редакціи, мы въ нашу лѣтопись важнѣйшихъ событій въ жизни Россіи занесли и этотъ литературный

фактъ, съ указаніемъ на счастливый журналъ, въ который Левъ Толстой-отецъ отдалъ свое послѣднее произведеніе.

Заблужденіе невольное, быстро разсѣявшееся при выходѣ въ свѣтъ обѣщанной книжки. Спѣшимъ предупредить поэтому нашихъ читателей, что «Сорокъ лѣтъ» не есть разсказъ Льва Толстого-отца, а Костомарова, къ разсказу котораго маститый романистъ написалъ только небольшую главу, уже напечатанную три года назадъ въ пензенскомъ сборникѣ.

Г. Острогорскій возражалъ на это въ газетахъ такъ:

О принадлежности легенды «Сорокъ лѣтъ» Н. И. Костомарову и отношеніи къ ней гр. Л. Н. Толстого нами подробно объяснено на 1-й же страницѣ февральскаго нумера «Образованія». Но, кромѣ того, надо имѣть въ виду еще одно весьма существенное обстоятельство, а именно, что легенда «Сорокъ лѣтъ» напечатана нами съ рукописи, полученной вмѣстѣ съ собственоручнымъ письмомъ гр. Л. Н. Толстого. Въ томъ видѣ, въ какомъ помѣщена въ «Образованіи» легенда «Сорокъ лѣтъ», она появляется впервые, и въ этомъ весь смыслъ помѣщенія ея въ «Образованіи», такъ какъ послѣдняя глава, написанная гр. Толстымъ (напечатанная отдѣльно три года тому назадъ въ «Пензенскомъ сборникѣ», чего мы, къ сожалѣнію, не знали), получаетъ все значеніе только въ связи со всѣмъ разсказомъ Костомарова (сокращеннымъ Толстымъ, кстати сказать, почти на $^2/_3$), за послѣдніе двадцать пять лѣтъ нигдѣ не появлявшимся.

Дѣйствительно, въ редакціонномъ примѣчаніи къ разсказу „Сорокъ лѣтъ“ объяснено, что онъ написанъ собственно Костомаровымъ, и редакція даже любезно предупреждаетъ, что приписку Толстого другія изданія перепечатывать могутъ, въ силу разъ навсегда даннаго Львомъ Николаевичемъ разрѣшенія, а большую часть разсказа перепечатывать не имѣютъ права безъ особаго соглашенія со вдовой Костомарова. Такимъ образомъ, пока что, разсказъ „Сорокъ лѣтъ“ можно прочитать только въ „Образованіи“. Можно думать, что ради сохраненія этой монополіи редакція и открыла, наконецъ, въ февральской книжкѣ свой секретъ, ибо до тѣхъ поръ во всѣхъ объявленіяхъ секретъ оставался секретомъ. Остается невыясненнымъ, что заключало въ себѣ то „собственноручное письмо“ гр. Л. Н. Толстого, при которомъ редакція „Образованія“ получила рукопись. Это тѣмъ интереснѣе, что въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось письмо С. Л. Толстого, въ которомъ онъ, отъ имени отца, сообщаетъ, что авторъ разсказа есть Костомаровъ, а Л. Н. только приписалъ къ нему главу. Однако, и послѣ этого редакція „Образованія“ печатала объявленія, въ которыхъ „тихимъ манеромъ, ни слова не говоря о Костомаровѣ“, доводила до свѣдѣнія читающей публики, что февральская книжка съ разсказомъ Л. Н. Толстого продается тамъ-то по 1 рублю. Такими пріемами можно, вѣроятно, собрать довольно много рублей, но едва-ли можно пріобрѣсти чье-нибудь уваженіе.

Называть старый, напечатанный уже разсказъ Костомарова, къ которому гр. Толстой приписалъ одну главу (одну изъ 14—и,

4 страницы изъ 43-хъ), также уже напечатанную, разсказомъ Толстого,—это такая недостойная спекуляція именемъ маститаго писателя, на которую, конечно, „собственноручное письмо“ послѣдняго не уполномочивало г. Острогорскаго.

Что же касается самого разсказа, то неудивительно, что гр. Толстой увлекся фабулой Костомарова: ее можно бы было резюмировать поговоркой, стоящей въ заглавіи одного изъ учительныхъ разсказовъ Толстого: „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“. Но, приписывая свои четыре странички къ сорока костомаровскимъ, Толстой естественно долженъ былъ вести изложеніе въ тонѣ и стилѣ Костомарова, то-есть спуститься до манеры второстепеннаго беллетриста, какимъ былъ покойный историкъ. Разсказъ сухъ и художественными красотами не блещетъ.

Ник. Михайловскій.

Политика.

Франко-русская декларація и англо-японскій союзъ.—Итальянскія дѣла. Средне-учебная реформа во Франціи.—Текущія событія: англійскіе либералы; изъ бурской эпопеи; реформа законодательнаго періода во Франціи; германскій тарифъ.

I.

7 (20) марта въ „Journal Officiel“ въ Парижѣ и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ въ Петербургѣ былъ опубликованъ слѣдующій документъ:

„*Тождественная декларація отъ 3-го (16-го) марта 1902 года, одновременно врученная представителями Россіи и Франціи правительствамъ австро-венгерскому, бельгійскому, великобританскому, германскому, испанскому, итальянскому, китайскому, нидерландскому, сѣверо-американскому и японскому.*

Союзныя правительства Россіи и Франціи, получивъ сообщеніе объ англо-японскомъ договорѣ 17-го (30-го) января 1902 г., заключенномъ какъ въ видахъ обезпеченія statu quo и общаго мира на Крайнемъ Востокѣ, такъ равно и съ цѣлью охраненія независимости Китая и Кореи, долженствующихъ оставаться открытыми для промышленности всѣхъ націй,—съ полнымъ удовольствіемъ усматриваютъ въ немъ подтвержденіе существенныхъ началъ, которыя, согласно неоднократнымъ заявленіямъ

обѣихъ державъ, составляли и составляютъ основу ихъ политики.

Оба правительства полагаютъ, что поддержаніе этихъ началъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпеченіемъ ихъ собственныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ.

Вынужденныя, однако, съ своей стороны, не терять изъ виду возможности либо враждебныхъ дѣйствій другихъ державъ, либо повторенія безпорядковъ въ Китаѣ, могущихъ нарушить цѣлость и свободное развитіе Поднебесной имперіи въ ущербъ ихъ взаимнымъ интересамъ,—оба союзныя правительства предоставляютъ себѣ въ такомъ случаѣ озаботиться принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ къ охраненію этихъ интересовъ.

3-го (16-го) марта 1902 г.».

Существеннымъ дополненіемъ къ нему являются, съ одной стороны, опубликованное того же 7 (20) марта въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" объясняющее декларацію „Правительственное сообщеніе", а съ другой стороны—объясненія, данныя въ парижскомъ сенатѣ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ по поводу той же деклараціи.

Русское дополнительное объясненіе гласитъ слѣдующее:

Правительственное сообщеніе. „Договоръ, заключенный въ минувшемъ январѣ между Англіею и Японіею, возбудилъ самыя противорѣчивыя толкованія и разнообразныя догадки, особливо въ виду того, что этимъ актомъ двѣ изъ одиннадцати державъ, еще недавно подписавшихъ пекинскій протоколъ при завершеніи ихъ совокупныхъ дѣйствій въ Китаѣ, какъ будто отдѣлились отъ другихъ и становились въ особыя отношенія къ Поднебесной имперіи, гдѣ общими усиліями водворенъ исконный порядокъ вещей и нынѣ возстановлена законная центральная власть.

Императорское правительство, оцѣнивъ дружественныя сообщенія, сдѣланныя Россіи по этому поводу какъ японскимъ, такъ и великобританскимъ правительствами, отнеслось совершенно спокойно къ заключенію означеннаго договора. Начала, руководившія русскою политикою съ самаго возникновенія смуты въ Китаѣ, оставались и остаются неизмѣнными: Россія требуетъ независимости и неприкосновенности сосѣдняго дружественнаго Китая, а равно и Кореи; Россія желаетъ сохраненія нынѣшняго положенія вещей и полнаго умиротворенія на Крайнемъ Востокѣ. Постройкою великаго сибирскаго пути съ вѣтвью, направленною къ не замерзающему порту, черезъ Манчжурію, Россія содѣйствуетъ распространенію всемірной торговли и промышленности въ этихъ областяхъ. Въ ея-ли интересахъ всему этому нынѣ создавать препятствія?

Изъявленное Англіею и Японіею намѣреніе способствовать достиженію тѣхъ же самыхъ цѣлей, неукоснительно преслѣдуе-

мыхъ Россіею, могло лишь вызвать искреннее ея сочувствіе, вопреки толкамъ нѣкоторыхъ политическихъ сферъ и органовъ иностранной печати, стремившихся представить въ совершенно иномъ свѣтѣ невозмутимое отношеніе Императорскаго правительства къ дипломатическому акту, въ его глазахъ нисколько не измѣнившему положенія вещей на политическомъ горизонтѣ.

Нынѣ, въ виду не прекращающейся агитаціи по поводу англо-японскаго договора, союзныя дружественныя правительства Россіи и Франціи сочли необходимымъ въ тождественной деклараціи вполнѣ опредѣленно заявить державамъ, представители которыхъ вмѣстѣ съ русскимъ и французскимъ уполномоченными подписали пекинскій протоколъ 25-го августа (7-го сентября) 1901 года, о взглядѣ ихъ на означенный договоръ".

Что касается французскаго дополнительнаго объясненія, то „Агентство Гаваса" передаетъ его въ телеграммѣ отъ 7 (20) марта въ слѣдующей формѣ:

„Сенатъ. Делькассэ заявилъ при обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, что въ англо-японскомъ договорѣ нѣтъ ничего, что могло бы вызвать у насъ подозрѣніе. Договаривающіяся стороны хотятъ обезпечить уваженіе къ принципу неприкосновенности Китая. Принципъ этотъ лежитъ въ основѣ нашей политики. Мы заинтересованы въ независимости Китая. Вторымъ вопросомъ, затронутымъ въ договорѣ, является вопросъ объ „открытыхъ дверяхъ", но онъ, Делькассэ, требовалъ еще въ ноября 1899 года примѣненія этого принципа. Всѣ державы должны имѣть въ виду возможность, предусмотрѣнную англичанами и японцами. Факты свидѣтельствуютъ, что мы всегда заботились о нашихъ интересахъ на Дальнемъ Востокѣ. Мы можемъ только выразить удовольствіе по поводу принциповъ, провозглашенныхъ англо-японскимъ соглашеніемъ, благодаря которому пали послѣднія преграды, мѣшавшія политикѣ союзовъ. Теперь всѣми признано, что вступленіе въ союзы необходимо. Если къ общности интересовъ присоединить общность чувствъ, то въ результатѣ получится самый прочный союзъ, какой только существуетъ. Послѣднее и есть тайна силы, которою пользуется нашъ союзъ съ Россіею. Этотъ союзъ долженъ продолжаться, такъ какъ онъ покоится на прочныхъ условіяхъ, о чемъ засвидѣтельствовалъ второй визитъ Россійскаго Императора и о чемъ засвидѣтельствуетъ также предстоящая поѣздка президента республики, который отъ имени Франціи передастъ нашему союзнику сердечный привѣтъ. (*Шумныя рукоплесканія*)".

Истинное значеніе этихъ документовъ опредѣлять еще рано, но не безполезно сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія и сближенія, нѣсколько освѣщающія это политическое событіе, которое (мы имѣемъ въ виду вышеприведенную декларацію) при одныхъ усло-

віяхъ можетъ быть однимъ изъ самыхъ важныхъ и значительныхъ въ современной исторіи, тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ можетъ оказаться дипломатическимъ шагомъ, болѣе или менѣе искуснымъ, но отнюдь не историческимъ.

Декларація сдѣлана союзными державами по поводу нотификаціи Англіи и Японіи о заключеніи ими союза съ цѣлью охраненія независимости и территоріальной неприкосновенности Китая и Кореи, а такъ же и свободы торговли въ этихъ странахъ на равныхъ для всѣхъ націй основаніяхъ. Заключеніе подобнаго союза предполагаетъ въ союзникахъ ожиданіе, что цѣль, преслѣдуемая союзомъ (въ данномъ случаѣ, охраненіе цѣлости и независимости Китая и Кореи и свободы торговли на ихъ территоріи), требуетъ особой охраны и что ей угрожаетъ съ которой-либо стороны опасность. Безъ такого ожиданія заключеніе союза было бы не надобно. Правильно-ли это опасеніе или не имѣетъ серьезной почвы, но его существованіе доказывается не только англо-японскимъ союзомъ 1902 года, но и англо-германскою конвенціей 1901 года, которая тоже обязывала Англію и Германію совмѣстно охранять независимость и цѣлость Китая и свободу въ немъ торговли. Въ Лондонѣ, гдѣ, повидимому, свило себѣ гдѣздо это опасеніе, были очень довольны англо - германскою конвенціею (къ которой немедленно примкнула Японія и которую одобрили Соединенные Штаты). Англійскіе политики считали конвенцію очень крупнымъ дипломатическимъ успѣхомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если Англія, Германія и Японія, при поддержкѣ Соединенныхъ Штатовъ и при наличности союза Германіи съ Италіею и Австріею, условились охранять цѣлость и независимость Китая и свободу китайской торговли, то какой еще охраны надобно? Правда, конвенція 1901 г. ничего не говоритъ о Кореѣ, а оккупированную русскими Манчжурію прямо исключаетъ, какъ это заявилъ категорически канцлеръ германской имперіи въ рейхстагѣ, изъ сферы дѣйствія соглашенія. Иначе говоря, конвенція 1901 года, охраняя громадную территорію Дальняго Востока, не охраняетъ ея сѣверо-восточнаго угла, однимъ изъ контрагентовъ (Германіей) прямо признаннаго входящимъ въ сферу спеціальныхъ интересовъ Россіи. Если другіе контрагенты желали распространить охрану и на этотъ сѣверо-восточный уголъ Дальняго Востока, то, очевидно, надо было заключать новый договоръ безъ Германіи (значитъ, и безъ Италіи и Австріи). Англо-японскій договоръ 1902 года могъ только явиться выраженіемъ этого желанія распространить охрану на Манчжурію и Корею, при чемъ пришлось распространить охрану и на саму Японію, которая безъ такой охраны могла бы и не рискнуть. Поэтому, соглашеніе вылилось уже въ форму союза. Соединенные Штаты, и на этотъ разъ не примкнувъ формально къ англо-японскому союзу, и въ

этомъ случаѣ заявили о своемъ одобреніи цѣли союза. Ихъ ноты Россіи и Китаю о свободѣ торговли въ Манчжуріи явились даже параллельнымъ дѣйствіемъ въ духѣ и въ направленіи англо-японскаго союза.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду, что англо-германская конвенція 1901 года сохраняетъ свою силу (о чемъ гр. Бюловъ формально заявилъ въ рейхстагѣ уже послѣ опубликованія англо-японскаго союзнаго договора), англо-японскій союзъ 1902 года имѣетъ своей задачею сохранить Китаю, при поддержкѣ Соединенныхъ Штатовъ, его манчжурскія провинціи, распространить охрану на Корею и дать гарантію безопасности Японіи. Такъ какъ Германія заявила, что въ этомъ сѣверо-восточномъ углу Дальняго Востока она не намѣрена распространять своего дѣйствія, также и ея союзницы Италія и Австрія, а съ другой стороны—всѣ интересы Франціи сосредоточены въ южной половинѣ Китая, то опасенія, возникшія въ Лондонѣ, Токіо и Вашингтонѣ, могли относиться только къ Россіи, оккупирующей Манчжурію. Двадцать лѣтъ оккупируя Египетъ, англичане на собственномъ примѣрѣ знаютъ значеніе этого новосозданнаго дипломатическаго термина „оккупація". Правда, Россія съ самаго начала заявила, что возвратитъ Манчжурію Китаю, но такое заявленіе, и при томъ неоднократно, дѣлали и англичане по отношенію къ Египту. Проектированная, но не ратификованная русско-китайская конвенція о Манчжуріи постановляла, что русскіе очистятъ Манчжурію послѣ ея окончательнаго умиротворенія и по установленіи надежныхъ гарантій безопасности и порядка. Такая редакція предоставляла самой Россіи выбрать время очищенія. Слухи о новыхъ соглашеніяхъ, будто бы проектируемыхъ въ Пекинѣ между Россіей и Китаемъ относительно Манчжуріи, сообщаютъ, что въ этой проектируемой конвенціи предполагается точно установить сроки оккупаціи и очищенія. Русскій уполномоченный желаетъ будто бы трехлѣтняго срока (а по другимъ, болѣе новымъ, полуторагодичнаго), а китайцы желаютъ годичнаго. Если эти слухи справедливы, то англо-японскій союзъ въ сущности теряетъ непосредственный объектъ для дѣйствія. Прямое соглашеніе между Россіей и Китаемъ устранило бы въ такомъ случаѣ этотъ объектъ, а русско-французская декларація отъ 3 (16) марта имѣла бы значеніе лишь дипломатическаго шага, показывающаго, что это устраненіе было добровольное, а не вынужденное заключеніемъ англо-японскаго союза и поддержкою Соединенныхъ Штатовъ. Декларація при этомъ можетъ быть важна и значительна преимущественно для дипломатовъ, мало вліяя на ходъ событій, лишь стремясь ихъ истолковать въ новомъ смыслѣ. Вспомнимъ мѣсто въ вышеприведенномъ „Правительственномъ сообщеніи" о толкахъ „нѣкоторыхъ политическихъ сферъ и органовъ иностранной печати, стремившихся представить совер-

шенно въ иномъ свѣтѣ невозмутимое отношеніе Императорскаго правительства къ дипломатическому акту (англо-японскому союзу), въ его глазахъ нисколько не измѣнившему положеніе вещей на политическомъ горизонтѣ". Это мѣсто какъ бы указываетъ на возможность вышеприведеннаго значенія деклараціи. Съ другой стороны, если вышеприведенные слухи о новой проектируемой манчжурской конвенціи несправедливы и безсрочность оккупаціи не замѣнена въ ней срочностью, то декларація 3 (16) марта пріобрѣла бы громадное историческое значеніе... Въ этомъ случаѣ, она явилась бы предупрежденіемъ по адресу англо-японцевъ, что на пути ихъ стремленія они встрѣтятъ не только Россію, но и Францію.

Что такое эта тождественная декларація союзныхъ державъ: дипломатическій документъ, имѣющій задачею дать новое освященіе уже совершившимся событіямъ, или введеніе къ новымъ крупнымъ всемірно-историческимъ событіямъ, покажетъ ближайшее будущее. И прежде всего, текстъ русско-китайской конвенціи о Манчжуріи. Указаніе въ концѣ деклараціи на предвидимую союзниками „возможность враждебныхъ дѣйствій со стороны другихъ державъ" не позволяетъ покамѣстъ исключить второе истолкованіе деклараціи, хотя при наличныхъ свѣдѣніяхъ первое истолкованіе кажется вѣроятнѣе.

Кромѣ своего прямого значенія, анализируемая декларація Россіи и Франціи имѣетъ еще и косвенное, именно, обнаруживая укрѣпленіе франко-русскаго союза. Вышеприведенная рѣчь Делькассе въ сенатѣ прямо заявляетъ о томъ же. Англо-японско-американская комбинація и франко-русская, повидимому, будутъ серьезными факторами ближайшаго періода всемірной исторіи. Судьба же тройственнаго союза еще не выяснилась. Много толковъ, но мало свѣдѣній, стоющихъ вниманія и довѣрія.

II.

Большое значеніе для сохраненія тройственнаго союза имѣлъ исходъ итальянскаго министерскаго кризиса, о которомъ мы уже упомянули вскользь въ нашей прошлой бесѣдѣ.

Министерство Джузеппе Занарделли, или, правильнѣе, *Дзанарделли* (Zanardelli) образовалось въ 1900 году (въ самомъ концѣ), такъ что состоитъ при власти съ небольшимъ годъ. Это министерство было первымъ министерствомъ короля Виктора-Эммануила III, такъ какъ до этого около года продолжало управлять страною минстерство Саракко, послѣднее министерство короля Гумберта. Министерство Саракко, какъ и предшествующее ему министерство генерала Пеллу, были ярко консервативными, можно сказать, даже реакціонными. Тюрьмы были переполнены

политическими противниками министровъ; конституціонныя вольности фактически были пріостановлены и административный произволъ торжествовалъ по всей Италіи, парламентъ же выбирался подъ давленіемъ администраціи и заключалъ, хотя и незначительное, министерское большинство. Это печальное наслѣдство принялъ молодой король, но скоро взялъ на себя иниціативу возвращенія къ нормальному порядку. Широкая амнистія открыла двери тюремъ, а затѣмъ и новые парламентскіе выборы, болѣе свободные, чѣмъ было раньше, дали возможность Виктору-Эммануилу уволить кабинетъ Саракко, довольно безцвѣтно продолжавшій жестокое дѣло кабинета генерала Пеллу, и призвать къ власти стараго гарибальдійца, послѣдняго представителя исторической лѣвой итальянскаго парламента, Джузеппе Дзанарделли, семидесятитрехлѣтняго, но еще бодро стоящаго подъ знаменемъ демократіи. Дзанарделли принялъ на себя миссію составленія новаго либеральнаго и демократическаго кабинета. Миссія была не изъ легкихъ. Итальянская палата состоитъ изъ 508 депутатовъ, такъ что абсолютное большинство равно 255, и министерство, располагающее 260—265 голосами, могло бы считаться прочнымъ. Лѣвыхъ въ современной палатѣ даже нѣсколько болѣе, но включая республиканцевъ и соціалистовъ. Безъ этихъ группъ, даже при союзѣ лѣвой умѣренной и лѣвой радикальной, лѣваго большинства не образуется. Къ тому же въ средѣ самой лѣвой существуютъ нѣсколько отличныхъ и обособленныхъ группъ, раздѣляемыхъ преимущественно соперничествомъ вождей. Крупный авторитетъ среди лѣвыхъ, Дзанарделли сумѣлъ соединить эти фракціи и даже получить поддержки республиканцевъ и соціалистовъ. Это уже давало возможность образовать министерство, но непрочность поддержки со стороны республиканцевъ и соціалистовъ побудила искать поддержки и нѣкоторыхъ группъ правой, болѣе либеральныхъ и не скомпрометированныхъ въ недавней реакціи. Джуссо и Принети вошли представителями этой либеральной правой, при чемъ Принети получилъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ было вручено Джовани Джолити, главѣ умѣренной лѣвой въ парламентѣ. Такимъ образомъ, составилось министерство, располагавшее довольно значительнымъ большинствомъ. Оппозиція объединившейся подъ предводительствомъ Соннино правой не достигала даже 120 голосовъ изъ 508.

Дзанарделли и его товарищи вступили во власть съ прямою задачею вернуть странѣ конституціонныя вольности и обезпечить ей рядомъ реформъ свободное развитіе. Король одобрялъ программу маститаго премьера и министерство за годъ съ небольшимъ существованія успѣло сдѣлать достаточно, чтобы заслужить благодарность страны. Отмѣнивъ всѣ чрезвычайныя мѣры, введенныя предыдущимъ реакціоннымъ министерствомъ, и смѣнивъ

особенно усердныхъ исполнителей реакціоннаго произвола, кабинетъ Дзанарделли далъ полную свободу политической и общественной борьбѣ, неизбѣжной при томъ остромъ кризисѣ, который переживаетъ Италія. Грандіозныя стачки, волновавшія Италію при Пеллу и при Саракко и не разъ приводившія къ кровопролитію и прямо революціоннымъ вспышкамъ, продолжали волновать страну и при Дзанарделли, но уже не вели къ кровопролитію и не вызывали революціоннаго движенія, сохраняя чисто экономическій характеръ. Большою заслугою демократическаго кабинета были отмѣна цѣлаго ряда обременительныхъ налоговъ и приведеніе бюджета къ равновѣсію, котораго итальянскіе финансы не знали уже цѣлыя десятилѣтія. Франко-итальянское соглашеніе, улучшившее экономическія отношенія двухъ странъ въ пользу Италіи, предоставившее итальянцамъ свободу дѣйствій на триполитанскомъ побережьи и освободившее Италію отъ необходимости сохранять во всякомъ случаѣ и во что бы то ни стало тройственный союзъ, тоже должно быть поставлено въ заслугу министерству, которое вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляло благопріятный для Италіи пересмотръ торговыхъ договоровъ съ Соединенными Штатами и съ Россіей, а энергическій языкъ по адресу новаго германскаго тарифа заставилъ и въ Берлинѣ отказаться отъ нѣкоторыхъ далеко зарвавшихся вожделѣній аграріевъ (напр., высокое обложеніе живыхъ цвѣтовъ, овощей, фруктовъ и ихъ консервовъ). Все это, казалось, упрочивало кабинетъ и ему предстояла мирная и спокойная дѣятельность по проведенію программы свободы и успокоенія, общественныхъ и экономическихъ реформъ во внутренней политикѣ и мира во внѣшней.

Приготовляясь къ открытію новой сессіи парламента, министерство рѣшило предстать передъ палатою съ цѣлою программою давно назрѣвшихъ реформъ: здѣсь были и финансовыя реформы, облегчавшія бѣднѣйшихъ плательщиковъ; и цѣлое рабочее законодательство; и многое другое, въ томъ числѣ законопроектъ о разводѣ. Этотъ послѣдній поднялъ противъ себя цѣлую бурю негодованія въ клерикальныхъ и консервативныхъ сферахъ. Въ прошлой хроникѣ мы уже говорили объ этомъ. Эта агитація повела къ выходу изъ кабинета одного изъ представителей либеральной правой, именно вышеупомянутаго Джуссо. Съ другой стороны, поведеніе министерства въ дѣлѣ стачки желѣзнодорожныхъ служащихъ возбудило негодованіе соціалистовъ и вообще крайнихъ лѣвыхъ. Министерство, пользуясь закономъ, дозволяющимъ мобилизацію желѣзнодорожнаго персонала, объявило эту мобилизацію и тѣмъ превратило ихъ въ военно-служащихъ, не имѣющихъ права стачекъ. Правда, министерство вмѣстѣ съ тѣмъ вступило въ переговоры съ желѣзнодорожными компаніями съ цѣлью добиться удовлетворенія требованій забастовавшаго было персонала. Однако, самъ фактъ милитаризаціи этого персонала

съ цѣлью подавленія стачки былъ рѣшительно осужденъ всѣми группами крайней лѣвой. При такихъ обстоятельствахъ 9 (22) февраля предстало министерство Дзанарделли передъ палатою.

Предстояло прежде всего избрать предсѣдателя. Министерскимъ кандидатомъ былъ выставленъ Вилла. Голосованіе дало слѣдующіе результаты: за Виллу—135, за разныхъ—20, бѣлыхъ бюллетеней—142 и около 200 воздержавшихся отъ голосованія. Министерскій кандидатъ остался въ самомъ комическомъ меньшинствѣ и кабинетъ немедленно заявилъ палатѣ о выходѣ въ отставку. Палата отсрочила засѣданіе, а Дзанарделли отправился къ королю съ прошеніемъ объ отставкѣ. Король временно удержалъ во власти кабинетъ и, выслушавъ Дзанардели, затѣмъ призывалъ для обсужденія положенія временнаго предсѣдателя палаты Пальберти и предводителя консервативной оппозиціи Сонино, уже совершенно приготовившагося принять бразды правленія, составить кабинетъ непреклонной репрессіи, распустить парламентъ и сдѣлать выборы по шаблону Пеллу, Саракко и другихъ распорядителей выборами. Все, кажется, улыбалось этому плану, но король, лично сочувствующій либеральной политикѣ Дзанарделли и Джолити, только выслушалъ докладъ Сонино и отсрочилъ свое рѣшеніе. И въ самомъ дѣлѣ, за министерскаго кандидата подали исключительно лѣвые умѣренные (фракція Джолити и смежныя мелкія группы); оппозиція составилась изъ двухъ коалицій, дѣйствовавшихъ самостоятельно: бѣлыя бюллетени подали консерваторы фракцій Сонино, Лагава и Саракко (всего 110 голосовъ) и часть либеральныхъ консерваторовъ (отдѣлившихся отъ кабинета вмѣстѣ съ Джуссо), всѣ вмѣстѣ такое же меньшинство, какъ и голосовавшіе за Виллу; воздержались отъ голосованія—либеральные консерваторы, сторонники Принети, смежная группа Ди-Рудини и всѣ фракціи радикальной лѣвой. Эта вторая коалиція не только не солидарна съ первою, но прямо ей враждебна, да и сама не однородна, такъ какъ и группы либеральныхъ консерваторовъ, и фракціи крайнія лѣвыя, каждая ближе голосовавшимъ за министерскаго кандидата, чѣмъ другъ другу. Комбинація Сонино-Лагава (т. е. реакціонное министерство во вкусѣ Пеллу) всплыла было только потому сначала, что Сонино былъ вождемъ парламентской оппозиціи, но такъ какъ не онъ нанесъ пораженіе, то король совершенно конституціонно поступилъ, не рѣшившись обратиться къ нему за составленіемъ кабинета. Надо было искать иной комбинаціи. Либеральные консерваторы фракцій Джуссо, Рудини и Принети и умѣренные лѣвые (главнымъ образомъ фракція Джолити) могли бы составить очень компактную группу центра, которая, при поддержкѣ даже немногочисленныхъ элементовъ изъ радикаловъ или изъ консерваторовъ (для чего было бы довольно одного или двухъ портфелей этимъ союзникамъ), образовала бы парламентское боль-

шинство. Комбинація Рудини-Джолити являлась возможною и конституціонною, но умѣренные лѣвые, и прежде всего самъ Джовани Джолити, не пожелали оставить Дзанарделли. Королю оставалось предложить послѣднему предстать опять передъ палатою и предоставить ей мотивированнымъ голосованіемъ или сохранить министерство, или указать на исходъ. Провалъ министерскаго кандидата на предсѣдательское кресло не даетъ никакихъ такихъ указаній. 18 февраля (2 марта) Дзанарделли и его товарищи дѣйствительно взяли назадъ свои прошенія объ отставкѣ и созвали палаты.

Передъ этимъ новымъ испытаніемъ Джолити опубликовалъ заявленіе, что кабинетъ рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не распускать палаты, а умѣренная лѣвая никоимъ образомъ не войдетъ въ комбинацію съ частью правой, такъ что въ случаѣ новаго пораженія министерства единственнымъ исходомъ будетъ кабинетъ Сонино. Это категорическое заявленіе произвело очень сильное впечатлѣніе, указавъ радикальнымъ группамъ, что, продолжая свое отпаденіе отъ кабинета, они передаютъ власть реакціонерамъ. Другимъ важнымъ ходомъ министерства была кандидатура Джузеппе Біанчери на предсѣдательское кресло. Правда, этому новому кандидату восемьдесятъ лѣтъ, но онъ состоялъ почти безсмѣнно предсѣдателемъ палаты съ 1869 по 1892 гг. и принадлежитъ къ самымъ заслуженнымъ парламентскимъ дѣятелямъ, пользующимся громаднымъ авторитетомъ. Само согласіе со стороны Біанчери снова взять на себя предсѣдательство было уже крупнымъ успѣхомъ для министерства. Конечно, Біанчери былъ избранъ почти безъ оппозиціи, а затѣмъ палата громаднымъ большинствомъ (свыше 300 противъ 150) выразила довѣріе министерству (отложившему, однако, вопросъ о разводѣ). Всѣ крайніе лѣвые и значительная часть либеральныхъ консерваторовъ голосовали за министерство, котораго положеніе можно считать теперь довольно прочнымъ и устойчивымъ (насколько въ Италіи вообще мыслимы устойчивости, при дробленіи на массу малыхъ фракцій и при не совсѣмъ холодномъ національномъ темпераментѣ).

Исходъ министерскаго кризиса въ Италіи имѣетъ преимущественно значеніе для внутреннихъ итальянскихъ дѣлъ, упрочивая свободу и законность и выводя страну на дорогу умѣренныхъ, но несомнѣнно прогрессивныхъ реформъ. Немаловажно, однако, и международное значеніе упроченія кабинета Дзанарделли-Джолити-Принети. Министерство Сонино было бы знакомъ полнаго возобновленія тройственнаго союза (такъ и привѣтствовали его возможность въ берлинской прессѣ). Министерство Дзанарделли не есть, конечно, расторженіе тройственнаго союза, но не есть и его непремѣнное возобновленіе. Иностранная политика Италіи будетъ болѣе самостоятельною—во-первыхъ, а во-вторыхъ, не бу-

детъ агрессивною, что не можетъ не отразиться и на характерѣ тройственнаго союза въ случаѣ его возобновленія. Свиданіе гр. Бюлова съ Принети, вѣроятно, рѣшитъ это дѣло, или выяснитъ, по крайней мѣрѣ, возможныя рѣшенія. Характерно уже то, что не Принети къ Бюлову ѣдетъ для переговоровъ, а Бюловъ къ Принети. Криспи всегда ѣздилъ къ Бисмарку. Несомнѣнно, что экономическія соглашенія окажутъ свою долю, и очень значительную долю вліянія на исходъ и политическихъ переговоровъ. Мы уже упоминали, что нѣмцы склонны уступить на пошлинахъ на итальянскіе фрукты, овощи и цвѣты, но для итальянцевъ еще очень важны ставки на вино, оливковое масло, шелкъ-сырецъ, подѣлочное дерево. Интересуютъ ихъ и ставки на нѣкоторые зерновые хлѣба, особенно маисъ, рисъ и пшеницу. Здѣсь столкновеніе съ интересами аграріевъ становится все сильнѣе. Франція дала Италіи въ этомъ отношеніи очень важныя облегченія. Теперь такіе же переговоры ведутся и въ Россіи, при чемъ здѣсь итальянцевъ можетъ интересовать гораздо меньше ставокъ (на фрукты, овощи, цвѣты, вино, оливковое масло), потому что другіе предметы итальянскаго вывоза въ Россію не ввозятся (зерновые хлѣба, подѣлочное дерево, шелкъ-сырецъ).

III.

Французская палата депутатовъ единогласно одобрила проектъ реформы средняго образованія. Эта реформа одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ палаты, нынѣ доживающей свои послѣдніе дни. Проектъ, выработанный министромъ народнаго просвѣщенія Лейгомъ, затѣмъ былъ разсмотрѣнъ спеціальной коммиссіей палаты подъ предсѣдательствомъ Рибо и, вполнѣ ею одобренный, внесенъ въ палату, гдѣ обсуждался и разсматривался въ засѣданіяхъ 13—16 февраля. Не смотря на продолжительное обсужденіе и на чрезвычайное разнообразіе высказанныхъ взглядовъ, всѣ, даже не совсѣмъ довольные проектомъ, находили его, однако, столь крупнымъ шагомъ впередъ, что совершилось совершенно необычное событіе: законопроектъ одобренъ, какъ уже упомянуто, единогласно, безъ оппозиціи.

Во Франціи издавна существуетъ и господствуетъ классическая система средняго образованія, здѣсь и сложившаяся, и процвѣтавшая, отсюда же перешедшая въ другія страны, непосредственно связанная съ латинскою цивилизаціею, которой простымъ продолженіемъ и развитіемъ является цивилизація ново-романская. Классическая система здѣсь прочнѣе и популярнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь возникло движеніе въ сторону новыхъ системъ средняго образованія. Впервые возник-

шая въ Германіи Realschule, оттуда заимствованная въ шестидесятыхъ годахъ и въ Россіи, значительно позже проложила себѣ дорогу во Францію. Подобныя школы были введены во время радикальнаго министерства Леона Буржуа, подъ названіемъ écoles secondaires modernes, но быстро распространились и теперь уже заслужили широкую популярность. Отъ нѣмецкихъ Realschule (и нашего реальнаго училища) французская école moderne отличается бо́льшимъ вниманіемъ къ исторіи и литературѣ. Курсъ тоже шестилѣтній, программа сравнительно съ лицеями (гимназіями) облегченная и образованіе, слѣдовательно, второго сорта, какъ и въ реальныхъ училищахъ. Модернистамъ поэтому закрытъ доступъ въ высшія учебныя заведенія. Это было окончательное образованіе, не разсчитанное на его продолженіе. Его задача не оставлять безъ образованія многочисленныхъ людей практики. Однако, юношество, попавшее въ модерны въ значительномъ количествѣ, чувствовало склонность продолжать образованіе. Семьи этихъ юношей, большею частью, конечно, ихъ поддерживали, вслѣдствіе чего очень скоро создалось въ обществѣ движеніе въ пользу допущенія модернистовъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія. Это движеніе нашло и убѣжденныхъ принципіальныхъ защитниковъ. Отвѣтомъ на это движеніе и является законопроектъ Лейга, нынѣ одобренный французскою палатою.

Законопроектъ уравниваетъ въ правахъ оба разряда среднихъ учебныхъ заведеній. Отнынѣ тѣ и другія будутъ называться лицеями, а окончившіе курсъ получаютъ одинаково степень баккалавра, открывающую тѣмъ и другимъ на равныхъ правахъ доступъ въ университеты и всѣ высшія учебныя заведенія Франціи. Но уравненіе это даруется модернистамъ не gratis, а подъ условіемъ одинаковаго труда, одинаковой продолжительности ученія и одинаковаго уровня образованности съ воспитанниками классической школы. Вмѣсто шестилѣтняго курса устанавливается и для модернизованныхъ лицеевъ, какъ и для классическихъ, семилѣтній, раздѣленный и тамъ, и здѣсь на два законченныхъ цикла. Первый (четырехлѣтній) даетъ законченное образованіе второго сорта и открываетъ окончившимъ его практическія карьеры. Второй, трехлѣтній, даетъ баккалауратъ, въ классическихъ лицеяхъ сохраняя съ незначительными перемѣнами (въ сторону облегченія) прежнюю программу высшихъ трехъ классовъ; въ модернизованныхъ же лицеяхъ курсъ высшихъ классовъ совершенно преобразуется, значительно расширяется и приспособляется къ задачѣ, рядомъ съ науками (какъ въ реальныхъ училищахъ), дать и литературное гуманитарное образованіе (какъ въ классическихъ школахъ), но на основѣ изученія новыхъ языковъ и новыхъ литературъ. Задачу выработать подробныя программы преподаванія въ предѣлахъ указаннаго только что общаго плана,

законопроектъ возлагаетъ на ученый совѣтъ министерства народнаго просвѣщенія. Значеніе закона во многомъ будетъ зависѣть отъ болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія ученымъ совѣтомъ этой задачи. Впрочемъ, пробѣлы и промахи первыхъ программъ легко исправимы, а ученыя и учебныя силы Франціи, конечно, вполнѣ достаточны для того, чтобы поднять и осуществить это великое дѣло модернизаціи гуманитарнаго образованія, одну изъ величайшихъ и славнѣйшихъ проблемъ нашего времени. Франція беретъ на себя смѣлую иниціативу и прокладываетъ новые великіе пути просвѣщенія. Это не то укороченное среднее образованіе, которое то въ видѣ реальныхъ училищъ, то въ видѣ дегуманизованныхъ гимназій, противополагается классическому гуманизму. Этой заслуженной, но уже отслужившей свою службу системѣ дается конкуррентномъ тоже гуманитарная система, согласованная съ болѣе высокимъ уровнемъ человѣческой цивилизаціи въ настоящее время и обновленная, оплодотворенная введеніемъ популярно-научнаго знанія. Конечно, декретъ еще не создастъ этой системы, но Франція взяла на себя отвѣтственность ее создать. Она, конечно, это выполнитъ, являясь первою изъ великихъ культурныхъ націй, смѣло взявшеюся за рѣшеніе этой настоятельной проблемы, способной мощно подвинуть впередъ просвѣщеніе и дать европейской цивилизаціи еще болѣе широкую и устойчивую основу. Примѣръ Франціи, конечно, не останется безъ могучаго вліянія и на другія культурныя страны.

Сенатъ еще не утвердилъ законопроекта о реформѣ средняго образованія, но единогласное его одобреніе палатою, единодушные благопріятные отзывы всѣхъ вліятельныхъ органовъ прессы и приверженность сенатскаго большинства министерству, представившему законопроектъ, обезпечиваютъ его утвержденіе и сенатомъ. Для министерства же это крупный шансъ передъ приближающимися генеральными выборами.

Прежде, чѣмъ оставимъ излагаемый сюжетъ, отмѣтимъ еще одно важное обстоятельство. Послѣ того, какъ палата утвердила законопроектъ о средне-учебной реформѣ, Бриссонъ внесъ резолюцію противъ закона Фаллу. Этотъ законъ, проведенный въ эпоху господства правой въ семидесятыхъ годахъ, установилъ такъ называемую свободу средняго и высшаго образованія, т. е. предоставилъ частной иниціативѣ открывать безпрепятственно среднія и высшія учебныя заведенія по любымъ планамъ и программамъ безъ всякаго контроля со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Дипломы этихъ заведеній не даютъ правъ, но ихъ воспитанники допускаются къ экзаменамъ въ правительственныхъ школахъ наравнѣ съ учениками и слушателями этихъ послѣднихъ. При сплоченной организаціи и богатствѣ духовенства во Франціи, законъ Фаллу создалъ, на ряду съ правительственною системою средняго и высшаго образованія, обширную

клерикальную систему, гдѣ воспитывается юношество высшихъ и состоятельныхъ классовъ и откуда постоянно рекрутируются новые контингенты сторонниковъ реакціи и враговъ существующаго режима. Резолюція Бриссона, поддержанная Вальдекомъ Руссо, была принята палатою, правда, незначительнымъ большинствомъ. Въ сенатѣ подобная же резолюція была принята раньше. При преніяхъ, В. Руссо заявилъ, что правительство не предполагаетъ отмѣнять законъ Фаллу въ его цѣломъ, но лишь обусловить право экзамена въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ предварительнымъ въ нихъ пребываніемъ въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ. Конечно, это—мѣра палліативная, но и она нѣсколько ослабитъ клерикальную пропаганду. До выборовъ правительство не успѣетъ провести эту мѣру, но она включается такимъ образомъ въ избирательную программу министерскихъ партій.

IV.

Кризисъ англійской либеральной партіи продолжалъ развиваться въ отчетномъ мѣсяцѣ. Наше изложеніе этого кризиса въ прошлой хроникѣ мы закончили письмомъ гр. Розберри, въ которомъ онъ окончательно и рѣзко отдѣляется отъ либеральной партіи. Онъ отвергаетъ Home Rule, отказывается отъ отдѣленія церкви отъ государства въ Уэльсѣ и Шотландіи, восхваляетъ поведеніе Мильнера въ Южной Африкѣ, одобряетъ и концентраціонные лагери, и казни бурскихъ генераловъ, провозглашаетъ имеріализмъ и глумится надъ вѣрными старымъ либеральнымъ знаменамъ. Онъ прямо заявляетъ, что эти знамена теперь не популярны; кто желаетъ управлять, долженъ сообразоваться со спросомъ. За гр. Розберри первыми послѣдовали Фоулеръ и лордъ Грей. Немного погодя, опубликовалъ манифестъ къ своимъ избирателямъ и Аскитъ, въ которомъ заявилъ, что признаетъ отнынѣ вождемъ британскаго либерализма графа Розберри и вполнѣ принимаетъ его программу. Это было исполнено внутренняго противорѣчія: благородный лордъ заявляетъ о своемъ выходѣ изъ либеральной партіи, Аскитъ же его провозглашаетъ вождемъ либеральной партіи; благородный лордъ и самъ Аскитъ вслѣдъ за нимъ отказываются отъ существенныхъ пунктовъ англійской либеральной программы, что не мѣшаетъ Аскиту считать и себя, и своего новаго лидера либералами! Однако, и эта двусмысленность понравилась графу Розберри. На новомъ митингѣ якобы либеральной партіи эта маска была надѣта. То-ли она въ самомъ дѣлѣ пришлась по вкусу графу и его сторонникамъ, то-ли они это сдѣлали ради Аскита, не желающаго разставаться съ именемъ либерала, во всякомъ случаѣ, теперь, благодаря этому маскараду,

имѣются въ Англіи двѣ либеральныя партіи и два либеральныхъ лидера, Розберри и Баннерманъ-Кэмпбель...

Старая либеральная партія, наслѣдница традицій Гладстона, Кобдена, Брайта, Милля и др., немедленно послѣ этого раскола посчитала свои силы въ парламентѣ. 18 (5) марта сэръ Баннерманъ Кэмпбель внесъ въ палату общинъ резолюцію о назначеніи парламентомъ слѣдствія надъ военнымъ интендантствомъ, приведя подавляющаго характера факты хищничества. Военный министръ Бродрикъ, не отрицая существованія нѣкоторыхъ печальныхъ фактовъ указаннаго характера, протестовалъ противъ назначенія парламентскаго слѣдствія, что было бы выраженіемъ подозрѣнія по адресу всего правительства. Бальфуръ, лидеръ министерской партіи въ палатѣ общинъ, тоже возражалъ противъ предложенія либеральнаго лидера, находя, что его принятіе ободрило бы буровъ. Аскитъ тоже высказался противъ этого предложенія, не желая, какъ онъ выразился, дѣлать затрудненія правительству. Голосованіе дало результаты: за правительство (противъ предложенія Баннермана-Кэмпбеля) подано 346 голосовъ, за предложеніе 191, въ томъ числѣ около 70 ирландскихъ и около 120 либеральныхъ, при чемъ около 30 бывшихъ либераловъ голосовали за правительство, вмѣстѣ съ Аскитомъ.

Въ то время, какъ въ англійскомъ парламентѣ имперіалистское большинство, чтобы не ободрить буровъ, соглашается закрывать глаза на хищенія, сами буры продолжаютъ свою героическую борьбу, вовсе, повидимому, не нуждаясь въ ободреніи со стороны лондонскаго парламента. Исторія южноафриканской войны за послѣднее время представляетъ собою примѣръ доблести, едва-ли когда либо превзойденной въ исторіи. Какой-нибудь десятокъ тысячъ людей, утомленныхъ двухъ съ половиною лѣтнею войною, безъ артиллеріи, безъ военнаго базиса, всегда vis à vis съ 250 тысячами противниковъ, снабженныхъ громадною артиллеріей, оружіемъ и припасами и постоянно обновляемыхъ въ своемъ составѣ, умѣетъ не только держаться, но и наносить своимъ могущественнымъ врагамъ чувствительныя пораженія, отнимать артиллерію, брать въ плѣнъ военачальниковъ, снабжать себя на ихъ счетъ оружіемъ, снарядами и припасами. Мало того, эта горсть героевъ умѣетъ не только побѣждать, но сохранила способность быть великодушными по отношенію къ врагамъ, по своей жестокости и презрѣнію ко всякому праву напоминающими самыя стыдныя страницы военной исторіи! А цивилизованный міръ остается всетаки безучастнымъ зрителемъ этой неравной борьбы? Въ послѣднее время какъ будто не совсѣмъ. Франція взяла на себя инициативу напомнить въ Лондонѣ о правѣ нейтральныхъ посылать военнымъ сторонамъ санитарные и медицинскіе отряды, которые въ послѣднее время англичанами безцеремонно забирались въ плѣнъ. За Франціей

тоже представленіе сдѣлала Германія. И тому, и другому правительству въ Лондонѣ отвѣтили согласіемъ на отправленіе бурамъ новыхъ медицинскихъ отрядовъ нейтральными націями и увѣрили, что впредь будетъ лучше соблюдаться неприкосновенность этихъ отрядовъ. Немедленно послѣ этого во Франціи, Германіи, Голландіи и Бельгіи приступили къ организаціи медицинской помощи бурамъ, которые одно время были совершенно лишены этой помощи, благодаря нарушенію англійскими военачальниками международнаго права. Это вмѣшательство Франціи и Германіи во всякомъ случаѣ симптомъ. Другимъ симптомомъ служатъ резолюціи, вотированныя парламентами Сѣверо-Американскихъ штатовъ Колорадо и Миннезота, призывающія правительство республики вмѣшаться въ пользу буровъ. Эти резолюціи доставлены вашингтонскому сенату и отосланы въ коммиссію. Въ итальянскомъ парламентѣ тоже былъ поставленъ вопросъ, не пора-ли что-либо предпринять въ пользу героевъ Южной Африки? Принетти отвѣтилъ, что Англія до сихъ поръ рѣшительно не допускаетъ никакого посредничества.

Изъ другихъ событій отчетнаго мѣсяца надо упомянуть немногое:

Во Франціи палата, для себя и для всѣхъ неожиданно, вотировала 20 февраля предложеніе Пуркери-де-Боссерэна объ увеличеніи законодательнаго періода съ четырехлѣтняго до шестилѣтняго. Обнаружилось, однако, что палата была взята врасплохъ и что въ дѣйствительности большинство не сочувствуетъ этому отнюдь не демократическому проекту. Поэтому ожидаютъ, что сенатъ не утвердитъ этой реформы.

Въ Германіи продолжается обсужденіе коммиссіей таможеннаго тарифа все въ томъ же ультра-аграрномъ духѣ. Сильно аграрофильскій проектъ правительства передѣлывается до основанія въ ультра-аграрномъ направленіи. Правительство возражаетъ, но большинство коммиссіи продолжаетъ свое дѣло. Что будетъ въ рейхстагѣ, предвидѣть очень трудно. Вполнѣ поддерживаютъ правительство только національ-либералы. Консерваторы за ультра-аграрное направленіе; всѣ лѣвые противъ правительственнаго проекта за его аграрность; центръ еще не высказался; исходъ вполнѣ не ясенъ.

С. Южаковъ.

Фрэнки *).

(*Письмо изъ Англіи*).

I.

Съ отцомъ Фрэнки, мистеромъ Гартнелломъ, я познакомился вскорѣ послѣ того, какъ пріѣхалъ въ Англію, въ клубѣ „Логосъ". Когда я впервые услышалъ это вычурное названіе, мнѣ почему-то сейчасъ же вспомнилась сцена изъ „Ученыхъ женщинъ", когда Триссотеніусъ представляетъ дамамъ Вадіуса и приводитъ ихъ въ восторгъ сообщеніемъ, что тотъ знаетъ греческій языкъ. Я думалъ, что „Логосъ" нѣчто вродѣ академіи педантовъ, намѣченной Филаминтой и Армандой. „Nul n'aura de l'esprit, hors nous et nos amis!"

Я ошибся. „Логосъ" оказался обыкновеннымъ англійскимъ клубомъ, не „Карлтономъ", составляющимъ завѣтную мечту всякаго разбогатѣвшаго пивовара или фабриканта подтяжекъ; не „Атенеумомъ" — конклавомъ литературныхъ и политическихъ кардиналовъ, не „Клубомъ дикарей", куда милліонеры, разодѣтые какъ на балъ, являются играть въ богемъ. Нѣтъ, вышло, что „Логосъ" клубъ средней руки, не имѣющій ничего педантичнаго, кромѣ названія. Тамъ можно иногда встрѣтить розощекаго, вѣчно хохочущаго надъ собственными анекдотами лорда, считающаго себя почему-то радикаломъ, двухъ-трехъ политиковъ, забѣжавшихъ туда „для связей", на всякій случай. Но то не обычная публика. Завсегдатаи его — художники, картины которыхъ еще не начали расходиться (этимъ объясняется, почему такая масса картинъ украшала стѣны клуба), молодые романисты, только что расправляющіе крылья, журналисты, люди съ небольшимъ обезпеченнымъ доходомъ и пр. Эта публика порой немножко оригинальничаетъ, немножко злоупотребляетъ парадоксами; но въ общемъ, народъ симпатичный, не скованный преклоненіемъ предъ условностью, а потому болѣе родственный по духу намъ, жителямъ континента. Поэтому-то въ „Логосѣ" такая пестрая коллекція иностранцевъ, отъ обитателей Эквадора до норвежцевъ. Но если „Логосъ" отличается отъ другихъ клубовъ публикой, въ немъ въ наличности двѣ вещи, безъ которыхъ англичанинъ не

*) Въ перемежку съ другими письмами, я намѣреваюсь дать рядъ профилей: школьника, студента, священника, литератора, «человѣка съ причудой», политическаго дѣятеля, работника и пр. Эти безхитростныя фотографіи, быть можетъ, послужатъ иллюстраціей къ остальнымъ письмамъ.

признаетъ подобныхъ учрежденій, — мягкіе и толстые ковры и изобиліе глубокихъ креселъ, въ которыя можно забраться съ ногами или вытянуть ихъ къ ярко пылающему камину, принять какое угодно положеніе, свернуться клубкомъ. Кресла эти такого свойства, что, забравшись туда, можно наблюдать спокойно публику, изучать ихъ физіономіи, форму лбовъ, квадратные, энергичные подбородки; можно, наконецъ, сладко вздремнуть, закрывшись *Таймсомъ*, при чемъ другимъ будетъ казаться, что вы изучаете передовую статью о повышеніи подоходнаго налога на два пенса. Такими креслами англичане очень дорожатъ и называютъ ихъ my growlery, т. е. моя берлога, въ которой можно ворчать наединѣ. Поживши въ Англіи, вы, наконецъ, сами входите во вкусъ такой growlery, въ которой васъ никто не тронетъ, покуда вы не претворите вашъ сплинъ въ хорошее расположеніе и выползете на свѣтъ Божій существомъ соціабельнымъ и оптимистомъ. Въ „Логосъ", какъ и въ другихъ англійскихъ клубахъ, иногда устраиваются, кромѣ музыкальныхъ вечеровъ (at home), конференціи и собесѣдованія, на которыхъ затрагиваются наиболѣе жгучіе современные вопросы. На этихъ конференціяхъ я встрѣчалъ постоянно джентльмэна, котораго никогда не видалъ въ другое время въ клубѣ. То былъ человѣкъ лѣтъ 55, начинавшій уже округляться, но въ расцвѣтѣ силъ, съ свѣжимъ, красивымъ лицомъ, ясными глазами и широкими плечами, какія можно встрѣтить только у англичанъ, до глубокой старости цѣлый часъ выплясывающихъ по утрамъ, послѣ холодной ванны, съ десяткомъ гирь и дубинъ всякаго рода. Чуть-чуть начинавшіе сѣдѣть усы не скрывали энергичнаго, сильно очерченнаго рта. Гладко выбритое лицо позволяло наблюдать выпуклый, сильно напруженный musculus masseter и массивный, квадратный, чисто британскій подбородокъ, говорившій о необыкновенной настойчивости. Джентльмэнъ меня заинтересовалъ еще больше, когда принялъ участіе въ дебатахъ. Меня поразила ясность, точность и сила аргументаціи, точка зрѣнія оратора, затѣмъ, рѣдкая эрудиція. Онъ, повидимому, отлично былъ знакомъ не только съ одними англійскими авторами.

— Кто это?—спросилъ я.

— Мистеръ Гартнеллъ, гражданскій чиновникъ.

Впослѣдствіи я получилъ и болѣе подробныя свѣдѣнія. Мистеръ Гартнеллъ когда-то готовился быть священникомъ. Онъ окончилъ для этого оксфордскій университетъ и получилъ надлежащую ученую степень „М. А." (т. е. Artium Magister, магистръ философіи). Оставалось только подать прошеніе епископу о назначеніи кандидатомъ въ Deacon's Orders. Получивъ такое прошеніе, епископъ призываетъ молодого магистра для собесѣдованія, послѣ чего назначаетъ его діакономъ. Но тутъ начался переломъ въ воззрѣніяхъ молодого человѣка подъ вліяніемъ прочитанной

„Wesen des Christentums“. За этой книгой послѣдовали другія подобнаго же рода. Умъ англичанина похожъ на тѣ громадные тараны, которые въ древности подкатывались къ воротамъ осаждаемаго города. Ихъ очень трудно было раскачать, но разъ это удавалось, тараны наносили ужасный ударъ, который сокрушалъ въ щепы окованныя желѣзомъ ворота... Черезъ восемь мѣсяцевъ упорной умственной работы мистеръ Гартнеллъ пришелъ къ опредѣленному выводу и безповоротно рѣшилъ, что прошенія епископу не подастъ. Но предстоялъ выборъ занятія. Умному, образованному, настойчивому человѣку сдѣлать это въ Англіи не трудно. Бюрократизъ или *redtapl*, какъ говорятъ здѣсь, съ его ворохомъ исписанныхъ бумагъ и сложной іерархіей, былъ всегда антипатиченъ англичанамъ; но до 1855 г. пополненіе штата чиновниковъ не регулировалось никакимъ закономъ. Все зависѣло отъ министровъ. Въ разсчетъ при назначеніи чиновника принимались его политическія убѣжденія, затѣмъ родство, связи и пр. При широкомъ общественномъ контролѣ, существующемъ въ Англіи, дурная система не могла быть такъ плоха, какъ была бы въ другомъ мѣстѣ. Тогда, при торійскомъ министерствѣ большинство чиновниковъ были тоже тори. Если брали верхъ виги, то министры подбирали себѣ чиновниковъ изъ своей партіи. Въ 1855 г. началась реформа, которая была вполнѣ закончена черезъ 36 лѣтъ. Большинство мѣстъ въ сложной правительственной машинѣ съ тѣхъ поръ открыто для всѣхъ. Каждое министерство объявляетъ ежегодно число вакансій. Существуютъ спеціальные экзамены. Выдержавшіе ихъ получаютъ соотвѣтственное мѣсто. Какъ видите, Англія послѣдовала мудрому примѣру Китая; но только, конечно, для экзамена требуются болѣе современные предметы, чѣмъ въ Серединной Имперіи. Мѣста дѣлятся на четыре класса. Соотвѣтственно съ этимъ, существуютъ четыре различныхъ экзамена. Переходъ изъ одного класса въ другой производится не по старшинству, а по заслугамъ (upon merit, not according to seniority). Мистеръ Гартнеллъ выдержалъ экзаменъ на „чиновника перваго класса“ (т. е. самаго старшаго). Службу онъ началъ въ правительственномъ отчетномъ учрежденіи въ Сити. Теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ службы, мистеръ Гартнеллъ получалъ 1,200 ф. въ годъ, по континентальнымъ мѣркамъ—очень много. По англійскимъ же условіямъ, такое жалованье только „среднее“. Нравы въ министерствахъ сильно измѣнились съ 1855 г.; торійскому правительству теперь нѣтъ никакого дѣла до крайняго радикализма своего виднаго чиновника.

Мы познакомились и сблизились съ мистеромъ Гартнелломъ. То было время, когда экспедиція Андрэ только что подготовлялась. Шли толки о возможности для путешественниковъ попасть на сѣверо-востокъ Сибири, гдѣ-нибудь около Чауна. Такъ какъ

я немного знаю этотъ край, то высказалъ мистеру Гартнеллу мои собственныя соображенія.

— Если бы мой мальчикъ слышалъ разсказъ полярнаго путешественника!—шутливо воскликнулъ мистеръ Гартнеллъ.

Въ началѣ іюня 1897 г. я, наконецъ, собрался выполнить обѣщаніе, данное давно мистеру Гартнеллу, навѣстить его. Было воскресенье. Всюду раздавался мелодичный перезвонъ колоколовъ. Разряженные лэди и джентльмэны шли въ церковь, демонстрируя торжественно-благочестивое выраженіе на лицахъ и громадные золотообрѣзанные молитвенники въ рукахъ. По пустымъ улицамъ десятками мчались за городъ велосипедисты и велосипедистки. „Байкъ“ (т. е. бициклетъ) революціонизировалъ теперь англійское воскресенье,—жалуются проповѣдники. Молодые люди, вмѣсто того, чтобы дремать въ церкви, какъ прежде, спѣшатъ теперь въ досужее время за городъ. Туда же катились громадные шарабаны, наполненные пестрой публикой. То было массовое бѣгство изъ скучнаго города.

Гартнеллъ жилъ за Лондономъ, близь Ричмонда. Около великолѣпнаго „Кью“, парка, занимающаго нѣсколько сотъ десятинъ, тянутся тихія фешенебельныя улицы. Нѣтъ здѣсь ни шумныхъ грязныхъ трущобъ, ни безконечныхъ рядовъ „карточныхъ домиковъ“, всѣ на одинъ ладъ, какъ горсть только что отчеканенныхъ копѣекъ,—излюбленное мѣсто клэрковъ. На улицахъ близь Кью каждый домъ носитъ свой особый характеръ. Стѣны густо покрыты плющемъ, который красивыми фестонами свѣшивается надъ входными дверями. Впереди домовъ—садики, въ которыхъ непремѣнно есть какая-нибудь рѣдкая диковина растительнаго царства, вывезенная изъ далекихъ колоній. Въ мягкомъ, богатомъ влагой климатѣ Англіи всѣ растенія субтропическаго пояса чувствуютъ себя великолѣпно. Каждый домъ носитъ свое названіе. Вы проходите мимо „Жилища среди кедровъ“, „Розовой аллеи“, „Лоэнгрина“, „Памира“, „Евкалипта“, „Веласкеза“, названій, которыя уже даютъ нѣкоторое представленіе о вкусѣ владѣльцевъ или о томъ, гдѣ протекала ихъ служба. Обитатели этихъ домовъ модные художники, успѣвающіе романисты, хорошо зарабатывающіе чиновники и пр. Эти строго блюдутъ „фешенебельность“ своей улицы и зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы на нее не затесался кабакъ, мелочная или овощная лавочка и т. д. На-дняхъ только населеніе подобной улицы, Grove-end-Road, возбудило противъ себя не столько негодованіе, сколько насмѣшки многихъ—петиціей, поданной въ совѣтъ лондонскаго графства, который купилъ тамъ пустопорожнюю землю и рѣшилъ выстроить образцовые котэджи для работниковъ. Это именно привело въ ужасъ населеніе Grove-end-Road. Петицію подписали, между прочимъ, художникъ Альма Тадема, драматургъ Пинеро, романистъ Филь Мэй и пр. „Наша улица, — говорится въ петиціи,—несомнѣнно аристократическая.

Всѣ дома здѣсь—живописны, интересны и содержатся въ образцовомъ порядкѣ. Большею частью они пріобрѣтены въ собственность и украшены владѣльцами ихъ, художниками, актерами, литераторами и др. людьми, гордящимися своими жилищами и садами. Для этихъ людей уединеніе и спокойствіе абсолютно необходимы. Красота и фешенебельность квартала являются главной причиной высокой цѣны земельныхъ участковъ. Будетъ противно всѣмъ законамъ приличія, если совѣтъ лондонскаго графства настроитъ здѣсь прозаическіе рабочіе котэджи и насильно введетъ въ избранную компанію пеструю толпу".

„Фешенебельные" петиціонеры вызвали, какъ я сказалъ, не столько негодованіе, сколько насмѣшки. Конечно, ихъ жалоба не привела ни къ чему.

II.

Мнѣ отперъ дверь мальчикъ лѣтъ десяти, необыкновенно рослый для своего возраста, краснощекій, съ большими красными руками, неуклюже торчавшими изъ рукавовъ дѣтской курточки.

— Вотъ рекомендую вамъ моего мальчика,—сказалъ мнѣ вышедшій въ переднюю мистеръ Гартнеллъ. — Фрэнки, вотъ тотъ самый русскій джентльмэнъ, посѣтившій сѣверо-восточный берегъ Азіи, о которомъ я говорилъ вамъ.

— А вы дрались тамъ съ дикарями?—быстро спросилъ Фрэнки. Мой отрицательный отвѣтъ, повидимому, нѣсколько разочаровалъ мальчика.

Каждый уголокъ дома, каждый квадратный аршинъ стѣны носилъ рѣзкій отпечатокъ индивидуальности хозяина. Фрэнки вызвался быть моимъ чичероне. Замѣтивъ, что я смотрю на старую модель небольшого парусного фрегата, надъ шкафомъ съ книгами, мальчикъ объяснилъ мнѣ:

— Это—„Успѣхъ", купеческій корабль, которымъ командовалъ мой пра-прадѣдушка. Корабль погибъ безъ вѣсти между Вальпарайзо и Сиднеемъ, въ 1794 г. Вотъ это послѣ пра-прадѣдушки,—показалъ онъ почтительно на старинную, высокую, лакированную морскую шляпу, которая висѣла подъ стекломъ рядомъ съ моделью.—Вотъ зонтикъ прадѣдушки, деревенскаго викарія. Съ этимъ зонтикомъ у насъ связана цѣлая семейная исторія. А вотъ сумочка, которую отецъ привезъ изъ Танжера, тамъ плетутъ ихъ заключенные въ тюрьмѣ.

Повидимому, въ этой семьѣ, принадлежащей исключительно къ среднимъ классамъ, хранятся традиціи о цѣломъ рядѣ предковъ, жившихъ согласно принципамъ, которые они считали вѣрными. Они жили, строили планы на далекое будущее для себя и для сыновей, не страшась никакой непредвидѣнной силы, которая, какъ deus ex machina, вмѣшается внезапно и разстроитъ

всѣ разсчеты. Мальчикъ вошелъ во вкусъ чичероне. Онъ повелъ меня въ кабинетъ отца, гдѣ я увидалъ шкафы съ книгами, между прочимъ, отличный подборъ сочиненій Монтескье, Руссо, Вольтера, Гольбаха, Гельвеція, Кондорсэ и другихъ писателей XVIII вѣка. Затѣмъ я очутился въ небольшой комнатѣ, гдѣ прежде всего обратилъ вниманіе на большую банку, въ которой суетливо плавали три тритона, съ гребешками на спинахъ. Рядомъ, въ другой банкѣ сиротливо сидѣла на маленькой лѣсенкѣ, сдѣланной изъ палочекъ,—громадная зеленая лягушка. Въ карточной коробкѣ что-то шуршало.—„Тамъ у меня ужъ сидитъ. Вчера поймалъ. Покуда еще не сдѣлалъ террарія“,—спокойно объяснилъ Фрэнки. На полу, между сапогами, валялись кой-какіе инструменты, сачекъ, зеленая ботаническая капсюля на широкой лентѣ.—„Это моя комната“!—съ гордостью объяснилъ Фрэнки. Изъ оконъ ея я видѣлъ сосѣдніе садики. Въ одномъ изъ нихъ, развалясь въ длинномъ, бамбуковомъ, морскомъ креслѣ, лежалъ широкоплечій громадный джентльмэнъ, съ шапкой черныхъ волосъ на круглой головѣ. Въ другомъ я усмотрѣлъ маленькаго, необыкновенно прямо держащагося старичка.

— Черный джентльмэнъ — мистеръ Ридли, піонеръ, только что возвратившійся изъ Австраліи,—сказалъ мнѣ мальчикъ.—А тотъ старый джентльмэнъ—отставной генералъ. Ихъ мальчики—мои большіе друзья.

Въ домѣ вскорѣ все было осмотрѣно.

— Хотите, я вамъ покажу „Соколиное гнѣздо“?—предложилъ Фрэнки. Я думалъ вначалѣ, что дѣло идетъ о птицахъ, и удивлялся только, откуда онѣ взялись подъ Лондономъ. На дѣлѣ оказалось не совсѣмъ такъ. Мы спустились въ садикъ, составляющій неизбѣжную принадлежность всѣхъ англійскихъ домовъ. Кромѣ обычныхъ кустовъ сирени, колючаго падуба и страннаго австралійскаго „обезьяньяго дерева“, въ саду росло нѣсколько тополей, да въ глубинѣ его громадный дикій каштанъ. Не высокія стѣны отдѣляли садикъ отъ сосѣднихъ дворовъ. Изъ одного изъ нихъ ловко перескочилъ къ намъ мальчикъ, такого же возраста, какъ и Фрэнки, но пошире въ костяхъ, смуглый, черноволосый, съ громадными челюстями. Это и былъ сынъ австралійскаго піонера. Въ другомъ садикѣ по единственной аллеѣ, обсаженной падубомъ, мѣрными шагами, по военному, выступалъ коротенькій сморщенный старичекъ съ такими густыми, сѣдыми усами, что, казалось, онъ держитъ во рту какого-то воробья съ распростертыми крыльями. На ходу старикъ все дергалъ головой, поводилъ плечами и бормоталъ что-то. Шагалъ онъ легко и быстро, хотя лѣтъ ему, повидимому, было не мало.

— Ола! Фрэнки! На лѣстницу!—крикнулъ онъ, завидѣвъ насъ.

— Да, генералъ.

— А мой Гарольдъ все еще не можетъ: голова кружится

Слабъ еще, — рубилъ старикъ коротенькія фразы и зашагалъ дальше.

— Отставной генералъ индійской службы, — объяснилъ мнѣ мистеръ Гартнеллъ.—Сильно скучаетъ въ отставкѣ. И до того, что даже куръ завелъ для развлеченія. Гарольдъ—его сынъ, совсѣмъ слабый мальчикъ. Никакъ не можетъ оправиться отъ „желтаго джэка" (индійской лихорадки), которымъ болѣлъ въ Калькуттѣ. У него кружится голова даже на лѣстницѣ.

Высоко надъ землей, на крѣпкихъ вѣтвяхъ каштана былъ устроенъ помостъ, а на немъ родъ куреня, или круглой будки. Съ помоста до земли спускалась веревочная морская лѣстница, какую до сихъ поръ можно видѣть на небольшихъ парусныхъ судахъ.

— Вотъ и „Соколиное гнѣздо", — не безъ гордости сказалъ мнѣ Фрэнки.

Идея постройки и само названіе почерпнуты были изъ „Швейцарскаго Робинзона", подъ обаяніемъ котораго, повидимому, Фрэнки находился теперь всецѣло.

— Фрэнки все упрашиваетъ меня показать ему на картѣ, къ какой группѣ острововъ можетъ принадлежать Новая-Швейцарія, гдѣ подвизались его друзья Фрицъ, Эрнестъ, Жанъ и Франсуа, — сказалъ съ добродушной улыбкой мистеръ Гартнеллъ.— Какъ маленькій англичанинъ, онъ любитъ точность во всемъ. Не можете ли вы помочь ему?

— Это довольно трудно,—отвѣтилъ я.—Висъ написалъ, безъ сомнѣнія, одну изъ лучшихъ дѣтскихъ книгъ, которой зачитывались наши дѣды и будутъ упиваться, навѣрное, и внуки. Что же касается географіи, то, повидимому, авторъ не считался съ ней. На островѣ мы находимъ такое смѣшеніе животныхъ различныхъ поясовъ и континентовъ, которое возможно только въ зоологическихъ садахъ. На небольшомъ пространствѣ потерпѣвшіе крушеніе встрѣчаютъ пингвиновъ, птицъ арктическихъ морей и обезьянъ, сражаются съ бурыми медвѣдями и львами, бьютъ кенгуру, моржей и пиѳоновъ. То же можно сказать и о флорѣ. Растенія различныхъ широтъ встрѣчаются рядомъ, какъ въ ботаническомъ саду.

Фрэнки необыкновенно близко принялъ къ сердцу замѣчаніе и горячо сталъ отстаивать реальность Новой Швейцаріи. Признаться, мнѣ стало жаль, что я разрушилъ иллюзію мальчика, и потому ограничился повтореніемъ, что книга очень хороша.

Ловко, какъ обезьяна, Фрэнки взобрался по лѣстницѣ на помостъ, за нимъ полѣзъ австраліецъ.

— Васъ не смущаетъ эта лѣстница и нѣсколько рискованная постройка?—спросилъ я Гартнелла.

— Я осмотрѣлъ и ту, и другую. Онѣ прочны. Конечно, есть всегда извѣстная доля риска, но она столь же незначительна,

какъ при ѣздѣ на велосипедѣ. Взвѣсивъ все, я полагаю, что правъ, когда не запрещаю мальчику строить нѣсколько рискованное жилище. Онъ не долженъ вырости трусомъ. Хуже этого ничего не можетъ быть. Это—горше смерти. Трусъ—ненадежный человѣкъ въ жизни. Большинство трусовъ—лгуны. И всѣ лгуны—трусы.

— Идите сюда,—крикнулъ сверху Фрэнки. — Отсюда далеко видно. Взбирайтесь. Лѣстница крѣпкая.

Она, дѣйствительно, при помощи большихъ камней была натянута такъ туго, что почти не качалась. Помостъ былъ сооруженъ на славу, изъ прочныхъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ вѣтвямъ веревками, пропущенными въ спеціально проверченныя отверстія. На помостѣ стоялъ сплетенный изъ вѣтокъ шалашъ, прикрытый, на случай дождя, старой клеенкой и отслужившимъ долгую службу, судя по дырамъ, ковромъ. Наверху тихо шептались лапчатые, сморщенные листья каштана. При каждомъ дуновеніи вѣтерка на помостъ сыпалась съ громадныхъ цвѣточныхъ метелокъ, торчавшихъ, какъ свѣчи на елкѣ, оранжевая пыль. Фрэнки съ необыкновенной гордостью показывалъ свои владѣнія и свое имущество. Надъ входомъ висѣлъ старый, заржавленный пистонный пистолетъ, купленный за нѣсколько пенсовъ; тутъ же я замѣтилъ планъ окрестностей Лондона, небольшой компасъ, топорикъ, пилу,—словомъ, полное хозяйство Робинзона.

Съ помоста, дѣйствительно, видно было очень далеко. Съ одной стороны, закутанный бѣлесымъ туманомъ, не смотря на солнечный день,—разстилался колоссальный городъ. Безчисленныя фабрики казались какими-то отдыхающими слонами, припавшими къ землѣ широкими, тяжелыми брюхами и задравшими высоко кверху хоботы. Изъ нихъ, по случаю воскресенія, не вырывались теперь клубы дыма. Громадные паровые краны, какъ лапы гигантскихъ грифовъ, застыли неподвижно въ воздухѣ возлѣ фабрики. Многомилліонный городъ, казалось, дремалъ, раскинувшись на солнцѣ и закутавшись отъ него бѣлой простыней тумана. Завтра это чудовище пробудится, запыхтятъ хоботы, закачаются плавно исполинскія лапы, поднимая, какъ перышко, камни въ сажень по ребру, поползутъ во всѣ стороны стальныя сороконожки-поѣзда, — безконечная энергія снова будетъ затрачена въ погонѣ за деньгами и хлѣбомъ; надъ городомъ будетъ висѣть грохотъ, подобный шуму гигантскаго прибоя. Но тогда я слышалъ лишь изрѣдка гулъ паровоза или стукъ колесъ одинокаго омнибуса. Закрывъ глаза, можно было думать, что то храпитъ заснувшій городъ-гигантъ. Направо разстилались ярко-зеленыя поля графства Соррей, перерѣзанныя правильными рядами тополей и буковъ. Кое-гдѣ на этихъ поляхъ виднѣлись красныя крыши „виллъ“. Разросшійся городъ, какъ взволновавшееся море, метнулъ свои каменныя брызги—отдѣльныя улицы—далеко по сосѣднимъ

графствамъ. Англійскій ландшафтъ имѣетъ особую прелесть. Въ немъ краски такъ же ярки, какъ на щекахъ англійскихъ женщинъ. Все въ немъ говоритъ о мощи, о чрезмѣрномъ богатствѣ силъ... На огороженныхъ поляхъ бродили овцы, казавшіяся съ дерева жуками, которыхъ мальчикъ набралъ въ коробку и опрокинулъ потомъ на зеленое сукно ломбернаго стола.

Фрэнки забрался въ шалашъ, порылся въ углу, гдѣ я замѣтилъ спиртовую лампу, желѣзный треножникъ да сковородку, и возвратился съ подзорной трубкой, которая, судя по помятымъ бокамъ, видала виды, покуда попала въ „Соколиное гнѣздо".

— Посмотрите по компасу на N. N. W., — предложилъ мнѣ мальчикъ.—Не туда. Больше на западъ, вотъ черезъ то дерево. Что вы видите? (Фрэнки, повидимому, вспомнилъ *Островъ Сокровищъ*, Стивэнсона).

— Бѣлое что-то.

— Это Чилтернскіе холмы,—объяснилъ мнѣ мальчикъ. Я съ любопытствомъ принялся разсматривать бѣлые мѣловые холмы, которые играютъ такую видную роль въ парламентской исторіи Англіи. На этихъ холмахъ лежатъ четыре деревни: Бернгэлъ, Десбаро, Стонъ и Бексъ. Когда то, очень давно, деревни лежали въ густыхъ лѣсахъ, въ которыхъ держались разбойники, грабившіе проѣзжихъ. Для охраненія путешественниковъ, король назначалъ особаго пристава, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы ловить разбойниковъ и вѣшать ихъ. Разбойниковъ было такъ много, что приставъ не получалъ жалованья, а довольствовался оружіемъ, лошадьми и платьемъ казненныхъ. Прошло много вѣковъ. Разбойники перевелись. Отъ лѣсовъ не осталось даже пней; сами холмы разрыты для добыванія мѣла; но должность пристава „чилтернской сотни" (Chiltern Hundreds) осталась до сихъ поръ. Коммонеры не могутъ прямо выходить въ отставку. Чтобы сдѣлать это, они просятъ для себя мѣсто чилтернскаго пристава. Такъ какъ это должность казенная, а коммонеръ не можетъ состоять на службѣ у короля, то онъ слагаетъ съ себя парламентскія обязательства. Конечно, приставъ не ѣдетъ въ несуществующіе лѣса ловить тѣни разбойниковъ; онъ въ тотъ же день подаетъ въ отставку. Мѣсто освобождается для другого коммонера, не желающаго почему либо быть въ парламентѣ. Англія ухитряется сохранять тѣнь, когда предметъ, отбрасывавшій ее, давно ужъ исчезъ...

— Теперь смотрите на рѣку,—предложилъ мнѣ мальчикъ, демонстрируя все, какъ добросовѣстный гидъ. Какъ на картѣ, видна была вся загогулина, образуемая близь Ричмонда Темзой. Сюда ужъ приливъ не доходитъ; рѣка гораздо уже; но за то— гораздо чище. Оба берега поросли деревьями. Надъ водой, купая въ ней свои вѣтви, спустились ивы. Смѣхъ и гомонъ стояли надъ рѣкой. Одинъ за другимъ ползли старинные пароходы, на-

битые праздничной публикой. Съ палубы доносились нестройные звуки струнныхъ инструментовъ. Тысячи разряженныхъ мужчинъ и женщинъ, оставивъ до понедѣльника всѣ дѣла и заботы въ спящемъ городѣ, отдыхали и веселились, какъ могли. По рѣкѣ шныряли сотни лодокъ всевозможныхъ видовъ. Вотъ проплылъ, какъ лебедь, изящный канадскій челнокъ, погоняемый пожилымъ господиномъ, безъ сюртука, съ двулопастнымъ весломъ въ рукахъ. Далѣе, медленно ползла неуклюжая, черная шаланда, набитая .хохочущими дѣвушками-фабричными, въ громадныхъ шляпкахъ съ яркими перьями, хохотъ раздавался по малѣйшему поводу: когда лодка начинала качаться въ бороздѣ, оставленной пароходомъ, когда неопытная подруга у весла, вмѣсто того, чтобы грести, принималась табанить, когда кто нибудь брызгалъ весломъ и т. д. Неуклюжую шаланду, похожую на вывалявшуюся въ грязи свинью, обгоняла щегольская гичка, на веслахъ которой сидѣли молодые джентльмэны въ живописныхъ фланелевыхъ костюмахъ. На скамьяхъ, на шелковыхъ подушкахъ, подъ разноцвѣтными зонтиками, полулежали нарядныя дамы. Стрѣлой промчалась длинная и очень узкая лодка, въ которой, какъ автоматы, мѣрно взмахивали веслами шесть гребцовъ, въ фуфайкахъ, въ коротенькихъ штанахъ, съ голыми колѣнами. То студенты готовились къ „срегатѣ“ (къ большимъ гонкамъ въ іюлѣ). У береговъ вытянулись рядами плавучіе дома: на громадныхъ баркахъ виднѣлись маленькія, необыкновенно нарядныя виллы. Вотъ пропыхтѣлъ маленькій, щегольской паровой катеръ, тащившій на буксирѣ такой плавучій домъ. На палубѣ разбита палатка изъ синихъ, красныхъ, желтыхъ и зеленыхъ шелковыхъ полосъ, полы ея были подняты, такъ что видна была своеобразная компанія. На коврѣ, въ глубокомъ креслѣ сидѣлъ толстый мулатъ, съ сѣдой подстриженной бородой (казалось, что у него губы и подбородокъ вымазаны мыльной пѣной), съ брилліантовыми серьгами въ ушахъ. Вокругъ мулата, на коврѣ, размѣстились дамы, тоже цвѣтнокожія, одѣтыя нарядно и пестро. Вся эта публика сверкала глазами и зубами, хохотала и пробовала пѣть что-то. Повидимому, то былъ какой-нибудь набобъ съ Вестъ-индскихъ острововъ. Они предпочитаютъ оставить жаркую родину и поселиться въ сыромъ Лондонѣ, потому что въ Англіи нѣтъ предубѣжденія противъ цвѣта кожи, какое существуетъ въ колоніяхъ ея или же въ Америкѣ.

Но громче всего смѣхъ, пѣсни и музыка слышались въ томъ мѣстѣ, гдѣ Темза раздѣляется на два рукава и образуетъ заросшій ивами и березами островокъ, любимое мѣсто лондонскихъ фабричныхъ. Музыканты дули что есть силы въ трубы и свистѣли въ кларнеты. Подъ нестройные звуки молодежь плясала „до седьмого пота“. Солдаты въ красныхъ курткахъ, съ маленькими шапочками на бекрень, выпятивъ грудь колесомъ и

помахивая тросточками, выступали гоголями. Но имъ не суждено было привлекать вниманіе горничныхъ и кухарокъ. Героями дня являлись матросы съ военнаго корабля, только что вернувшіеся, повидимому, изъ дальняго плаванія, съ запасомъ безконечныхъ разсказовъ.

Доносившійся съ рѣки гомонъ не былъ пьянымъ бурленіемъ несчастнаго, забитаго народа, пьющаго въ свободную минуту до одури, чтобы хоть на мгновеніе оторваться отъ сѣрой, притупляющей дѣйствительности. Нѣтъ, то слышался радостный смѣхъ *отдыхающаго*, свободнаго народа, набиравшагося силъ для завтрашняго дня. Въ эти часы отдыха на рѣкѣ всѣ чувствуютъ себя равными: фабричныя дѣвушки, съ хохотомъ брызгающія веслами, и нарядная, титулованная лэди, въ капитанской шапочкѣ, ловко правящая маленькой яхтой съ пурпурными парусами; „костэро" (родъ бродячаго торговца) и изящный джентльмэнъ, стоящій въ сверкающемъ яликѣ съ шестомъ въ рукахъ. Человѣческое достоинство всѣхъ признается одинаково. И именно поэтому порядокъ всюду образцовый. Веселье никогда не переходитъ въ дикое буйство, на какое способенъ забитый, въ которомъ хмѣль пробуждаетъ накипѣвшую обиду отъ безпрерывнаго угнетенія его человѣческаго достоинства.

— Вотъ, когда будетъ „бой голубыхъ" (т. е. рѣчныя гонки между оксфордскимъ и кэмбриджскимъ университетами),—вы къ намъ пріѣзжайте,—началъ Фрэнки.—Изъ „Соколинаго гнѣзда" все видно.

Мальчикъ былъ за Кэмбриджъ и потому во время гонокъ поднялъ надъ своимъ владѣніемъ большой темно-голубой флагъ, цвѣтъ университета.

Кромѣ оружія и кухонныхъ принадлежностей, я замѣтилъ въ шалашѣ (Фрэнки называлъ его „мой *вигвамъ*") нѣсколько книгъ: толстый растрепанный томъ „Журнала для мальчиковъ", „Естественную исторію Сельборна", Уайта, карманный опредѣлитель растеній, „Въ дебряхъ Африки" Стэнли, да нѣсколько томовъ Балантайна, наиболѣе любимаго англійскими мальчиками писателя. Всѣ сочиненія Балантайна—рядъ приключеній въ Южной Америкѣ и въ Австраліи.

— Любите вы Жюля Верна, Фрэнки?

— Нѣтъ,—категорически отрѣзалъ мальчикъ.

— Почему?

— Да тамъ нѣтъ совсѣмъ ни одного сраженія!

Когда мы спустились съ дерева, Фрэнки показалъ свои остальныя сооруженія. Прежде всего,—глубокую яму, которую вырыли они втроемъ. Надъ ней вертѣлся родъ ворота. Такъ какъ въ яму просачивалась вода, то мальчики устроили грубую, но очень остроумную помпу.

— Шахта,—объяснилъ Фрэнки.—Видите, тамъ отверстіе? Мы ведемъ оттуда, со дна, галлерею въ садъ піонера.

— А не боитесь вы, что земля обсыпится и задавитъ васъ?

— Нѣтъ, это невозможно,—увѣренно отвѣтилъ Фрэнки.—Мы тамъ устроили срубъ изъ боченковъ съ выбитыми днищами да поставили, гдѣ нужно, подпорки. Брэнсонъ знаетъ толкъ въ такой работѣ,—Фрэнки указалъ на смуглаго мальчика съ большими челюстями, который утвердительно мотнулъ головою. Рядомъ съ шахтой, подъ тѣнью граба, стояла на каткахъ большая, грубо сколоченная лодка съ полнымъ такелажемъ. Отецъ не препятствовалъ стремленіямъ мальчика быть то землекопомъ, то пріискателемъ, то корабельнымъ плотникомъ. По взглядамъ мистера Гартнелла, мальчикамъ очень полезно предпринимать такія сооруженія. Онъ настаивалъ только на одномъ: чтобы работа, разъ она начата, была непремѣнно доведена до конца, а иначе,—говорилъ онъ,—не выработается столь необходимая въ жизни настойчивость.

III.

Я пересталъ бывать въ „Логосѣ" и не видѣлъ мистера Гартнелла три года. При лондонскихъ разстояніяхъ и условіяхъ жизни въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ни одинъ городъ такъ не „отучаетъ отъ людей", какъ печальная, безконечная равнина каменныхъ домовъ, „d'une longueur telle qu'il faut pour la franchir un jour à l'hirondelle" („чтобы пролетѣть которую ласточка должна затратить день",—стихъ Барбье изъ поэмы „Londres"). За это время съ Фрэнки произошли большія перемѣны. Онъ оставилъ частную школу и перешелъ въ Public school, въ одно изъ немногихъ большихъ средне-учебныхъ заведеній. Школа св. Павла, куда поступилъ мой маленькій пріятель, имѣетъ много общихъ чертъ съ другими извѣстными англійскими учебными заведеніями того же типа, какъ итонская, регбійская, гаровская и др. Во всѣхъ ихъ, на первомъ планѣ, стоитъ воспитаніе характера, подготовленіе будущаго британскаго гражданина, который долженъ сознавать свои обязанности, но имѣетъ также и права. Во всѣхъ этихъ школахъ, прежде всего, заботятся объ установленіи системы полнаго довѣрія между директоромъ, учителями и „бульдогами" (классными наставниками), съ одной стороны, и мальчиками—съ другой. Это достигается прежде всего тѣмъ, что преподаватели признаютъ въ мальчикахъ *людей*, у которыхъ есть своя индивидуальность, а не считаютъ ихъ безформенной, безвольной живой глиной, которую можно лѣпить по произволу. Всѣ эти школы, къ сожалѣнію, доступны только состоятельнымъ классамъ, такъ какъ плата очень высока. За то во всѣхъ ихъ существуютъ безчисленныя стипендіи, которыя выдаются *каж-*

дому, выдержавшему соотвѣтственный экзаменъ. Стипендіи эти отъ 600 до 1000 руб. въ годъ.

Кое чѣмъ школа св. Павла отличается отъ итонской и гаровской. Въ ней латинскій и греческій языки сильно отодвинуты на задній планъ естественными науками. Затѣмъ, школа св. Павла—открытая, поэтому въ ней неизвѣстна одна антипатичная черта, твердо держащаяся въ закрытыхъ англійскихъ училищахъ—система „фэговъ" (fagging). Она состоитъ въ томъ, что новички и маленькіе ученики становятся слугами воспитанниковъ старшей „шестой формы" (выпускного класса). Маленькій „фэгъ" подметаетъ комнату своего „хозяина", кипятитъ ему чайникъ, поджариваетъ хлѣбъ, прислуживаетъ при играхъ, состоитъ на посылкахъ и пр. Нерадиваго „фэга" жестокіе „хозяева" иногда бьютъ. Для уничтоженія системы „фэгизма" была даже назначена спеціальная парламентская коммиссія. Она работала очень долго, собрала массу печальныхъ фактовъ *), но, въ концѣ концовъ, обычай оказался сильнѣе, и „фэги" остались въ большихъ закрытыхъ школахъ, хотя, быть можетъ, положеніе ихъ лучше, чѣмъ лѣтъ тридцать тому назадъ.

Первый день Фрэнки въ школѣ памятенъ для него и для родныхъ. Фрэнки сидѣлъ на скамьѣ въ саду. Видъ столькихъ шумныхъ мальчиковъ нѣсколько ошеломилъ его. Къ нему подошелъ одинъ изъ старшихъ учениковъ. Этотъ носитъ уже фракъ и цилиндръ, тогда какъ мальчики помоложе довольствовались курточками, обшитыми шнурками.

Молодой джентльмэнъ во фракѣ заложилъ руки въ карманы клѣтчатыхъ штановъ и пренебрежительно посмотрѣлъ на новичка.

— Изъ дѣтской?—презрительно бросилъ онъ.

— Что вы говорите, сэръ?—переспросилъ Фрэнки.

— Кажется, я говорю понятно. Вы и соску принесли съ собой! Ребята, поищите, куда этотъ младенецъ спряталъ соску.

Десятокъ мальчиковъ, окружавшихъ юношу во фракѣ, подобострастно засмѣялись. Фрэнки покраснѣлъ и твердо сказалъ:

— Оставьте меня.

— Вотъ какъ?—удивился юноша во фракѣ.—Что же вы знаете? Въ крокетъ играете?

— Да, понимаю немного, сэръ!

---

*) Въ книгѣ «Школьные годы Тома Брауна» сообщается, что «хозяинъ», въ наказаніе за ослушаніе «фэга», сталъ «поджаривать» его у камина. Парламентская коммиссія для разслѣдованія системы фэговъ говоритъ: «Оплеухи, удары ногой и зуботычины считаются даже не наказаніемъ, а лаской. «Хозяева» придумали для «фэговъ» цѣлую систему истязаній: сюда входитъ избіеніе палкой, сѣченіе розгами и пр., нѣкоторыхъ «фэговъ» старшіе воспитанники такъ жестоко высѣкли, что мальчики долго не могли принимать участія въ играхъ».

— А въ футболъ?

— Слегка, сэръ!

— А драться умѣете?

— Если вамъ угодно, сэръ,—отвѣтилъ Фрэнки.

— Ну, посмотримъ!—сказалъ юноша, снимая фракъ. Фрэнки тоже скинулъ курточку. Моментально явились два секунданта, мальчики съ бутылкой съ водой и съ губками въ рукахъ. Другіе разсыпались цѣпью, чтобы сторожить, не нагрянетъ ли „бульдогъ“. Но тотъ хорошо помнилъ свои собственные школьные годы. Онъ отлично зналъ, что означаетъ, когда школьники гурьбой окружатъ новичка и пойдутъ съ нимъ въ глубь сада; зналъ онъ также, что послѣдуетъ послѣ того, какъ примчатся назадъ изъ спаленъ четыре мальчика, прячущіе таинственно подъ курточками бутылки и губки. „Бульдогъ“ зналъ, что именно въ интересахъ дисциплины не слѣдуетъ видѣть всего этого. При томъ „бульдогъ“ самъ англичанинъ и считаетъ, что горше и позорнѣе трусости ничего въ мірѣ нѣтъ. А храбрость развивается „маленькой дракой“. Вотъ почему, именно въ тотъ моментъ, когда Фрэнки снималъ куртку, а юноша—фракъ, „бульдогу“ до крайности понадобилось отправиться ревизовать одинъ изъ отдаленнѣйшихъ подваловъ.

Я не стану описывать дуэли. Юноша былъ на цѣлую голову выше Фрэнки и почти моментально наставилъ ему большой синякъ подъ лѣвымъ глазомъ; но самъ за то получилъ два хорошихъ удара въ челюсть. Фрэнки легче всего было ударить большого противника въ желудокъ, но онъ зналъ, что тогда онъ покроетъ себя несмываемымъ позоромъ. Это было бы противъ всѣхъ правилъ „честнаго боя“. Отъ одного удара у Фрэнки завертѣлись радужные круги передъ глазами и онъ зашатался. Секундантъ далъ ему напиться, другой—обмылъ лицо влажной губкой. Фрэнки оправился и приготовился дальше драться, но противникъ протянулъ ему руку и сказалъ: „а вы—храбрый малый. Довольно“.—Фрэнки отвѣтилъ крѣпкимъ рукопожатіемъ, и миръ былъ заключенъ. Новичекъ вошелъ равнымъ въ школьную семью, хотя синякъ подъ глазами произвелъ нѣкоторую сенсацію дома. Миссисъ Гартнеллъ ахала, а мистеръ Гартнеллъ только посмѣивался. Мнѣ припоминается одно мѣсто изъ автобіографіи Гексли, гдѣ онъ говоритъ, что единственное пріятное воспоминаніе, вынесенное изъ школы—бой съ товарищемъ, во время котораго будущій физіологъ поколотилъ гораздо старшаго противника.

Другой бой, воспѣтый въ свое время въ *Школьномъ Аргусѣ*, послѣдовалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и послѣдствія его были таковы, что миссисъ Гартнеллъ два дня убѣждала мужа взять Фрэнки изъ этого „питомника дикарей“. Дѣло было такъ. Началась южно-африканская война. Священники и учитель усиленно насаждали въ школахъ воинственный патріотизмъ. Школьники заучи

вали наизусть воинственныя стихотворенія поэта-лавреата Киплинга, распѣвали „Вотъ солдаты королевы“ и словарь ихъ обогатился новыми словами: „фельдъ“, „копжа“, и „помъ-помъ“, „длинный Томъ“ и пр. Священникъ Ноксъ Литлъ, преподававшій въ школѣ, писалъ въ *Таймсѣ*: „Мы вели *величайшую войну, какая только извѣстна въ новой исторіи.* Мы сражались не только съ бурами, но съ обученными авантюристами со всѣхъ концовъ земли. Мы сражались и побѣдили. Мудростью нашего министра колоній мы сразили также клевету, которая лилась на насъ изъ подкупленныхъ газетъ всего міра“.

Мудрено ли, что всѣ школяры только и думали теперь о томъ, „какъ бы подстрѣлить врага въ полѣ“, о чемъ и заявилъ въ *Таймсѣ* тотъ же священникъ. Самъ мистеръ Гартнеллъ не сочувствовалъ войнѣ, считалъ даже ее величайшимъ позоромъ для Англіи и, не смотря на массу дѣлъ, присоединился къ лигѣ „Stop the war“; но Фрэнки приходилъ изъ школы до того наэлектризованнымъ общей патріотической атмосферой, державшейся тамъ, что „про-буэризмъ“ отца не оказывалъ на него никакого вліянія.

Между тѣмъ, наступило пятое ноября. Много лѣтъ тому назадъ, при королѣ Яковѣ II полулегендарный заговорщикъ Гай-Фоксъ задумалъ взорвать парламентъ и, вмѣстѣ съ сообщниками, вкатилъ въ подвалы зданія нѣсколько боченковъ пороха. Пятаго ноября заговорщиковъ схватили на мѣстѣ преступленія, подвергли жестокой пыткѣ и казнили. Съ тѣхъ поръ закономъ установлена особая молитва въ церквахъ и обычаемъ для всѣхъ бродягъ—родъ карнавала на улицахъ. Пятаго ноября, съ ранняго утра по всѣмъ улицамъ бродятъ процессіи ряженыхъ кабацкихъ завсегдатаевъ: впереди ковыляютъ клоуны, выпачканные мѣломъ, затѣмъ тележки, запряженныя осликами, а въ тележкахъ—нѣсколько „гай-фоксовъ“, чучелъ съ громадными носами и еще бо́льшими ртами. „Гай-фоксамъ“ придаютъ видъ наиболѣе непопулярныхъ въ тотъ моментъ лицъ. Одинъ годъ „гай-фоксъ“ появляется въ бумажной папской тіарѣ, потомъ—въ турецкой фескѣ, затѣмъ въ прусской каскѣ и т. д. Въ томъ году „гай-фоксами“ были Крюгеръ, Бота и др. бурскіе вожди. Процессія обходитъ всѣ улицы. Клоуны кричатъ: „Джентльмэны! Не забудьте, сегодня гай-фоксовъ день“! и тычутъ прохожимъ свои колпаки, куда (неособенно щедро) падаютъ пенсы и полпенсы. Вечеромъ вся выручка скопляется въ одномъ мѣстѣ — въ кабакѣ, а „гай - фоксовъ“ сжигаютъ на кострахъ, тутъ же на мостовой, предъ входомъ въ питейный. „Боби“ знаютъ, что нужно вмѣшаться только тогда, когда костеръ уже догоритъ.

Подобныя же иллюминаціи устраиваются въ садикѣ, близь каждаго дома, если только тамъ есть мальчики въ возрастѣ отъ восьми до пятнадцати лѣтъ. Въ гай-фоксовъ день къ Фрэнки

собралось пять или шесть товарищей. Тутъ былъ и болѣзненный сынъ „генерала“, и ширококостый, удалой сынъ австралійскаго піонера, увлекавшій товарищей разсказами про прелести жизни въ „бушахъ“ (австралійскихъ лѣсахъ), въ Маурамба, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Послѣ этихъ разсказовъ рѣшалось, что слѣдуетъ непремѣнно переселиться въ Маурамба и стать тамъ или пріискателями, или „коубоями“ (пастухами), или охотниками на кэнгуру. Мальчики теперь смастерили гай-фокса изъ мѣшка, набитаго соломой, напялили на него старый сюртукъ, поломанный цилиндръ, дали въ руки книгу, всунули въ ротъ трубку. Словомъ, изладили „Круджара“, какъ онъ изображается въ англійскихъ каррикатурахъ. Съ этимъ чучеломъ мальчики возились цѣлый день: то стрѣляли въ него изъ лука, то палили изъ стараго пистолета, то вѣшали, то били палкой. Когда же стемнѣло, „Круджара“ взвалили на костеръ. Дѣти взялись за руки и, выплясывая вокругъ пылающей соломы, выводили, насколько хватало силы въ легкихъ, ими же сложенный куплетъ:

«Горитъ, горитъ
Мерзавецъ Оомъ,
Смердитъ, смердитъ
Все кругомъ».

Въ темнотѣ группа напоминала картинку изъ Робинзона Крузо, изображающую дикарей, отплясывающихъ вокругъ вертела, на которомъ жарятся плѣнники.

Въ этотъ моментъ возвратился изъ Сити мистеръ Гартнеллъ. Уже на станціи онъ слышалъ дикій куплетъ и видѣлъ зарево костра. Онъ нахмурился и нѣкоторое время сосредоточенно обдумывалъ что-то, повидимому, предусматривая и взвѣшивая все. Костеръ догорѣлъ. Мальчики разошлись. Фрэнки съ пылающими щеками ворвался въ комнату.

— Здравствуйте, дадъ (папа)!—весело и возбужденно крикнулъ онъ.

— Пойдемте на верхъ, мой мальчикъ, — сказалъ серьезно Гартнеллъ.—Я хочу поговорить съ вами.

Въ своемъ кабинетѣ отецъ сталъ объяснять мальчику, почему симпатіи не могутъ быть въ этой войнѣ на сторонѣ англичанъ. Фрэнки возражалъ. Онъ не могъ, конечно, опровергнуть факты, выставленные отцомъ, и полемизировалъ, такъ сказать, больше отъ чувства.

— Дадъ, какъ патріоты, мы не можемъ быть за буровъ,—сказалъ мальчикъ.

— Именно, какъ патріоты, мы не должны допустить родину свершить преступленіе. Истинный патріотизмъ заключается въ такомъ случаѣ въ томъ, чтобы не страшиться большинства. Въ меньшинствѣ былъ Лэтимеръ, котораго сожгли по приказу Маріи

Кровавой за защиту правъ народа и свободы совѣсти. Въ меньшинствѣ былъ Томасъ Моръ. Джонъ Гэмпденъ не устрашился выступить противъ незаконнаго распоряженія Карла I. У насъ было время, когда нельзя было сказать всего, что думаешь. Въ меньшинствѣ боролись тогда за свободу слова Прэйнъ, которому отрѣзали уши и выставили у позорнаго столба за книгу, Даніэль Дефо, котораго тоже выставили у позорнаго столба и посадили въ тюрьму. Большинство тогда глумилось надъ Томасомъ Моромъ, Прэйномъ, Дефо. Теперь Англія гордится ими.

— Англія самая свободная страна въ мірѣ. Она желаетъ дать бурамъ хорошіе законы, — повторилъ Фрэнки слышанный аргументъ.

— Да, но нельзя навязать другому насильно, что считаешь хорошимъ. Впрочемъ, какъ мужчина, вы не можете быть сторонникомъ этой войны,—закончилъ отецъ.

— Какъ такъ?—растерянно переспросилъ мальчикъ.

— А вотъ. Представьте, что взрослый, здоровый профессіональный боксеръ дерется съ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Можете ли вы симпатизировать буяну? Конечно, нѣтъ? Можетъ ли верзила гордиться тѣмъ, что онъ свалитъ, наконецъ, мальчика? Тоже нѣтъ. Въ Южной Африкѣ мы видимъ именно такое положеніе дѣлъ.

Отецъ долго бесѣдовалъ съ Фрэнки; тотъ не сдавался, возражалъ; наконецъ, замолкъ. Весь вечеръ онъ молчалъ и о чемъ-то думалъ упорно. На другой день, возвратившись изъ школы, онъ попросилъ у отца нѣсколько книгъ относительно войны и сталъ внимательно изучать ихъ. Какъ англичанинъ, хотя и маленькій, Фрэнки ничего не хотѣлъ принимать на вѣру. Ему нужны были факты, изъ которыхъ выводъ былъ бы также ясенъ, какъ изъ теоремъ въ книгахъ Эвклида. Даже въ дѣлахъ религіи англичанину нужно *доказать*, что грѣшникомъ быть *невыгодно*. Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Потомъ еще черезъ нѣсколько дней Фрэнки пришелъ домой изъ училища съ двумя большими синяками подъ глазами, съ разбитой, вздувшейся губой, съ разорванной въ клочки рубахой; но возбужденный до крайности.

Миссисъ Гартнеллъ испугалась не на шутку, ахала, предлагала позвать врача, потому что Фрэнки вслѣдствіе нервнаго возбужденія отказался отъ обѣда. По той же причинѣ онъ не могъ также разсказать связно о происхожденіи ландкарты подъ глазами и распухшей губы. Только вечеромъ, когда возвратился отецъ изъ Сити,—дѣло объяснилось. Фрэнки пострадалъ за убѣжденія. Новообращенный противникъ войны захотѣлъ убѣдить товарищей. Его осыпали криками: „измѣнникъ! трусъ! про-буръ“!

— Я не измѣнникъ!—гордо заявилъ Фрэнки,—люблю свободную Англію не меньше, чѣмъ вы. Я хочу лучше быть „измѣнникомъ“, какъ Лэтимеръ и Прэйнъ, чѣмъ патріотомъ, какъ Сесиль

Родсъ. А то, что вы меня называете трусомъ,—неправда. Выходите, кто хочетъ.

И Фрэнки дрался послѣдовательно съ тремя маленькими патріотами, и третейскіе судьи нашли, что онъ держалъ себя, „какъ джентльмэнъ и англичанинъ". Послѣдовало всеобщее рукопожатіе. „Бульдоги" сочли нужнымъ не замѣтить, что четыре мальчика возвратились въ классъ съ подбитыми глазами. Школа оцѣнила готовность Фрэнки постоять за свое мнѣніе, и бой очень возвысилъ мальчика въ глазахъ товарищей. Какъ я сказалъ, мать ахала и повторяла все, что Фрэнки нужно взять изъ „питомника дикарей". Мистеръ Гартнеллъ молчалъ; но въ глазахъ его свѣтился довольный огонекъ. Когда вечеромъ послѣ боя мальчикъ прощался съ отцомъ, мистеръ Гартнеллъ посмотрѣлъ на маленькаго Прэйна, потрепалъ его по плечу и молвилъ непремѣнное: „ладно, сынокъ" (All right). И Фрэнки, довольный и гордый, побѣжалъ наверхъ въ свою комнату.

Не всѣ предметы одинаково легко давались Фрэнки. Онъ очень любилъ физику и математику, а въ особенности химію, которой усердно занимался. Въ шалашѣ, выстроенномъ въ саду, мальчикъ завелъ даже цѣлую лабораторію, изъ которой разъ выскочилъ съ опаленными бровями и волосами: Фрэнки слишкомъ рано поднесъ спичку къ горлышку вульфовой банки, въ которой добывалъ водородъ,—послѣдовалъ взрывъ. По химіи и математикѣ Фрэнки такъ успѣлъ, что слушалъ предметы вмѣстѣ съ старшимъ отдѣленіемъ. За то у мальчика изъ рукъ вонъ плохо шли классическіе языки. Ихъ Фрэнки слушалъ съ пятымъ отдѣленіемъ. У насъ такого мальчика „срѣзали" бы по латыни, оставили бы на второй годъ, опять „срѣзали" бы со спокойной совѣстью и уволили бы какъ „неспособнаго", не смотря на блестящіе успѣхи по другимъ предметамъ. Въ Англіи вопросъ разрѣшается очень просто. Здѣсь твердо вкоренено убѣжденіе, что абсолютно „неспособныхъ" учениковъ (кромѣ идіотовъ) нѣтъ, но есть абсолютно неспособные педагоги.

Блестящіе успѣхи Фрэнки по математикѣ и химіи не доставили ему лавровъ въ школѣ точно также, какъ слабые успѣхи въ классическихъ языкахъ не навлекли на него посрамленія и наказаній. И то, и другое считается явленіемъ нормальнымъ. Учителя внимательно присматривались къ индивидуальности каждаго мальчика и культивировали замѣченную любовь къ извѣстному предмету.

Выдвинули Фрэнки въ глазахъ товарищей его таланты въ спортѣ. При школѣ находится громадный бассейнъ для плаванья, въ которомъ и зимой, и лѣтомъ вода одинаковой температуры. Каждое утро, круглый годъ, всѣ школьники кувыркаются и плаваютъ въ бассейнѣ. И вотъ оказалось, что Фрэнки плаваетъ легче и быстрѣе всѣхъ въ школѣ. Потомъ устроено было состязаніе

между двумя большими школами. Фрэнки вышелъ побѣдителемъ; на него товарищи теперь стали смотрѣть, какъ на славу училища. Прозвали его *Водяной крысой.* Судя по тому тону, которымъ Фрэнки сообщилъ мнѣ объ этомъ, я подозрѣваю, что новой кличкой мой молодой пріятель гордится не меньше, чѣмъ успѣхами въ области химіи.

Прежде, чѣмъ разсказать о школьныхъ клубахъ и журналѣ, подготовляющихъ изъ Фрэнки гражданина, я долженъ изложить печальный эпизодъ въ его жизни, который тоже освѣтитъ одну черту характера англійскаго мальчика.

IV.

Знаете ли вы, что такое футболъ? Къ этой игрѣ въ Англіи готовятся, какъ къ большой рѣшительной битвѣ. Выигравшіе партію становятся героями цѣлаго графства, а то даже королевства, если состязаніе происходило между Англіей и Ирландіей, или между Уэльсомъ и Шотландіей. Соединенное королевство отправляетъ, наконецъ, своихъ бойцовъ въ Австралію, и вся Англія слѣдитъ за партіей съ бо̀льшимъ интересомъ, чѣмъ за прогрессомъ войны въ Южной Африкѣ. Существуетъ цѣлое „футбольное право", въ которомъ предусмотрѣно все, предвидѣны различные удары, простые, сложные, „скользящіе" и „капельные". Если взрослые такъ увлекаются футболомъ, то подросткамъ и самъ Богъ велѣлъ. Годъ тому назадъ назначена была большая партія между двумя школами: Св. Павла и „синими подрясниками". Такъ называется большая лондонская школа, основанная Эдуардомъ VI Тюдоромъ, въ серединѣ XVI вѣка. Самъ король придумалъ форму для школяровъ: длинные синіе подрясники до пятъ, подпоясанные ремнемъ, желтые чулки и башмаки съ пряжками. Что же касается шапокъ, то воспитанники не должны носить ихъ: зимой и лѣтомъ мальчики ходятъ съ непокрытыми головами. Форма осталась до настоящаго времени.

Нѣсколько тысячъ человѣкъ собралось на лугъ, чтобы смотрѣть на игру. Каждая изъ партій выстроилась возлѣ своего городка, въ центрѣ котораго три шеста, сажени въ три каждый, сложенныхъ въ видѣ буквы Н. Игра состоитъ въ томъ, чтобы подбросить ногой громадный кожаный мячъ, около фута діаметромъ, такъ, чтобы онъ перелетѣлъ черезъ перекладину Н непріятельскаго городка. Цѣлая сложная система аванпостовъ выстроена полководцами, чтобы защитить городокъ. Когда мячъ летитъ, защищающіе выбѣгаютъ и стараются отбить его головой, рукой или ногой такъ, чтобы онъ отлетѣлъ къ непріятельскому городку.

Каждая маленькая группа имѣетъ твердыя и точныя инструкціи; она слѣпо повинуется своему „капитану“, который, въ свою очередь, получаетъ приказъ отъ главнаго полководца.

— Its no joke playing in a match! (Играть въ партіи не шутка)— говорятъ англичане. Для нихъ тутъ вопросъ корпоративной чести. Фрэнки былъ въ резервномъ отрядѣ подростковъ, который стоялъ за буквой Н. Вотъ „капитанъ“, мальчикъ шестой формы, сильнымъ ударомъ ноги подбросилъ тяжелый мячъ, который, какъ бомба, полетѣлъ къ непріятельскому городку; не долетѣвъ, онъ шлепнулся и покатился. Къ нему бросились съ обѣхъ сторонъ: „синіе подрясники“, чтобы отбить мячъ, павловцы—чтобы еще разъ „лягнуть“ его и перебросить черезъ перекладину. Произошло столкновеніе, мальчики заработали плечами и локтями. Наконецъ, мячъ, высоко подброшенный „капитаномъ“ непріятельскаго городка, полетѣлъ назадъ. Онъ упалъ возлѣ буквы Н и подкатился подъ нее. Синіе подрясники стремительно кинулись къ мячу, чтобы перебросить его черезъ перекладину. Они уже были у цѣли. Повидимому, партія павловцевъ была проиграна; но вотъ изъ резерва съ неистовымъ крикомъ „ура!“ бросился Фрэнки, онъ влетѣлъ въ самую толпу „синихъ подрясниковъ“, когда тѣ готовы были „лягнуть“ мячъ. Произошла свалка. Всѣ упали въ кучу. Черезъ секунду оттуда выброшенъ былъ мячъ, который „капитанъ“ сильнымъ ударомъ направилъ въ лагерь „синихъ подрясниковъ“ прямо черезъ перекладину Н. Партія была спасена и выиграна; но какой цѣной! Когда сбившіеся въ кучу поднялись, то нашли на землѣ, безъ чувствъ, Фрэнки. Его подняли, но отъ рѣзкой боли онъ застоналъ: нога ниже колѣна была сломана. Потянулись мучительные дни. Мужественно, безъ стона мальчикъ выдержалъ вправленіе въ лубки и адскую стрѣляющую боль, которая потомъ дня три еще является результатомъ растягивающихся мышцъ, судорожно сжатыхъ при переломѣ. Черезъ четыре недѣли, когда гипсовую повязку сняли, оказалось, что кость плохо сложена. Предстояла мучительная операція дробленія ея. Фрэнки было упалъ духомъ; но только на самое короткое время.

— Смѣлѣй, мой мальчикъ!—сказалъ ему отецъ, и Фрэнки былъ опять спокоенъ. Операція удалась. Заживаніе пошло быстро. Черезъ шесть мѣсяцевъ мальчикъ уже забылъ про событіе и ждалъ съ нетерпѣніемъ времени, когда ему опять можно будетъ принять участіе въ футболѣ. Событіе необыкновенно подняло въ школѣ фонды Фрэнки.

V.

— Что вы читаете Фрэнки?—спросилъ я недавно. Мальчикъ подалъ мнѣ небольшую „Книжку Гражданина“ Арнольдъ-Форстера, входящую въ составъ „современныхъ школьныхъ учебниковъ“, изданныхъ фирмой „Кассель и К°“. „Книжка Гражданина“ предназначена для англійскихъ начальныхъ школъ и, повидимому, сильно распространена. У меня въ рукахъ было 335-ое изданіе 1900 г. *). Вступленіе къ книжкѣ написано Форстеромъ, членомъ парламента, консерваторомъ. Авторъ Арнольдъ-Форстеръ тоже членъ парламента и тоже сторонникъ министерской партіи. Такимъ образомъ, въ „Книжкѣ Гражданина“, съ англійской точки зрѣнія, нѣтъ ничего радикальнаго. Поэтому мнѣ особенно любопытно было узнать, какую азбуку гражданственности втолковываютъ маленькимъ англичанамъ.

„Въ этой книгѣ,—начинаетъ авторъ,—я хочу объяснить вамъ, какъ управляется наша страна, какъ вырабатываются законы и почему мы должны повиноваться имъ“. Прежде всего маленькимъ школьникамъ объясняютъ, что такое патріотизмъ. Но сейчасъ же авторъ спѣшитъ прибавить, что есть еще „ложный и дурной патріотизмъ“. „Иногда вы услышите, что слѣдуетъ всегда поддерживать все то, что дѣлаютъ англичане въ чужихъ странахъ. Намъ говорятъ: „хорошо ли, дурно ли поступаютъ англичане, но изъ патріотизма слѣдуетъ ихъ всегда поддерживать“. Это, во-первыхъ, совершенно несправедливо и, во-вторыхъ, можетъ причинить нашей родинѣ не малыя затрудненія. Потому, если допустить, что англичанинъ долженъ поддерживать даже преступленіе своего правительства, то, оставаясь послѣдовательнымъ, слѣдуетъ полагать, что тоже должны дѣлать французы, германцы и т. д. И тогда мы увидимъ, что великія націи, изъ чувства ложнаго патріотизма, поддерживаютъ то, что сами считаютъ несправедливымъ“.

Истинными патріотами отнюдь не являются тѣ, которые во всякое время готовы идти на войну. Напротивъ, иногда, когда всѣ кругомъ за войну,—требуется гораздо больше мужества и истиннаго патріотизма, чтобы стоять за миръ, чѣмъ для того, чтобы рваться на бой. Во времена Георга III, больше ста лѣтъ тому назадъ, король захотѣлъ управлять англичанами, переселившимися въ Америку, противъ желанія послѣднихъ. Когда же колонисты отказались повиноваться законамъ, въ выработываніи которыхъ они не принимали участія, король объявилъ имъ войну и послалъ солдатъ усмирять жителей Сѣв. Америки. Но въ Ан-

*) Первое изданіе напечатано въ январѣ 1886 г.

гліи,—продолжаетъ авторъ,—были тогда люди, которые доказывали, что американцы вправѣ не признавать законовъ, изданныхъ другими. И они высказывали смѣло свое мнѣніе, хотя и король, и большинство парламента были противъ нихъ. Среди этихъ героевъ былъ великій ораторъ и писатель Эдмондъ Беркъ. Къ несчастію, Берка не слушали, а тѣ, которые требовали войны, нашли сочувствующихъ. Война началась. Колоніи ополчились противъ королевскихъ войскъ, разбили ихъ и основали свою собственную республику, Соединенные Штаты... „Вы видите, истиннымъ патріотомъ былъ Эдмондъ Беркъ, такъ какъ онъ имѣлъ мужество заявить, что не поддержитъ несправедливаго дѣла". Въ слѣдующей главѣ дѣтямъ объясняется англійскій государственный механизмъ. „Если вы зададите вопросъ, кто управляетъ нами? Вамъ отвѣтятъ: „правительство". Кто же управляетъ правительствомъ? „Парламентъ". А кѣмъ же, наконецъ, управляется парламентъ?—спросите вы. Народомъ. Такимъ образомъ, вы видите, что на вопросъ, кто управляетъ страной?—слѣдуетъ отвѣтить: „Страна управляется сама собой". „Не всегда такъ было,—продожаетъ дѣтскій учебникъ. Когда то Англіей правилъ одинъ только король; потомъ—король съ немногими могущественными лордами. Сравнительно еще недавно, парламентъ избирался лишь немногими богатыми людьми, такимъ образомъ, въ сущности, самоуправленія не было. Только въ послѣднее время правомъ избирательнаго голоса стали пользоваться почти всѣ совершеннолѣтніе граждане".

Дальше слѣдуетъ поясненіе о парламентѣ, о палатѣ общинъ, о томъ, какъ производятся выборы, о правахъ избирателей, о верхней палатѣ, наконецъ, о королевѣ. (Тогда она еще была жива). „Королева стоитъ во главѣ правительства не только Англіи, но и колоній,—говоритъ учебникъ. Викторія сидитъ на престолѣ не какъ король Эдуардъ I, который правилъ только потому, что былъ сынъ Генриха III; не какъ Елизавета, которая правила только потому, что была дочерью Генриха VIII. Викторія стоитъ во главѣ имперіи, потому что она внука Георга III, который, въ свою очередь, былъ внукомъ Георга I. Послѣдній же *избранъ* королемъ Великобританіи и Ирландіи парламентомъ, т. е. волей народа. Такимъ образомъ, королева Викторія вступила на престолъ не по прирожденному праву, а *по волѣ народа.* И до тѣхъ поръ, покуда большинство народа желаетъ, чтобы она и ея потомки были на престолѣ, до тѣхъ поръ ихъ слѣдуетъ чтить. Наша королева поступаетъ по законамъ страны, выработаннымъ всѣми гражданами. Поэтому, до тѣхъ поръ, покуда наши короли слѣдуютъ этимъ законамъ, они должны пользоваться нашей любовью и уваженіемъ".

Дальше слѣдуютъ поясненія, какъ вырабатываются законы, т. е. какъ вносятъ въ парламентъ билль, какъ дебатируютъ его,

что такое министерская партія, оппозиція, спикеръ, министры и т. д. Дѣти узнаютъ, какія существуютъ министерства, какъ они дѣйствуютъ и какъ контролируются. Объяснивъ главный государственный механизмъ, „Книжка Гражданина“ толкуетъ дѣтямъ про „маленькіе парламенты“, т. е. про муниципальное и земское самоуправленіе, про суды присяжныхъ и пр. Дѣтямъ рекомендуется запомнить слѣдующія шесть „основныхъ правилъ правосудія“. Всѣ люди равны предъ закономъ. Каждый подсудимый признается невиновнымъ до тѣхъ поръ, покуда общество, черезъ посредство своихъ представителей, т. е. присяжныхъ, не обвинитъ его въ преступленіи. Никто не можетъ быть судимъ дважды за одно и то же преступленіе. Все слѣдственное производство и весь судъ—публичны. Никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ и никто не имѣетъ права взять законъ въ собственныя руки.

Желая показать дѣтямъ, что предъ закономъ общественное положеніе подсудимаго не должно имѣть никакого значенія, авторъ разсказываетъ о судьѣ Гаскуанъ, который отправилъ въ тюрьму принца Генриха, впослѣдствіи короля Генриха V.

Какъ поддерживается государственная машина? Просто, но въ то же время обстоятельно, дѣтямъ говорятъ про прямые и косвенные налоги, про то, какъ ихъ налагаютъ и какъ платятъ. „Тѣ, которые платятъ налоги, — читаемъ мы въ четырнадцатой главѣ,—сами рѣшаютъ размѣръ и распредѣленіе ихъ. Не всегда было такъ. Прежде англійскіе короли сами налагали налоги и заставляли народъ платить ихъ. Одной изъ причинъ, вызвавшихъ гражданскую войну, было желаніе Карла I взимать по своей волѣ несправедливый налогъ, такъ называемыя, корабельныя деньги (Ship-money). Особенно сильно возсталъ противъ требованія короля знаменитый коммонеръ Джонъ Гэмпденъ. Онъ отказался платить налогъ. Когда же сборщики явились къ нему съ приказомъ короля, Гэмпденъ заявилъ, что уплатитъ только тогда, когда судъ присяжныхъ признаетъ за Карломъ I право облагать англичанъ податями по своему усмотрѣнію. Джонъ Гэмпденъ заплатилъ своею свободой, а потомъ и жизнью за отстаиваніе правъ народа. Но его гражданское мужество не пропало даромъ. Принципъ, за который великій коммонеръ отдалъ свою жизнь,—восторжествовалъ. Теперь незыблемо установлено, что только парламентъ можетъ вводить налоги“.

Двѣ послѣднія главы знакомятъ дѣтей съ правами англійскаго гражданина. „Вы, конечно, дѣти, слышали про то, что Англія—свободная страна и что намъ по праву принадлежатъ нѣкоторыя вольности. Не всегда было такъ. Нашимъ предкамъ приходилось упорной борьбой добывать свою свободу... Теперь въ Англіи каждый воленъ думать, какъ онъ желаетъ, исповѣдывать, какую хочетъ религію, поклоняться Господу, какъ самъ за-

хочетъ. Кромѣ того, всякій воленъ убѣждать другихъ въ томъ, что самъ считаетъ истиной. Онъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно, устно или письменно, т. е. путемъ печати... Не всегда было такъ". Дѣтямъ сообщается длинный мартирологъ англійскихъ борцовъ за свободу мысли, совѣсти, слова, собраній и организацій. „При Генрихѣ VIII одного изъ благороднѣйшихъ англичанъ Томаса Мора отправили въ тюрьму, а потомъ на эшафотъ за отказъ признать короля главой церкви... Въ тѣ времена требовали, чтобы люди не только повиновались законамъ, но чтобы они думали даже, какъ имъ прикажутъ". Далѣе дѣтямъ напоминаютъ про слова Гюга Лэтимера, сказанныя имъ Томасу Ридли, когда ихъ вмѣстѣ взвели на костеръ (при Маріи Кровавой). „Утѣшься, Ридли, и держи себя мужчиной,—сказалъ Лэтимеръ. — Отъ нашего костра загорится въ Англіи такое пламя, которое враги свободы совѣсти никогда не задуютъ". „Не одинъ только Моръ или Лэтимеръ отдали жизнь за то, что считали истиной,—продолжаетъ азбука гражданственности. — Въ Англіи тысячи мужественныхъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и простыхъ, пожертвовали всѣмъ, отстаивая свободу совѣсти... И ихъ мужеству мы обязаны тою свободой, которою пользуемся... Не думайте, дѣти, что нашимъ предкамъ отказывали только въ свободѣ совѣсти. Вы теперь всѣ привыкли видѣть газеты, которыя можно купить за полпенни. Между тѣмъ, всего только двѣсти лѣтъ тому назадъ лордъ верховный судья заявилъ, что печатаніе какихъ бы то ни было новостей, ложныхъ или вѣрныхъ, безъ разрѣшенія короля Карла II, — является преступленіемъ". Авторъ говоритъ про Прайна, котораго выставили у позорнаго столба, клеймили каленымъ желѣзомъ, изувѣчили и присудили къ громадному штрафу (въ пять тысячъ ф. ст.) за отстаиваніе свободы печати. Въ 1640 г. его избрали въ члены парламента. Такимъ же смѣлымъ борцомъ былъ Вильямъ Коббетъ, котораго осудили не далѣе, какъ въ началѣ XIX вѣка... „Вы видите, прибавляетъ авторъ, что свобода прессы, существующая у насъ теперь, пріобрѣтена, какъ и свобода мысли, цѣной страданій тѣхъ, которые жили до насъ"... „Книжка Гражданина" подробно перечисляетъ всѣ остальныя права и обязанности англичанина.

„Итакъ, дѣти, вы видѣли, что права, которыми мы пользуемся, пріобрѣтены борьбой и страданіями множества благородныхъ англичанъ, которымъ были дороги интересы родины, — заканчивается книжка.—Иногда вольности были добыты послѣ упорной битвы на полѣ сраженія, иногда—въ парламентѣ".

Фрэнки не только внимательно прочиталъ книжку; съ ранняго возраста онъ учится также примѣнять правила ея на дѣлѣ. Онъ вычиталъ, что организаціи—неотъемлемое право свободорожденнаго англичанина. И вотъ въ школѣ у нихъ возникаетъ цѣлый

рядъ „клубовъ". Прежде всего, конечно, кружки спортивные: „атлетическій", „крокетный", „футбольный" и пр. Рядомъ съ этимъ существуетъ маленькій школьный парламентъ *Debating Society*. Каждый клубъ имѣетъ своихъ выборныхъ предсѣдателей, секретарей и казначеевъ. Ни „бульдоги", ни учителя, ни даже head master не имѣютъ права вмѣшиваться въ эти клубы (да и не думаютъ объ этомъ). Иногда, если мальчики особенно любятъ и уважаютъ head master'а (т. е. директора), они выбираютъ его почетнымъ предсѣдателемъ. Всѣ эти клубы вмѣстѣ составляютъ, своего рода, selfgovernment школяровъ. Въ „парламентѣ" поднимаются различные вопросы: литературные, политическіе, философскіе, вносятся и обсуждаются билли, произносятся рѣчи. Секретарь составляетъ протоколъ, который и прочитывается въ ближайшемъ засѣданіи.

Въ этихъ клубахъ Фрэнки учится сознательно относиться къ дѣйствительности. Онъ сознаетъ, что мальчикъ, — не блѣдный, захирѣвшій ростокъ, накрытый цвѣточнымъ горшкомъ, чтобы отдѣлить его совершенно отъ всего свѣта, — а молодое растеніе, которому нужно много свободы, свѣта и воздуха, чтобы превратиться въ крѣпкое, здоровое растеніе. Фрэнки и теперь уже умѣетъ излагать свои мысли сжато, образно, не уклоняясь въ сторону, не растекаясь мыслью по древу.

Мальчики твердо помнятъ, что высказываніе своихъ мыслей печатно составляетъ другое неотъемлемое право англичанина. И вотъ въ „шестой формѣ", т. е. въ старшемъ классѣ, выборная редакція издаетъ школьный журналъ „Аргусъ". Сперва журналъ этотъ литографировался, но теперь — печатается въ трехстахъ экземплярахъ. Читается „Аргусъ" не только въ школѣ. Журналъ получаютъ бывшіе ученики, „old boys", какъ ихъ называютъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ уже не мало лѣтъ, и съ грустью они могутъ твердить начало четверостишія Пирона:

«Pas à pas j'arrive au trou
Que n'échappe fou ni sage».

Но, не смотря на преклонный возрастъ, они все еще съ восторгомъ вспоминаютъ школу и интересуются всѣмъ, что происходитъ тамъ.

Авторъ классической и единственной въ своемъ родѣ книги „Школьные годы Тома Брауна", представляющей превосходную картину жизни школьниковъ въ Регби,—написалъ ее въ немолодомъ уже возрастѣ, занимая важный постъ судьи. Книга была и единственнымъ произведеніемъ его. Говорю это чтобы показать любовь „old boy" къ своей школѣ. На континентѣ мы привыкли больше къ тому, чтобы воспоминанія о школѣ и учителяхъ внушали бывшимъ воспитанникамъ одну глубокую ненависть и негодованіе, которыя съ годами усиливаются.

Фрэнки теперь усердный сотрудникъ „Аргуса". Какъ всѣ начинающіе авторы, онъ все еще питаетъ слабость къ цитатамъ; но уже недурно выражаетъ письменно свои мысли. Въ послѣднемъ нумерѣ „Аргуса" мой молодой пріятель помѣстилъ пространную статью, духъ которой видѣнъ изъ эпиграфа, взятаго изъ „Великой хартіи свободы": „ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть арестованъ, заключенъ въ тюрьму, лишенъ имущества, поставленъ внѣ закона (outlawed) или изгнанъ,—иначе, какъ по справедливому и безпристрастному рѣшенію равныхъ себѣ, согласно законамъ страны". Въ статьѣ своей Фрэнки доказываетъ, что англійское правительство свершило преступленіе, разстрѣлявъ бурскаго командира Шеперса. Я понялъ, почему Фрэнки такъ усердно рылся въ послѣднее время въ библіотекѣ отца, когда увидалъ конецъ статьи: „Пріѣзжая въ какую-нибудь страну,—значилось тамъ,—я не изучаю, есть-ли тамъ хорошіе законы. Я желаю узнать, *исполняютъ* ли существующіе законы, такъ какъ хорошіе законы есть всюду. „Oeuvres Complètes de *Montesquieu*", tome V, p. 286, Paris, 1820).

„Аргусъ"—стоитъ за войну; но онъ далъ мѣсто статьѣ „уважаемаго товарища" въ видѣ письма въ редакцію. „Свобода мнѣній—прежде всего,—заявляетъ по этому поводу редакція въ передовой статьѣ, которую тоже заканчиваетъ цитатой изъ „Великой хартіи": „Никому, никогда не будемъ мы продавать правосудія; никто не получитъ отказа въ немъ. Это правосудіе не станемъ мы также откладывать". Цитата изъ Монтескье произвела впечатлѣніе и вызвала контръ-цитату.

Черезъ два года Фрэнки кончаетъ школу. Не задолго до выпуска, его предшественникъ Томъ Браунъ (герой книги „Tom Brown's Schooldays") задавалъ себѣ вопросъ, что онъ сдѣлалъ въ школѣ и что пріобрѣлъ въ ней. И онъ отвѣчаетъ самому себѣ: „я желалъ быть первымъ всегда, во всемъ: въ крокетѣ, въ футболѣ и въ другихъ играхъ. Я хотѣлъ узнать, какъ защищаться такъ, чтобы въ жизни не дать себя никому въ обиду, все равно, кто бы то ни былъ. Я хотѣлъ выучиться настолько греческому и латинскому языкамъ, чтобы быть въ состояніи слушать лекціи въ университетѣ. Я хочу, кромѣ того, чтобы обо мнѣ осталась память въ школѣ, какъ о мальчикѣ, который никогда не обижалъ слабаго и никогда не убѣгалъ предъ сильнымъ".

„Томъ Браунъ" появился около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, но, я думаю, если сдѣлать маленькую поправку относительно классическихъ языковъ, Фрэнки предъ выпускомъ отвѣтитъ, какъ его предшественникъ. Классическіе языки, на которыхъ еще недавно держалась вся система обученія въ англійскихъ школахъ, мало-по-малу выбрасываются за бортъ.

Въ своей автобіографіи Дарвинъ говоритъ, что его считали въ школѣ круглымъ дуракомъ за неуспѣхи въ греческомъ языкѣ. Спустя много лѣтъ, когда слава Дарвина прогремѣла по всему міру, директоръ разводилъ только руками и удивлялся, какъ можно считать умнымъ человѣкомъ „Газа“ *), который никогда не могъ выучиться правильно спрягать греческіе глаголы. Теперь, въ этомъ отношеніи, даже въ англійскихъ школахъ многое измѣнилось. Классическіе языки уступаютъ мѣсто естественнымъ наукамъ и новымъ языкамъ.

Настойчивость, пріобрѣтенная въ школѣ, является гарантіей, что Фрэнки и въ шестьдесятъ лѣтъ будетъ работать съ такою же интенсивностью, какъ и въ тридцать. Съ двѣнадцати лѣтъ Фрэнки сознаетъ, что у него, какъ у члена общества, есть не только обязанности, но и права, защищать которыя — высшій долгъ гражданина. Это уже крупный плюсъ. Когда же я вспомню про нѣкоторыхъ континентальныхъ товарищей Фрэнки, которые оставятъ школу юными банкротами, безъ характера, безъ знанія, безъ здоровья, съ глубокой ненавистью къ ней, съ готовыми уже зачатками неврастеніи, со страшной перспективой судьбы тѣхъ юношей, которыхъ аѳиняне когда-то должны были отправлять уродливому дѣтищу Пазифаи, — я не могу не воскликнуть съ завистью: „счастливецъ Фрэнки!“ Тебя не бросятъ въ кноссійскій лабиринтъ къ Минотавру. Въ школѣ и въ университетѣ тебя берегутъ, лелѣютъ, не надышатся на тебя, радуются пробужденію въ тебѣ гражданскаго самосознанія. Тебя считаютъ цвѣтомъ Англіи, единственной надеждой ея. Счастливецъ Фрэнки! Бѣдныя жертвы Минотавра!

Діонео.

---

*) «Газомъ» директоръ прозвалъ въ школѣ Дарвина въ насмѣшку за его увлеченіе химіей.

„Молочные бунты“ въ Сибири и ихъ причины.

Письмо изъ Алтая.

Алтайская деревня переживаетъ тяжелое время: неурожаи двухъ послѣднихъ лѣтъ во многихъ селеніяхъ вызвали проявленіе острой нужды, въ сопровожденіи ея обычныхъ спутниковъ— голодовка менѣе обезпеченныхъ, различныя формы тяжелыхъ заболѣваній, какъ цынга, тифъ и пр. Такого „труднаго“ года насеселеніе не помнитъ съ того времени, когда въ 1867 — 68 г.г. были поражены голодомъ южныя волости Алтайскаго округа.

Признаки надвигающейся бѣды начали наблюдаться еще съ зимы, въ этомъ году въ степяхъ почти безснѣжной, и тогда уже во многихъ вызывали тревожныя опасенія, все возроставшія при весенней засухѣ и достигшія высшаго напряженія въ половинѣ іюня, когда хлѣбъ началъ „горѣть“ и когда, казалось, достаточно было одного—двухъ хорошихъ дождей, чтобы хоть немного поправить дѣло и предотвратить новый неурожай. Но дождя не было, и день за днемъ проходилъ въ напряженномъ ожиданіи и мучительной тревогѣ.

Вотъ въ этотъ-то именно моментъ, откуда-то, съ самаго дна деревенской жизни, вдругъ темной волной поднялось что-то почти стихійное и съ грознымъ шумомъ прокатилось по всему краю, достигнувъ его отдаленныхъ уголковъ, чтобы чрезъ нѣкоторое время вновь упасть, затихнуть столь же быстро и внезапно, какъ и возникло. Деревня, еще вчера столь бурная и шумная, снова приняла прежній видъ, подавленный и угрюмый.

Я говорю о томъ движеніи, которое было направлено противъ машиннаго маслодѣлія, этой новой отрасли крестьянскаго хозяйства въ округѣ, какъ и вообще въ Сибири, и которое выразилось въ рядѣ чрезвычайно своебразныхъ явленій. Крестьянскія общества вдругъ охватило массовое стремленіе къ закрытію маслодѣльныхъ заводовъ, о чемъ составлялись общественные мірскіе приговоры, какъ и о запрещеніи продавать на заводы молоко, держать на квартирѣ маслодѣловъ и пр. Во многихъ деревняхъ общества потребовали, чтобы не только были закрыты заводы, но и маслодѣлы-хозяева и мастера оставили бы немедленно селенія. Нежеланіе подчиниться такому требованію со стороны маслодѣловъ вызывало принудительное изгнаніе ихъ, сопровождавшееся избіеніемъ и другими видами насилія. Многіе заводы подверглись полному разгрому и уничтоженію, еще большее количество ихъ

было закрыто временно. Разгромамъ предшествовали разнообразныя легенды, съ жадностью воспринимавшіяся тревожно-настроеннымъ населеніемъ и съ удивительной быстротой разносившіяся по краю. Всѣ эти легенды, а ихъ было много, вращались неизмѣнно около того вреда, какой наносится коварными пришлецами въ деревню—маслодѣлами крестьянскому хозяйству; главная же и особенно убѣдительная заключалась въ томъ, что засуха вызвана маслодѣлами, которые „отводятъ тучи“: „самъ,—разсказывали крестьяне,—сидитъ на заводѣ вечеромъ, да книжку читаетъ, а хозяйка его (жена маслодѣла) выйдетъ на крыльцо, поглядитъ на небо, махнетъ платкомъ — тучи-то и отнесетъ отъ деревни...“ Легенда эта, въ разнообразнѣйшихъ варіаціяхъ, со всевозможными подробностями, указаніями мѣстъ дѣйствія и именъ свидѣтелей, передавалась изъ устъ въ уста и принимала въ глазахъ деревенскаго жителя значеніе почти реальнаго факта. Всякая случайность, неловко брошенное слово—все истолковывалось въ опредѣленномъ смыслѣ, указывающемъ на вредоносность маслодѣловъ и употребляемыхъ ими машинъ и инструментовъ. Движеніе это тогда же, на мѣстѣ получило характерное названіе „молочныхъ бунтовъ“ и, по своей внезапности, дикости и жестокости, можетъ быть поставлено въ рядъ съ такими печальными явленіями народной жизни послѣднихъ десятилѣтій, какъ всѣмъ памятные „антиеврейскіе безпорядки“, „дифтеритные“ и „холерные бунты“ и пр. Тутъ лишь формы иныя, иные, разумѣется, и размѣры самаго движенія.

Въ настоящее время страсти, вспыхнувшія съ такой силой, уже давно улеглись, затихли. Сами участники „бунтовъ“ говорятъ о происходившемъ еще такъ недавно спокойно, какъ о чемъ-то далекомъ, а пожалуй, и чуждомъ имъ... Это не ослабляетъ, разумѣется, интереса къ самому явленію, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ гарантій, что то же движеніе не возникнетъ вновь, въ слѣдующій же годъ, въ особенности, если на Алтаѣ опять будетъ неурожай, что весьма вѣроятно.

Что же, однако, случилось? Что вызвало спокойную до того алтайскую деревню на всѣ тѣ факты произвола и насилія, какими характеризуется движеніе противъ машиннаго маслодѣлія? Такіе вопросы тѣмъ необходимѣе, что само по себѣ маслодѣліе, казалось бы, весьма выгодно для алтайскаго крестьянина, въ хозяйствѣ котораго скотоводство играетъ такую видную роль, а потому злобное отношеніе населенія къ новому, повышающему его экономическое благосостояніе промыслу, отношеніе, доходящее до желанія совершенно уничтожить его, является, на первый взглядъ, по малой мѣрѣ неожиданнымъ и не мотивированнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ, какъ и вообще во всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ общественныхъ явленіяхъ, сказалась не одна какая-нибудь причина, а рядъ ихъ, изъ которыхъ

воздѣйствіе однѣхъ было сильнѣе и замѣтнѣе, другія же вліяли болѣе слабо или скрыто, почему менѣе бросаются въ глаза, и вскрытіе ихъ требуетъ болѣе близкаго знакомства съ фактическимъ положеніемъ дѣла.

Я очень далекъ отъ мысли взять на себя трудную задачу отвѣтить на поставленные выше вопросы во всей ихъ полнотѣ, такъ какъ для этого требовался бы гораздо большій фактическій матеріалъ, чѣмъ тотъ, какимъ я располагаю въ данный моментъ. Я предполагаю только представить вниманію интересующихся нѣкоторые факты и соображенія, которые устраняютъ, по моему мнѣнію, кажущееся внутреннее противорѣчіе массоваго движенія алтайской деревни въ сторону закрытія и уничтоженія заводовъ, являющихся для нея источникомъ матеріальныхъ выгодъ. Это кажущееся противорѣчіе является особенно страннымъ именно теперь, когда часть населенія той же алтайской деревни голодаетъ, и для него каждая копѣйка дорога.

Мнѣ пришлось посѣтить нѣсколько маслодѣльныхъ заводовъ, какъ во время движенія, когда по близости производились уже разгромы заводовъ, и деревенскіе жители были особенно чутко настроены и прислушивались къ каждому долетавшему извнѣ слову съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ и слѣдомъ за его окончаніемъ, когда бурлившія передъ тѣмъ и ломавшія все на своемъ пути страсти уже успокоились и затихли. Это непосредственное знакомство съ маслодѣльными заводами и отношеніями къ нимъ крестьянскаго населенія позволило мнѣ уяснить себѣ нѣкоторые факты, казавшіеся до того не имѣющими подъ собой сколько-нибудь серьезной подкладки.

Но прежде чѣмъ обратиться къ главному предмету моего письма — выясненію нѣкоторыхъ условій возникновенія „молочныхъ бунтовъ“,—я нахожу необходимымъ дать общую характеристику машиннаго маслодѣлія на Алтаѣ, этой отрасли крестьянскаго хозяйства, едва лишь возникшей въ краѣ, но уже успѣвшей возбудить къ себѣ столь рѣзко отрицательное отношеніе въ той именно средѣ, которая, повидимому, всего болѣе въ ней заинтересована. Безъ такого предварительнаго ознакомленія съ постановкой маслодѣлія и его короткой, но поучительной исторіей не будетъ ясно и отношеніе къ нему крестьянства.

Возникновеніе машинной обработки молочныхъ продуктовъ и изготовленіе экспортнаго сливочнаго масла на Алтаѣ, какъ и вообще въ Сибири, — фактъ всего лишь вчерашняго дня. До 1893 года въ Сибири вообще, а до 1896 г. въ Алтайскомъ округѣ не было, насколько извѣстно, ни одного молочнаго сепаратора, ни одного завода для приготовленія сливочнаго масла, которое предназначалось бы не на мѣстный рынокъ. Только съ проведеніемъ въ Сибирь желѣзнаго пути, связавшаго эту страну непрерывнымъ паровымъ сообщеніемъ съ остальной Россіей и черезъ

нее съ Западной Европой, устанавливается на сибирской почвѣ первый молочный сепараторъ, устраивается первый маслодѣльный заводъ, работающій непосредственно на внѣшній рынокъ. По мѣрѣ того, какъ дорога прокладывается внутрь страны, проникаетъ туда все дальше и машинное маслодѣліе и въ немного лѣтъ достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Вотъ нѣкоторые факты, характеризующіе эту сторону дѣла:

вывезено изъ Сибири:	сливочнаго масла:
въ 1894 году	400 пудовъ.
» 1895 »	5.000 »
» 1896 »	16.599 »
» 1897 »	72.578 »
» 1898 »	174.425 »
» 1899 »	314.513 »
» 1900 »	1.084.799 »

Въ 1900 г. изъ вывезеннаго по Сибирской желѣзной дорогѣ сливочнаго масла 1.020.000 п. пошли непосредственно на заграничные рынки, главнымъ образомъ въ Лондонъ и Копенгагенъ, и лишь остальное количество, т. е. около 65.000 пудовъ, поступило на внутренніе рынки Европейской Россіи—Одессу, Москву, Петербургъ *). По даннымъ А. Мур—цева, причисляющаго къ западно-сибирскимъ губерніямъ и областямъ два уѣзда Пермской и Оренбургской губ.—Шадринскій и Челябинскій, въ 1900 г. на заграничные рынки вывезено сибирскаго сливочнаго масла 1.100.000 пуд., а въ 1901 г. ожидается вывозъ въ 1.800.000 п. **). Маслодѣльные заводы, говоритъ онъ, растутъ „какъ грибы“; частныя предпріятія втягиваютъ „лицъ самыхъ разнообразныхъ состояній и профессій: дворянъ, отставныхъ чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, зажиточныхъ крестьянъ, ссыльно-поселенцевъ, евреевъ, киргизъ“. Число маслодѣленъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, въ Акмолинской области, въ Челябинскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ достигаетъ 1.200. „Движеніе, начавшись Тобольской губерніей, охватило уже Алтай, перешло въ Акмолинскія степи, подбирается къ Минусинскому уѣзду Енисейской губерніи“.

Таково положеніе маслодѣлія вообще въ Сибири. Теперь посмотримъ, что представляетъ собой въ этомъ отношеніи Алтайскій округъ

Я уже сказалъ, что первый маслодѣльный заводъ былъ открытъ здѣсь въ 1896 г. Въ томъ же году устроено было еще два завода, въ 1897 г.—четыре, въ 1898—одиннадцать, въ 1899—тридцать четыре, въ 1900 г.—сто восемьдесятъ пять. Въ настоящее время въ Алтайскомъ округѣ свыше 300 маслодѣльныхъ заво-

*) «Сиб. Жизнь», 1901 г., № 223 отъ 14 октября.

**) А. Мур—цевъ: «Сибирскіе молокане», «Рус. Вѣд.», № 313 отъ 19 ноября 1901 г.

довъ, переработывающихъ до 4.000.000 пудовъ молока *). Заводы проникаютъ въ самые глухіе уголки Алтая, захватывая своею дѣятельностью все бóльшее количество лицъ. Лѣтомъ истекшаго года мнѣ приходилось встрѣчать ихъ не только по глухимъ русскимъ заимкамъ, за границей крестьянскихъ волостей, въ лѣсахъ, но и среди инородцевъ, едва отставшихъ отъ звѣроловческаго быта и перешедшихъ къ осѣдлости и примитивному земледѣлію. Даже въ инородческомъ районѣ горнаго Алтая уже можно найти не мало сепараторовъ не только у русскихъ — заимочниковъ и переселенцевъ, но и у инородцевъ — кочевниковъ, еще сохранившихъ первобытный образъ жизни. Такъ, „въ самомъ сердцѣ Алтая“, какъ выражаются сами инородцы, въ Кеньгѣ, гдѣ еще въ 1897 г. калмыки не имѣли даже представленія о какомъ-либо молочномъ хозяйствѣ, уже дѣйствуетъ маслодѣльный заводъ калмыка Аргамая Кульджинова. И это среди корьевыхъ и войлочныхъ юртъ-шалашей, въ которыхъ живутъ алтайскіе калмыки, не знающіе избы.

Маслодѣльная горячка, проникнувъ въ Сибирь, развивается тутъ съ страшной быстротой, не позволяя пока предугадывать, гдѣ ея конецъ. Вотъ еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ эту сторону занимающаго насъ явленія.

Въ истекшее лѣто пароходы, работающіе по р. Оби ниже ея пересѣченія Сибирской желѣзной дорогой у Ново-Николаевска, были заняты главнымъ образомъ перевозкой сливочнаго масла изъ Барнаульскаго и Бійскаго уѣздовъ въ Ново-Николаевскъ, гдѣ одно время его скопилось такое количество, для перевозки котораго безъ задержки желѣзная дорога оказалась неподготовленной, не смотря на то, что для перевозки сибирскаго масла министерствомъ было заказано 1.000 особыхъ вагоновъ-ледниковъ. Въ части Алтайскаго округа, какъ я уже говорилъ, настоящій голодъ, въ другихъ мѣстахъ населеніе страдаетъ отъ дороговизны хлѣба **), цѣны на который, какъ и на сѣно, поднялись до небывалой высоты. При всемъ томъ сельская торговля отличается большимъ оживленіемъ, такъ какъ требованія на нѣкоторые предметы—разнообразную посуду, самовары, мануфактурный товаръ и пр. сильно повысились. Это объясняется присутствіемъ въ рукахъ сельскаго населенія относительно большого количества свободныхъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи молока, масла и пр.

*) «Рус. Вѣд.», № 307 отъ 6 ноября 1901 г., кор. изъ Барнаула.

**) Почти на дняхъ мѣстными газетами «Сибир. Жизнью» и «Вост. Об.» сообщался такой фактъ: ямщики с. Поперечный Искитимъ, Томскаго уѣзда, менѣе другихъ пострадавшаго отъ неурожая, «жалуются, что имъ въ ночное время опасно проѣзжать около дер. Зимникъ», такъ какъ жители ея «встрѣчаютъ на дорогѣ, останавливаютъ ямщиковъ, особенно тѣхъ, которые возятъ за прогоны, и отнимаютъ у нихъ какія есть деньги, говоря: «мы хочемъ ѣсть». «В. Об.» № 275 отъ 16 декабря 1901 г.

Спросъ на земледѣльческія орудія растетъ. Растетъ и спросъ на всевозможные предметы, необходимые при маслодѣліи, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ въ Барнаулѣ, возникли даже небольшіе заводы для выдѣлки металлической посуды и другихъ предметовъ, употребляемыхъ на маслодѣльныхъ заводахъ. Все это вноситъ въ торговую среду оживленіе, которое находится какъ бы въ противорѣчіи съ переживаемымъ деревней острымъ бѣдствіемъ, вызваннымъ двухлѣтними неурожаями хлѣба и травъ.

Вообще, для тѣхъ, кто привыкъ видѣть въ деревнѣ нѣчто однородное, въ одинъ цвѣтъ окрашенное, современная деревня Западной Сибири и, въ частности, ея лучшей части—Алтайскаго округа должна казаться чѣмъ-то страннымъ, исполненнымъ рѣзкихъ контрастовъ и прямо-таки парадоксовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ, повидимому, возможно соединить въ одной и той же картинѣ современнаго состоянія сибирской деревни небывалое, колоссальное движеніе въ одной изъ главнѣйшихъ отраслей деревенской промышленности—въ молочномъ хозяйствѣ, оживленіе деревенской торговли, все увеличивающійся сбытъ сельскохозяйственныхъ орудій, шумъ и суету, вносимые всѣмъ этимъ въ деревню, гдѣ то и дѣло мелькаютъ невиданныя ранѣе и чуждыя деревенскому укладу фигуры наѣхавшихъ откуда-то дѣльцовъ и аферистовъ, добрая половина которыхъ нерусскаго происхожденія,—это съ одной стороны, а съ другой—неурожаи, недостатокъ хлѣба и сѣна, быстрый, пугающій населеніе ростъ цѣнъ на эти продукты, нужда, мѣстами самая настоящая, сопровождаемая всѣми свойственными ей ужасами, голодовка, болѣзни, безнадежное настроеніе, тоска и уныніе! Съ одной стороны, заготовка для голодающихъ хлѣба, сознаніе необходимости разсрочки платежа денежныхъ ссудъ и пр., а съ другой—толки о новыхъ источникахъ податного обложенія, представляемыхъ маслодѣліемъ и вызываемымъ имъ оживленіемъ торговой дѣятельности.

Таковы въ общихъ чертахъ кажущіяся противорѣчія современной алтайской деревни.

Я уже упоминалъ, что до проведенія желѣзной дороги въ Сибири не было совсѣмъ маслодѣльныхъ заводовъ. Но сибирская деревня всетаки приготовляла коровье масло, и оно шло на рынокъ, отчасти даже заграничный—въ Турцію и Грецію. Въ концѣ восьмидесятыхъ—началѣ девяностыхъ годовъ на Алтаѣ, именно въ Барнаулѣ, жилъ даже спеціальный агентъ какой-то аѳинской торговой фирмы и въ обширныхъ размѣрахъ производилъ закупку алтайскаго масла для Греціи. Но подобные случаи единичны, и отпускъ сибирскаго масла за границу былъ всетаки ничтожный, во 1-хъ, и во 2-хъ, оно по своимъ качествамъ имѣло мало общаго съ масломъ машиннаго производства: сибирскій крестьянинъ, вообще говоря, до послѣднихъ лѣтъ не имѣлъ представленія о сливочномъ маслѣ и изготовлялъ масло только

изъ сметаны, такъ называемое топленое. По самымъ своимъ качествамъ, оно не могло разсчитывать на сколько нибудь серьезный вывозъ за границу, гдѣ требуется масло сливочное.

Другими словами, современное машинное маслодѣліе въ Сибири имѣетъ своего предшественника въ лицѣ примитивнаго производства топленаго масла; отличаясь отъ него во многомъ, оно не могло не столкнуться съ нимъ, какъ съ отсталой формой производства, осужденной въ силу своей отсталости на исчезновеніе или, въ лучшемъ случаѣ, на значительное измѣненіе пріемовъ.

Топленое масло изготовлялось въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ сливочное экспортное масло въ настоящее время: всего въ годъ вывозилось не болѣе 500.000 пудовъ, тогда какъ отпускъ сливочнаго масла въ истекшемъ году ожидался въ размѣрѣ 1.800.000 пудовъ, т. е. почти въ три съ половиной раза больше. Эта разница будетъ казаться еще разительнѣе, если для сравненія взять не количество того и другого продукта, а его рыночную стоимость: при средней цѣнѣ экспортнаго сливочнаго масла въ 10 р. и топленаго въ 6 р. пудъ, годовой отпускъ перваго выразится въ 18 милліонахъ, второго же лишь въ 3 милліонахъ рублей, т. е. рыночная стоимость этого послѣдняго на мѣстѣ въ шесть разъ меньше, чѣмъ соотвѣтствующая стоимость сливочнаго масла.

Различіе въ производствѣ масла прежде и теперь не ограничивается одной количественной стороной, но идетъ гораздо глубже, захватывая многія стороны деревенской жизни, и мнѣ хотѣлось бы указать здѣсь на нѣкоторыя его черты, такъ какъ это можетъ отчасти выяснить, кто именно въ деревнѣ заинтересованъ въ сохраненіи прежнихъ пріемовъ производства—„по старинкѣ“—и тѣмъ самымъ становится въ отрицательное отношеніе къ новымъ пріемамъ и формамъ промысла.

Пріемы приготовленія топленаго масла освящены стариной: какъ при „старикахъ“ и „дѣдушкахъ“ разливали молоко по вонючимъ крынкамъ, квасили его, собирали прогорклую сметану и сбивали изъ нея масло, которое затѣмъ перетапливали, а кислое молоко выливали на пойло скоту, такъ точно дѣлаетъ и теперь алтайская женщина, не отступая ни на іоту отъ завѣщанныхъ сѣдою стариной образцовъ—тѣ же горшки и крынки, ежедневно выпариваемые въ печи, тѣ же кадушки прогорклой и грязной сметаны и пр., что и въ далекомъ прошломъ. Съ теченіемъ времени увеличились размѣры производства, но его пріемы оставались неизмѣнными, какъ неизмѣннымъ оставалось положеніе въ хозяйствѣ той деревенской женщины, которая какъ бы осуждена была большую часть года съ ранняго утра до поздней ночи „топтаться около горшковъ“, не оставлявшихъ ей ни ми-

нуты свободнаго времени, которое не было бы поглощено другими хозяйственными заботами.

„Накапливаютъ“ масло съ весны до осени, а въ началѣ зимы оно сбывается на многочисленныхъ въ Зап. Сибири сельскихъ и городскихъ ярмаркахъ или же продается дома скупщикамъ-торгашамъ, которые отъ себя уже перепродаютъ его болѣе крупнымъ торговцамъ. Отъ сельскихъ торгашей и съ мелкихъ ярмарокъ масло попадаетъ на крупныя ярмарки въ г.г. Ишимѣ, Ирбитѣ и др. и уже оттуда расходится по рынкамъ Европ. Россіи.

Чтобы собрать по рѣдко разбросаннымъ въ Сибири деревнямъ $^1/_2$ милліона пудовъ масла, нуженъ трудъ большого числа лицъ, каковыми и являются различные скупщики, шныряющіе по деревнямъ, торговцы-прасолы и пр. При новомъ производствѣ всѣ такіе скупщики, принадлежащіе большей частью къ зажиточнымъ крестьянамъ, уже оторвавшимся отъ земледѣльческаго труда, потеряли привычный заработокъ и въ силу этого не могли не стать въ отрицательное отношеніе къ измѣнившимся условіямъ производства и сбыта масла. Въ молочныхъ „недоразумѣніяхъ“ эти лица сыграли свою роль, возстановляя населеніе противъ „молоканокъ“, какъ на Алтаѣ называютъ повсемѣстно сепараторы, стараясь скомпрометировать въ его глазахъ необычные и невѣдомые ранѣе пріемы обработки молока на заводахъ.

Не безразличнымъ въ разсматриваемомъ отношеніи является и тотъ фактъ, что продажа крестьянами топленаго масла обыкновенно производится въ началѣ зимы, т. е. въ то именно время, когда взыскиваются подати, почему значительная часть денегъ, выручаемыхъ крестьянами отъ этой продажи, очень недолго находится въ ихъ рукахъ, поступая въ подать сборщикамъ. Только крупныя хозяйства могли дѣлать значительныя сбереженія отъ продажи масла, у остальныхъ же эти деньги проходили незамѣтно, „между пальцевъ“, какъ говорятъ сибиряки. Это также нельзя упускать изъ виду, когда рѣчь идетъ объ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ производство масла его новыми пріемами.

Таковы нѣкоторыя особенности производства сибирской деревней топленаго масла и его сбыта: деревенская женщина гнулась и стонала подъ тяжестью изготовленія масла, сбытъ котораго привлекалъ къ себѣ много лицъ, уже выбивающихся изъ сѣрой крестьянской среды, а выручаемыя за него деньги уходили „между пальцевъ“, главнымъ образомъ на уплату податей. Порядокъ этотъ сложился издавна, и ничто не нарушало его, никакое стороннее вліяніе на немъ не сказывалось,—развѣ только пронесется надъ деревней эпизоотія и уничтожитъ половину скота, а то и весь поголовно. Но и это дѣло обычное, „Божье“,

а потому и не вносящее никакой ломки въ общій складъ народнаго промысла.

Но вотъ прошла „чугунка“ и пробила брешь въ несокрушимо, казалось, крѣпкихъ устояхъ деревенской жизни Сибири, деревенскаго хозяйства вообще, а въ частности хозяйства молочнаго. Черезъ эту брешь начали проникать въ деревню совершенно чуждые ея общему укладу люди и втягивать ея жителей въ свои личныя предпріятія; разныя это предпріятія, а въ числѣ другихъ и изготовленіе сливочнаго масла на вывозъ. Начали возникать заводы, покупавшіе не масло уже, а молоко; въ городахъ появились иностранныя торговыя конторы, принимающія сливочное масло во всякое время, раздающія въ домъ сепараторы на льготныхъ условіяхъ и другія принадлежности маслодѣлія; въ деревню все больше и больше проникаютъ сепараторы. Картина производства быстро мѣнялась и въ немного лѣтъ стала почти неузнаваемой. По мѣрѣ развитія выдѣлки сливочнаго масла производство и сбытъ топленаго падали. Все это произошло почти внезапно, рѣзко, грубо и не могло не вызвать извѣстной реакціи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ застоявшейся столѣтіями атмосферѣ деревенской жизни повѣяло чѣмъ то несомнѣнно свѣжимъ и бодрымъ.

Но присмотримся ближе къ происшедшимъ измѣненіямъ, насколько они касаются маслодѣлія и связанныхъ съ нимъ интересовъ.

Первое, что не могло, конечно, не броситься въ глаза деревенскому жителю, это очевидная выгодность новыхъ пріемовъ приготовленія масла по сравненію съ старыми. Въ самомъ дѣлѣ, для изготовленія пуда топленаго масла требуется чуть ни вдвое больше молока—до 35 п. на 1 п. масла,—масса тяжелаго труда, заботъ, и всетаки оно чуть не вдвое дешевле сливочнаго масла, на 1 пудъ котораго идетъ всего 20 п. молока. Разница огромная, весьма чувствительная даже для небольшого хозяйства.

Развитіе промысла повлекло за собою усиленный притокъ денегъ въ деревню. Въ самомъ дѣлѣ, если считать выработку сливочнаго масла за истекшій годъ въ 1.800.000 пудовъ, то въ теченіе одного этого года, вѣрнѣе, 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ его, на мѣстный рынокъ было выброшено 18 милліоновъ рублей. Правда, не вся эта сумма пошла непосредственно въ руки крестьянъ-производителей, часть ея осталась въ рукахъ маслодѣловъ-заводчиковъ, различныхъ торговыхъ агентовъ и т. п. Но и при всемъ томъ бо̀льшая часть этой суммы перешла въ руки именно крестьянъ. Можно даже приблизительно подсчитать, какая именно часть. Если мы примемъ для всей Западной Сибири за среднюю цѣну молока ту, какая существуетъ въ Алтайскомъ округѣ, т. е. 30 к. за пудъ, а количество молока, требующееся для изготовле-

нія 1 пуда сливочнаго масла—20 пуд., то окажется, что маслодѣлами за молоко было уплочено 10.800.000 р. Собственно для Алтайскаго округа эта сторона дѣла выражается въ такихъ цифрахъ. За послѣдній годъ было переработано въ округѣ до 4 милліоновъ пудовъ молока, стоимостью по средней цѣнѣ въ 1.200.000 руб.; масла изготовлено 200 тысячъ пудовъ, стоимостью, также по средней цѣнѣ, въ 2 милліона рублей.

Введеніе такого количества денегъ на мѣстный рынокъ, въ частности въ обращеніе деревни, видавшей ранѣе мало денегъ вообще, не могло остаться безъ крупнаго вліянія на весь край, въ частности же на деревню и на ея сложившіяся отношенія.

Я уже упоминалъ объ оживленіи деревенской торговли въ послѣднее время. Это явленіе—прямой результатъ только что отмѣченнаго факта: въ деревню вдругъ стали проникать милліоны рублей. Это не могло, разумѣется, не нарушить многихъ давно установившихся отношеній, не могло не внести измѣненій въ различныя стороны общественной жизни. Я еще возвращусь къ этому ниже, а пока приведу одинъ-два примѣра того, что въ матеріальномъ отношеніи маслодѣльный заводъ даетъ деревнѣ.

Въ наиболѣе глухой части Бійскаго уѣзда, въ предгоріяхъ Алтая, уже за границами сплошныхъ крестьянскихъ поселеній, разбросано нѣсколько десятковъ избушекъ, напоминающихъ скорѣе деревенскія бани, чѣмъ жилища. Это инородческое селеньице Бугочакъ. Существуетъ оно уже лѣтъ 80, но жители его сохранили еще во всей неприкосновенности многія черты почти первобытнаго существованія. Деревня растянулась отдѣльными группами избъ, безъ какого-либо внѣшняго порядка, версты на три вдоль по рѣчкѣ. Всѣхъ избъ въ ней 43, но 3 изъ нихъ отстоятъ такъ далеко, что составляютъ какъ бы особое небольшое поселеніе-заимку. Жители этой деревни—полуобрусѣвшіе и совершенно не обрусѣвшіе, не знающіе даже русскаго языка (такихъ большинство) инородцы, часть которыхъ оффиціально принадлежитъ къ православію, другіе же остаются язычниками. Главнѣйшими занятіями ихъ до сего времени были: звѣроловство, сборъ кедровыхъ орѣховъ и различныхъ кореньевъ, употребляемыхъ ими въ пищу, скотоводство и земледѣліе, все это въ миніатюрныхъ размѣрахъ, позволявшихъ имъ кое-какъ сводить концы съ концами, удовлетворяя свои нехитрыя потребности полудикаря. Ничто не нарушало эту убогую и темную жизнь инородцевъ, восемьдесятъ лѣтъ назадъ бросившихъ кочевой образъ жизни, да такъ и застывшихъ на первой же ступени осѣдлости. До самаго послѣдняго времени бугочакцы имѣли весьма смутное представленіе о деньгахъ, помимо уплаты ясачной подати или покупки промысловаго „припаса“—пороху, свинца для своихъ фитильныхъ ружей, для чего продавали кто орѣхъ, кто пушнину. Свободныхъ денегъ

у нихъ во всякомъ случаѣ не было, да они, живя въ далекой глуши, въ нихъ, пожалуй, мало и нуждались.

Но вотъ, въ 1901 г. весною въ ихъ деревню явился бойкій крестьянинъ-торговецъ изъ сосѣдней волости г. Ш. и предложилъ обществу инородцевъ продавать ему молоко по 30 коп. за пудъ. Какъ ни дико было бугочакцамъ слышать, что молоко можно измѣрять пудами—они привыкли учитывать его лишь деревянными чашками, такъ какъ глиняной посуды они дѣлать еще не умѣютъ,—тѣмъ не менѣе на предложеніе они согласились, что тутъ же и было оформлено мірскимъ приговоромъ, который составилъ пріѣхавшій вмѣстѣ съ г. Ш. писарь. Въ приговорѣ этомъ значится, что инородцы разрѣшаютъ г. Ш. поставить въ ихъ деревнѣ маслодѣльный заводъ, за что онъ уплачиваетъ въ ихъ пользу 7 руб. въ лѣто. Общественники же, съ своей стороны, обязуются давать молоко только ему, по 30 к. за пудъ, а также обязуются никому другому на устройство второго завода разрѣшенія не давать. Если бы общество нарушило свои условія, то оно должно уплатить г. Ш. неустойку въ размѣрѣ стоимости молока, сдаваемаго на заводъ въ теченіе мѣсяца.

Я думаю, врядъ-ли бугочакцы отчетливо понимали содержаніе составленнаго отъ ихъ имени приговора, особенно касательно размѣра неустойки за нарушеніе договора, тѣмъ не менѣе заводъ открылся тогда же, и я, посѣтивъ деревню въ началѣ іюля, нашелъ его въ полномъ ходу. Заводъ небольшой—всего съ однимъ малымъ сепараторомъ, и тѣмъ не менѣе за какихъ-нибудь $2^1/_2$ мѣсяца онъ успѣлъ уже оказать на окружающую среду крупное вліяніе. Въ среднемъ онъ перерабатываетъ ежедневно 20 пудовъ молока, количество, по истинѣ, ничтожное для завода; но эти 20 пудовъ стоили 6 руб., которые и переходили цѣликомъ въ руки инородцевъ. Разсчеты производились разъ въ недѣлю, когда бугочакцы, ранѣе почти не видавшіе денегъ, получали, въ среднемъ, 42 рубля или въ мѣсяцъ 180 рублей. Въ лѣто они должны были получить 900—1.000 руб., смотря по тому, какъ долго протянется осенній періодъ доенія скота.

Предлагаю читателю самому проникнуться общимъ настроеніемъ этой убогой, затерявшейся гдѣ-то въ предгоріяхъ Алтая, едва вышедшей изъ первобытнаго состоянія деревушки, когда на ея голову неожиданно свалилось что-то совершенно ей чуждое, но вмѣстѣ съ тѣмъ давшее въ ея руки такую сумму самыхъ настоящихъ денегъ, какая врядъ-ли грезилась бугочацкамъ даже во снѣ. Необхдимо добавить еще, что бугочакцы по своей малокультурности ранѣе не приготовляли даже и топленаго масла, а потому доходъ отъ продажи молока для нихъ, дѣйствительно, былъ новымъ во всѣхъ смыслахъ. Это не мѣшало имъ толковать о закрытіи завода на слѣдующее лѣто...

Но бугочакцы—почти дикари, а потому примѣръ ихъ, можетъ

быть, нельзя считать характернымъ для населенія болѣе культурнаго, съ болѣе развитой промысловой жизнью, какимъ, несомнѣнно, являются алтайскіе крестьяне. Но вотъ въ той же мѣстности, гдѣ и Бугочакъ, находится село Макарьевское. Жители его инородцы, но давно уже совершенно обрусѣвшіе, всѣ православные, земледѣльцы и скотоводы, звѣроловствомъ почти не занимающіеся; живутъ они въ домахъ и избахъ общепринятаго въ Сибири типа. По общему складу жизни, обычаямъ и пр. они мало чѣмъ отличаются отъ крестьянъ. Въ селѣ 100 дворовъ, есть церковь, школа; тутъ же находится волостное правленіе, двѣ лавочки и пр. Вообще, это селеніе можно назвать типичнымъ для данной мѣстности.

О макарьевцахъ нельзя сказать, что они денегъ не видѣли: часть ихъ занимается рубкой и сплавомъ лѣса въ Бійскъ по р. Біѣ, что даетъ имъ заработокъ рублей 10—15 въ лѣто; кое-кто гонитъ смолу, занимается различными мелкими ремеслами—шьетъ сапоги, валяетъ катанки и т. п. Но такія лица всетаки составляютъ меньшинство, во 1-хъ, а во 2-хъ, всѣ эти источники даютъ возможность только перебиваться, удовлетворять текущія потребности деревенскаго жителя. Всѣ же остальные макарьевцы не имѣютъ и этихъ заработковъ, извлекая средства къ жизни отъ земли—кто, выражаясь по сибирски, „припахиваетъ десятинку“, кто „скотинкой перебивается“—и это все. Необходимо указать еще на слѣдующее обстоятельство: селеніе настолько удалено отъ мѣстныхъ торговыхъ центровъ, что сбыта хлѣба и продуктовъ молочнаго хозяйства до послѣдняго времени не было, и скотоводство давало нѣкоторый денежный доходъ лишь отъ продажи живого скота на пріиски, масла же продавалось ничтожное количество, не имѣвшее никакого значенія въ общемъ благосостояніи селенія.

Въ томъ же 1901 г. и здѣсь былъ устроенъ заводъ для выдѣлки сливочнаго масла; заводъ, для Алтая, среднихъ размѣровъ—съ тремя большими и однимъ малымъ сепараторами. Содержатель завода—мѣстный торговецъ изъ отставныхъ солдатъ. Цѣны на молоко колебались отъ 30 до 35 коп. за пудъ. Я былъ на заводѣ въ самомъ началѣ августа, и тогда имъ было уже выработано и сдано 425 пуд. масла. Считая по 20 п. молока на 1 п. масла и среднюю цѣну пуда молока въ 33 коп., получимъ 2,805 р.—приблизительная сумма, какую населеніе получило за молоко. Если считать, что въ остающіеся мѣсяцы сезона будетъ переработана еще половина того, что выработано съ мая по августъ, то мѣстная выручка населенія отъ молока выразится приблизительно въ 4,200 р. Но если даже откинуть сотни, то и въ такомъ случаѣ, принимая во вниманіе все сказанное выше, мы должны признать эту цифру очень внушительной.

Я могъ бы привести и еще примѣры въ томъ же родѣ, но

думаю, что и этихъ достаточно для подтвержденія того, что выгодность маслодѣлія несомнѣнна и для самого населенія. Но для крестьянина, имѣвшаго случай столкнуться съ этимъ новымъ въ краѣ дѣломъ, очевидна не только матеріальная сторона этого дѣла, но и многія иныя послѣдствія, въ извѣстномъ смыслѣ, быть можетъ, для него еще болѣе серьезныя и важныя.

Въ ряду ихъ не послѣднее мѣсто занимаютъ тѣ измѣненія, какія произвело современное маслодѣліе въ условіяхъ труда сибирской деревенской женщины. Подъ вліяніемъ машиннаго маслодѣлія послѣдняя вдругъ, неожиданно для себя самой, вздохнула свободнѣе, съ ея плечъ разомъ, помимо ея воли, свалилась та часто непосильная работа, какую взваливало на нее скотоводческое хозяйство *), она избавилась отъ ига масляного горшка, подъ тяжестью котораго покорно гнулась „съ изстари“, отдавая ему большую часть своего времени, своей жизни.

Все это совершилось какъ-то внезапно и вмѣстѣ съ тѣмъ почти незамѣтно. Пріѣхалъ въ деревню неизвѣстно откуда „молоканинъ“, привезъ съ собой какія-то невиданныя машины и началъ покупать парное молоко, давая за него хорошую цѣну. Бабы, сначала какъ бы шутя, въ видѣ опыта, понесли молоко на заводъ, гдѣ его немедленно принимали, взвѣшивали и записывали въ книгу; по субботамъ выдавали разсчетъ за всю недѣлю. Сдача молока оказалась безусловно выгодной, и бабы начали продавать „молоканину“ уже все молоко, которое шло раньше на изготовленіе топленаго масла. Прекратилась возня съ безчисленными горшками, заботы о сметанѣ, забыто все, съ чѣмъ было связано производство топленаго масла; все это вдругъ куда-то отошло, исчезло, и у бабы, до того не имѣвшей ни минуты покоя, вѣчно озабоченной горшкомъ, вдругъ появился досугъ, котораго она никогда не знала, такъ какъ на рукахъ ея осталось почти только одно доеніе коровъ. По сравненію съ тою работою, что она выполняла еще вчера, это былъ трудъ почти ничтожный, вчерашняя каторга смѣнилась досугомъ, котораго первое время некуда было дѣвать. Да, иго маслянаго горшка свалилось съ плечъ деревенской женщины, она разогнула спину, но это-то и вызвало къ ней вражду и злобу въ ея собственной семьѣ, среди ея близкихъ.

Объяснимся. Въ Сибири, въ частности на Алтаѣ, въ большихъ семьяхъ, гдѣ нѣсколько женщинъ, молочное хозяйство, какъ самое тяжелое, лежитъ обыкновенно на младшихъ изъ нихъ—снохахъ, дѣвушкахъ и пр.; старухи же, разныя тещи и свекровь,

*) Для многихъ мѣстностей южной полосы Зап. Сибири еще въ недавнее время крестьянское хозяйство было скотоводческимъ по преимуществу, и только за послѣднія десятилѣтія оно стало измѣняться въ сторону большаго развитія земледѣлія, въ чемъ сказалось вліяніе переселеній и нѣкоторыя другія причины.

свободны отъ него, выполняя другія хозяйственныя обязанности. Вотъ въ этой-то средѣ старшихъ женщинъ и вызвалъ недружелюбное отношеніе къ себѣ новый порядокъ, при которомъ у молодыхъ бабъ, этихъ безгласныхъ рабынь крестьянской семьи, получился досугъ. Отсюда вражда и злоба къ самому маслодѣлію, какъ первой причинѣ новыхъ въ семьѣ явленій, грозящихъ ей многими потрясеніями.

Сдача молока въ опредѣленное время дня—утромъ и вечеромъ, когда на заводъ стекаются почти разомъ всѣ женщины деревни, продающія сюда молоко, и ждутъ, пока оно будетъ принято, взвѣшено и записано,—этотъ порядокъ вызвалъ къ жизни нѣчто въ родѣ деревенскаго клуба, своеобразнаго, веселаго и живого.

Дважды въ день, на часъ-два вся женская молодежь собирается на заводъ. Онѣ обмѣниваются здѣсь новостями, болѣе близкія между собой дѣлятся своими печалями и радостями. Все это не можетъ не вносить много свѣжаго въ довольно-таки скучную жизнь деревенской женщины. „Извѣстно, гдѣ бабы и дѣвки, тамъ и молодяжникъ“, говорятъ деревенскіе зоилы. Въ дѣйствительности такъ и бываетъ: къ заводамъ въ опредѣленное время стремятся не только женщины, несущія молоко, но и молодые парни, ищущіе случая побыть въ женскомъ обществѣ. За молодежью туда же тянутся и люди болѣе зрѣлаго возраста, кто за дѣломъ, а кто и такъ себѣ—„потолкаться на народѣ“, „покалякать“. Во многихъ деревняхъ и мѣсто хороводовъ перенесено поближе къ маслодѣльнымъ заводамъ.

Маслодѣльный заводъ является не только мѣстомъ веселья, но также и мѣстомъ, гдѣ сообщаются деревенскія новости, самый характеръ которыхъ въ послѣднее время рѣзко измѣнился. Маслодѣлъ и его мастера—чаще всего чуждые деревнѣ люди, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ городомъ; отсюда притокъ на заводъ внѣшнихъ извѣстій, газетныхъ и устныхъ. И деревня, еще такъ недавно глухая къ внѣшнему міру и его событіямъ, теперь живо интересуется многимъ, что творится за ея околицей, вообще на бѣломъ свѣтѣ, обнаруживая особенный интересъ къ военнымъ событіямъ, какъ война съ бурами, китайскія дѣла и пр. Полученныя на заводѣ свѣдѣнія разносятся по крестьянскимъ избамъ, откуда передаются въ другія деревни и расплываются по всему краю. Прошлымъ лѣтомъ мнѣ приходилось слышать разсказы о различныхъ текущихъ событіяхъ политическаго и общественнаго характера въ отдаленныхъ глухихъ деревняхъ Алтайскаго округа, куда никакая почта не проникаетъ.

Не безъ вліянія оказывается и то, что въ самихъ маслодѣлахъ, ихъ мастерахъ и т. п. крестьяне встрѣчаютъ людей иной культуры, иныхъ воззрѣній, ранѣе алтайской деревнѣ совершенно невѣдомыхъ. Ежедневное общеніе съ этими людьми не мо-

жетъ не вноситъ чего-то новаго въ представленія деревенскихъ жителей, многіе изъ которыхъ жили совершенно изолированно отъ внѣшняго міра въ умственномъ отношеніи.

Все это также создаетъ въ нѣкоторой части населенія недружелюбное отношеніе къ заводамъ, какъ учрежденію, благодаря которому въ невозмутимо спокойной дотолѣ средѣ вдругъ пробуждаются какія-то новыя желанія, новые интересы, ведутся новые разговоры, другими словами, нарушается „исконный порядокъ". А этого достаточно для отрицательнаго отношенія многихъ и многихъ къ причинѣ новаго явленія—къ заводу, и это сказывалось въ молочныхъ безпорядкахъ.

Обиліе денегъ, которыя, какъ мы видѣли выше, пускаются маслодѣліемъ въ деревенское обращеніе, еще не указываетъ на равномѣрное ихъ распредѣленіе между деревенскими жителями. Напротивъ, личныя наблюденія нѣсколькихъ заводовъ убѣдили меня, что оно въ высшей степени неравномѣрно, чего, впрочемъ, и слѣдовало ожидать на основаніи данныхъ, имѣющихся относительно крестьянскаго хозяйства алтайской и вообще сибирской деревни.

Сибирская и алтайская въ частности деревня, въ смыслѣ распредѣленія между ея жителями молочнаго скота, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, далеко не представляетъ собой чего-либо однороднаго; напротивъ, картина крестьянскаго скотоводства является до такой степени пестрой, что отдѣльныя части ея едва сравнимы между собой. Мнѣ не хочется приводить многочисленныя цифры въ подтвержденіе этого, и я ограничусь простымъ указаніемъ, что наряду съ хозяйствами, въ которыхъ имѣется нѣсколько десятковъ дойныхъ коровъ, встрѣчаются и такія, скотоводство которыхъ ограничивается двумя-тремя, а то и одной коровой, есть, наконецъ, и вовсе безскотныя хозяйства. Какъ они распредѣляются, для насъ въ данномъ случаѣ все равно, важно установить самую наличность рѣзкаго различія въ размѣрахъ скотоводства между отдѣльными хозяйствами. Понятно, что значеніе маслодѣлія для этихъ различныхъ типовъ хозяйствъ далеко не одинаково, а слѣдовательно, не одинаково будетъ и отношеніе ихъ къ маслодѣлію. Вообще, однороднаго отношенія всего населенія деревни къ маслодѣлію нѣтъ и не можетъ быть, и это обстоятельство очень важно по своимъ послѣдствіямъ.

Маслодѣліе, какъ промыселъ, имѣющій неодинаковое экономическое значеніе для различныхъ группъ деревенскихъ хозяйствъ и въ то же время вливающій въ деревню сравнительно большую массу денегъ, вноситъ рѣзкія измѣненія въ общій складъ деревенской жизни, способствуетъ большему обособленію различныхъ экономическихъ группъ деревенскаго населенія, ускоряетъ процессъ его разслоенія въ экономическомъ отношеніи. Обособленіе влечетъ за собой возникновеніе розни интересовъ, доходящей при

благопріятныхъ къ тому условіяхъ до полнаго противорѣчія и порождающей чувство глубокой вражды между жителями одной и той же деревни.

Относительное обиліе свободныхъ денегъ въ рукахъ, при томъ появившееся внезапно, вызываетъ наружу у населенія деревни новыя потребности, стремленіе къ роскоши, къ пріобрѣтенію того, что ранѣе казалось лишнимъ и недоступнымъ. Болѣе богатые начинаютъ покупать себѣ лишніе самовары, эмальированную и другую, болѣе дорогую посуду, всевозможные платки, платья, ботинки и т. д., и т, д., что только имѣетъ въ глазахъ деревни значеніе роскоши. Каждая такая покупка не можетъ остаться неизвѣстной, вѣсть о ней быстро разносится по сосѣдямъ, вызывая у нѣкоторыхъ завистливое чувство, стремленіе „не отстать отъ людей“, сдѣлать и самимъ такія же, а то и лучшія пріобрѣтенія. За богатыми тянутся зажиточные, за ними „середняки“ и т. д. до послѣднихъ рядовъ деревенской бѣдноты. Желаніе „не отстать отъ людей“, „быть, какъ всѣ“—стремленіе, свойственное не однимъ жителямъ глухихъ сибирскихъ деревень, заставляетъ сдавать молоко на заводъ и тѣхъ, у кого мало скота, кому молоко необходимо дома, для семьи. Есть, наконецъ, и такіе, что не могутъ ничего сдавать на заводъ даже цѣною отнятія молока у собственныхъ дѣтей—эти остаются съ однимъ лишь чувствомъ неудовлетворенной зависти и раздраженія. Вообще, крупные барыши, доставляемые сдачей молока на маслодѣльни, въ деревенской практикѣ вызываютъ наружу много несимпатичныхъ человѣческихъ слабостей, способствуютъ проявленію низменныхъ побужденій и стремленій, остающихся не безъ серьезнаго вліянія и на общее настроеніе деревни.

Явившись въ сибирскую деревню, машинное маслодѣліе непосредственно столкнулось съ разнообразными сторонами ея жизни, какъ я старался показать выше, съ различными деревенскими устоями, которые оно и расшатываетъ. Крестьянская семья, деревенская экономика, общественность—все претерпѣваетъ на себѣ различныя вліянія, вносимыя маслодѣліемъ въ деревню. Претерпѣваетъ подобныя вліянія и сибирская община, интересы которой также нерѣдко нарушаются маслодѣліемъ.

Маслодѣльный заводъ съ ручными сепараторами и ручной же маслобойкой, а въ Сибири именно такой типъ заводовъ и преобладаетъ, не требуетъ обширнаго помѣщенія, почему для него легко могутъ быть приспособлены крестьянскіе дома и избы. Это дешевле, да и хлопотъ меньше, чѣмъ при постройкѣ спеціальнаго помѣщенія для завода. Маслодѣлы такъ и поступаютъ, нанимая у крестьянъ подъ свое „заведеніе“ ихъ дома. Имѣя въ этомъ случаѣ дѣло съ отдѣльными домохозяевами, они, вообще говоря, совершенно игнорируютъ общину, членами которой яв-

ляются жители деревни, не спрашиваютъ у нея разрѣшенія на открытіе завода, не несутъ въ ея пользу никакихъ расходовъ.

Община на это смотритъ иначе: считая себя единственнымъ дѣйствительнымъ хозяиномъ въ деревнѣ, она требуетъ, чтобы заводы открывались не иначе, какъ съ ея согласія, при томъ при условіи матеріальнаго ея вознагражденія въ видѣ опредѣленной платы. Съ своей точки зрѣнія, община права, но обыкновенно маслодѣлы, совершенно чуждые деревнѣ и ея общественному укладу, не хотятъ знать этихъ требованій и отказываютъ общинѣ въ ея домогательствахъ. Община составляетъ соотвѣтствующіе мірскіе приговоры, выражающіе ея волю, о подчиненіи заводовъ ея требованіямъ или о ихъ закрытіи и подаетъ по инстанціямъ жалобы, которыя обыкновенно остаются безъ удовлетворенія. Отсюда раздраженіе крестьянъ противъ пришлецовъ за попраніе правъ общины и стремленіе возстановить эти права уничтоженіемъ завода.

Столкновенія между общиной и маслодѣлами принимаютъ иногда острый характеръ. Хорошимъ образчикомъ этого рода можетъ служить печальная исторія завода томскаго купца г. Р—го.

Въ Кузнецкомъ уѣздѣ, на р. Томи, находится с. Атынаково, гдѣ въ 1900 г. былъ устроенъ маслодѣльный заводъ г. Р—мъ. Село расположено очень удобно: вблизи его находится еще нѣсколько деревень, откуда на заводъ легко доставлять молоко. Въ одну деревню, куда дорога была плоха, г. Р. на свой счетъ поправилъ ее и построилъ черезъ рѣку хорошій мостъ, что для крестьянъ имѣло большое значеніе. Всѣ разсчеты за молоко и пр. г. Р. велъ аккуратно, добросовѣстно, безъ какихъ-либо задержекъ или прижимокъ. Многимъ раздавалъ впередъ деньги подъ молоко для покупки коровъ, давалъ „по сотнѣ, по двѣ", а одному далъ полторы тысячи рублей. Вообще, отношенія между маслодѣломъ и жителями с. Атынакова и другихъ деревень, повидимому, не должны были бы вызывать никакихъ осложненій. Между тѣмъ, въ началѣ іюля 1901 г. произошло нѣчто совершенно неожиданное.

Еще съ половины іюня начали циркулировать слухи, что стоявшее уже нѣсколько недѣль бездождіе дѣло рукъ маслодѣловъ, которые „не даютъ пролиться дождику", „отводятъ тучи", что дождя не будетъ, пока будутъ дѣйствовать сепараторъ, и т. д. Разсказывались случаи разгромовъ маслодѣльныхъ заводовъ въ другихъ волостяхъ. Слухи эти съ удивительной быстротой передавались изъ деревни въ деревню, будоража населеніе. Въ распространеніи ихъ принимали участіе всѣ тѣ, кто имѣлъ причину быть недовольнымъ маслодѣліемъ: скупщики топленаго масла, теперь въ значительной степени потерявшіе свой заработокъ, старухи, недовольныя освобожденіемъ молодыхъ бабъ отъ прежней каторги, старики, сѣтовавшіе на то, что народъ и утромъ

и вечеромъ бьется у завода, ища развлеченій, и т. д.). Недовольныхъ оказалось много, и всѣ они съ жадностью прислушивались къ доносившемуся издали шуму разгромовъ маслодѣленъ.

Дошли всѣ эти слухи и до с. Атынакова и здѣсь вызвали общее тревожное, подозрительное къ заводу настроеніе. Въ числѣ селеній, имѣвшихъ съ заводомъ дѣла по сдачѣ молока, были пять деревень, составляющихъ одну земельную и податную общину, такъ называемый Тарадановскій участокъ *). Крестьяне этого участка предъявили требованіе къ мастеру-маслодѣлу о прекращеніи работъ на заводѣ, хотя послѣдній находился не только внѣ Тарадановской общины, но даже въ другой волости, къ которой принадлежитъ с. Атынаково. Заявленіе это не имѣло успѣха, и заводъ продолжалъ работу, а тарадановцы доставлять ему молоко. Такъ продолжалось до 2 іюля, когда въ Атынаково явилась толпа крестьянъ изъ другихъ деревень и потребовала отъ десятника, замѣнявшаго временно отсутствовавшаго изъ селенія старосту, посылки по всѣмъ деревнямъ Тарадановскаго участка и Балыской управы, къ которой принадлежитъ с. Атынаково, письменныхъ приказаній немедленно собраться въ с. Атынаково всѣмъ домохозяевамъ на соединенный сходъ, чтобы „бить молоканку“. Писаря въ селеніи не оказалось, почему „бумага“ не могла быть написана, тѣмъ не менѣе нарочные были разосланы по деревнямъ. Разославъ нарочныхъ, толпа отправилась къ „питейному“, гдѣ и провела время до вечера, когда въ селеніе собралось изъ окрестныхъ деревень нѣсколько сотъ человѣкъ.

Отъ кабака толпа, среди которой пьяныхъ было немного, направилась къ заводу, вооружившись, кто чѣмъ могъ, и тутъ подвергла разгрому и уничтоженію рѣшительно все, что только можно было разгромить и уничтожить: выбили окна, двери, сорвали крышу съ завода, изломали и привели въ негодность сепараторы, маслобойку, молоковѣсъ, всю посуду деревянную и желѣзную — послѣднюю разбивали кайлами. Ничего не оставили, кромѣ стѣнъ бывшаго завода, хотя пытались разнести и ихъ.

Въ то время, когда часть толпы уничтожала самый заводъ, другіе занялись маслодѣломъ-мастеромъ, который выбѣжалъ съ завода и заперся въ своей квартирѣ. Нападавшіе, всетаки, не рѣшились взять приступомъ избу, такъ какъ мастеръ, вооруженный револьверомъ и винтовкой, обѣщалъ стрѣлять, если будетъ сдѣлана хоть малѣйшая попытка ломать дверь его квартиры. Къ ночи толпа разошлась, поставивъ караулъ у дома мастера и по дорогѣ въ волость, чтобы отнять у него возможность скрыться. Мастеру только на другой день, при помощи атынаковцевъ уда-

*) Вотъ эти деревни: Тараданова, Чумашкина, Ключевая, Логинова и Салтымакова. Въ одну изъ нихъ г. Р. и была проведена дорога на свой счетъ и построенъ мостъ.

лось кое-какъ, незамѣтно выбраться изъ засады, и его потихоньку вывезли изъ селенія. Любопытна одна черта: когда разгромъ былъ произведенъ, крестьяне Тарадановскаго участка постановили приговоръ, что заводъ они разбили всѣмъ участкомъ, т. е. всей общиной въ цѣломъ, въ количествѣ пятисотъ душъ, проживающихъ въ пяти селеніяхъ. Этимъ приговоромъ, по ихъ собственному признанію, они желали защитить отъ личной отвѣтственности тѣхъ, кто участвовалъ въ разгромѣ, придавъ послѣднему характеръ общественнаго дѣла, каковымъ въ дѣйствительности онъ и былъ.

Черезъ $2^1/_2$ мѣсяца мнѣ пришлось быть въ с. Атынаковскомъ и видѣть самихъ участниковъ „боя". Заводъ не былъ возобновленъ, о чемъ очень многіе жители сожалѣютъ, такъ какъ вмѣстѣ съ заводомъ они лишились хорошаго заработка. Многіе находятъ, что для уничтоженія „молоканки" не было никакого резона, и что, вообще говоря, сдѣлано было нѣчто скверное. Особенно отрицательно къ этому „общественному дѣлу" относятся тѣ, кто непосредственно понесъ отъ разгрома убытки, которые выражаются не только въ потерѣ дохода отъ продажи молока, но и въ томъ, что многіе, разсчитывая на сдачу молока, забрали впередъ деньги у г. Р., которыя приходится теперь возвращать, между тѣмъ, онѣ уже затрачены на покупку скота, который нужно сбывать теперь по пониженнымъ цѣнамъ, дѣлать займы и пр., чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія. Все это на многихъ отозвалось весьма тяжело.

Я довольно много бесѣдовалъ съ участниками „боя" и его свидѣтелями, какъ съ тѣми, кто и сейчасъ еще враждебно настроенъ противъ завода, такъ и съ его горячими приверженцами. Въ этихъ бесѣдахъ передо мной проходили все тѣ же картины разнообразнѣйшихъ вліяній завода на жизнь деревни, вносившихъ рознь въ деревенскую среду: то же возникновеніе въ Атынаковѣ бабьяго клуба, вскорѣ превратившагося въ общедеревенскій, та же роль бывшихъ скупщиковъ топленаго масла, враждебное отношеніе старухъ и стариковъ, появленіе стремленія дѣлать покупки, и т. д., и т. д.—все то же, что и вездѣ.

Г. Р. устроилъ заводъ въ частномъ домѣ, нанятомъ имъ у одного изъ атынаковцевъ. Общество с. Атынакова нашло, что г. Р. долженъ былъ взять у него разрѣшеніе на открытіе въ селѣ завода, и поэтому потребовало отъ него платы въ свою пользу за „заведеніе", какъ находящееся на землѣ общины. Г. Р. отказался платить обществу, исходя изъ того, что онъ имѣетъ дѣло не съ нимъ, а съ отдѣльнымъ лицомъ, которому и уплачиваетъ опредѣленную сумму за аренду помѣщенія. На этой почвѣ между атынаковцами и г. Р. возникли недоразумѣнія, сказавшіяся во время разгрома: не участвуя въ немъ сами, атынаковцы не мѣшали тарадановцамъ разбивать заводъ и этотъ ней-

тралитетъ былъ вызванъ непріязненными отношеніями атынаковской общины къ г. Р. за его отказъ въ платѣ денегъ въ ея пользу. Въ этомъ случаѣ атынаковцы поступили такъ, какъ поступила бы и всякая другая деревня въ аналогичныхъ условіяхъ.

На этой чертѣ стоитъ остановить вниманіе. „Молоканка“ представляетъ большія выгоды для значительнаго числа общинниковъ, но для „обчества“ въ цѣломъ ничего этого какъ бы не существуетъ, и оно требуетъ въ свою пользу 10—20 р., которые и разойдутся тутъ же по рукамъ, а часть ихъ будетъ просто пропита въ кабакѣ. На „душу“ эти 10—20 р. составятъ нѣсколько копѣекъ, и вотъ изъ-за этихъ-то копѣекъ эти „души“ будутъ волноваться и шумѣть, готовы будутъ даже закрыть самый заводъ. Въ основѣ такого явленія лежитъ очень простая вещь: въ сдачѣ молока, а слѣдовательно и въ самомъ заводѣ, заинтересованы далеко не всѣ жители деревни, многіе изъ нихъ по той или другой причинѣ молока не сдаютъ совсѣмъ, и никакихъ „деведентовъ“, какъ любятъ выражаться алтайскіе крестьяне, заводъ имъ не даетъ; между тѣмъ изъ 10—20 р., которые получитъ общество, часть несомнѣнно попадетъ въ ихъ руки. Пускай эта часть будетъ ничтожна, но она будетъ принадлежать имъ— этого достаточно. И вотъ отъ такихъ-то лицъ и можно слышать заявленія вродѣ того, что было мнѣ сдѣлано однимъ изъ атынаковцевъ: „Намъ что молоканка? Ни къ чему она, потому мы молокомъ не займуемся, не сдаемъ, значитъ... Не хотѣлъ Р. въ обчество платить, пускай убираетъ ее совсѣмъ... Плакать не будемъ!“ Въ то время, когда въ цѣломъ атынаковское общество было настолько недовольно г. Р., что допустило разгромъ завода, отдѣльные члены того же общества спасали мастера-маслодѣла отъ разъяренной толпы, рискуя собственными боками. Таковы противорѣчія современной деревни.

Есть и частная причина атынаковскаго погрома. Среди агитировавшихъ противъ завода большую роль играли нѣкоторые изъ тѣхъ, которые разсчитывали получить отъ г. Р. впередъ деньги на покупку скота, но которымъ онъ отказалъ по разнымъ причинамъ; мотивъ, слѣдовательно, не мѣстный, а чисто личный. Я долженъ здѣсь сказать, что ни самого заводчика, ни его мастера я не видалъ, и всѣ имѣющіяся у меня свѣдѣнія объ этомъ заводѣ и его разгромѣ доставлены мнѣ самими крестьянами.

Чтобы закончить обзоръ условій и причинъ, создающихъ враждебное отношеніе части сельскаго населенія къ машинному маслодѣлію, мнѣ необходимо указать еще на одинъ рядъ фактовъ, выдвигаемыхъ обыкновенно крестьянами въ качествѣ самыхъ убѣдительныхъ аргументовъ, доказывающихъ всю вредоносность маслодѣлія.

Вы всегда можете услышать въ сибирской деревнѣ о неблагопріятномъ вліяніи маслодѣлія на здоровье скота: телята,—гово-

рятъ вамъ,—хворають сильнымъ разстройствомъ кишечника, многоихъ гибнетъ; гибнетъ и взрослый скотъ отъ повальныхъ заболѣваній, что приписывается вліянію такъ называемаго „обрата“, т. е. молока, изъ котораго сепараторомъ выдѣлены всѣ жировыя части, и которое сдается заводами обратно крестьянамъ. Этотъ обратъ крестьяне употребляютъ на пойло скоту.

Жалобы на вредное вліяніе маслодѣлія на скотоводство возникли среди крестьянъ едва-ли не одновременно съ появленіемъ маслодѣлія въ Сибири и еще недавно служили предметомъ обсужденія на съѣздѣ маслодѣловъ въ г. Курганѣ, Тобольской губ. Обсужденія, однако, не привели къ какому-нибудь окончательному выводу, и вопросъ остался открытымъ *).

Другое того же порядка обвиненіе маслодѣлія состоитъ въ томъ, что будто бы тамъ, гдѣ работаютъ заводы, часто телята рождаются голыми, въ чемъ крестьяне склонны видѣть проявленіе гнѣва Божьяго. По мнѣнію спеціалистовъ, болѣе частые случаи преждевременнаго рожденія телятъ, когда они еще не покрыты шерстью, объясняется увеличеніемъ скотоводства, что вызываетъ большую тѣсноту выгоновъ, вслѣдствіе чего чаще возможны ушибы и другія поврежденія, вызывающіе у коровъ выкидыши **).

Оба эти вопроса узко-спеціальные, и я ихъ касаться не буду, ограничившись лишь простымъ указаніемъ, что въ основѣ и этихъ жалобъ крестьянъ лежатъ фактическія данныя, не отрицаемыя людьми болѣе развитыми и образованными, чѣмъ алтайскіе крестьяне.

Резюмируемъ сказанное.

Будучи совершенно новымъ дѣломъ въ Сибири, примѣняя какія-то необычныя орудія—машины, практикуя своеобразные пріемы переработки молока, выбрасывая, наконецъ, въ мѣстное обращеніе сравнительно огромныя суммы денегъ, что для деревни также было новостью, машинное маслодѣліе не могло не внести рѣзкихъ измѣненій не только въ примитивные пріемы молочнаго хозяйства сибирскаго крестьянина, но и въ гораздо болѣе широкую область—въ его семейную и общественную обстановку. И чѣмъ глуше мѣстность, примитивнѣе пріемы хозяйства, патріархальнѣе семейныя и общественныя отношенія деревни, тѣмъ эти измѣненія должны быть рѣзче, грубѣе, больнѣе, если можно такъ выразиться.

Вотъ та почва, на которой выросли молочные бунты, которая ихъ вспоила и вскормила. Машинное маслодѣліе, съ перваго дня

---

*) «Рус. Вѣд.» за 1901 г. № 313 отъ 19 ноября, ст. г. А. Мур—цева: «Сибирскіе молокане».

**) Тамъ же. Количество скота въ Курганскомъ уѣздѣ возростаетъ, какъ установлено переписями, и это нужно приписать вліянію маслодѣлія, вызвавшаго усиленный спросъ на молочный скотъ.

появленія въ сибирской деревнѣ, создавало себѣ среди ея жителей враговъ, число которыхъ со временемъ росло и множилось, потому что съ перваго же дня оно начало расшатывать дорогіе для многихъ „устои“ деревенской жизни, до сихъ поръ почти не поддавшіеся внѣшнимъ воздѣйствіямъ. И чѣмъ болѣе распространялось маслодѣліе вширь и вглубь, тѣмъ разрушительнѣе становилась эта роль его.

Событія прошедшаго лѣта на Алтаѣ — это лишь крайнее выраженіе реакціи, которую маслодѣліе неизбѣжно вызывало въ деревенской средѣ съ первыхъ же шаговъ своихъ. Нужны были лишь благопріятныя внѣшнія условія, чтобы уже широко разлитое въ извѣстныхъ группахъ деревенской массы недовольство маслодѣліемъ приняло болѣе острый характеръ, сказалось въ болѣе тяжелыхъ формахъ, чѣмъ оно выражалось ранѣе.

Такимъ именно благопріятнымъ внѣшнимъ условіемъ явилась грозившая краю голодовка вслѣдствіе бездождія. Напуганное неурожаемъ предыдущаго года населеніе алтайской деревни со страхомъ ждало новаго, въ зависимости отъ того, будетъ дождь или нѣтъ, всѣ помыслы его ушли въ эту сторону. Тревожное настроеніе деревни съ каждымъ днемъ все повышалось, нервное напряженіе достигло крайней степени, надежды то ярко вспыхивали при появленіи на горизонтѣ дождевыхъ тучъ, то разомъ падали, уступая полному отчаянію, когда тучи, не разрѣшившись дождемъ, разсѣивались. Жизнь деревни становилась удручающе тяжелой, и разгромы маслодѣленъ лишь дополняли общую картину, являясь въ ней послѣднимъ штрихомъ. Нерѣдко можно было слышать на Алтаѣ, что единственная причина прошлогоднихъ молочныхъ бунтовъ—народное невѣжество. Съ тѣмъ же взглядомъ можно было встрѣтиться и на страницахъ мѣстныхъ газетъ, въ которыхъ отмѣчались факты, происходившіе по алтайскимъ деревнямъ.

Какъ ни велико невѣжество нашей деревни, какъ ни огромно его вліяніе на народную и даже общественную жизнь не только Сибири, но и Россіи вообще, тѣмъ не менѣе я затруднился бы въ данномъ случаѣ все объяснить однимъ деревенскимъ невѣжествомъ, одной лишь деревенской „темнотой“. Что роль невѣжества и темноты въ событіяхъ вродѣ тѣхъ, ареною которыхъ была въ прошломъ году алтайская деревня, велика—это внѣ сомнѣній. Но также внѣ сомнѣній для меня и то, что она узко опредѣленна и одностороння, и къ ней одной не могутъ быть сведены всѣ являнія въ разсматриваемомъ вопросѣ. Невѣжество придаетъ этимъ явленіемъ уродливую, часто до чудовищности, форму, специфическую окраску, но не опредѣляетъ цѣликомъ ихъ внутренняго содержанія; вызывающія ихъ причины вытекаютъ изъ совершенно иныхъ источниковъ.

Легенды о томъ, какъ маслодѣлы отводятъ тучи, что въ каж-

дой маслобойкѣ для охлажденія масла находится змѣя, что внутри сепаратора можно найти сатанинскую кровь, и пр., и пр., что было придумано напуганной деревней,—вотъ область, гдѣ во всей силѣ дало почувствовать себя народное невѣжество.

Невѣжество только придало движенію противъ маслодѣлія свой характерный букетъ, какъ придало его и другое народное бѣдствіе—неурожай, предшествуемый засухой и бездождіемъ, но не ими было вызвано то широко разлившееся въ нѣкоторыхъ деревенскихъ слояхъ недовольство, которое только и могло въ данномъ случаѣ всколыхнуть до того спокойныя деревенскія массы.

Его вызвало и создало столкновеніе примитивныхъ формъ хозяйства и общихъ условій жизни сибирской деревни съ ворвавшимся въ нее въ видѣ маслодѣлія капитализмомъ, порожденнымъ гдѣ-то тамъ, на сторонѣ, до сихъ поръ чуждыми этой деревнѣ условіями и потому для нея мало понятными. Только здѣсь, въ этомъ столкновеніи, внезапномъ, грубомъ, и нужно искать основныхъ причинъ движенія.

С. Швецовъ.

Централизація доходовъ, ея формы, цѣли и послѣдствія.

Ни одинъ русскій министръ финансовъ, даже Канкринъ, не сдѣлалъ въ 9 лѣтъ такъ много для усиленія государственной власти, какъ С. Ю. Витте.

Кн. Мещерскій.

Если въ биржевой игрѣ одни выигрываютъ, то не можетъ быть, чтобы никто не проигрывалъ.

С. Ю. Витте.

Передъ нами десять государственныхъ росписей и десять всеподданнѣйшихъ докладовъ о нихъ министра финансовъ С. Ю. Витте. Каждая роспись и каждый докладъ при своемъ появленіи неизмѣнно привлекали къ себѣ общее вниманіе и служили предметомъ болѣе или менѣе исчерпывающаго обсужденія на страницахъ и столбцахъ современной печати. „Русское Богатство“, съ своей стороны, также удѣляло имъ должную долю вниманія. Не лишнимъ, однако, представляется въ настоящее время вновь пересмотрѣть эти документы первостепенной государственной важности. Въ своей совокупности они даютъ нѣчто большее, чѣмъ

давали и могли давать отдѣльные доклады и росписи. Собранные вмѣстѣ, они вскрываютъ передъ нами не только состояніе государственнаго хозяйства въ тотъ или иной опредѣленный моментъ, но и систему веденія его за сравнительно длинный періодъ времени; они знакомятъ со взглядами теперешняго руководителя финансовъ не только на отдѣльные вопросы народно-хозяйственной жизни, но и на общія задачи экономической политики. Избѣгая подробностей и устраняя случайные и преходящіе вопросы, съ которыми приходилось считаться финансовому вѣдомству, я попробую, хотя бы въ самыхъ общихъ и даже грубыхъ чертахъ, набросать ту программу, которая вотъ уже десять лѣтъ правитъ экономическою жизнью Россіи.

I.

За 10 лѣтъ управленія С. Ю. Витте министерствомъ финансовъ въ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ было внесено около 15 милліардовъ руб., т. е. въ среднемъ ежегодно вносилось до $1^1/_2$ милліардовъ *). По росписи на 1892 г.,— послѣдней изъ составленныхъ предшественникомъ г. Витте,—государственный бюджетъ Россіи равнялся 965 милліонамъ рублей, а по росписи на текущій годъ онъ равенъ 1.947 милліонамъ, т. е. за 10 лѣтъ онъ увеличился болѣе, чѣмъ въ два раза, а по абсолютной цифрѣ почти на 1 милліардъ (982 мил.). Въ настоящее время государственный бюджетъ Россіи въ полтора и болѣе раза превосходитъ государственные бюджеты даже такихъ богатыхъ странъ, какъ Англія, Франція, Германія, и является первымъ въ мірѣ по своимъ размѣрамъ. Что касается быстроты, съ какою онъ возрасталъ за послѣднее десятилѣтіе, то она, несомнѣнно, должна быть признана безпримѣрною въ исторіи.

Громадные размѣры государственнаго бюджета и, главное, неимовѣрная быстрота его возрастанія, представляются наиболѣе яркими, бросающимися въ глаза особенностями дѣйствующей у насъ финансово-экономической системы и на нихъ не лишне будетъ остановиться.

Извѣстно, что обыкновенные смертные о милліонахъ и, тѣмъ болѣе, о милліардахъ имѣютъ очень смутное представленіе. Нѣкоторые полинезійскіе дикари, по разсказамъ путешественниковъ, умѣютъ считать лишь до трехъ, за каковымъ предѣломъ ихъ представленія о количествѣ становятся совершенно неясными и

*) Дѣйствительные приходо-расходы государства за то же десятилѣтіе, какъ увидимъ ниже, должны оказаться значительно больше, но точная цифра ихъ пока неизвѣстна, такъ такъ десятилѣтіе еще не закончилось и отчеты государственнаго контроля за послѣдніе годы появятся еще не скоро.

могутъ быть выражены лишь словомъ „много“, охватывающимъ и пять, и сто, и тысячу. Для древнихъ грековъ такимъ же предѣломъ являлась „миріада“, и на ихъ языкѣ съ равнымъ правомъ обозначались этимъ словомъ и десять тысячъ, и безчисленное множество. По части счисленія мы ушли несравненно дальше не только полинезійцевъ, но и грековъ. Пользуясь математическими пріемами, мы въ состояніи теперь сосчитать какое угодно число и выразить въ числовыхъ знакахъ какую угодно—большую или малую—величину. Но это не значитъ, конечно, что и наши представленія о количествѣ сдѣлались столь же совершенными. За извѣстными предѣлами (неодинаковыми, конечно, для разныхъ лицъ) наши представленія о числахъ утрачиваютъ свою ясность, и если мы еще мыслимъ ихъ раздѣльно, то скорѣе въ видѣ цифровыхъ знаковъ, которыми они выражаются, чѣмъ въ формѣ реальныхъ величинъ, которымъ они соотвѣтствуютъ. Несомнѣнно, что милліоны и милліарды для громаднаго большинства изъ насъ находятся за такими предѣлами. Поэтому, чтобы уяснить себѣ размѣры и значеніе вышеприведенныхъ цифръ, мы должны пріискать для нихъ какое-либо иное выраженіе, болѣе доступное для нашихъ представленій. Среди многихъ возможныхъ для этого пріемовъ попытаемся найти такой, который далъ бы намъ по возможности одинаковое представленіе о значеніи и размѣрахъ нашего государственнаго бюджета, независимо отъ тѣхъ суммъ, съ какими каждому изъ насъ приходится имѣть дѣло въ своемъ частномъ хозяйствѣ.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1897 годъ вычислено, что все годичное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ Россіи по цѣнности не превышаетъ полутора милліардовъ рублей, а ежегодное производство горной, заводской и фабричной промышленности превосходитъ два милліарда. Ниже мы увидимъ, насколько преувеличенной должна считаться послѣдняя цифра. Само министерство во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1900 г., передъ опубликованіемъ данныхъ фабрично-заводской статистики за 1897 г., сочло за лучшее цифру въ два милліарда слишкомъ уменьшить до 1,816 мил. Дѣйствительная стоимость горной и заводско-фабричной промышленности, даже при нынѣшнихъ расцѣнкахъ сельскохозяйственныхъ и фабричныхъ продуктовъ, должна быть значительно уменьшена и противъ этой исчисленной министерствомъ цифры. Во всякомъ случаѣ, общая цѣнность произведенныхъ въ Россіи продуктовъ всѣхъ названныхъ отраслей народнаго труда даже по несомнѣнно преувеличеннымъ разсчетамъ не превосходитъ $3^1/_3$ милліардовъ.

Государственный бюджетъ Россіи, какъ мы видѣли, достигъ уже двухъ милліардовъ. Сравнивая эту цифру съ предыдущей мы можемъ получить наглядное представленіе о томъ, какая крупная доля всѣхъ производимыхъ въ странѣ цѣнностей,—въ

той или иной стадіи своего обращенія проходятъ через государственную роспись. Само собой понятно, что дѣлается это не для статистики и не для бухгалтерской отчетности. Обыватель вноситъ деньги въ государственное казначейство не затѣмъ только, чтобы онѣ тамъ были оприходованы и затѣмъ, согласно съ его видами и указаніями, списаны въ расходъ. Внеся деньги, обыватель теряетъ право распоряженія ими не только какъ личною, но и какъ общею съ другими собственностью. Становясь на дорогѣ между производствомъ и потребленіемъ, государство получаетъ право распоряженія громадною въ данномъ случаѣ суммою и долею цѣнностей...

Совершенно правъ поэтому князь Мещерскій, когда онъ говоритъ, что для усиленія государственной *власти* ни одинъ русскій министръ финансовъ не сдѣлалъ такъ много, какъ С. Ю. Витте своею „системою хозяйства, основанною на идеѣ сосредоточенія всѣхъ рессурсовъ страны въ однѣхъ рукахъ". „Личность С. Ю. Витте, благодаря этому, получаетъ даже для издателя „Гражданина" особенный, суевѣрный, такъ сказать, интересъ" *).

Для насъ суевѣрія кн. Мещерскаго, конечно, не обязательны и потому, не ограничиваясь констатированіемъ факта, мы пойдемъ нѣсколько дальше и посмотримъ, какими средствами осуществляется „идея сосредоточенія всѣхъ рессурсовъ страны въ однѣхъ рукахъ", какія цѣли при этомъ преслѣдуются и какими, наконецъ, послѣдствіями эта система хозяйства сказывается на экономической жизни Россіи.

II.

С. Ю. Витте вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ въ 1892 г., т. е. непосредственно послѣ тяжкаго испытанія, потрясшаго народно-хозяйственный организмъ Россіи и воочію показавшаго крайнюю неустойчивость экономическаго положенія многомилліонныхъ массъ крестьянства. Ко времени составленія росписи на 1893 годъ выяснилось, однако, что собственно финансовое благополучіе неурожаями 1891 и 1892 годовъ затронуто было очень слабо: государственные доходы за 1892 годъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ категорій ихъ, поступали очень исправно и, въ концѣ концовъ, превысили смѣтныя предположенія на 84 милліона руб. Не смотря на это, новый министръ финансовъ, взявъ обратно уже внесенный его предшественникомъ въ государственный совѣтъ законопроектъ о подоходномъ обложеніи, какъ несовершенный, экстренно провелъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ дальнѣйшему увеличенію косвенныхъ налоговъ. Въ

*) «Гражданинъ», 1901 г., № 54.

ноябрѣ и декабрѣ 1892 года состоялись, между прочимъ, распоряженія объ увеличеніи акциза на спиртъ, вино, пиво, табакъ, освѣтительныя масла и спички. Съ ноября того же года былъ введенъ предрѣшенный уже дополнительный акцизъ и съ рафинада. Эти мѣры, на ряду съ нѣкоторыми другими, состоявшимися еще при покойномъ Вышнеградскомъ, должны были по расчетамъ министерства дать увеличеніе обыкновенныхъ доходовъ на $24^1/_2$ милліона рублей (въ дѣйствительности много больше). Результаты исполненія росписи за 1893 годъ показали, что это возвышеніе налоговъ не вызывалось необходимостью и было въ сущности излишне. Обыкновенныхъ доходовъ за этотъ годъ поступило болѣе предположеннаго по смѣтѣ опять на 84 милл., т. е. и безъ повышенія налоговъ всѣ внесенные въ роспись расходы могли бы быть выполнены не только безъ затрудненій, но и съ значительнымъ остаткомъ. Предвидѣть это было не трудно, тѣмъ не менѣе, не смотря на тяжелое положеніе населенія послѣ двухъ неурожайныхъ лѣтъ, косвенные налоги были всетаки повышены и въ такомъ видѣ, не смотря на „блестящее" выполненіе всѣхъ послѣдующихъ росписей, оставались до новаго своего повышенія.

Я съ нѣкоторою подробностью останавливаюсь на этихъ первыхъ шагахъ молодого въ то время министерства, такъ какъ они являются крайне характерными для всей дальнѣйшей его дѣятельности по части сосредоточенія народныхъ рессурсовъ въ однѣхъ рукахъ. Эти рессурсы неизмѣнно продолжали собираться въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ требовалось для выполненія текущихъ государственныхъ расходовъ, каковы бы послѣдніе ни были. Достигалось это особою „осторожностью" и „осмотрительностью" при составленіи доходныхъ смѣтъ, благодаря чему при ихъ выполненіи изъ года въ годъ неизмѣнно оказывались крупные излишки въ доходахъ. Въ теченіе восьми лѣтъ (1893—1900), за которые имѣются отчеты государственнаго контроля, обыкновенные доходы превысили смѣтныя предположенія болѣе, чѣмъ на милліардъ рублей, или почти ровно на 10%. За отдѣльные же годы смѣты расходились съ ихъ выполненіемъ на 200 и болѣе милліоновъ руб.

Для чего нужны были такіе громадные излишки и, главное, такой именно способъ ихъ полученія—достаточно удовлетворительнаго объясненія во всеподданнѣйшихъ докладахъ мы не находимъ. Правда, уже въ докладѣ о росписи на 1893 г. мы встрѣчаемъ мнѣніе, согласно которому „финансовое хозяйство Россіи должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы поступленіе государственныхъ доходовъ было всегда нѣсколько впереди итога обыкновенно изъ года въ годъ повторяющихся расходовъ на предвидимыя государственныя потребности, и если, для достиженія такого положенія, требовалось бы нѣкоторое напряженіе пла-

тежныхъ силъ, то по отношенію къ плательщикамъ это имѣло бы значеніе, сходственное съ приплатой страховой преміи на случай непредвидимыхъ бѣдствій". Эта мысль о необходимости „сбереженій на черный день" неоднократно повторялась и послѣ. Особенно же много этому предмету удѣлено вниманія во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1901 годъ, гдѣ, кромѣ ссылки на возможность внутреннихъ невзгодъ, указывается, — очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій на Дальнемъ Востокѣ,—что „отсутствіе запаса средствъ могло бы сдѣлаться причиной и политическаго ущерба для государства". Но если и признать необходимость составленія запасного капитала на случай какихъ-либо внутреннихъ несчастій и внѣшнихъ осложненій, то, казалось бы, такія сбереженія должны были собираться строго опредѣленными долями, всегда сообразованными съ состояніемъ страны и съ платежными силами населенія, и, стало быть, проводиться черезъ росписи, а не получаться въ видѣ напередъ неопредѣляемыхъ и какъ бы случайно появляющихся излишковъ. При томъ фактическое назначеніе изъ года въ годъ собиравшихся запасовъ далеко не совпадало съ только что изложенными теоретическими соображеніями. Сбереженія должны были бы копиться „на черный день", въ дѣйствительности же они расходовались. За 8 лѣтъ, какъ мы видѣли, въ видѣ излишковъ получено было больше милліарда, изъ каковой суммы, не смотря на неоднократныя подкрѣпленія ея значительными средствами, получавшимися путемъ займовъ, къ 1 января 1901 г., по отчету государственнаго контроля, осталось всего 105 милліоновъ руб. Правда, въ теченіе указанныхъ лѣтъ Россія должна была посчитаться и съ внутренними, и съ внѣшними невзгодами. Она пережила цѣлый рядъ недородовъ, потребовавшихъ продовольственной помощи населенію, и китайскую войну. Но на тотъ и другой предметъ за всѣ годы изъ указанной суммы израсходовано всего лишь 141 милл. руб., т. е. меньше, чѣмъ получено излишковъ въ доходахъ за одинъ, напримѣръ, 1898 или 1899 годъ (222 и 205 милліоновъ).

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1901 г. мы находимъ и другое соображеніе, долженствующее оправдать интересующіе насъ излишки. Возражая противъ взгляда, что „тягости производительныхъ расходовъ, плодами которыхъ пользуются будущія поколѣнія, правильнѣе возлагать, путемъ займа, на эти будущія поколѣнія", г. министръ финансовъ указываетъ, что „подобный образъ дѣйствій былъ бы неблагоразуменъ для Россіи, обремененной крупнымъ долгомъ, немалая доля котораго размѣщена за границей, при чемъ значительная часть займовъ заключена въ прежнее время не для производительныхъ цѣлей, а для покрытія расходовъ военнаго времени, оставившихъ послѣдующимъ поколѣніямъ тяжелое наслѣдіе уплаты по обязательствамъ. Увеличеніе задолженности, безъ серьезной къ тому необходимости, поставило бы

наше государственное хозяйство на опасный путь". По сему, „чтобы избѣгнуть вынужденнаго пользованія государственнымъ кредитомъ, особенно при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ... нуженъ—какъ онъ полагаетъ,—нѣкоторый запасъ средствъ, такъ какъ чрезвычайныя издержки, по самому существу своему, нерѣдко возникаютъ неожиданно". Въ этой мотивировкѣ необходимости накопленія запасовъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно кроется недоразумѣніе.

Мысль о томъ, что чрезвычайные, даже производительные расходы должно производить за счетъ текущихъ доходовъ, а не покрывать путемъ займовъ, неоднократно излагалась и въ болѣе раннихъ докладахъ С. Ю. Витте, но тамъ ею мотивировалось не накопленіе запасовъ, а превышеніе по росписи обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами. Съ этою мыслью можно, конечно, соглашаться и не соглашаться. Во всякомъ случаѣ, если даже и считать ее справедливою, не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что военные расходы прежняго времени оставили „тяжелое наслѣдіе уплаты по обязательствамъ" не только будущимъ поколѣніямъ, но и нынѣшнимъ. А потому, производя за счетъ послѣднихъ расходы для потомковъ, надлежитъ, казалось бы, особенно внимательно считаться съ посильностью этихъ расходовъ, а не производить ихъ внѣ всякой связи съ тѣмъ, какой моментъ—тяжелый или благопріятный—переживаетъ въ данное время страна. Кромѣ того, чтобы производить чрезвычайные расходы за счетъ обыкновенныхъ доходовъ, нѣтъ надобности извлекать необходимые для этого рессурсы изъ народнаго обращенія годомъ или нѣсколькими годами раньше, чѣмъ они могутъ понадобиться. Для этого достаточны излишки въ обыкновенныхъ доходахъ по той росписи, по которой назначены чрезвычайные расходы, и вовсе не требуется предварительнаго извлеченія такихъ излишковъ. Что касается „неожиданности" чрезвычайныхъ расходовъ, то мы еще понимаемъ таковую по отношенію къ издержкамъ, обусловленнымъ тѣми или другими несчастіями, но едва ли такимъ характеромъ могутъ отличаться „производительные расходы, плодами которыхъ воспользуются будущія поколѣнія". Такіе расходы не могутъ считаться безусловно неотложными и потому во всякомъ случаѣ, казалось бы, подлежатъ нормировкѣ. Главное же, если даже и признать желательнымъ при всякихъ обстоятельствахъ накопленіе запасовъ въ интересахъ будущихъ поколѣній, то этимъ всетаки не оправдывается установившійся у насъ порядокъ полученія необходимыхъ для этого суммъ, а именно не посредствомъ внесенія ихъ опредѣленными долями въ росписи, а путемъ искусственно создаваемыхъ излишковъ при выполненіи послѣднихъ.

Очевидно, помимо соображеній, съ которыми мы встрѣчаемся въ докладахъ, имѣются еще какія-то обстоятельства, заставляющія

наше финансовое вѣдомство слѣдовать системѣ какъ бы случайныхъ излишковъ, а не возможно точныхъ смѣтъ. Чтобы уяснить себѣ эти обстоятельства, мы должны обратиться къ тому фактическому матеріалу, который накопился за истекшіе годы относительно дѣйствительнаго назначенія упомянутыхъ излишковъ...

Суммы, получавшіяся отъ превышенія дѣйствительныхъ доходовъ надъ смѣтными предположеніями и достигшія за 8 лѣтъ, какъ мы видѣли, круглой цифры въ милліардъ рублей, съ присоединеніемъ къ нимъ суммы въ нѣсколько сотъ милліоновъ, вырученной отъ реализаціи нѣсколькихъ займовъ или остатковъ отъ нихъ, фигурировали затѣмъ въ докладахъ и отчетахъ подъ именемъ „свободной наличности“ государственнаго казначейства.

Необходимо имѣть въ виду, что свободная наличность не увеличивалась съ годами, а неуклонно почти, начиная съ 1895 г., уменьшалась. Такъ по отчетамъ государственнаго контроля суммы свободной наличности были равны:

на 1 января	1894 г.		259,9	мил.	руб.
» »	1895 »		333,4	»	»
» »	1896 »		273,9	»	»
» »	1897 »		246,5	»	»
» »	1898 »		214,7	»	»
» »	1899 »		134,9	»	»
» »	1900 »		259,3	»	»
» »	1901 »		104,9	»	»

Увеличеніе свободной наличности къ 1900 г. объясняется исключительно крупнымъ займомъ (въ 176 милл.), которымъ она была подкрѣплена въ 1899 г. Такія подкрѣпленія производились и раньше (въ 1895 г., напримѣръ, почти на 150 мил.). Въ 1901 г. свободная наличность вновь усилена такимъ же путемъ болѣе, чѣмъ на 150 милліоновъ. Такимъ образомъ чрезвычайные расходы въ значительной ихъ части, вопреки всѣмъ теоретическимъ соображеніямъ, мы въ дѣйствительности производимъ за счетъ будущихъ поколѣній.

На что же и въ какомъ порядкѣ расходовались суммы „свободной наличности“?.. Въ распоряженіи финансоваго вѣдомства онѣ служили для двухъ цѣлей: для сбалансированія смѣтъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ и для производства таковыхъ внѣ разсматриваемыхъ государственнымъ совѣтомъ росписей. Едва-ли нужно говорить, насколько наличность свободныхъ остатковъ, полученныхъ отъ блестящаго выполненія смѣтъ и благовременно заключаемыхъ займовъ, облегчала для министерства возможность чрезвычайныхъ расходовъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно считало ихъ въ данный моментъ необходимыми. Рѣшаться на эти расходы было тѣмъ легче, что свободные остатки получались какъ бы сами собою, безъ усилій и служили лишь показа-

телемъ въ высшей степени благопріятнаго финансоваго и экономическаго положенія страны.

Еще большее значеніе свободная наличность имѣла для тѣхъ расходовъ, которые финансовое вѣдомство производило внѣ смѣтъ. Высочайше утвержденнымъ 20 апрѣля 1882 года мнѣніемъ государственнаго совѣта было положено: „объявить къ неуклонному руководству Высочайшую волю Его Императорскаго Величества, чтобы всѣ вѣдомства (не исключая военнаго) въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ о расходахъ соображались съ открытыми имъ по смѣтѣ кредитами и не представляли на утвержденіе Государя Императора мѣропріятій, требующихъ новыхъ расходовъ, не испросивъ прежде, установленнымъ порядкомъ, нужнаго кредита“. Неоднократно ссылаясь на это распоряженіе и на еще болѣе категорическія резолюціи покойнаго государя, г. министръ финансовъ въ своихъ докладахъ съ особою настойчивостью подчеркиваетъ, что правильное веденіе государственнаго хозяйства сдѣлалось возможнымъ лишь послѣ того, какъ сверхсмѣтные расходы были почти вовсе искоренены изъ практики вѣдомствъ. Этому непремѣнному условію раціональнаго веденія хозяйства не придавалось, однако, значенія при расходованіи суммъ свободной наличности, остававшихся въ распоряженіи финансоваго вѣдомства. Изъ нея въ теченіе всего времени производились крупныя непредусмотрѣнныя смѣтами затраты, достигавшія за нѣкоторые годы 200—300 милліоновъ рублей. Въ качествѣ примѣра укажу, что расходы по возстановленію золотого обращенія въ странѣ, потребовавшіе въ общемъ многихъ сотенъ милліоновъ рублей, произведены цѣликомъ внѣ смѣтныхъ кредитовъ и не оставили по себѣ никакого слѣда въ государственныхъ росписяхъ. Денежная реформа, какъ извѣстно, произведена была путемъ отдѣльныхъ распоряженій, далеко не всегда проходившихъ чрезъ разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Безъ свободной наличности, изъ которой можно было черпать необходимые рессурсы, конечно, вовсе не возможно было бы осуществить ее такимъ порядкомъ. Благодаря свободной наличности, на ряду съ обычнымъ государственнымъ бюджетомъ успѣлъ вырости и упрочиться другой, внѣсмѣтный, такъ сказать, бюджетъ въ распоряженіи которымъ министерство ничѣмъ почти не связано.

III.

Не менѣе характернымъ для нынѣшняго министерства финансовъ представляется и то рѣшительное предпочтеніе, какое съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности оно отдало косвеннымъ налогамъ передъ прямыми. Уронъ, нанесенный государственному хозяйству голодными годами, С. Ю. Витте пожелалъ

восполнить, какъ мы видѣли, не подоходнымъ налогомъ, къ которому склонился уже его предшественникъ, а усиленнымъ обложеніемъ массового потребленія. Въ 1900 г. косвенные налоги были вновь значительно повышены, а именно акцизъ со спирта на 10%, съ пива на $33^1/_3$%, съ водочныхъ издѣлій и табака на 15—100%, таможенныя пошлины для очень многихъ товаровъ на 10—50%. Повышеніе 1900 г. мотивировалось событіями на Дальнемъ Востокѣ, потребовавшими усиленныхъ расходовъ, хотя рессурсы для нихъ, казалось бы, должны были быть накоплены заблаговременно собиравшейся съ населенія „страховой преміей“ на случай внутреннихъ или внѣшнихъ невзгодъ. Экстренно введенная надбавка осталась и послѣ того, какъ война была приведена къ благополучному концу *). Вообще, при нынѣшнемъ министрѣ финансовъ пониженія косвенныхъ налоговъ, можно сказать, не было.

Въ иномъ положеніи оказались прямые налоги. Взятый обратно для исправленія законопроектъ о подоходномъ налогѣ уже не всплывалъ на поверхность. Правда, съ 1894 г. былъ введенъ новый прямой налогъ, а именно квартирный. Но проектъ этого налога былъ выработанъ еще въ 1892 г. и хотя былъ утвержденъ при новомъ министрѣ, однако, интересовалъ его „не столько по суммѣ ожидаемаго отъ него дохода, сколько въ качествѣ перваго опыта обложенія, соразмѣреннаго, въ предѣлахъ возможности, съ совокупностью средствъ плательщиковъ“. Этотъ опытъ такъ и остался единственнымъ въ своемъ родѣ. Что касается значенія новаго налога въ государственномъ бюджетѣ, то оно совершенно ничтожно. Неоднократно уже поднимался вопросъ о передачѣ этого налога городскимъ управленіямъ, въ бюджетѣ которыхъ доставляемые имъ 3—4 милліона могли бы сыграть, конечно, несравненно большую роль, чѣмъ въ двухмилліардномъ бюджетѣ государства. Въ сторону повышенія при новомъ министрѣ финансовъ былъ реформированъ еще промысловый налогъ, но повышеніе это было въ общемъ незначительно и далеко не соотвѣтствовало тому значенію, какое пріобрѣли промыслы и торговля въ экономической жизни. Не смотря на широкое развитіе горной, фабрично-заводской, транспортной и торговой дѣятельности, относительное количество рессурсовъ, доставляемыхъ ею въ казну не только попрежнему остается ничтожнымъ, но и обнаруживаетъ наклонность къ пониженію.

*) Расходы и убытки, понесенные Россіею вслѣдствіе смутъ въ Китаѣ, имѣютъ быть покрыты наложенною на Китай контрибуціей. Въ настоящее время для реализаціи этой контрибуціи выпущенъ особый 4% заемъ. Суммы этого займа получили, однако, спеціальное назначеніе, не имѣющее связи съ китайскими смутами: помимо возмѣщенія убытковъ частныхъ лицъ и учрежденій, причиненныхъ этими смутами, онѣ имѣютъ быть обращены *на выдачу ссудъ желѣзнодорожнымъ обществамъ.*

Въ 1893 г. сборы съ торговли и промысловъ составляли 3,9% всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ, а въ 1902 г.—3,7%, при чемъ къ послѣднему году нѣкоторыя категоріи торгово-промышленныхъ предпріятій были освобождены отъ другихъ, лежавшихъ на нихъ, налоговъ (напр., въ 1901 году отъ горной подати почти на 3 мил. руб.).

Воздерживаясь отъ повышенія прямого обложенія, министерство финансовъ въ 1894—1896 гг. предприняло рядъ мѣръ для облегченія плательщиковъ прямыхъ налоговъ и „пошлинъ" *). Наибольшее значеніе для массы населенія имѣла, конечно, состоявшаяся въ это время отмѣна паспортнаго сбора. Кромѣ того, законами 7 февраля 1894 г. и 13 мая 1896 г. была сдѣлана попытка облегчить выкупные платежи для крестьянскаго населенія путемъ отсрочки недоимокъ и разсрочки непогашаемой части выкупного долга. Болѣе рѣшительны были мѣры, имѣвшія въ виду не только крестьянское населеніе, но и другія сословія. Такъ съ 1 декабря 1894 г. сборъ съ пассажировъ I и II классовъ былъ уменьшенъ съ 25 до 15%; 10 апрѣля 1895 г. были освобождены отъ пошлины безмездные переходы земельной собственности къ ближайшимъ родственникамъ, каковая мѣра принесла частнымъ владѣльцамъ ежегодное облегченіе въ 3 мил. руб.; 15 мая того же года казенная пошлина съ застрахованныхъ имуществъ понижена на 50% (2 мил. руб.); по всемилостивѣйшему манифесту 14 мая 1896 г. государственный поземельный сборъ уменьшенъ тоже на 50% (7½ мил. руб.); въ эти же годы понижена была пробирная пошлина и пошлина на привилегіи, а также отмѣненъ сборъ съ грузовъ, отправляемыхъ по воднымъ путямъ. Въ общемъ облегченія по прямымъ налогамъ не достигли, однако, и 20 мил. руб., доставшись, какъ видно изъ приведеннаго перечня, на долю, главнымъ образомъ, имущихъ классовъ. Какъ бы то ни было, сравнительное значеніе указанныхъ источниковъ государств. дохода въ ряду другихъ за послѣднее десятилѣтіе замѣтно уменьшилось. По смѣтѣ 1893 г. прямые налоги (съ выкупными платежами) и пошлины составляли 24% обыкновенныхъ доходовъ, а по смѣтѣ 1902 г. они должны дать всего лишь 17% (безъ пошлинъ 18 и 12%).

Доводы, въ силу которыхъ министерство финансовъ предпочитаетъ косвенное обложеніе прямому, многократно излагались и повторялись во всеподданнѣйшихъ докладахъ. Просматривая ихъ, мы видимъ, что косвенные налоги считаются предпочтительнѣе прямыхъ, во первыхъ, потому что они справедливѣе, во вто-

---

*) Пошлины (гербовыя, судебныя, съ переходящихъ имуществъ и т. д.) по своему характеру приближаются къ косвеннымъ налогамъ, но по отношенію къ нимъ министерства финансовъ ихъ приходится сближать съ прямыми. Ниже мы укажемъ, чѣмъ объясняется такое именно, а не иное отношеніе къ нимъ финансоваго вѣдомства.

рыхъ, потому что они болѣе упруги и, въ третьихъ, потому что взимать ихъ легче. Не лишне будетъ нѣсколько остановиться на этихъ доводахъ, чтобы уяснить себѣ ихъ сравнительное значеніе.

„По самой природѣ косвеннаго обложенія,—читаемъ мы въ первомъ-же докладѣ С. Ю. Витте,—оно въ каждый данный моментъ обильнѣе оплачивается тою частью населенія, которая обладаетъ наибольшею покупною способностью, а слѣдовательно, и вообще распредѣляется между плательщиками въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами“. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія, что налогъ тѣмъ справедливѣе, чѣмъ лучше его тяжесть соразмѣрена съ экономическимъ достаткомъ каждаго отдѣльнаго плательщика или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ группъ населенія. Но, чтобы увѣриться въ этомъ, необходимо прежде всего знать, кто является дѣйствительнымъ плательщикомъ даннаго налога, на кого падаетъ его главная тяжесть. Такимъ плательщикомъ далеко не всегда можно считать лицо, вносящее въ казначейство деньги. Иначе пришлось бы признавать плательщиками косвенныхъ налоговъ тѣхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, которые ведутъ съ государствомъ разсчеты по акцизнымъ и таможеннымъ сборамъ. Многія формы налоговъ допускаютъ переложеніе ихъ на такихъ плательщиковъ и на такія группы ихъ, которые вовсе не имѣютъ непосредственныхъ отношеній къ фиску. Финансовая наука знаетъ въ сущности только одинъ не перелагаемый налогъ—это налогъ на чистый доходъ отдѣльнаго лица, т. е. налогъ подоходный. Особенно же легко перелагаются косвенные налоги и судить поэтому, кто является ихъ дѣйствительнымъ плательщикомъ, въ высшей степени трудно, если не совсѣмъ невозможно. Не зная плательщиковъ, нельзя, конечно, утверждать и того, что налоги распредѣляются между ними „въ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами“. Исходя же изъ общей тенденціи, проникающей экономическія отношенія, можно утверждать какъ разъ обратное, а именно, что косвенные налоги въ конечномъ итогѣ главною своею тяжестью падаютъ на наиболѣе слабыя въ экономическомъ отношеніи группы населенія.

Но если даже оставить въ сторонѣ это наиболѣе общее возраженіе, выставляемое финансовой наукой противъ косвенныхъ налоговъ, и допустить, какъ это дѣлаетъ министерство финансовъ, что дѣйствительными плательщиками ихъ являются покупатели обложенныхъ товаровъ и что дальнѣйшаго переложенія косвенныхъ налоговъ въ средѣ населенія не происходитъ, то и въ такомъ случаѣ приходится усомниться, чтобы они распредѣлялись въ соотвѣтствіи съ платежными его силами. Правда, человѣкъ, вовсе не обладающій „покупною способностью“, платить ихъ не будетъ, но вѣдь такой субъектъ при какихъ угодно налогахъ все равно былъ бы неплательщикомъ. Среди же остальнаго населенія косвенные налоги распредѣляются пропорціонально потреб-

ленію обложенныхъ продуктовъ, а это далеко не одно и то же, что „въ соотвѣтствіи съ платежными его силами". Потребность въ облагаемыхъ казною продуктахъ не можетъ считаться пропорціональною экономическому достатку и тѣмъ болѣе платежнымъ силамъ отдѣльныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели лицо, обладающее стотысячнымъ доходомъ, потребляетъ въ 1000 разъ больше спичекъ, чѣмъ лицо съ доходомъ въ 100 руб. Неужели потребность въ алкоголѣ возрастаетъ прямо пропорціонально достатку? Въ жизни, вѣдь, можно констатировать скорѣе обратную связь.

Министерство, повидимому, и не считаетъ возможнымъ настаивать на „строгомъ" соотвѣтствіи косвеннаго обложенія съ платежными силами и довольствуется „извѣстнымъ", т. е. условнымъ соотвѣтствіемъ, а, стало быть, и условною справедливостью. Оно увѣрено, однако, что эта условная справедливость никогда не переходитъ въ явную несправедливость. Наши косвенные налоги, какъ полагаетъ оно, „по самой сущности своей, не могутъ носить принудительнаго характера, будучи взимаемы у насъ съ предметовъ не безусловно необходимаго потребленія." Но кто же, однако, опредѣляетъ, какіе предметы потребленія слѣдуетъ относить къ безусловно и какіе къ не безусловно необходимымъ? Моя бабушка помнитъ время, когда спички дѣйствительно были предметомъ роскоши, когда у каждаго мужика въ карманѣ были трутъ, кремень и огниво, когда бабы знали секретъ, какъ сохранять въ печкѣ тлѣющій уголекъ до слѣдующаго утра. Я самъ помню время, когда шведскія спички были роскошью, и мы, обыковенные смертные, могли и должны были довольствоваться сѣрниками. Но теперь... я сильно сомнѣваюсь, чтобы гдѣ-либо, за исключеніемъ развѣ глухихъ деревушекъ, затерявшихся въ Пинскихъ болотахъ, люди жили и могли прожить безъ обандероленныхъ спичекъ, безъ шведскихъ даже спичекъ. Затруднился бы я отнести къ предметамъ не безусловно необходимаго потребленія и ситецъ, въ цѣнѣ котораго таможенная пошлина составляетъ такую видную часть. Неужели мужику, у котораго нѣтъ уже полосы, засѣянной льномъ, или ткацкаго станка въ избѣ, такъ и ходить безъ рубашки. И какъ бы могли обходиться безъ этого „не безусловно необходимаго" предмета городскіе, все увеличивающіеся въ своей численности классы? Даже керосинъ, дающій финансовому вѣдомству десятки милліоновъ, приходится считать безусловно необходимымъ уже предметомъ массоваго потребленія. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать мужику, если годнаго на лучину полѣна не имѣется, умѣнье обращаться съ нею уже утрачено, а необходимаго для пользованія ею „свѣтца" и за деньги не купишь? Читатели „Русскаго Богатства" видѣли *), что даже вымирающія деревни не

*) См. статью Н. Ѳ. Анненскаго: «Нѣсколько цифръ.» Р. Б. 1902 г., № 2.

могутъ вернуться къ лучинѣ и должны пользоваться услугами керосина, хотя бы посредствомъ „коптилки“. Напомню, наконецъ, что по изслѣдованіямъ г-жи Ефименко водка въ свадебномъ обрядѣ нѣкоторыхъ мѣстностей считается не менѣе необходимою вещью, чѣмъ вѣнчаніе въ церкви.

Степень необходимости того или иного предмета потребленія опредѣляется такою сложною совокупностью, съ одной стороны, климатическихъ, экономическихъ и бытовыхъ условій, а съ другой—не только физіологическихъ, но и психическихъ потребностей, что опредѣлить ее на основаніи какихъ-либо апріорныхъ соображеній прямо немыслимо. Единственный критерій, которымъ въ этомъ случаѣ можно руководиться,—это степень распространенія тѣхъ или иныхъ предметовъ въ массѣ. Между тѣмъ косвенными налогами по преимуществу и обложены предметы массоваго потребленія,—иначе, вѣдь, эти налоги и не давали бы государственному казначейству такихъ громадныхъ рессурсовъ.

Исходя изъ предположенія, что косвенное обложеніе падаетъ на предметы не безусловно необходимаго потребленія, широкому распространенію послѣднихъ въ массѣ министерство финансовъ придаетъ не основное, а производное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно оригинальное освѣщеніе. Косвенные налоги, говоритъ оно, не должны „препятствовать достиженію крестьянскимъ населеніемъ той элементарной степени благосостоянія, отсутствіе которой столь рѣзко обнаруживается въ неурожайные годы. Если путемъ косвенныхъ налоговъ у крестьянскаго населенія и отвлекаются значительныя средства, то это происходитъ не вслѣдствіе существованія какихъ-либо препятствій для затраты ихъ на производительныя цѣли, но потому, что средства эти не предназначается населеніемъ для такихъ цѣлей.“ Къ этому упреку, какъ бы заимствованному со столбцовъ охранительной прессы, мы еще вернемся.

Болѣе вѣскими, на первый взглядъ, представляются тѣ соображенія въ пользу косвенныхъ налоговъ, которыя касаются ихъ упругости. „Уплата косвенныхъ налоговъ,—читаемъ мы въ докладѣ на 1893 г.,—производится по мѣрѣ потребленія обложенныхъ налогами продуктовъ, небольшими взносами и въ такое время, когда плательщикъ имѣетъ средства для покупки этихъ продуктовъ, а слѣдовательно, и для уплаты налоговъ“. Широкая разсрочка въ уплатѣ налога, несомнѣнно, является крайне важнымъ облегченіемъ для плательщика. Но чтобы эта льгота не превратилась въ обузу, необходимо, чтобы она не была обязательною и, главное, чтобы ее не приходилось оплачивать пенею. Между тѣмъ, косвенные налоги, хотя и предоставляютъ такую льготу плательщику, однако въ принудительной формѣ и при томъ за значительную въ сущности прибавку къ налогу.

Дѣло въ томъ, что разсрочка при этой формѣ обложенія дѣлается

не казною, которая получаетъ слѣдуемую ей сумму сполна уже при выходѣ продукта изъ завода или при проходѣ его черезъ таможню, а заводчиками и торговцами, которые вносятъ за потребителя акцизъ и таможенную пошлину. Само собою понятно, что они оказываютъ плательщику эту услугу не даромъ. Деньги, уплаченныя ими въ казну, за все время, пока онѣ будутъ находиться въ оборотѣ, т. е. пока продуктъ не дойдетъ до потребителя и тотъ не уплатитъ всей слѣдуемой съ него доли налога, должны приносить процентъ. Кромѣ этого процента, потребитель долженъ оплатить и расходы по страхованію товара,—расходы тѣмъ большіе, чѣмъ дороже стоитъ товаръ, и, стало быть, чѣмъ большая сумма съ него взыскана казною. Въ общемъ эта приплата выражается для плательщика очень большою цифрою. Ведро водки, напримѣръ, обходится заводчику въ 60 коп.+акцизъ 4 р. 40 коп., а всего 5 руб. Если предположить, что торговый процентъ въ среднемъ составляетъ не больше 20%, то потребителю то же ведро обойдется въ 6 руб. Не будь акциза, потребитель, уплативъ тѣ же 20%, отдалъ бы за ведро лишь 72 коп. Въ первомъ случаѣ разница между заводской и розничной цѣной равна 1 р., во второмъ—она была бы равна лишь 12 коп. Такимъ образомъ, за отсрочку въ уплатѣ акциза плательщикъ заплатитъ 88 коп., т.-е. въ $1^1/_2$ раза дороже, чѣмъ стоитъ сама водка. По отношенію къ суммѣ налога это составитъ 20%, тогда какъ пеня при прямыхъ налогахъ взимается въ размѣрѣ лишь 6%. Мы произвели самый скромный расчетъ. Въ дѣйствительности переплаты для мелкаго потребителя, особенно для деревенскаго, значительно выше, такъ какъ нѣкоторые товары доходятъ до него съ надбавкой (въ томъ числѣ и на сумму налога) не въ 20%, а въ 30—40 и даже 100%.

Что касается возможности при косвенныхъ налогахъ каждому плательщику „сообразовать платежи не только съ общимъ уровнемъ своей хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ“,—то она, конечно, имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о предметахъ не безусловно необходимыхъ. Если же акцизомъ обложены необходимые предметы, то совпаденіе моментовъ уплаты налога съ моментомъ пріобрѣтенія нужной вещи, какъ и всякое совпаденіе платежей, является уже не облегченіемъ для плательщика, а обремененіемъ. Не имѣя возможности купить нужный продуктъ безъ одновременной уплаты налога, потребитель нерѣдко долженъ или отказывать себѣ въ необходимомъ, или обращаться къ обременительнымъ займамъ. Не напрасно, вѣдь, ростовщичество и кулачество находились въ такомъ тѣсномъ единеніи съ дореформеннымъ кабакомъ,—этимъ главнымъ органомъ фиска по косвенному обложенію. Возможность вносить налогъ мельчайшими долями и только тогда, когда имѣется потребность въ обложенныхъ продуктахъ и средства для ихъ покупки,—имѣетъ и еще одну отрицательную сто-

рону, которая, повидимому, вовсе ускользаетъ отъ вниманія финансоваго вѣдомства. Въ аргументаціи послѣдняго важное мѣсто, какъ мы видѣли, занимаетъ то соображеніе, что косвенные налоги вносятся населеніемъ добровольно, безъ „понудительныхъ мѣръ, всегда тяжелыхъ и нерѣдко убыточныхъ для плательщиковъ". При этомъ, очевидно, вовсе упускается изъ виду, что кромѣ явнаго, физическаго, такъ сказать, принужденія, въ жизни имѣютъ мѣсто и играютъ нерѣдко еще большую роль мѣры нравственнаго воздѣйствія. Изъ того, что налогъ вносится „добровольно", отнюдь нельзя дѣлать выводъ о благотворномъ вліяніи его на экономическую жизнь и даже объ отсутствіи вредныхъ отъ него послѣдствій. Есть налоги, которые населеніе выплачиваетъ не только добровольно, но и съ нѣкоторымъ увлеченіемъ и какъ бы удовольствіемъ, и которые тѣмъ не менѣе оказываются для него несомнѣнно разорительными. Укажу хотя бы лотереи,—къ счастью, не имѣющія почти мѣста въ нашей финансовой системѣ. Человѣкъ, страстно желающій выпить водки, также охотно, захлебываясь, можно сказать, отъ предстоящаго удовольствія, платитъ слѣдуемую съ него часть акциза,—изъ чего, однако, конечно, не слѣдуетъ, что выпиваемая имъ рюмка за рюмкой водка не расшатаетъ его хозяйственнаго благополучія.

Косвенное обложеніе, несомнѣно, опирается на такое именно нравственное воздѣйствіе. Представьте себѣ психику рядового плательщика, обуреваемаго, съ одной стороны, желаніемъ получить необходимый или очень пріятный продуктъ, а съ другой—сознающаго полную невозможность пріобрѣсти его безъ обременительной и во всякомъ случаѣ непріятной уплаты соотвѣтствующей части налога. Актъ, который онъ совершитъ, конечно, можно разсматривать, какъ равнодѣйствующую этихъ двухъ борющихся въ немъ чувствъ. Но несомнѣнно, что чѣмъ необходимѣе предметъ, и чѣмъ удобнѣе и мельче будутъ доли, на которыя можно расчленить налогъ, тѣмъ сильнѣе эта равнодѣйствующая отклонится въ выгодную для фиска сторону. Не забывайте, что рѣшать этотъ вопросъ плательщику приходится тогда, когда въ его карманѣ зашевелились деньжонки; и когда онъ, по свойственной человѣку слабости, склоненъ воображать себя чуть не Крезомъ. Возможность уплачивать налогъ мельчайшими дозами и при томъ тогда только, когда имѣются деньги, несомнѣнно ведетъ къ затемненію и даже утратѣ у плательщика всякаго сознанія о посильности или непосильности для него этого налога. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же требовать отъ человѣка, чтобы, выпивая рюмку водки или покупая коробку спичекъ и даже зажигая каждую отдѣльную спичку, онъ неуклонно сообразовался бы „не только съ общимъ уровнемъ своей хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ". Предъявлять такія требованія, это значитъ вовсе не считаться съ общими намъ

всѣмъ и играющими особенно видную роль въ жизни малокультурныхъ слоевъ человѣческими слабостями. И несомнѣнно было бы справедливѣе не ограничиваться упрекомъ за нихъ, а посчитаться съ ними даже въ такой крупной вещи, какъ государственная роспись, и такимъ путемъ хотя бы отчасти парализовать ихъ пагубное дѣйствіе.

Предположеніе, что поступленіе косвенныхъ налоговъ находится въ соотвѣтствіи „не только съ общимъ уровнемъ хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ", роковымъ образомъ сказалось и на отношеніяхъ финансоваго вѣдомства къ такому кардинальному вопросу, какъ экономическое положеніе трудящихся массъ. Къ существу этого вопроса намъ еще придется вернуться, здѣсь же отмѣтимъ лишь, что устойчивое и даже возрастающее поступленіе косвенныхъ налоговъ, какъ и вообще государственныхъ доходовъ, по мнѣнію министерства финансовъ, является „несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что финансовое благосостояніе Россіи, далекое отъ какого-либо ослабленія, крѣпнетъ и могучими шагами двигается по пути развитія" и „что вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ постоянное наростаніе и народнаго благосостоянія".

Мы видѣли, какъ слаба статическая связь количества косвенныхъ доходовъ съ уровнемъ народнаго благосостоянія. Намъ остается изслѣдовать поэтому только динамическую, такъ сказать, ихъ упругость и посмотрѣть, можетъ-ли служить доказательствомъ наростанія народнаго благосостоянія увеличеніе государственныхъ доходовъ отъ косвеннаго обложенія. При этомъ намъ приходится прежде всего встрѣтиться съ тѣмъ фактомъ, „достойнымъ, по мнѣнію самого министерства финансовъ, вниманія, что среди предметовъ массоваго народнаго потребленія не замѣтно увеличенія лишь по одному спирту, потребленіе котораго колебалось въ теченіе всего десятилѣтія около нормы въ полведра сорокаградуснаго вина на 1 жителя." Благодаря не совсѣмъ удачнымъ выраженіямъ, въ этой репликѣ сказано больше, чѣмъ желало сказать министерство. Рѣчь идетъ, очевидно, не вообще о предметахъ массоваго потребленія,—иначе необходимо было бы доказать и то, что потребленіе хлѣба, напримѣръ, увеличивается, а не уменьшается, но о тѣхъ лишь „не безусловно необходимыхъ" предметахъ, которые обложены косвенными налогами. Среди же нихъ спиртъ занимаетъ, можно сказать, исключительное положеніе, такъ какъ для него почти исчерпана уже возможность распространенія за счетъ какихъ-либо необлагаемыхъ продуктовъ. Вообще же имѣются серьезныя основанія думать, что среднее количество расходуемыхъ на одного жителя продуктовъ если и возрастаетъ, то это явленіе имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, если не исключительно, по отношенію къ тѣмъ лишь облагаемымъ предметамъ массоваго потребленія, внѣ-

дреніе которыхъ въ хозяйственную жизнь страны еще не завершилось и распространеніе которыхъ въ разныхъ мѣстахъ территоріи и въ разныхъ слояхъ населенія еще не закончилось. Нѣтъ ничего мудренаго, если потребленіе хлопчатобумажныхъ издѣлій въ странѣ увеличивается, такъ какъ не вездѣ еще домашнія ткани вытѣснены фабричнымъ ситцемъ. Если потребленіе бумажныхъ издѣлій за десять лѣтъ по расчету на одного жителя увеличилось съ 3,52 до 4,32 фунт., то это не значитъ, конечно, что тотъ самый житель, который имѣлъ прежде три рубашки, имѣетъ теперь четыре, а значитъ, вѣроятно, лишь то, что, кромѣ этого жителя, сталъ носить ситецъ и кто-то другой, кто до сихъ поръ ходилъ въ холщевыхъ портахъ и рубахахъ. Потребленіе чая и сахара въ народной средѣ, несомнѣнно, распространилось, но также несомнѣнно и то, что квасъ за это время почти вовсе исчезъ изъ домашняго обихода, что потребленіе молока рѣзко уменьшилось и что, быть можетъ, даже значеніе горячей пищи въ народномъ питаніи упало. Если страна стала больше расходовать такихъ продуктовъ, какъ хлопокъ, чай, сахаръ, керосинъ, то вѣроятнѣе всего, что это знаменуетъ лишь продолжающееся вытѣсненіе этими продуктами другихъ, однородныхъ имъ, а не усиленіе потребленія. Видѣть же въ одномъ фактѣ распространенія покупныхъ продуктовъ благопріятный признакъ для народнаго благосостоянія—не приходится. Замѣна грубаго холста—гнилымъ, быть можетъ, „ситчикомъ", дымной лучины—керосиновой „коптилкой", „горячихъ" щей--„тёпленькимъ" чаемъ возможна и при повышеніи, и при пониженіи хозяйственнаго уровня плательщичьей массы. Она знаменуетъ собою лишь смѣну натуральныхъ формъ хозяйствованія денежными, а этотъ стихійный переломъ въ народной жизни, какъ свидѣтельствуетъ исторія, неизмѣнно почти сопровождался обогащеніемъ немногихъ за счетъ массоваго разоренія. Несомнѣнно, что и у насъ имѣются группы, которыя успѣли усилить и улучшить свое потребленіе, но ихъ благосостояніемъ мотивировать податное обремененіе трудящейся массы едва-ли резонно и справедливо.

Что косвенное обложеніе при нашихъ условіяхъ не можетъ считаться достаточно чувствительнымъ показателемъ экономическаго положенія населенія и соотвѣтствія податного бремени платежнымъ его силамъ, въ этомъ съ особою очевидностью долженъ былъ бы убѣдить опытъ послѣдняго именно десятилѣтія. За это время Россія пережила цѣлый рядъ очень крупныхъ недородовъ. Сельское населеніе, даже по скромнымъ разсчетамъ министерства финансовъ, за послѣдніе 5 лѣтъ не дополучило до милліарда руб. противъ обычной суммы дохода. Вотъ уже три года, какъ въ странѣ начался промышленный кризисъ и въ цѣломъ рядѣ мѣстностей ощущается безработица. Но и за всѣмъ тѣмъ косвенные доходы поступали и поступаютъ исправно. Любопытно, что, по

наблюденіямъ самого министерства финансовъ, косвенные налоги оказываются менѣе чувствительными къ экономическому положенію страны, чѣмъ прямые: „дѣйствительность показываетъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ докладовъ,—что наряду со вполнѣ благопріятнымъ поступленіемъ косвенныхъ налоговъ... обнаруживаются недоборы по прямымъ налогамъ". Но изъ этого, казалось бы, очень поучительнаго факта министерство дѣлало неизмѣнно одинъ и тотъ же выводъ, что „народные прибытки возрастаютъ".

Разсматривая заключающіеся во всеподданнѣйшихъ докладахъ доводы въ пользу косвеннаго обложенія, мы до сихъ поръ оцѣнивали его съ точки зрѣнія плательщика. Мы не нашли въ немъ тѣхъ преимуществъ, которыя видитъ министерство финансовъ, или сильно усомнились въ таковыхъ. Но съ точки зрѣнія фиска преимущества косвеннаго обложенія несомнѣнны. Помимо удобствъ взиманія, косвенные налоги имѣютъ три, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени цѣнныхъ качества, дѣлающихъ ихъ незамѣнимыми для финансоваго вѣдомства. Прежде всего они открываютъ послѣднему возможность привлекать къ несенію податного бремени такіе слои населенія, которые при иныхъ налоговыхъ формахъ оказались бы безусловными неплательщиками. Взять хотя бы крестьянство. Въ массѣ своей оно давно уже сдѣлалось крайне неаккуратнымъ плательщикомъ лежащихъ на немъ податей: недоимки по окладнымъ сборамъ съ сельскихъ обществъ, составлявшія къ началу 90-хъ годовъ лишь 40%, къ срединѣ ихъ поднялись до 100%, а къ 1899 г.—даже до 120. Среди отдѣльныхъ губерній встрѣчаются такія, недоимки которыхъ достигаютъ 4—5 годовыхъ окладовъ. Но и эти, не смотря на всѣ принудительныя мѣры, почти вовсе уже неплатящія прямыхъ сборовъ губерніи въ общемъ вносятъ немалую долю косвенныхъ налоговъ.

Не менѣе важной съ фискальной точки зрѣнія представляется, конечно, и та независимость, какую сообщаетъ государственному бюджету косвенное обложеніе. Недоимки по прямымъ налогамъ не помѣшали финансовому вѣдомству получить милліардный излишекъ въ доходахъ и удвоить государственный бюджетъ. Опираясь на косвенные налоги, послѣдній возросталъ какъ въ счастливые годы, такъ и въ неблагополучные. Только такимъ путемъ министерство финансовъ имѣло возможность не только расширить свою власть надъ экономическою жизнью страны, но и сдѣлать ее почти независимой какъ отъ общаго хозяйственнаго уровня плательщичьей массы, такъ и отъ временныхъ колебаній въ ея прибыткахъ.

Косвенные налоги имѣютъ и еще одно качество, далеко не безразличное, конечно, для центральной власти. При косвенномъ обложеніи государство не вступаетъ въ непосредственныя отно-

шенія съ плательщиками и освобождается отъ обязанности прибѣгать къ понудительнымъ, „всегда тяжелымъ“ мѣрамъ воздѣйствія на нихъ. Обыватель выплачиваетъ потребныя государству суммы, вовсе не отдавая себѣ отчета, кому и на что онъ платитъ. Налогъ доходитъ до него въ видѣ составной части цѣны покупаемаго имъ предмета, а такъ какъ по народной пословицѣ, „глубокій смыслъ“ которой извѣстенъ и министерству финансовъ, „цѣны Богъ строитъ“, то налоговое бремя принимается плательщикомъ, какъ Божіе произволенье. Благодаря этому, независимо отъ высоты налоговъ, сохраняются добрыя отношенія между населеніемъ и фискомъ, дѣятельность котораго, при косвенномъ обложеніи, остается такимъ образомъ независимой не только отъ экономическихъ достатковъ, но и отъ психики населенія.

Насколько финансовое вѣдомство цѣнитъ это, показываетъ между прочимъ, и его отношеніе къ тому источнику государственныхъ доходовъ, который въ росписяхъ фигурируетъ подъ именемъ „пошлинъ“. По своему характеру, какъ мы имѣли уже случай отмѣтить, онѣ приближаются къ косвеннымъ налогамъ, но при взиманіи ихъ правительство должно входить въ сношенія съ самимъ плательщикомъ, которому при этомъ не остается безъизвѣстной сумма взимаемаго съ него налога. По этой, можетъ быть, причинѣ въ своей податной политикѣ финансовое вѣдомство всегда и сближало пошлины не съ косвенными, а съ прямыми налогами. Имъ, какъ мы видѣли, предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы сдержать естественный ростъ этихъ сборовъ, получаемыхъ главнымъ образомъ съ имущихъ классовъ.

Предусмотрительное желаніе не портить отношеній съ плательщикомъ и не напоминать ему безъ нужды о размѣрахъ платимаго имъ налога можно прослѣдить даже въ мелочахъ. На пассажирскомъ билетѣ вы теперь не найдете обозначавшейся прежде суммы государственнаго сбора, на чайной или спичечной бандероли вы не встрѣтите указаній на ея стоимость. Это стремленіе совершенно слить налогъ со стоимостью продукта, и притомъ не только въ глазахъ потребителя, но и въ сознаніи мыслящаго общества, вызвало къ жизни даже новыя формы налогового обложенія. Къ одной изъ такихъ въ высшей степени интересныхъ формъ „сосредоточенія народныхъ рессурсовъ въ однѣхъ рукахъ“ мы теперь и обратимся.

IV.

Если сравнить росписи крайнихъ годовъ обозрѣваемаго десятилѣтія, то по важнѣйшимъ отдѣламъ государственныхъ доходовъ мы получимъ такія цифры:

	Въ милліонахъ руб. 1893 г.	1902 г.	% увеличенія.
Косвенные налоги	475	387	— 19
Прямые налоги и выкупные платежи	172	217	+ 26
Пошлины	61	92	+ 51
Казенные имущества и капиталы .	135	508	+ 276
Правительственныя регаліи	39	522	+1238

Косвенные налоги, значенію которыхъ мы посвятили такъ много мѣста, оказывается, даже уменьшились. Но это уменьшеніе только видимое и объясняется исключительно новымъ порядкомъ составленія росписи на 1902 г. Начиная съ этого года питейный сборъ въ громадной своей части считается уже не косвеннымъ налогомъ, а доходомъ отъ правительственной регаліи. Если предположить, что онъ включенъ въ смѣту 1902 г. въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и въ предыдущемъ году, то общая сумма косвенныхъ налоговъ съ питейнымъ сборомъ по росписи текущаго года должна равняться 671 мил. руб., т. е. быть не ниже, а выше цифры 1893 г. на 196 милліоновъ (для прямыхъ налоговъ такое же повышеніе составляетъ всего лишь 45 мил.). Съ другой стороны, доходъ отъ регалій долженъ опуститься до 238 милліоновъ, а процентъ ихъ увеличенія сравнительно съ 1893 г. до 510.

Какъ бы то ни было, изъ приведенныхъ цифръ видно, что сосредоточеніе народныхъ рессурсовъ происходило не только путемъ усиленія налогового обложенія, но и посредствомъ развитія государственнаго хозяйства. Расширеніе послѣдняго составляетъ, дѣйствительно, одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей интересующей насъ финансовой системы.

По отдѣлу казенныхъ имуществъ государственные доходы сильнѣе всего возросли по желѣзнодорожному хозяйству (съ 81 мил. въ 1893 г. до 396 мил.—въ 1902 г.). Но доходы этого рода цѣликомъ относятся къ доходамъ оборотнымъ, т. е. они сопряжены съ равновеликими и даже значительно превышающими ихъ расходами. Уже изъ этого видно, что скопленіе рессурсовъ при помощи желѣзнодорожнаго хозяйства имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ при посредствѣ налоговъ. Каково это значеніе, мы увидимъ ниже.

Среди регалій первое и даже исключительное мѣсто по размѣрамъ доставляемаго дохода занимаетъ винная монополія. 10 лѣтъ тому назадъ соотвѣтствующей статьи вовсе не значилось въ росписи, по смѣтѣ же на текущій годъ „доходъ отъ казенной продажи питей“ значится въ количествѣ 463 мил. Какъ уже упомянуто, въ этой суммѣ засчитана значительная часть прежняго питейнаго сбора. Если ее *) исключить, то доходъ отъ монополіи

*) Соотвѣтствующая цифра можетъ быть опредѣлена, какъ указано, лишь приблизительно по соображенію съ предыдущимъ годомъ. Въ будущемъ всякое

на текущій годъ опредѣлится въ 179 мил. Этотъ доходъ въ значительной своей части тоже оборотный: на расходы по веденію и распространенію казенной продажи питей въ роспись 1902 г. внесено 161 мил. руб. Нельзя сказать, чтобы излишекъ въ доходахъ былъ великъ, но и за всѣмъ тѣмъ представляется не безынтереснымъ прослѣдить его происхожденіе.

Введеніе винной монополіи, какъ извѣстно, съ самаго начала мотивировалось не финансовыми только соображеніями, но и цѣлями „борьбы съ вредными сторонами питейнаго дѣла, въ интересахъ поддержанія доброй нравственности, предупрежденія экономическаго упадка населенія и охраны народнаго здравія". Этотъ мотивъ и въ послѣдующее время неизмѣнно выдвигался на первый планъ. „При преобразованіи системы взиманія питейнаго налога, читаемъ мы во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1899 годъ, отнюдь не имѣлось въ виду найти въ этомъ мѣропріятіи источникъ для непосредственнаго умноженія государственныхъ доходовъ. Министръ финансовъ почиталъ себя обязаннымъ ходатайствовать объ изъятіи торговли крѣпкими напитками изъ рукъ частныхъ предпринимателей и о монополизаціи этого дѣла казною, главнымъ образомъ, съ тою цѣлью, чтобы положить конецъ неустроенному состоянію питейнаго вопроса. Потребленіе у насъ алкоголя, сравнительно съ другими странами, не велико, но крайне неравномѣрно. Въ частной торговлѣ вино и спиртъ появляются нерѣдко съ вредными, расшатывающими здоровье, примѣсями. Самыя условія этой торговли, допускающей при неразборчивости въ средствахъ извлеченіе изъ нея наибольшихъ выгодъ, способствовали укорененію многообразныхъ злоупотребленій, разорявшихъ низшіе классы народа. Устранить эти печальныя явленія могла лишь передача питейной торговли въ распоряженіе казны".

Насколько удовлетворительно разрѣшена эта главная задача питейной реформы,—этотъ вопросъ до сихъ поръ остается безъ достаточно рѣшительнаго отвѣта. Правда, мы имѣемъ уже цѣлый рядъ изслѣдованій оффиціальнаго и оффиціознаго происхожденія, свидѣтельствующихъ о несомнѣнно благотворныхъ результатахъ реформы, но, съ другой стороны, почти вся частная печать не можетъ отдѣлаться отъ сильныхъ сомнѣній на этотъ счетъ, а газеты то и дѣло приносятъ факты, указывающіе на законность этихъ сомнѣній. Если мы обратимся къ даннымъ документальнаго характера, то и тутъ встрѣтимъ непримиримыя противорѣчія. Напримѣръ, по вопросу о вліяніи монополіи на преступность во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1899 годъ мы встрѣчаемъ вполнѣ опредѣленное заявленіе, что съ введеніемъ монополіи „пьянство

представленіе о питейномъ сборѣ должно будетъ исчезнуть, и мы принуждены будемъ соотвѣтствующія суммы мыслить не иначе, какъ «доходъ» отъ казенной продажи питей.

замѣтно уменьшилось; разгулъ съ неизбѣжными его проявленіями уступилъ мѣсто болѣе равномѣрному потребленію вина; число противозаконныхъ дѣяній, совершаемыхъ подъ воздѣйствіемъ опьяненія, замѣтно сократилось“... А въ циркулярѣ министра финансовъ, послѣдовавшемъ два года спустя на имя предсѣдателей губернскихъ комитетовъ трезвости, говорится, что въ министерствѣ финансовъ „имѣются указанія на то, что казенное вино по своей цѣнѣ слишкомъ доступно для населенія и, отличаясь отъ вина, поступавшаго прежде въ потребленіе изъ частныхъ питейныхъ заведеній, своею крѣпостью, производитъ на потребителей болѣе одуряющее дѣйствіе, чѣмъ и объясняется замѣчаемое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увеличеніе числа преступленій и проступковъ, совершенныхъ въ состояніи опьяненія“. Обнаружившаяся во многихъ мѣстностяхъ послѣ введенія монополіи и въ непосредственной связи съ нею необходимость усиленія штата полиціи также какъ будто указываетъ, что говорить объ уменьшеніи преступности пока преждевременно. Если мы прислушаемся, наконецъ, къ народному говору, то и въ такомъ случаѣ не получимъ достаточно опредѣленныхъ представленій о нѣкоторыхъ сторонахъ казенной продажи питей. Даже стоящая по оффиціальнымъ даннымъ внѣ сомнѣнія лучшая очистка казеннаго вина въ народной средѣ нерѣдко оспаривается. Не касаясь поэтому нравственнаго и гигіеническаго значенія питейной реформы, остановимся лишь на ея финансово-экономической сторонѣ.

Питейные сборы съ давнихъ поръ играютъ видную роль въ финансовомъ хозяйствѣ русскаго государства. Въ XVIII вѣкѣ по отношенію къ нимъ „непремѣннымъ правиломъ было собирать каждый годъ больше предыдущаго, для чего цѣловальникамъ разрѣшалось дѣйствовать „безстрашно“ и при томъ такъ, чтобы не отгонять „питуховъ“ *). Прямо задаваться такимъ же правиломъ на рубежѣ XX вѣка, конечно, по многимъ причинамъ неудобно. Однако и теперь министръ финансовъ, какія бы высокія цѣли онъ ни ставилъ своей политикѣ, не можетъ игнорировать громаднаго значенія питейныхъ доходовъ: питейный сборъ до сихъ поръ остается важнѣйшимъ изъ налоговъ, какой несетъ страна, и отказаться отъ него, пока не будетъ реформирована вся податная система, немыслимо. И мы знаемъ, хотя бы изъ цитированнаго выше доклада, что „удовлетворительные финансовые результаты“ питейной реформы озабочивали министра финансовъ, пожалуй, не меньше той „главной цѣли“, какая выдвигалась имъ на первый планъ. И надо отдать полную справедливость, что съ точки зрѣнія интересовъ фиска эта реформа была предпринята вполнѣ своевременно и проведена послѣдовательно и неуклонно.

---

*) Брандтъ. Питейные сборы. Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона т. 23 стр. 731.

Выше была приведена выдержка изъ доклада на 1902 г., изъ которой видно, что потребленіе спирта за послѣднее десятилѣтіе все время колебалось около полуведра сорокоградуснаго вина на одного жителя. Если взять болѣе продолжительный періодъ и присмотрѣться болѣе внимательно къ колебаніямъ цифръ, то необходимо будетъ придти къ нѣсколько иному выводу. Душевое потребленіе вина въ 1885 г. равнялось 0,70 ведра, а въ 1894 г.— наканунѣ введенія винной монополіи—оно опустилось до 0,53 ведра, т. е. за 10 лѣтъ упало на 25%. И послѣ того, хотя и медленнѣе, оно продолжало падать, опустившись къ 1897 и 1898 гг. *) до нормы голодныхъ лѣтъ (0,50 ведра на душу). Во всякомъ случаѣ, паденіе отъ 1885 къ 1893 г. происходило столь неуклонно и быстро, что должно было серьезно озабочивать финансоваго дѣятеля, который считалъ необходимымъ сохранить за питейными сборами ихъ центральное мѣсто въ доходномъ бюджетѣ.

Что казенная продажа питей должна была поддержать падавшее значеніе питейнаго сбора, это видно ужъ изъ того порядка, въ какомъ она вводилась. Монополія была введена прежде всего въ 4 восточныхъ губерніяхъ, въ которыхъ душевое потребленіе водки было наименьшее, а именно 0,35 ведра на душу (въ 1893—1895 гг., когда среднее потребленіе по Европ. Россіи равнялось 0,57 ведра). На слѣдующую очередь были поставлены юго-западныя, сѣверо-западныя и тѣ изъ малороссійскихъ губерній, въ которыхъ наблюдалось особенно быстрое сокращеніе душевого потребленія; напротивъ, къ послѣдней очереди были отнесены губерніи, въ которыхъ это сокращеніе было наименьшимъ и даже обнаруживалось нѣкоторое увеличеніе, а именно: среднія черноземныя губерніи, прибалтійскія и среднія промышленныя.

Введеніемъ монополіи сокращеніе душевого потребленія было нѣсколько задержано, однако не вполнѣ остановлено. Для поддержанія за питейными сборами ихъ прежняго значенія, и тѣмъ болѣе для увеличенія ихъ, нужны были другія мѣры. При казенной продажѣ питей вполнѣ доступной и крайне удобной для финансоваго вѣдомства мѣрой явилась цѣна на водку. Послѣдняя устанавливалась законодательнымъ порядкомъ, но въ крайне широкихъ предѣлахъ отъ 6 р. 40 коп. до 9 р. за ведро. Въ предѣлахъ этихъ нормъ министерство финансовъ назначало сначала разныя цѣны для различныхъ мѣстностей, при томъ нерѣдко съ такимъ разсчетомъ, что цѣны на водку были ниже по окраинамъ и выше внутри монопольныхъ районовъ. Теперь, когда монополіей охвачена почти вся Россія, цѣна на водку установлена однообразная для всѣхъ мѣстностей, а именно въ 7 р. 60 коп. за ведро сорокоградуснаго вина.

*) Данныхъ за позднѣйшіе годы, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой и достать ихъ въ провинціи, гдѣ я вынужденъ писать эту статью, невозможно.

При вольной продажѣ питей цѣна водки колебалась въ предѣлахъ отъ 5 р. 50 коп. до 6 р. за ведро. Послѣ повышенія акциза въ 1900 году (на 40 коп. съ ведра), вольная цѣна водки должна была бы установиться въ среднемъ около шести рублей съ небольшимъ. Цѣна, взимаемая въ настоящее время казною, выше, такимъ образомъ, этой вѣроятной вольной цѣны, по крайней мѣрѣ, на 1 р. 50 коп. *). Правда, казенная водка по очисткѣ считается лучше. Но стоимость работъ по очисткѣ, судя по даннымъ заводской статистики, должна составлять всего лишь 20 коп. съ ведра. Если даже допустить, что вольная водка вовсе не очищалась, то и въ такомъ случаѣ ея цѣна была ниже казенной на 1 р. 30 коп. съ ведра. Эта переплата, которую потребитель долженъ дѣлать на казенной водкѣ,—переплата принудительная и ничѣмъ въ сущности не отличается отъ налога **), хотя въ отчетахъ она и сливается съ цѣною продукта. Общее количество потребляемаго въ Россіи спирта достигаетъ 60 мил. ведеръ сорокоградуснаго вина. Такимъ образомъ, общая сумма, переплачиваемая потребителемъ на казенной водкѣ, достигаетъ по меньшей мѣрѣ 78 мил. рублей.

Изъ этой суммы казна надѣется удержать въ 1902 г. въ своемъ распоряженіи, судя по нашему, невольно приблизительному разсчету, всего 20 мил. р., остальные же ей придется израсходовать на содержаніе служащихъ и другіе предметы по продажѣ питей. Такіе результуты казеннаго хозяйства едва-ли могутъ считаться утѣшительными. Особенно же неблагопріятными представляются они, если мы примемъ во вниманіе тѣ несравненно болѣе выгодныя условія, въ которыхъ находится казна сравнительно съ частными торговцами, занимавшимися продажею питей. Послѣдніе, принужденные оплачивать акцизъ за много раньше, чѣмъ соотвѣтствующія суммы выплачивались имъ потребителями, дожны были вкладывать въ винную торговлю громадные капиталы. Обращаясь въ дѣлѣ, эти капиталы, какъ мы уже говорили, должны были приносить процентъ. Если мы допустимъ, что связанные акцизомъ капиталы равнялись лишь половинѣ общей

*) Разнится отъ налога она только тѣмъ, что размѣры ея устанавливаются распоряженіемъ министерства финансовъ, т. е. болѣе упрощеннымъ орядкомъ, чѣмъ для остальныхъ налоговъ.

**) Обыкновенно указываютъ, что въ продажѣ мелкою посудою казенная водка обходится потребителю дешевле, чѣмъ обходилась прежде вольная при чарочной продажѣ, но при этомъ забываютъ, что за цѣну чарки дореформенный кабакъ почти всегда предоставлялъ закуску и помѣщеніе для распитія водки, въ чемъ отказываетъ казенная винная лавка. Необходимо также замѣтить, что продажа малыми мѣрами, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ, играетъ очень незначительную роль. По даннымъ за 1898 г. въ двухсоткахъ казенной водки было продано всего лишь около 3% и въ соткахъ—15%. Наконецъ, не лишне напомнить, что теперь и за казенную водку въ мелкой посудѣ цѣна взимается выше, чѣмъ при покупкѣ ведрами и бутылками.

суммы его, то и въ такомъ случаѣ они достигали огромной цифры въ 150 мил. рублей и требовали для себя оплаты (считая торговый процентъ равнымъ 20), въ 30 мил. р. Для казны предварительная уплата акциза не обязательна, и потому вложенные ею въ дѣло капиталы могли быть меньше на всю указанную сумму. При такихъ условіяхъ, сохранивъ даже прежнюю цѣну на водку, она, казалось бы, могла имѣть барышъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Между тѣмъ, обложивъ потребителя новымъ громаднымъ налогомъ, она получаетъ въ сущности ничтожную прибавку къ тому, что могла бы получить и безъ этого новаго обложенія, отъ одного акциза.

Нашъ бѣглый, схематическій разсчетъ, конечно, не можетъ претендовать на точность, но финансовая неудача монополіи и изъ него обнаруживается съ достаточною наглядностью. Самъ собою возникаетъ вопросъ, для чего она вводилась и отчего министерство финансовъ не предпочло идти прежнимъ, хорошо проторенным путемъ — путемъ новаго и новаго повышенія акциза? Причинъ для этого было, конечно, много. Одно изъ первыхъ мѣстъ занимали, вѣроятно, не оправдавшіяся потомъ въ дѣйствительности надежды на возможность съ успѣхомъ вести торговое дѣло при посредствѣ бюрократической организаціи. Не слѣдуетъ затѣмъ упускать изъ виду, что на ряду съ повышеніемъ цѣны на водку, финансовое вѣдомство два раза въ теченіе десятилѣтія принуждено было прибѣгать и къ повышенію акциза. Далѣе, какъ мы уже указали, въ дѣлѣ повышенія цѣны на казенную водку финансовое вѣдомство могло чувствовать себя несравненно свободнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ повышенія акциза.

Были, конечно, и еще причины, заставлявшія остановиться на монополіи, какъ на наиболѣе подходящемъ средствѣ для осуществленія данной финансово-экономической системы. Несомнѣнно, далеко не послѣднюю роль сыграло въ этомъ случаѣ желаніе освободить громадные капиталы, обращавшіеся въ винной торговлѣ. Эта задача теперь выполнена. Освобожденные капиталы въ одной своей части поступили или поступятъ (посредственно или непосредственно) въ сберегательныя кассы, а стало быть, и въ распоряженіе финансоваго вѣдомства; другая ихъ часть направилась или направится въ сферу обработывающей промышленности и такимъ образомъ оказала или еще окажетъ значительную услугу дѣлу оживленія послѣдней, а, стало быть, и правительству, которое все десятилѣтіе было этимъ озабочено. Наконецъ, независимо отъ тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя могутъ поступать въ распоряженіе казны, развитіе казеннаго хозяйства, умножая число лицъ, непосредственно подчиненныхъ администраціи, тѣмъ самымъ уже содѣйствуетъ расширенію и усиленію ея власти. А эта цѣль, какъ мы имѣли уже возможность убѣдиться, является домини-

рующею въ той программѣ, которой придерживается нынѣшнее министерство финансовъ.

Заканчивая первую часть нашей статьи, намъ остается прибавить, что, осуществляя эту цѣль, министерство финансовъ не ограничивалось сосредоточеніемъ все большаго и большаго количества народныхъ рессурсовъ въ своихъ рукахъ и устраненіемъ по возможности всѣхъ,—формальныхъ и матеріальныхъ, экономическихъ и психологическихъ,—стѣсненій въ дѣлѣ распоряженія ими. Параллельно съ этимъ происходило постепенное, но неуклонное ограниченіе права распоряженія народными доходами со стороны частныхъ лицъ и общественныхъ союзовъ. Достигалось это усиленіемъ административнаго вліянія на частное и общественное хозяйство. Достаточно напомнить, что во всѣхъ почти банкахъ и мало-мальски крупныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ и промышленныхъ союзахъ теперь имѣются уже представители министерства финансовъ; что контроль надъ расходами земствъ и городовъ значительно усиленъ и что самое право земскихъ учрежденій производить расходы за общественный счетъ ограничено очень тѣсными рамками, указанными въ законѣ о предѣльности земскаго обложенія.

А. Пѣшехоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Хроника внутренней жизни.

I. Изъ обывательской жизни.—Личность зубра и личность человѣка.—II. Эпизоды Гоголевскаго юбилея.—III. Мѣры по охранѣ порядка.—Административныя распоряженія относительно печати.—Правительственныя сообщенія.

I.

Мѣсяца полтора тому назадъ въ „Р. Вѣдомостяхъ“ была напечатана замѣтка о любопытномъ судебномъ процессѣ, возникшемъ въ Гродненской губерніи. „Зубръ Бѣловѣжской пущи—писала газета—пользуется всеобщей извѣстностью, какъ послѣдній сохранившійся представитель нѣкогда бывшаго широко распространеннымъ въ Россіи и Западной Европѣ типа дикихъ быковъ. Но жителей Гродненской губерніи, а въ особенности живущихъ по сосѣдству съ пущей, зубръ можетъ интересовать совершенно съ другой точки зрѣнія“. Благодаря зубрамъ, по словамъ газеты, сложились весьма своеобразныя отношенія между администраціей Бѣловѣжской пущи и крестьянами-владѣльцами полей и лу-

говъ, расположенныхъ въ пущѣ и около нея. „Извѣстно, что пуща принадлежитъ удѣльному вѣдомству, которое имѣетъ наблюденіе и надзоръ за зубрами: ихъ считаютъ, заготовляютъ для нихъ запасы сѣна на зиму и т. д. Но нерѣдко и сами зубры уничтожаютъ крестьянскіе посѣвы, траву, сѣно, добираясь до послѣдняго даже въ сѣновалы, двери которыхъ они вышибаютъ, поднимая ихъ своими рогами. Все это возбуждало неудовольствіе среди мѣстныхъ жителей, которые стали подавать жалобы, заявленія и просьбы о вознагражденіи. Однако результаты ходатайствъ были неудовлетворительны. Стали даже поговаривать о выселеніи жителей изъ пущи путемъ обмѣна принадлежащихъ имъ земель какъ въ пущѣ, такъ и внѣ ея на другія свободныя казенныя земли, не только въ Гродненской, но и въ другихъ губерніяхъ. Тогда одинъ изъ обывателей пущи, Рыхлицкій, предъявилъ въ гродненскомъ окружномъ судѣ искъ къ администраціи пущи объ убыткахъ, причиненныхъ ему зубрами, находящимися въ вѣдѣніи этой администраціи... Удѣльное вѣдомство пригласило для отвѣта на судѣ петербургскаго присяжнаго повѣреннаго Карабчевскаго. Послѣдній въ судѣ дѣло проигралъ. Въ сущности разрѣшеніе спора зависитъ отъ выбора альтернативы: если зубры, какъ дикіе звѣри, не составляютъ предмета чьей-либо собственности, то понятно, что вредъ, причиняемый ими, не долженъ быть никѣмъ возмѣщаемъ. Изъ этого положенія вытекало бы право охоты на нихъ. Хотя объ этомъ правѣ нынѣ никто не споритъ, ибо она запрещена спеціальнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія, все-таки изъ того же положенія вытекаетъ право личной и имущественной обороны противъ этихъ звѣрей. Но если зубры, живя въ лѣсу, составляющемъ собственность удѣльнаго вѣдомства, и находясь въ вѣдѣніи и на учетѣ у этого вѣдомства, принадлежатъ ему, то казалось бы, что оно должно вознаграждать за всякій вредъ и убытки, причиняемые его животными постороннимъ лицамъ, подобно тому, какъ каждый владѣлецъ отвѣчаетъ въ имущественномъ отношеніи за дѣйствія принадлежащихъ ему животныхъ, все равно, домашнихъ, ручныхъ или дикихъ. Карабчевскій противъ второго положенія защищался разными доводами, напримѣръ, тѣмъ, что всѣ современныя правовыя нормы, установленныя собственно для нашего общежитія, должны считаться непримѣнимыми къ тому единственному міровому исключенію, какимъ являются зубры; что даже если стать на точку зрѣнія истца, все-таки надо признать, что удѣльное вѣдомство принимаетъ всѣ мѣры предосторожности противъ нанесенія зубрами вреда мѣстнымъ жителямъ и предлагаетъ заинтересованнымъ лицамъ прибѣгать въ свою очередь къ всевозможнымъ мѣрамъ противъ посягательствъ зубровъ, лишь бы онѣ не касались „личности зубровъ“. Проигравъ дѣло въ окружномъ судѣ, удѣльное вѣдомство апеллировало въ виленскую судебную па-

лату, которая рѣшеніе суда отмѣнила и въ искѣ Рыхлицкому отказала. Послѣдній подалъ кассаціонную жалобу въ сенатъ“ *).

Мы позволили себѣ воспроизвести эту корреспонденцію московской газеты не для того, чтобы обсуждать вѣроятный исходъ разсказаннаго въ ней процесса. Послѣдній и въ незаконченномъ своемъ видѣ является достаточно любопытнымъ и характернымъ. Особенно любопытнымъ представляется намъ тотъ горячій интересъ къ „личности зубровъ“, какой былъ обнаруженъ на судѣ защитникомъ интересовъ удѣльнаго вѣдомства. Зубровъ, дѣйствительно, на свѣтѣ мало, тогда какъ людей, и въ частности крестьянъ, очень много. Надо думать, именно поэтому „личность зубра“ и вызываетъ къ себѣ болѣе живой и сочувственный интересъ, чѣмъ человѣческая личность, и въ особенности личность крестьянина.

Недавно въ нижегородскомъ окружномъ судѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло объ убійствѣ редакторомъ-издателемъ „Московскаго Листка“, Н. И. Пастуховымъ, девяти-лѣтняго крестьянскаго мальчика. Обстоятельства дѣла, по изложенію обвинительнаго акта, заключались въ слѣдующемъ. На разсвѣтѣ 3 іюня 1901 г. Пастуховъ удилъ рыбу на рѣкѣ Линдѣ, въ Семеновскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 15 отъ Нижняго-Новгорода. „Пастуховъ ловилъ рыбу съ лодки, причаленной къ берегу, а сопровождавшій его въ качествѣ гребца крестьянинъ Андрей Митрофановъ спалъ, лежа въ лодкѣ. Когда солнце встало, сдѣлалось совершенно свѣтло и утренній туманъ на рѣкѣ разсѣялся, къ берегу въ томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла лодка Пастухова, подошли крестьянскіе мальчики Василій Мухинъ, Григорій Безруковъ, Василій и Иванъ Котовы, возвращавшіеся послѣ рыбной ловли домой въ ближайшія селенія, и остановились въ разстояніи около 2 саженъ отъ лодки Пастухова. Послѣдній, замѣтивъ мальчиковъ, съ бранью закричалъ, чтобы они уходили, погрозивъ револьверомъ. Мухинъ и его товарищи испугались и побѣжали вдоль берега, а Пастуховъ выстрѣлилъ имъ вслѣдъ изъ револьвера; пуля попала въ девятилѣтняго Мухина, когда онъ находился саженяхъ въ семи отъ Пастухова“. Одинъ изъ товарищей донесъ Мухина до ближайшей мельницы, а оттуда раненаго мальчика отправили въ земскую больницу, гдѣ ему была оказана медицинская помощь. Однако черезъ шесть дней мальчикъ умеръ въ больницѣ отъ воспаленія брюшины, вызваннаго пораненіемъ кишки, по заключенію врачей, безусловно смертельнымъ.

На судѣ изложенныя въ обвинительномъ актѣ обстоятельства дѣла были всецѣло подтверждены показаніями свидѣтелей со стороны обвиненія—товарищей умершаго Мухина. Самъ Пастуховъ и свидѣтели защиты излагали происшествіе, подавшее поводъ къ

---

*) «Р. Вѣдомости», 31 янв. 1902 г.

судебному разбирательству, нѣсколько иначе, но въ своихъ показаніяхъ они подчасъ противорѣчили другъ другу и даже самимъ себѣ. Такъ, Пастуховъ, не явившійся на судъ по болѣзни, въ своемъ письменномъ показаніи утверждалъ, что при рыбной ловлѣ на р. Линдѣ онъ всегда бралъ съ собою револьверъ, но никогда раньше не стрѣлялъ изъ него. Выставленные же Пастуховымъ два свидѣтеля показали, что и раньше были случаи, когда Пастуховъ стрѣлялъ на рыбной ловлѣ, то въ кусты, въ которыхъ слышался шорохъ, то въ воду... въ рыбъ. Сопровождавшій Пастухова гребецъ на предварительномъ слѣдствіи показывалъ, что въ моментъ выстрѣла, пробудившаго его отъ сна, на рѣкѣ было свѣтло и можно было все видѣть, на судѣ же, согласно съ показаніемъ самого Пастухова, утверждалъ, что на рѣкѣ былъ въ это время сильный туманъ, не позволявшій различать человѣческихъ фигуръ. Все это дало основаніе представителю обвиненія считать явную неосторожность дѣйствій Пастухова безусловно доказанной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе сравнительно высокое общественное положеніе подсудимаго и то обстоятельство, что „съ житейской точки зрѣнія его дѣяніе представляется больше, чѣмъ простою неосторожностью, и близко граничитъ съ умысломъ“, представитель обвиненія предлагалъ суду примѣнить къ Пастухову высшую мѣру наказанія за явную неосторожность, выразившуюся въ стрѣльбѣ въ той мѣстности, гдѣ находились люди, т. е 4-мѣсячное тюремное заключеніе и церковное покаяніе.

Иначе посмотрѣла на дѣло защита. Защитникомъ Пастухова на судѣ выступилъ г. Карабчевскій и пріемы его защиты оказались очень своеобразными. Краснорѣчивый защитникъ утверждалъ, что Пастуховъ, сдѣлавшись нечаяннымъ убійцей, тѣмъ самымъ понесъ уже высшее нравственное наказаніе за свой поступокъ— неосторожный выстрѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый этотъ поступокъ представлялся защитнику вполнѣ естественнымъ въ виду той опасности, которой если не подвергался, то могъ подвергнуться Пастуховъ. Правда, мѣстный становой заявилъ на судѣ, что мѣстность, въ которой Пастуховъ ловилъ рыбу, совершенно мирная и спокойная. Но хорошій знакомый Пастухова и такой же страстный рыболовъ, врачебный инспекторъ Ершовъ, показалъ, что онъ считаетъ эту мѣстность опасной и тоже ѣздитъ сюда на рыбную ловлю съ револьверомъ въ карманѣ. Съ другой стороны, одинъ изъ бывшихъ съ Мухинымъ мальчиковъ, Безруковъ, которому ко времени суда исполнилось 17 лѣтъ, отвѣчая на вопросы г. Карабчевскаго, показалъ о себѣ, что онъ года два-три назадъ судился „за грабежъ“. Правда, онъ прибавилъ, что былъ оправданъ, да и трудно представить себѣ, какого рода „грабежъ“ могъ совершить мальчикъ 14—15 лѣтъ, но это не помѣшало г. Карабчевскому воспользоваться его показаніемъ. Указанныхъ данныхъ въ связи съ туманомъ, о которомъ говорили Пастуховъ и его

свидѣтели, для защитника оказалось совершенно достаточно, чтобы замѣнить картину, главнымъ героемъ которой является рыболовъ, потревоженный въ своемъ любимомъ занятіи и стрѣляющій по нарушившимъ его покой дѣтямъ, иною, рѣзко отличной, картиной. „Пастуховъ—такъ возстановлялъ г. Карабчевскій роковую для Мухина сцену—сидитъ въ лодкѣ и видитъ, что на высокомъ берегу, за широкимъ кустомъ, въ туманѣ появились какія-то неясныя фигуры. Онъ окликаетъ ихъ, но онѣ не отвѣчаютъ и не уходятъ. У него является представленіе объ опасности: вѣдь, онъ находится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ловятъ рыбу съ револьверами въ карманѣ, гдѣ бродятъ люди, судившіеся, подобно свидѣтелю Безрукову, за грабежи. Онъ рѣшается предупредить опасность, показать предполагаемымъ злоумышленникамъ, что онъ не беззащитенъ и что съ нимъ есть оружіе,—и стрѣляетъ на воздухъ. Но произошла явная неосторожность. Пастуховъ забылъ, что онъ внизу, что надъ нимъ берегъ и кустъ, да и старческая рука, можетъ быть, дрогнула—и вотъ полетъ пули получается ниже, чѣмъ бы это слѣдовало". Такимъ образомъ привычка гг. Пастухова и Ершова возить съ собою револьверы сдѣлалась доказательствомъ тѣхъ опасностей, которымъ подвергались эти лица, безопасная и недалекая отъ жилья мѣстность обратилась въ глухую и полную опасностей пустыню, а 14-лѣтній мальчикъ, котораго кто-то въ чемъ-то напрасно обвинялъ,—въ свирѣпаго грабителя. Но при всѣхъ этихъ чудесныхъ превращеніяхъ защитникъ все же великодушно не отрицалъ явной неосторожности въ дѣйствіяхъ Пастухова, настаивая лишь на томъ, что выстрѣлъ былъ произведенъ имъ въ такой мѣстности, которая не можетъ быть причислена къ разряду тѣхъ, гдѣ стрѣльба воспрещена закономъ. Поэтому защитникъ просилъ судъ признать Пастухова виновнымъ лишь въ дѣйствіяхъ, явно неосторожныхъ, но не воспрещенныхъ закономъ, и назначить ему наказаніе въ низшей мѣрѣ. „Съ спокойной душой,—закончилъ онъ,—я передаю суду г. Пастухова со всѣмъ его тяжелымъ рабочимъ прошлымъ и его 70-ю годами. Судъ можетъ, конечно, послушаться обвинителя и лишить старика на 4 мѣсяца свѣта и воздуха. Выходящій изъ ряда вонъ преклонный возрастъ Пастухова—это милость Божія къ нему; если за эту милость послѣдуетъ тяжелый приговоръ, то послѣдній я буду считать ненужной жестокостью". Окружный судъ, согласившись съ квалификаціей преступленія, сдѣланной защитникомъ, призналъ Пастухова виновнымъ по 1468 ст. улож. о нак. и приговорилъ его къ двухнедѣльному аресту при тюрьмѣ и церковному покаянію *).

Можно очень мало интересоваться степенью наказанія, наложеннаго судомъ на г. Пастухова, но нельзя не видѣть, что съ

*) «Нижегор. Листокъ», 20 и 21 февр.; «Нов. Время», 23 февр. 1902 г.

дѣломъ послѣдняго и съ тѣми пріемами его защиты, которые были употреблены на судѣ, связано серьезное общественное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, легко представить себѣ, что для юриста вопросъ о томъ, возможно-ли примѣнить статью закона, запрещающую стрѣльбу въ населенныхъ мѣстахъ, къ нежилой мѣстности на р. Линдѣ, является спорнымъ и допускаетъ различныя точки зрѣнія. Но, всматриваясь въ дѣло, на почвѣ котораго возникъ этотъ спеціальный юридическій вопросъ, трудно, казалось бы, забыть о той „житейской точкѣ зрѣнія", на существованіе которой указывалъ на судѣ товарищъ прокурора. Эта „житейская точка зрѣнія" не ведетъ непремѣнно къ суровому наказанію виновнаго, но она во всякомъ случаѣ обязываетъ къ нѣкоторой корректности пріемовъ и къ извѣстному цѣломудрію выраженій даже въ защитительной рѣчи. Вѣдь, если не считаться съ тѣми фантастическими измѣненіями характера мѣстности и дѣйствующихъ лицъ, какія были допущены въ рѣчи г. Карабчевскаго, то въ поступкѣ, приведшемъ Пастухова на скамью подсудимыхъ, трудно увидѣть что-либо иное, кромѣ возмутительно небрежнаго, чтобъ не сказать, пренебрежительнаго, отношенія къ чужой человѣческой личности. Не питая никакой симпатіи къ „рабочему прошлому" редактора-издателя „Московскаго Листка", мы могли бы еще, пожалуй, вмѣстѣ съ г. Карабчевскимъ, порадоваться тому, что „милость Божія" позволила г. Пастухову дожить до 70-ти лѣтъ, а 70 лѣтъ, въ свою очередь, избавили его отъ тяжелаго наказанія за совершенный проступокъ. Но нашей радости мѣшаетъ невольно возникающій вопросъ: оказалась-ли эта „милость" такою же милостью и для убитаго мальчика Мухина, поплатившагося своею молодою жизнью исключительно за слабость „старческой руки" г. Пастухова и за его неумѣренную охоту палить изъ револьвера. Не нужно забывать, что Мухинъ и его товарищи не мѣшали г. Пастухову даже настолько, насколько крестьянамъ Бѣловѣжской пущи мѣшаютъ тамошніе зубры, интересы которыхъ г. Карабчевскій отстаивалъ, однако, не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ интересы г. Пастухова. Краснорѣчіе, какъ и всякій талантъ, несомнѣнно, очень хорошая вещь. Но по-истинѣ печальна та житейская обстановка, въ которой ораторскій талантъ становится орудіемъ возвеличенія личности зубровъ и обезцѣненія личности человѣка.

Только что указанные эпизоды судебнаго краснорѣчія, въ самомъ дѣлѣ, далеко не стоятъ совершенно особнякомъ въ ряду явленій нашей общественной жизни. Наоборотъ, они тѣсно связаны съ одной изъ наиболѣе замѣтныхъ сторонъ переживаемой нами дѣйствительности, служа характернымъ симптомомъ той крайне низкой и своеобразной оцѣнки, какую нерѣдко получаетъ въ этой дѣйствительности человѣческая личность. Оглядываясь вокругъ себя, наблюдатель современной русской жизни встрѣтитъ

скорѣе изобиліе, чѣмъ недостатокъ, яркихъ фактовъ, говорящихъ о господствѣ подобной оцѣнки въ окружающей его дѣйствительности. Мы не имѣемъ, однако, сейчасъ ни времени, ни возможности перебирать всѣ такіе факты и поэтому остановимся лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ далеко не самыхъ видныхъ.

Не такъ давно въ газетѣ „Право“ была разсказана слѣдующая поучительная исторія. Въ маѣ прошлаго года въ г. Рыльскъ пріѣхалъ податной инспекторъ X. Когда онъ вышелъ изъ вагона, всѣ извозчики у вокзала были уже разобраны. Стоялъ еще у вокзала лишь одинъ извозчикъ, но и тотъ оказался занятымъ. Тогда г. X. крикнулъ, чтобы онъ отъѣзжалъ, разъ онъ занятъ. Извозчикъ отъѣхалъ, но, какъ показалось г. X., недостаточно; поэтому онъ вскочилъ въ экипажъ и побилъ извозчика. Послѣдній подалъ жалобу городскому судьѣ. На судѣ два свидѣтеля подтвердили фактъ нанесенія побоевъ и судья, признавъ г. X. виновнымъ, приговорилъ его къ 15 днямъ ареста. Г. X. обжаловалъ этотъ приговоръ въ уѣздный съѣздъ. „Въ уѣздномъ съѣздѣ, — говоритъ названная газета,—въ разсмотрѣніи дѣла принимали участіе трое почетныхъ мировыхъ судей и уѣздный членъ. Г. X. былъ оправданъ. Въ основу оправдательнаго приговора легли слѣдующія соображенія: если бы г. X. побилъ извозчика, онъ былъ бы взволнованъ и, будучи взволнованъ, онъ не могъ бы отрицать своей виновности, а онъ отрицалъ ее, слѣдовательно, онъ не наносилъ побоевъ. Этотъ приговоръ былъ кассированъ губернскимъ присутствіемъ на томъ основаніи, что уѣздный съѣздъ, какъ и всякій другой судъ, долженъ основывать свои приговоры на фактахъ, а не на предположеніяхъ. Дѣло было передано на разсмотрѣніе другого съѣзда. Въ путивльскомъ уѣздномъ съѣздѣ оно сначала было отложено. Когда это дѣло было вновь назначено къ слушанію, въ засѣданіе явились двое почетныхъ судей для усиленія обычнаго состава съѣзда. Извозчикъ, самъ явившійся въ съѣздъ, сказалъ, что онъ надѣется найти правду въ судѣ, что бить ни за что бѣднаго человѣка нельзя. Г. X. былъ вторично оправданъ. Уѣздный членъ остался при особомъ и одинокомъ мнѣніи“. Вслѣдъ за перепечаткою этого сообщенія въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ въ послѣдней газетѣ появилось письмо управляющаго курскою казенною палатой, которое, не отвергая ни одной изъ подробностей сообщеннаго факта, удостовѣряло лишь, что „данный инцидентъ не касается рыльскаго податного инспектора“. „Податной инспекторъ, о которомъ говорится въ корреспонденціи,—прибавляло письмо,—былъ въ г. Рыльскѣ проѣздомъ, какъ частное лицо, и никакихъ оффиціальныхъ отношеній ни къ рыльской, ни къ путивльской администраціи не имѣетъ“ *). Такимъ образомъ, участники рыльскаго и путивльскаго уѣздныхъ съѣздовъ,

*) «Право», 1902 г., № 3; «Р. Вѣд.», 28 янв. 1902 г.

разсѣявшіе надежду побитаго извозчика, въ своихъ дѣйствіяхъ, надо думать, стояли на строго принципіальной почвѣ.

Принципіальными дѣятелями такого рода богата не одна Курская губернія. Если въ Курскѣ и Путивлѣ удостовѣренный свидѣтелями фактъ избіенія извозчика не имѣетъ значенія, разъ самъ виновникъ этого факта отрицаетъ его, то Саратовъ въ свою очередь можетъ похвалиться „культурными" дѣятелями, не менѣе своеобразно понимающими требованія культуры и справедливости. Старшему врачу саратовской городской больницы, А. В. Брюзгину, случилось застать трехъ мелкихъ служащихъ больницы за совмѣстнымъ чтеніемъ книжекъ по географіи и астрономіи. Г. Брюзгинъ, самъ, вѣроятно, ничего не читающій, усмотрѣлъ въ такомъ занятіи преступленіе и распорядился немедленно уволить всѣхъ трехъ провинившихся служащихъ. Одинъ изъ послѣднихъ, по профессіи слесарь, пожелалъ, однако, объясниться съ суровымъ врачемъ, не понимая, что собственно преступнаго можетъ онъ находить въ чтеніи учебниковъ Лебедева и Смирнова. Объясненіе закончилось тѣмъ, что взволнованный слесарь далъ врачу пощечину. Была немедленно вызвана полиція, составленъ протоколъ и въ результатѣ за чтеніе книгъ по астрономіи и географіи юноша, обвиняемый теперь въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ своему начальству при исполненіи служебныхъ обязанностей, можетъ уйти въ арестантскія роты. Членъ городской управы, завѣдующій больничною частью, г. Милашевскій, подалъ заявленіе, что онъ считаетъ несправедливымъ увольненіе служащихъ и слагаетъ съ себя обязанности завѣдующаго благотворительными учрежденіями, но это не помѣшало остальной управѣ стать на сторону г. Брюзгина *).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ пока еще не воспрещаютъ мелкимъ служащимъ городскихъ учрежденій читать учебники, но за то мѣстная городская управа собирается установить бдительный и неослабный надзоръ за жизнью всей прислуги въ городѣ. Нижегородскій голова, г. Меморскій, не такъ давно прославившійся своею неудачною попыткой установить въ Нижнемъ упрощенную административную расправу для извозчиковъ, теперь, какъ сообщаютъ газеты, выработалъ и вноситъ въ думу особый проектъ „правилъ о наймѣ прислуги". Согласно этому проекту, при городской управѣ образуется особый „столъ", который будетъ собирать и сообщать лицамъ, нанимающимъ прислугу, свѣдѣнія о томъ, гдѣ и сколько времени служила прежде прислуга, и „атестаціи нанимателей". Въ числѣ свѣдѣній о прислугѣ, доставляемыхъ нанимателемъ, предполагается сообщать и справки объ ея „судимости", которыя по закону никому не выдаются, если человѣкъ не былъ приговоренъ къ лишенію правъ. Наконецъ, новый

*) «Спб. Вѣдомости», 17 янв. 1902 г.

управскій „столъ“ будетъ собирать и „замѣчанія“ о нанимателяхъ, равно какъ и вообще „всѣ необходимыя для него свѣдѣнія“ *). Надо думать, что борьба г. Меморскаго съ прислугой останется по меньшей мѣрѣ столь же неудачной, какъ и борьба его съ извозчиками, но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть характернаго признака времени уже въ одномъ появленіи подобнаго проекта, не считающагося даже съ тѣми элементарными огражденіями личныхъ правъ, какія установлены въ законѣ.

Между тѣмъ такіе проекты въ свою очередь возникаютъ не только въ Нижнемъ-Новгородѣ. При существующихъ условіяхъ нашей общественной жизни, мало благопріятствующихъ развитію уваженія къ правамъ личности, даже среди дѣятелей городского самоуправленія находится немало лицъ, склонныхъ усматривать главную свою задачу въ установленіи того или иного вида опеки надъ обывателемъ. Такъ, напримѣръ, воронежская дума, сдавая въ настоящемъ году въ аренду городскіе театры, постановила внести въ контрактъ особый пунктъ, не допускающій театральныхъ представленій наканунѣ всѣхъ праздничныхъ дней. Напрасно при обсужденіи въ думѣ проекта контракта нѣкоторые гласные указывали на стѣснительность и безсмысленность этого условія, ссылаясь на то, что установленіемъ такого пункта дума отмѣняетъ законъ, допускающій театральныя представленія не только наканунѣ праздниковъ, но и во время великаго поста,—законъ, выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и изданный съ согласія синода. Противники театра возражали, что въ своихъ театрахъ дума—„хозяинъ“ и она не можетъ допустить, чтобы театръ отвлекалъ народъ отъ исполненія религіозныхъ обязанностей. Особенно горячимъ поборникомъ чужого благочестія выступилъ при этомъ редакторъ мѣстной газеты „Донъ“, В. Г. Веселовскій: онъ, по словамъ газетъ, „заявилъ, что онъ—человѣкъ еще молодой и въ религіозныхъ вопросахъ отличается терпимостью, но... не можетъ равнодушно видѣть, какъ наканунѣ праздниковъ, во время богослуженія, толпы народа направляются въ городской садъ и театры“. Другой гласный, присяжный повѣренный Шауровъ, въ своихъ аргументахъ противъ театра исходилъ изъ утвержденія, что „громадное большинство населенія г. Воронежа отличается глубокой религіозностью“; въ виду этого, по его словамъ, нельзя допускать, чтобы религіозное чувство этого большинства могло быть оскорблено мыслью о томъ, что въ то самое время, когда они стоятъ въ церкви, ихъ сограждане сидятъ въ театрѣ. Сторонниковъ принудительнаго благочестія не поколебали ни указанія на то, что въ случаѣ закрытія театровъ ихъ посѣтители могутъ все-таки отправиться не въ церковь, а въ разныя увеселительныя заведенія, ни замѣчанія, что лишь фарисеи, а не истинно религіоз-

*) «Нижегор. Листокъ». 28 янв. 1902 г.

ные люди, могутъ, стоя въ церкви, смущаться мыслью о томъ, какъ проводятъ свое время другіе люди. Дума осталась при своемъ рѣшеніи и воспретила театральныя представленія накануне праздниковъ *). Теперь слѣдуетъ ожидать, что воронежская дума выступитъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ общаго закона, дозволяющаго такія представленія въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы воронежскимъ думцамъ не смутиться мыслью о томъ, что „въ то самое время, когда они стоятъ въ церкви", въ другихъ городахъ обыватели невозбранно посѣщаютъ театры? Почему бы даже не ходатайствовать объ обязательномъ приводѣ всѣхъ обывателей въ церкви?

Въ Нахичевани городской голова также рѣшилъ было позаботиться объ обывателяхъ, посѣщающихъ театръ, но здѣсь опекунскія стремленія приняли нѣсколько иной характеръ и имѣли другой исходъ. Нахичеванскому головѣ показалось именно, что обыватели ведутъ себя въ театрѣ недостаточно смирно. Въ виду этого онъ обратился къ мѣстному полицеймейстеру съ предложеніемъ издать особыя правила для посѣтителей городского театра, при чемъ представилъ составленный имъ самимъ проектъ такихъ правилъ и просилъ полицеймейстера дать по поводу ихъ свое заключеніе. Въ этомъ любопытномъ проектѣ предлагалось воспретить публикѣ во время антрактовъ громко разговаривать какъ въ фойэ, такъ и въ корридорахъ, а мужчинамъ гулять въ шляпахъ, фуражкахъ и шапкахъ, обязать гуляющихъ въ корридорахъ „идти рядомъ не болѣе двухъ человѣкъ и держаться по возможности правой стороны", запретить публикѣ „днемъ и вечеромъ собираться въ антре театра, какъ мѣстѣ для сходки", „апплодировать и вызывать артистовъ до окончанія каждаго акта пьесы", „кричать во время антрактовъ съ требованіемъ скораго начатія пьесы" и пр. Полицеймейстеру пришлось объяснять не въ мѣру заботливому головѣ, что одни изъ проектируемыхъ имъ требованій, какъ воспрещеніе сходокъ и запрещеніе крика въ театрѣ, предусмотрѣны общими законами и составляютъ предметъ наблюденія полиціи, другія же, не имѣя практическаго смысла, вмѣстѣ съ тѣмъ не основаны и на законѣ, а потому и не могутъ быть введены властью ни полиціи, ни городского головы **).

Стремленіе къ мелочному опекунству и регламентаціи не всегда, конечно, принимаетъ столь комичныя формы, мѣшающія ему достигнуть намѣченныхъ результатовъ. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ оно побѣдоносно осуществляется въ жизни и создаетъ многообразныя послѣдствія. Особенно серьезными становятся эти послѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, когда объектами указаннаго стремленія дѣлаются лишь нѣкоторыя группы и отдѣль-

*) «Нижегор. Листокъ», 19 января 1902 г.

**) «Донская Рѣчь». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 1 февр. 1902 г.

ныя личности изъ среды обывателей. Приведемъ еще одинъ фактъ изъ этой области. Въ газетахъ недавно промелькнуло сообщеніе о рѣшеніи верхне-днѣпровскаго училищнаго совѣта уволить одну учительницу земской школы, прослужившую уже названному земству не то 8, не то 10 лѣтъ, уволить исключительно за то, что она... осмѣлилась выйти замужъ *). Подобное дѣйствіе не является чѣмъ-либо небывалымъ въ практикѣ нашихъ земствъ и городовъ. Вышневолоцкое земство еще нѣсколько лѣтъ назадъ примѣняло, а, быть можетъ, примѣняетъ и теперь, порядокъ, согласно которому учительница, вышедшая замужъ, теряла свое мѣсто. Существуетъ такой порядокъ и въ нѣкоторыхъ другихъ земствахъ. Въ Петербургѣ года три тому назадъ, по предложенію г. Стасюлевича, дума приняла, правила, въ силу которыхъ кандидатка на должность учительницы городской школы исключается изъ кандидатскаго списка, какъ только она выйдетъ замужъ. Земскія и городскія учрежденія, конечно, могутъ, по закону, ставить тѣ или иныя требованія служащимъ у нихъ лицамъ, принимать однихъ изъ этихъ лицъ и отвергать другихъ. Но если задуматься надъ основаніями, ведущими къ установленію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого принудительнаго целибата сельскихъ и городскихъ учительницъ, то едва-ли не единственнымъ основаніемъ такого рода придется признать создавшуюся въ нравахъ привычку къ ничѣмъ не ограниченной опекѣ надъ личностью и прочно укоренившееся представленіе о полномъ безправіи послѣдней.

Само собою разумѣется, такія привычки и представленія родились не въ сферѣ общественнаго самоуправленія и не въ ней находятъ главное свое приложеніе. Названная сфера въ данномъ случаѣ лишь отражаетъ на себѣ вліяніе болѣе общихъ условій нашей жизни, которыя въ значительной мѣрѣ успѣли уже видоизмѣнить самый характеръ самоуправленія и привить ему тенденціи, не только не вытекающія изъ его основной идеи, но даже прямо противорѣчащія ей. Въ сущности же дѣйствіе указанныхъ взглядовъ выступаетъ передъ нами тѣмъ рѣзче и рельефнѣе, чѣмъ дальше мы отходимъ отъ области самоуправленія. Благодаря наличности такихъ взглядовъ, самая элементарная охрана достоинства личности въ существующихъ условіяхъ нерѣдко мотивируется тѣми или иными спеціальными соображеніями и лишь при помощи этихъ соображеній можетъ быть болѣе или менѣе успѣшно осуществлена на дѣлѣ. Въ одной изъ кавказскихъ газетъ недавно былъ напечатанъ чрезвычайно характерный въ этомъ смыслѣ документъ въ видѣ „открытаго письма“ приходскаго священника и законоучителя нормальнаго училища мѣст. Герюсы, Хорека Мелика Дадаянца, къ полицейскому приставу 2-го участка Зангезурскаго уѣзда Аскарханову. „Требованіе ваше, г. приставъ,—говорится въ

*) «Ю. Россія». Цитируемъ по «Сар. Листку», 6 янв. 1902 г.

этомъ письмѣ,—ко мнѣ, къ священнику, положеніе котораго во всякомъ случаѣ не ниже полицейскаго пристава, о вставаніи съ мѣста въ то время, когда проходитъ приставъ, не имѣетъ ни законныхъ, ни нравственныхъ основаній, и это я объясняю тѣмъ, что вы, м. г., слишкомъ смутное понятіе имѣете о приличіи, съ которымъ не мѣшало бы вамъ ознакомиться" *). Такимъ образомъ священникъ, защищаясь отъ незаконнаго требованія пристава, опирается главнымъ образомъ на то, что его положеніе, какъ священника, не ниже положенія пристава, и считаетъ нужнымъ напомнить своему оппоненту не столько о законѣ, сколько о приличіи. Очевидно, не всякій обыватель можетъ воспользоваться подобной аргументаціей, между строкъ которой читается признаніе, что иное общественное положеніе обязываетъ и къ исполненію требованій, не основанныхъ на законѣ. Въ сущности уже одна возможность такой аргументаціи говоритъ о недостаточномъ сознаніи правъ личности, и, дѣйствительно, малѣйшее проявленіе этихъ правъ безъ какой-либо спеціальной мотивировки производитъ въ современной обывательской средѣ цѣлый переполохъ. Нѣсколько времени тому назадъ во всѣхъ газетахъ была напечатана телеграмма „Россійскаго Телеграфнаго Агентства" изъ Тамбова, сообщавшая, что въ этомъ городѣ прекращены общедоступныя лекціи физико-медицинскаго общества по гигіенѣ, физикѣ и психологіи, „такъ какъ учащаяся молодежь не умѣла вести себя на нихъ". „Читающая публика—писалъ по этому поводу черезъ нѣсколько дней тамбовскій корреспондентъ „Русск. Вѣдомостей"—можетъ подумать, что въ Тамбовѣ и не вѣсть что творится. Въ дѣйствительности же было слѣдующее. 9 февраля преподаватель реальнаго училища Н. С. Хановъ читалъ лекцію „О вѣтрахъ и вихряхъ" (предсказаніе погоды). Въ началѣ лекціи учащаяся молодежь поднялась молча со своихъ мѣстъ и удалилась изъ залы. Лекція же по прежнему продолжалась и была благополучно прочитана до конца" **).

Чѣмъ менѣе развито въ окружающемъ обществѣ сознаніе правъ личности, тѣмъ труднѣе, конечно, для послѣдней отстаивать пользованіе этими правами. Въ той же атмосферѣ, какая проникаетъ жизнь современнаго русскаго общества, обыватель оказывается плохо обезпеченнымъ въ пользованіи самыми невинными своими правами и отстаиваніе ихъ нерѣдко требуетъ отъ него серьезной настойчивости и большихъ жертвъ. Не далѣе, какъ на-дняхъ, газетами была передана поучительная исторія, могущая служить наглядною иллюстраціей сказаннаго. Одинъ изъ обитателей г. Уральска, присяжный повѣренный Логашниковъ, въ 1900 г. пріобрѣлъ автомобиль. Узнавъ объ этомъ, военный губернаторъ

*) «Тифл. Листокъ». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 21 февр. 1902 г.
**) «Русск. Вѣдомости», 23 февр. 1902 г.

Уральской области словесно предложилъ г. Логашникову не ѣздить „первое время“ на автомобилѣ по улицамъ, такъ какъ это можетъ пугать лошадей. Г. Логашниковъ, дѣйствительно, долгое время не пользовался автомобилемъ для ѣзды по улицамъ и лишь спустя полгода выѣхалъ на немъ, при чемъ ни одна лошадь не была имъ испугана. Тѣмъ не менѣе губернаторъ привлекъ г. Логашникова къ отвѣтственности у мирового судьи, по ст. 29 уст. о нак., за нарушеніе законныхъ распоряженій властей. Мировой судья оправдалъ г. Логашникова, но тогда дѣло было перенесено въ уральскій окружный судъ, гдѣ оно опять окончилось оправданіемъ обвиняемаго. На этотъ приговоръ прокуроръ окружнаго суда принесъ жалобу въ саратовскую судебную палату. При разборѣ дѣла въ послѣдней, обвинитель, товарищъ прокурора палаты Чемадуровъ, высказался за утвержденіе приговора уральскаго окружнаго суда. Свое мнѣніе обвинитель мотивировалъ тѣмъ, что, даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о законности распоряженія военнаго губернатора, въ поступкѣ г. Логашникова нельзя видѣть нарушенія ст. 29-й, такъ какъ это распоряженіе было имъ исполнено: ему не было объявлено, какова должна быть продолжительность „перваго времени“, въ теченіе котораго ѣзда на автомобилѣ ему воспрещалась; поэтому опредѣлить продолжительность „перваго времени“, очевидно, предоставлялось самому г. Логашникову, а съ объективной точки зрѣнія полгода является достаточнымъ срокомъ для истеченія „перваго времени“. Палата согласилась съ мнѣніемъ обвинителя *). Такимъ образомъ, г. Логашниковъ пріобрѣлъ право ѣзды по г. Уральску на автомобилѣ, но для пріобрѣтенія этого права ему пришлось пройти черезъ три судебныя инстанціи.

Охрана своихъ правъ, нужно прибавить, сопровождается для обывателя тѣмъ болѣе серьезными затрудненіями, что при такой охранѣ онъ постоянно рискуетъ переступить границу дозволенной критики распоряженій и дѣйствій властей. Не особенно ясно и отчетливо проведенная въ самомъ законѣ, граница эта въ жизни нерѣдко совершенно стирается. Наиболѣе часто такое явленіе, естественно, имѣетъ мѣсто въ жизни низшихъ, менѣе культурныхъ слоевъ обывательской массы. Здѣсь всякое проявленіе критики и тѣмъ болѣе всякая попытка противодѣйствія какому-либо распоряженію, независимо отъ характера послѣдняго, признается за проступокъ, если не за преступленіе, и влечетъ за собою привлеченіе виновнаго къ отвѣтственности. Газетная пресса полна сообщеніями объ яркихъ фактахъ такого рода. Позволимъ себѣ привести одно изъ такихъ сообщеній. Лѣтомъ 1900 года въ с. Сорбишское, Котельническаго уѣзда, Вятской губерніи, пріѣхалъ оспопрививатель. Мѣстные крестьяне встрѣтили его, однако, очень недруже-

*) «Спб. Вѣд.», 8 марта 1902 г.

любно; нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ крестьянинъ Бѣлыхъ, не давали привить своимъ дѣтямъ оспу, почему урядникъ составилъ протоколъ, направленный затѣмъ къ мѣстному земскому начальнику Шубину. Показаніе Бѣлыхъ урядникъ записалъ такъ: „Хоть бы дѣти мои умерли, оспу прививать не дамъ. Дѣти мои, что хочу съ ними, то и дѣлаю". При разборѣ дѣла у земскаго начальника Бѣлыхъ отрицалъ такое показаніе. По его словамъ, онъ отказался привить дѣтямъ оспу потому, что они уже болѣли два года тому назадъ натуральной оспой, въ подтвержденіе чего онъ и просилъ допросить свидѣтелей. Земскій начальникъ допросилъ свидѣтелей, указанныхъ становымъ приставомъ, въ вызовѣ же свидѣтелей Бѣлыхъ отказалъ и приговорилъ его къ двумъ недѣлямъ ареста. Тогда Бѣлыхъ подалъ жалобу въ уѣздный съѣздъ, который, однако же, утвердилъ приговоръ земскаго начальника. Это рѣшеніе съѣзда Бѣлыхъ обжаловалъ въ губернское присутствіе, указывая на то, что Шубинъ былъ въ числѣ членовъ присутствія съѣзда, разсматривавшаго дѣло. При этомъ въ своей жалобѣ Бѣлыхъ, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующія выраженія: 1) „урядникъ мои слова не написалъ, а вписалъ несправедливое, выдуманное имъ самимъ"; 2) „несправедливо земскій начальникъ отказалъ въ допросѣ свидѣтелей, чѣмъ открылъ широкое поле для произвола"; 3) „земскій начальникъ Шубинъ писалъ что ему угодно" и 4) „столь важный предметъ съѣздъ оставилъ безъ разсмотрѣнія въ угоду его (Шубина)". Всѣ эти фразы были признаны оскорбительными и въ результатѣ противъ Бѣлыхъ было возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ оскорбленіи урядника, земскаго начальника и всего состава уѣзднаго съѣзда. Вятскій окружный судъ, разсматривавшій это дѣло, приговорилъ обвиняемаго къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ. Бѣлыхъ оказался, однако, настойчивымъ и апеллировалъ въ судебную палату. При разборѣ дѣла въ послѣдней товарищъ прокурора, не находя въ инкриминированныхъ словахъ Бѣлыхъ ничего оскорбительнаго, такъ какъ „они передавали лишь факты, бывшіе въ дѣйствительности", отказался поддерживать обвиненіе и палата, отмѣнивъ приговоръ вятскаго окружнаго суда, признала Бѣлыхъ по суду оправданнымъ *). Такимъ образомъ отказъ исполнить неразумное требованіе и безпрекословно подчиниться незаконному приговору навлекли на Бѣлыхъ два судебныхъ дѣла и заставили его пять разъ фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ. Порядокъ, иллюстрируемый такими фактами, едва-ли можно считать вполнѣ нормальнымъ.

Мы могли бы, не выходя за предѣлы газетныхъ сообщеній самаго послѣдняго времени, долго еще развертывать передъ читателемъ вереницу аналогичныхъ фактовъ, но, думается, и тѣхъ,

*) «Ур. Жизнь». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 13 февр. 1902 г.

которые уже приведены, достаточно, чтобы подтвердить то положеніе, какое мы имѣли въ виду. Сравнительная мелочность этихъ фактовъ нисколько не мѣшаетъ имъ краснорѣчиво свидѣтельствовать о серьезномъ значеніи того общаго явленія жизни, въ составъ котораго они входятъ. Факты болѣе яркіе и болѣе крупные у всѣхъ передъ глазами. Еще въ началѣ прошлаго вѣка лучшіе люди русскаго общества считали характерною и печальною особенностью русской жизни „неуваженіе къ человѣку вообще“. За столѣтіе, прошедшее съ той поры, человѣческая личность въ Россіи значительно выросла, но „неуваженіе къ человѣку“ все еще продолжаетъ оставаться видною чертой нашей общественной жизни. На этой почвѣ создается одинъ изъ наиболѣе важныхъ и многозначительныхъ конфликтовъ нашего времени. Конечное разрѣшеніе этого конфликта, несомнѣнно, возможно только въ одномъ направленіи. Но для осуществленія такого разрѣшенія, для приданія личности обывателя бóльшаго достоинства и предоставленія ей большаго простора, необходимо самое серьезное напряженіе общественнаго вниманія и общественныхъ силъ.

II.

Послѣдніе дни минувшаго февраля были ознаменованы въ столицахъ и въ провинціи рядомъ торжествъ, посвященныхъ памяти Гоголя. Въ общемъ, однако, торжества эти прошли довольно блѣдно и безцвѣтно, не вызвавъ сколько-нибудь серьезнаго подъема общественнаго настроенія. Въ атмосферѣ текущей дѣйствительности чествованіе памяти великаго писателя не могло получить настоящаго своего значенія, не могло обратиться въ широкій общественный праздникъ. На дѣлѣ оно и свелось по преимуществу къ школьному празднованію, получившему при томъ нѣкоторый оффиціальный оттѣнокъ. Извѣстный оффиціальный характеръ, присвоенный гоголевскимъ торжествамъ, не воспрепятствовалъ все же тому, что мѣстами въ эти торжества вкрались эпизоды, безжалостно напоминавшіе о будничной дѣйствительности и обдававшіе струею холодной воды попытавшихся настроиться на праздничный ладъ обывателей. Далеко не во всѣхъ углахъ нашего отечества память творца „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“ была признана достойною прославленія и чествованія. Какъ и слѣдовало ожидать, нашлись такія мѣстности и такія общественныя сферы, въ которыхъ попытки этого чествованія, при всей своей скромности, встрѣтили на своемъ пути серьезныя препятствія и либо не могли осуществиться въ полномъ объемѣ, либо же не осуществились совсѣмъ. Нерѣдко, правда, подобныя препятствія выростали лишь на почвѣ недоразумѣній, но самыя эти

недоразумѣнія явились характерными показателями состоянія нашей общественной жизни.

Одно изъ наиболѣе оригинальныхъ недоразумѣній такого рода разыгралось въ Ярославской губерніи. Въ ней губернское земство, желая привлечь къ празднованію юбилеевъ Гоголя и Жуковскаго начальныя училища губерніи, ассигновало для этой цѣли 300 р. въ распоряженіе мѣстнаго общества распространенія начальнаго образованія. Совѣтъ общества, считающій, между прочимъ, въ числѣ своихъ членовъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ, г. Могульскаго, поручилъ устройство юбилейныхъ празднествъ состоящей при обществѣ коммиссіи народныхъ чтеній, а послѣдняя обратилась къ разнымъ лицамъ съ особымъ циркуляромъ, прося ихъ оказать содѣйствіе устройству празднествъ. Былъ разосланъ этотъ циркуляръ и учителямъ земскихъ школъ, причемъ, по предложенію г. Могульскаго, такая разсылка была произведена черезъ училищные совѣты. Но, когда нѣкоторые училищные совѣты получили названный циркуляръ и обратились въ дирекцію народныхъ училищъ съ запросомъ, какъ имъ поступать, г. Могульскій внезапно усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ коммиссіи что-то опасное, нашелъ, что она выходитъ изъ предѣловъ своей компетенціи, и сталъ грозить просьбою къ попечителю о закрытіи коммиссіи. Поднявшаяся было смута, правда, въ значительной степени утратила свою остроту, благодаря соображенію, что г. Могульскій собирается повторить исторію унтеръ-офицерской вдовы и обжаловать свои собственныя дѣйствія, но все же земскимъ школамъ Ярославской губерніи не пришлось праздновать Гоголевскаго юбилея, въ то самое время, какъ церковно-приходскія училища той же губерніи благополучно отпраздновали его *).

Нѣсколько иная исторія произошла въ Нижнемъ-Новгородѣ. Здѣсь городской голова, г. Меморскій, передъ наступленіемъ Гоголевскаго юбилея созвалъ особое совѣщаніе, состоявшее изъ членовъ городской управы, учителей и попечителей городскихъ начальныхъ школъ и директора и инспектора народныхъ училищъ. „Открывая засѣданіе, г. Меморскій,—какъ сообщалось въ газетахъ,—сказалъ вступительное слово, въ которомъ развилъ два положенія: первое—что „далеко Гоголю до Пушкина“, второе—что чествованіе этого писателя должно быть инымъ, чѣмъ чествованіе Пушкина, а именно: устраивать „гоголевскіе дни“, подобно тому, какъ были устроены „пушкинскіе“, не надо, программа же чтеній въ школахъ въ день годовщины Гоголя „должна имѣть обще-педагогическій характеръ и произведенія Гоголя должны быть на второмъ планѣ“. Эти положенія поддержали представители дирекціи народныхъ училищъ, изъ рѣчей которыхъ остальные члены совѣщанія узнали, что въ общемъ „Гоголь школьникамъ совершенно недосту-

*) «СПБ. Вѣд», 13 февр. 1902 г.

пенъ“ и „если кое-что и могутъ понять изъ его произведеній, то только ученики старшаго отдѣленія“, въ частности же „знакомство учениковъ съ Гоголемъ даже вредно, такъ какъ этотъ писатель слишкомъ много вниманія удѣлялъ отрицательнымъ явленіямъ жизни“. Сообразно этому совѣщаніе рѣшило на утренній „гоголевскій“ спектакль учениковъ младшаго и средняго отдѣленій городскихъ начальныхъ школъ не допускать *). Еще проще, безъ всякаго совѣщанія, обошлось дѣло въ Харьковѣ. Харьковское общество грамотности предполагало по случаю юбилея Гоголя устроить 17 февраля спектакль по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Съ разрѣшенія администраціи были уже расклеены афиши о постановкѣ „Ревизора“ и распродажа билетовъ пошла было очень успѣшно, но внезапно спектакль 17-го февраля былъ воспрещенъ **).

Нѣсколько болѣе сложный и вмѣстѣ болѣе комичный характеръ получили связанныя съ Гоголевскимъ юбилеемъ недоразумѣнія на родинѣ Гоголя—въ Полтавской губерніи. Въ Полтавѣ соединенная коммиссія городской думы, губернскаго и уѣзднаго земства выработала планъ школьнаго торжества, посвященнаго памяти Гоголя, и уѣздное земство заблаговременно, еще 17-го октября, передало этотъ планъ въ училищный совѣтъ, который въ свою очередь препроводилъ его въ дирекцію народныхъ училищъ, а та—въ кіевскій учебный округъ. Однако, до половины января никакого отвѣта земствомъ получено не было, и тогда удивленная столь продолжительнымъ молчаніемъ земская управа рѣшилась вновь обратиться въ училищный совѣтъ. 9 февраля въ управу была доставлена бумага слѣдующаго содержанія: „Дирекція народныхъ училищъ Полтавской губерніи имѣетъ честь извѣстить полтавскую уѣздную земскую управу, что г. попечитель кіевскаго учебнаго округа предложеніемъ отъ 5-го февраля за № 1560-мъ увѣдомилъ дирекцію народныхъ училищъ о томъ, что его превосходительство не признаетъ возможнымъ дать общее разрѣшеніе на празднованіе училищами Полтавскаго уѣзда означенной годовищины“. Подобная бумага была, надо думать, разослана всѣмъ уѣзднымъ земствамъ Полтавской губерніи. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что аналогичныя сообщенія были получены мирогородской и зѣньковской земскими управами. Такъ какъ въ моментъ полученія этого сообщенія оставалось менѣе двухъ недѣль до дня Гоголевскаго юбилея, то времени для возбужденія какихъ-либо отдѣльныхъ ходатайствъ уже не было, не говоря о томъ, что не видно было и причинъ, почему бы такія отдѣльныя ходатайства скорѣе могли быть признаны подлежащими удовлетворенію, чѣмъ „общее“ ходатайство земства. Очевидно, никакое,

*) «Спб. Вѣд.», 22 янв. 1902 г.
**) «Рус. Вѣд.», 20 февр. 1902 г.

посвященное памяти Гоголя, торжество съ участіемъ школьниковъ становилось въ предѣлахъ Полтавской губерніи невозможнымъ. Но случилось иное. „Дѣйствительность бываетъ иногда большимъ сатирикомъ,—замѣчаетъ авторъ напечатаннаго въ „Рус. Вѣдомостяхъ“ письма изъ Полтавы.—На этотъ разъ судьбѣ угодно было, чтобы бумага изъ кіевскаго учебнаго округа пришла въ Полтаву почти одновременно съ извѣстнымъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, которымъ устанавливался планъ чествованія Гоголя, между прочимъ, въ народныхъ училищахъ. Тщательное разсмотрѣніе этого плана показало, что онъ совершенно совпадаетъ съ неодобреннымъ планомъ полтавскаго земства. Вышло такимъ образомъ, что планъ министра былъ отвергнутъ кіевскимъ округомъ еще ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ появиться. Впрочемъ, само собою разумѣется, что съ появленіемъ циркуляра „маленькое недоразумѣніе“ должно было прекратиться и тѣ же земскія управы получили дня черезъ два новую бумагу отъ округа, которою первая вмѣнялась яко не бывшая“. И все же перемѣна настроенія кіевскаго округа пошла не особенно далеко. Полтавская коммиссія по чествованію памяти Гоголя, располагающая просвѣтительнымъ зданіемъ и потому имѣвшая возможность дать нѣсколько больше, чѣмъ народныя школы уѣздовъ, прибавила къ указанному плану еще постановку дарового спектакля („Женитьба“). Но дарового спектакля циркуляръ министра не предвидѣлъ. Надо думать, именно поэтому городская управа получила на ходатайство коммиссіи объ участіи школьниковъ въ торжествѣ слѣдующій отвѣтъ: „Не признаю возможнымъ разрѣшить участіе учащихся народныхъ школъ въ чествованіи памяти Гоголя. Попечитель Вельяминовъ-Зерновъ“ *).

Не будемъ перебирать другіе подобные факты. И тѣ, которые мы привели, съ достаточною ясностью, думается, вскрываютъ наиболѣе существенныя изъ тѣхъ причинъ, благодаря какимъ чествованіе памяти Гоголя, даже замкнутое въ скромныя рамки почти исключительно школьнаго праздника, все же свелось на „неудавшійся праздникъ“. Дѣйствительно, мѣрка, согласно которой достоинство писателя опредѣляется степенью благонамѣренности и „положительности“ его направленія, плохо подходитъ къ Гоголю, и то время, когда такая мѣрка авторитетно провозглашается въ качествѣ критерія литературныхъ заслугъ, едва-ли является особенно удобнымъ для сознательнаго чествованія памяти великаго сатирика, безпощадно бичевавшаго многообразныя проявленія житейской пошлости.

*) Рус. Вѣдомости», 21 февр. 1902 г.

III.

Въ хроникѣ предыдущихъ мѣсяцевъ мы отмѣчали уже рядъ обязательныхъ постановленій, изданныхъ въ различныхъ городахъ и губерніяхъ мѣстными властями въ цѣляхъ охраны порядка. За истекшій мѣсяцъ число такихъ постановленій значительно увеличилось. Въ Московской губерніи дѣйствіе дополнительнаго обязательнаго постановленія московскаго генералъ-губернатора о воспрещеніи сходбищъ и собраній народа на улицахъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, изданнаго 23 января для г. Москвы, распространено, какъ сообщаютъ газеты, и на Московскій уѣздъ. Въ городахъ Пензѣ, Благовѣщенскѣ и Зеѣ-пристани мѣстными губернаторами изданы на основаніи 421 ст. общ. губ. учрежденія обязательныя постановленія, воспрещающія сходки, собранія и остановки толпою на улицахъ и въ другихъ общественныхъ и частныхъ мѣстахъ. Въ Томской губерніи аналогичныя постановленія на основаніи ст. 15 и 16 положенія объ усиленной охранѣ—для жителей г. Томска и на основаніи ст. 421 общ. учр. губ.—для жителей гг. Барнаула, Бійска, Каинска, Маріинска и Ново-Николаевскаго поселка Томскаго уѣзда *). Виленскій губернаторъ издалъ на основаніи ст. 15 и 16 положенія объ усиленной охранѣ слѣдующія постановленія для жителей Виленской губерніи: „1) Всѣ домовладѣльцы г. Вильны и его предмѣстій, или лица, заступающія ихъ мѣсто, а также содержатели гостиницъ, заѣзжихъ домовъ или меблированныхъ комнатъ, въ казенныхъ же и общественныхъ домахъ—лица, завѣдующія сими послѣдними, обязываются вести въ полной исправности домовыя книги по установленному образцу. 2) Содержатели гостиницъ, заѣзжихъ домовъ и меблированныхъ комнатъ обязываются давать знать въ мѣстное участковое и полицейское управленіе о всякомъ прибывшемъ или выбывшемъ лицѣ не позже 12-ти часовъ послѣ прибытія или выбытія его, а прочія лица и учрежденія, на коихъ возложено веденіе домовыхъ книгъ,—не позже сутокъ. 3) Швейцары и дворники, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—домовладѣльцы или ихъ управляющіе обязаны безъ всякаго промедленія давать знать полиціи о всѣхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ, случившихся въ завѣдываемыхъ ими домахъ и дворахъ, также о всякихъ сходкахъ и сборищахъ въ домахъ. 4) Въ городѣ должны быть дворники по одному или по нѣскольку на домъ; расписаніе это составляется полиціей и утверждается мною. Домохозяева могутъ принимать на службу дворниковъ не иначе, какъ съ согласія полиціи. Замѣченные

*) «Спб. Вѣд.», 14 февраля; «Р. Вѣд.», 13 янв.; «Спб. Вѣд.». 28 февр.; «Р. Вѣд.», 24 февр. 1902 г.

въ неисполненіи своихъ обязанностей, точно опредѣленныхъ въ особой инструкціи, предполагаемой мною къ изданію, дворники подвергаются денежному штрафу и сверхъ того по распоряженію виленскаго полицеймейстера могутъ быть устраняемы отъ службы, о чемъ они должны быть предваряемы при заключеніи договоровъ о наймѣ съ домовладѣльцами. 5) Дворники должны быть снабжены бляхами, каковыя должны имѣть на себѣ при исполненіи ими своихъ обязанностей. Лица, виновныя въ нарушеніи указанныхъ требованій, будутъ подвергнуты въ административномъ порядкѣ штрафу въ размѣрѣ до 500 р. или аресту до трехъ мѣсяцевъ. Такому же взысканію будутъ подвергнуты также лица, изобличенныя въ подстрекательствѣ и попустительствѣ по проступкамъ, предусматриваемымъ настоящимъ обязательнымъ постановленіемъ. Настоящее постановленіе вступаетъ въ силу съ 1-го марта сего года" *).

Въ свою очередь главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ издалъ 30 января обязательное постановленіе для жителей г. Баку. Этимъ постановленіемъ, между прочимъ, предписывается владѣльцамъ домовъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ въ Баку или отвѣтственнымъ управляющимъ особенно строго наблюдать, чтобы въ домахъ и иныхъ помѣщеніяхъ не находились тайныя типографіи, не держались взрывчатыя вещества и склады противоправительственныхъ изданій. Никакія земляныя работы, согласно этому постановленію, не могутъ быть производимы въ домѣ безъ вѣдома полиціи. Сверхъ того этимъ постановленіемъ учреждаются дежурства дворниковъ, при чемъ, находясь на дежурствѣ, дворники обязаны исполнять правила особой инструкціи, имѣющей быть установленной бакинскимъ губернаторомъ. За нарушеніе обязательнаго постановленія виновные подвергаются штрафу до 500 р. или аресту до 3-хъ мѣсяцевъ. На наложеніе этихъ взысканій, согласно п. 1 ст. 16 положенія объ усиленной охранѣ, уполномоченъ бакинскій губернаторъ **). Въ „Вѣдомостяхъ Елисаветградскаго гор. общ. управленія" напечатаны обязательныя постановленія херсонскаго губернатора, въ которыхъ, между прочимъ, изложено слѣдующее: „Хозяева фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, равно арендаторы и управляющіе ими, а также старосты рабочихъ и промышленныхъ артелей обязаны внимательно слѣдить за недопущеніемъ въ средѣ рабочихъ и прочаго населенія распространителей вредныхъ ученій и всякаго рода волнующихъ общественное спокойствіе слуховъ и въ случаѣ появленія таковыхъ немедленно извѣстить о томъ полицію, стараясь не упустить подозрительныхъ лицъ изъ подъ своего наблюденія и по возможности охранить доказатель-

*) «Сѣв. Зап. Слово». Цитируемъ по «Р. Вѣд.», 24 февр. 1902 г.
**) «Каспій». Цитируемъ по «Спб. Вѣд.», 14 февр. 1902 г.

ства преступленій, каковыми могутъ быть запрещенныя книги, рукописи и т. п. Воспрещается всѣмъ распространеніе слуховъ о могущихъ произойти безпорядкахъ и волненіяхъ, расклеиваніе о томъ объявленій и разсылка писемъ“ *). Въ Таганрогѣ полицеймейстеромъ опубликовано объявленіе слѣдующаго содержанія: „Таганрогскій полицеймейстеръ строжайше воспрещаетъ раздачу на улицахъ и площадяхъ и разноску по домамъ разныхъ объявленій и листковъ о продажѣ или публикацій о чемъ бы то ни было въ г. Таганрогѣ. Публикаціи о продажѣ и другія дозволяется разсылать при газетахъ или наклеивать на городскихъ тумбахъ и мѣстахъ, гдѣ это дозволено“ **).

Наконецъ, въ „Вѣдомостяхъ Од. Градоначальства“ были напечатаны два обязательныя постановленія, изданныя и. д. одесскаго градоначальника, полковникомъ г. Шуваловымъ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ: Первое изъ нихъ, отъ 15-го февраля, гласило: „1) Въ предѣлахъ одесскаго градоначальства воспрещаются всякія уличныя демонстраціи, а также нарушающія общественный порядокъ и спокойствіе собранія, сходбища и сборища на улицахъ, площадяхъ, скверахъ, садахъ и въ прочихъ общественныхъ мѣстахъ; 2) собравшаяся во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ толпа или отдѣльныя лица, кто бы они ни были, обязаны безпрекословно и немедленно подчиниться требованіямъ полиціи; 3) лица, виновныя въ ослушаніи, подвергаются въ административномъ порядкѣ взысканіямъ, на основаніи дѣйствующаго въ градоначальствѣ обязательнаго постановленія о недопущеніи скопищъ при уличныхъ безпорядкахъ, изданнаго 21 января 1884 г. по положенію объ усиленной охранѣ; 4) въ случаѣ надобности для возстановленія нарушеннаго порядка я обращусь къ содѣйствію войскъ“. Второе постановленіе было издано 4 марта взамѣнъ упомянутаго постановленія отъ 21-го января 1884 г. и заключалось въ слѣдующемъ: „1) Воспрещаются всякаго рода нарушающія общественный порядокъ и спокойствіе собранія, сходбища и сборища на улицахъ, площадяхъ, въ скверахъ, садахъ, театрахъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ, независимо отъ цѣли и повода къ таковымъ. 2) Собравшаяся во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ толпа или отдѣльныя лица, кто бы они ни были, обязаны безпрекословно и немедленно разойтись и удалиться по первому же требованію о семъ власти. 3) Равнымъ образомъ требованія чиновъ полиціи, предъявляемыя въ цѣляхъ недопущенія какого-либо скопленія публики, а равно охраненія и возстановленія порядка въ указанныхъ въ п. 1 мѣстахъ, подлежатъ немедленному исполненію. 4) Лица, виновныя въ нарушеніи сего постановленія, подвергаются въ административномъ порядкѣ взысканіямъ, опредѣленнымъ въ

*) Цитируемъ по «Праву», 10 февр. 1902 г.

**) «Придн. Край». Цитируемъ по «Спб. Вѣд.», 22 февр. 1902 г.

въ п. 2 ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, т.-е. аресту до 3 мѣсяцевъ или денежному взысканію до 500 р." *).

За минувшій мѣсяцъ состоялись и опубликованы слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати: 1) 19 февраля: „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. (св. зак., т. XIV, изд. 1890 г.) министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости" на три мѣсяца"; 2) „министры: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, на основаніи примѣчанія къ ст. 148 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 20 февраля постановили: совершенно прекратить изданіе газеты „Россія", выходящей въ свѣтъ въ С. Петербургѣ".

Въ № 59 „Hufvudstardstadsbladet" отъ 2-го марта (нов. ст.) опубликовано сообщеніе о слѣдующихъ послѣднихъ распоряженіяхъ финляндскаго генералъ-губернатора, относящихся къ періодической *финляндской прессѣ*. Прекращено навсегда изданіе выборгской финской газеты „Viipurin Sanomat" за помѣщенное въ № 4 стихотвореніе „Подымается" („Se nousee") и за продолжавшееся вредное направленіе газеты. Временно пріостановлены слѣдующія шесть газетъ: на три мѣсяца: 1) „Itä Harjala" за помѣщенное въ № 99 за 1901 годъ „Письмо изъ Гельсингфорса" и за статью въ № 8 за 1902 г. „Во времена притѣсненія" („Ahdistuksen aikana"); на четыре мѣсяца: 2) „Rauman Lehti" за ту же статью въ № 7, за 1902 г., на два мѣсяца: 3) „Suomalainen" за ту же статью въ № 9), 4) „Perä-Pohjalainen" за ту же статью помѣщ. въ № 13 за 1902 г.; 5) „Kaajanin Lehti" за помѣщенную въ № 10 статью: „Что гадатели и звѣзды предсказываютъ о 1902 годѣ";—на одинъ мѣсяцъ.—6) „Dästra Nyland" за помѣщенную въ № 101 статью: „Рождество". Цензоръ, цензировавшій послѣднюю газету, отставленъ отъ своей должности; цензоръ же, пропустившій упомянутую статью въ предыдущей газетѣ, отставленъ отъ своей должности на два мѣсяца. Слѣдующимъ пяти газетамъ объявлено предостереженіе: 1) „Kotkan Sanomat" за помѣщенное въ № 1 за 1902 г. „Письмо изъ С-тъ Михеля", 2) „Suupohjan Kaiku" за статью, помѣщенную въ № 148 „Больше патріотизма въ работѣ"; 3) „Oüpuri", за ту же статью, помѣщенную въ № 302; 4) „Laatokka" за статью въ № 1. „Съ новымъ годомъ!", 5) „Hufvudstadhladet"—за помѣщенное въ 24 объявленіе отъ „Kinematograf-International" (интернаціональнаго кинематографа) объ англо-трансвальской войнѣ и за извѣстіе въ № 29 „Пасторы и уставъ о воинской повинности". Цензоръ,

---

*) Цитируемъ по «Од. Новостямъ», 18 февр. и 6 марта 1902 г.

пропустившій упомянутые нумера послѣдней газеты, отставленъ отъ своей должности на одинъ мѣсяцъ.

Какъ сообщалось недавно во всѣхъ газетахъ, при послѣднихъ выборахъ въ почетные академики по разряду изящной словесности Академіи Наукъ избранными оказались гг. Сухово-Кобылинъ и Максимъ Горькій. Вслѣдъ затѣмъ, однако, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось слѣдующее сообщеніе:

Отъ Императорской Академіи Наукъ.

„Въ виду обстоятельствъ, которыя не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, — выборы въ почетные академики Алексѣя Максимовича Пѣшкова (псевдонимъ „Максимъ Горькій"), привлеченнаго къ дознанію въ порядкѣ ст. 1035 устава уголовнаго судопроизводства, объявляются недѣйствительными".

Упоминаемая въ этомъ сообщеніи ст. 1035 устава угол. судопр. гласитъ слѣдующее: „О всякомъ злоумышленіи, заключающемъ въ себѣ признаки государственнаго преступленія, сообщается прокурору судебной палаты, когда злоумышленіе обнаружилось въ мѣстѣ его пребыванія, а въ противномъ случаѣ мѣстному прокурору окружнаго суда или его товарищу или же полиціи для донесенія о томъ немедленно прокурору судебной палаты".

Въ теченіе мѣсяца, истекшаго со времени послѣдней нашей хроники, былъ опубликованъ цѣлый рядъ оффиціозныхъ и правительственныхъ сообщеній. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ газетѣ „Кіевлянинъ" 21 февраля было опубликовано слѣдующее сообщеніе кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора Драгомирова: „2-го февраля, въ 12 час. 40 мин. дня, на Крещатикѣ противъ Пассажа, изъ числа многочисленной по случаю праздничнаго дня, гулявшей по тротуарамъ публики, выскочили на средину улицы человѣкъ 50—60 студентовъ и мастеровыхъ и съ крикомъ „ура" подняли нѣсколько красныхъ флаговъ. Будучи окружены полицейскими чинами, манифестанты оказали полиціи сопротивленіе, при чемъ нанесли палкой два тяжелыхъ удара по головѣ приставу Закусилову и болѣе легкіе удары нѣсколькимъ околоточнымъ надзирателямъ и нижнимъ полицейскимъ чинамъ. Приставъ Закусиловъ, обливаясь кровью, упалъ на мостовую, а нанесшій ему одинъ изъ ударовъ студентъ политехническаго института Вольскій получилъ въ свою очередь ударъ ножнами шашки отъ полицейскаго чина, потерялъ сознаніе и былъ доставленъ въ аптеку Филиповича, откуда, по оказаніи ему медицинской, помощи, уѣхалъ домой. Затѣмъ въ теченіе 2 и 3 февраля

въ разныхъ мѣстахъ города изъ числа гуляющей публики выходили на улицу небольшія группы демонстрантовъ, собирали вокругъ себя толпу, которая, однако, полиціей и войсками была немедленно разсѣяваема. При удаленіи толпы на Бибиковскомъ бульварѣ, мѣщанинъ г. Мглина, Черниговской губерніи, ХаскельАроновъ, ударившій казака и стащившій его съ лошади, получилъ во время свалки ушибы и отправленъ былъ въ Александровскую больницу. Распространившіеся по городу слухи о томъ, что во время прекращенія безпорядковъ 2 и 3 февраля, будто, было убито и ранено много студентовъ, оказываются, такимъ образомъ, совершенно невѣрными, такъ какъ убитыхъ совсѣмъ не было, а раненыхъ изъ числа задержанныхъ манифестантовъ оказалось всего двое; возможно, что число ихъ было и больше, но они остались не обнаруженными. Лица, задержанныя во время уличныхъ безпорядковъ и признанныя виновными въ нарушеніи обязательнаго постановленія о воспрещеніи уличныхъ сборищъ, по распоряженію генералъ-губернатора, подвергнуты слѣдующимъ взысканіямъ: аресту на три мѣсяца 27 человѣкъ, аресту на два мѣсяца 56 человѣкъ, аресту на одинъ мѣсяцъ 16 человѣкъ и аресту на двѣ недѣли 13 человѣкъ.

По сообщенію той же газеты отъ 6-го февраля, при входѣ въ кіевскій университетъ 5 февраля вывѣшено было слѣдующее объявленіе: „По распоряженію г. попечителя кіевскаго учебнаго округа, учебныя занятія въ университетѣ св. Владиміра пріостановлены впредь до особаго объявленія и доступъ студентамъ во всѣ учрежденія университета прекращенъ. Сношенія студентовъ съ университетскими властями будутъ производиться при посредствѣ почты. Ректоръ университета Ѳ. Фортинскій". Въ Юрьевскомъ университетѣ, по сообщенію „Рижскаго Вѣстника", занятія съ 25 февраля также были временно прекращены.

14 февраля состоялся слѣдующій „приказъ министра народнаго просвѣщенія", генералъ-адъютанта Ванновскаго, напечатанный въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

„9-го текущаго февраля, около 11½ часовъ утра, во дворѣ, передъ актовымъ заломъ Императорскаго московскаго университета, стали собираться небольшими группами студенты сего университета, среди коихъ были женщины и слушатели другихъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы. Считая неудобнымъ оставлять студентовъ во дворѣ, ректоръ университета разрѣшилъ имъ перейти въ актовый залъ и оттуда расходиться по домамъ; но, вмѣсто исполненія сего, толпа, численностью превышавшая 400 человѣкъ, проникла изъ зала въ другія университетскія помѣщенія, при чемъ ею были взломаны наружныя двери подъ аркою стараго зданія и семь дверей актоваго зала и аудиторій. Затѣмъ часть толпы поднялась въ третій этажъ, гдѣ взломала входныя двери въ квартиру завѣдующаго юридическимъ семинаріемъ при-

вать-доцента Чистякова и, принудивъ послѣдняго удалиться, расположилась и въ этой квартирѣ. Здѣсь ею были уничтожены всѣ съѣстные припасы, взломанъ шкафъ съ чайною посудою, поломаны, попорчены и уничтожены многія вещи, составляющія собственность Чистякова. Все это время толпа вела себя шумно, пѣла хоровыя пѣсни, а изъ нѣсколькихъ оконъ, выходящихъ на Никитскую улицу, были выкинуты красные флаги.

„Не смотря на неоднократныя предложенія учебнаго начальства немедленно оставить помѣщеніе университета, толпа, за исключеніемъ немногихъ, подчинившихся этому распоряженію, не расходилась, заявивъ, что останется тутъ ночевать.

„Въ виду полной невозможности водворить порядокъ собственными средствами, учебное начальство обратилось къ содѣйствію гражданской власти, по распоряженію которой около 12 час. ночи въ зданіе университета были введены полиція и военная команда; засимъ всѣ самовольно проникшіе въ университетъ, безъ особаго съ ихъ стороны сопротивленія, были арестованы и препровождены въ манежъ.

„По осмотрѣ очищенныхъ отъ толпы университетскихъ помѣщеній, кромѣ упомянутыхъ выше поврежденій, оказались поломанными: парты въ аудиторіяхъ, столы для практическихъ занятій, стулья, конторки, при чемъ хранившіяся въ нихъ бумаги уничтожены. На полу найдены обмотанная тряпкою гиря, финскіе ножи, длинная палка, выломанные изъ университетской рѣшетки желѣзные прутья, а при обыскѣ у нѣкоторыхъ арестованныхъ отобраны финскіе ножи, кастеты и револьверы; во многихъ мѣстахъ были устроены баррикады.

„Все вышеприведенное свидѣтельствуетъ, что принимавшіе участіе въ безчинствахъ студенты считаютъ помѣщенія университета предназначенными не для мирныхъ учебныхъ занятій, а для противозаконныхъ сборищъ, и позволяютъ себѣ поступки, свойственные не приличнымъ, воспитаннымъ молодымъ людямъ, а буйной разнузданной толпѣ, забывающей всякое уваженіе къ порядку и къ чужой собственности; а посему я нахожу, что такимъ молодымъ людямъ не можетъ быть мѣста въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Вслѣдствіе сего предлагаю попечителю Московскаго учебнаго округа поручить правленію Императорскаго Московскаго университета независимо отъ взысканій, коимъ виновные могутъ быть подвергнуты по общимъ узаконеніямъ, немедленно исключить изъ числа студентовъ онаго всѣхъ тѣхъ, кои были арестованы въ ночь на 10-е февраля въ зданіи университета, примѣнивъ эту мѣру и къ слушателямъ другихъ подвѣдомственныхъ мнѣ учебныхъ заведеній, арестованнымъ совмѣстно со студентами университета“.

15 февраля во всѣхъ московскихъ газетахъ былъ кромѣ того

напечатанъ приказъ по московской полиціи такого содержанія: „Нижеслѣдующія лица, задержанныя 9 февраля чинами полиціи за нарушеніе обязательнаго постановленія Его Императорскаго Высочества, московскаго генералъ-губернатора, объявленнаго 17-го марта 1901 г., и дополненія таковаго отъ 23 января 1902 г., подвергаются аресту при полиціи“: на 3 мѣсяца—7 студентовъ московскаго университета, 10 студентовъ техническаго училища, 2 студента инженернаго училища, 1 студентъ сельско-хозяйственнаго института, 1 студентъ петербургскаго университета, 20 студентовъ межевого института, 3 ученика училища живописи, 3 ученика филармоническаго училища, 1 ученикъ консерваторіи, одна слушательница акушерскихъ курсовъ, 2 слушательницы педагогическихъ курсовъ, 1 слушательница зубоврачебной школы, 1 слушательница повивальнаго института, двое дворянъ и жена агронома; на 2 мѣсяца—97 студентовъ университета; на 1 мѣсяцъ—55 лицъ разнаго званія; на 14 дней—7 учениковъ Строгановскаго училища; на 7 дней—2 лица разнаго званія. За нарушеніе тѣхъ же постановленій 10 февраля подвергнуты аресту: на 3 мѣсяца,—1 служащій въ губернской земской управѣ; на 1 мѣсяцъ—8 студентовъ университета, 5 студентовъ инженернаго училища и 5 лицъ разнаго званія.

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ появилось слѣдующее сообщеніе и. д. одесскаго градоначальника: „23-го сего февраля, въ началѣ 2-го часа дня, небольшой группой лицъ былъ произведенъ на углу Екатерининской и Дерибасовской ул. безпорядокъ съ попыткою къ демонстраціи, мѣрами полиціи быстро прекращенный. Задержанныя при этомъ лица, какъ нарушившія изданное на основаніи положенія объ усиленной охранѣ и дѣйствующее въ одесскомъ градоначальствѣ обязательное постановленіе отъ 21 янв. 1884 г. о недопущеніи скопищъ при уличныхъ безпорядкахъ, постановленіемъ и. д. одесскаго градоначальника, состоявшимся 25 февраля с. г., подвергнуты, независимо той отвѣтственности, коей они могутъ подлежать въ общемъ порядкѣ, аресту при полиціи“—32 лица на 3 мѣсяца, 15—на два мѣсяца и 7—на 1 мѣсяцъ. Среди арестованныхъ были — одинъ студентъ, двое бывшихъ студентовъ, остальные рабочіе и ремесленники.

Въ „Вѣдомостяхъ Спб. Град.“ напечатанъ слѣдующій приказъ петербургскаго градоначальника: „3-го сего марта, въ 12½ ч. дня, на Невскомъ проспектѣ, между улицами Садовой и Казанской, среди собравшейся въ усиленномъ составѣ публики, наблюдаемой въ праздничные дни въ этомъ районѣ города, группою молодыхъ людей, преимущественно студентовъ, были сдѣланы три попытки произвести уличные безпорядки, при чемъ нѣкоторыми лицами были развернуты красные флаги съ преступными надписями. Попытки эти въ самомъ началѣ были прекращены мѣрами полиціи, всѣ флаги отобраны и выкинувшія ихъ лица, а равно

и большинство участниковъ безпорядковъ, задержаны". „Принимая во вниманіе, что всѣ задержанныя лица оказываются во всякомъ случаѣ виновными въ нарушеніи обязательныхъ постановленій с.-петербургскаго градоначальника, изданныхъ 8 марта и 9 декабря 1901 г.", градоначальникъ, по словамъ приказа, „независимо отъ привлеченія главныхъ виновниковъ къ дознанію по уложенію о наказаніяхъ", постановилъ подвергнуть задержанныхъ лицъ аресту на основаніи обязательныхъ постановленій. Въ приказѣ поименованы 86 лицъ, подвергнутыхъ аресту на 3 мѣсяца. По званіямъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: студентовъ: с.-петербургскаго университета—21, горнаго института—5, института гражданскихъ инженеровъ—2, технологическаго института—4, института инженеровъ путей сообщенія—4, военно-медицинской академіи—2, слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ—2, слушательницъ женскаго медицинскаго института—2 и лицъ обоего пола разныхъ званій—44.

7 марта въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось сообщеніе министерства финансовъ, извѣщавшее, что „министръ финансовъ сдѣлалъ распоряженіе: закрыть кіевскій политехническій институтъ до конца учебнаго года; студентовъ II и старшихъ курсовъ оставить на слѣдующій академическій годъ на тѣхъ курсахъ, на которыхъ они состояли въ этомъ году; студентовъ же перваго курса уволить съ предоставленіемъ институту права допускать къ конкурснымъ испытаніямъ, наравнѣ со вновь поступающими, тѣхъ изъ нихъ, обратный пріемъ коихъ начальство института признаетъ возможнымъ".

12 марта въ той же газетѣ было напечатано слѣдующее „правительственное сообщеніе":

„Происходившія за послѣдніе годы волненія среди нѣкоторой части молодежи высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи приняли въ концѣ минувшаго 1901 года явно противоправительственный характеръ. Не ограничиваясь, какъ раньше, предъявленіемъ различныхъ требованій измѣненія академическаго строя, руководители студенческаго движенія, какъ въ рѣчахъ на недозволенныхъ сходкахъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и въ многочисленныхъ подпольныхъ воззваніяхъ и прокламаціяхъ, пытались увлечь учащуюся молодежь на путь политическаго движенія, открыто заявляя о необходимости измѣненія формъ существующаго образа правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая безсиліе учащейся молодежи для непосредственнаго осуществленія такихъ стремленій, руководители этого движенія, въ тѣсномъ общеніи съ существующими революціонными группами и кружками, вели въ томъ же духѣ преступную пропаганду среди общества и рабочихъ большихъ городовъ, какъ устнымъ путемъ, такъ и распространеніемъ преступныхъ изданій. Однимъ изъ ближайшихъ способовъ заявленія своихъ стремленій агитаторы признавали устрой-

ство уличныхъ демонстрацій, къ чему и были сдѣланы попытки въ разныхъ городахъ.

„Для устройства подобной же уличной демонстраціи въ Москвѣ было избрано 9-е февраля сего года. По распоряженію мѣстной власти, получившей объ этомъ свѣдѣнія, были арестованы, до указаннаго дня, въ числѣ 47 лицъ, наиболѣе дѣятельные подстрекатели устройства предположенной демонстраціи и возможные ея руководители, выработавшіе, между прочимъ, и подробную ея программу на одной изъ тайныхъ сходокъ. Мѣра эта, оказавшая несомнѣнно вліяніе на интенсивность послѣдовавшихъ безпорядковъ, для полнаго ихъ предупрежденія оказалась, однако, недостаточною, такъ какъ 9-го февраля въ московскомъ университетѣ, избраннымъ исходной точкой для предполагавшейся демонстраціи, произошли событія, изложенныя въ приказѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го февраля 1902 г. за № 1.

„Вслѣдъ затѣмъ, воззваніемъ отъ 15-го февраля сего года, группа студентовъ московскаго техническаго училища, присвоившая себѣ наименованіе „Исполнительнаго Комитета“ этого училища, обратилась съ приглашеніемъ ко всѣмъ желающимъ выразить протестъ—явиться 17-го февраля къ 2 часамъ дня къ памятнику Пушкина для устройства уличной демонстраціи. Въ назначенный день въ указанное мѣсто собрались нѣсколько студентовъ этого училища и, соединившись группой, приступили къ совѣщанію о начатіи шествія; при первой же ихъ попыткѣ двинуться демонстративно по бульвару къ Никитскимъ воротамъ они тотчасъ же были оцѣплены полиціей, при чемъ задержано 11 человѣкъ, при коихъ оказался флагъ съ преступною надписью.

„При разсмотрѣніи вопроса о виновности лицъ, участвовавшихъ въ этихъ безпорядкахъ, приняты были во вниманіе, какъ характеръ изложенныхъ событій, такъ и необходимость, для предупрежденія дальнѣйшаго вліянія главныхъ виновныхъ на окружающую среду, поставить ихъ въ условія, наименѣе благопріятныя для дальнѣйшаго проявленія революціонной дѣятельности, и, въ сихъ видахъ, всѣ виновные были предположены къ водворенію подъ надзоръ полиціи въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи на болѣе или менѣе продолжительные сроки. По доведеніи этого предположенія до Высочайшаго свѣдѣнія, Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть сохранить мѣру высылки въ предѣлы иркутскаго генералъ-губернаторства лишь въ отношеніи главныхъ виновныхъ; прочихъ же участниковъ подвергнуть тюремному заключенію на сроки отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ.

„Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждены 7 сего марта журналы особаго совѣщанія, образованнаго на основаніи 34 ст. положенія о государственной охранѣ, разсматривавшаго дѣло о 682 участникахъ безпорядковъ

въ Москвѣ 9 и 19 февраля, при чемъ лица, изобличенныя въ политической неблагонадежности, подготовленіи демонстрацій и сознательномъ участіи въ оныхъ, въ числѣ 95 лицъ, высылаются подъ надзоръ полиціи въ предѣлы иркутскаго генералъ-губернаторства на сроки отъ 2 до 5 лѣтъ; 567 лицъ подвергаются тюремному заключенію на сроки отъ 3 до 6 мѣсяцевъ и 6 лицъ подчиняются надзору полиціи на 1 годъ въ мѣстѣ жительства родителей или родственниковъ; въ отношеніи 14 лицъ дѣло прекращено.

„По учебнымъ заведеніямъ лица эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: студентовъ московскаго университета — 537, московскаго техническаго училища—32, московскаго сельско-хозяйственнаго института—13, московскаго инженернаго училища—3, студентовъ лазаревскаго института—1, студентовъ межеваго института—7, слушательницъ разныхъ курсовъ—55, разночинцевъ мужчинъ и женщинъ—34.

„Главнымъ мѣстомъ отбытія тюремнаго заключенія лицами, подвергнутыми таковому, назначена временная архангельская тюрьма".

Въ оффиціальной „Финляндской Газетѣ" также напечатано нѣсколько сообщеній, которые мы приводимъ частью въ извлеченіяхъ, частью цѣликомъ.

„5-е февраля,—день годовщины обнародованія Высочайшаго манифеста отъ 3-го февраля 1899 г.,—и въ нынѣшнемъ году,—говоритъ первое изъ нихъ,—ознаменовался въ Гельсингфорсѣ демонстраціей, хотя и въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ прошломъ году. Дѣло обошлось „мракомъ" въ центральной части города и уличными безпорядками сравнительно небольшой толпы, которую, однако, подстрекали кое-кто изъ мѣстной интеллигенціи. Какихъ-либо предварительныхъ приготовленій съ утра въ этотъ день замѣтно не было. Съ наступленіемъ же темноты, окна магазиновъ въ центральной части города не были освѣщены обычнымъ порядкомъ: скудный свѣтъ замѣчался лишь въ глубинѣ ихъ. Въ восьмомъ часу и эти огни были потушены, и магазины заперты. Равнымъ образомъ и частныя квартиры на Эспланадной улицѣ къ этому времени погрузились въ темноту, либо были тщательно завѣшаны, какъ это имѣло мѣсто и въ прошломъ году. Съ 6½ часовъ стала прибывать на Эспланадную улицу публика, и къ 7 часамъ на тротуарахъ стало уже тѣсно. Главнымъ образомъ тѣснились около шведскаго театра, противъ неуспѣвшаго еще погасить огней магазина „Kristall-magasinet" и противъ дома № 39, гдѣ жительствуетъ одинъ русскій штабъ-офицеръ, квартира котораго, по случаю гостей, была ярко освѣщена. Въ это же время появились въ толпѣ портреты сенаторовъ, подавшихъ голосъ за опубликованіе Высочайшаго манифеста 3-го февраля. Напечатанные на глазированной бумагѣ, портреты эти были снабжены

особымъ крупнымъ штемпелемъ на финскомъ и шведскомъ языкахъ „Isänmaanpettäfä“, „Fosterlandsförrädate“ („предатель отечества“). Полиціи удалось задержать двухъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ распространеніи этихъ листковъ. Нѣсколько такихъ портретовъ были прибиты на домахъ сенатора Энеберга и бывшаго сенатора Ирье-Коскинена. Часовъ до 9 публика вела себя довольно спокойно. Со стороны полиціи воспрещалось останавливаться, дабы не задерживать движенія, но около девяти часовъ проѣздъ по Эспланадской улицѣ сталъ затруднительнымъ вслѣдствіе того, что толпа, состоявшая до сихъ поръ изъ учащейся молодежи и интеллигенціи, а къ этому времени пополнившаяся и другими элементами: приказчиками, прислугою и т. п., выступила подъ вліяніемъ нѣсколькихъ лицъ изъ интеллигенціи за предѣлы тротуаровъ и стала расхаживать по срединѣ улицы, запрудивъ ее совсѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались крики, кашлянье хоромъ, возгласы „ура“ всякій разъ, когда полиція обращалась къ толпѣ съ предложеніемъ разойтись, или если появлялась на улицѣ форма русскаго офицера. Помощникъ полицеймейстера былъ освистанъ. Для очистки мѣста у театра и проѣзда по улицѣ была вызвана конная полицейская стража, при содѣйствіи которой и удалось въ концѣ-концовъ разсѣять толпу, оттѣснивъ ее съ Эспланады, которая и была затѣмъ отдѣлена цѣпью полицейскихъ. Къ 11½ ч. безпорядки прекратились, видны были только одиночные прохожіе и кое-гдѣ небольшія кучки въ 4—5 человѣкъ учащейся молодежи. Привлечено къ отвѣтственности до 40 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ интеллигентныхъ. Безсмысленная манифестація нашла осужденіе и въ мѣстной печати. Газета „Pâivâleliti“ на другой же день помѣстила небольшую замѣтку слѣдующаго содержанія: „Достойное порицанія поведеніе проявила вчера вечеромъ толпа праздношатающихся и повѣсъ-мальчишекъ, собравшихся сперва передъ однимъ домомъ, находящимся на Сѣв. Эспланадной улицѣ, откуда пришлось ее разогнать силою. Затѣмъ она собралась на углу Зап. Генриховской и Андреевской улицъ, и отсюда опять была прогнана, послѣ чего безпорядочнымъ образомъ двинулась по центральнымъ улицамъ“.

„Въ 1890 г.—читаемъ мы въ другомъ сообщеніи „Ф. Газеты“,—на страницахъ многихъ финляндскихъ газетъ появилось воззваніе ко всеобщему протесту, обращенному непосредственно къ высочайшей власти, прямо противъ нея направленное. „Мы предлагаемъ, говорилось въ этомъ воззваніи,—чтобы всѣ общины Финляндіи на созванныхъ именно для этой цѣли сходкахъ выбрали представителей, которые должны всеподданнѣйше изложить предъ монархомъ чувства скорби по поводу частью уже произведенныхъ, частью еще подготовляемыхъ измѣненій, выразить надежду на то, что мѣропріятія эти будутъ отмѣнены“. Это воззваніе было первымъ крупнымъ проявленіемъ антиправительственной агитаціи на

страницахъ финляндской прессы. Сдѣланный починъ повлекъ за собою появленіе въ финлядскихъ газетахъ цѣлаго ряда статей самаго возмутительнаго содержанія, направленныхъ не только противъ всего русскаго, но даже дерзающихъ на критику предначертаній монарха. Вскорѣ вполнѣ ясно обнаружилось подчиненіе финляндской прессы какой-то тайной центральной власти, руководящей ею при обсужденіяхъ различныхъ мѣропріятій правительства. Правительству серьезными мѣрами почти удалось изгнать предосудительныя статьи со страницъ мѣстной печати, за то начало замѣчаться значительное развитіе подпольной прессы. Не вполнѣ удовлетворительно организованный пограничный надзоръ допускаетъ свободный ввозъ въ финляндскую окраину десятковъ тысячъ экземпляровъ подпольныхъ изданій, которыя, будучи усердно распространяемы преступною агитаціей, наводняютъ край. Брошюры и листки, въ большинствѣ случаевъ раздаваемые даромъ, проникаютъ въ каждый крестьянскій домъ и влекутъ мысли народа на ложный, а подчасъ и преступный путь. Подпольная періодическая пресса агитируетъ въ духѣ пассивнаго сопротивленія всѣмъ мѣропріятіямъ, исходящимъ отъ высшей власти, руководитъ бойкотомъ вѣрныхъ своему долгу служащихъ, указывая на своихъ страницахъ имя жертвы, а иногда возводитъ въ героевъ отечества тѣхъ, кто пошелъ по пути, намѣченному преступной пропагандой. Далѣе говорится: Гельсингфорской полиціи удалось на дняхъ установить фактъ, что въ квартирѣ служащаго въ главномъ межевомъ управленіи Ивана Гундстрема имѣются склады запрещенной литературы, а также въ квартирѣ магистра Гуммеруса. Въ обѣихъ квартирахъ были произведены обыски представителями главнаго управленія по дѣламъ печати при содѣйствіи чиновъ гельсингфорской полиціи. У Гундстрема, котораго не застали дома, сначала были арестованы запрещенныя произведенія печати, хранившіяся въ сараѣ. По прибытіи Гундстрема цензоръ, производившій обыскъ, и чины полиціи вошли въ его квартиру для продолженія обыска. Туда же прибылъ адвокатъ Іона Кастренъ, вошедшій съ громкимъ и дерзкимъ ругательствомъ по адресу полиціи. Подойдя къ полицейскому коммиссару, докладывавшему въ это время полицеймейстеру по телефону о ходѣ обыска, Кастренъ вырвалъ у него телефонную трубку и закричалъ, чтобы всѣ убирались вонъ. Арестованныя произведенія печати, хранившіяся въ сараѣ, были положены на извозчика и отправлены въ полицейскій участокъ. Въ это время во дворъ прибыли книгопродавецъ Венцель Хагельстамъ, докторъ Адольфъ Фермеръ, магистръ Лундстремъ и ратманъ гельсингфорскаго ратгаузскаго суда Линдбергъ, которые побуждали извозчика не выполнять приказанія коммиссара ѣхать, и лишь тогда, когда коммиссаръ взялъ лошадь подъ уздцы, удалось вывезти арестованныя произведенія печати. По прибытіи другого представителя главнаго

управленія по дѣламъ печати въ сопровожденіи чиновъ полиціи на квартиру магистра Гуммеруса и указаніи ему цѣли прибытія, послѣдній вынесъ нѣсколько десятковъ прошлогоднихъ нумеровъ газеты *Fia Ord* и предложилъ произвести обыскъ въ его квартирѣ. Представитель главнаго управленія по дѣламъ печати нашелъ достаточнымъ наружный осмотръ квартиры, а потому чины полиціи обыска не производили. Въ ту же ночь полицейскій констэбль обнаружилъ, что изъ воротъ дома, гдѣ производился обыскъ, вывозили два ломовыхъ воза, нагруженные какою-то кладью въ рогожахъ. Перевозка клади въ столь необычное время изъ дома, гдѣ днемъ производился обыскъ, возбудила подозрѣнія констэбля, и онъ рѣшилъ задержать означенныхъ извозчиковъ, схвативъ лошадь перваго подъ уздцы. Поднявшаяся на дыбы лошадь вырвалась отъ констэбля, и первый возъ поѣхалъ вскачь. Констэбль пытался задержать второго извозчика, но тотъ, ударивъ его по лицу возжами, вскачь послѣдовалъ за первымъ и скрылся изъ виду. Слѣдствіе по этому дѣлу производится".

Слѣдующее сообщеніе касается судебнаго разбора упомянутаго дѣла объ обыскахъ. „Въ четвергъ, 28 февраля (13 марта),— говорится въ немъ,—слушалось дѣло по обвиненію кандидата правъ Іоны Кастрена, книгопродавца Венцеля Хагельстама, доцента, д-ра Адольфа Тернгрена и магистра Александра Лундстрема въ сопротивленіи чиновникамъ и полиціи при исполненіи ими служебныхъ обязанностей во время обыска у вицегерадсгевдинга Ивара Грундстрема 6 (19) февраля... Протоколъ, составленный объ этихъ происшествіяхъ полицейскимъ коммисаромъ Андросовымъ, и послужилъ основаніемъ для привлеченія обвиняемыхъ къ судебной отвѣтственности. На судъ явились всѣ обвиняемые, изъ коихъ Іона Кастренъ заявилъ, что будетъ защищать своихъ товарищей Хагельстама, Тернгрена и Лундстрема. Со стороны мѣстной полиціи явился коммиссаръ Андросовъ; прокурорскія обязанности исполнялъ городской фискалъ Местертонъ. Изъ прочитаннаго на судѣ полицейскаго протокола и объясненій подсудимыхъ видно, что въ этой исторіи видную роль игралъ телефонъ. Иваръ Грундстремъ, извѣщенный по телефону, что въ его квартирѣ производится обыскъ, по телефону же вызвалъ Іону Кастрена въ качествѣ „юридическаго помощника"—хотя и самъ юристъ по образованію и званію. Кастренъ пригласилъ въ качествѣ „свидѣтеля" д-ра Тернгрена, который, въ свою очередь, „раздѣляя убѣжденіе, что обыскъ не основанъ на законахъ края и противорѣчитъ нашему правосознанію", счелъ своимъ долгомъ послѣдовать приглашенію І. Кастрена, встрѣтился съ Хагельстамомъ, Линдбергомъ и Лундстремомъ и отправился съ ними въ квартиру Ивара Грундстрема. Іона Кастренъ показалъ, по отчету „Hufvudstadsbladet" (№ 71, отъ 14 марта н. ст.), что онъ „счелъ себя обязаннымъ, въ качествѣ адвоката, оказать помощь г. Ивару Грундстрему въ

столь щекотливомъ дѣлѣ, а потому поѣхалъ на его квартиру и позвалъ туда другихъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей. У воротъ дома № 19 по Альбертской ул., констебль сыскной полиціи пытался не пропустить его, но тщетно. Во дворѣ онъ нашелъ извозчичьи сани съ ящикомъ, а въ передней г. Грундстрема засталъ г. Вайніо, двухъ коммиссаровъ и двухъ штатскихъ, ему неизвѣстныхъ. Войдя, онъ спросилъ: „что здѣсь происходитъ?“ и заявилъ, что прибылъ въ качествѣ юрисконсульта г. Грундстрема. Услышавъ затѣмъ, что обыскъ производится не на основаніи уголовнаго уложенія или устава о печати, онъ объявилъ полицейскимъ, что они должны удалиться, не увозя съ собою ничего принадлежащаго Грундстрему, впредь до разрѣшенія дѣла“. Обвиненіе онъ отрицалъ, какъ „несправедливое съ начала до конца“. Докторъ Тернгренъ, поддерживая объясненія Іоны Кастрена, заявилъ, что ему „показалось, что полицейскіе въ домѣ № 19 по Альбертской улицѣ не исполняли никакой служебной обязанности“ и что имъ никто не мѣшалъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Ратманъ юстиціи —членъ ратгаузскаго суда—Линдбергъ „считалъ для Грундстрема необходимымъ имѣть своихъ свидѣтелей при такомъ событіи, какъ обыскъ“. Сверхъ того, онъ „въ качествѣ члена городского управленія желалъ убѣдиться, насколько полиція, состоящая на городской службѣ, охотно помогаетъ дѣйствіямъ, не встрѣчающимъ опоры въ мѣстныхъ законахъ“. Къ свидѣтелю Нюхольму обратился, считая его не полицейскимъ констеблемъ, а извозчикомъ, не имѣющимъ отношенія къ дѣлу. Обвиненіе онъ также отвергаетъ въ полномъ составѣ. Коммиссаръ Андросовъ изложилъ обстоятельства дѣла вполнѣ согласно съ протоколомъ. Точно также показали свидѣтели Кайтокангасъ, Нюхольмъ, Гренлундъ и авъ-Бьеркстенъ. Послѣдній заявилъ лишь, что онъ не слыхалъ оскорбительнаго слова Іоны Кастрена по адресу полиціи („pack“—сбродъ, сволочь, по показанію другихъ свидѣтелей). Городской фискалъ Мистертонъ высказалъ въ своемъ заключеніи, по отчету упомянутой выше шведской газеты, слѣдующее: „Ратманъ Линдбергъ, магистръ Лундстремъ и доцентъ Тернгренъ обвиняются полицейскимъ коммиссаромъ Андросовымъ въ покушеніи помѣшать чиновникамъ въ исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей; но такъ какъ подобное дѣяніе не наказуемо по нашему закону и слѣдствіемъ не доказано, чтобы они провинились въ чемъ либо другомъ, то обвинитель отказывается отъ преслѣдованія ихъ. Относительно книгопродавца Хагельстама городской фискалъ „призналъ недоказаннымъ, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе воспрепятствовать увозу арестованныхъ вещей, хотя и старался помѣшать увозу чужого имущества, пока не было выяснено, въ чемъ собственно дѣло“. Относительно Іоны Кастрена „доказано только употребленіе имъ оскорбительнаго для полиціи выраженія“; но онъ „не мѣшалъ полицейскому ком-

миссару Андросову въ исполненіи его служебныхъ обязанностей и не проявилъ насилія противъ него“, поэтому и отвѣтственности онъ подлежитъ лишь за оскорбленіе на словахъ. Ратманъ Линдбергъ просилъ не устранять его отъ участія въ дѣлѣ, не смотря на отказъ фискала отъ обвиненія. Іона Кастренъ просилъ судъ освободить Тернгрена, Хагельстама и Лундстрема, а дѣло продолжать, отложивъ дальнѣйшее слушаніе до другого засѣданія, къ коему вызвать свидѣтелей: Анну Линдгольмъ, Констанцію Грундстремъ, агронома Эльвинга, служанку Валленіусъ, вицегерадсгевдинга Ивара Грундстрема, купца Мортенсена, д-ра Кремера, лектора Жано Пуаро, а также Венцеля Хагельстама, Тернгрена и Лундстрема, превращенныхъ изъ обвиняемыхъ въ свидѣтелей. Очевидно, онъ собирается вести процессъ въ томъ же духѣ, какъ и пресловутое дѣло Ирье-Коскинена. Судъ постановилъ: устранить изъ дѣла подсудимыхъ Хагельстама, Тернгрена, Линдберга и Лундстрема за отказомъ городского фискала отъ обвиненія, и согласно ходатайству Кастрена отложить засѣданіе до 11 час. утра 10 апрѣля н. ст., когда коммиссаръ Андросовъ и отвѣтчикъ Кастренъ должны явиться лично, а первый, сверхъ того, представить всѣ доказательства, какія можетъ. Ратману Линдбергу предоставляется право возбудить противъ Андросова встрѣчное обвиненіе. Коммиссаръ Андросовъ заявилъ неудовольствіе противъ сего приговора“.

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее обширное сообщеніе по поводу демонстрацій, произведенныхъ лѣтомъ прошлаго года въ гельсингфорскихъ церквахъ. „Происшествія, сопровождавшія объявленіе Высочайшаго манифеста 29-го іюня 1901 г. въ двухъ гельсингфорскихъ лютеранскихъ церквахъ 3 и 10 февраля, вызвали много разныхъ, противорѣчивыхъ толковъ. Въ виду сего редакція „Финляндской Газеты“ даетъ мѣсто послѣдовательному изложенію какъ самыхъ происшествій, такъ и подготовившей ихъ агитаціи.

„Высочайшимъ манифестомъ отъ 29 іюня (12 іюля) 1901 г. объявлено было объ изданіи Высочайше утвержденнаго для Великаго Княжества Финляндскаго новаго устава о воинской повинности. Вскорѣ послѣ этого въ г. Гельсингфорсъ начали съѣзжаться многіе депутаты чрезвычайнаго сейма 1899 года и другія лица, извѣстныя своею политическою дѣятельностью. Послѣ нѣсколькихъ частныхъ сходокъ, главнымъ образомъ, на квартирѣ извѣстнаго политическаго дѣятеля Мехелина, всѣ вышеупомянутыя лица и многія другія собрались 4 (17) августа на островѣ Тургольмъ (близъ г. Гельсингфорса), гдѣ и выработали прокламацію къ пасторамъ, въ коей обращались къ духовнымъ пастырямъ народа, чтобы они личнымъ примѣромъ неподчиненія названному Высочайшему повелѣнію повлекли бы къ тому же своихъ прихожанъ, и отнюдь не объявляли бы, какъ то требуется закономъ, съ церковныхъ кафедръ Высочайшаго манифеста о воинской по-

винности, „дабы тѣмъ не дать новому постановленію даже тѣни закона". Вслѣдъ за этой прокламаціей среди населенія начала распространяться другая—подъ заглавіемъ: „Какъ слѣдуетъ поступать въ дѣлѣ воинской повинности" и подписанная „нѣкоторые сеймовые депутаты". Въ послѣдней прокламаціи, обращенной „къ почтеннымъ гражданамъ", рекомендуется прихожанамъ обратиться черезъ депутаціи къ пасторамъ съ просьбами не объявлять Высочайшаго манифеста, а если послѣдніе не дадутъ рѣшительнаго отвѣта, то заявить въ церкви дружный протестъ, лишь только пасторъ начнетъ чтеніе, не останавливаясь даже передъ самыми энергичными мѣрами для его прерванія, послѣ чего безотлагательно всѣмъ выходить изъ церкви.

„Кромѣ этихъ прокламацій, въ краѣ появилось громадное количество всевозможныхъ брошюръ и листковъ, помѣченныхъ, главнымъ образомъ, Стокгольмомъ и Штетиномъ, въ коихъ народу представлялся въ самомъ извращенномъ видѣ новый уставъ о воинской повинности. Слѣдуя намѣченной въ вышеприведенныхъ прокламаціяхъ программѣ, пасторы во многихъ церквахъ отказались, какъ извѣстно, отъ объявленія Высочайшаго манифеста,—нѣкоторые, войдя съ ходатайствомъ въ Императорскій финляндскій сенатъ объ избавленіи ихъ отъ таковой обязанности, другіе же, подавъ весьма рѣзкіе отзывы, въ коихъ заявляли, что „не могутъ признавать за Высочайшимъ манифестомъ силы и значенія закона", а потому „по долгу совѣсти и не могутъ объявить ихъ какъ законъ безъ содѣйствія тѣмъ правонарушенію и измѣны принятой ими присягѣ". Однако, Императорскій финляндскій сенатъ отказалъ во всѣхъ ходатайствахъ пасторовъ и предписалъ консисторіямъ принять соотвѣтственныя мѣры къ скорѣйшему обнародованію новаго закона.

„Временемъ, потребнымъ для разсылки по всей финляндской окраинѣ „Сборника постановленій", содержащаго Высочайшій манифестъ о воинской повинности, а также задержкою нѣкоторыми магистратами передачи означеннаго „Сборника постановленій" въ надлежащія пасторскія управленія,—при чемъ нюстадскій магистратъ даже не передалъ его вовсе, основываясь на томъ, что „новый уставъ не можетъ имѣть въ Финляндіи силы закона"—усердно воспользовалась преступная агитація, подготовивъ къ противодѣйствію вліятельную интеллигенцію, а въ нѣкоторыхъ, немногихъ общинахъ—и самый народъ.

„При началѣ чтенія Высочайшаго манифеста въ иныхъ церквахъ отдѣльныя личности, главнымъ образомъ, изъ интеллигентовъ, обращались къ пастору съ заявленіемъ, будто бы отъ имени прихожанъ, „не читать документовъ, состоявшихся въ порядкѣ, не установленномъ основными законами", въ другихъ — прерывали чтеніе пѣніемъ псалма „Господь—наша могучая защита" или шумно выходили изъ церкви. Въ сиббоской же церкви (Ню-

ландской губ.) нѣкоторыя интеллигентныя лица позволили себѣ насильно удалять желавшихъ слушать чтеніе Высочайшаго манифеста, а при выходѣ пастора изъ церкви—вырывать у него документы, толкать и давать ему пинки. Обращавшіеся къ пасторамъ съ приведенными заявленіями и призывавшіе прихожанъ начинать пѣніе псалма, не назначеннаго, какъ-то требуется § 24 церковнаго уложенія, пасторомъ на этотъ день, были привлекаемы къ судебной отвѣтственности, но оправдываемы мѣстными судами. Не смотря на категорическое указаніе сената и епископовъ, нѣкоторые пасторы всетаки не приступили къ чтенію Высочайшаго манифеста о воинской повинности, за что и привлечены къ подлежащей отвѣтственности; для объявленія же съ церковныхъ каѳедръ новаго закона были вмѣсто нихъ командированы неимѣющіе приходовъ пасторы, изъ которыхъ пасторъ Хальме приступилъ къ чтенію Высочайшаго манифеста въ гельсингфоргскихъ церквахъ: 3-го (16-го) въ Николаевской и 10 (13) февраля въ новой церкви. Лишь только названный пасторъ началъ чтеніе Высочайшаго манифеста въ Николаевской церкви, тотчасъ же около него образовалась группа лицъ, предводительствуемая бывшимъ редакторомъ газеты „Päivälheti“ Эро Экко, который заявилъ: „отъ имени финскаго народа мы просимъ васъ прекратить чтеніе постановленія о воинской повинности и сойдти съ каѳедры“, при чемъ вокругъ послышались голоса: „мы присоединяемся!“ Вслѣдъ за симъ начали пѣть псаломъ „Господь—наша могучая защита“, почему пасторъ вынужденъ былъ прекратить чтеніе.

„Участники демонстраціи были приглашены полицейскимъ коммиссаромъ въ участокъ для составленія протокола, при чемъ сначала они желали уклониться отъ выполненія требованія коммиссара, но по приближеніи нѣсколькихъ констаблей повиновались. При допросѣ всѣ задержанные, въ числѣ коихъ былъ, между прочимъ, недавно отрѣшенный сенатомъ отъ должности ректоръ шведскаго нормальнаго лицея фонъ-Бонсдорфъ, состоящій нынѣ тамъ же преподавателемъ, адвокаты вице-герадсгевдинги фонъ-Гартманъ и Эмиль Валлинъ и др., желали отвѣчать всѣ разомъ, удаленные же въ другую комнату, сдѣлали попытки скрыться, но были остановлены. По составленіи протокола всѣ задержанные были освобождены.

„Въ слѣдующее воскресенье, 10 (23) февраля, приступивъ послѣ окончанія службы къ чтенію Высочайшаго манифеста въ новой церкви, пасторъ Хальме былъ остановленъ громкимъ возгласомъ вышеупомянутаго г. фонъ-Бонсдорфа: „Пастору нельзя читать постановленіе о воинской повинности, такъ какъ оно незаконное и явилось незаконнымъ путемъ и мы протестуемъ противъ чтенія“. Вслѣдъ за симъ д-ръ Іоганъ-Вильгельмъ Цилліакусъ и другіе окружавшіе г. фонъ-Бонсдорфа, а также и многіе при-

хожане кричали: „нельзя читать подобное“ и тотчасъ же начали пѣть псаломъ: „Господь—наша могучая защита“, къ каковому пѣнію присоединились всѣ находившіеся въ церкви, чѣмъ и заставили пастора Хальме прекратить чтеніе Высочайшаго манифеста. При выходѣ изъ церкви, на паперти, лица, участвовавшія въ безпорядкахъ, были приглашены полиціею въ полицейскій участокъ для составленія протокола. Не смотря на неоднократныя просьбы полиціи разойдтись, огромная толпа сопровождала задержанныхъ до полицейскаго участка, передъ которымъ и осталась ждать, запрудивъ прилегающія улицы. На всѣ приглашенія полиціи разойдтись толпа отвѣчала крикомъ „ура“, почему были вызваны конные полицейскіе и имѣвшійся пѣшій нарядъ, которые и разсѣяли толпу, при чемъ нѣсколько сопротивлявшихся были задержаны. Въ числѣ приглашенныхъ въ полицейскій участокъ для составленія протокола между прочими были: отрѣшенный отъ должности вице-ландскамериръ нюландскаго губернскаго правленія Вернеръ Гольмбергъ, бывшій ректоръ фонъ-Бонсдорфъ, магистры философія Гуго Вильгельмъ Блумквистъ и Генрихъ Столь; протокольный секретарь Сената Эмиль Фуругельмъ, позволившій себѣ ударить палкой полицейскаго комиссара, нѣсколько человѣкъ изъ учащейся молодежи и др. Всѣ протоколы по сему дѣлу переданы городскому фискалу для привлеченія виновныхъ къ судебной отвѣтственности“.

Недавно въ гельсингфорскомъ ратгаузскомъ судѣ начался разборъ этихъ дѣлъ и „Финлядская Газета“ напечатала сообщеніе о состоявшемся 1 (14-го) марта разсмотрѣніи перваго такого дѣла—по обвиненію вице-герадсгевдинга Вернера Хольмберга. Обвиняемый, согласно этому сообщенію, „вмѣстѣ съ другими лицами, поддержалъ криками и пѣніемъ псалма „Богъ—наша могучая защита“ протестъ отставного ректора лицея фонъ-Бонсдорфа и такимъ образомъ лишилъ пастора Хальме возможности продолжать чтеніе манифеста. Затѣмъ, уже на улицѣ, онъ не послѣдовалъ приглашенію полицейскаго чиновника слѣдовать въ участокъ для составленія протокола и оказалъ насильственное сопротивленіе, когда полиція принуждена была отвести его въ участокъ. Послѣ провѣрки на судѣ явившихся свидѣтелей обѣихъ сторонъ былъ прочитанъ полицейскій рапортъ. Затѣмъ предсѣдательствовавшій въ засѣданіи ратманъ Лу прочиталъ письменное предложеніе городского фискала Местертона о привлеченіи по жалобѣ Хольмберга полицейскаго комиссара Кайтокангаса, старшаго констабля Молодкина, констаблей Гренфорса и Линдстрема къ отвѣтственности за незаконное арестованіе, упущеніе по службѣ и „нарушеніе субботняго дня“, sabbatsbrott (безпорядки были произведены въ воскресенье, 10 (23) февраля). Хольмбергъ пространно разсказалъ о происшествіяхъ въ новой лютеранской церкви, при чемъ признался, что кричалъ

вмѣстѣ съ другими лицами и началъ пѣть псаломъ, но не могъ продолжать, такъ какъ остальные пѣвцы „слишкомъ высоко подняли тонъ". Отказъ слѣдовать въ участокъ онъ объяснялъ тѣмъ, что приглашалъ его человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, который не объявилъ своего званія, а только показалъ полицейскій значекъ, что онъ предлагалъ тутъ же, на улицѣ, сообщить свою фамилію и адресъ, но полиція требовала явки въ участокъ. Полицейскіе чины, Кайтокангасъ и Молодкинъ, отказались давать какія бы то ни было объясненія по предъявленному къ нимъ неожиданно встрѣчному обвиненію, такъ какъ оно не относится къ подлежащему разсмотрѣнію суда дѣлу на основаніи полицейскаго рапорта, по которому они являются обвинителями. Не смотря на угрозы предсѣдателя, они не отвѣчали на вопросы, не относящіеся къ полицейскому рапорту, объясняя свой отказъ, между прочимъ, тѣмъ, что ими заявлено неудовольствіе на постановленіе ратгаузскаго суда о совмѣстномъ слушаніи дѣлъ по полицейскому и встрѣчному, частному обвиненію. На вопросъ объ основаніи ареста Хольмберга, Молодкинъ отвѣтилъ, что онъ былъ задержанъ потому, что не слушалъ приглашенія полиціи удалиться. На вопросъ, почему Молодкинъ не записалъ фамиліи и адреса Хольмберга, былъ данъ отвѣтъ, что было не до того, такъ какъ на улицѣ собралась громадная толпа и невозможно было на улицѣ производить слѣдствіе или допросы. Свидѣтели, выставленные обвиненіемъ, подтвердили содержаніе полицейскаго рапорта. Хольмбергъ назвалъ всѣ показанія свидѣтелей обвиненія ложью. Затѣмъ Хольмбергъ, въ длинной, прочитанной по бумажкѣ рѣчи, не столько оправдывался, сколько обвинялъ полицію, распространялся о томъ „направленіи, которое нынѣ существуетъ въ гельсингфорской полиціи", говорилъ о „печальномъ объявленіи пастора Хальме" и въ концѣ концовъ требовалъ осужденія Кайтокангаса, Молодкина и двухъ констаблей. Фискалъ Альбрехтъ нашелъ рапортъ полиціи недостаточнымъ по отношенію къ безпорядку въ церкви, такъ какъ „Молодкинъ не можетъ судить, помѣшали-ли пастору въ исполненіи его служебныхъ обязанностей", а потому отказался отъ обвиненія Хольмберга. Сопротивленіе его полиціи онъ счелъ правильнымъ, но предоставилъ суду рѣшить вопросъ: былъ-ли въ данномъ случаѣ незаконный арестъ или только незаконное приглашеніе въ участокъ? Во всякомъ случаѣ, онъ обвинялъ Молодкина въ упущеніи по службѣ, такъ какъ онъ „долженъ былъ знать своего начальника, служащаго въ губернскомъ правленіи". Молодкинъ замѣтилъ на это, что Хольмбергъ не служитъ въ губернскомъ правленіи. Отъ обвиненія констаблей Гренфорса и Линдстрема обвинитель отказался, такъ какъ они исполняли приказаніе начальника; коммиссара Кайтокангаса городской фискалъ признавалъ „въ высшей степени" виновнымъ въ упущеніи по службѣ. Ратгаузскій судъ

отказалъ въ отсрочкѣ засѣданія для выслушанія новыхъ свидѣтелей, оправдалъ Хольмберга въ нарушеніи порядка въ церкви, за отказомъ обвинителя, Молодкина призналъ виновнымъ въ незаконномъ арестованіи Хольмберга и „нарушеніи субботы", а Кайтокангаса—въ упущеніи по службѣ, и приговорилъ: Молодкина къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, а Кайтокангаса—къ штрафу въ 200 мар. съ замѣною при несостоятельности арестомъ на 30 дней. Сверхъ того на нихъ возложены судебныя издержки. Констабли оправданы".

В. Мякотинъ.

Отъ конторы редакціи.

Гг. подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ **3** р., контора редаціи покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой слѣдующаго взноса, **съ приложеніемъ печатнаго адреса**, по которому высылается журналъ.

Подписчики **живущіе въ Москвѣ**, для избѣжанія лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (*Никитскія ворота, д. Гагарина*), **обязательно** представляя **печатный адресъ**, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

Лицамъ, не приславшимъ своевременно второго взноса, **высылка журнала** съ апрѣльской книжки **будетъ прекращена**.

ГАЗЕТЫ,

ВЫРАЗИВШІЯ СОГЛАСІЕ НА ВЗАИМНЫЙ ОБМѢНЪ ИЗДАНІЯМИ И ОБЪЯВЛЕНІЯМИ

въ 1902 г.

въ г. *Астрахани:*

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій.* На годъ 7 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *А. Н. Штылько,* издательница *А. А. Штылько.* На годъ 7 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Асхабадѣ:*

„АСХАБАДЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *З. Д. Джавровъ.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на мѣс. 1 р. 50 к.

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *К. М. Ѳедоровъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 2 р.; за границу на годъ 12 р.

въ г. *Баку:*

„КАСПІЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. М. Топчибашевъ.* На годъ 8 р. 50 к., на $^1/_2$ годъ 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.; за границу на годъ 13 р., на $^1/_2$ года 7 р.

въ г. *Благовѣщенскѣ:*

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло.* На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р., на мѣс. 1 руб.

„АМУРСКАЯ ГАЗЕТА“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *А. В. Кирхнеръ.* На годъ 9 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 руб.

въ г. *Вильнѣ:*

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р., на мѣс. 1 р.

въ г. *Владивостокѣ:*

„ВЛАДИВОСТОКЪ“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Ремезовъ.* На годъ 11 р. 50 к., на $^1/_2$ года 7 р., на 3 мѣс. 4 р.

„ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Е. А. Панова,* редакторъ *В. А. Пановъ.* На годъ 10 р., на 1/2 года 6 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій.* На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Владикавказѣ:*

„КАЗБЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. І. Казаровъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р.

въ г. *Воронежѣ:*

„ДОНЪ“ (еждневно). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій.* На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Екатеринославѣ:*

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *М. К. Лемке.* Издатель *М. С. Копыловъ.* На годъ 10 р., на 1/2 года 6 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.; за границу на годъ 23 руб., на 1/2 года 12 руб., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

въ г. *Екатеринбургѣ:*

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Пѣвинъ.* На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Иркутскѣ:*

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Казани:*

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ.* Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Керчи:*

„ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Д. Т. Овсѣенко.* Издатель *В. І. Харитонъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Красноярскѣ:*

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Костромѣ:*

„КОСТРОМСКОЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Т. П. Андроникова.* На годъ 4 р. 20 к., на 1/2 года 2 р. 20 к., на 1 мѣс. 50 к.

въ г. *Кронштадтѣ*:

„КРОНШТАДТСКІИ ВѢСТНИКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Ф. Тимофѣевскій*. На годъ 7 р. 50 к., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 85 к.

въ г. *Курскѣ:*

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ*. На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р., 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

въ губ. г. *Минскѣ:*

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. П. Фотинскій*. На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Нижнемъ-Новгородѣ:*

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Г. Н. Казачковъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Одессѣ*:

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ *Н. П. Цакни*. Издатель *І. М. Бейленсонъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлѣ*:

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. И. Аристовъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

à *Paris*:

„LA REVUE“ (Le 1-er le 15 de chaque mois). Directeur *Jean Finot*. Par an 9 roubles. 12, Avenue de l'Opera.

въ г. *Перми:*

„ПЕРМСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). Редакторъ *Функъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„ПЕРМСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ - издатель *С. А. Басовъ*. На годъ 6 р., на 1/2 3 р., 1 мѣс. 60 к.

въ г. *Петербургѣ:*

„РУССКІЙ ВРАЧЪ“ въ память В. А. Манасеина, (еженедѣльно). Редакторы: проф. *В. В. Подвысоцкій* (Одесса) и д-ръ *С. В. Владиславлевъ* (Спб.). На годъ 9 р.

въ г. *Петрозаводскѣ:*

„ОЛОНЕЦКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть. Редакторъ *С. А. Левитскій*. На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р.

въ г. *Ригѣ:*

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *Н. І. Молоствовъ.* Издатель *А. А. Крюгеръ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Ростовѣ на Дону:*

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“ (ежедневно). Редакторъ-изд. *А. Шепкаловъ.* На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. Х. Арутюновъ.* На годъ 9 р. на 1/2 года 5р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Самарѣ:*

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р., 50 к., на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Саратовѣ:*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *П. О. Лебедевъ.* Издатели: *П. О. Лебедевъ* и *И. П. Горизонтовъ.* На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“ (ежедневно). На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Симбирскѣ:*

„СИМБИРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (два раза въ недѣлю). Редакторъ *Д. А. Горчаковъ.* На годъ 3 р., на 1/2 года 1 р. 75 к.

въ г. *Севастополѣ:*

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. М. Спиро.* На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Смоленскѣ:*

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Гулевичъ.* Издательница *Ю. П. Азанчевская.* На годъ 6 р.

въ губ. г. *Ставрополѣ:*

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Д. И. Евсѣевъ.* Издатель *В. В. Беркъ.* На годъ 5 р. 50 к., на 1/2 года 3 р., на 1 мѣс. 60 к.

въ г. *Таганрогѣ:*

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *М. И. Красновъ.* Издатель *К. Д. Чумаченко.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ

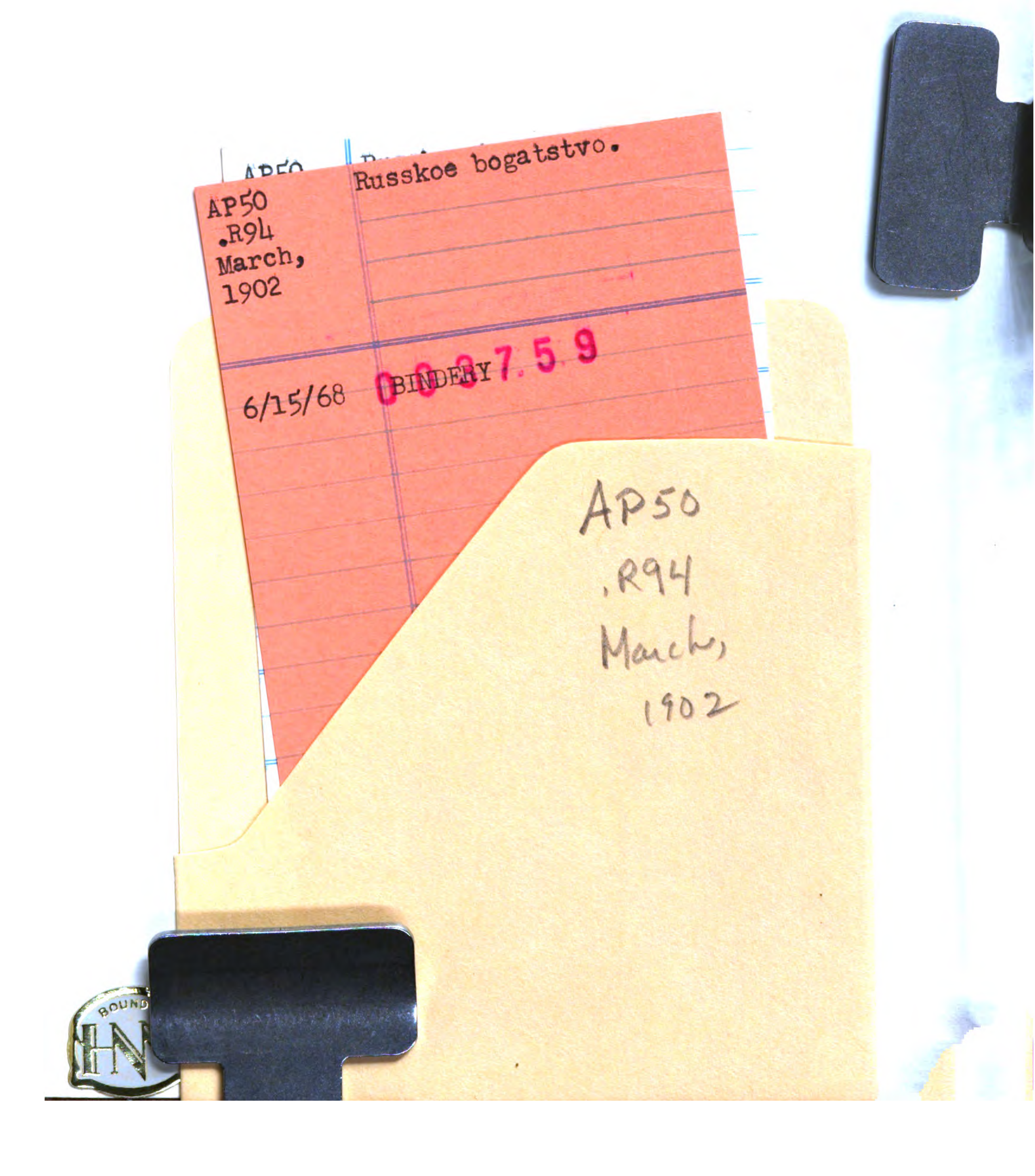
$^1/_2$ ...

г. *Таганрогъ.*

„ТАГАНРОГС...

М. И. Красновъ. Изд...

на $^1/_2$ года 4 р., на 1 ...

AP50
.R94
March,
1902
Russkoe bogatstvo.
6/15/68 BINDERY
0003759
AP50
.R94
March,
1902

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 896